This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

V Econ 1852.8

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

V Econ 1852.8

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

7476-6

Изданіе М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

VODOVOZOV,

Н. Водовозовъ.

ECONOMICHESKIE ETIUDY

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 2 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39.
1907.

Изданіе М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

Н. Водовозовъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна 2 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Большая Подъяческая, 39.
1907.

V Econ 1852.8

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 6 1967

6642 (VGBIL)

Оглавленіе.

	стр.
Шарль Фурье	1
Мальтусъ	87
Ученіе Мальтуса о народонаселеніи	176
Рабочее движеніе въ Бельгіи	247
Къ исторіи идей и партій въ Соединенныхъ Штатахъ	292
Д. И. Писаревъ, какъ экономистъ	322
Культъ Разума и Верховнаго Существа	360
Съ чего начинать изученіе нол. экономіи	385
Кооперативная булочная	407
Экономическія идеи французскихъ католиковъ	415
По поводу статей г. В. В. о народничествѣ	481

Шарль Фурье [1]).

Ни въ обществѣ, ни въ литературѣ нѣтъ вполнѣ установившагося взгляда на Фурье. Одни видятъ въ немъ только безумнаго мечтателя, другіе—выдающагося мыслителя. Одни обвиняютъ его въ безнравственности, другіе называютъ проповѣдникомъ новой, болѣе чистой и совершенной нравственности. Историки-экономисты относятся къ Фурье въ большинствѣ случаевъ крайне неблагосклонно; они ему отказываютъ въ званіи ученаго и помѣщаютъ въ рубрику «утопистовъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе авторы-писатели, какъ Лоренцъ Штейнъ и Милль, даютъ довольно благосклонныя характеристики ученія Фурье.

Если отъ оцѣнки взлядовъ Фурье обратиться къ вопросу объ ихъ исторической роли, то здѣсь окажется уже гораздо больше единодушія въ мнѣніяхъ. Никто не станетъ отрицать, что идеи

---

[1]) При изложеніи ученія Фурье изъ его собственныхъ сочиненій мы руководствовались главнымъ образомъ двумя: *Le nouveau monde industriel et sociétaire.* Besançon, 1828, и *L'Harmonie universelle et le phalanstère. Recueil méthodique de morceaux choisis de l'auteur.* 2 vs. Paris. 1849. Большимъ подспорьемъ служили для насъ также книги В. Консидерана: Destinée sociale. 3 vs. 3-me ed. 1849 и Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les morts, suivi de: Jesus Christ devant les conseils de guerre par V. *Meunier.* 4 tirage. Libr. phalanstèrienne. Paris. 1850.

Приводимъ списокъ лучшихъ статей и книгъ, посвященныхъ Фурье:

— *Louis Reybaud.* „Etudes sur les reformateurs ou socialistes modernes", 2 vs. 7-me ed. Paris, 1864.

— *Ch. Pellarin.* Charles Fourier, sa vie et sa théorie. 2-me ed. Paris, 1843.

— *Bebel.* Charles Fourier. Sein Leben und seine Theorien. Stuttgart 1888.

— *L. Stein.* Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. 2-e Ausgabe. 2 B. Leipzig, 1848.

— *Исаевъ.* Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ. „Юридическій Вѣстникъ", 1848 г., №№ 4 и 5.

— *Dr. Otto Warschauer.* Geschichte des Socialismus und neueren Communismus. Zweite Abth. Fourier und seine Schul

Фурье нашли въ свое время массу горячихъ приверженцевъ, какъ на ихъ родинѣ, такъ и во многихъ другихъ странахъ. Люди, знакомые съ позднѣйшей исторіей этихъ идей, не станутъ оспаривать и того, что они оказали значительное вліяніе на многихъ представителей экономической науки.

Такимъ образомъ совершенно оправдывается тотъ интересъ къ Фурье, который обнаруживается на Западѣ, особенно въ послѣднее время. Доказательствомъ его можетъ служить обширная литература, посвященная изложенію и оцѣнкѣ сочиненій французскаго мыслителя, и между прочимъ появившіяся въ послѣдніе годы слѣдующія, спеціально его касающіяся, книги: *Bebel,* Charles Fourier, sein Leben und seinè Theorien; *D-r Otto Warschauer* Fourier u. seine Schule и Oeuvres choisies de Fourier въ Petite bibliothèqué des économistes Гильомэна.

Но если интересно ученіе Фурье, то такъ же интересна и его жизнь. Простой приказчикъ, собственными силами дополнившій свое крайне скудное формальное образованіе, свободно и съ знаніемъ дѣла трактующій о вопросахъ политическихъ, нравственныхъ и политической экономіи, и наконецъ выступающій реформаторомъ всего общественнаго строя,—явленіе, надо сознаться, совершенно исключительное. Судьба, такого человѣка заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться и задуматься...

Историки-экономисты относятся къ Фурье неблагосклонно, онъ до сихъ поръ фигурируетъ у нихъ подъ именемъ «утописта», да еще особенно утопическаго утописта. Въ обыкновенныхъ изложеніяхъ его идей первое мѣсто занимаютъ всегда пророчества Фурье о будущихъ твореніяхъ въ животномъ мірѣ и о космическихъ перемѣнахъ; затѣмъ идетъ заманчиво-невѣроятное описаніе счастливой жизни въ «Новомъ Мірѣ» и наконецъ случайныя выборки изъ его «психологіи», гдѣ разнымъ страстямъ человѣка придаются какія-то непонятныя, нелѣпыя названія. Заканчивается обыкновенно подобное изложеніе цитатами, изъ коихъ видно, какимъ непомѣрнымъ самомнѣніемъ отличался Фурье и какъ ревниво дорожилъ онъ всѣми мелочами этой своей безсвязной и фантастической системы... Экономическая сторона ученія Фурье, если ей и отводится извѣстное мѣсто, остается такимъ образомъ висящею въ воздухѣ и сводится только къ очень рѣшительнымъ, но совершенно бездоказательнымъ *требованіямъ.*

Знакомясь съ Фурье по такимъ изложеніямъ, читатели заранѣе готовы согласиться съ самыми рѣзкими приговорами на его счетъ, въ особенности когда эти приговоры исходятъ отъ различныхъ и притомъ, повидимому, вполнѣ авторитетныхъ лицъ. Съ полнымъ презрѣніемъ о Фурье говорятъ и Дюрингъ, и Шэфле, и Грюнъ, и Ферразъ, и Лавеле, и Прудонъ; всѣ они склонны въ немъ видѣть фантазера, мечтателя, сумасшедшаго, и ужъ никоимъ образомъ не ученаго экономиста. Конечно, на ряду съ неблагопріятными оцѣнками можно указать и на нѣкоторые благосклонные отзывы, на нѣсколько болѣе или менѣе сочувственныхъ характеристикъ его ученія. Ихъ дѣлали въ Германіи, напр., Лоренцъ Штейнъ, въ Англіи— Дж. Ст. Милль, у насъ въ Россіи — проф. А. Исаевъ. Но двѣ-три благосклонныя оцѣнки тонутъ въ массѣ осужденій, такъ что общее впечатлѣніе получается такое, что экономисты совсѣмъ не желаютъ видѣть въ Фурье своего собрата. Это тѣмъ болѣе выглядитъ такъ, что и до самаго послѣдняго времени Фурье не дождался признанія, и въ наши дни, если встрѣчается гдѣ нибудь упоминаніе о немъ, то это обыкновенно упоминаніе въ насмѣшливомъ или порицающемъ тонѣ. Любопытно, что даже въ новомъ изданіи его избранныхъ сочиненій, которыя составили томикъ въ «Маленькой библіотекѣ экономистовъ» Гильомэна, вступительная статья г. Жида представляетъ собою примѣръ такого же точно насмѣшливо-осуждающаго отношенія. Въ Германіи надъ нимъ издѣвается въ наши дни Гуго Эйзенхартъ въ своей довольно распространенной «Исторіи политической экономіи», у насъ же въ книгѣ г. Щеглова («Исторія соціальныхъ системъ») сдѣлана была даже оригинальная попытка собрать воедино всю брань, какая только сыпалась когда-нибудь на голову Фурье. Самъ авторъ этой quasi-исторіи, изложивши его систему по объясненному выше шаблону, приходитъ къ такому заключенію, рѣзкость котораго равняется только его полнѣйшей неосновательности. «Если Фурье не сумасшедшій, не шарлатанъ», говоритъ г. Щегловъ, «то всѣ чудовищности, высказанныя имъ, не что иное, какъ слѣдствіе теоретическаго изгнанія логики, удаленія ума изъ его собственной, исключительно ему принадлежащей области мысли. Вслѣдствіе чего мысль Фурье дѣйствительно и сполна превратилась въ бредъ, да притомъ въ бредъ съ особеннымъ характеромъ крайней безнравственности, униженія человѣческой природы, низведенія ея на низшія сту-

пени царства животнаго. Система Фурье не можетъ быть превзойдена никакой неблагопріятной оцѣнкой...».

Нечего и говорить, что такъ жестоко осужденный критикой, Фурье не встрѣтилъ къ себѣ безпристрастія и со стороны публики, которая въ отношеніи къ нему раздѣлилась на двѣ неравныя группы: одни, читая его сочиненія, поражались глубиной мысли, увлекались вѣрою автора и дѣлались ревностными адептами новаго ученія, другіе—и такихъ большинство—знакомились съ нимъ по изложеніямъ, смѣялись надъ пророческими крайностями Фурье и не хотѣли признавать за нимъ никакого научнаго значенія. Отдаленность того времени, когда онъ писалъ, и съ тѣхъ поръ подвинувшаяся значительно впередъ экономическая наука позволяютъ намъ теперь отнестись къ Фурье и болѣе безпристрастно, и болѣе справедливо. Тѣмъ не менѣе время всеобщаго признанія, какъ уже сказано, для Фурье еще не наступило. Съ именемъ его еще не связывается сколько-нибудь отчетливаго представленія объ его заслугахъ, тогда какъ каждый хоть въ общихъ чертахъ да знаетъ, что̀ сдѣлали для полит. экономіи Кенэ, Ад. Смитъ, Тюрго, Рикардо, Милль, Карлъ Марксъ. А между тѣмъ значеніе Фурье въ исторіи экономической науки велико и неоспоримо, хоть его роль была и не совсѣмъ такого характера, какъ только что перечисленныхъ нами экономистовъ.

Желая съ своей стороны сдѣлать все для вѣрной оцѣнки Фурье, мы постарались взглянуть на него со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ и въ настоящей статьѣ сдѣлали попытку изложить его идеи въ необходимой связности и полнотѣ. Предпославъ изложенію самой системы нѣкоторые факты изъ жизни Фурье, характерные и для его міровоззрѣнія, и для его нравственной личности, мы въ то же время считали нужнымъ присоединить и такую часть, которая менѣе существенна въ біографіяхъ всѣхъ извѣстныхъ, всѣми признанныхъ ученыхъ. Изложеніе идей Фурье мы заключили ихъ критической оцѣнкой, гдѣ, строго выдѣливъ и осудивъ всю утопическую часть его системы, мы постарались дать вѣрное понятіе объ ея положительной сторонѣ, о руководящихъ принципахъ Фурье и о томъ отношеніи, въ которомъ они находятся къ современному знанію. Смѣемъ надѣяться, что въ такомъ видѣ біографія эта послужитъ къ тому, что наши читатели отдадутъ необходимую дань уваженія французскому мыслителю, не мало потрудившемуся надъ расчищеніемъ поля политической экономіи отъ старыхъ заблуж-

деній и надъ проложеніемъ для нея совершенно новыхъ и дѣйствительно вѣрныхъ путей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родители.—Дѣтство.—Забавы, вкусы, занятія.—Школа. — Путешествія. — Осада Ліона. — Потеря имущества. — Отношеніе къ революціи.—Военная служба.

Шарль Фурье родился въ Безансонѣ 7-го апрѣля 1772 года. Онъ былъ единственнымъ сыномъ и самымъ младшимъ членомъ семьи. Родители его занимались торговлей, промысломъ предковъ, и потому всѣ домашнія традиціи имѣли характеръ исключительно купеческій. Фурье-отецъ пользовался извѣстнымъ уваженіемъ среди мѣстныхъ торговцевъ, что̀ и выразилось между прочимъ въ избраніи его первымъ судьею по торговымъ дѣламъ. Однако ни уваженіе согражданъ, ни должность судьи не помѣшали ему быть человѣкомъ мало образованнымъ и даже не вполнѣ грамотнымъ. Не лучшее образованіе получила и мать Фурье. Выросшая въ купеческой средѣ, она была очень религіозна, очень экономна,—хозяйка въ полномъ смыслѣ этого слова. До насъ дошла нѣкоторая часть ея переписки съ дѣтьми, изъ которой видно, какъ она была разсчетлива въ денежныхъ дѣлахъ и какихъ подробныхъ сообщеній требовала отъ своихъ дѣтей о всѣхъ ихъ, самыхъ мелочныхъ, расходахъ. Особенно возставала она противъ нарядовъ, и это даже служило поводомъ для нѣкоторыхъ раздоровъ въ семьѣ; сестры Фурье любили наряжаться и не упускали случая попросить денегъ у матери на модную шляпку или на новыя ботинки. Въ этомъ маленькомъ расточительствѣ не было, впрочемъ, никакого протеста противъ купеческихъ традицій семьи, которыя въ нихъ какъ разъ выразились съ особенной силой; всѣ три онѣ вышли замужъ за торговцевъ; одна же изъ нихъ имѣла впослѣдствіи даже свой собственный магазинъ.

Шарль Фурье, какъ уже сказано, былъ единственнымъ сыномъ. Это обстоятельство доставляло ему въ семьѣ нѣкоторыя преимущества. Въ то время, какъ его сестры не безъ труда отвоевывали себѣ тѣ или иныя части туалета и видимо вообще

стѣснялись каждымъ сантимомъ, маленькій Шарль располагалъ уже карманными деньгами и тратилъ ихъ довольно свободно на удовлетвореніе своихъ вкусовъ. А вкусы эти, надо сказать, значительно разнились отъ всего, что̀ ожидаешь встрѣтить въ подобной семьѣ. Ребенокъ слабый, болѣзненный, Фурье съ самаго ранняго дѣтства отличался наклонностью къ мечтательности и поэтическимъ увлеченіямъ. Шумныя игры дѣтей привлекали его меньше уединенныхъ занятій музыкой или чтеніемъ книгъ. По свидѣтельству одной изъ его сестеръ, онъ очень рано уже умѣлъ играть на многихъ музыкальныхъ инструментахъ, хотя и дошелъ до этого самъ, ни у кого не учась, никого не разспрашивая. Другою страстью Фурье были цвѣты. Комната его представляла собою настоящую оранжерею: различныя растенія въ необыкновенномъ порядкѣ покрывали и полъ, и окна, для самого же хозяина оставался только небольшой уголокъ:

Любовь къ уединенію и нѣкоторая мечтательность развили въ мальчикѣ сильное воображеніе. Воспитанный религіозно, онъ останавливался не разъ на мысли о загробной жизни, и тогда страшная картина ада въ самыхъ ужасныхъ краскахъ рисовалась передъ его глазами. «Семи лѣтъ», разсказывалъ Фурье впослѣдствіи, «я былъ очень напуганъ горячими угольями и кипящими котлами. Меня постоянно водили на разныя проповѣди и службы, и вотъ, наконецъ. пораженный угрозами проповѣдниковъ и кипящими котлами, не дававшими мнѣ покою по ночамъ, я рѣшилъ покаяться въ цѣлой массѣ грѣховъ, о которыхъ и понятія тогда не имѣлъ, но которые, какъ мнѣ казалось, могъ совершить, самъ не сознавая того. Я думалъ, что лучше преумножить свои грѣхи, чѣмъ опустить хоть одинъ». Фурье разсказываетъ, какъ разсердился священникъ, когда услышалъ, что семилѣтній ребенокъ обвиняетъ себя въ сладострастіи и въ симоніи. Служитель церкви увидѣлъ въ этомъ глупую шутку, намѣренную ложь, чуть только не оскорбленіе самой исповѣди. «Но онъ былъ не правъ», замѣчаетъ Фурье: «не сердиться тутъ нужно было, а смѣяться... Ребенокъ, обвиняющій себя въ симоніи!.. Но еслибъ онъ мнѣ далъ договорить до конца, я бы перечислилъ ему еще всѣ роды преступленій: все, что̀ только находилъ самаго непонятнаго для себя въ катехизисѣ; я рѣшилъ обвинить себя въ чемъ угодно, только бы не пропустить грѣха, который могъ меня ввергнуть въ геенну огненную»...

Было бы ошибочно по этой исповѣди судить о лживости

мальчика и вообще видѣть въ ней что-либо, кромѣ естественнаго продукта болѣзненно-разстроеннаго воображенія. Наклонностью ко лжи Фурье не отличался, хотя мы и встрѣтимся еще съ однимъ случаемъ, когда онъ давалъ о себѣ тоже невѣрныя показанія, даже напротивъ—ненависть къ обману, къ неправдѣ была отличительной чертой его характера. Вотъ, напр., какой эпизодъ изъ его дѣтства сохранился въ памяти его учениковъ, которымъ онъ самъ объ этомъ разсказывалъ. Торговля не могла особенно привлекать маленькаго Фурье, занятаго своими книгами, цвѣтами и музыкой. Но, въ раннемъ дѣтствѣ, онъ интересовался, конечно, и тѣмъ, что̀ дѣлали старшіе, а потому нерѣдко вертѣлся въ магазинѣ отца, смотрѣлъ на покупателей и на торговлю. Разъ какъ-то (ему было тогда всего 5 лѣтъ) онъ увидалъ, что его отецъ кого-то обмѣрилъ; не задумавшись ни на минуту, онъ тутъ же на мѣстѣ раскрылъ весь обманъ. Нечего и говорить, что за такое разоблаченіе онъ поплатился жестоко: отецъ его высѣкъ, да и могъ ли остаться покойнымъ старый торговецъ въ виду такого безпримѣрнаго въ купеческомъ быту проступка!

Все, что мы знаемъ еще о дѣтствѣ Фурье, рисуетъ намъ его очень правдивымъ и добрымъ мальчикомъ. Въ компаніи другихъ дѣтей онъ всегда заступался за болѣе слабыхъ и былъ прекраснымъ, преданнымъ товарищемъ. Видъ нищеты вызывалъ его особенное сочувствіе, выражавшееся иногда въ самой трогательной формѣ. Такъ напр., уходя въ школу, онъ бралъ съ собой завтракъ, но по дорогѣ отдавалъ его одному нищему, никогда и никому объ этомъ не проговариваясь. Только съ отъѣздомъ Фурье изъ Безансона, когда нищій пришелъ узнать о здоровьѣ «маленькаго барина», родители его впервые услышали объ этой постоянной и скромной милостыни.

Школа, которую посѣщалъ Фурье въ Безансонѣ, дала ему, повидимому, не слишкомъ много; наряду съ обязательными уроками, которые онъ отбывалъ вообще очень успѣшно, даже съ наградами, мы видимъ постоянно самостоятельныя и очень усидчивыя занятія. Эта особенная пытливость дѣтскаго ума заслуживаетъ быть отмѣченной здѣсь потому, что въ окружающей средѣ она не могла найти себѣ никакой поддержки: родители Фурье желали воспитать въ своемъ единственномъ сынѣ отнюдь не ученаго, но купца, преемника всѣхъ ихъ торговыхъ операцій. А между тѣмъ склонности мальчика были совсѣмъ не практиче-

скаго характера: онъ обладалъ богатыми математическими способностями, изучалъ логику, географію, физику, пописывалъ также стихи. Покончивъ съ безансонскою школою, ему хотѣлось поступить въ инженерное училище; нужно думать, что страсть къ географіи и математическія способности побудили его избрать именно это учебное заведеніе. Оказалось однако, что купеческое происхожденіе Фурье становилось на дорогѣ его намѣренію: въ инженерное училище принимались тогда только дворянскія дѣти. Правда, дворянство въ то время покупалось за деньги, но разсчетливая г-жа Фурье не согласилась на просьбы сына, находя этотъ расходъ совершенно излишнимъ.

Приходилось стать за прилавокъ.

Отецъ Фурье умеръ, когда самому ему было лишь 9 лѣтъ. Въ завѣщаніи, оставленномъ имъ послѣ смерти, онъ распредѣлилъ свое имущество между дѣтьми такъ, что $^2/_5$ получалъ сынъ, а три дочери получали каждая по одной пятой части. Распоряженіе имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей ввѣрялось матери, которая и занялась торговлей, но, не рѣшаясь брать на себя всей отвѣтственности, вступила въ торговое товарищество со своимъ шуриномъ. Сдѣлка эта оказалась чрезвычайно невыгодной, черезъ нѣсколько лѣтъ ее пришлось расторгнуть, и долго послѣ того семья Фурье тягалась по судамъ съ своимъ родственникомъ, чтобы заставить его вознаградить причиненные ей убытки. Разстроенныя семейныя дѣла вынуждали молодого Фурье тотчасъ же по окончаніи школы приняться за добываніе средствъ. Выбора не было: торговля представлялась единственнымъ выходомъ. Къ счастью, однако, торговля повернулась къ нему сначала болѣе привлекательной своей стороной: она дала возможность Фурье удовлетворить практически свою страсть къ географіи.

18-ти лѣтъ мы застаемъ его въ Ліонѣ, куда онъ уѣхалъ по настоянію матери учиться торговлѣ у одного богатаго купца. Но здѣсь онъ остается не долго: желаніе увидѣть новыя мѣста, узнать другихъ людей побудило Фурье перемѣнить патрона, и вотъ въ послѣдующіе годы мы видимъ его странствующимъ по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Франціи: онъ то въ Руанѣ, то въ Ліонѣ, то въ Марсели, то въ Бордо. Въ своихъ скитаніяхъ молодой провинціалъ не могъ не заглянуть и въ столицу. Парижъ произвелъ на него самое сильное впечатлѣніе. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ описываетъ его своей матери: «Вы

спрашиваете, пришелся ли мнѣ по вкусу Парижъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Онъ великолѣпенъ; такъ что даже и я, который не легко поддаюсь удивленію, я былъ просто очарованъ, увидѣвъ Палэ-Рояль. Въ первый разъ кажется, что входишь въ жилище фей. Здѣсь есть все, чего только можно пожелать: прекрасныя постройки, зрѣлища, мѣста для прогулокъ, выставки модъ,—все, чего душа проситъ... Можно сказать, что это самое пріятное мѣсто, какое только существуетъ на свѣтѣ!»

Не удовольствовавшись одною Франціей, Фурье предпринялъ и нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ. Онъ посѣтилъ многіе города Германіи, Бельгіи, Голландіи, причемъ останавливался подольше въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ что-нибудь привлекало его особенное вниманіе. Не слѣдуетъ думать, что это были обыкновенныя увеселительныя поѣздки, къ которымъ его побуждало простое любопытство: въ большинствѣ случаевъ Фурье разъѣзжалъ по порученію тѣхъ торговыхъ домовъ, въ которыхъ служилъ и которые, кстати сказать, онъ перемѣнялъ очень часто. Свои обязанности приказчика Фурье выполнялъ вполнѣ добросовѣстно—объ этомъ мы имѣемъ письменное удостовѣреніе отъ одного изъ его патроновъ. «Увѣряю Васъ, сударыня», писалъ одинъ ліонскій торговецъ его матери, «что нѣтъ ничего равнаго доброму характеру вашего сына: онъ деликатенъ, честенъ и образованъ. Во всѣхъ моихъ поѣздкахъ онъ мнѣ доставлялъ самое большое удовольствіе.» Однако занятіе торговлей и сопряженные съ нею разъѣзды, служа для Фурье постояннымъ источникомъ его матеріальныхъ средствъ, имѣли и другое, болѣе важное значеніе въ его жизни. Здѣсь пріобрѣлъ Фурье тѣ богатыя свѣдѣнія въ области архитектуры и географіи, которыми впослѣдствіи онъ поражалъ учениковъ, здѣсь же онъ изучилъ въ деталяхъ торговое дѣло и такимъ образомъ былъ основательно подготовленъ къ критикѣ той торговли, которой онъ явился въ своихъ сочиненіяхъ самымъ ожесточеннымъ врагомъ. Вотъ почему для будущаго творца «Новаго Міра» годы странствованія были въ то же время и годами ученія.

1793-й годъ застаетъ Фурье въ Ліонѣ. Онъ закупаетъ здѣсь партію колоніальныхъ товаровъ, повидимому, для своего семейнаго безансонскаго магазина. Какъ извѣстно, именно въ этомъ году городъ Ліонъ оказалъ сопротивленіе революціонному правительству и вытерпѣлъ сначала продолжительную осаду, а затѣмъ суровую расправу со стороны уполномоченныхъ Кон-

вента. Фурье пережилъ это тяжелое время вмѣстѣ со всѣми обывателями Ліона и на ряду съ ними принималъ участіе въ защитѣ города. Нѣсколько разъ онъ былъ на волоскѣ отъ смерти: послѣ одной вылазки ему удалось вернуться съ поля битвы только съ очень немногими товарищами. А въ это время, когда онъ самъ защищалъ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, его товары служили для той же цѣли: тюки его хлопка нагромождались баррикадами у городскихъ воротъ, а сахаръ, чай, рисъ и другіе съѣстные припасы служили для подкрѣпленія раненыхъ. Сопротивленіе Ліона не привело ни къ чему: городъ былъ взятъ, и многіе изъ тѣхъ, кто избѣжалъ смерти въ сраженіяхъ, были теперь казнены, какъ мятежники. Въ числѣ другихъ арестовали и Фурье: ему также угрожала смертная казнь, и только какая-то удачная выдумка спасла его жизнь. «Каждый изъ насъ», писалъ онъ впослѣдствіи, «чтобы спасти себя, не задумывался лгать революціонному комитету. Что касается меня лично, то въ одинъ день я обманулъ три раза комитетъ и тѣхъ, кто у меня дѣлалъ домовый обыскъ. Въ одинъ этотъ день я три раза избѣжалъ гильотины и думаю, что поступилъ хорошо, какъ бы о томъ ни судили господа моралисты».

Выпущенный послѣ того на свободу, онъ снова былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней и на этотъ разъ для своего освобожденія долженъ былъ пожертвовать карманными часами и богатой коллекціей картъ, которою онъ очень дорожилъ. Въ Безансонѣ, куда Фурье поспѣшилъ бѣжать изъ Ліона, ему опять не повезло: мѣстная полиція нашла неисправными его бумаги и заключила его въ тюрьму впредь до разъясненія дѣла. Не желая безпокоить семью, Фурье объ этомъ никому не далъ знать и проводилъ свое время въ заточеніи, играя на скрипкѣ и на гитарѣ. Однако слухъ объ его арестѣ распространился все же по городу, и тогда одинъ вліятельный родственникъ Фурье поспѣшилъ выхлопотать ему освобожденіе.

Не дешево обошлось Фурье это ліонское возстаніе. Кромѣ личныхъ передрягъ, которыя оно ему доставило, все его имущество погибло во время осады: онъ былъ разоренъ въ конецъ. Нѣкоторые позднѣйшіе критики видятъ въ этомъ основную причину враждебнаго отношенія Фурье къ революціи. Мы думаемъ однако, что факты не подтверждаютъ такой догадки. Свое несчастіе Фурье переносилъ необыкновенно благодушно, и послѣ, находясь въ очень стѣсненныхъ условіяхъ, онъ ни-

когда не жаловался на свое разореніе. Ученики его до самой его смерти такъ и не узнали, что когда-то онъ былъ состоятельнымъ купцомъ и затѣмъ потерялъ свое имущество благодаря политическимъ неурядицамъ. Что же касается того осужденія, съ которымъ онъ относился къ революціи, то причина его лежитъ гораздо глубже. Вполнѣ раздѣляя демократическіе принципы 1789-го года, Фурье въ то же время былъ ярымъ противникомъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ дѣлаетъ безпрестанныя оговорки, что осуществленія иного, лучшаго строя жизни слѣдуетъ ждать не отъ торжества силы, но отъ торжества разума. Къ нему въ этомъ случаѣ какъ нельзя лучше приложимы слова Огюста Конта, поставленныя имъ во главѣ своей книги: «L'amour pour principe, l'ordre pour base et le progrès pour but» [1]). Таково было его глубокое убѣжденіе, вытекавшее изъ всего склада его ума, изъ всего характера, а не изъ случайныхъ внѣшнихъ событій. Послѣдователи Фурье остались вѣрны мирнымъ завѣтамъ своего учителя, и никто лучше Консидерана не выразилъ этой существенной черты всего ученія. „Грубая сила", говоритъ онъ, „служила закономъ для варварскаго состоянія общества: идея права и любви—вотъ святая, непобѣдимая сила грядущаго міра. Ея день приближается: свѣтъ, одинъ только свѣтъ разгонитъ всѣ призраки"...

Съ освобожденіемъ Фурье изъ безансонской тюрьмы его мытарства однако еще не окончились. Какъ разъ къ этому времени подоспѣлъ знаменитый указъ Конвента отъ 23-го августа 1793 года. „Съ этого момента", гласитъ § I указа, „вплоть до того времени, когда враги будутъ изгнаны съ территоріи нашей республики, всѣ французы призываются къ постоянной службѣ въ войскахъ. Молодые люди отправятся въ битву, люди женатые станутъ ковать оружіе и доставлять провіантъ, женщины приготовятъ палатки, одежды, сами будутъ служить въ лазаретахъ, дѣти употребятъ на корпію свое старое бѣлье, старики заставятъ себя перенести на площади, чтобы тамъ своимъ словомъ возбуждать храбрость воиновъ и проповѣдывать ненависть къ царямъ [2]) и единство республики». Фурье, какъ „молодой че-

---

[1]) „Любовь въ качествѣ принципа, порядокъ въ качествѣ основанія и прогрессъ въ качествѣ цѣли!"

[2]) Здѣсь разумѣются очевидно „цари", составлявшіе тогда коалицію противъ французской республики.

ловѣкъ", былъ завербованъ въ дѣйствущую армію и сталъ служить рядовымъ въ отрядѣ конныхъ стрѣлковъ.

Невольно дивишься, на какія странныя противорѣчія наталкиваетъ иногда дѣйствительность! Убѣжденный противникъ торговли, Фурье занимался ею почти до конца своей жизни, проповѣдникъ мира, любви и согласія, онъ долженъ былъ поступить въ дѣйствующую армію послѣ того, какъ принялъ участіе въ братоубійственной войнѣ... Это ли не жестокая иронія судьбы! И тѣмъ не менѣе самъ Фурье безропотно покорился своей участи: новыя свои обязанности онъ сталъ исполнять такъ же усердно, какъ прежде исполнялъ обязанности приказчика. Полтора года военной службы установили за нимъ репутацію добраго солдата и доставили со стороны начальства письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ служилъ «достойно и честно» (il s'est toujours conduit avec honneur er probitè).

Въ 1795-мъ году, получивъ отпускъ, Фурье вернулся и къ своей торговлѣ, и къ своимъ научнымъ занятіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Духъ изобрѣтеній.—Литературные опыты.—„Теорія четырехъ движеній".—Смерть матери.—Первый ученикъ.—Дальнѣйшія сочиненія.—Распространеніе фурьеризма.—Неудавшійся фаланстеръ.

Прежде чѣмъ перейти къ тому періоду жизни Фурье, въ которомъ онъ является передъ нами въ качествѣ реформатора общественнаго строя или «творца соціальной системы», какъ его называли ученики, посмотримъ сначала, какимъ образомъ совершилось это любопытное превращеніе простого приказчика въ литератора и ученаго. Въ дѣйствительности тутъ не было никакого скачка, никакого рѣзкаго перелома: съ одной стороны, какъ это мы отчасти уже и видѣли, Фурье никогда не былъ только приказчикомъ, съ другой—онъ не прекратилъ своихъ торговыхъ занятій даже и тогда, когда его главной заботой стало распространеніе извѣстной доктрины. Въ годы юности, во время своей службы въ торговыхъ домахъ, онъ не удовлетворялся тѣмъ обязательнымъ дѣломъ, которое ему поручали, но вдумчиво, внимательно разсматривалъ всѣ окружающія явленія. Однимъ наблю-

деніемъ, однимъ изученіемъ не исчерпывалась еще однако вся его умственная дѣятельность. Встрѣчая тѣ или иныя несовершенства въ наукѣ или въ общественной жизни, Фурье не ограничивался простымъ констатированіемъ или порицаніемъ ихъ. Критика вообще неспособна была его удовлетворить. Это былъ умъ по преимуществу творческій, разрушавшій только для того, чтобы созидать нѣчто новое, умъ, который не остается въ покоѣ ни на минуту, но такъ и брызжетъ всевозможными открытіями, проектами, усовершенствованіями!..

Конечно, главныя заслуги Фурье относятся къ тому времени, когда ему было уже 36 лѣтъ: тогда именно онъ выпустилъ свое большое изслѣдованіе—«Théorie des quatre mouvements», положившее основаніе всему его общественно-экономическому ученію. Въ виду этой книги и тѣхъ идей, которыя онъ въ ней развиваетъ, все, что Фурье создалъ до того времени, представляется второстепеннымъ и малозначительнымъ. Но если будущій историкъ отмѣтитъ на этомъ основаніи только названное его сочиненіе и еще нѣкоторыя позднѣйшія, то намъ, задавшимся цѣлью прослѣдить жизнь Фурье, не внѣшнюю только жизнь, конечно, но главнымъ образомъ его духовное развитіе, намъ невозможно обойти молчаніемъ и самыя первыя стадіи его умственной дѣятельности. Присматриваясь къ нимъ, видишь наглядно, какъ долго оригинальный умъ Фурье искалъ себѣ надлежащей дороги, и какъ сначала онъ постоянно сворачивалъ въ разныя стороны, повсюду оставляя слѣды своей проницательности и своей необыкновенной творческой силы.

Мы знаемъ, что Фурье любилъ музыку. Увлеченіе это было настолько серьезно, что онъ не удовольствовался умѣньемъ играть на различныхъ инструментахъ, но принялся и за теоретическое изученіе этого искусства. Его особенное вниманіе привлекла къ себѣ практиковавшаяся тогда, довольно сложная система нотописанія. Вникнувъ въ дѣло, Фурье замѣтилъ, что она можетъ быть значительно упрощена, и съ этою цѣлью предложилъ другую, имъ самимъ придуманную систему. Теперь она уже устарѣла, конечно, и никакого значенія не имѣетъ, тѣмъ не менѣе для того времени его систему нотописанія нельзя не признать извѣстнымъ шагомъ впередъ. Болѣе важное усовершенствованіе, но уже совсѣмъ въ иной области, предложилъ Фурье нѣсколько лѣтъ спустя, когда ему пришла мысль объ устройствѣ деревянныхъ сначала, а потомъ и металличе-

скихъ рельсъ. Надо вспомнить, что въ то время не существовало еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни такъ называемыхъ конокъ, рельсовый путь былъ совершенно неизвѣстенъ. Инженеры, къ которымъ обратился Фурье съ своимъ предложеніемъ, нашли его совершенно невыполнимымъ и даже посмѣялись надъ молодымъ изобрѣтателемъ, а между тѣмъ какъ продуктивна оказалась эта простая мысль, когда ее привели въ исполненіе!

Впослѣдствіи, находясь въ различныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни, Фурье то и дѣло подавалъ проекты тѣхъ или иныхъ преобразованій; такъ, напр., результатомъ его службы въ милиціи явилась записка, касавшаяся военнаго дѣла. Она была подана правительству и вызвала отвѣтъ, подписанный Карно; въ немъ говорится, что замѣчанія гражданина Фурье о мѣрахъ для болѣе быстраго передвиженія войска привлекли къ себѣ особенное вниманіе и были приняты съ благодарностью. А эта записка, по словамъ біографа Фурье, была только однимъ обрывкомъ его широкаго плана, касавшагося и продовольствія, и внутренней организаціи войска. Вскорѣ послѣ того, въ 1797 году, Фурье ѣдетъ въ Парижъ, чтобы представить правительству проектъ болѣе значительныхъ и уже не однихъ военныхъ преобразованій. Со своими мыслями Фурье ознакомилъ сначала одного депутата; тотъ ихъ однако нашелъ непрактичными, непреложимыми въ настоящее время. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, что это былъ за проектъ, какія преобразованія въ немъ предлагались; надо думать, что въ немъ уже заключились въ зародышѣ идеи, развитыя Фурье впослѣдствіи въ одно стройное и грандіозное цѣлое. На это намекаютъ слова упомянутаго депутата, который, ознакомившись съ предложеніями Фурье, назвалъ ихъ «слишкомъ отличными отъ общепринятыхъ взглядовъ и отъ основъ существующаго порядка».

Въ послѣдующіе годы Фурье не оставляетъ своихъ литературныхъ занятій: въ ліонскихъ журналахъ того времени можно найти нѣсколько стихотвореній и нѣсколько статей, подписанныхъ его иниціалами. Въ статьяхъ обсуждались по большей части различныя злобы дня или мѣстныя нужды. Иной характеръ имѣетъ только небольшой, но чрезвычайно любопытный политическій трактатъ подъ названіемъ: «Континентальный тріумвиратъ». «Эта статья», говоритъ ученикъ и біографъ Фурье, г. Пелларэнъ, «замѣчательная по своему предчувствію готовящагося униженія Пруссіи и Австріи, а также заключительнаго

соперничества Россіи съ Франціей, написана безъ всякихъ околичностей, увѣреннымъ тономъ человѣка, который знаетъ, о чемъ говоритъ». Статья обратила на себя вниманіе самого императора, и онъ приказалъ навести справки объ ея авторѣ. Ему отвѣчали, что это простой приказчикъ, человѣкъ далекій отъ политики и совсѣмъ не свѣдущій въ ней. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Въ 1808-мъ году появилось первое большое сочиненіе Фурье. Полное его названіе таково: «Théorie des quatre mouvements et des destinées génerales. Prospectus et Annonce de la Découverte".—A Leipsig. 1808. «Теорія четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ. Проспектъ и анонсъ открытія». Помѣтка «Лейпцигъ» сдѣлана была изъ цензурныхъ соображеній, на самомъ же дѣлѣ книга отпечатана въ Ліонѣ. Какъ она писалась, сколько времени обдумывалъ Фурье свое произведеніе,—объ этомъ мы не знаемъ ничего вѣрнаго. Выпуская впослѣдствіи собраніе сочиненій Фурье, ученики его объ этой книгѣ сообщали только то, что она должна была составить первый томъ обширной работы, задуманной приблизительно на восемь томовъ. Самъ авторъ остался недоволенъ своимъ «проспектомъ» и даже впослѣдствіи всегда вспоминалъ о немъ неохотно. Невыгодное впечатлѣніе производитъ книга и на посторонняго читателя; всѣ недостатки Фурье сказались здѣсь какъ-то особенно ярко, а всѣ достоинства его остались скрыты, благодаря запутанности и многимъ странностямъ изложенія. Надо замѣтить, что сочиненія Фурье отличаются вообще значительнымъ несовершенствомъ формы, такъ что неподготовленный читатель одолѣетъ ихъ только съ большимъ трудомъ. Дорожа каждой мелочью придуманнаго имъ плана, Фурье въ его изложеніи постоянно сбивается въ сторону, останавливается подолгу на многихъ деталяхъ и тѣмъ только затемняетъ свою главную мысль. Мѣткій въ отдѣльныхъ характеристикахъ, вдохновенный при изображеніи Новаго Міра, проницательный въ своемъ психологическомъ анализѣ, Фурье не имѣлъ, къ сожалѣнію, чисто-литературнаго дара; въ особенности не давались ему единство, цѣльность всей книги. Подраздѣляя свое сочиненіе на главы и рубрики, нагромождая параграфы на параграфы, онъ надѣялся такимъ образомъ придать изложенію особенную ясность, а вмѣсто того получалась еще большая спутанность. Къ этому у него присоединялась сначала замѣтная недостаточность доказательствъ. Дѣй-

ствуя преимущественно на чувство читателей, Фурье очень заботился о красотѣ и привлекательности своихъ предложеній и часто совсѣмъ игнорировалъ тѣ возраженія, которыя ему могли быть сдѣланы менѣе увлекающимися людьми. А самъ онъ, напротивъ увлекался до того, что сулилъ въ Новомъ Мірѣ поистинѣ невѣроятныя вещи, способныя вызвать улыбку и въ самыхъ благосклонныхъ читателяхъ. Все это вмѣстѣ взятое въ соединеніи съ дидактическимъ и нѣсколько самоувѣреннымъ тономъ, особенно сильно сказавшимся въ его первомъ трудѣ, сдѣлало то, что онъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ и со стороны критики не встрѣтилъ ни малѣйшаго вниманія. Объясняя первую неудачу Фурье изъ самыхъ свойствъ его книги, мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы она дѣйствительно заслуживала такого фіаско. Совсѣмъ напротивъ: каковы бы ни были ея литературные и иные недостатки, во всякомъ случаѣ «Теорія четырехъ движеній» представляетъ собой въ высшей степени замѣчательную книгу и сама по себѣ и какъ «анонсъ» системы Фурье, впослѣдствіи имъ только нагляднѣе и полнѣе разработанной.

О фактахъ внѣшней и внутренней жизни Фурье за время, предшествовавшее изданію его первой книги и непосредственно слѣдовавшее затѣмъ, мы знаемъ очень немногое. Свѣдѣнія, сообщенныя о Фурье его сестрою, обрываются какъ разъ на этомъ времени, когда онъ долженъ былъ значительно отдалиться отъ семьи и отъ семейныхъ дѣлъ; позднѣе они возобновятся еще ненадолго, но это уже будетъ только нѣсколько отрывочныхъ, случайныхъ сообщеній. Другой, и самый важный, источникъ для біографіи Фурье, разсказы учениковъ и его переписка съ ними, для означеннаго періода, въ которомъ Фурье является еще безвѣстнымъ прожектеромъ, авторомъ никѣмъ не читаемой, незаконченной книги, не даетъ намъ также никакихъ указаній. Имѣя въ виду нѣкоторыя случайныя упоминанія въ его сочиненіяхъ, а также догадки г. Пелларэна, слѣдуетъ думать, что писаніе статей въ журналахъ и наконецъ изданіе отдѣльной книги нисколько не измѣнили образа жизни Фурье. Попрежнему онъ занимается торговлей, служитъ приказчикомъ въ различныхъ домахъ и по ихъ порученію предпринимаетъ заграничныя поѣздки. Въ одномъ изъ его позднѣйшихъ сочиненій упоминается мелькомъ, что именно около этого времени онъ между прочимъ посѣтилъ Швейцарію. Желая имѣть больше досуга для своихъ литературныхъ занятій, Фурье мѣняетъ обя-

занности приказчика на должность непатентованнаго маклера. Служба эта по своему характеру ничѣмъ не отличалась отъ обычной маклерской службы, вся разница состояла лишь въ томъ, что непатентованный маклеръ не имѣлъ преимуществъ правительственнаго утвержденія; это не мѣшало однако большимъ торговымъ домамъ постоянно пользоваться его услугами для своихъ нуждъ. Впослѣдствіи посредники этого рода подверглись строгому запрещенію со стороны закона и вынуждены были прекратить свое существованіе. Но тогда, во времена Фурье, непатентованные маклеры были еще въ большомъ ходу, а ихъ профессія считалась вполнѣ законной и кромѣ того довольно прибыльной.

Такимъ образомъ, раздѣленная между торговой конторой и рабочимъ кабинетомъ, протекала мирная, однообразная жизнь Фурье. Ни политическія событія, ни треволненія личной жизни не вторгались въ его уединенныя занятія. Только одинъ фактъ извнѣ долженъ былъ нѣсколько нарушить этотъ обычный покой: умерла мать Фурье. Въ послѣднее время своей жизни она была очень озабочена литературными занятіями сына: ея религіозное чувство обезпокоили слухи о вольнодумномъ содержаніи «Теоріи четырехъ движеній». Сама она, конечно, не читала этой книги, но услыхала о ней черезъ какихъ-то родственниковъ или знакомыхъ. Если и позднѣе Фурье обвиняли не разъ въ безбожіи и богохуленіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что тѣ же подозрительныя сомнѣнія были высказаны и его набожной матери ея услужливыми друзьями. Потерявъ уже всякое вліяніе на своего взрослаго сына, она не стала дѣлать ненужныхъ и для нихъ обоихъ тягостныхъ попытокъ вернуть его на путь истинный, но зато втайнѣ тосковала и безпокоилась. Видя непрактичное направленіе его занятій и желая чѣмъ-нибудь выразить свою материнскую заботливость, она сдѣлала въ пользу Фурье завѣщаніе, по которому другія ея дѣти, три дочери, обязывались уплачивать своему брату ежегодную пенсію въ 900 франковъ.

Похороны матери, дѣла по наслѣдству, а позднѣе еще продажа семейнаго дома должны были неоднократно вызывать Фурье въ Безансонъ. Вѣроятно, это его нѣсколько сблизило съ сестрами, потому что одну зиму затѣмъ мы видимъ его проводящимъ не въ Ліонѣ, какъ прежде, а въ одной деревушкѣ въ гостяхъ у сестры. Впрочемъ, что касается пенсіи, то вѣрнѣе

будетъ, кажется, предположить, что она выдавалась ему не долго, во всякомъ случаѣ не пожизненно, какъ того желала мать. По крайней мѣрѣ и на этотъ разъ въ жизни Фурье ничего не измѣнилось, и онъ попрежнему продолжалъ зарабатывать себѣ необходимыя средства занятіями въ торговыхъ домахъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ эпоху «ста дней», положеніе его временно и радикально улучшилось. Благодаря покровительству своего вліятельнаго однофамильца, графа Фурье, назначеннаго Наполеономъ префектомъ Роны, онъ былъ поставленъ во главѣ одного провинціальнаго статистическаго бюро. Но это возвышеніе его было столь же кратковременно, какъ и торжество императора: вмѣстѣ съ паденіемъ Наполеона ему снова пришлось вернуться къ своимъ обычнымъ торговымъ дѣламъ.

Какъ ни великъ былъ неуспѣхъ «Теоріи четырехъ движеній», а все же книга эта не осталась безъ вліянія и на дальнѣйшую литературную дѣятельность самого Фурье, и на распространеніе его идей среди публики. Неудача всегда поучительна; она-то и объяснила Фурье необходимость болѣе систематическаго и доказательнаго изложенія его «соціальной системы». Новое сочиненіе носилось уже въ его головѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его безпокоила мысль о томъ препятствіи, которое стояло на пути къ опубликованію этого сочиненія: у Фурье не было средствъ, необходимыхъ для изданія книги. По счастью, на выручку явилось неожиданное, но очень важное въ его жизни событіе. Въ 1814 году «Теорія четырехъ движеній» попала въ руки одному просвѣщенному, энергичному и умному человѣку, Жюсту Мюирону (Just Muiron). Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о немъ, какъ о личности, выдающейся по своимъ умственнымъ качествамъ. Это была одна изъ тѣхъ ищущихъ свѣта натуръ, которыя не довольствуются традиціонными рѣшеніями соціальныхъ вопросовъ, но съ увлеченіемъ хватаются за всякія новыя системы и оставляютъ ихъ не прежде, какъ совершенно извѣрившись въ ихъ обѣщанія. «Теорія четырехъ движеній» поразила Жюста Мюирона новизною и смѣлостью нѣкоторыхъ мыслей, и съ этихъ поръ Фурье пріобрѣлъ себѣ самаго преданнаго ученика, которому онъ затѣмъ былъ очень много обязанъ и матеріальной, и нравственной поддержкой. Глухота молодого прозелита вызвала необходимость писанныхъ разговоровъ его съ учителемъ даже въ то время, когда они бывали

вмѣстѣ, и эта обширная переписка, свидѣтельствующая объ установившихся между ними самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, служитъ теперь весьма важнымъ подспорьемъ для знакомства съ міровоззрѣніемъ Фурье.

Новое двухтомное сочиненіе Фурье, «Traité de l'Association domestique-agricole» («Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи»), изданное при матеріальномъ содѣйствіи Мюирона, представляетъ собой самое полное изложеніе системы Фурье. Предъ его первою книгой оно имѣетъ преимущество большей убѣдительности и цѣльности; выгоды общественной организаціи промышленности изложены здѣсь болѣе обстоятельно, критика современнаго строя отличается большей доказательностью. Но при всемъ томъ «Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи» не избавленъ все таки и отъ утопической стороны; обѣщанія въ будущемъ новыхъ животныхъ твореній и космическихъ перемѣнъ не только не исчезли въ новомъ трудѣ, но приняли здѣсь еще болѣе фантастическую и грандіозную форму. При такихъ условіяхъ книга не прошла уже незамѣченной критикой, но встрѣтила съ ея стороны самую жестокую насмѣшку. Удивляться этому нечего,—многое въ книгѣ Фурье дѣйствительно такъ и напрашивалось на иронію, а то глубокое и новое, что въ ней заключалось, не легко было понять тогдашнимъ профессіональнымъ «критикамъ». Но и публика отнеслась къ книгѣ нисколько не болѣе сочувственно. Фурье принялъ нѣкоторыя мѣры для искусственнаго распространенія своего «Трактата»: онъ разослалъ его многимъ выдающимся людямъ того времени, ученымъ, писателямъ и государственнымъ дѣятелямъ, но эта попытка не привела ни къ чему. Въ лучшемъ случаѣ онъ получалъ благосклонный отвѣтъ (какъ напр. отъ извѣстнаго англійскаго филантропа Оуэна), но ни отъ кого ему не удалось получить серьезной поддержки своимъ предложеніямъ. Исключеніемъ можетъ служить только пріобрѣтеніе двухъ-трехъ молодыхъ прозелитовъ: то были Кларисса Вигуре (Vigoureux), своимъ изящнымъ, краснорѣчивымъ перомъ принесшая значительную пользу тому дѣлу, которому стала служить, богатый Греа (Gréa), и раньше, и впослѣдствіи ссужавшій Фурье средствами на изданіе его сочиненій, и наконецъ нѣсколько позже—Викторъ Консидеранъ (Considerant), тогда еще молодой человѣкъ,

только что кончившій инженерное училище, впослѣдствіи же самый талантливый и видный представитель фурьеризма.

Съ этихъ поръ вокругъ Фурье группируется небольшая кучка приверженцевъ, нѣкоторая школа, разросшаяся благодаря его новымъ сочиненіямъ и усиленной пропагандѣ первыхъ Апостоловъ. Съ этихъ поръ Фурье уже не одинъ, онъ чувствуетъ поддержку въ окружающихъ близкихъ людяхъ, онъ видитъ, что дѣло его не погибнетъ и съ удвоенной силой принимается за обработку своей системы. Не въ этомъ еще однако, не только въ той нравственной поддержкѣ, которую оказали ему ученики, заключается все ихъ значеніе. Ученики Фурье не были его слѣпыми послѣдователями, его оруженосцами, которые безъ критики довѣряютъ всему, что онъ «самъ сказалъ». Это были напротивъ люди независимаго ума и большихъ, разносторонныхъ познаній; становясь подъ знамя «соціальной системы», они не утрачивали ни извѣстной самостоятельности, ни индивидуальныхъ отличій въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ своемъ учителѣ они видѣли великаго человѣка, великаго изобрѣтателя, но не безгрѣшнаго прорицателя истины. Вотъ почему, принимая одну сторону въ ученіи Фурье, они иногда не соглашались съ другою [1]), вотъ почему вслѣдствіе общенія съ ними и самъ Фурье подвергалъ критикѣ, а иногда и смягченію нѣкоторыя части своей системы.

Постояннымъ полемъ для столкновеній учениковъ и учителя служила *космогонія* Фурье, его ученіе о будущихъ твореніяхъ. Ученики желали ея полнаго устраненія, причемъ ссылались на то вредное дѣйствіе, которое она имѣетъ на читателей, отталкивая ихъ своими крайностями отъ болѣе существенной части ученія. Фурье и самъ не могъ этого не видѣть, а потому готовъ былъ согласиться въ виду практическихъ соображеній выбросить за бортъ фантастическую часть Новаго Міра. На этомъ условіи Греа предлагалъ средства для изданія новаго «проспекта», долженствовавшаго удовлетворять обычнымъ понятіямъ публики. Не довѣряя однако сдержанности Фурье, съ него взяли слово, что рукопись книги будетъ отдана Греа на предварительный просмотръ. Недовѣріе учениковъ имѣло свое основаніе. Фурье повидимому вполнѣ

---

[1]) Это относится, конечно, не ко всѣмъ безусловно, въ особенности не къ позднѣйшимъ ученикамъ Фурье. Мы здѣсь имѣемъ въ виду болѣе всего Греа, Мюирона и Консидерана.

проникся ихъ убѣжденіемъ, и самъ говорилъ объ этомъ въ совершенно спокойномъ тонѣ: «Ваши письма заключаютъ въ себѣ совѣты, которые я уже взвѣсилъ заранѣе и которые мнѣ не трудно выполнить посредствомъ сочиненьица, своею формою соотвѣтствующаго вкусамъ публики и выполняющаго всѣ условія, предложенныя вами, г. Греа и многими другими». Эти дружескіе совѣты Фурье не безъ легкой ироніи формулируетъ себѣ въ такія правила поведенія:

„Избѣгать всякихъ побочныхъ отступленій, всякихъ сопоставленій съ заблужденіями науки, всякихъ экскурсій въ сторону отъ главной задачи.

Слѣдовать общепринятому методу и не употреблять ни одного слова, не одобреннаго Академіей, ни одного малоупотребительнаго оборота.

Щадить философію (философовъ) и предоставить ей (имъ) извѣстную часть пирога.

И наконецъ сдѣлать мое сочиненьице и главную суть ученія доступными для пониманія женщинъ 20 лѣтъ и школьниковъ 12...»

Къ сожалѣнію, Фурье только наполовину выполнилъ эти условія, не подчинился цензурѣ своихъ учениковъ и разошелся съ Греа. Выпущенная имъ затѣмъ книга: «Nouveau Monde industriel et sociétaire», («Новый Міръ промышленный и общественный») носитъ на себѣ замѣтные слѣды нѣкоторой сдержанности, но все же не совсѣмъ свободна отъ космогоническихъ крайностей. Во всякомъ случаѣ это лучшее, самое систематическое и умѣренное изложеніе ученія Фурье, сдѣланное имъ самимъ. «Nouveau Monde» можетъ быть рекомендовано тѣмъ, кто пожелаетъ познакомиться съ «соціальной системой» изъ самыхъ первыхъ рукъ ея основателя.

Вслѣдъ за изданіемъ этой книги, популяризація и пропаганда идей Фурье переходитъ уже въ руки его учениковъ. Въ 1824 году, слѣдовательно, еще до появленія «Новаго Міра», Жюстъ Мюиронъ сдѣлалъ первую попытку въ особой книжкѣ, ясно и просто написанной, изложить систему Фурье наиболѣе доступнымъ образомъ. Впослѣдствіи такого рода изложенія стали появляться въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ, распространяя въ публикѣ знакомство съ основными положеніями Фурье. Самымъ лучшимъ популяризаторомъ оказался Консидеранъ. Въ 1830-мъ году онъ помѣстилъ свою первую

статью въ «Mercure de France», затѣмъ въ 1832-мъ вмѣстѣ съ Мюирономъ и упомянутой выше Клариссой Вигуре предпринялъ изданіе еженедѣльнаго фурьеристическаго журнала «Le phalanstère» и наконецъ выпустилъ цѣлую книгу—«Destinée sociale», гдѣ наши читатели, не затрудняя себя изученіемъ многословныхъ и спутанныхъ сочиненій Фурье, могутъ почерпнуть самое вѣрное и самое отчетливое понятіе о «соціальной системѣ», и гдѣ глубина мысли учителя счастливо сочеталась съ блестящимъ литературнымъ талантомъ ученика.

Мы не станемъ перечислять другихъ сочиненій изъ обширной фурьеристической литературы, не станемъ слѣдить далѣе за судьбой фурьеристическихъ журналовъ, то падавшихъ, то возникавшихъ съ особеннымъ успѣхомъ; достаточно будетъ сказать, что школа Фурье проявила, особенно послѣ смерти ея руководителя, необыкновенную энергію, она явила собою примѣръ того страстнаго увлеченія извѣстной идеей, доходившаго подчасъ до фанатизма и нетерпимости, какихъ не много въ наше трезвое время, увлеченія, соединявшаго фурьеристовъ въ тѣсную секту на подобіе тѣхъ, которыя нѣкогда возникали, боролись и умирали на почвѣ древней Іудеи. Эта новая школа приложила отъ себя всѣ старанія, чтобы доставить торжество дорогимъ ей идеямъ и дѣйствительно сдѣлала то, что онѣ съ необыкновенною силой распространились по всему міру, коснувшись между прочими странами также и Россіи... Да, фурьеристы сдѣлали все съ своей стороны, не ихъ вина, если крайнее увлеченіе одной части общества вызвало протестъ другой, протестъ, выразившійся въ придиркахъ къ пророческимъ крайностямъ Фурье, въ искаженіи нѣкоторыхъ сторонъ его ученія и въ невѣжественномъ глумленіи надъ тѣмъ, что въ дѣйствительности заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія. Не ихъ вина также и въ томъ, что прогрессъ экономической науки, выдвинувъ новые факты и новыя обобщенія, устранилъ систему Фурье, какъ таковую. Но ихъ заслуга, что пропагандой этого ученія они подрывали вѣру въ авторитетъ установившихся мнѣній и посѣвали идеи, изъ коихъ нѣкоторыя явились прекраснымъ наслѣдіемъ всему позднѣйшему и даже нашему времени.

А самъ Фурье съ того времени, какъ ученики взялись за распространеніе его идей, ничего существеннаго и новаго не прибавлялъ уже больше къ своей «соціальной системѣ». Его

литературная дѣятельность съ этихъ поръ обратилась или къ совсѣмъ постороннимъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, или къ разъясненію нѣкоторыхъ подробностей своего плана, или наконецъ къ отстаиванію отъ всякаго смѣшенія его съ другими, распространенными тогда, соціальными ученіями. Въ послѣднемъ смыслѣ интересна его брошюра подъ названіемъ: «Pièges et charlatanisme des sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrès». Paris. 1831. («Уловки и шарлатанство послѣдователей Сенъ-Симона и Оуэна, обѣщающихъ ассоціацію и прогрессъ»). Ученіе самого Фурье, какъ это мы увидимъ ниже, съ ученіемъ Сенъ-Симона имѣло нѣкоторыя точки совпаденія и тѣмъ не менѣе по всему своему духу и характеру расходилось съ нимъ самымъ существеннымъ образомъ. Видя въ распространеніи сенсимонизма опасную конкурренцію для своихъ собственныхъ идей, Фурье обратился къ критикѣ въ общемъ несимпатичнаго ему направленія и проявилъ здѣсь дѣйствительно большую силу и проницательность. Полемика его носила правда черезчуръ ужъ острый характеръ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ грѣшила и противъ справедливости, но все же нужно отмѣтить ту заслугу Фурье, что онъ съумѣлъ подмѣтить главную ошибку сенсимонизма—его реакціонное положеніе въ вопросѣ объ отношеніи труда къ капиталу, и заклеймить его въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Вотъ характерная выдержка изъ его частной переписки по этому поводу: «Еслибы порядокъ, рекомендуемый сенсимонистами, въ дѣйствительности осуществился, то нельзя было бы быть увѣреннымъ, что результатомъ этого явилось бы улучшеніе судьбы рабочаго класса. Единственнымъ вѣрнымъ послѣдствіемъ было бы то, что въ какое-нибудь полустолѣтіе всякая собственность: земля, капиталы и фабрики—сосредоточилась бы въ рукахъ священниковъ новаго типа. А захвати только сенсимонисты все это въ свои руки, — и они начнутъ обращаться съ народомъ, какъ обращались съ нимъ всѣ теократы, начиная съ жрецовъ Египта и Индіи вплоть до римской куріи, которая всѣмъ завладѣваетъ въ Римѣ, все дѣлаетъ своей монополіей. А вѣдь Апостолы и ихъ преемники такъ же точно *все* обѣщали народу...» Какъ доказательство того, что его критика сенсимонизма попадала дѣйствительно въ цѣль, надо привести тотъ любопытный фактъ, что два видныхъ представителя этого ученія, Лешевалье и Абель Трансонъ, подъ вліяніемъ доводовъ

Фурье отказались отъ своихъ взглядовъ и сдѣлались его ревностными послѣдователями.

Помимо полемики съ сенсимонизмомъ Фурье въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни писалъ статьи по самымъ различнымъ вопросамъ и помѣщалъ ихъ частью въ журналѣ, основанномъ Консидераномъ, частью въ безансонской газетѣ: «Impartial». О послѣдней надо сказать, что это былъ органъ умѣренно-либеральной оппозиціи, самъ предложившій Фурье постоянное сотрудничество. Отношенія, установившіяся между нимъ и редакціей провинціальной газеты чрезвычайно характерны. Съ самаго начала Фурье сдѣлалъ ей такое заявленіе: «моя манера—не служить отголоскомъ того, что говорится всѣмъ свѣтомъ... Ничего приторнаго, ничего льстиваго. Статьи, подкрѣпленныя фактами и вѣскими соображеніями, гдѣ я не буду потворствовать ни партіи либеральной, ни абсолютизму—вотъ мое обыкновеніе»... Редакція въ принципѣ ничего не имѣла ни противъ такой «манеры», ни противъ такого «обыкновенія», но когда Фурье сталъ присылать свои откровенныя, грубоватыя, лишенныя всякой дипломатіи статьи,—между нимъ и газетой стали возникать недоразумѣнія. Иначе и быть не могло, потому что въ либеральномъ изданіи Фурье выступилъ съ осужденіемъ конституціонализма, не обезпечившаго, по его мнѣнію, благосостоянія рабочаго класса; въ газетѣ, получавшей субсидію отъ мѣстныхъ купцовъ, онъ сталъ нападать на торговлю и на ея представителей. Въ этомъ сказалась та обычная прямота, то отвращеніе къ компромиссамъ, которыя составляли отличительную черту его характера: подлаживаться къ людямъ Фурье не умѣлъ, онъ не умѣлъ даже высказывать свое убѣжденіе не цѣликомъ, а только вполовину. Сообщая въ редакцію свои замѣчанія по поводу тѣхъ или иныхъ статей, помѣщенныхъ въ томъ же «Impartial'ѣ», онъ всегда возставалъ противъ всякой двусмысленности, неясности, нерѣшительности. Одинъ разъ ему пришлось высказаться и по совершенно личному поводу; онъ сдѣлалъ это опять же съ своей обычной прямотой. Гордясь своимъ сотрудникомъ, а можетъ быть также и для того, чтобы придать вѣсъ тѣмъ его статьямъ, которыя касались нѣкоторыхъ мѣстныхъ нуждъ, редакція провинціальной газеты намекнула однажды на безансонское происхожденіе и на самую личность Фурье, писавшаго до тѣхъ поръ только за подписью своихъ иниціаловъ; Фурье остался недоволенъ разобла-

ченіемъ и строго потомъ выговаривалъ, что публикѣ, читающей его статьи, нѣтъ дѣла до его личности и до его происхожденія. Это нежеланіе говорить о себѣ самомъ, о своей частной жизни, эта личная скромность были также постоянной особенностью Фурье; весь погруженный въ міръ идей, онъ былъ выше чисто личныхъ интересовъ, и если искалъ популярности, то не для себя, а только для своихъ убѣжденій. Намъ придется еще говорить объ этомъ подробнѣе.

Чтобы покончить съ послѣднимъ періодомъ литературной дѣятельности Фурье, надо сказать, что подъ конецъ своей жизни онъ сталъ всего чаще и всего охотнѣе останавливаться не на теоретической сторонѣ своего ученія, а на его практическомъ примѣненіи. Добиваясь осуществленія своихъ проектовъ, онъ обращался къ государственнымъ людямъ, къ ученымъ, къ богачамъ и къ правительству. Въ 1830-мъ году онъ подаетъ докладъ тогдашнему министру общественныхъ работъ, доказывая всю выгоду предложенной имъ организаціи промышленности; нѣсколько лѣтъ спустя старается привлечь на свою сторону Гизо и Тьера, посылаетъ книги Казиміру Перье, Лафитту, почему-то даже лэди Байронъ, женѣ поэта, а, наконецъ, дѣлаетъ попытку, безплодную, какъ и всѣ прежнія, заинтересовать своимъ планомъ и самого короля, Луи Филиппа... Помощь, которой онъ ждалъ съ этой стороны, не приходила. Но зато одинъ изъ его учениковъ послѣдняго времени, Болэ-Дюларю, попробовалъ сдѣлать то, чего Фурье такъ долго и такъ упорно добивался отъ всѣхъ богатыхъ или власть имущихъ людей,—онъ попробовалъ осуществить на дѣлѣ совѣты Фурье и организовать по его плану общественно-хозяйственную колонію. Съ этою цѣлью Болэ-Дюларю пріобрѣлъ 500 гектаровъ земли и было приступлено уже къ сооруженію на ней всѣхъ необходимыхъ построекъ. Недостатокъ средствъ въ соединеніи съ неопытностью самихъ предпринимателей привели къ неудачѣ этотъ первый опытъ фурьеристической общины. Фурье былъ чрезвычайно огорченъ такимъ результатомъ. Глубоко убѣжденный въ выгодахъ своего плана, онъ послѣ страдалъ всякій разъ, когда встрѣчалъ возраженіе, что испробованный на дѣлѣ планъ его оказался неосуществимымъ...

Послѣднія минуты старика-Фурье были отравлены этой несчастной попыткой...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домашняя жизнь Фурье: одиночество, бѣдность, торговыя занятія.—Наружность Фурье и его характеръ.—Начитанность.—Энтузіазмъ въ работѣ.—„Exegi monumentum aere perennius!"—Смерть.

Чѣмъ больше знакомишься съ біографіей Фурье, тѣмъ больше поражаешься тѣмъ полнѣйшимъ контрастомъ, который представляютъ собой его жизнь въ дѣйствительности и жизнь, рисовавшаяся его воображенію для Новаго Міра. Въ фаланстерахъ, говоритъ Фурье, всѣ члены общины соединяются узами любви и дружбы и будутъ трудиться въ группахъ избранныхъ лицъ, а въ настоящей жизни самому Фурье выпалъ на долю совсѣмъ обратный жребій: рано оставивъ семью, до самой старости онъ прожилъ одиноко, холостякомъ, и только въ послѣдніе годы жизни встрѣтилъ сочувствующихъ себѣ людей. Тамъ, въ Новомъ Мірѣ, и самый трудъ перестанетъ быть тягостнымъ бременемъ, онъ сдѣлается привлекательнымъ, соотвѣтствующимъ наклонностямъ каждаго работника,—а до тѣхъ поръ Фурье гнетъ свою спину надъ рабочей конторкой, добывая насущныя средства трудомъ не только непривлекательнымъ, но прямо ему антипатичнымъ. Всѣ потребности въ одеждѣ, въ пищѣ, въ комфортѣ удовлетворяются съ избыткомъ въ предполагаемыхъ общинахъ, но въ городѣ Парижѣ самому изобрѣтателю этихъ общинъ приходится ютиться въ жалкихъ мансардахъ, экономя и дорожа каждымъ франкомъ.

Все, что мы знаемъ объ обязательныхъ занятіяхъ Фурье въ различныхъ торговыхъ домахъ, заставляетъ насъ только дивиться, какъ при той массѣ времени, которую они у него поглощали, какъ находилъ онъ еще возможнымъ писать свои обширные литературные труды. Въ его письмахъ къ ученикамъ мы постоянно встрѣчаемъ упоминанія о томъ, что вотъ неожиданно прибавившаяся работа заставляетъ его повременить со статьей или книгой, что послѣ занятій въ такомъ-то торговомъ домѣ у него едва хватаетъ времени заняться какимъ нибудь дѣломъ для себя. 54-хъ лѣтъ уже онъ работаетъ въ одной англійской конторѣ, и такъ сообщаетъ объ этомъ еще до поступленія туда: «Вы удивляетесь, что я ничего не говорю о нашемъ большомъ

дѣлѣ? Это не оттого, чтобы мой трудъ не подвигался впередъ: теперь я уже на тридцатой главѣ изъ всѣхъ 36-ти; но мнѣ придется работать въ томъ домѣ, куда я поступаю 1-го мая, съ 10 часовъ утра до 5 дня, за что я, можетъ быть, и получать буду даже въ самый первый годъ—1.200 франковъ...» Съ 10 часовъ утра до 5-ти, значитъ ежедневно 7 часовъ обязательнаго труда; и послѣ этого еще писаніе книги въ 36 главъ! А каково вознагражденіе? «Можетъ быть 1.200 фр. даже въ первый годъ». Цифра, очевидно представлявшаяся Фурье необыкновенно значительной, откуда слѣдуетъ заключить, что раньше онъ получалъ и еще того меньше.

Насколько плохо обезпечивалъ его весь этотъ тяжелый и усиленный трудъ, всего лучше видно уже изъ того, какую скромную жизнь долженъ былъ онъ вести повсюду, куда его забрасывала судьба. Въ воспоминаніяхъ о Фурье немалое мѣсто занимаетъ всегда описаніе его особливо бѣдной обстановки, а изъ его собственныхъ писемъ мы узнаемъ, что, напр., нанимая себѣ комнату въ Безансонѣ, онъ выбираетъ самую дешевую, за 11 франковъ въ мѣсяцъ (при чемъ говоритъ, однако, о какихъ-то ея преимуществахъ предъ комнатой болѣе дорогою), и прибавляетъ: «экономія выходитъ въ 9 франковъ,—а я вѣдь не Крезъ...» О какихъ-нибудь удовольствіяхъ, которыя бы доставлялъ себѣ Фурье, живя въ Парижѣ, кромѣ удовольствій даровыхъ, представляемыхъ созерцаніемъ уличной жизни, мы ничего не знаемъ, а ужъ если бы они были, ученики Фурье, собравшіе не мало мелочныхъ фактовъ для характеристики его вкусовъ, не замедлили бы, конечно, сообщить съ достаточной полнотой. Тутъ стоитъ отмѣтить только совершенно невинное и ничего не стоившее ему удовольствіе, заключавшееся въ посѣщеніи военныхъ парадовъ. Фурье любилъ наблюдать порядокъ и стройность во всѣхъ полковыхъ маневрахъ: онъ даже въ своихъ сочиненіяхъ ссылается не разъ на армію, какъ на примѣръ образцовой организаціи (конечно, только въ смыслѣ порядка). Представленіе объ удовольствіяхъ какъ-то и не вяжется даже съ замкнутымъ, скромнымъ образомъ жизни Фурье. Въ гости онъ ходить не любилъ, его самого посѣщали очень немногіе. Въ послѣдніе годы, когда его имя стало нѣсколько популярнѣе, нашлось не мало людей, которые пожелали видѣть у себя за столомъ «творца соціальной системы»; но онъ неохотно и рѣдко принималъ такія приглашенія: чувство соб-

ственнаго достоинства не позволяло ему быть участникомъ даровыхъ трапезъ парижскихъ меценатовъ.

Лишенія, которыя ему приходилось пережить, всѣ несчастія и неудачи Фурье переносилъ совершенно безропотно. Мы уже говорили, что онъ, напр., и не подумалъ разсказать своимъ ученикамъ о томъ, какъ потерялъ все имущество послѣ осады Ліона; точно такъ же поступалъ онъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ: его ученики не слышали отъ него жалобъ на какія-нибудь неудобства въ домашней личной жизни. Если онъ и жаловался когда, то это исключительно на невниманіе къ его идеямъ, на неизвѣстность, въ которой такъ долго пребывала его соціальная система. «Какъ ни велико было несоотвѣтствіе, продолжавшееся всю его жизнь», говоритъ Пелларэнъ, «несоотвѣтствіе между мыслью Фурье и тѣми низменными (vulgaires) занятіями, которыми онъ былъ всегда порабощенъ, мы не слыхали отъ него ни одной жалобы въ этомъ направленіи. Ни одинъ такого рода намекъ не примѣшивается къ упрекамъ, на которые онъ вообще не скупился для современнаго поколѣнія за то, что оно не пожелало провѣрить и испытать на дѣлѣ пользу открытія, указывающаго человѣчеству широкій путь къ соціальному счастью.

Нуждаясь самъ, Фурье, тѣмъ не менѣе, находилъ возможнымъ помогать еще и другимъ. Помощь эта бывала часто нематеріальнаго свойства: совѣтами, хлопотами, но иногда и просто деньгами. И надо сказать, что онъ *умѣлъ* помогать, умѣлъ это дѣлать деликатно, не задѣвая самолюбія тѣхъ, кто къ нему обращался за помощью. О добротѣ, объ отзывчивости его характера свидѣтельствуютъ единогласно всѣ, знавшіе этого исключительно-добраго человѣка. Мы не имѣемъ возможности перечислять здѣсь отдѣльные факты, рисующіе прекрасныя душевныя качества Фурье. Ограничимся только тѣмъ, что приведемъ изъ книги Пелларэна двѣ характеристики Фурье, сдѣланныя тотчасъ послѣ его смерти: въ нихъ интересно описаніе и его наружности, и того впечатлѣнія, которое онъ производилъ на собесѣдниковъ.

Первая характеристика принадлежитъ одной женщинѣ, которая была хорошо знакома съ Фурье въ послѣдніе шесть лѣтъ его жизни. «Сѣдые, нѣсколько вьющіеся волосы»,—пишетъ она,—«представляли собой точно бѣлую корону на его большой, но пропорціонально сложенной головѣ; его голубые глаза, проницательные и глубокіе, бросали взглядъ, суровая

энергія котораго предупреждала о такомъ же характерѣ его рѣчи. Его немного горбатый носъ дополнялъ впечатлѣніе тонкихъ губъ и такого разрѣза рта, который говоритъ о разнообразныхъ и сильныхъ страстяхъ. Все его лицо, открытое и производящее впечатлѣніе, гдѣ выражались ясно живость ума и сила генія вмѣстѣ съ глубоко заложеннымъ негодованіемъ и полнымъ спокойствіемъ снаружи, съ самаго перваго взгляда выдавало въ немъ человѣка, состоящаго во враждѣ съ своимъ вѣкомъ, но отмѣченнаго перстомъ Божьимъ для грядущихъ столѣтій. Такимъ именно, въ соединеніи съ привлекательностью истинно-хорошаго человѣка, Фурье и являлся тѣмъ, кто его понималъ и любилъ... Его горячая, оживленная бесѣда, все разъяснявшая, на все дававшая отвѣты, привѣтливость, выражавшая его дѣйствительное чувство, благосклонность и снисходительность, прямо вытекавшія изъ глубины его генія,—все это тысячью блестящихъ чертъ отражало его безконечныя совершенства»...

Столь же характерное описаніе сдѣлано было въ «Siècle» однимъ журалистомъ, André Debrieu: «Фурье»,—читаемъ мы здѣсь,—«былъ небольшого роста, худощавый старикъ съ лбомъ, какой имѣлъ Сократъ: всѣ высшія способности его ума и сердца выражались въ чертахъ его лица и въ безукоризненномъ контурѣ головы... Въ его глазахъ, гдѣ постоянно блестѣлъ какой-то рѣшительный, глубоко-интеллигентный огонекъ, гдѣ отчаяніе непризнаннаго философа просвѣчивалось сквозь постоянныя размышленія экономиста, можно было прочесть столько горя, столько настойчивости, столько благородства, что еще прежде, чѣмъ узнаешь его ближе, уже нисколько не сомнѣваешься въ его геніи».

Для довершенія внѣшняго облика Фурье мы приведемъ еще свидѣтельство Пелларэна о его манерѣ говорить: «Фурье не обладалъ блестящимъ краснорѣчіемъ, но его выраженія бывали всегда правильны, точны и энергичны. Ничего придуманнаго, торжественнаго, ничего ораторскаго, такъ сказать, не было въ его пріемахъ; но простота его рѣчи, этотъ тонъ добродушія, такъ поражавшій контрастомъ съ величіемъ самой идеи, увѣренность, съ которою онъ говорилъ о результатахъ своей системы, производили впечатлѣніе даже на умы наиболѣе скептическіе». При такихъ условіяхъ Фурье являлся пріятнымъ собесѣдникомъ, умѣвшимъ и забавлять, и воодушевлять всякое общество, въ которомъ ему только приходилось бывать. Со

своими учениками онъ былъ поучителенъ, съ дамами любезенъ и разговорчивъ, съ людьми ему противныхъ взглядовъ находчивъ и убѣдителенъ въ критикѣ, съ низшими себѣ—простъ, а вообще со всѣми посѣтителями, со всѣми окружающими—внимателенъ и ласковъ.

Что дѣлало особенно интересной бесѣду съ Фурье, такъ это то, что онъ былъ человѣкъ глубоко и разносторонне образованный. Многочисленныя цитаты въ его сочиненіяхъ показываютъ, что ему одинаково были знакомы писатели настоящаго времени и писатели древности, національные и чужестранные. Поэтовъ онъ, повидимому, предпочиталъ прозаикамъ, а между поэтами тѣхъ, которые описывали людскіе пороки. Его любимцами были Горацій, Мольеръ, Лафонтенъ и въ особенности Вольтеръ. Научная литература была не чужда ему также, хотя, относясь отрицательно къ философіи и къ политической экономіи того времени, онъ изучалъ охотнѣе тѣ отрасли знанія, которыя онъ называлъ точными и единственно вѣрными: анатомію, химію, астрономію, словомъ, науки естественныя въ широкомъ смыслѣ этого слова. Это книжное образованіе расширялось еще большимъ жизненнымъ опытомъ Фурье: путешествія дали ему вѣрныя свѣдѣнія объ экономической и общественной жизни различныхъ народовъ, его обязательныя занятія помогли понять самую суть торговаго дѣла, а частые разговоры съ людьми всевозможныхъ профессій (Фурье любилъ побесѣдовать и съ прислугой, и съ работникомъ, и съ садовникомъ) раскрыли ему интересы трудящихся классовъ. Вотъ почему мы думаемъ, что Фурье былъ, что называется, во всеоружіи знанія, когда въ своихъ сочиненіяхъ онъ выступилъ съ критикой современнаго ему общественно-экономическаго строя.

Какъ работалъ Фурье? Въ трудѣ онъ былъ очень усидчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько прихотливъ. Заниматься долго однимъ и тѣмъ же дѣломъ, читать все время одну и ту же книгу онъ не любилъ, и потому старался постоянно чередовать нѣсколько различныхъ занятій. Страсть къ разнообразію была сильно развита у Фурье,—недаромъ эту страсть и въ своей психологіи онъ помѣстилъ въ числѣ трехъ главныхъ страстей человѣка, назвавши ее оригинальной кличкой—papillone (отъ слова papilion—бабочка). Любя порядокъ, онъ, прежде чѣмъ приступить къ писанію извѣстной статьи или книги, составлялъ себѣ подробный планъ всей предстоящей работы, гдѣ съ не-

обыкновенной точностью заранѣе уже намѣчалъ количество главъ, страницъ и параграфовъ. Вотъ почему онъ могъ на вопросы учениковъ о томъ, какъ двигается работа, отвѣчать съ поразительной точностью. «готово 30 главъ изъ 36-ти», или «всего написано $^{14}/_{30}$ книги». Писалъ Фурье въ большихъ тетрадяхъ съ обложками различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, причемъ и тутъ особенно внимательно слѣдилъ за порядкомъ: тетрадки слѣдовали другъ за дружкой въ той строгой послѣдовательности, въ какой различные цвѣта располагаются въ солнечномъ спектрѣ.

Такая причудливость, такое изысканное вниманіе къ внѣшности не мѣшали Фурье увлекаться и воодушевляться своей работой. Въ разгарѣ творчества онъ приходилъ въ экстазъ, писалъ быстро и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Занятый извѣстной идеей, Фурье работалъ непрерывно, не ложась спать иногда даже по нѣскольку ночей подрядъ. На улицѣ въ періоды такого опьяненія работой онъ не переставалъ обдумывать свое произведеніе и, незамѣтно для самого себя, усиленно размахивалъ руками, все время что-то бормоча себѣ подъ носъ. Экспансивность эта привлекала вниманіе прохожихъ, а уличные мальчишки слѣдовали по его пятамъ и издѣвались безжалостно надъ нашимъ, черезчуръ увлекавшимся, философомъ.

Воодушевленіе, съ которымъ Фурье писалъ свои книги, сказалось въ нихъ болѣе, чѣмъ замѣтно. И его слогъ, и его изложеніе носятъ характеръ чрезвычайной экзальтаціи. Проникнутый своими идеями, Фурье только ихъ и видѣлъ передъ собой, подчасъ совсѣмъ забывая о читателяхъ, о томъ впечатлѣніи, которое они могутъ вынести изъ его словъ, забывая и о доказательствахъ, ненужныхъ ему самому и столь необходимымъ для нихъ. Отсюда проистекаетъ то несоотвѣтствіе, которое является иногда между настроеніемъ самого автора и настроеніемъ его читателя: одинъ забывается до галлюцинацій, другой не можетъ отдѣлаться отъ ироніи.

Въ чувствѣ, охватывающемъ сильно и неожиданно, въ порывѣ творчества—всегда есть что-то таинственное, неясное. Въ холодной работѣ ума нѣтъ мѣста ничему безсознательному, здѣсь все наглядно, все видно, все понятно,—такъ кажется по крайней мѣрѣ самому человѣку; а вдохновеніе? имѣетъ ли оно какіе-нибудь законы, откуда пришло и почему явилось? Откуда эти мысли, которыя подсказало возбужденное чувство? Отвѣтъ бы-

ваетъ часто нѣсколько мистическаго характера. Фурье казалось, что самъ Богъ вдохновляетъ его умъ, вкладываетъ въ голову мысли и посылаетъ проповѣдывать людямъ. Его рѣчь получала оттого какъ бы пророческій характеръ, вѣра въ истину своихъ словъ доходила до фанатизма, и онъ восклицалъ въ порывѣ экстаза: «Вы довѣряетесь руководству философовъ, которые хотятъ подчинить себѣ Божество, присваивая его высшую функцію и претендуя регулировать общественное движеніе. Чтобы покрыть ихъ стыдомъ, Богъ допустилъ человѣчеству купаться въ крови въ теченіе 23-хъ вѣковъ существованія науки, допустилъ ему снизойти до самой глубины нелѣпостей, несчастья и преступленій. И вотъ, наконецъ, чтобъ довершить позоръ этихъ современныхъ титановъ, Богъ захотѣлъ ихъ видѣть пораженными изобрѣтателемъ, чуждымъ науки, онъ захотѣлъ, чтобы теорія всемірнаго движенія досталась въ руки человѣка почти необразованнаго. Это простой приказчикъ, который уничтожаетъ цѣлыя библіотеки политическихъ и этическихъ трудовъ, постыдный плодъ древняго и новаго шарлатанства. Что же, это не въ первый разъ, что Богъ прибѣгаетъ къ человѣку низкому (humble), чтобы принизить гордаго, выбираетъ человѣка темнаго, чтобы повѣдать міру самую важную вѣсть!..»

Но если Фурье самъ называетъ себя человѣкомъ «темнымъ» и съ преувеличенной скромностью говоритъ о томъ, что онъ чуждъ науки, то тѣмъ болѣе зато его «соціальное открытіе» возвышаетъ его въ своихъ собственныхъ глазахъ.

«Я одинъ»,—говоритъ онъ,— «заклеймилъ двадцать вѣковъ политическаго безумства, и одному мнѣ обязаны всѣ настоящія и будущія поколѣнія началомъ ихъ безконечнаго счастья. До меня человѣчество потеряло тысячи лѣтъ, безумно сражаясь съ природой; я первый покорился ей и изучилъ тяготѣніе, единый источникъ всѣхъ ея велѣній... Обладатель книги судебъ, я поспѣшилъ разсѣять политическія и нравственныя потемки и на развалинахъ невѣрныхъ знаній водрузить ученіе о всеобъемлющей гармоніи...

«Exegi monumentum aere perennius!»

Надъ Фурье уже много смѣялись по поводу его преувеличеннаго мнѣнія о своихъ заслугахъ. Да и дѣйствительно пожалуй довольно странно, какъ-то неловко и стыдно читать тирады въ родѣ только что нами приведенныхъ или тѣхъ, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Ньютономъ и при этомъ себѣ отдаетъ

предпочтеніе. Для насъ просто невозможно то безусловное довѣріе къ его идеямъ, котораго онъ такъ настойчиво требуетъ; намъ кажется это только смѣшной претензіей, точно такъ же какъ и его горделивое состязаніе съ Ньютономъ. А то, что обыкновенный, непреубѣжденный читатель сочтетъ, быть можетъ только самоувѣренностью и самомнѣніемъ, чѣмъ-то смѣшнымъ и несимпатичнымъ, то враждебными Фурье критиками подхвачено было, какъ настоящая манія величія, какъ безумная idée fixe.

На насъ самихъ, на пишущаго эти строки, хвастливыя тирады ученаго мечтателя производятъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Познакомившись съ жизнью Фурье и съ его характеромъ, мы убѣдились, какъ простъ и скроменъ онъ былъ въ сношеніяхъ съ людьми, какъ никогда, ни при какомъ удобномъ случаѣ не проявлялъ передъ ними своего самомнѣнія. Не естественно ли было бы ему, кажется, при его якобы заносчивомъ мнѣніи о себѣ самомъ, заноситься въ самовосхваленіи и предъ своими учениками или даже въ особенности передъ учениками? Въ дѣйствительности, между тѣмъ, мы видимъ какъ разъ обратное: ученики Фурье особенно настойчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ съ ними, какъ нельзя болѣе, скроменъ. И какъ бы придирчиво ни отнеслись мы къ его характеру, къ его образу жизни и къ обращенію съ людьми, нигдѣ не найдемъ мы ни одной черты, говорящей о какой нибудь маніи величія. Вотъ почему, когда Фурье сравниваетъ себя съ Ньютономъ и требуетъ мѣста среди величайшихъ умовъ всѣхъ временъ, мы видимъ въ этомъ не пустое самовосхваленіе и подчеркиваніе не столько своихъ заслугъ, сколько важности самаго открытія, которое удалось сдѣлать ему, человѣку, какъ говорилъ онъ, «темному», «чуждому наукъ». А что онъ такъ высоко оцѣнивалъ свое «открытіе», въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Попробуемъ стать на его точку зрѣнія.

Ньютонъ открылъ законъ тяготѣнія, управляющій движеніемъ міра физическаго, а онъ, Фурье, законы движенія соціальнаго, непреложно дѣйствующіе въ мірѣ человѣческихъ обществъ. Важно, необходимо знать первое, но развѣ не важнѣе, не необходимѣе, не насущнѣе намъ узнать второе?! Въ первомъ случаѣ мы удовлетворяемъ правда, своей пытливости, двигаемъ впередъ науку, получаемъ новое оружіе въ борьбѣ съ природой, въ другомъ зато мы дѣлаемъ крупный шагъ, мы приближаемся

рѣшительно къ самой цѣли всей нашей жизни,—къ созданію на землѣ полнаго счастья для всѣхъ ея обитателей... А если все это такъ, если дѣйствительно отношеніе между двумя открытіями таково, какъ же слѣдуетъ цѣнить тогда заслуги его, Фурье, какъ нужно поклоняться ему, творцу соціальной системы?..

Пророки древности, когда они, проникшись своею вѣрою, проповѣдывали ее передъ людьми, любили называть себя посланниками неба, сынами Божіими. Ученіе, которое казалось имъ спасительнымъ, высокимъ, приподнимало ихъ надъ людьми и возносило на небо. Бросимъ ли мы въ нихъ за это камнемъ, назовемъ ли ихъ сумасшедшими или шарлатанами? или мы скорѣе поймемъ, что человѣкъ, который, какъ ему кажется, держитъ въ рукахъ спасеніе всего человѣчества,—человѣкъ не отъ міра сего, что его вѣра—не хитрый обманъ, его самомнѣніе—не мелкое тщеславіе какой нибудь выскочки, parvenu? Время пророковъ, намъ скажутъ, уже давно миновало, а между тѣмъ, какъ оказывается, оно миновало еще не вполнѣ, и Шарль Фурье являетъ намъ примѣръ пророка 19-го столѣтія. Чувство высокое, гуманное чувство стояло у него впереди логической работы ума (какой странный примѣръ атавизма въ нашъ просвѣщенный вѣкъ!), это чувство толкало его на служеніе людямъ, помогало рѣшенію всѣхъ соціальныхъ вопросовъ и воздвигло на высоту, недоступную для него, пока онъ былъ только Фурье-мыслитель, но не Фурье-пророкъ. И выскажемъ же тутъ нашу мысль до конца—Фурье, проповѣдующій свое ученіе безъ глубокаго убѣжденія въ его полнѣйшей истинности, безъ вѣры, что приложенное на дѣлѣ оно перевернетъ весь міръ, былъ бы и менѣе понятенъ, и менѣе симпатиченъ, и менѣе великъ, чѣмъ Фурье настоящій,этотъ illuminé, этотъ безумецъ, этотъ маніакъ!.. Только оставаясь такимъ, какимъ онъ въ дѣйствительности былъ, Фурье и могъ увлечь за собой громадную массу послѣдователей, приковать къ своему ученіе, вниманіе всего свѣта и выполнить такимъ образомъ свою историческую миссію.

Надъ Фурье уже много, уже достаточно много смѣялись, смѣяться надъ нимъ мы не станемъ. Мы постараемся его, напротивъ, понять, памятуя при этомъ великій завѣтъ Христа: «кто много вѣрилъ, кто много любилъ, тому многое простится». А такъ ли ужъ это много—нѣсколько самонадѣян-

ныхъ фразъ, нѣсколько наивныхъ претензій? Простимъ же ему ихъ, простимъ ему гордую вѣру въ безсмертіе, которую онъ такъ трогательно выразилъ стихами незадолго до своей смерти. Вотъ заключительныя строфы этой послѣдней его лебединой пѣсни; приводимъ ихъ здѣсь въ нашемъ собственномъ посильномъ переводѣ.

...А ты, вулканъ глумленья,
Презрѣнный вѣкъ! тебя прогрессъ гнететъ:
Твои насмѣшливыя мнѣнья
Стѣсняютъ генія возвышенный полетъ!
Того, кто избранъ былъ принесть
На землю радостную вѣсть,
Ты въ благодарность желчью напоилъ.
Ужъ отъ тебя не жди признанья:
Насмѣшки, злобу, порицанье
Своимъ трудомъ себѣ я заслужилъ!
Парижъ, ты, Вавилонъ новѣйшихъ дней,
Когда теченью лѣтъ моихъ конецъ
Положитъ Парка. лавровый вѣнецъ
Воздвигнешь самъ на головѣ моей.
Ко гробу моему придутъ
Твои сыны, которые поймутъ,
Какъ ихъ отцы были неправы,
И съ гордостью положатъ въ Пантеонъ
Прахъ человѣка большей славы,
Чѣмъ Цезарь, чѣмъ Наполеонъ!..

10-го октября 1837 года Фурье умеръ, оплаканный небольшой кучкой друзей. Онъ былъ похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ, гдѣ его прахъ въ забытой, заросшей травою могилѣ покоится и до сихъ поръ: «неблагодарные французы» не потревожили его останковъ перенесеніемъ ихъ въ Пантеонъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Предварительныя замѣчанія о характерѣ всего ученія Фурье.—Его три части.—Критика общественнаго строя и экономической науки.

Наука, мы разумѣемъ науку общественную, тѣсно связана всегда съ явленіями практической жизни. Всякій прогрессъ культуры, всякое усовершенствованіе въ процессѣ производства, всякое увеличеніе благосостояній однихъ классовъ общества на счетъ другихъ вызываетъ непремѣнно соотвѣтственное измѣненіе въ характерѣ и направленіи научной мысли. Въ послѣднее время замѣчается также обратное явленіе: жизнь, въ свою очередь, начинаетъ руководствоваться прави-

лами, добытыми ей наукой, начинаетъ течь по тому руслу, которое прокладываетъ для нея и отвлеченное мышленіе. Но это явленіе, въ общественной жизни едва замѣтное, установляетъ лишь взаимодѣйствіе тамъ, гдѣ прежде было давленіе съ одной стороны, нисколько не устраняя, даже не ослабляя этого давленія. Попрежнему людская пытливость направляется въ ту именно сторону, куда ее особенно назойливо толкаетъ дѣйствительность, попрежнему фактическія отношенія *силы* служатъ основаніемъ, на которое опирается наше пониманіе *права*, попрежнему наука санкціонируетъ и разъясняетъ намъ то, къ чему привела жизненная практика. Чѣмъ больше мы вглядываемся въ эволюцію человѣческой мысли, тѣмъ больше убѣждаемся, какъ коротка въ сущности всегда бываетъ та привязь, на которой внѣшнія условія жизни держатъ абстрактное мышленіе даже передовыхъ умовъ своего времени. Припомнимъ хотя бы тотъ общеизвѣстный въ исторіи фактъ, что до тѣхъ поръ, пока институтъ рабства былъ незыблемопроченъ, онъ находилъ себѣ полное оправданіе и у философовъ (съ Аристотелемъ во главѣ), а какъ только возстанія рабовъ и видимая порча нравовъ пошатнули его, тотчасъ и со стороны философовъ послышались голоса, что всѣ люди отъ природы равны, что всякое неравенство исходитъ отъ нихъ самихъ, а слѣдовательно, ими же можетъ быть уничтожено.

Подобное явленіе повторилось и въ болѣе близкое къ намъ время. Рабство, владѣніе человѣка человѣкомъ, основанное на преобладаніи физической силы одного надъ силой другого изжило свое время, но за-то народилось на свѣтъ рабство новое, не менѣе суровое, но болѣе прочное, выражающееся въ томъ, что одинъ человѣкъ владѣетъ не тѣломъ другого, а его средствами къ жизни. Важнѣйшими условіями, способствовавшими такому закабаленію, экономическая наука считаетъ: освобожденіе крестьянъ, усовершенствованіе машинъ и ростъ крупной промышленности. Эти три фактора, усиленные либеральнымъ теченіемъ въ сферѣ государственной жизни, произвели такъ называемую *индустріальную революцію*. На смѣну феодальнаго строя жизни съ его сословными путами, съ его монополіями, съ его замкнутой въ цехи промышленностью, явился новый строй общества со свободнымъ обмѣномъ, обширнымъ райономъ сбыта и энергичной фабричной промышленностью. Необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго

развитія этого новаго капиталистическаго строя была безусловная свобода экономическихъ отношеній; эта свобода и стала лозунгомъ экономической науки того времени. Казалось, что все благосостояніе общества зависитъ отъ прогресса промышленности, а для такого прогресса не требовалось ничего больше, какъ только невмѣшательство государства въ экономическую область. Носительницей такихъ взглядовъ явилась школа Ад. Смита; принявши за исходный пунктъ своихъ разсужденій современный ей строй общества и признавая какъ бы неизмѣннымъ этотъ строй съ его частной собственностью на землю, съ его разобщеніемъ труда и капитала, названная школа въ своихъ положительныхъ требованіяхъ не шла дальше желаній, которыя тогда питала буржуазія, эта передовая въ свое время часть общества.

Умудренные вѣковымъ опытомъ, знакомые съ промышленными кризисами и пролетаріатомъ, мы не скажемъ уже теперь, что свобода экономическихъ отношеній—вотъ все, что надо для благосостоянія націи. Но не слѣдуетъ забывать, что въ прошломъ столѣтіи интересы четвертаго сословія еще не выступали и бѣдствія промышленной анархіи не успѣли сказаться во всей ихъ силѣ; слѣдуетъ помнить, что наука, не переходя въ область мечтанія, не можетъ забѣгать дальше жизни. Зато, какъ скоро сама жизнь дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, предъявляетъ новые запросы, выдвигаетъ новые интересы, наука не можетъ уже ограничиться повтореніемъ старыхъ задовъ, она должна откликнуться на эти запросы, удовлетворить этимъ интересамъ...

Сильная своимъ прогрессивнымъ характеромъ и подкрѣпленная къ тому же авторитетомъ науки, буржуазія, какъ извѣстно, сломила сословное государство и на его развалинахъ водрузила знамя свободной промышленности. Эта побѣда, доставившая торжество принципу laissez faire, вмѣстѣ съ тѣмъ показала и всю его непригодность; такимъ образомъ буржуазія своими же руками вырыла могилу буржуазной политической экономіи. Фабричная промышленность, получившая небывалое до тѣхъ поръ развитіе, не только, какъ это скоро оказалось, не увеличила благосостоянія всего общества, но еще обострила его недуги, обогативъ меньшинство его членовъ на счетъ большинства. Уже Рикардо научно обосновалъ ту истину, что прибыль и заработная плата находятся въ антагонизмѣ, что

«уровень прибыли», какъ онъ говорилъ, «возрастаетъ единственно вслѣдствіе пониженія заработной платы». Дополнимъ это положеніе утвержденіемъ Смита, что правительство «въ сущности установлено ради защиты богатыхъ противъ бѣдныхъ, или же людей, имѣющихъ какую-нибудь собственность, противъ людей, вовсе ея не имѣющихъ». Понятно, что съ двойной силой, силой капитала (прибыли) и силой власти (правительства), предприниматели получили полную возможность эксплуатировать рабочихъ людей, по выраженію Смита, «собственности вовсе не имѣющихъ». Широкое раздѣленіе труда, необходимое при фабричной промышленности, и низкая, благодаря конкуренціи, заработная плата тѣмъ увеличивали ихъ угнетенное положеніе, что дѣлали для рабочихъ почти невозможнымъ оставленіе разъ избранной профессіи; ограничивая дѣятельность человѣка однимъ узкимъ видомъ работы, раздѣленіе труда приковываетъ его обыкновенно даже къ данной фабрикѣ, гдѣ нуженъ трудъ именно этого характера. Заработная плата, даже настолько высокая, что она покрываетъ собой всѣ издержки существованія, никогда не доходитъ до того уровня, на которомъ рабочій путемъ сбереженій могъ бы составить себѣ капиталъ, чтобы самому сдѣлаться предпринимателемъ. Это обстоятельство положило пропасть между классами имущими и неимущими, работающими и неработающими и создало привилегію въ самомъ фактѣ рожденія. Французская революція была направлена именно противъ всѣхъ привилегій рожденія—не даромъ она первымъ параграфомъ своей «декларацiи правъ» не безъ театральности провозгласила, что «всѣ люди рождаются и живутъ свободными и равными въ правахъ». Однако, ту привилегію, о которой мы говорили, привилегію капитала утилизировать въ свою пользу рабочія руки, французская революція не только не устранила, но еще усугубила однимъ законодательнымъ ограниченіемъ. Такое именно значеніе имѣютъ тѣ параграфы конституціи 91-го года, по которымъ право избирать себѣ представителя въ законодательныя собранія признается не за всѣми французами, а только за такъ наз. citoyens actifs, т.-е. за лицами совершеннолѣтними, присягнувшими республикѣ, прожившими нѣсколько лѣтъ въ одномъ округѣ и платящими извѣстнаго размѣра *прямой налогъ*. Это ограниченіе, еще усиленное конституціей 95 г., обладаніе недвижимой собственностью дѣлаетъ необходимымъ условіемъ для участія въ управ-

ленія и, значитъ, совершенно устраняетъ отъ выборовъ всѣхъ, живущихъ только трудами рукъ своихъ. Такимъ образомъ, иронизируетъ Л. Штейнъ, равенство, провозглашенное правомъ человѣка, оказалось дѣйствующимъ лишь среди собственниковъ. Этотъ актъ революціоннаго правительства или, лучше сказать, достигшей власти буржуазіи, служитъ поворотнымъ пунктомъ во всей новѣйшей исторіи Франціи. Отстранивъ низшіе слои населенія отъ всякаго участія въ политической жизни страны, конституція 91 года выдвинула на арену борьбы новый общественный классъ, классъ пролетаріевъ въ точномъ смыслѣ этого слова, т.-е. неимущихъ и неправоспособныхъ членовъ общества.

Какъ проявило себя въ жизни это новое четвертое сословіе, какимъ оружіемъ стало оно бороться за свою независимость— разбирать этого теперь мы не станемъ, посмотримъ зато, какого рода дѣйствіе оказало возникновеніе пролетаріата на экономическую науку. Оно во-очію убѣждало, что свобода промышленности не даетъ благосостоянія всему народу и обогащаетъ однихъ предпринимателей. Однако правовѣрные послѣдователи Ад. Смита не хотѣли видѣть новыхъ явленій жизни и всякими оговорками старались спасти свою доктрину. Тогда явились мыслители, указавшіе на непримиримое противорѣчіе между теоріей и практикой и потребовавшіе постройки экономической науки на новыхъ началахъ.

Конечно, всегда была бѣдность и всегда были люди, которые мечтали о лучшихъ условіяхъ жизни для всего человѣчества. Но дѣло въ томъ, что простое указаніе на нищету работающихъ классовъ, даже если его сопровождаютъ укоры по адресу цѣлаго общества, какъ мы это находимъ у Руссо, Гельвеція и др. писателей XVIII в., безъ приведенія въ связь съ экономической наукой того времени, которой эта нищета являлась и слѣдствіемъ, и опроверженіемъ, точно такъ же, какъ измышленія самымъ гуманнымъ образомъ устроенныхъ государствъ, проведенія которыхъ въ жизнь однако приходилось ждать лишь отъ Божескаго Промысла, измышленія, занимавшія людей съ древнѣйшихъ временъ и сохранившіяся отъ Платона, Томаса Мора, Кампанеллы, Гаррингтона, Морелли, Мабли и мн. другихъ,— все это дѣло людей честныхъ, благородныхъ, чувствительныхъ къ страданіямъ ближнихъ, но никоимъ образомъ не реформаторовъ науки. Строгую критику политической экономіи вмѣстѣ съ

требованіями совершенно перестроить науку мы находимъ только у Сен-Симона и у Фурье. Хотя оба эти писателя и не могутъ быть названы соціалистами въ строгомъ смыслѣ этого слова, но зато они вполнѣ заслуживаютъ названія застрѣльщиковъ соціализма и въ таковомъ своемъ качествѣ, какъ люди, хотя и не совсѣмъ свободные отъ рутины, но борящіеся съ ней, представляютъ собой особенно поучительный примѣръ первыхъ апостоловъ новой доктрины. Впрочемъ Сен-Симонъ былъ не всегда мѣткимъ застрѣльщикомъ,—его выстрѣлы попадали подчасъ въ него же самого, да къ тому же онъ еще былъ слишкомъ зараженъ раболѣпствомъ передъ классомъ промышленниковъ; зато къ Фурье, этому вѣрному другу рабочихъ, такая кличка вполнѣ примѣнима.

Силой самихъ обстоятельствъ Фурье вынужденъ былъ обратиться прежде всего къ критикѣ, которая и занимаетъ въ его сочиненіяхъ очень видное мѣсто; но эта критическая часть его ученія строго уравновѣшивается положительною частью, а обѣ онѣ логически вытекаютъ изъ его основныхъ понятій о Богѣ, человѣкѣ и природѣ. Естественнымъ образомъ, значитъ, и наше изложеніе распадется на такія же три части: въ первой мы ознакомимся съ критикой Фурье современной ему общественной жизни, во второй найдутъ себѣ мѣсто объединяющіе все ученіе философскіе принципы, а третья будетъ посвящена обзору положительныхъ практическихъ средствъ, предложенныхъ имъ для уврачеванія тѣхъ соціальныхъ недуговъ, которые онъ обнаружилъ своею критикой. Только въ такомъ цѣльномъ видѣ ученіе Фурье и можетъ быть вѣрно понято и справедливо оцѣнено; намъ кажется, что невниманіе именно къ этому важному условію породило большую часть нареканій, выпавшихъ на долю французскаго мыслителя.

«Можно ли гдѣ увидать», говоритъ Фурье въ своей «Теоріи четырехъ движеній», «безпорядокъ болѣе ужасный, чѣмъ тотъ, который царствуетъ на земномъ шарѣ? Половина всей земли населена хищными звѣрями и дикарями, что въ сущности одно и то же, а изъ другой, подчиненной культурѣ, половины— $^3/_4$ заселены варварами или головорѣзами, которые женщинъ и земледѣльцевъ обращаютъ въ рабство и во всѣхъ отношеніяхъ поступаютъ противно разуму. Слѣдовательно, только $^1/_8$ всего земного шара остается на долю такъ называемыхъ цивилизованныхъ, похваляющихся своимъ превосходствомъ и умножаю-

щихъ, въ то же время, нищету и развратъ до высшей степени». Эта цитата вводитъ насъ въ самый центръ критики Фурье. «Нищета и развратъ»—этими двумя словами можно охарактеризовать всѣ тѣ печальныя экономическія и нравственныя условія, при которыхъ, по мнѣнію Фурье, живетъ въ наше время большая часть человѣчества. Отчего же происходятъ нищета и развратъ? Оттого ли, что земля недостаточно плодотворна? Оттого ли, что Богъ вложилъ людямъ въ сердце дурныя наклонности? Оттого ли, что сами люди не съумѣли воспользоваться дарованными имъ силами? Мы не можемъ сдѣлать перваго предположенія, такъ какъ видимъ, что еще далеко не исчерпаны всѣ средства, которыя могутъ заставить природу давать человѣку наибольшее количество своихъ произведеній. Мы не можемъ сдѣлать второго преположенія—оно бы подвергло сомнѣнію или способность Бога сдѣлать человѣка лучше, чѣмъ онъ есть, или Его желаніе видѣть Свое твореніе наиболѣе совершеннымъ; въ первомъ случаѣ мы бы усомнились во всемогуществѣ Божіемъ, во второмъ случаѣ—въ Его всеблагости. Остается, слѣдовательно, принять третье предположеніе, что человѣкъ самъ виноватъ во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, что ему была дана и плодотворная земля, и силы для обработки ея, но онъ не воспользовался въ достаточной мѣрѣ ни тѣмъ, ни другимъ, что своимъ устройствомъ общества онъ исказилъ хорошіе отъ природы инстинкты и поселилъ нищету среди изобилія. Достаточно вникнуть въ условія нашей общественной жизни, въ раздѣленіе общества на классы, въ организацію современной промышленности, чтобы это предположеніе стало твердой увѣренностью.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что общество трудится только нѣкоторой, небольшой частью своихъ членовъ; большинство же представляетъ собой паразитовъ, или только ничего не дѣлающихъ, или даже служащихъ дѣлу разрушенія. Фурье классифицируетъ ихъ по слѣдующимъ тремъ группамъ: паразиты домашніе, паразиты соціальные и паразиты дополнительные. Къ первымъ онъ относитъ значительную часть женщинъ, часто вовсе не работающихъ, а еще чаще занятыхъ такими домашними дѣлами, которыя, при лучшей организаціи хозяйства, могли бы быть сильно сокращены, затѣмъ почти всѣхъ дѣтей, совсѣмъ безполезныхъ въ городахъ и только отчасти полезныхъ въ деревнѣ, и наконецъ почти всю прислугу, если не служащую къ удовлетворенію прихотей, то и тогда много времени теряющую въ

которыя поставленъ трудящійся—самое худшее состоитъ въ томъ, что его вознагражденіе получается всегда за чей-нибудь счетъ и, притомъ, нерѣдко за счетъ несчастія его ближняго; такимъ образомъ создается антагонизмъ между всѣми отдѣльными членами общества. Докторъ ничего такъ не желаетъ своимъ согражданамъ, какъ большаго количества болѣзней, гробовщикъ заинтересованъ обиліемъ смертей, солдатъ мечтаетъ о войнѣ, которая ему можетъ дать случай обогатиться или получить повышеніе по службѣ, судья радуется каждому новому преступленію, архитекторъ и плотникъ эксплуатируютъ пожары, портной и сапожникъ были бы довольны, если бы ихъ продукты скорѣе изнашивались, вообще интересы покупателя противоположны интересамъ продавца, интересы фабриканта — интересамъ рабочихъ, наконецъ, интересы всѣхъ управляемыхъ часто не сходятся съ интересами правительства. Всеобщее недовольство, крайняя анархія и повальный *эгоизмъ* являются слѣдствіемъ этого противуестественнаго порядка вещей.

Говоря о той расточительности, съ какой люди тратятъ свой трудъ, о той массѣ усилій, которая направлена часто на совершенно безполезное дѣло, Фурье съ особенной подробностью и настойчивостью останавливается на *торговлѣ*. Критика ея занимаетъ не мало страницъ въ его сочиненіяхъ и отличается, надо сказать, убѣдительностью и краснорѣчіемъ. Изложивши схематически главныя возраженія Фурье противъ современной промышленности, мы не можемъ не остановиться теперь и на его критикѣ торговли, всего лучше характеризующей отрицательную сторону «соціальной системы».

Настоящая роль торговли, казалось бы, должна не превышать роли прислужницы потребленія; ея нормальные предѣлы ограничиваются доставленіемъ потребителю продуктовъ, въ которыхъ онъ нуждается, но которыхъ не имѣетъ въ достаточномъ количествѣ. Непроизводительная по природѣ, она ни качественно, ни количественно не увеличиваетъ народнаго богатства и потому можетъ требовать себѣ лишь самаго малаго числа агентовъ. А между тѣмъ сколько рукъ заняла эта побочная отрасль промышленности, какую массу капиталовъ поглощаетъ она и въ какой невыгодной зависимости держитъ и производство, и потребленіе!.. Начать съ того, что, разъединивъ эти двѣ области, она заставила предпринимателя и рабочихъ

производить на неизвѣстные имъ рынки и тѣмъ лишила возможности вѣрно соображаться съ размѣрами спроса, съ нуждами населенія; съ другой стороны и потребителя она поставила въ необходимость не разсчитывать уже на полное удовлетвореніе своихъ нуждъ, а самыя эти нужды регулировать даннымъ состояніемъ рынка. То же разобщеніе привело и къ очень распространенной теперь *фальсификаціи* продуктовъ—фальсификаціи, которая менѣе возможна, когда покупатель имѣетъ непосредственныя сношенія съ производителемъ. Затѣмъ и тѣхъ, и другихъ, и производителей, и потребителей, торговля обложила такою контрибуціей, которая рѣшительно не вознаграждается доставляемыми ею услугами. Не странно ли напр., что купцы, простые посредники при передачѣ продуктовъ, имѣютъ зачастую больше доходовъ, чѣмъ сами производители ихъ? Для общества являются особенно вредными промышленные кризисы, банкротства и спекуляціи на скупкѣ товаровъ, вину за которые Ф. не совсѣмъ справедливо цѣликомъ валитъ на ту же торговлю. Хорошо знакомый со всѣми ея уловками, Фурье, а за нимъ и его ученики, ничѣмъ такъ не возмущаются въ окружающей жизни, какъ именно торговлей. «Торговля» говоритъ онъ: «это — искусство купить за 3 франка, что стоитъ 6, и продать за 6 франковъ, что стоитъ 3». «Торговля», вослицаетъ Консидеранъ: «это — крадущій воръ, это пиратствующій корсаръ, это высасывающій кровь паукъ, это лютый ракъ; торговля—вотъ самое вѣрное сравненіе—это дурная болѣзнь, которая уродуетъ органы производства, которая кровь, текущую по артеріямъ и венамъ соціальнаго тѣла, заражаетъ гнилостнымъ ядомъ».

Въ лучшемъ случаѣ торговля непроизводительна, иногда она оказываетъ прямо разрушительное дѣйствіе. Изъ біографіи Фурье мы узнаемъ, что онъ самъ, въ качествѣ агента одной торговой фирмы, былъ вынужденъ однажды потопить въ морѣ цѣлую партію риса съ той цѣлью, чтобы возвысить цѣны на этотъ товаръ. Такого рода спекуляціи на предметы первой необходимости всегда вызываютъ его справедливое негодованіе. Фурье кажется нелѣпымъ, что этотъ грабежъ среди бѣла дня можетъ оставаться безнаказаннымъ; онъ требуетъ ограниченія произвола торговцевъ въ интересахъ всего народа. «Когда предоставляютъ свободу дѣйствій генералу, судьѣ или доктору,— замѣчаетъ онъ,—то этимъ ихъ не уполномочиваютъ предавать армію, умерщвлять больныхъ и грабить невинныхъ; мы видимъ,

что всѣ эти лица подвергаются наказанію, если они злоупотребляютъ своею властью: генералъ-предатель обезглавливается, цѣлый судебный трибуналъ призывается министромъ къ отвѣтственности, одни торговцы неприкосновенны и увѣрены въ своей безнаказанности».

Приведенное мѣсто очень характерно въ томъ отношеніи, что принципъ *свободы* промышленности и торговли былъ настоящимъ догматомъ для правовѣрныхъ экономистовъ того времени; въ высшей степени интересно поэтому встрѣтить въ сочиненіи, помѣченномъ еще 1808 годомъ («Теорія четырехъ движеній), уже вполнѣ рѣшительное осужденіе этого принципа. Отвергая его, Фурье заходитъ такъ далеко, что отвергаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ. и всю тогдашнюю экономическую науку; онъ выставляетъ цѣлый рядъ обвиненій противъ экономистовъ, самое имя которыхъ является у него синонимомъ шарлатановъ; надо сознаться, однако, что эти осужденія у него слишкомъ общи, слишкомъ поспѣшны и слишкомъ бранчивы, чтобы они могли быть поставлены въ особую заслугу Фурье. Его главная заслуга состоитъ не въ критикѣ отдѣльныхъ положеній экономической науки и не въ полемикѣ съ различными экономистами, но въ указаніи на недостаточность науки для цѣлей практическихъ, на ея крайне буржуазный характеръ и на безсиліе разрѣшить антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Ученики Фурье, въ особенности Консидеранъ, идя по тому же пути, вступаютъ уже въ болѣе детальное обсужденіе нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ и при этомъ высказываютъ много проницательности и остроумія.

Мы указали на тѣ причины, благодаря которымъ, по мнѣнію Фурье, все цивилизованное человѣчество въ наше время страдаетъ отъ нищеты; причины эти, какъ оказывается, сводятся къ дурной организаціи производства, плохо утилизирующей силы человѣка и приводящей ихъ во взаимное столкновеніе; къ этому надо прибавить еще болѣе дурное *распредѣленіе* добытыхъ благъ, которое содѣйствуетъ «порожденію нищеты даже самымъ ихъ изобиліемъ». Однако, въ противность позднѣйшимъ писателямъ того же направленія, Фурье недостаточно вникалъ въ вопросы распредѣленія и, какъ мы увидимъ позже, въ своемъ идеальномъ обществѣ, разрѣшалъ эти вопросы далеко не идеально. Вотъ почему, только упомянувъ объ этомъ важномъ показателѣ народнаго благосостоянія, мы перейдемъ

теперь къ другому «бичу человѣчества», какъ называли его фурьефисты,—къ разврату.

Уже стало совершенно общимъ мѣстомъ то положеніе, что разрушать не въ примѣръ легче, чѣмъ созидать, что подмѣтить недостатки еще далеко не значитъ устранить ихъ. Эта истина вполнѣ оправдалась на той части системы Фурье, которая касается отношеній между полами. Намъ придется позже убѣдиться, что рекомендуемыя имъ средства для устраненія царствующей нынѣ въ этихъ отношеніяхъ безпорядочности, по меньшей мѣрѣ, недостаточны, что многіе изъ тѣхъ пороковъ, на которые онъ такъ негодуетъ, найдутъ себѣ мѣсто и въ его «*Новомъ мірѣ*», гдѣ они только перемѣнятъ кличку и, вмѣсто пороковъ, будутъ именоваться добродѣтелями. Это несовершенство положительной части нисколько, однако, не умаляетъ той силы, съ которой Фурье обрушивается на современное общество за его испорченность, нисколько не подрываетъ той заслуги, что онъ не мирится съ этою испорченностью, но призываетъ на борьбу съ ней. Бракъ, эта «супружеская барщина» (corvée conjugale), въ которой все ложь, развратъ и насиліе, вызываетъ особенное порицаніе Фурье; при этомъ онъ даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ удивительно сходится съ тѣми взглядами на супружество, которые еще не такъ давно высказалъ въ своей повѣсти извѣстный русскій романистъ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться долго на этой сторонѣ критики Фурье, замѣтимъ только, что картина семейной жизни съ невѣрностью супруговъ, съ постоянными ссорами, обусловленными несходствомъ характеровъ, съ дѣтьми — обузой, съ стремленіемъ обѣихъ сторонъ уйти подальше отъ домашняго очага, мужей—въ café или клубъ, женъ—въ гости или театръ, картина эта выходитъ тѣмъ безотраднѣе, что прочность семейныхъ узъ, согласно Фурье, не только не ослабляется, но еще закрѣпляется вліяніемъ католицизма и развитіемъ венерическихъ болѣзней. Послѣднее, однако, по его собственному признанію, не препятствуетъ всѣмъ и каждому предаваться разврату до брака и внѣ его. Любовь продажная и любовь тайная, развратъ открытый и развратъ скрытый обличаются имъ для убѣжденія недовѣрчивыхъ читателей; предъ ихъ изумленными глазами проходитъ вереница субретокъ, швей, проститутокъ, любовниковъ, альфонсовъ, говорящая о томъ, что разложеніе коснулось всѣхъ классовъ общества безъ изъятія. Нѣсколько

краснорѣчивыхъ строкъ посвящено спеціально притонамъ разврата, которые представляютъ собою, по мнѣнію Фурье, извращеніе восточныхъ гаремовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, были насильственные и тѣсные по размѣрамъ, а новые гаремы широки и свободны. Гуманность, съ которою при этомъ говорится объ угнетенномъ положеніи женщины вообще, съ которою обществу напоминаются его обязанности по отношенію къ малолѣтнимъ членамъ, пробуждаетъ въ читателѣ невольную симпатію къ Фурье. Тѣ же гуманныя традиціи отличаютъ и его учениковъ. Уже нѣсколько разъ упомянутый нами Консидеранъ съ особенной любовью останавливался именно на вопросахъ воспитанія и посвятилъ имъ даже особую, во многихъ отношеніяхъ любопытную и замѣчательную книгу, гдѣ онъ вооружается противъ обязательнаго изученія древнихъ языковъ и требуетъ вообще предоставлять больше свободы учащимся. Тотъ же Консидеранъ вносилъ въ палату депутатовъ предложеніе о дарованіи женщинамъ права участвовать въ выборахъ; предложеніе его однако не встрѣтило тогда никакого сочувствія и было отвергнуто почти единогласно.

Мы думаемъ, что самаго поверхностнаго знакомства съ критической стороной ученія Фурье достаточно, чтобы признать ее замѣчательно сильной и убѣдительной: здѣсь тонко подмѣчены и съ полною ясностью обнажены многія язвы современной Фурье общественной жизни, язвы, которыя къ нашему времени не только не зажили, но стали, пожалуй, еще злокачественнѣе. На первый взглядъ можетъ показаться, однако, что слишкомъ ужъ разнородныя явленія Фурье критикуетъ, смѣшивая какъ будто все въ одну кучу. Конечно, ажіотажъ дуренъ, дурно и прелюбодѣяніе, но вѣдь между ними, казалось бы, нѣтъ ничего общаго; ужели Фурье надѣется однимъ ударомъ убить и то, и другое? Почти что такъ. Вѣрна или невѣрна, приложима или нѣтъ, его система, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно разностороння: она одинаково объемлетъ какъ сферу матеріальную, такъ и сферу нравственную, какъ область промышленную, такъ и соціальную въ широкомъ смыслѣ этого слова. Отдѣльныя положенія Фурье можно, конечно, оспаривать, ихъ можно и вовсе отвергнуть, но нельзя не признать, что логичность и стройность его построеній выше всякихъ

похвалъ. Мы говоримъ здѣсь не о той внѣшней стройности, которой, какъ уже говорено было выше, его книгамъ очень часто не доставало, но о цѣльности самаго міровоззрѣнія, благодаря которой все, что̀ Фурье осуждалъ въ современномъ ему обществѣ, все это онъ не забывалъ измѣнить въ своихъ планахъ будущаго общежитія, и все это послѣдовательно вытекало изъ его общихъ, основныхъ философскихъ положеній.

Консидеранъ, со словъ Фурье описавъ всѣ бѣдствія современной цивилизаціи, такими выраженіями привѣтствуетъ положительную сторону системы своего учителя:

«Что же остановитъ наше разложеніе? Что насъ спасетъ? Конечно, это будетъ не *метафизика*, столь тщетная и пустая, съ ея воздушными шарами, съ ея разсужденіями о томъ, врождены ли намъ идеи, или нѣтъ, съ ея «сознаніемъ воспріятія ощущенія запаха розы», съ ея человѣческимъ «я», съ ея тройственностью феноменовъ, съ ея сенсуалистическими и спиритуалистическими теоріями, съ ея изслѣдованіями англійскими, шотландскими, нѣмецкими, индѣйскими, китайскими и еще не знаю какими.

«Это будетъ не *политика* съ ея саблями, пушками, революціями, эшафотами, возстаніями и кровавыми побѣдами надъ ними, съ ея конституціями, которыя ничего не конституируютъ, съ ея правительствами, законными и quasi-законными, съ ея бюджетами, милліонными долгами, съ ея протоколами и преніями безъ конца.

«Это будетъ не *этика* (morale), съ ея проповѣдями, запоздалыми и смѣшными, какъ рѣчи педанта, поучающаго ребенка, когда тотъ идетъ ко дну,—этика, которая уже не знаетъ, на какое основаніе ей теперь опираться послѣ попытокъ, предпринимавшихся въ продолженіе трехъ тысячелѣтій, утвердить царство добродѣтели, которая пришла къ тому, что сама стала поносить и преслѣдовать эту добродѣтель.

«Это будетъ и не *политическая экономія*, послѣднее дѣтище философіи, дѣтище незаконнорожденное, дряхлое уже при самомъ появленіи на свѣтъ и лживое, какъ его мать; не политическая экономія, наука о богатствѣ народовъ—народовъ..., которые мрутъ отъ голода, наука, вынужденная публично каяться въ своемъ невѣжествѣ и безсиліи.

«Это будетъ вовсе не то, что фантазируетъ, лжетъ, разрушаетъ, что находится въ состояніи агоніи или уже погребено.

Это будетъ не что-либо изъ прошлаго, но средство новое, которое, если оно не найдено, надо искать не по проторенным путямъ, а если найдено, надо подвергнуть испытанію».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основныя понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ.—Теорія страстей, философія исторіи.

Вникая въ самый духъ ученія Фурье, нельзя не замѣтить, что оно отличается довольно крайнимъ характеромъ. Возникшее въ извѣстныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, ученіе это открыто порываетъ съ ними всякую связь и самымъ отрицательнымъ образомъ относится ко всему тогда существовавшему порядку. Фурье указываетъ на извращеніе естественныхъ наклонностей людей, на порчу нравовъ, на нищету и порабощенность трудящихся классовъ, усматриваетъ въ этомъ необходимое слѣдствіе современной организаціи общества и затѣмъ требуетъ измѣнить весь характеръ общественной жизни, построить ее на совершенно новыхъ началахъ. Никакихъ компромиссовъ, никакихъ уступокъ онъ не желаетъ допускать, не улучшенія и не реформы предлагаетъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, но полную перестройку всего существующаго. «Ошибка нашихъ, такъ называемыхъ, реформаторовъ», говоритъ Фурье въ одномъ мѣстѣ своего «Новаго Міра», «заключается въ томъ, что они нападаютъ на одно или другое зло, вмѣсто того, чтобы обвинить всю цивилизацію, которая представляетъ собою во всѣхъ частяхъ одинъ заколдованный кругъ всякихъ золъ». Рѣзкая критика общественной жизни и въ ея экономическихъ, и въ ея нравственныхъ проявленіяхъ, презрѣніе ко всѣмъ научнымъ выводамъ, сдѣланнымъ до сихъ поръ, наконецъ, вообще, «полное сомнѣніе» и «полное удаленіе», принятыя Фурье за исходный пунктъ всѣхъ его разсужденій, очень убѣдительно говорятъ намъ о томъ, что его ученіе рѣшительно противорѣчило установившимся ходячимъ мнѣніямъ.

При такомъ крайнемъ своемъ направленіи новое ученіе, казалось бы, должно было держаться всегда самой независимой точки зрѣнія, отвергать всѣ авторитеты и въ разумѣ человѣче-

скомъ видѣть источникъ всего прогресса и лучшій критерій истины. Въ дѣйствительности это было, однако, не такъ. Вся судьба человѣчества—согласно Фурье—заранѣе предначертана Богомъ, имъ установлены тѣ незыблемые законы, по которымъ движутся тѣла небесныя и земныя, человѣку остается только познать эти законы и покорно слѣдовать имъ. Познать и повѣдать ихъ людямъ дано было ему, Фурье, дано было свыше, какъ своего рода небесная миссія. Понятно, что эти божественные законы, до сихъ поръ пренебрегавшіеся людьми, находятся въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что и раньше было открыто человѣчеству Богомъ. Отсюда слѣдуетъ, что новое ученіе должно ни въ чемъ не противорѣчить Евангелію и другимъ откровеніямъ Божіимъ, но, наоборотъ, почерпать себѣ въ нихъ опору и оправданіе.

Любопытно, что этотъ, какъ бы религіозный, характеръ, присущій ученію Фурье, отличаетъ даже еще въ большей степени и сочиненія Сен-Симона, другого радикальнаго реформатора, соотечественника и почти современника Фурье. Соціализмъ С. Симона—это религія, это «ученіе, имѣющее божественное происхожденіе», это «новое христіанство». Планъ, по которому должно быть перестроено наше общество, строго теократиченъ: во главѣ правленія, какъ неограниченный монархъ, поставляется верховный жрецъ, помощниками ему служатъ лица духовныя, священническая каста имѣетъ въ государствѣ преобладающее значеніе, а жизнь остальныхъ гражданъ построена на началахъ любви къ ближнему и евангельской морали. Теократическій элементъ сенсимонизма былъ настолько силенъ, что проявился у его приверженцевъ и во внѣшнихъ, обрядовыхъ формахъ. Ихъ проповѣди по всему характеру напоминали церковныя поученія, ихъ спеціальные священники совершали службы, имѣвшія нѣкоторыя черты сходства съ католическимъ богослуженіемъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что соціализмъ, на французской почвѣ, по крайней мѣрѣ, не только не наслѣдуетъ скептицизма философовъ XVIII вѣка вродѣ Вольтера, Дидро, Гельвеція, Гольбаха и друг., но еще выступаетъ въ первый разъ передъ людьми въ священнической рясѣ, съ кадиломъ въ рукѣ, съ покорной молитвой на устахъ... Этотъ религіозный характеръ, принятый имъ при самомъ появленіи на свѣтъ, объясняется, вѣроятно, очень различными и многими причинами, но особенно

сильное вліяніе оказало тутъ, разумѣется, время, когда появились сочиненія Фурье и С.-Симона: то были 10-е и 20-е годы, время реставрацій и бѣлаго террора, эпоха реакціи въ политикѣ и ханжества въ религіи. На такой почвѣ свободной научной мысли, если только она рождалась, приходилось облекаться въ форму самую благонамѣренную, приходилось считаться съ духомъ времени и говорить иной разъ чисто-эзоповскимъ языкомъ. Еще у С.-Симона его теократическое построеніе общества можно, пожалуй, объяснить нѣкоторою религіозностью автора—религіозностью, которая не помѣшала ему, однако, прожить всю жизнь истымъ римляниномъ времени упадка, нисколько не соображаясь съ требованіями церкви, но у Фурье христіанство уже явнымъ образомъ играетъ роль не болѣе, какъ простого прикрытія для мыслей, ничего общаго съ нимъ неимѣющихъ, даже порой идущихъ въ разрѣзъ съ нимъ. Множество цитатъ изъ Евангелія и твореній св. отцовъ, которыя Фурье для подтвержденія своихъ взглядовъ выбралъ и истолковалъ самымъ произвольнымъ образомъ, подтверждаютъ только то, что въ его время нельзя еще было пренебрегать этимъ важнымъ оружіемъ при распространеніи новаго ученія. Современники Фурье такъ именно и поняли характеръ его ссылокъ на Священное Писаніе: его ученики прямо называютъ ихъ доводомъ ad hominem, а враги не замедлили обвинить нашего философа въ безнравственности и безбожіи.

Послѣднее обвиненіе, однако, совершенно несправедливо. Если Фурье неправильно толковалъ священные тексты, если онъ прибѣгалъ къ Евангелію въ тѣхъ случаяхъ, когда Бож. Писаніе не разрѣшаетъ и не имѣетъ цѣли разрѣшать экономическіе вопросы, то во всемъ этомъ нельзя видѣть ничего враждебнаго религіи. Фурье вовсе не былъ атеистомъ, онъ вѣрилъ въ Бога, Творца вселенной—вѣрилъ, правда, не по-католически, но все же ставилъ его во главѣ всего міра и надѣлялъ свойствами, которыми можетъ обладать одно только безсмертное божество. Надо, однако, замѣтить, что насколько признаніе самаго бытія Божія имѣетъ у Фурье характеръ непосредственной вѣры, настолько эти свойства, нѣсколько разъ имъ перечисленныя и подробно объясненныя, носятъ на себѣ печать чего-то искусственнаго, придуманнаго съ предвзятою цѣлью.

Такъ оно и есть. Пять основныхъ свойствъ Бога: полное руководство движеніемъ, экономія употребляемыхъ средствъ,

распредѣляющая справедливость, всеобщность Провидѣнія, единство плана—всѣ эти свойства оправдывали какъ разъ соціальную систему Фурье, для каковаго оправданія они очевидно и приписаны Богу. Въ сущности, значитъ, не его система опирается на извѣстную теологію, а наоборотъ эта теологія вытекаетъ изъ соціальной системы. Среди только что перечисленныхъ нами свойствъ нѣтъ, какъ оказывается, одного очень важнаго, для каждаго вѣрующаго чуть ли не перваго свойства Бога,—нѣтъ «всемогущества», и это не случайное упущеніе. О всемогуществѣ Божіемъ Фурье упоминаетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и совсѣмъ не говоритъ о немъ въ своей «теологіи»; здѣсь онъ распространяется напротивъ о «математическихъ законахъ», положенныхъ въ основу всего творенія, не допускающихъ нарушенія и потому стѣсняющихъ какъ будто даже и самого Творца. Во всемъ органическомъ и неорганическомъ мірѣ можно прослѣдить дѣйствіе математическихъ законовъ,—для этого надо только сосредоточить свое вниманіе на томъ постоянномъ и всеобщемъ движеніи, которое составляетъ необходимую основу всего сущаго. Это всеобщее движеніе имѣетъ въ свою очередь пять вѣтвей: движеніе *матеріальное*, по которому совершаются всѣ передвиженія матеріи, движеніе *органическое*, которымъ установляются законы распредѣленія формъ, цвѣтовъ и другихъ внѣшнихъ особенностей вещей, движеніе *инстинктивное* или движеніе страстей и инстинктовъ, движеніе *аромальное*, регулирующее распредѣленіе аромовъ, невѣдомыхъ частицъ природы, наконецъ движеніе *соціальное*, управляющее движеніемъ общественныхъ организмовъ. Фурье разсматриваетъ только одинъ видъ движенія, именно послѣдній, но одинакіе математическіе законы, положенные въ основу мірового механизма, позволяютъ ему дѣлать постоянныя аналогіи между явленіями самыхъ различныхъ порядковъ. Эти аналогіи, какъ ни произвольны, какъ ни смѣшны даже кажутся они намъ подчасъ (напр., сопоставленіе жираффа съ истиной, любви съ эллипсомъ, дружбы съ фіолетовымъ цвѣтомъ), въ его глазахъ имѣютъ большую важность, подтверждая повсемѣстное единообразіе всего творенья. Вотъ почему онъ такъ дорожилъ своими аналогіями и такъ упорно отстаивалъ ихъ противъ чрезчуръ строгой на его взглядъ цензуры учениковъ. Основной законъ соціальнаго движенія заключается въ *тяготѣніи*, въ притяженіи. Какъ отдѣльныя частицы матеріи постоянно стремятся

другъ къ другу, такъ и люди приводятся во взаимное столкновеніе своими страстями или, лучше сказать, своимъ страстнымъ влеченіемъ (attraction passionelle). Конечное и полное удовлетвореніе этого влеченія составитъ то, что мы называемъ судьбой, назначеніемъ человѣчества [1]), и будетъ заключаться во всеобщемъ счастьѣ, въ гармоніи всѣхъ интересовъ; для того, чтобъ это стало возможно, надо создать такія условія общественной жизни, при которыхъ ни одна страсть человѣка не осталась бы неудовлетворенной и, кромѣ того, не оказалась бы въ антагонизмѣ съ какою нибудь страстью другого члена соціальнаго тѣла. Тогда только всѣ люди, удовлетворенные во *всѣхъ* своихъ стремленіяхъ, будутъ вполнѣ наслаждаться жизнью, получится громадная экономія принудительныхъ средствъ (всякіе полицейскіе, законодатели и tutti quanti будутъ излишни, разъ выгода отдѣльныхъ лицъ совпадетъ съ общею пользой) и, наконецъ, установится «согласіе между твореніемъ и творцомъ», вложившимъ страсти въ душу человѣка ужъ, конечно, не для того, чтобы ихъ подавляли. Нечего и говорить, что въ настоящее время совмѣстная жизнь людей представляетъ собой какъ разъ противоположное этому: самыя естественныя влеченія игнорируются или удовлетворяются одними во вредъ другимъ; истиннаго счастья, истинной свободы никто не знаетъ; дарованныя Богомъ силы не утилизируются, даже подавляются, уничтожаются людьми, отчасти по ихъ невѣжеству, отчасти по ихъ неумѣнію пользоваться своими силами. Слѣдовательно, первымъ шагомъ на пути къ переустройству общества должно быть тщательное изученіе того, что есть въ человѣкѣ, его душевной дѣятельности, и только на полученныхъ такимъ образомъ психологическихъ данныхъ и возможно построить наилучшій, наиболѣе согласный съ природой человѣка общественный порядокъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представлялась Фурье духовная жизнь человѣка. Всѣ люди живутъ трояко: прежде всего, для самихъ себя, затѣмъ для другихъ и, наконецъ, для всего человѣчества. Сообразно съ этимъ ихъ внутреннія склонности, ихъ страсти могутъ быть разбиты на три категоріи: страсти матеріальныя, страсти душевныя и страсти интеллектуальныя. Первыя возбуждаются по требованію нашихъ пяти внѣшнихъ чувствъ, ихъ удовлетвореніе доставляетъ человѣку пріятную и здоровую лич-

---

[1]) Les attractions sont proportionelles aux destinées.

ную жизнь (роскошь—luxe, употребляя выраженіе Фурье); никто, однако, не способенъ ограничиться одною этою матерьяльною жизнью—*душевныя* потребности человѣка побуждаютъ его входить въ постоянное общеніе съ другими людьми, у него рождаются симпатіи и антипатіи, онъ избираетъ себѣ семью, друзей; словомъ, *группу* близкихъ ему лицъ; но замкнуться въ этой сферѣ домашняго круга человѣку не позволяетъ необходимость трудиться, необходимость добывать себѣ пропитаніе, если даже отказать ему въ безкорыстномъ стремленіи служить общей пользѣ; ему приходится поневолѣ сталкиваться со всякаго рода людьми, руководствуясь уже не своимъ отношеніемъ къ нимъ, но свойствами труда, за который онъ берется и за который берутся его товарищи въ данной отрасли промышленности, составляющіе вмѣстѣ съ нимъ, по терминологіи Фурье, одну *серію* (série). Различныя свойства труда имѣютъ непосредственную связь съ такъ называемыми интеллектуальными страстями человѣка: извѣстно, что работа въ одиночку, безъ товарищей, всегда кажется тяжелѣе и дѣлается медленнѣе, чѣмъ въ компаніи другихъ работниковъ; это объясняется тѣмъ, что у насъ есть потребность къ соревнованію, страсть къ интригамъ; далѣе, занятіе, требующее только мышечнаго напряженія и не дающее никакой пищи уму, менѣе привлекательно, чѣмъ то, которое открываетъ нѣкоторое поле для самодѣятельности; причина тутъ лежитъ въ присущей всѣмъ людямъ страсти къ творчеству, въ роли, которую играетъ энтузіазмъ; наконецъ, даже самый пріятный трудъ, разъ онъ продолжается слишкомъ долго и не чередуется съ трудомъ иного характера, дѣлается невыносимымъ, ибо въ насъ есть потребность къ разнообразію. Эти три страсти: къ соревнованію, къ творчеству и къ разнообразію (у Фурье онѣ носятъ причудливыя названія: cabaliste, composite и papillone) должны быть удовлетворены, чтобы трудъ пересталъ быть какимъ-то наказаніемъ, чѣмъ-то тяжелымъ и непріятнымъ, а сдѣлался бы, наоборотъ, источникомъ наслажденія для людей; въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ самъ по себѣ трудъ не можетъ быть названъ усиліемъ непріятнымъ,—его дѣлаютъ таковымъ только тѣ неблагопріятныя условія, въ которыя ставится въ наше время трудящійся [1]).

---

[1]) Для большой наглядности приводимъ „таблицу страстей", составленную по Фурье *Консидераномъ* (см. сл. стр.):

Изъ этого краткаго обзора психологическихъ данныхъ не трудно уже понять, какимъ требованіямъ, по воззрѣнію Фурье, долженъ отвѣчать общественный порядокъ, чтобы быть въ согласіи съ природою человѣка: онъ долженъ содѣйствовать удовлетворенію страстей матеріальныхъ, душевныхъ и интеллектуальныхъ, т. е. гарантировать здоровье и нѣкоторый комфортъ домашней жизни, свободный выборъ близкихъ лицъ или свободу въ отношеніяхъ между полами и между поколѣніями, наконецъ, свободу избранія и профессіи, согласно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго; при этомъ избранное ремесло должно быть еще такъ обставлено, чтобы оно не нарушало потребности въ соперничествѣ, потребности въ разнообразіи и потребности въ творчествѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса, насколько «*Новый Міръ*», предложенный Фурье, отвѣчалъ требованіямъ, имъ самимъ выставленнымъ, насколько онъ устранялъ бѣдствія міра настоящаго и насколько вообще примѣнимымъ нужно считать его—словомъ, прежде изложенія и разбора положительной, практической стороны ученія Фурье не лишнее будетъ коснуться его взглядовъ на культурную исторію человѣчества. Это отступленіе будетъ умѣстно сдѣлать теперь же, такъ какъ ретроспективный взглядъ, брошенный нашимъ философомъ на предшествующія стадіи развитія человѣческаго общества, привелъ его къ результатамъ, которые, по его собственнымъ словамъ, позволили ему заключить, что требованія психологіи не должны такъ и остаться пустыми требованіями, что сама исторія ведетъ насъ къ осуществленію того, что природа поставляетъ необходимымъ условіемъ человѣческаго счастья. Посмо-

---

Принципы.	Страсти.			
Пассивный.		Чувствительн. (сфера матерьяльная).	Зрѣніе. Слухъ. Обоняніе. Осязаніе. Вкусъ.	*Роскошь* (luxe).
Активный.		Привязанности (сфера душевная).	Дружба—стр. однополая (дѣтство). Любовь—страсть двуполая (юность). Честолюбіе—страсть корпоративная (мужество). Семейственность — стр. родительская (старость).	*Группы.*
Нейтральн.		Распредѣляющія (сфера умственная).	Страсть къ интригамъ. Страсть къ разнообразію. Страсть составляющая.	*Серіи.*

тримъ, какими чертами, по мнѣнію Фурье, отмѣчены пройденныя уже нами ступени культуры и что въ нихъ является залогомъ лучшей общественной организаціи будущаго.

Земной шаръ данъ людямъ въ полное распоряженіе: обрабатывать землю, царствовать на ней—естественное назначеніе человѣчества—это несомнѣнно, но столь же несомнѣнно и то, что въ младенчествѣ своемъ человѣчество не имѣло ни силъ, ни знаній выполнить это назначеніе; у него не было никакихъ инструментовъ, никакихъ орудій, никакихъ средствъ защиты отъ стихійныхъ силъ природы и дикихъ звѣрей, всего того, что явилось лишь слѣдствіемъ времени, результатомъ опыта и прогресса. Естественно, что въ такомъ безпомощномъ состояніи люди съ трудомъ боролись съ окружающими неблагопріятными условіями, выходя изъ этой борьбы то побѣдителями, то побѣжденными; естественно, что земля въ то время представляла собой не болѣе, какъ «долину скорби и слезъ». Объ этой доисторической эпохѣ мы не знаемъ ничего вѣрнаго; разсказы путешественниковъ въ некультурныя страны и сочиненія древнихъ историковъ рисуютъ намъ уже позднѣйшую картину общественной жизни: по этимъ даннымъ выходитъ, что наши предки и современные дикари вовсе не такъ жалки и безпомощны, какъ мы склонны предполагать, что они довольны своею жизнью и не страдаютъ отъ лишеній и голода. Таково было дѣйствительно положеніе людей послѣ ихъ первыхъ открытій въ области явленій природы, послѣ изобрѣтенія простѣйшихъ инструментовъ: дѣвственная природа отличалась тогда такимъ изобиліемъ, что ея немногочисленные обитатели добывали себѣ средства пропитанія легко, благодаря самымъ незначительнымъ усиліямъ. Научившись доить скотъ, ловить звѣрей и рыбъ, да укрываться отъ непогоды въ шалаши, они не выказываютъ никакихъ поползновеній къ раздѣлу земли, не ведутъ войнъ, не притѣсняютъ соплеменниковъ и потому по своему совершенно счастливы. Нѣкоторыя воспоминанія объ этой (первой сколько-нибудь извѣстной) ступени развитія человѣческой культуры сохранились почти у всѣхъ народовъ въ ихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ, объ утраченномъ раѣ, о блаженной жизни прародителей; Фурье такъ и окрестилъ эту ступень культуры—*райскою* (édenisme). Быстрый ростъ населенія и истощеніе естественныхъ богатствъ нарушили, однако, спокойную жизнь первыхъ вѣковъ, они познакомили людей съ голодомъ и пробу-

дили въ нихъ алчность. Оружіемъ, приготовленнымъ для обороны отъ дикихъ звѣрей, люди воспользовались другъ противъ друга, земля оросилась человѣческою кровью. Но, кромѣ войны, необходимость бороться за свое существованіе породила также соединеніе индивидовъ въ общественныя группы; здѣсь впервые были молчаливо установлены и затѣмъ строго соблюдаемы извѣстныя права людей, каковы права свободной охоты, рыбной ловли, пастьбы, внутренняго мира, кражи внѣ данной общественной группы и беззаботности. Покажется, вѣроятно, страннымъ, быть можетъ, даже вызоветъ улыбку современнаго читателя то обстоятельство, что въ права людей Фурье включилъ «внѣшнюю кражу» и «беззаботность»—явленія совершенно иного порядка, но тутъ все дѣло въ однихъ словахъ: назовите эти семь правъ просто характерными чертами *дикаго* періода (sauvagerie), и нельзя будетъ не согласиться, что онѣ схвачены мѣтко и подтверждаются всѣмъ, что мы теперь знаемъ о жизни дикарей. Земледѣліе, постепенно вытѣснившее охоту и скотоводство, обратило бродячій образъ жизни въ осѣдлый, связало человѣка съ землей и побудило его обзавестись хозяйствомъ и семьей; здѣсь, конечно, онъ не утратилъ своихъ воинственныхъ наклонностей и потому, не стѣсняясь, сталъ проявлять свою власть домохозяина; такими чертами отмѣченъ *патріархальный* періодъ. Нисколько не ослабѣвавшія междоусобныя войны и прежнее могущество физической силы сдѣлали незамѣтнымъ переходъ отъ главы семьи къ главѣ племени, отъ тираніи домашней къ тираніи государственной, отъ періода патріархальнаго къ періоду *варварскому* съ его неограниченными и обширными деспотіями.

Каждый изъ названныхъ періодовъ, прежде чѣмъ уступить свое мѣсто новому, долженъ былъ, по взгляду Фурье, достигнуть высшаго развитія своихъ главныхъ свойствъ и затѣмъ, постепенно приходя въ ветхость, дойти до окончательнаго разложенія. Эта мысль нагляднѣе всего развита на слѣдующемъ періодѣ, томъ, въ которомъ живемъ теперь мы,—на *цивилизаціи*. Слѣдующія ступени прошелъ, проходитъ и пройдетъ этотъ послѣдній извѣстный намъ періодъ: 1) Дѣтство. Освобожденіе женщины отъ затворнической жизни и дарованіе ей гражданскихъ правъ, какъ члену семьи, были поворотнымъ пунктомъ къ новому времени («если бы варвары,—говоритъ Фурье,—признали единобрачіе, они бы сдѣлались цивилизованными уже благодаря одному этому нововведенію; если бы мы, напротивъ, заключили

женщинъ въ гаремы, мы бы этимъ однимъ превратились въ варваровъ»). Первые шаги цивилизаціи—это время феодализма, смѣнившаго деспотію, время рыцарства, смѣнившаго грубость нравовъ. 2) Юность. Изобрѣтенія химическія и иныя, разныя открытія увеличили силу знанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ на поприще общественной жизни выступаютъ городскія общины и буржуазія, которая тотчасъ вступаетъ въ борьбу съ сословнымъ государствомъ, опрокидываетъ его и провозглашаетъ свободу и равенство; къ сожалѣнію, только «провозглашаетъ», такъ какъ для того, чтобы ихъ осуществить, мало написать на бумагѣ нѣсколько красивыхъ словъ; поэтому и ступень эта отмѣчена у Фурье ироническимъ эпитетомъ: «иллюзіи свободы», какъ предшествующая: «иллюзіи рыцарства». 3) Мужество. Наука доходитъ до полнаго расцвѣта, свобода промышленности порождаетъ широкое развитіе торговли; но въ нихъ уже скрываются сѣмена разложенія. Эта вторая деградирующая половина цивилизаціи отличается тѣми же свойствами, какъ и первая, только въ обратномъ порядкѣ. Между обѣими половинами сходство таково же, какъ между утреннею зарей и вечерней, между сумерками, разсѣвающимися подъ вліяніемъ лучей восходящаго солнца, и сумерками, сгущающимися, когда оно склоняется къ западу. Снова возникаютъ привилегіи, но уже не на почвѣ происхожденія, а на почвѣ состоянія; мореплаваніе приводитъ къ монополіи въ морской торговлѣ, прогрессъ химіи доставляетъ промышленникамъ средства для фальсификаціи товаровъ. Бѣдствія работающихъ классовъ, безпрерывныя войны, финансовыя затрудненія и глубокій развратъ показываютъ, что мы шагнули на послѣднюю ступень, ступень дряхлости, и, слѣдовательно, не далеко уже время полнаго разрушенія цивилизаціи и наступленія новаго періода, названнаго Фурье *гарантизмомъ*. Основною чертой цивилизаціи служитъ злоупотребленіе принципомъ товарищества. Тотъ же принципъ, но въ чистомъ видѣ, мы передадимъ въ наслѣдіе гарантизму, гдѣ ассоціація будетъ играть самую видную роль, и гдѣ взгляды Фурье касательно постройки общества на новыхъ началахъ найдутъ себѣ, наконецъ, полное примѣненіе.

Изложенныя нами въ сжатомъ видѣ историческіе взгляды Фурье представляютъ большой интересъ. Сколько бы неточностей или односторонностей мы ни нашли въ нихъ теперь, когда историческая наука подвинулась значительно впередъ, но уже

тотъ фактъ, что для подтвержденія своей системы Фурье обращался къ исторіи—заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ниже мы будемъ еще подробнѣе говорить, чѣмъ Фурье отличался отъ утопистовъ и почему самая эта кличка неприложима къ нему; замѣтимъ теперь, что именно историческое вступленіе было одной изъ его главнѣйшихъ отличительныхъ особенностей. Требованіе извѣстнаго строя на началахъ, выведенныхъ изъ головы мыслителя безъ вниманія къ ходу исторіи—таковъ общій характеръ всякихъ утопій; у Фурье же, напротивъ, его Новый Міръ вытекалъ столько же изъ самой природы человѣка, сколько и изъ всего мірового прогресса. Такъ полагалъ, по крайней мѣрѣ, самъ Фурье, обращавшійся къ изученію исторіи съ такимъ же вниманіетъ, какъ и къ изученію психологіи, и считавшій наступленіе Новаго Міра не только желательнымъ, но прямо-таки неизбѣжнымъ, необходимымъ. Такимъ образомъ, предстоящія экономическія формы онъ выводилъ изъ предыдущихъ и потому не допускалъ возможности провести въ жизнь форму, несоотвѣтствующую историческимъ условіямъ. Эта глубоко плодотворная мысль выдвигаетъ Фурье далеко изъ ряда всѣхъ его современниковъ; жаль только, что самъ онъ воспользовался ею не болѣе, какъ на половину. Полное осуществленіе своихъ идей онъ ожидалъ увидѣть дѣйствительно только при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, но въ то же время онъ придавалъ уже слишкомъ большое значеніе устройству пробной общины, которая, ничего въ сущности не измѣнивъ въ этихъ общихъ условіяхъ, однимъ лишь примѣромъ не подвинула бы жизнь къ переходу въ новую экономическую фазу, а затѣмъ—и это главная ошибка Фурье—свой Новый Міръ онъ построилъ не на началахъ, добытыхъ изъ исторіи, не на томъ, что въ силу соціологическихъ законовъ *не можетъ не наступить*, но на гораздо менѣе научныхъ, даже нѣсколько произвольныхъ психологическихъ выводахъ, *на томъ, что должно было бы наступить*, если-бъ прогрессъ цивилизаціи приводилъ непремѣнно къ доставленію людямъ все большей суммы счастья, ко все болѣе полному удовлетворенію ихъ физическихъ и психическихъ потребностей.

Мы сейчасъ увидимъ, однако, что, слѣдуя даже этимъ невѣрнымъ путемъ, Фурье оказывается столь проницательнымъ, что нѣкоторыя изъ высказываемыхъ имъ мыслей впослѣдствіи

получаютъ полное осуществленіе, а иныя могутъ считаться передовыми даже и въ настоящее время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Привлекательный трудъ.—Фаланстеръ.—„Новый Міръ".—Его оцѣнка.

Говоря о бѣдствіяхъ окружающей насъ жизни, мы привыкли жаловаться на чрезвычайно неравномѣрное распредѣленіе богатства, на скопленіе капиталовъ въ немногихъ рукахъ, на полное несоотвѣтствіе между вознагражденіемъ и заслугой. Сдѣлаемъ на минуту предположеніе, что этого несоотвѣтствія, этой неравномѣрности не существуетъ, что имущества всѣхъ уравнены, что отдѣльныя большія богатства отняты отъ ихъ собственниковъ и раздѣлены поровну между всѣмъ населеніемъ. Много ли выиграетъ отъ того человѣчество, много ли получитъ каждый индивидъ? Такое вычисленіе сдѣлано было Фурье для одной Франціи: раздѣливъ цифру ежегоднаго дохода страны на число ея жителей, онъ получилъ, какъ среднюю величину, двѣсти франковъ на душу. Эта ничтожная сумма станетъ еще меньше, если мы введемъ въ вычисленіе всѣ страны всего міра, если примемъ во вниманіе дикарей Азіи, Африки и Австраліи, русскихъ крестьянъ и сибирскихъ инородцевъ. Такимъ образомъ, по вычисленію Фурье, даже математически равное распредѣленіе не спасетъ человѣчества отъ бѣдствій пауперизма. Отчего это произойдетъ? Оттого, разумѣется, что хозяйственныхъ благъ, имѣющихся на землѣ, недостаточно для прокормленія всего ея населенія. А это, въ свою очередь, обусловливается отчасти избыткомъ людей праздныхъ, отчасти малою производительностью человѣческаго труда. Въ виду такого печальнаго факта, мы можемъ предаваться размышленіямъ на тему о дурныхъ наклонностяхъ человѣка, можемъ громить паразитовъ или классифицировать ихъ по какимъ нибудь признакамъ, можемъ соболѣзновать объ удрученныхъ трудомъ рабочихъ, которыхъ произведенія служатъ на поддержку безполезныхъ существованій. Но какъ уменьшить, какъ уничтожить зло вмѣсто того, чтобы только оплакивать его? Очень просто: нужно такъ организовать

трудъ, чтобы онъ сталъ пріятенъ, пріятнѣе даже бездѣлья. Одной этой мѣрой вы увеличите, по крайней мѣрѣ, въ два раза сумму товаровъ, имѣющихся на землѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убьете заразъ всѣхъ паразитовъ всего земного шара.

Самымъ лучшимъ привлеченіемъ къ труду служитъ его соотвѣтствіе съ нашими склонностями: этимъ стимуломъ и слѣдуетъ воспользоваться для окончательнаго искорененія паразитства. Пусть отнынѣ каждый членъ общества изберетъ себѣ ту профессію, къ которой онъ чувствуетъ наибольшую склонность, и пусть никакія внѣшнія условія не понуждаютъ его ограничиваться ею одною или отдаваться этой профессіи даже тогда, когда она ему прискучитъ. Всякимъ вкусамъ можно найти примѣненіе: обжора и лакомка займутся кулинарнымъ искусствомъ, любитель цвѣтовъ сдѣлается садовникомъ, тѣ, которые чувствуютъ особенную склонность къ животнымъ, найдутъ себѣ дѣло въ конюшняхъ или на скотныхъ дворахъ; дѣтямъ, любящимъ барахтаться въ грязи, поручена будетъ уборка нечистотъ и т. д. и т. д. Но при этомъ найдутся, разумѣется, люди, у которыхъ не окажется никакой наклонности ни къ какому роду труда, найдутся также необходимыя для общества работы, по самому своему свойству неспособныя быть источникомъ наслажденія; это мнимое препятствіе для полнаго проведенія предполагаемой нами реформы устраняютъ тѣ условія, въ которыхъ вообще будетъ находиться трудъ въ Новомъ Мірѣ.

Въ сущности, вѣдь, внѣшнія условія и составляютъ главное для работника. Самое скучное занятіе дѣлается привлекательнымъ, разъ оно сопряжено съ извѣстными удовольствіями, и наоборотъ, самое любимое можетъ опротивѣть, если отнять отъ него обычную пріятную обстановку. Заставьте, напримѣръ, записного танцора выдѣлывать различныя па, прыгать и вертѣться одному въ своей комнатѣ — онъ съ неудовольствіемъ примется, въ угоду вамъ, за такое утомительное и нелѣпое упражненіе, а пустите его же въ роскошную бальную залу, окружите толпой изящныхъ дамъ и прикажите оркестру взяться за музыку —посмотрите, что̀ сдѣлается съ вашимъ танцоромъ!.. И такъ во всякомъ дѣлѣ: среда, условія, въ которыхъ оно совершается, существеннымъ образомъ вліяютъ на его привлекательность; если теперь всякій трудъ будетъ находиться въ условіяхъ, удовлетворяющихъ людскимъ влеченіямъ, всякій

трудъ и сдѣлается *привлекательнымъ*, настолько привлекательнымъ, что за него будутъ браться не изъ-подъ палки, не въ случаяхъ крайности, не изъ страха голодной смерти, но просто изъ эгоистическаго желанія доставить себѣ наслажденіе. Въ чемъ должны состоять эти условія, удовлетворяющія психическимъ потребностямъ человѣка—мы уже знаемъ: сообразно тремъ нашимъ интеллектуальнымъ страстямъ (смотри вышеприведенную таблицу страстей), трудъ долженъ, во-первыхъ, выполняться цѣлой серіей рабочихъ въ коопераціи; во-вторыхъ, долженъ допускать проявленіе творческой силы человѣка и въ-третьихъ, не быть слишкомъ продолжительнымъ, но чередоваться почаще съ трудомъ иного характера.

«Привлекательный трудъ»—это главнѣйшая особенность рекомендуемаго Фурье общественно-промышленнаго порядка. Мы еще не знаемъ, какъ именно онъ будетъ организованъ, но за—то уже съ разныхъ сторонъ подошли къ этому центру практической стороны всего ученія: намъ теперь извѣстно, какія язвы стремится уврачевать Фурье своимъ Новымъ міромъ , и, кромѣ того, извѣстно, какимъ условіямъ обязанъ удовлетворять будущій строй, чтобы быть въ согласіи съ природой человѣка. Намъ остается, наконецъ, выяснить его предположительную организацію, какъ она обрисована въ сочиненіи Фурье: «Новый Міръ промышленный и соціальный».

Экономія въ производствѣ и экономія въ потребленіи одинаково указываютъ на ассоціацію, какъ на лучшую форму хозяйственной жизни. Выгоды крупной промышленности и совмѣстной жизни многихъ производителей замѣчены были экономистами задолго до Фурье, задолго до него онѣ были провѣрены на опытѣ и блестяще обнаружились на фабрикахъ и большихъ мануфактурахъ: несмотря, однако, на свои очевидныя преимущества, кооперація не получила все-таки всеобщаго распространенія, она не охватила собой всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности и, между прочимъ, не была или почти не была испробована въ *земледѣліи*. Этотъ пробѣлъ и думалъ восполнить Фурье своимъ предложеніемъ устраивать «земледѣльческія ассоціаціи», члены которыхъ должны вести совмѣстную жизнь на началахъ потребительнаго товарищества и пользоваться всѣми преимуществами, какія только могутъ доставить людямъ привлекательный трудъ и раціональная организація производства.

Квадратная миля—вотъ площадь земли, достаточная для такой образцовой фермы, 600—700 семействъ или 1,600—2,000 человѣкъ — вотъ цифра ея обитателей. Капиталъ, необходимый для обзаведенія (4 или $4^1/_2$ милліона), можетъ быть откуда-нибудь занятъ или полученъ на акціяхъ, которыя, конечно, въ виду выгодности предпріятія, мигомъ расхватаютъ всѣ состоятельные люди, всѣ банкиры и финансисты; впослѣдствіи барыши ассоціаціи позволятъ сполна выплатить этотъ необходимый долгъ, если вообще члены товарищества пожелаютъ быть полными и независимыми собственниками всей фермы. Участокъ, предназначенный для опыта, долженъ быть раздѣленъ на нѣсколько лоскутьевъ и на нихъ, сообразно почвеннымъ условіямъ каждаго, будетъ производиться особая культура: всѣ лучшіе сорта зернового хлѣба, травъ, льну и другихъ полевыхъ растеній, продукты огородничества и садоводства будутъ здѣсь воздѣлываться и дадутъ, благодаря особенно тщательному уходу и всяческимъ усовершенствованіямъ, самые поразительные урожаи. Жилищемъ для членовъ ассоціаціи должно служить одно обширное зданіе, именуемое *фаланстеромъ* и приноровленное для самыхъ разнообразныхъ вкусовъ своихъ многочисленныхъ обитателей. Всякій, кто хоть что нибудь знаетъ о Фурье, навѣрно ужъ слышалъ объ этомъ грандіозномъ народномъ дворцѣ, съ его роскошными залами, читальными, концертными и бальными, съ его обширными аудиторіями для публичныхъ лекцій, съ его чудными зимними садами, съ его стеклянными галлереями, служащими мѣстомъ базаровъ и выставокъ, съ его комфортабельными гостиницами для пріѣзжающихъ, съ его телеграфомъ, водопроводомъ, паропроводомъ, обсерваторіей, колокольней, почтовыми голубями и проч. и проч. Многія изъ приманокъ фаланстера въ наше время имѣются въ каждомъ благоустроенномъ домѣ, но современникамъ Фурье, его ученикамъ и послѣдователямъ, предполагаемое обиталище членовъ ассоціаціи должно было казаться верхомъ комфорта и роскоши. Самые послѣдніе бѣдняки, увѣрялъ ихъ Фурье, достигнутъ въ фаланстерѣ той степени благосостоянія, которая при обыкновенныхъ условіяхъ доступна только милліонерамъ. Все здѣсь устроено просто, но удобно, вездѣ изящество и, главное, *экономія*. Вмѣсто пятисотъ кухонъ, которыя бы потребовались при современной раздробленности хозяйствъ, тутъ всего одна обширная кухня,

со всѣми необходимыми принадлежностями и съ хорошей вентиляціей, вмѣсто пятисотъ амбаровъ — одинъ, вмѣсто пятисотъ прачешныхъ—одна, вмѣсто десятка больницъ — ни одной: въ фаланстерѣ при здоровой пищѣ и правильномъ образѣ жизни болѣзни вовсе исчезнутъ; впрочемъ, пріемный покой и нѣсколько врачей будутъ необходимы для оказанія первой помощи на случай какихъ-нибудь увѣчій или нечаяныхъ поврежденій. На врачахъ будутъ лежать главномъ образомъ обязанности санитаровъ, т.-е. общее наблюденіе за гигіеничностью жизни въ фаланстерѣ.

Было бы слишкомъ утомительно перечислять далѣе всѣ сбереженія, которыя сдѣлаютъ обитатели фаланстера на продуктахъ и дровахъ при приготовленіи пищи заразъ для такой массы лицъ, всѣ сбереженія на машинахъ и инструментахъ во всякаго рода домашнихъ работахъ, наконецъ, громадныя сбереженія во времени и трудѣ при томъ условіи, что все будетъ подъ руками и рабочіе не окажутся вынужденными къ невольному бездѣйствію, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ нашей прислугой. Совмѣщая въ себѣ, такимъ образомъ, всѣ выгоды потребительной ассоціаціи, фаланстеръ будетъ, однако, избавленъ отъ ея темныхъ сторонъ: онъ не потребуетъ отъ своихъ членовъ никакого однообразія вкусовъ, никакого подчиненія воли индивидовъ одному общему режиму; напротивъ, каждый, сообразно своимъ склонностямъ и своему *состоянію*, будетъ избирать себѣ отдѣльное помѣщеніе, питаться и одѣваться какъ ему заблагоразсудится, только и пищу, и одежду онъ станетъ получать изъ общихъ складовъ, изъ имущества всей ассоціаціи. Коммунизма въ описанной нами общинѣ нѣтъ и слѣда, и слѣдовательно не правы тѣ критики (Сюдръ Лавеле, Шэфле, у насъ г.г. Щегловъ и Куперникъ), которые называли Фурье коммунистомъ. Въ Новомъ Мірѣ напротивъ свято охраняются и частная собственность, и бракъ, а индивидуальныя различія не упускаются изъ виду при распредѣленіи работъ.

Но какъ же въ фаланстерѣ организованъ трудъ? Да, собственно говоря, никакъ не организованъ — онъ самъ организуется сообразно естественнымъ наклонностямъ каждаго работника, и та доля регламентаціи, которая порой необходима, вносится спеціалистами въ данной отрасли, избранными своими товарищами. Иной власти, какъ власть выборная, иного авторитета, какъ авторитетъ знанія или опытно-

сти, иныхъ преимуществъ, какъ преимущества ловкости и ума—въ фаланстерѣ не существуетъ. Каждый членъ общины, безъ различія пола и возраста, избираетъ себѣ то занятіе, которое его болѣе привлекаетъ, и присоединяется къ рабочимъ, уже раньше взявшимся за тотъ же трудъ. Ему приходится при этомъ подчиниться нѣкоторымъ правиламъ своей «серіи», но онъ нисколько не прикованъ къ разъ избранному занятію и, слѣдовательно, всегда можетъ оставить эту серію—наприм., серію огородниковъ, и присоединиться къ другой. Между такими серіями рабочихъ подѣлены всѣ роды промышленности, и вездѣ мы видимъ одни начала: свободу въ выборѣ себѣ дѣла, работу въ коопераціи и постоянныя смѣны, постоянное разнообразіе труда. Благодаря тому, что всякому человѣку прирождено множество наклонностей, никто не ограничится однимъ какимъ нибудь занятіемъ, одною профессіей, какъ это почти неизбѣжно въ современномъ строѣ, а приметъ, напротивъ, участіе заразъ въ нѣсколькихъ серіяхъ, такъ что при каждомъ отдыхѣ онъ будетъ мѣнять работу. Подобнымъ устройствомъ достигается значительное раздѣленіе труда, а свобода, съ которою дѣлаются переходы, ставитъ это раздѣленіе въ непосредственную связь съ индивидуальными различіями организмовъ. Частые переходы, постоянныя смѣны труда устраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую монотонность и даютъ полный просторъ страсти къ разнообразію. Такое же широкое примѣненіе получатъ и двѣ другія страсти человѣка: страсть къ соревнованію и страсть къ творчеству; первая будетъ возбуждаться постояннымъ присутствіемъ товарищей, вторая явится, какъ результатъ соотвѣтствія работы съ характеромъ работника; извѣстно, что излюбленному занятію всегда предаются съ жаромъ.

Такимъ образомъ, въ фаланстерѣ, гдѣ трудъ сдѣлается удовлетвореніемъ какой-нибудь нашей особенной склонности, а если таковой не имѣется, удовлетвореніемъ главнѣйшихъ интеллектуальныхъ страстей, предаваться ему будетъ, очевидно, для всѣхъ пріятнѣе, чѣмъ посвящать свое время бездѣлью, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ мы только избавляемъ себя отъ того, что можетъ доставить одно лишь наслажденіе. Получаемая, благодаря этому, выгода не исчерпывается привлеченіемъ къ труду паразитовъ, которые порождаются именно отталкивающимъ характеромъ труда и дурною организаціей производства въ современномъ обществѣ. Не меньшую выгоду составитъ также и то

что трата силы въ «Новомъ Мірѣ» станетъ значительно продуктивнѣе; этому будутъ содѣйствовать не только энтузіазмъ и соревнованіе, которые не замедлятъ здѣсь проявиться, но также введеніе во всѣ отрасли крупной системы производства пользованія лучшими машинами и обработка земли согласно почвеннымъ ея условіямъ. Въ настоящее время принадлежность земли и орудій отдѣльнымъ лицамъ ставитъ производство въ зависимость отъ средствъ производителя—въ фаланстерѣ этого не будетъ: *всѣ* работы станутъ производиться хорошими машинами, такъ такъ онѣ составятъ собственность цѣлой серіи, точно такъ же и *вся* земля разобьется на участки не для того, чтобы на каждомъ, какъ бы это ни было неудобно, воздѣлывать продукты первой необходимости для хлѣбопашца, а съ той цѣлью, чтобы какъ можно лучше сообразовать культуру земли съ ея природными особенностями, что, разумѣется, возможно только при условіи принадлежности земли всей ассоціаціи, всей *фалангѣ* (такъ называется населеніе фаланстера).

Фаланга, какъ нѣчто цѣлое, какъ юридическое лицо, выступитъ и въ торговыхъ сношеніяхъ; въ ея общія хранилища будутъ стекаться результаты труда всѣхъ ея членовъ, отсюда же въ обмѣнъ за свои издѣлія они могутъ получать все имъ необходимое. Такимъ образомъ устраняются всякіе посредники между торгующимъ своими издѣліями и покупателемъ, и во внутренней торговлѣ со всѣми сопровождающими ее и указанными Фурье бѣдствіями не окажется больше никакой нужды. Дурныя и фальсифицированныя произведенія вовсе перестанутъ поступать на рынокъ; производить ихъ здѣсь ни для кого не будетъ выгодно, такъ какъ обманъ, позоря обманувшаго, нисколько не послужитъ къ его выгодѣ. Такое именно дѣйствіе произведетъ система вознагражденія въ «Новомъ Мірѣ», гдѣ дѣятельность каждаго члена общины станетъ оплачиваться не по количеству произведенныхъ имъ продуктовъ (это количество въ кооперацiи не всегда даже можетъ быть вычислено), а по количеству затраченнаго труда, по свойству работы, по силѣ его таланта и по величинѣ вложеннаго въ предпріятіе капитала.

Ни одно изъ этихъ основаній не измѣнится, если доброкачественный продуктъ подмѣнить продуктомъ плохого свойства, не измѣнится, слѣдовательно, и размѣръ вознагражденія нашего производителя. Для болѣе правильной оцѣнки всѣ работы въ фалангѣ располагаются по степени ихъ *привлекательности*,

по степени *трудности* и по степени *полезности*, причемъ въ послѣднемъ случаѣ принимается въ соображеніе также и та сторона, которая въ нынѣшнемъ промышленномъ строѣ вознаграждается очень рѣдко, а именно: степень вліянія, оказываемаго работой на возбужденіе въ людяхъ альтруистическихъ чувствъ. Вознагражденіе присуждается рабочему его серіей: 1) прямо пропорціонально тому, насколько его трудъ содѣйствуетъ закрѣпленію единства между членами общины, 2) обратно пропорціонально тому, насколько онъ ему пріятенъ, и 3) прямо пропорціонально препятствіямъ, преодолѣніе которыхъ работа требуетъ для своего выполненія. Таковы условія, вліяющія на размѣръ платы или, правильнѣе, на размѣръ вознагражденія (плата возбуждаетъ въ насъ представленіе о деньгахъ, а онѣ въ фаланстерѣ замѣнятся простою словесною оцѣнкою серіи), которое должно быть присуждено рабочему только за трату имъ извѣстнаго количества мускульной силы, только за трудъ въ техническомъ смыслѣ этого слова; но каждый продуктъ заключаетъ въ себѣ еще результатъ содѣйствія таланта и капитала—эти два фактора производства получатъ себѣ оцѣнку опять-таки по присужденію представителей той же серіи. Примѣрнымъ, болѣе разумнымъ распредѣленіемъ цѣны товара представлялось Фурье то, которое $^4/_{12}$ этой цѣны отдастъ капиталу, $^5/_{12}$—труду, $^3/_{12}$ таланту; справедливость вознагражденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обезпечивается тѣмъ, что рабочіе всегда могутъ служить производству всѣми тремя этими элементами или то тѣмъ, то другимъ, то третьимъ, а потому въ массѣ не будутъ настаивать на лучшей оцѣнкѣ одной какой-нибудь стороны; а затѣмъ участіе всякаго производителя заразъ во многихъ серіяхъ достаточно гарантируетъ ассоціацію отъ того, чтобы нѣкоторыя отрасли промышленности оцѣнивались въ ней въ ущербъ другимъ.

Полное единеніе въ средѣ обитателей фаланстера, сознаніе пользы, приносимой всѣми каждому и каждымъ всѣмъ, наконецъ, взаимная признательность за помощь, какую въ разныхъ серіяхъ умѣлый окажетъ неумѣлому, слабый—сильному, талантливый—неспособному, причемъ рабочій, въ одномъ случаѣ нуждающійся въ руководителѣ, въ другомъ—самъ сдѣлается такимъ руководителемъ,—всѣ эти черты согласія и гармоніи промышленной жизни, устроенной по плану Фурье, сами собой должны исключить въ «Новомъ Мірѣ» всякое противорѣчіе инте-

ресовъ, всякое обогащеніе одного работника за счетъ другого, сдѣлать невозможнымъ это великое бѣдствіе современнаго намъ капиталистическаго режима, бѣдствіе одинаково гибельное и для нашего производства, и для нашей нравственности. Мы говоримъ: противорѣчіе интересовъ, а не *конкуренцію*, которая останется и здѣсь, но только потеряетъ весь свой острый характеръ вслѣдствіе разносторонности занятій, доступныхъ каждому: столкновеніе экипажей только тамъ страшно, гдѣ одна дорога и, притомъ, узкая, но на широкомъ пути и тамъ, гдѣ есть много проѣздовъ, сколько угодно повозокъ разъѣдутся, не столкнувшись, не опрокинувъ другъ друга... Тѣ профессіи, которыя, не взирая на общія условія солидарной жизни въ фаланстерѣ, получатъ, все-таки, возможность извлекать себѣ пользу изъ несчастій людей, подвергнутся въ «Новомъ Мірѣ» коренному преобразованію, такъ что и онѣ не нарушатъ общей гармоніи интересовъ. Для примѣра можно указать на то, какъ Фурье предлагалъ вознаграждать услуги врачей. «Въ цивилизаціи (т.-е. въ соврем. цивилизованномъ строѣ) говоритъ онъ,—докторъ зарабатываетъ пропорціонально количеству больныхъ, которыхъ онъ пользовалъ. Ему, слѣдовательно, выгодно, чтобы болѣзни были многочисленны и продолжительны, особенно среди богатыхъ. Обратное тому имѣетъ мѣсто въ Гармоніи: доктора содержатся здѣсь дивидендомъ со всего дохода фаланги, дивидендъ этотъ растетъ и падаетъ вмѣстѣ съ общимъ и сравнительнымъ доходомъ фаланги. Меньше она будетъ имѣть больныхъ и умершихъ за годъ, крупнѣе станетъ сумма, предназначенная для докторовъ. Выгода ихъ, такимъ образомъ, ничѣмъ не будетъ отличаться отъ выгоды страховщиковъ жизни: они окажутся заинтересованными предупреждать зло, а не лѣчить его».

Чтобы закончить нашъ, должно сознаться, слишкомъ недостаточный очеркъ фаланстеріальнаго устройства, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которымъ по плану Фурье подвергнется жизнь домашняя и общественная. Здѣсь, какъ при организаціи промышленности, въ основу всѣхъ отношеній должно лечь свободное удовлетвореніе людскихъ склонностей. Избраніе себѣ людей близкихъ будетъ такъ же свободно, какъ и избраніе профессіи; *серіи* рабочихъ, составленныя сообразно различію работъ, распадутся на *группы* лицъ, связанныхъ между собой дружбой или симпатіей; это новое дѣленіе, удовлетворяя душевнымъ страстямъ человѣка, окажетъ одно

только благотворное вліяніе на успѣшность труда: соревнованіе между группами увеличитъ достоинство произведеній. Совмѣстная работа и частыя встрѣчи на поляхъ и въ мастерскихъ молодыхъ людей обоего пола поведутъ къ ихъ взаимному сближенію, а затѣмъ, можетъ быть, и къ браку, но этотъ исходъ не представляетъ въ «Новомъ Мірѣ» чего-нибудь неизбѣжнаго. *Свобода половыхъ отношеній* въ фаланстерѣ столь велика, что молодая дѣвушка до брака можетъ перемѣнить нѣсколько любовниковъ, а затѣмъ, соединивъ даже свою жизнь съ кѣмъ-нибудь, она не обязана всегда ему оставаться вѣрной. Фурье думалъ, что главное зло брачной жизни заключается въ нерасторжимости брака и въ необходимости для супруговъ скрывать свои истинныя чувства. Любовь контрабандой представлялась ему величайшимъ развратомъ, и ее-то устранить онъ и имѣлъ въ виду, допуская въ семьѣ, какъ и повсюду, самое широкое удовлетвореніе страстей. Мы уже говорили, что въ такомъ видѣ это значитъ только узаконить развратъ, назвать просто порокъ добродѣтелью, это значитъ сдѣлать ту же ошибку, за которую Фурье и его ученики такъ казнятъ экономистовъ—«вмѣсто стѣсняющихъ монополій, предложить анархическую конкуренцію».

Переходя къ той сторонѣ ученія Фурье, которая касается государственной жизни, приходится отмѣтить, прежде всего, ея неясность и неразработанность, мѣшающія съ увѣренностью приписывать нашему философу тѣ или иные политическіе взгляды. Къ тому же его ученики, болѣе радикальные, чѣмъ онъ самъ, нарочно, кажется, замалчивали и даже по-своему видоизмѣняли взгляды учителя, напримѣръ, на сущность государственной власти. Повидимому, дѣло представлялось Фурье такимъ образомъ, что во главѣ каждаго фаланстера будетъ стоять выборная власть, завѣдующая всѣми его хозяйственными дѣлами, во главѣ всѣхъ фаланстеровъ одной страны—единоличная власть, называемая *унархъ*, во главѣ управленія всѣмъ земнымъ шаромъ—*омніархъ*. Функцій этихъ правителей Фурье въ точности нигдѣ не опредѣляетъ, едва-ли даже онъ оставляетъ на ихъ долю какое-нибудь дѣло, кромѣ общаго наблюденія и руководства—во всякомъ случаѣ онъ не даетъ имъ ни войска, ни какой иной принудительной силы. Впрочемъ, когда фаланстеры получатъ всеобщее распространеніе, государственное управленіе, вообще, до крайности упростится, дѣла общины будутъ рѣшаться ею же самой безъ посторонняго вмѣшательства, такъ что *государство въ сущ-*

ности отождествится съ фаланстеромъ. Тѣ стороны управленія, которыя требуютъ нынѣ особенно сложныхъ административныхъ механизмовъ, въ «Новомъ Мірѣ» или вовсе исчезнутъ, или получатъ самую простую и экономную организацію: множество чиновниковъ устранится за ненадобностью вслѣдствіе прекращенія торговли, прямой подоходный налогъ, вносимый въ опредѣленный день каждой серіей, значительно упроститъ финансовое дѣло, уничтоженіе частной поземельной собственности и, слѣдовательно, всякихъ межевыхъ споровъ, тяжебъ о потравахъ и проч., а главное совпаденіе интересовъ всѣхъ членовъ общины совершенно упразднитъ всѣ судебныя учрежденія и всю армію прокуроровъ, адвокатовъ, легистовъ, стражей, полицейскихъ и прочихъ соціальныхъ паразитовъ современнаго общественнаго строя, противнаго природѣ человѣка и потому вынужденнаго прибѣгать ко всякимъ принудительнымъ средствамъ.

Теперь нашимъ читателямъ извѣстенъ уже въ общихъ чертахъ весь механизмъ «Новаго Міра». Они знаютъ, что единственнымъ его двигателемъ являются страсти людей и что правильное ихъ удовлетвореніе и порождаетъ всю ту экономію и всю ту привлекательность, которыми отличаются въ «Новомъ Мірѣ» устройство общежитія, организація производства, вся домашняя и общественная жизнь. Это единое основаніе, объединяющее различныя части соціальнаго плана, намъ, кажется, удалось съ достаточною ясностью провести и въ нашемъ изложеніи, но за-то, гонясь за единствомъ и послѣдовательностью, мы въ значительной степени пожертвовали другой стороной дѣла—именно жизненностью и красотой, такъ что въ нашей, слишкомъ сухой, передачѣ читатели составятъ себѣ очень слабое понятіе о томъ обаяніи, которое можетъ производить знакомство со всѣми подробностями идеальнаго общежитія. Одинъ изъ критиковъ Фурье замѣтилъ, что его описаніе отличается такою точностью и яркостью, будто онъ разсказывалъ уже о чемъ-то существующемъ на землѣ и даже только что имъ видѣнномъ. При той силѣ воображенія, какой отличался нашъ авторъ, оно почти что такъ и было: онъ рисовалъ то, что отчетливо носилось предъ его умственнымъ взоромъ, и рисовалъ, притомъ, не какъ пытливый изслѣдователь, но какъ поэтъ въ минуту вдохновенія и внутренняго экстаза, облекая всѣ попадавшіеся на глаза предметы легкою дымкой поэтической идеализаціи.

Мы живо представляемъ себѣ этого одинокаго мечтателя си-

дящимъ за рабочимъ столомъ въ убогой мансардѣ, въ то время, какъ онъ предается вѣчнымъ своимъ заботамъ о доставленіи счастья всему человѣчеству и на крыльяхъ фантазіи облетаетъ имъ же самимъ устроенный райскій уголокъ земли. Возвращаясь къ дѣйствительности отъ такихъ поэтическихъ экскурсій, онъ долженъ былъ съ воодушевленіемъ хвататься за перо и, полный вѣры въ реальность только что видѣннаго, въ краснорѣчивыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ описывать до мельчайшихъ подробностей все устройство иного, лучшаго міра. Какими жалкими должны были быть въ его глазахъ и наше счастье, и наше богатство, и вся наша жизнь, по сравненію съ тѣмъ, что рисовалось ему въ воображеніи! Преимущества и выгоды фаланстера казались Фурье столь несомнѣнными и, притомъ, столь громадными, привлекательность предлагаемаго имъ общежитія настолько превосходящею привлекательность образа жизни самаго обезпеченнаго члена нашей цивилизаціи, грядущее избавленіе рода человѣческаго отъ бѣдствій разврата и бѣдности представлялось ему столь осязательнымъ, что онъ твердо вѣрилъ и въ необходимость, и въ возможность осуществленія своихъ проектовъ въ ближайшемъ будущемъ. Его наивный оптимизмъ въ этомъ отношеніи особенно ярко сказался въ слѣдующемъ фактѣ: объявивши на одной изъ своихъ первыхъ книгъ, что онъ бываетъ дома ежедневно въ 12 ч., Фурье затѣмъ до конца своей жизни спѣшилъ всегда домой къ этому часу, боясь, чтобы своей неаккуратностью не оттолкнуть какого-нибудь богача, который, увѣровавши въ его систему, могъ принести ему въ означенное время сумму денегъ, необходимую для заведенія фаланстера. Только этотъ первый шагъ и казался Фурье труднымъ, а далѣе, какъ только поразительныя выгоды новаго промышленнаго предпріятія станутъ извѣстны людямъ, ничто уже, по его мнѣнію, не въ силахъ будетъ задержать быстрое распространеніе фаланстеровъ по всей землѣ. Если бы въ 1822 г., разсуждаетъ онъ, сдѣлать первый опытъ, въ 1824 гармоническій порядокъ былъ бы введенъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, въ 1825 къ нему присоединились бы варвары и дикари, а въ 1826 г. фаланстеры покрыли бы собой весь земной шаръ... «Весь вопросъ о переустройствѣ общества — болѣе осторожно по тому же вопросу высказывается Консиденанъ—сводится къ устройству одной или нѣсколькихъ примѣрныхъ общинъ, практическое вліяніе которыхъ опредѣлитъ собою болѣе или менѣе быструю эволю-

цію и замѣну безпорядочныхъ обществъ гармоническимъ строемъ».

Здѣсь на порогѣ этого грядущаго эдема, гдѣ не будетъ ни слезъ, ни страданія, гдѣ «избранными станутъ всѣ званые», здѣсь останавливается Консидеранъ съ благоговѣніемъ и страхомъ. Исполненный неподдѣльнаго восторга, онъ восклицаетъ съ какой-то дѣтской вѣрой и трогательнымъ умиленіемъ: «Великій Боже! это слишкомъ прекрасно, чтобъ это не могло быть осуществимымъ!» Но его менѣе сдержанный и болѣе пылкій учитель не останавливается въ молчаливомъ созерцаніи предъ грандіозною картиной всеобщаго счастья, онъ идетъ дальше въ своихъ мечтахъ, забываетъ всѣ законы природы, весь присущій ему здравый смыслъ и смѣло пускается въ открытое море фантазіи; изъ подъ его пера начинаютъ выходить такія удивительно безумныя вещи, что у читателя можетъ родиться невольное сомнѣніе, не имѣетъ-ли онъ дѣло съ помѣшаннымъ или бредящимъ въ горячкѣ больнымъ.

Гармонически устроенная земля, пророчитъ Фурье, дастъ солнцу необходимыя испаренія, и это будетъ содѣйствовать новымъ твореніямъ въ животномъ и растительномъ мірѣ. Вредные и опасные звѣри исчезнутъ, а на ихъ мѣсто природа создастъ противу-львовъ, противу-китовъ, противу-акулъ, предназначенныхъ спеціально для служенія человѣку: эти животныя по собственному побужденію будутъ возить на моряхъ корабли и самихъ людей на сушѣ съ невѣроятною быстротой и всяческимъ комфортомъ. Подобныя же измѣненія произойдутъ и въ неодушевленномъ мірѣ: болота высохнутъ, вулканы потухнутъ, теплый климатъ распространится по всей землѣ. Благодаря этому жизнь человѣческая получитъ среднюю продолжительность въ 150 лѣтъ и сдѣлается столь блаженною, что люди будутъ жалѣть только объ одномъ, что день не имѣетъ вмѣсто 24 часовъ—48, чтобы можно было удовлетворить чрезвычайному разнообразію удовольствій, производимыхъ господствомъ «Новаго Міра». Не понимаемъ, отчего было Фурье не сдѣлать людямъ и этой уступки, отчего было не продлить сутокъ до 48 часовъ,—онъ, вѣдь, небесными явленіями распоряжался съ тою же легкостью, какъ и земными: вся планетная система, по его прорицанію, придетъ въ движеніе, и вотъ земля, совокупившись съ Меркуріемъ, своимъ пятымъ спутникомъ, родитъ землянику, совокупившись съ Палласомъ, четвертымъ спутникомъ, родитъ черную сморо-

дину, совокупившись съ Церерой, третьимъ спутникомъ, родитъ смородину съ шипами, совокупившись съ Юноной, вторымъ спутникомъ,—смородину гроздьями, совокупившись съ Фебиной, 1-мъ спутникомъ, не родитъ ничего, а совокупившись съ солнцемъ, произведетъ на свѣтъ основной восходящій плодъ, т.-е, виноградъ... Еще болѣе замѣчательны результаты отъ появленія въ планетной системѣ такъ называемой «Сѣверной Короны, совершенно новаго, дотолѣ не существовавшаго свѣтила... Но не довольно ли? Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.

Если мы устранимъ изъ системы Фурье всѣ очевидныя преувеличенія и нелѣпости, если отъ поэтическихъ прикрасъ отвлечемъ одну только экономическую основу и на ней сосредоточимъ свое вниманіе, уму нашему тотчасъ же представится вопросъ, осуществима ли вся эта система, возможно ли устройство фаланстеровъ и водвореніе на землѣ «Новаго Міра». На поставленный такимъ образомъ вопросъ отвѣтить придется рѣшительнымъ отрицаніемъ: несостоятельность фаланстеровъ видна уже изъ того факта, что ихъ устройство связано съ благотворительностью. Никакой разумный человѣкъ не станетъ покупать акцій, не имѣющихъ за собой никакихъ гарантій, слѣдовательно необходимый для обзаведенія капиталъ, равно какъ и земля для опыта должны быть просто кѣмъ-нибудь пожертвованы. Но насколько проблематиченъ подобный разсчетъ—долженъ былъ убѣдиться и самъ Фурье: какъ аккуратно ни являлся онъ домой къ 12 часамъ, ни одинъ изъ тогдашнихъ милліонеровъ даже не замѣтилъ такой предупредительности. Кромѣ этой первой, сразу бросающейся въ глаза преграды при осуществленіи всего замысла, прочности уже устроенныхъ фаланстеровъ будетъ не мало препятствій. Чтобы убѣдится въ этомъ, достаточно ознакомиться съ исторіей хотя нѣкоторыхъ опытовъ, предпринятыхъ учениками Фурье послѣ его смерти. Во Франціи и въ Америкѣ такихъ попытокъ завести фаланстеры было сдѣлано около 40, и ни одно изъ общежитій не просуществовало болѣе 12 лѣтъ, большинство же ликвидировало свои дѣла послѣ 3—5-тилѣтней жалкой борьбы съ неблагопріятными внѣшними условіями и внутреннимъ разложеніемъ.

Нельзя не замѣтить далѣе, что еслибъ даже проектъ Фурье былъ осуществленъ, не получилось бы все же всѣхъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые онъ намъ предрекаетъ. Остановимся сначала на самой главной отличительной чертѣ «Новаго

Міра»—это, разумѣется, его «привлекательный трудъ». Надо сознаться, что самая мысль сдѣлать трудъ источникомъ наслажденія и, такимъ образомъ, съ одной стороны привлечь къ производству всѣхъ паразитовъ, съ другой вызвать энтузіазмъ въ средѣ трудящихся, мысль эта невольно поражаетъ своей оригинальностью и заманчивостью. Если-бъ ее удалось провести въ жизнь, если-бы дѣйствительно трудъ могъ стать пріятнѣе бездѣлья, то мы не въ состояніи даже вообразить себѣ всѣхъ благотворныхъ послѣдствій этого нововведенія. Богатство народовъ возрасло бы до небывалыхъ размѣровъ, работа стала бы несравненно продуктивнѣе, недовольство рабочихъ классовъ исчезло бы, потому что всѣ бы тогда стали работать... Къ сожалѣнію только условія, въ которыя ставится трудящійся въ фаланстерѣ, не оказываются сами по себѣ достаточными для подобной реформы: работа не станетъ наслажденіемъ и въ этой новой обстановкѣ. Сотрудничество съ любимыми товарищами, постоянныя смѣны занятія, соревнованіе участвующихъ въ коопераціи, способность дѣла возбуждать энтузіазмъ, все это можетъ нѣсколько скрасить непріятность тяжелаго ремесла, но не такіе палліативы производятъ настоящіе перевороты въ чувствахъ—имъ не сдѣлать наслажденіемъ то, что до тѣхъ поръ являлось лишь въ видѣ печальной необходимости. Въ сущности, вѣдь, требованія Фурье не только не представляютъ собою чего-нибудь неслыханно новаго, невыполнимаго нигдѣ кромѣ фаланстера,—въ разной степени эти требованія удовлетворяются даже современнымъ промышленнымъ строемъ: развѣ, напримѣръ, артельная работа не отвѣчаетъ условію совмѣстности и соревнованія, развѣ нѣтъ труда въ окружающемъ мірѣ, который бы пробуждалъ въ людяхъ энтузіазмъ? Названныя условія и теперь, безъ всякаго сомнѣнія, не только осуществимы, но сплошь и рядомъ осуществляются, а трудъ все же не становится пріятнѣе бездѣлья. Значитъ Фурье для выполненія своей оригинальной и до извѣстной степени, надо надѣяться, осуществимой мысли не нашелъ никакихъ другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже намъ извѣстны и которыя, какъ оказывается, рѣшительно недостаточны для столь великаго переворота.

Впрочемъ, и самъ Фурье не считалъ возможнымъ, чтобы всѣ работы въ фаланстерѣ дѣлались только вслѣдствіе ихъ внутренней привлекательности: для болѣе тяжелыхъ и непріятныхъ онъ, вѣдь, установляетъ лучшее вознагражденіе и слѣдовательно до-

пускаетъ въ рабочихъ иной стимулъ къ дѣятельности, какъ только склонность къ данному виду труда. Если отвести этой поправкѣ все принадлежащее ей мѣсто, то и получится какъ разъ то состояніе промышленности, какое мы видимъ теперь, а именно: *неимущіе* будутъ предаваться труду, на который существуетъ наибольшій спросъ въ обществѣ и который поэтому лучше оплачивается, а *люди состоятельные*, если только не погрузятся въ бездѣйствіе (этого Фурье позволить не можетъ), или займутся трудомъ непроизводительнымъ (въ экономическомъ смыслѣ слова), какъ самымъ пріятнымъ, или, что еще хуже, своими издѣліями, приготовленными въ свободное время и безъ лишнихъ затратъ, окажутъ вредную конкуренцію на рынкѣ сбыта.

Отвергнувъ такимъ образомъ главную особенность «Новаго Міра», казавшуюся способной произвести весьма важныя перемѣны, и высказавши увѣренность, что привлекательнымъ каждый трудъ здѣсь не станетъ и что въ выборѣ того или иного труда рѣшающимъ факторомъ попрежнему будетъ не его привлекательность, а его вознаграждаемость, намъ теперь уже легко убѣдиться и относительно другихъ нововведеній Фурье въ ихъ совершенномъ безсиліи избавить человѣчество отъ золъ современной цивилизаціи. Мы уже видѣли, что половыя и брачныя отношенія не получатъ въ фаланстерѣ никакого упорядоченія. Къ столь же неудовлетворительнымъ результатамъ пришелъ Фурье въ своей борьбѣ съ вредными послѣдствіями торговли, соціальнаго паразитства и сложныхъ административныхъ учрежденій.

Торговля, столь ненавистная Фурье торговля, несмотря ни на что, раскинетъ свои сѣти и въ Новомъ Мірѣ: вѣдь, въ каждомъ фаланстерѣ, при малочисленности его обитателей и ограниченности пространства, которое онъ занимаетъ, а главное, вслѣдствіе особенностей климата и почвы, въ каждомъ фаланстерѣ будетъ производиться только часть всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для его продовольствія, а остальное будетъ получаться, конечно, посредствомъ мѣновыхъ сношеній съ сосѣдними общинами. Вотъ причина, почему въ организаціи Фурье можетъ получиться лишь сбереженіе въ людяхъ и капиталахъ, отдаваемыхъ теперь торговлѣ, но затѣмъ сама она, а также сопутствующіе ей кризисы, банкротства и спекуляціи останутся въ прежней силѣ. Останутся, разумѣется, и сложныя *административ-*

ныя организаціи. Едва-ли платежъ налоговъ будетъ производиться такъ аккуратно, какъ полагаетъ Фурье: сборщики податей въ той или иной формѣ, навѣрно, возникнутъ и здѣсь. Не утратится надобность и въ судебныхъ учрежденіяхъ: почему, спрашивается, исчезнутъ въ фаланстерахъ такія правонарушенія, какъ убійства и разныя преступленія противъ личности, дѣла о сопротивленіи властямъ, о нарушеніи «тишины и спокойствія» и вообще какихъ-нибудь полицейскихъ предписаній? Безъ всякаго сомнѣнія, все это останется и обусловитъ собой существованіе судовъ со всѣми служащими въ нихъ, а затѣмъ конечно, и существованіе жандармовъ, полицейскихъ, «лицъ, по деликатному выраженію Фурье—равнымъ образомъ непроизводительныхъ».

Признавая, однако, фаланстеры съ одной стороны неосуществимыми, съ другой—неспособными устранить всѣ указанныя самимъ Фурье бѣдствія, мы еще не хотимъ этимъ сказать, чтобъ они были ошибочны во всѣхъ частяхъ и чтобы тѣ начала, на которыхъ они построены, были совершенно негодны. Мы постараемся далѣе опредѣлить, что именно въ системѣ Фурье заслуживаетъ вниманія современнаго читателя, чѣмъ можно воспользоваться и въ наше время и что, напротивъ, сохранило лишь чисто историческій интересъ, не имѣя уже ни практическаго значенія, ни научной цѣнности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Утопическое и неутопическое въ системѣ Фурье.—Экономическій матеріализмъ.—Отношеніе къ работающему классу и къ капиталу.—Судьба и значеніе идей Фурье.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ критиковъ отъ 2 января 1881 г. М. Е. Салтыковъ говоритъ, между прочимъ: «Вѣдь, и Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія». Вотъ только эту «прикладную часть» имѣли въ виду и мы, когда на предъидущихъ страницахъ подвергли критикѣ, а затѣмъ осужденію «земледѣльческую ассоціацію» Фурье; что же касается тѣхъ общихъ поло-

женій, которыя легли въ основу всей его системы и вылились въ форму идеальныхъ общежитій, то они до сихъ поръ оставались почти незатронутыми. Характеристика главныхъ общественныхъ, этическихъ и экономическихъ взглядовъ Фурье и должна составить теперь нашу задачу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательную, заключительную оцѣнку этого мыслителя. Задача эта, вообще по отношенію ко всякому писателю нелегкая, становится въ данномъ случаѣ еще труднѣе въ виду того, что сколько-нибудь законченнаго разбора міросозерцанія Фурье еще не было сдѣлано никѣмъ изъ его критиковъ, въ большинствѣ случаевъ не шедшихъ далѣе отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній. Не беря на себя смѣлости дать полную оцѣнку доктрины Фурье и тѣмъ заполнить существующій, по нашему мнѣнію, пробѣлъ въ критической литературѣ о немъ, мы все же въ заключеніе нашей работы сдѣлаемъ попытку подчеркнуть нѣкоторыя, особенно важныя его идеи, чтобы тѣмъ оправдать наше исключительное вниманіе къ этому мыслителю.

Изъ приведеннаго нами отзыва Салтыкова видно, какъ рѣзко можно отличать Фурье-философа отъ Фурье-практика и какъ высоко можно цѣнить перваго, совершенно не признавая заслугъ второго. Самая легкость, съ которою практическая прикладная сторона его ученія отпадаетъ отъ основныхъ руководящихъ идей, нисколько не вредя имъ (въ этомъ сейчасъ мы убѣдимся), показываетъ уже недостаточное сродство его теоретическихъ посылокъ и практическихъ слѣдствій. Въ дѣйствительности, рамки фаланстера сплошь и рядомъ только стѣсняли примѣненіе нѣкоторыхъ широкихъ и плодотворныхъ идей Фурье. И насколько эти послѣднія были для своего времени оригинальны и новы, настолько же несамостоятельнымъ должно быть названо его предложеніе соединить людей въ небольшія общежитія. И въ Англіи, и во Франціи можно указать цѣлый рядъ писателей XVIII-го столѣтія, которые предлагали подобныя общежитія, какъ наилучшую экономическую форму жизни.

Всего ближе къ Фурье въ этомъ отношеніи стоитъ Морелли, который предвосхитилъ у него даже требованіе удовлетворять людскимъ страстямъ и раздѣлять работы на серіи, сообразно ихъ особенностямъ. Въ подтвержденіе приведемъ слова самого Морелли, въ такихъ выраженіяхъ описывающаго, какъ будутъ въ его общинѣ проводить дороги: «Дѣти, женщины и старики, и люди взрослые оставляютъ свои жилища и раздѣляются на мно-

гочисленные отдѣлы: одни копаютъ землю, переносятъ ее и выравниваютъ, другіе копаютъ, обтесываютъ и кладутъ камни; нѣкоторые садятъ деревья вдоль канавъ и проч... Въ этой толпѣ царствуетъ такой порядокъ, занятія распредѣлены такъ хорошо, что громадныя работы исполняются съ удивительной скоростью и кажутся играми...» — «Нѣтъ ничего легче,—говоритъ Морелли въ другомъ мѣстѣ своей Базиліады,—какъ изданіе законовъ для подобнаго братскаго общежитія: здѣсь самый совершенный порядокъ является какъ результатъ неограниченной свободы. И вотъ въ какомъ случаѣ можно отдаться вполнѣ доброй природѣ и за принципъ жизни принять правило, написанное Раблэ на воротахъ телемскаго аббатства: «дѣлай, что тебѣ нравится». При такомъ порядкѣ всякое принужденіе безполезно, потому что повиновеніе будетъ исполненіемъ желанія»·

Оказывается, что самую идею фаланстера мы находимъ уже ясно выраженною у одного изъ писателей прошлаго столѣтія и, такимъ образомъ, самостоятельное дѣло Фурье сводится только къ разработкѣ нѣкоторыхъ частностей общиннаго устройства. Отвергнувъ цѣликомъ всю эту практическую сторону, мы, слѣдовательно, освобождаемъ ученіе Фурье отъ тѣхъ его чертъ, въ которыхъ сказалось подчиненіе автора вліянію старыхъ утопистовъ и выдвигаемъ на первый планъ тѣ его взгляды, благодаря которымъ онъ такъ выгодно отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Неудачная и неоригинальная форма, въ которую облекъ Фурье свои мысли, только вредила дѣлу ихъ распространенія, такъ какъ заставляла предполагать въ немъ не серьезнаго ученаго, а утописта старыхъ временъ. Это заблужденіе не исчезло еще и понынѣ, и можно найти не мало серьезныхъ критиковъ, которые упорно продолжаютъ обзывать Фурье утопистомъ, не желая проникнуть въ его систему далѣе ея утопической оболочки. Мы, однако, съ своей стороны, готовы настаивать на томъ, что даже эта оболочка, даже пресловутый фаланстеръ не даютъ права на подобное непониманіе, и вотъ почему: Фурье для своего общежитія, въ отличіе отъ всѣхъ утопистовъ, беретъ людей такими, какъ они есть, не предполагая въ нихъ ни особеннаго безкорыстія, ни исключительнаго альтруизма, и, по нашему, это обстоятельство кладетъ цѣлую пропасть между его «Новымъ Міромъ» и, напр., «Икаріей» Кабэ. Никогда, даже преувеличивая выгоды своего общежитія и предаваясь на этотъ

счетъ самымъ несбыточнымъ мечтаніямъ, никогда онъ не упускалъ изъ виду истинной природы человѣка, не забывалъ, что себялюбіе, эгоистическія побужденія играютъ самую видную роль въ хозяйственной жизни. Это реальное основаніе всего міровоззрѣнія Фурье заставляетъ насъ искать ему дѣйствительныхъ предшественниковъ, такихъ, которые бы точки совпаденія съ нимъ имѣли не въ формѣ своихъ сочиненій, а въ ихъ сущности, искать такихъ предшественниковъ не въ толпѣ утопистовъ-мечтателей на манеръ Мабли, Морелли, Гаррингтона и имъ подобныхъ, но среди ученыхъ экономистовъ, воздѣлывавшихъ менѣе привлекательное и менѣе поэтическое поле, поле фактовъ.

Уже отношеніе Фурье къ вопросамъ нравственнымъ обнаруживаетъ въ немъ экономиста по преимуществу. Что такое счастье въ его глазахъ? Не болѣе, какъ «удовлетвореніе страстей человѣка», оно чувственно и матеріально. «Я знаю только одного современнаго писателя»,—говоритъ онъ,—«который нѣсколько приблизился къ опредѣленію счастья, это—Бентамъ, который требуетъ реальности, а не иллюзій, всѣ же остальные такъ далеки отъ цѣли, что не заслуживаютъ даже критики». Та же мысль еще рѣшительнѣе высказана имъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: «богатство—вотъ первый источникъ всяческаго счастья». Такой взглядъ можетъ показаться нѣсколько одностороннимъ, но онъ является господствующимъ у изслѣдователей экономической стороны нашей жизни. Провозвѣстники новой нравственности и реформаторы-идеологи возлагаютъ свои надежды на духовное перерожденіе человѣчества; не такъ поступаетъ экономистъ, въ глазахъ котораго и благосостояніе всего народа, и довольство отдѣльныхъ личностей должны явиться на почвѣ удовлетворенія ими ихъ естественныхъ потребностей. Предлагая свою организацію общественной жизни, Фурье говоритъ, правда, о чувствѣ солидарности, которое свяжетъ тогда всѣхъ людей, и о томъ духовномъ наслажденіи, которое они будутъ испытывать отъ сотрудничества съ лицами избранными, но не на этомъ, очевидно, онъ строитъ свои разсчеты: приманкой къ устройству фаланстеровъ должно служить то матеріальное обезпеченіе, тотъ комфортъ личной жизни, которые сдѣлаются удѣломъ всѣхъ его членовъ.

Столь же матеріалистически разсматриваетъ Фурье и всю предшествующую исторію. Чисто-экономическія явленія отмѣчаютъ по его взгляду различныя стадіи въ развитіи общества,

и чисто-экономическія причины обусловливаютъ переходъ отъ одной стадіи къ слѣдующей. Изобрѣтеніе оружія и первыхъ инструментовъ, соединенія людей въ общественныя группы для болѣе успѣшной борьбы за существованіе, возникновеніе земледѣлія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, власти домохозяина, прекращеніе междуобщинныхъ войнъ, благодаря сліянію общинъ въ государства, эмансипація женщинъ, открытія и изобрѣтенія, далѣе: образованіе третьяго сословія, развитіе промышленности и торговли, примѣненіе принципа коопераціи—вотъ черты, которыми онъ характеризуетъ отдѣльныя ступени человѣческаго прогресса. Въ нихъ довольно ясно сказывается стремленіе найти *экономическую основу во всякихъ смѣнахъ историческихъ событій*, и хотя у Фурье это и остается только «стремленіемъ», но оно вполнѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ позднѣе та же мысль находитъ себѣ горячихъ защитниковъ и получаетъ твердое научное обоснованіе. Вообще, надо сказать, что своею философіей исторіи Фурье оказалъ извѣстную услугу современной наукѣ объ обществѣ. Оставивъ въ сторонѣ совершенно не научное сопоставленіе періодовъ жизни человѣчества съ таковыми же въ жизни отдѣльнаго человѣка, эту излюбленную аналогію философовъ начала новаго времени, мы найдемъ въ обзорѣ Фурье очень вѣрную картину первобытнаго общества, въ высшей степени мѣткія замѣчанія для характеристики среднихъ вѣковъ и, въ общемъ, много цѣннаго матеріала для правильнаго пониманія хода исторіи. Едва ли мы ошибемся поэтому, если отведемъ Фурье видное мѣсто среди ученыхъ, своими трудами сдѣлавшихъ возможнымъ серьезное изученіе законовъ исторіи, чѣмъ занимается теперь, какъ извѣстно, еще сравнительно молодая наука—соціологія.

Въ строго-экономическихъ вопросахъ у Фурье, конечно, не можетъ не быть много общаго съ предшествующими изслѣдователями хозяйственныхъ явленій: такъ, напримѣръ, его преимущественное вниманіе къ земледѣлію предъ обрабатывающею промышленностью объясняется вліяніемъ *физіократовъ* въ дни юности Фурье, пользовавшихся во Франціи особенною популярностью; его пристрастіе къ крупному производству и къ широкому раздѣленію труда—не что иное, какъ наслѣдіе взглядовъ Адама Смита. Но, воспользовавшись, такимъ образомъ, и даже довольно широко воспользовавшись мыслями своихъ предшественниковъ, Фурье во многомъ расходится съ ними

и идетъ дальше. Въ методологическомъ отношеніи такимъ шагомъ впередъ было его *ученіе о страстяхъ*, благодаря чему онъ и свои обобщенія строитъ уже на признаніи въ людяхъ не одного только чувства—эгоизма (какъ вся англійская школа), но и другихъ душевныхъ движеній: дружбы, любви, альтруизма. Однако, главною заслугою Фурье является все же его критическое отношеніе къ существующему общественному строю. Въ то время, когда всѣ видные представители политической экономіи берутъ этотъ строй за исходный пунктъ своихъ теоретическихъ разсужденій и тѣмъ какъ бы признаютъ его неизмѣнность, Фурье строго осуждаетъ весь современный ему общественный порядокъ и не считаетъ полезнымъ входить съ нимъ въ какіе бы то ни было компромиссы. Полная ломка стараго, уже осужденнаго на гибель, но еще не разрушившагося,—вотъ, что рекомендуется имъ, какъ единственный выходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія вещей. Яркость, съ которою онъ изобразилъ бѣдствія трудящихся классовъ, жестокая иронія съ которою отнесся къ безплоднымъ совѣтамъ проповѣдниковъ нравственности, сила, съ которою обрушился на царящій повсюду эгоизмъ и развратъ, позволили Энгельсу, извѣстному сотруднику Маркса, причислить Фурье къ величайшимъ сатирикамъ всѣхъ временъ.

Столь рѣзко порвавши со всѣмъ окружавшимъ его дѣйствительнымъ міромъ, Фурье не могъ уже остаться въ согласіи и съ экономическою наукой того времени. Ея первый лозунгъ laissez faire былъ для него ненавистенъ, ея абстрактныя теоретическія построенія были чужды его практическому уму, ея сухое доктринерство въ общественныхъ вопросахъ возмущало его сердце, чуткое къ страданіямъ ближнихъ. И вотъ мы видимъ, какъ Фурье своими познаніями, подчасъ даже своими выводами въ значительной степени обязанный тогдашней политической экономіи и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ оставаясь экономистомъ по преимуществу, рѣшительно и грубо открещивается отъ всякой солидарности съ этою «лживой наукой». Да и дѣйствительно, что общаго (кромѣ общности теоретическихъ посылокъ) могло быть у него, горячаго заступника всѣхъ угнетенныхъ, неутомимаго поборника попранныхъ правъ пролетарія, у него, обитателя мансардъ въ рабочемъ кварталѣ, что могло быть у него общаго съ тѣми кабинетными учеными, которые проводили свою жизнь въ обществѣ книгъ, не зная и не желая

знать интересовъ голодной толпы, которые и не для нея вовсе предавались наукѣ, но для самой науки, съ полнымъ безстрастіемъ относясь къ тому, кому именно, какому классу общества, какимъ принципамъ дадутъ они оружіе въ руки своими изысканіями? У Фурье весь ходъ его мышленія былъ совершенно обратный: предъ его глазами безсмѣнно стоялъ рабочій съ своими нуждами; отъ этого пункта отправлялся онъ далѣе въ своемъ исканіи не абстрактной истины, но лучшаго жизненнаго строя, такого, гдѣ бы всѣ нужды рабочихъ могли быть удовлетворены. Для кого, въ самомъ дѣлѣ, придуманы имъ и эти частыя смѣны работы, и этотъ привлекательный трудъ, для кого, какъ не для тѣхъ, кто всю свою жизнь въ нашемъ обществѣ влачитъ подъ ярмомъ неизбѣжнаго, принижающаго душу, труда? Для кого въ фаланстерѣ учреждены обширныя читальни, устроены публичныя лекціи, заведены всегда открытые и всегда цвѣтущіе сады, для кого, главнымъ образомъ, предназначается вся та общедоступность жизненныхъ благъ, которою отличается «Новый Міръ», для кого, какъ не для тѣхъ, кто въ мірѣ старомъ лишенъ всего этого?

Особенное вниманіе Фурье къ потребностямъ рабочаго класса отличаетъ его не только отъ послѣдователей Адама Смита, но и отъ его современника С.-Симона, вмѣстѣ съ нимъ стоящаго на порогѣ новаго теченія въ экономической наукѣ. С.-Симонъ имѣетъ съ Фурье много общаго, но опять-таки общаго въ болѣе теоретическихъ вопросахъ: онъ тоже ратуетъ за крупное производство, тоже указываетъ на естественное стремленіе людей къ ассоціаціи, тоже нападаетъ на свободную конкуренцію, тоже требуетъ для женщины больше свободы [1]). Но, раздѣляя съ Фурье заслугу всѣхъ этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ идей, С.-Симонъ, въ то же время, представляетъ еще собой человѣка вполнѣ стараго поколѣнія. Въ своихъ симпатіяхъ онъ, подобно англійскимъ экономистамъ, видимымъ образомъ склоняется на сторону буржуазіи, за ней онъ оставляетъ на будущее время

---

[1]) Осудивши необузданность въ удовлетвореніи страстей, допущенную Фурье въ его фаланстерѣ, мы здѣсь должны оговориться, что она является у него доведеніемъ до крайности въ сущности весьма симпатичнаго желанія освободить любовь отъ стѣсняющихъ ее условностей. Эта мысль, не чуждая уже писателямъ XVIII вѣка, впослѣдствіи сдѣлается особенно популярною: въ публицистикѣ и въ изящной литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ „свобода любви“ начинаетъ проповѣдываться съ такою настойчивостью, что становится почти общимъ мѣстомъ (припомнимъ, въ особенности, романы Жоржъ Зандъ).

*

право хранить орудія производства, распредѣлять ихъ между рабочими и надзирать за ходомъ промышленности. Классъ промышленниковъ вмѣстѣ съ духовенствомъ получаетъ у С.-Симона всю силу государственной власти, а «низшіе», по его словамъ, «любятъ своихъ законодателей и повинуются имъ». Хотя Фурье отчасти тоже повиненъ въ недостаточномъ пониманіи классовыхъ противорѣчій, но за то его никто уже, конечно, не упрекнетъ въ пристрастіи къ тѣмъ, кто посильнѣе.

Еще болѣе, чѣмъ въ доставленіи всякому возможности пользоваться благами жизни, болѣе, чѣмъ въ раціональной организаціи производства, симпатіи Фурье къ представителямъ рабочей силы сказались въ той главенствующей роли, которую онъ заставляетъ играть трудъ въ «Новомъ Мірѣ». Капиталъ сохраняется здѣсь, но все значеніе переходитъ къ труду. Капиталистъ можетъ не работать, можетъ жить доходомъ съ имущества, но въ дѣйствительности и онъ не остается безъ дѣла, привлекательный трудъ побудитъ и его присоединиться къ какой нибудь отрасли производства. Стремленіе обусловить трудомъ самое существованіе человѣка составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей экономическихъ писателей новаго направленія, того же стремленія нельзя не замѣтить и у Фурье, хотя имъ оно еще не доводится до своихъ конечныхъ необходимыхъ выводовъ. Въ «Новомъ Мірѣ», какъ сказано, прибыль, доходъ безъ труда сохраняется и, значитъ, работа не составляетъ еще экономической необходимости, но она дѣлается необходимостью нравственной, отъ которой имущимъ также трудно уклониться, какъ и неимущимъ. Далѣе: эта сохраненная въ фаланстерѣ «прибыль» не оставляетъ, правда, работнику всѣхъ результатовъ его труда, но все-таки и та часть продукта, которая поступитъ въ его руки, будетъ настолько велика, что обезпечитъ ему жизнь не только въ сытости, но и въ довольствѣ, даже въ роскоши. Наконецъ, самое важное: трудъ сохраняетъ еще свой продажный характеръ, но общественыя условія «Новаго Міра» таковы, что онъ здѣсь не можетъ не найти себѣ приложенія, не можетъ не получить оплаты. Этимъ провозглашается великая идея: *право каждаго работника на трудъ*, т.-е. право не на исканіе только работы, какъ то со времени уничтоженія цеховъ свободно предоставляется каждому, но право на полученіе себѣ занятія и, притомъ, такого, которое бы было достаточно для удовлетворенія потребностей человѣка. Такое право обезпечивается за всѣми членами «земле-

дѣльческой ассоціаціи», а его осуществленіе самымъ кореннымъ образомъ должно измѣнить характеръ промышленной жизни.

Едва-ли, впрочемъ, справедливо было бы утверждать, что капиталъ и прибыль съ него оставлены Фурье неприкосновенными; они остаются, это правда, но управленіе капиталомъ изъ частныхъ рукъ переходитъ въ руки фаланги, такъ что его собственникъ довольствуется только полученіемъ извѣстнаго процента. Такимъ условіемъ обставляется обладаніе денежнымъ капиталомъ или капиталомъ въ видѣ извѣстной суммы продуктовъ потребленія, что же касается капитала, воплощеннаго въ орудіяхъ производства, то онъ въ фаланстерѣ не составляетъ уже вовсе объекта частной собственности. Подобное устройство не приведетъ, конечно, къ тому, что понимается нынѣ подъ именемъ «коллективнаго капитала», долженствующаго вытѣснить собой всѣ частные, и крупные, и мелкіе капиталы, но самая идея общественнаго производства, управляемаго, правда, еще не всѣмъ государствомъ, но все-таки всей ассоціаціей, эта идея осуществлена уже Фурье въ его фаланстерѣ.

Мы выше сказали, что рамки фаланстера подчасъ только стѣсняли примѣненіе нѣкоторыхъ его весьма широкихъ и плодотворныхъ идей: теперь мы видимъ наглядный примѣръ этому. Сознаніе необходимости объединить производсто вылилось у Фурье въ форму коллективнаго общиннаго производства именно потому, что онъ съ самаго начала соединилъ людей въ небольшія общежитія и вмѣстѣ съ тѣмъ отвергъ государство. Принципіальнаго различія между національною коллективною промышленностью и производствомъ въ ассоціаціи Фурье, конечно, нѣтъ, все дѣло тутъ только въ размѣрахъ и, тѣмъ не менѣе, различіе выходитъ немалое, такъ какъ въ одномъ случаѣ получается нѣчто цѣльное и независимое, а въ другомъ какъ бы отдѣльныя фабрики, слишкомъ ограниченныя по размѣрамъ, чтобы быть сколько-нибудь прочными и не нуждаться каждую минуту въ содѣйствіи другихъ общинъ. Здѣсь можно видѣть новое подтвержденіе нашей мысли, что, предлагая самые непрактичные или невыполнимые совѣты, Фурье исходилъ при этомъ изъ теоретическихъ положеній, поражающихъ и теперь своей дальновидностью и глубиной.

Ознакомившись съ системой Фурье во всѣхъ ея главныхъ частяхъ, было бы чрезвычайно интересно прослѣдить ея роль въ дальнѣйшей смѣнѣ экономическихъ доктринъ и такимъ образомъ

оцѣнить по достоинству ея историческое значеніе. За недостаткомъ мѣста мы вынуждены отказаться отъ этой новой задачи и потому ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что вліяніе, оказанное Фурье на современниковъ и потомковъ, было двоякаго сорта: съ одной стороны нѣкоторые изъ ученыхъ экономистовъ позднѣйшаго времени не только ознакомились съ его «соціальной системой», но даже отчасти позаимствовались изъ нея отдѣльными мыслями, съ другой—непосвященная, средняя читающая публика нашла въ сочиненіяхъ Фурье обильный матеріалъ для размышленія надъ многими соціальными вопросами. Вторая роль Фурье важнѣе первой. Онъ является связующимъ звеномъ между отвлеченной наукой и «обыденнымъ мышленіемъ»; своимъ своеобразнымъ страстнымъ краснорѣчіемъ онъ увлекаетъ за собой массу послѣдователей, направляетъ фантазію людей въ извѣстную сторону и настойчиво выдвигаетъ впередъ—«рабочій вопросъ».

Мальтусъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Книги и люди имѣютъ свою судьбу. И какъ подчасъ жестока, какъ трагична бываетъ эта судьба!... Ученый экономистъ, трудолюбивый изслѣдователь, провозвѣстникъ нѣсколькихъ истинъ, которыми можетъ гордиться наука, Мальтусъ для большой массы читающей публики служитъ не то какимъ-то пугаломъ, не то мишенью для насмѣшекъ. Съ именемъ его въ обществѣ тѣсно связано представленіе... объ абортивныхъ средствахъ. Во Франціи можно часто встрѣтить кличку «мальтузіанка» въ примѣненіи къ жуирующей дамѣ высшаго круга, не желающей себя обременять потомствомъ. Что же, и въ самомъ дѣлѣ Мальтусъ давалъ рецепты противъ невольныхъ послѣдствій жуированія, и въ самомъ дѣлѣ его главной заботой было открыть предупредительное средство противъ дѣторожденія? Ничуть не бывало, ни одного слова объ этомъ мы не находимъ въ сочиненіяхъ Мальтуса. Но въ такомъ случаѣ какое-же отношеніе имѣютъ такъ называемые «мальтузіанцы» и «мальтузіанки» къ автору «Опыта о народонаселеніи»? Точно такое-же, какъ «дарвинистъ» Поль Астье (изъ драмы Додэ) къ знаменитому англійскому біологу или «детерминистъ», герой романа Бурже «Ученикъ»—къ философу-историку Тэну...

Нравственные принципы и правила поведенія люди не вычитываютъ изъ книгъ, они ихъ составляютъ сами, подъ вліяніемъ столкновеній съ дѣйствительной жизнью. Но у насъ есть потребность приклеивать къ убѣжденіямъ ярлыки, давать людямъ извѣстныя клички. И вотъ эти-то ярлыки, эти клички мы и заимствуемъ изъ «умныхъ книжекъ», заимствуемъ иногда неудачно, заимствуемъ изъ книгъ, которыхъ даже не читали, просто

лишь по наслышкѣ... Отсюда получаются удивительные курьезы: Дарвинъ оказывается отвѣтственнымъ за парижскихъ искателей приключеній, Тэнъ—за психопатовъ, Мальтусъ—за дамъ полусвѣта!

Однако, кромѣ такихъ *насильственныхъ*, навязанныхъ Мальтусу учениковъ, у него есть ученики и вполнѣ добровольные, компрометирующіе его не менѣе первыхъ. Такіе «ученики» имѣютъ одну, всѣмъ имъ свойственную черту: имъ нѣтъ дѣла до научныхъ основъ ученія Мальтуса, они берутъ только его практическіе выводы, и то не всѣ, а лишь нѣкоторые, пригоняютъ ихъ такъ или иначе къ собственному міросозерцанію и затѣмъ изготовленную такимъ образомъ однобокую, фальшивую доктрину приписываютъ автору «Опыта о народонаселеніи». Въ Англіи и во Франціи существуютъ два разныхъ преобладающихъ типа мальтузіанцевъ. На родинѣ Мальтуса, уже послѣ его смерти, образовался цѣлый кружокъ лицъ, объединенныхъ той идеей, что, такъ какъ естественный приростъ населенія грозитъ человѣчеству страшными бѣдствіями, обязанность каждаго—по возможности воздерживаться отъ произведенія на свѣтъ большого потомства. Требованіе это находится еще въ извѣстномъ согласіи съ ученіемъ, развитымъ въ «Опытѣ о народонаселеніи», но наши мальтузіанцы идутъ далѣе самого Мальтуса. Такъ какъ, говорятъ они, главное заключается въ томъ, чтобъ населеніе не слишкомъ размножалось,—въ сущности довольно безразлично, какими средствами достигается эта важная цѣль. И они придумали цѣлый рядъ средствъ,—такихъ, о которыхъ въ сочиненіяхъ общаго характера не принято даже говорить. *Нравственное* воздержаніе Мальтуса превратилось у его учениковъ въ *безнравственное*...

Преобладающій типъ французскихъ послѣдователей Мальтуса имѣетъ своеобразный оттѣнокъ. Въ то время, какъ мальтузіанцы въ Англіи говорили о «нравственномъ долгѣ *каждаго*», объ обязанностяхъ «индивида предъ обществомъ», мальтузіанцы во Франціи нѣсколько сузили кругъ лицъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, обязательно обрекать себя на воздержаніе. Людямъ богатымъ стѣсняться нечего, но бѣднымъ.. Жениться, когда не можешь содержать семью, развѣ это не возмутительно?!! Вотъ въ этомъ-то, въ невоздержности, въ беззаботности, съ которой бѣдняки обзаводятся семьями,— и заключается, по мнѣнію нѣкоторыхъ французскихъ экономистовъ, причина ихъ

особенной нищеты, причина того, что они не могутъ подняться на высшую ступень общественной лѣстницы. Недаромъ и самое слово—пролетарій, происходя отъ латинскаго слова proles, означаетъ столько-же «бѣдный», сколько и «наклонный къ размноженію», «плодливый». Итакъ, заключаютъ наши мальтузіанцы, вся нищета въ современномъ намъ строѣ происходитъ отъ чрезмѣрнаго размноженія низшихъ классовъ; весь соціальный вопросъ заключается въ томъ, какъ бы привить пролетаріямъ привычки къ самообузданію и аскетическое отношеніе къ любви и къ браку. Едва-ли нужно говорить о всей жестокости такого совершенно своеобразнаго экономическаго *матеріализма*, согласно которому только деньгами покупается право на любовь и семейное счастье...

Опредѣлить съ полной точностью ту долю вреда, которую принесли Мальтусу въ общественномъ мнѣніи французскіе и англійскіе его ученики, конечно невозможно, но мы склонны думать, что болѣе половины тѣхъ постоянныхъ нареканій въ *жестокости* и *безнравственности*, которыя всегда въ такомъ изобиліи расточаются по адресу Мальтуса, обязаны своимъ происхожденіемъ не «Опыту о народонаселеніи», а уже позднѣйшимъ вольнымъ его толкованіямъ и комментаріямъ. Обвинять Мальтуса въ безнравственности—значить обнаруживать прямо свое незнакомство съ «Опытомъ о народонаселеніи». Быть можетъ высшая мораль, мораль будущаго, дѣйствительно не вполнѣ согласуется съ нравственными принципами англійскаго мыслителя, но та ходячая, будничная мораль, съ точки зрѣнія которой Мальтуса забрасывали грязью, «Опытомъ о народонаселеніи» рѣшительно не можетъ почитаться затронутой. Болѣе основанія имѣютъ объясненія въ жестокости, хотя и тутъ, повторяемъ, надо отдѣлить взгляды самого Мальтуса отъ всѣхъ позднѣйшихъ наслоеній и приклеекъ его учениковъ. Ученіе Мальтуса безотрадно, но надо показать, что оно ложно, иначе чѣмъ же виноватъ изслѣдователь, вскрывающій язвы общественной жизни? развѣ ему, а не самой жизни обязано оно своимъ существованіемъ? Выводы, которые Мальтусъ дѣлаетъ изъ своихъ теоретическихъ посылокъ, подчасъ дѣйствительно жестоки, но надо показать, что выводы эти сдѣланы неправильно, иначе какое значеніе могутъ имѣть всѣ наши жалобы?

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ, знакомя читателей съ Мальтусомъ, мы совершенно отрѣшились отъ той ходячей *мо-*

ральной оцѣнки, которая, по нашему мнѣнію, только вредитъ пониманію высказанныхъ этимъ экономистомъ идей. Вообще, мы старались возможно полнѣе, и возможно ближе къ подлиннику изложить взгляды Мальтуса,—писателя, всѣмъ извѣстнаго по имени, но мало извѣстнаго по его сочиненіямъ. Чтобы изобразить міровоззрѣніе Мальтуса во всей его полнотѣ, мы считали необходимымъ, не ограничиваясь обозрѣніемъ одного «Опыта о народонаселеніи», обратиться и къ другимъ, мало извѣстнымъ его сочиненіямъ («Основанія политической экономіи», «Опредѣленія въ политической экономіи», «Природа и возрастаніе ренты»). Такимъ образомъ ученію Мальтуса о народонаселеніи мы предпослали изложеніе его общихъ экономическихъ взглядовъ, весьма любопытныхъ самихъ по себѣ и въ то же время находящихся въ полной гармоніи и уясняющихъ намъ ту доктрину, изображенію которой посвященъ и «Опытъ о народонаселеніи». Быть можетъ для иныхъ, незнакомыхъ съ политической экономіей читателей эта глава (вторая), гдѣ мы трактуемъ о взглядахъ Мальтуса на прибыль, ренту и заработную плату, гдѣ говорится объ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій и излагается его ученіе о фондѣ заработной платы, о кризисахъ и т. под., покажется черезчуръ спеціальной и трудной, хотя мы и сдѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы придать изложенію наиболѣе популярный характеръ. Въ такомъ случаѣ читатели пускай пропустятъ всю обще-экономическую главу и обратятся прямо къ нетребующему никакой спеціальной подготовки народонаселенческому ученію Мальтуса. Тутъ они найдутъ сначала историческій обзоръ тѣхъ взглядовъ на народонаселеніе, которые господствовали до Мальтуса, въ древности, въ средніе вѣка и въ наше время. Такой обзоръ считаемъ мы вполнѣ необходимымъ для уясненія того значенія, которое «Опытъ о народонаселеніи» получилъ въ наукѣ и въ жизни. Не утруждая читателей разборомъ всѣхъ замѣчаній, предъявленныхъ многочисленными критиками «Опыта», мы постарались лишь доказать, въ какой степени аргументы противниковъ Мальтуса колеблятъ его ученіе. По нашему критическому очерку читатели, надѣемся, будутъ имѣть возможность судить, что именно изъ этого ученія сдѣлалось уже достояніемъ прошлаго и что, переживъ критику исторіи, осталось непоколебимымъ вплоть до настоящаго времени.

Мы льстимъ себя надеждой, что, каковы бы ни были недо-

статки нашей работы, читатели изъ нея познакомятся не съ тѣмъ мнимымъ, фантастическимъ Мальтусомъ, который такъ часто служилъ мишенью для нападокъ и для насмѣшекъ якобы читающей публики, который вызвалъ столь неосновательныя обвиненія въ безнравственности и столь преувеличенныя жалобы по поводу своей жестокости, но съ Мальтусомъ настоящимъ, реальнымъ, съ великимъ экономистомъ, обогатившимъ науку весьма замѣчательными изслѣдованіями и прямо, можно сказать, создавшимъ ученіе о народонаселеніи, до того времени не существовавшее и сохранившееся въ своихъ основныхъ чертахъ неизмѣннымъ даже до нашихъ дней.

ГЛАВА I.

Отецъ и родина Мальтуса.—Первые воспитатели.—Кэмбриджъ.—Начало литературной дѣятельности.—«Опытъ о народонаселеніи», его успѣхъ.—Путешествія.—Годы учительства.—Друзья, литературные противники.—Характеръ Мальтуса и отзывы окружавшихъ его.

Задача біографа Мальтуса не изъ особенно благодарныхъ. Не то, чтобы жизнь и характеръ автора знаменитаго «Опыта о народонаселеніи» не представляли никакого интереса для современниковъ, не то, чтобы наши свѣдѣнія о немъ были ужъ слишкомъ скудны (хотя они дѣйствительно не отличаются большой полнотой), но дѣло въ томъ, что трудно представить себѣ жизнь болѣе однообразную и въ такой степени лишенную движенія и внѣшнихъ событій, какъ та, которую велъ Мальтусъ. Кабинетный ученый, священникъ и профессоръ, онъ съ ранней молодости и до конца своихъ дней занимался однимъ и тѣмъ-же: учился и училъ другихъ. Всѣ его интересы, всѣ помыслы и наслажденія сводились къ этому главному пункту; единственными внѣшними вѣхами его внутренней жизни являются для насъ его работы. Пусть же читатель не удивляется, что въ статьѣ, посвященной біографіи Мальтуса, онъ найдетъ сравнительно мало чисто біографическаго элемента и, наоборотъ, такъ много объ его сочиненіяхъ. Иначе мы не сумѣли бы оцѣнить по заслугамъ значеніе человѣка, котораго творенія принадлежатъ всему міру, а жизнь—небольшому кругу юныхъ учениковъ и друзей.

О предкахъ Мальтуса свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что одинъ изъ нихъ, Франсисъ, а другіе говорятъ Томасъ Мальтусъ, издалъ въ 1629 году на французскомъ и на англійскомъ языкахъ сочиненіе: «Фейерверки, фортификація и ариѳметика». Это намъ даетъ поводъ отмѣтить въ семьѣ литературныя традиціи, поддержанныя отцомъ Мальтуса и переданныя сыну какъ бы по наслѣдству. Къ характеристикѣ отца и сводится въ сущности все, что мы знаемъ о родителяхъ Мальтуса. Что же касается матери, то о ней біографы хранятъ упорное молчаніе; она повидимому сходитъ рано въ могилу, не оказавши на сына никакого замѣтнаго вліянія. Скажемъ здѣсь кстати, что воспитаніе Мальтуса было ввѣрено однѣмъ мужскимъ рукамъ, вліяніе женскаго элемента не коснулось его ни въ раннемъ дѣтствѣ, ни позднѣе. Первымъ и главнымъ воспитателемъ Малтуса, сыгравшимъ не малую (хотя и довольно странную) роль въ его жизни, былъ безъ сомнѣнія его отецъ; на его типичной, любопытной фигурѣ намъ слѣдуетъ остановиться здѣсь немного дольше.

Даніель Мальтусъ родился въ 1730 г. Свое образованіе онъ цолучилъ въ Королевскомъ колледжѣ въ Оксфордѣ, который оставилъ въ 1747 г., не пріобрѣтя ни диплома, ни степеней. Это произошло не по недостатку средствъ, какъ полагали сначала иные біографы, потому что онъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ, и не вслѣдствіе его религіознаго свободомыслія, потому что при матрикуляціи онъ подписалъ требуемое заявленіе о своей принадлежности къ государственной церкви,—причина этого лежала въ томъ, что онъ совершенно не дорожилъ никакими внѣшними отличіями. Оставивъ университетъ, онъ не оставилъ дѣла своего образованія; окруженный друзьями изъ литературнаго міра, Даніель Мальтусъ много читалъ, а затѣмъ и самъ сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Какъ хорошему знатоку французской и нѣмецкой литературы, ему долгое время приписывался англійскій переводъ «Поля и Виржини» и «Страданій молодого Вертера». Однако новѣйшій біографъ Мальтуса, Бонаръ, опровергаетъ это и говоритъ, что онъ писалъ оригинальныя статьи, имѣвшія большой успѣхъ въ свое время, но неизвѣстныя намъ теперь вслѣдствіе ихъ анонимности. Большой поклонникъ гуманной философіи XVIII в., Даніель Мальтусъ былъ лично знакомъ съ нѣкоторыми изъ своихъ знаменитыхъ современниковъ, между прочимъ съ Юмомъ и Руссо; послѣдній даже сдѣлалъ его своимъ душеприказчикомъ.

Женившись Мальтусъ-отецъ поселился въ Суррейскомъ графствѣ близъ Доркинга, гдѣ находилось его небольшое имѣніе въ мѣстечкѣ Рукери. Здѣсь и родился сначала старшій его сынъ, Сайденгэмъ, а затѣмъ 14 февраля 1766г.—младшій, Томасъ Робертъ, впослѣдствіи авторъ «Опыта о народонаселеніи». Обстановка, въ которой выросъ мальчикъ, была вполнѣ благопріятна для его развитія. Онъ не зналъ бѣдности и лишеній, но въ то же время не былъ избалованъ и большимъ богатствомъ; дѣтство Роберта протекло въ деревнѣ, на лонѣ природы, въ живописнѣйшей мѣстности, въ домѣ обыкновеннаго англійскаго помѣщика средней руки. Окружающіе любили отца Мальтуса, какъ умнаго, любезнаго человѣка, составлявшаго украшеніе прихода, но въ то же время нѣсколько эксцентричнаго, довольствовавшагося обществомъ дѣтей и немногихъ знакомыхъ. Все свое время Даніель Мальтусъ проводилъ или въ своемъ кабинетѣ за книгами, или занимаясь ботаникой и изучая природу. Въ длинные зимніе вечера онъ любилъ сидѣть у камина, мечтая о грядущихъ вѣкахъ и о будущемъ счастьѣ всего человѣчества. Въ домѣ тогда было тихо и чинно, всякій сидѣлъ за какимъ-нибудь дѣломъ, а съ улицъ доносился только шумъ вѣтра да однообразное карканье грачей...

Въ такихъ условіяхъ и при такомъ отцѣ маленькій Робертъ долженъ былъ рано обнаружить наклонность къ книжнымъ занятіямъ и къ размышленіямъ. Онъ не былъ однако ребенкомъ тихимъ, лимфатическимъ, наклоннымъ къ сидячей жизни, какими обыкновенно бывали примѣрныя, ученыя дѣти. Напротивъ, обладая хорошимъ здоровьемъ и веселымъ открытымъ характеромъ, Робертъ любилъ общество и игры, въ которыхъ вмѣстѣ съ его братомъ участвовалъ иногда и Мальтусъ-отецъ. Послѣдній предоставлялъ своимъ дѣтямъ много свободы, и это вытекало у него изъ его общихъ философскихъ и педагогическихъ взглядовъ. Поклонникъ Руссо и всякой «естественности», насквозь проникнутый идеями «Эмиля», Даніель Мальтусъ полагалъ, что извѣстнаго рода laissez faire—лучшая система воспитанія. Къ обычному воспитанію въ общественныхъ заведеніяхъ онъ чувствовалъ большое недовѣріе, вынесенное имъ вѣроятно изъ собственнаго опыта, и потому старался дать сыновьямъ образованіе домашнее, самъ направляя ихъ занятія и удовлетворяя ихъ умственной пытливости. Многое однако онъ предоставлялъ ихъ самодѣятельности, возлагая большія надежды на внѣшнія условія и естественную любознательность дѣтей.

Въ Робертѣ обнаружились скоро особенныя способности. Тогда, не полагаясь на однѣ свои силы, отецъ рѣшилъ поискать ему воспитателя. Онъ вѣрилъ, что дѣти отличаются всѣми тѣми достоинствами и недостатками, какіе были свойственны ихъ родителямъ въ ихъ годы, и потому полагалъ, что для его сына всего полезнѣе будутъ тѣ самые люди, которые оказали и на него въ свое время хорошее вліяніе. Разсуждая такимъ образомъ, Мальтусъ-отецъ остановился на одномъ изъ своихъ старинныхъ знакомыхъ, мистерѣ Ричардѣ Грэвсѣ, и въ 1776 г. отправилъ къ нему своего младшаго сына обучаться латинскому языку и хорошимъ манерамъ. Воспитатель десятилѣтняго Роберта или «Донъ-Робертъ», какъ его здѣсь стали называть, былъ человѣкомъ старымъ, весьма образованнымъ и авторомъ «Духовнаго Донъ-Кихота», этой очень извѣстной въ свое время, но нѣсколько грубой сатиры противъ религіозныхъ распрей вообще и противъ двухъ англійскихъ теологовъ въ частности. Не имѣя педагогическаго призванія, Грэвсъ, повидимому, не особенно много вниманія удѣлялъ своимъ воспитанникамъ, которыхъ у него было нѣсколько, а потому не удивительно, что они занимались больше междуусобною бранью, нежели латинскимъ языкомъ; хорошія манеры при этомъ прививались тоже не очень усердно. Отецъ Мальтуса былъ вѣроятно не особенно доволенъ педагогическими пріемами своего стараго друга, потому что счелъ нужнымъ взять сына отъ мистера Грэвса и передать его въ другія руки.

Новымъ воспитателемъ Роберта былъ человѣкъ весьма замѣчательный и довольно извѣстный въ тогдашнемъ англійскомъ обществѣ: Жильбертъ Уэкфильдъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ непокорныхъ священниковъ, которые отказались принять «39 статей», формулировавшихъ впервые при Елизаветѣ основные догматы англійской церкви. Примкнувши къ диссидентамъ, Уэкфильдъ сдѣлался профессоромъ въ Варрингтонской академіи, основанной для того, чтобы давать «либеральное образованіе» дѣтямъ его единовѣрцевъ; сюда же посылали своихъ сыновей и тѣ изъ вѣрныхъ господствующей церкви англичанъ, которые, подобно Даніелю Мальтусу, сами придерживаясь свободныхъ взглядовъ въ вопросахъ религіи, желали и своихъ сыновей воспитывать въ томъ же духѣ. Уэкфильдъ однако былъ очень далекъ отъ дѣйствительнаго религіознаго свободомыслія; отвергнувъ «39 статей», онъ сдѣлался фанатикомъ диссиденства. Описывая своего учителя лѣтъ 20 спустя, Мальтусъ рисуетъ его намъ, какъ

человѣка стойкаго и идеально честнаго, неспособнаго идти ни на какіе компромиссы и совершенно безкорыстнаго, въ обществѣ скромнаго и любезнаго, но неумѣреннаго и заносчиваго въ публичныхъ диспутахъ религіознаго характера. Неумѣренностью и грубостью отличалась и его литературная полемика съ Пэномъ, извѣстнымъ представителемъ англійскаго раціонализма, авторомъ сочиненій «Вѣкъ разума» и «Права человѣка». Это не мѣшало Уэкфильду придерживаться очень правильныхъ и трезвыхъ взглядовъ на воспитаніе. «Величайшая услуга которую можетъ принести воспитатель молодому человѣку, говаривалъ онъ, это научить его пользоваться своими собственными силами и вести къ знанію постепенно, такъ, чтобы тотъ видѣлъ путь, которымъ онъ идетъ, и наслаждался сознаніемъ своихъ способностей и своихъ успѣховъ. Иначе могутъ выйти только куклы и полузнайки».

Если дѣтямъ умственно слабымъ и неспособнымъ подобная система могла оказаться не по плечу, то Мальтусу зато она принесла много пользы. Его независимый и смѣлый умъ, воспитанный деревенской свободой и безсистемными, случайными занятіями у мистера Грэвса, обогатился теперь при умѣломъ содѣйствіи Уэкфильда значительнымъ запасомъ знаній. Правду сказать, судьба удивительно благопріятствовала развитію мальчика. Сами по себѣ оба главные его воспитатели, Уэкфильдъ, сектантъ и религіозный фанатикъ, и Мальтусъ-отецъ, немного фанатическій послѣдователь французской философіи, не представляли собою примѣровъ для подражанія и были далеки отъ идеала спокойнаго, лишеннаго всякой предвзятости исканія истины. Но кромѣ нѣкотораго фанатизма, ихъ сближало еще глубокое отвращеніе ко всякому духовному гнету надъ несозрѣвшимъ умомъ ихъ воспитанника. Въ этомъ отношеніи они избѣжали ошибки многихъ хорошихъ, честныхъ, но близорукихъ родителей, полагающихъ задачу воспитанія не въ томъ, чтобы только развить способности и дать познанія ребенку, но чтобы еще привить ему опредѣленныя убѣжденія и заставить смотрѣть на вещи извѣстными глазами. Поэтому въ то время какъ подобные эксперименты кончаются обыкновенно неудачно, или гибельно отзываясь на умственныхъ силахъ воспитываемыхъ, или поселяя раздоръ между ними и воспитателями, въ данномъ случаѣ получилось совершенно иное: юноша Робертъ обогатился не сухимъ, мертвымъ знаніемъ, но богатымъ матеріаломъ для собственныхъ раз-

мышленій; онъ научился относиться критически ко всему окружающему и въ то же время сохранилъ глубокое уваженіе къ своимъ воспитателямъ, съ которыми онъ уже тогда расходился въ нѣкоторыхъ взглядахъ.

Изъ рукъ мистера Уэкфильда молодой Мальтусъ перешелъ въ іезуитскую коллегію въ Кэмбриджѣ. Сказавшееся въ этомъ шагѣ рѣшеніе избрать духовную профессію біографы Мальтуса объясняютъ отчасти вліяніемъ Уэкфильда, окончившаго свое образованіе именно въ этомъ заведеніи и устроившаго въ немъ своего воспитанника, отчасти желаніемъ самого юноши пріобрѣсти обезпеченное матеріальное положеніе, въ которомъ Мальтусъ нуждался, потому что, какъ младшій сынъ, онъ не наслѣдовалъ въ имуществѣ отца, перешедшемъ сполна къ его брату. Надо думать, что на его рѣшеніе не безъ вліянія осталась и хорошая постановка преподаванія въ іезуитской коллегіи. Поступивъ туда въ 1785 г., Мальтусъ съ жаромъ принимается за занятія. Подобно своему отцу, совершенно равнодушный къ наградамъ и одобреніямъ учителей, онъ руководится только своею неутомимою жаждою знанія и своимъ особеннымъ пристрастіемъ въ то время къ языкамъ, къ исторіи и къ изящной литературѣ; не ища ихъ, онъ удостаивается однако наградъ за декламацію, за латинскій и греческій языкъ. Но всего ярче обнаружились въ коллегіи математическія способности Мальтуса, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ его преподавателей, Френдъ, авторъ политическаго трактата «Миръ и союзъ».

Сдавая окончательные экзамены въ коллегіи, Мальтусъ предполагалъ предаться затѣмъ втеченіе двухъ-трехъ лѣтъ научнымъ занятіямъ по имъ самимъ составленному плану. Онъ пишетъ объ этомъ отцу, а тотъ, боясь увидѣть въ сынѣ свою собственную слабость къ черезчуръ отвлеченнымъ умозрѣніямъ, предостерегаетъ его отъ увлеченія математикой и абстрактными знаніями; онъ совѣтуетъ Роберту заняться прикладными науками, чтобы сдѣлаться землемѣромъ, механикомъ или мореплавателемъ. Тотъ возражаетъ на это, что прикладныя науки отъ него не уйдутъ, а что въ ближайшіе два года онъ желалъ бы съ позволенія отца заняться «основными принципами»; впослѣдствіи же онъ обѣщаетъ быть скромнымъ натуралистомъ и ознакомиться съ «приложеніями». Все его письмо проникнуто глубокой почтительностью къ отцу, съ которымъ вообще у него были прекрасныя отношенія, несмотря на приключавшіяся отъ времени до времени

стычки по отдѣльнымъ вопросамъ. Отецъ около этого времени описываетъ намъ Роберта, какъ пріятнаго собесѣдника, человѣка симпатичнаго, великодушнаго и веселаго. Возвращаясь на каникулы домой, онъ дѣлался тамъ любимцемъ всѣхъ окружающихъ и вносилъ утѣшеніе и радость въ отшельническую жизнь старика Мальтуса.

Послѣ 8—9 лѣтнихъ вмѣсто 2-хъ лѣтнихъ, какъ онъ предполагалъ сначала, усиленныхъ занятій, главнымъ образомъ гуманными науками и общественными вопросами, въ 1797 г. Мальтусъ получаетъ степень магистра. Въ томъ же году онъ дѣлается адъюнктъ-профессоромъ въ коллегіи, а затѣмъ занимаетъ мѣсто священника около Альбери. Къ этому времени относится и начало его литературной дѣятельности. Первымъ сочиненіемъ Мальтуса былъ политическій трактатъ подъ названіемъ «Кризисъ», заключавшій въ себѣ рѣзкую критику дѣйствій стоявшаго тогда у власти Питта; однако, по совѣту отца, памфлетъ этотъ остался въ авторскомъ портфелѣ. Здѣсь мы находимъ уже начатки будущаго ученія о народонаселеніи или, вѣрнѣе, зарожденіе основныхъ положеній «Опыта о народонаселеніи», рѣшительный толчокъ къ созданію котораго дали сочиненія Годвина и споры, возбужденные ими между отцомъ и сыномъ.

Вильямъ Годвинъ, писатель въ свое время весьма извѣстный и уважаемый, принадлежалъ, казалось, къ одному поколѣнію съ Мальтусомъ-отцомъ, хотя и былъ на 25 лѣтъ его моложе, такъ они во многихъ отношеніяхъ были близки другъ другу по духу. Подобно Даніелю Мальтусу, онъ былъ большимъ поклонникомъ французской философіи и великой революціи. Подобно Даніелю Мальтусу, онъ вѣрилъ въ способность человѣческой породы къ безграничному совершенствованію и въ наступленіе золотого вѣка для всего человѣчества. Главное сочиненіе Годвина— «Политическая справедливость», какъ видно и по самому заглавію, не имѣетъ ничего общаго съ политической экономіей. Здѣсь авторъ развиваетъ свои взгляды на государство, существованіе котораго онъ считаетъ несовмѣстимымъ съ благомъ отдѣльныхъ гражданъ, и выставляетъ идеальный строй полнаго равенства и свободы. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Годвинъ подходитъ ближе къ собственно экономическимъ вопросамъ; онъ обрушивается на частную собственность, въ которой видитъ корень всяческаго зла, укоряетъ экономистовъ за то, что они слишкомъ мало вниманія удѣляютъ вопросамъ распредѣленія, зани

маясь почти исключительно однимъ производствомъ, и высказываетъ то убѣжденіе, что при свободномъ строѣ люди будутъ меньше трудиться и больше наслаждаться жизнью. Такимъ образомъ, онъ возвращается снова къ политической реформѣ, которую считаетъ первымъ необходимымъ шагомъ къ болѣе справедливому общественному строю.

Сочиненія Годвина были весьма популярны въ англійскомъ обществѣ; ихъ много читали, критиковали и комментировали. Его идеи находили себѣ горячихъ приверженцевъ, къ числу которыхъ принадлежалъ, между прочимъ, и Мальтусъ-отецъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда молодой Мальтусъ, получивъ степень магистра и мѣсто адъюнктъ-профессора при коллегіи, пріѣхалъ въ 1797 году въ родительскій домъ на каникулы, между нимъ и его отцомъ стали возникать разговоры по поводу тѣхъ идей, которыя были пущены въ обращеніе Годвиномъ. Даніель Мальтусъ ихъ горячо отстаивалъ, а Робертъ нападалъ, видя въ нихъ ни на чемъ не основанныя, легкомысленныя мечтанія. Отецъ и сынъ какъ бы помѣнялись ролями: сынъ ядовито посмѣивался надъ «незрѣлыми мечтами» отца, отецъ же могъ упрекнуть своего сына въ консерватизмѣ и старчествѣ. Принципіальная, глубокая рознь между этими двумя дѣйствительно столь различными людьми была очевидной, и старику Мальтусу нужно было имѣть терпѣніе Іова, чтобы благодушно сносить, когда его сынъ съ чисто юношеской запальчивостью бросалъ свои камешки въ его огородъ. Но тутъ-то и сказалось все рѣдкое благородство характера Мальтуса-отца, его глубокое уваженіе и полная терпимость къ чужимъ убѣжденіямъ, какъ бы они ни расходились съ его собственными. Безконечные споры и коренныя разногласія не испортили личныхъ отношеній сына съ отцомъ—до самой смерти послѣдняго (1800 г.) они не переставали любить и уважать другъ друга.

Оспаривая взгляды Годвина и доказывая неосуществимость его системы полнаго равенства, Мальтусъ указывалъ, главнымъ образомъ, на одну страсть человѣка, ниспровергающую, по его мнѣнію, всѣ идеальныя построенія: страсть эта—половое влеченіе, стремленіе къ воспроизведенію себѣ подобныхъ. Чѣмъ лучше тѣ матеріальныя условія, въ которыхъ находится человѣкъ, тѣмъ сильнѣе проявляется въ немъ эта страсть, или, иначе говоря, гдѣ только матеріальныя условія это позволяютъ, тамъ сейчасъ же появляется на свѣтъ новый членъ общества.

Такимъ образомъ, увеличивающееся населеніе, создавая новые рты постоянно и неизбѣжно понижаетъ уровень благосостоянія всего народа. Только нищета и преступленія сдерживаютъ ростъ населенія на уровнѣ имѣющихся запасовъ пищи, при уничтоженіи же этихъ препятствій въ идеальномъ строѣ Годвина должны тотчасъ же обнаружиться всѣ бѣдствія перенаселенія. Неразумно, значитъ, укорять правительство за нищету народныхъ массъ и неправильно видѣть въ политической реформѣ спасеніе отъ того зла, которое порождено неустанными законами природы. Въ поискахъ за возраженіями противъ Годвина Мальтусъ, такимъ образомъ, впервые ясно формулировалъ себѣ свой взглядъ на вопросъ о народонаселеніи, а разъ формулировавши, рѣшилъ его опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Такъ возникъ его «Опытъ о законѣ народонаселенія», создавшій автору всемірную и неувядаемую славу.

Появившееся въ 1798 г. безъ имени автора первое изданіе «Опыта» отличалось многими несовершенствами, не помѣшавшими ему однако имѣть большой успѣхъ у публики. Написанное съ полемическими цѣлями и безъ достаточной спеціальной подготовки автора, сочиненіе Мальтуса было переполнено риторическими украшеніями и въ то-же время нуждалось въ фактическомъ обоснованіи; если, не смотря на всѣ свои недостатки, оно произвело фуроръ при своемъ появленіи, то это объяснялось главнымъ образомъ двумя причинами. Во первыхъ, книга касалась жгучихъ вопросовъ минуты и во-вторыхъ, давала на нихъ вѣрный или невѣрный, но во всякомъ случаѣ рѣшительный и оригинальный отвѣтъ. Чтобы понять значеніе «Опыта о народонаселеніи», надо вспомнить эпоху, когда онъ появился. То былъ конецъ XVIII вѣка, ознаменовавшагося въ Англіи многими великими изобрѣтеніями въ области техники и механики, открытіемъ залежей угля и желѣза на островѣ и необыкновеннымъ развитіемъ національной промышленности. Непосредственнымъ результатомъ этого послѣдняго было разрушеніе старыхъ экономическихъ устоевъ, разрушеніе цеховъ и корпорацій, дававшихъ своимъ членамъ извѣстное покровительство и обезпеченный заработокъ. Нужды новой промышленности потребовали отмѣны стѣснительныхъ предписаній законодательства, до того времени бравшаго подъ свою защиту учениковъ и подмастерьевъ; тѣ-же нужды привлекали въ промышленные центры массы рабочихъ рукъ, оторваныхъ отъ земледѣлія

или освободившихся вслѣдствіе упадка ремеслъ, Вслѣдъ за непродолжительной эпохой высокой заработной платы наступило противоположное движеніе паденія цѣнъ на трудъ. Къ этому присоединился неурожай 1795 г.; продукты первой необходимости вздорожали въ небывалыхъ размѣрахъ, народъ голодалъ и не скрывалъ своего неудовольствія, а въ Лондонѣ толпы рабочихъ останавливлли на улицѣ карету короля, крича: «хлѣба, дайте намъ хлѣба!». Общество было обезпокоено, ища исхода изъ затруднительнаго положенія. Питтъ предлагалъ реформу законовъ о бѣдныхъ, другіе говорили о невѣжествѣ простого народа, третьи предлагали устроить рабочіе союзы, четвертые требовали субсидій семейнымъ рабочимъ, нѣкоторые наконецъ всю вину свалили на свободу торговли. И вотъ въ такое-то время всеобщаго возбужденія умовъ появляется книга, устанавливающая порядокъ въ хаосѣ противорѣчивыхъ сужденій и съ полной твердостью указывающая на дѣйствительную причину всѣхъ бѣдствій. «Перенаселеніе»—это было новое слово, новый лозунгъ, за который многіе сейчасъ же ухватились съ тѣмъ большей радостью, что для иныхъ онъ могъ служить отличнымъ оправданіемъ ихъ эгоизма. Не оказалось впрочемъ недостатка и въ возраженіяхъ, подчасъ даже очень рѣзкихъ но критика содѣйствовала только тому, что «Опытъ о народонаселеніи» получилъ сразу громадную извѣстность.

Самъ Мальтусъ однако-же не почилъ на лаврахъ такъ неожиданно и такъ сравнительно легко доставшейся ему славы. Друзья указывали ему на недостатки его «Опыта», да онъ ихъ и самъ хорошо видѣлъ. Онъ сознавалъ, что только діалектически опровергъ взгляды Годвина и что совершенно недостаточно подмѣнить однѣ абстракціи другими. Мальтусу было совершенно ясно, что его мысли нуждаются въ доказательствахъ и въ фактическомъ обоснованіи; поэтому онъ усердно занялся ближайшимъ изученіемъ того вопроса, который ему приходилось рѣшать въ своемъ «Опытѣ» сначала безъ достаточныхъ знаній. Но положеніе вопроса о народонаселеніи въ то время было таково, что Мальтусъ имѣлъ передъ собою лишь самую бѣдную литературу и, главное, самое ограниченное количество точныхъ, провѣренныхъ фактовъ. Статистики, какъ науки тогда еще не было; приводившіяся главнымъ образомъ нѣмецкими учениками статистическія данныя отличались неполнотой и случайностью, причемъ ими пользовались тенденціозно и не-

умѣло. Мальтусу, когда онъ взялся за подробную разработку вопроса о народонаселеніи, приходилось самому и собирать факты, и обобщать ихъ и полагать основанія научнымъ статистическимъ изслѣдованіямъ, и давать точные отвѣты на жгучіе вопросы современности. Онъ скоро увидѣлъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ путешествіямъ, какъ къ единственному возможному средству собрать недостающія свѣдѣнія и собственными наблюденіями пополнить существующій пробѣлъ.

Въ 1799 г. мы видимъ его путешествующимъ въ компаніи съ Оттеромъ, впослѣдствіи епископомъ и біографомъ Мальтуса, Кларкомъ, извѣстнымъ англійскимъ путешественникомъ и др., по Германіи, Швеціи, Норвегіи, Финляндіи и отчасти по Россіи, т. е. по всѣмъ тѣмъ странамъ, которыя были доступны для посѣщеній иностранцевъ въ то смутное время. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Аміенскаго мира, Мальтусъ посѣщаетъ еще Францію и Швейцарію. По возвращеніи изъ перваго путешествія онъ пишетъ и издаетъ (анонимно) небольшой трактатъ о причинахъ дороговизны товаровъ; по возвращеніи же изъ второго путешествія онъ выпускаетъ второе, переработанное и дополненное, изданіе «Опыта о народонаселеніи». Переработкѣ подверглась какъ внѣшняя форма изложенія, такъ и нѣкоторыя основныя положенія самого ученія. По совѣту друзей и слѣдуя указаніямъ критиковъ, Мальтусъ исключилъ изъ своей книги нѣкоторыя болѣе рѣзкія мѣста и придалъ изложенію болѣе дѣловитый характеръ, пожертвовавъ многими риторическими украшеніями: цѣлый рядъ новыхъ главъ, иллюстрирующихъ вопросъ о народонаселеніи примѣрами тѣхъ странъ, которыя авторъ объѣздилъ при своихъ путешествіяхъ, увеличилъ первоначальный размѣръ его сочиненія больше, чѣмъ вдвое.

Главное измѣненіе по существу состояло въ томъ, что нищету и преступленія онъ не считаетъ уже единственными препятствіями чрезмѣрному возрастанію народонаселенія, но присовокупляетъ къ нимъ нравственное воздержаніе или сознательный отказъ отъ дѣторожденія. Сообразно такому давленію, являющемуся какъ-бы уступкой Годвину, который тоже возлагалъ большія надежды на подавленіе разумомъ страстей,— и нарисованная Мальтусомъ картина будущаго съ его неизбѣжнымъ зломъ перенаселенія должна была утратить много въ своей мрачности. Къ сожалѣнію, такая важная поправка въ ученіи нисколько не отразилась на конечныхъ выводахъ автора

и потому внесла нѣкоторую дисгармонію въ прежде столь стройное зданіе его системы; на это было тотчасъ указано его критиками, которыхъ оказалось теперь больше и которые ко второму изданію отнеслись строже, чѣмъ къ первому.

Черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ второго изданія «Опыта о народонаселеніи», т. е. въ 1805 г., Мальтусъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи и политической экономіи въ училище Остъ-Индской компаніи, а незадолго передъ тѣмъ, зная уже о своемъ назначеніи, онъ женился на нѣкоей миссъ Гарріетъ Экерзаль. Кто сколько-нибудь знакомъ съ ученіемъ Мальтуса, тотъ знаетъ, конечно, что онъ отнюдь не былъ противникомъ брака вообще, а потому и въ его женитьбѣ, состоявшейся, когда Мальтусъ получилъ опредѣленное, обезпеченное положеніе въ обществѣ, не усмотритъ, безъ всякаго сомнѣнія, никакого противорѣчія съ его ученіемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что противники Мальтуса не всегда находили нужнымъ знакомиться съ его «Опытомъ о народонаселеніи», и потому могли ставить ему въ вину его бракъ, заключенный въ дѣйствительности согласно всѣмъ, выставленнымъ имъ самимъ, теоретическимъ требованіямъ. Французскій экономистъ Шербюлье пошелъ еще дальше и приписалъ Мальтусу одинадцать дочерей, въ многолюдномъ обществѣ которыхъ тотъ будто-бы ходилъ въ гости къ своимъ знакомымъ (какъ это правдоподобно!). Каутскій, скептически относящійся къ апокрифическому разсказу Шербюлье, не упускаетъ однако же случая сострить, что по всей вѣроятности дочери Мальтуса пали жертвой перенаселенія. Въ дѣйствительности авторъ «Опыта о народонаселеніи» имѣлъ только троихъ дѣтей, сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна умерла въ раннемъ дѣтствѣ, другая же жива, кажется, и до сихъ поръ.

Учебное заведеніе, въ которое Мальтусъ былъ назначенъ профессоромъ, и гдѣ онъ до самой своей смерти не только читалъ лекціи, но и исполнялъ обязанности священника, основано было для того, чтобы давать образованіе молодымъ людямъ, посылаемымъ въ Индію въ качествѣ агентовъ компаніи. Ни подборъ воспитанниковъ, ни постановка образованія въ училищѣ не могли считаться вполнѣ удовлетворительными. Спеціальныя цѣли заведенія давали себя чувствовать и на общихъ предметахъ, которые преподавались примѣнительно къ обстоятельствамъ; такъ, напримѣръ, при передачѣ началъ политической экономіи особенное вниманіе по требованію программы дожно было быть обра-

щаемо на «разъясненіе политическихъ и коммерческихъ отношеній, существующихъ между Индіей и Великобританіей». Что же касается воспитанниковъ, то они отличались нѣсколько буйнымъ характеромъ, и потому драки въ училищѣ были не въ рѣдкость. Повидимому, дѣло не обходилось и безъ рукопашныхъ схватокъ съ профессорами, потому что одинъ изъ нихъ пишетъ слѣдующее при вѣсти о назначеніи въ училище новаго преподавателя: «его положеніе здѣсь будетъ очень хорошо, если не считать побоевъ и контузій. Но онъ можетъ требовать себѣ вознагражденія за убытки или ежегодной пенсіи, если побои студентовъ сдѣлаютъ его неспособнымъ къ продолженію занятій. Не будетъ ли полезно совѣтовать профессорамъ изучать употребленіе пращи—balearis-habena? Это бы доставило имъ большое преимущество передъ студентами».

Самъ Мальтусъ, однако, не только не выражаетъ никакого неудовольствія на училище, но даже беретъ его подъ свою защиту, въ виду усиленныхъ нападокъ. Онъ жалуется только на одно—на крайнюю зависимость, въ которую профессора поставлены отъ директоровъ; буйство студентовъ онъ считаетъ явленіемъ вполнѣ устранимымъ, если профессорамъ будетъ предоставлена дисциплинарная власть. Что касается спеціально его предмета, то онъ вполнѣ доволенъ успѣхами учениковъ и, судя по своему опыту, полагаетъ возможнымъ сдѣлать преподаваніе политической экономіи настолько популярнымъ и доступнымъ, чтобы ее можно было ввести въ курсъ народныхъ училищъ. Впрочемъ, по свидѣтельству его біографа, Бонара, лекціи Мальтуса хотя и приближались по своему стилю скорѣе къ первому, чѣмъ къ послѣдующимъ изданіямъ его «Опыта», тѣмъ не менѣе, благодаря нѣкоторой своей сухости, не могли очаровывать слушателей, тѣмъ болѣе, что Мальтусъ обладалъ весьма крупнымъ для оратора недостаткомъ (заячьей губой), дѣлавшимъ его произношеніе не особенно внятнымъ.

Но, какъ уже мы сказали, самъ Мальтусъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. Почти полныхъ 30 лѣтъ его учительства проходятъ въ невозмутимомъ покоѣ, среди живописной деревенской обстановки (училище помѣщалось за городомъ) и непрерывныхъ научныхъ занятій. Жизнь его за все это время отличается полнымъ отсутствіемъ внѣшнихъ событій, но за-то самой усиленной работой ума. Изъ фактовъ внѣшней жизни мы здѣсь отмѣтимъ только посѣщеніе Мальтусомъ знаменитаго

Нью-Ланаркскаго предпріятія Оуэна, да его участіе сначала въ королевскомъ научномъ обществѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ Джемсомъ Миллемъ, Гротомъ и Рикардо въ основанномъ Тукомъ экономическомъ клубѣ. Здѣсь кстати будетъ отмѣтить многолѣтнюю (съ 1810 по 1834 г.) дружбу Мальтуса съ Рикардо,—дружбу, основанную на общности ихъ научныхъ занятій и не страдавшую нисколько отъ ихъ теоретическихъ разногласій. Результатомъ ея является изданная Бонаромъ обширная переписка, въ которой мы находимъ много любопытнаго матеріала для характеристики экономическихъ взглядовъ обоихъ друзей, но ничего такого, что бы намъ рисовало ихъ личныя отношенія, характеры и образъ жизни. Дружба Рикардо съ Мальтусомъ была чисто абстрактнаго свойства, напоминая собою сочиненія перваго.

За все это время литературная дѣятельность Мальтуса отличается большой продуктивностью. Съ 1805 онъ издаетъ одинъ за другимъ нѣсколько новыхъ изданій своего «Опыта», каждый разъ дополняя, передѣлывая и полемизируя въ приложеніяхъ съ своими противниками. Въ 1814—1815 г. онъ пишетъ «Замѣчанія на хлѣбные законы», особое «мнѣніе» по вопросу объ ограниченіи ввоза и весьма важное сочиненіе «Природа и возрастаніе ренты». 1820 г. отмѣченъ крупной теоретической работой Мальтуса—«Политическая экономія», къ которой черезъ два года онъ присовокупляетъ трактатъ «Мѣрило цѣнности». Мы опускаемъ нѣсколько мелкихъ статей, чтобы отмѣтить и до сихъ поръ сохранившій свое значеніе трудъ «Опредѣленія экономическихъ понятій». Приготовляя ко второму изданію свою «Политическую экономію», и въ самомъ разгарѣ работы, Мальтусъ неожиданно умеръ 29 декабря 1834 года.

На автора «Опыта о народонаселеніи» такъ часто взводятъ упреки въ безнравственности и жестокости, его ученіе и до сихъ поръ такъ охотно обсуждается съ чисто нравственной точки зрѣнія, что мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько свидѣтельствъ, рисующихъ характеръ и нравственную личность Мальтуса, предоставляя себѣ впослѣдствіи произвести оцѣнку и самаго его ученія. Первое, что здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, это полное безкорыстіе Мальтуса. Онъ сознательно уклонился отъ высокой духовной карьеры, которая могла бы дать ему и деньги, и почетъ, и удовольствовался скромной ролью учителя во второразрядномъ учебномъ заведеніи, 30 лѣтъ занимая одно мѣсто и не ища никакихъ повышеній. Говорятъ, будто его «Опытъ»

имѣлъ въ виду не интересы науки, а интересы партіи, которой Мальтусъ желалъ дать своей книгой оружіе въ руки. Это невѣрно. По своимъ убѣжденіямъ причисляемый къ вигамъ (либераламъ), Мальтусъ въ дѣйствительности стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ партій. Онъ ничѣмъ не выражаетъ своего удовольствія, когда партія виговъ торжествуетъ и оказывается у власти, онъ не предпринимаетъ ничего, чтобы его могло сдѣлать вліятельнымъ человѣкомъ въ политическомъ мірѣ. Его «Опытъ», такимъ образомъ, надо разсматривать совершенно объективно, какъ въ общемъ совершенно объективно въ интересахъ истины онъ и писался Мальтусомъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что въ своей «Политической экономіи» Мальтусъ не проявлялъ никакой тенденціозности, и что его идеи не послужили оружіемъ въ рукахъ буржуазныхъ защитниковъ существующаго экономическаго порядка. Но это еще не дѣлаетъ автора «Опыта» человѣкомъ въ полномъ смыслѣ партійнымъ и въ сущности нисколько не отличаетъ его отъ всѣхъ современныхъ ему экономистовъ: Рикардо, Сея и другихъ.

Незлобивость, невозмутимость и полное душевное равновѣсіе—вотъ что составляетъ истинную основу характера Мальтуса. Миссъ Гарріетъ Мартино, хорошо знавшая его въ послѣдніе годы, пишетъ о немъ слѣдующее: «Человѣка болѣе простодушнаго, добродѣтельнаго и благожелательнаго, чѣмъ Мальтусъ, нельзя было найти во всей Англіи». Несмотря на то, что онъ подвергался въ литературѣ совершенно необузданнымъ нападкамъ, «я видѣла въ немъ одного изъ самыхъ веселыхъ и невозмутимыхъ людей въ обществѣ. Я однажды спросила Мальтуса, развѣ онъ не страдалъ въ душѣ отъ клеветъ, которыми его преслѣдовали»? «Только въ самомъ началѣ», сказалъ онъ мнѣ.—«Я удивляюсь, что это не заставляетъ васъ быть каждую минуту на сторожѣ».—«Послѣ первыхъ двухъ недѣль—никогда, былъ отвѣтъ». Такими же чертами, хоть и въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, рисуетъ Мальтуса его товарищъ по путешествіямъ Оттеръ: «Его жизнь была болѣе чѣмъ чья-либо другая постояннымъ проявленіемъ просвѣщеннаго благоволенія, довольства и мира; онъ представлялъ собою типъ чистѣйшаго и лучшаго философа, просвѣтленнаго христіанскими чувствами и проникнутаго христіанскимъ милосердіемъ. Характеръ его былъ такъ спокоенъ и кротокъ, его терпимость къ другимъ была такъ широка и такъ возвышенна, его желанія такъ умѣренны и его

власть надъ своими страстями такъ велика, что авторъ настоящей статьи, знавшій его самымъ близкимъ образомъ около 50 лѣтъ, рѣдко когда видѣлъ его взволнованнымъ и положительно никогда не видалъ разгнѣваннымъ, надменнымъ или унылымъ». Мелкой обидчивости, тщеславія и самомнѣнія Мальтусъ былъ совершенно лишенъ.

«Онъ былъ очень чувствителенъ,—говоритъ его французскій біографъ Шарль Контъ,—къ одобренію людей просвѣщенныхъ и умныхъ; онъ придавалъ большую цѣну общественному мнѣнію; но незаслуженныя оскорбленія не волновали его, настолько онъ былъ убѣжденъ въ правотѣ своихъ взглядовъ и въ чистотѣ своихъ намѣреній». Оттеръ, миссъ Мартино, Сидней Смитъ, Гарнеръ, всѣ люди, знавшіе Мальтуса, отзываются о немъ единогласно въ духѣ глубокаго уваженія и почтительности. Особенно замѣчателенъ отзывъ мистера Макинтоша: «Я зналъ *немного* Смита, *хорошо* Рикардо и *близко* Мальтуса. Мнѣ кажется, кое-что значитъ, что эти три величайшихъ мастера были вмѣстѣ съ тѣмъ и тремя лучшими людьми, которыхъ я только зналъ».

Мы полагаемъ, что не сумѣемъ лучше закончить біографію Мальтуса, какъ воспроизведя цѣликомъ слѣдующую трогательную, полную глубокаго чувства и справедливой благодарности надпись, сдѣланную его друзьями на его могильной плитѣ:

ПАМЯТИ

ТОМАСА РОБЕРТА МАЛЬТУСА,

хорошо извѣстнаго всему образованному міру своими прекрасными трудами по соціальнымъ вопросамъ пол. эконом., а въ особенности своимъ „Опытомъ о народонаселеніи“; одного изъ лучшихъ людей и честнѣйшихъ философовъ всѣхъ временъ и народовъ, природными достоинствами своего ума поднявшагося выше кривотолковъ невѣждъ и презрѣнія людей великихъ; онъ прожилъ счастливую и невозмутимую жизнь, посвященную исканію и распространенію истины, поддерживаемый глубокимъ и крѣпкимъ сознаніемъ пользы своихъ трудовъ, довольствуясь одобреніемъ людей хорошихъ и мудрыхъ. Его писанія будутъ прочнымъ свидѣтельствомъ широты и справедливости его взглядовъ. Неоспоримая честность его убѣжденій, его природная справедливость и чистота, привлекательность его характера, учтивость его манеръ, нѣжность сердца, благосклонность и благочестіе—оставили самую дорогую память о немъ у его семьи и друзей.

ГЛАВА II.

Основные экономическіе взгляды Мальтуса: опредѣленія экономическихъ понятій; богатство и производительный трудъ; мѣрило цѣнности; рента, заработная плата и прибыль.—Отношеніе Мальтуса къ рабочему классу.—Значеніе рынковъ и вопросъ о промышленныхъ кризисахъ.—Заблужденія и заслуги Мальтуса, какъ экономиста.

Когда въ 1820 г. Мальтусъ выступилъ со своей «Политической экономіей», экономическая наука обладала уже многими капитальными сочиненіями. Не говоря объ осново-положительномъ трудѣ Адама Смита, достаточно будетъ упомянуть здѣсь о работахъ физіократовъ, объ «Основаніяхъ политической экономіи» Рикардо и о многочисленныхъ писаніяхъ Сэя. Интересъ къ политической экономіи въ обществѣ былъ уже достаточно пробужденъ всѣми этими сочиненіями, и новые труды того же рода встрѣчали повсюду внимательный и сочувственный пріемъ. Но вмѣстѣ съ наростаніемъ экономической литературы росли и разногласія между отдѣльными мыслителями; оспариванію подвергались самыя основныя положенія политической экономіи, даже въ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій единодушія не было. Возникли школы, теченія, направленія, и молодой наукѣ, едва успѣвшей выдѣлиться изъ всей совокупности философскихъ и нравственныхъ знаній, грозило, казалось, запутаться въ безчисленныхъ противорѣчіяхъ и потерять весь свой авторитетъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Зрѣлище этой раздробленности, этихъ несогласій и внутреннихъ противорѣчій побудило Мальтуса заняться пересмотромъ основныхъ положеній политической экономіи и подвести итогъ полученнымъ до него результатамъ. Цѣль этого пересмотра была чисто практическаго свойства: устранить подчасъ вполнѣ схоластическіе споры и установить возможное единство въ основныхъ вопросахъ.

Главной причиной разногласій между отдѣльными экономистами Мальтусъ считалъ пагубное, по его мнѣнію, стремленіе къ *упрощенію* сложныхъ общественныхъ явленій, желаніе свести все къ дѣйствію одной какой-нибудь причины и проистекающее отсюда сознательное игнорированіе всѣхъ другихъ факторовъ. «Политическая экономія не математика, говорилъ онъ, и та искусственная простота, которую стараются придать ея выводамъ, служитъ только въ ущербъ ей, отдаляя ее отъ дѣйстви-

тельной жизни... Первая задача всякой философіи—это объяснить вещи, какъ онѣ есть, а не какъ онѣ могутъ представиться нашему воображенію... И пусть ни соображенія временнаго удобства, ни опасеніе нарушить стройность общаго правила не побуждаютъ насъ никогда сходить съ прямой дороги къ истинѣ или скрывать такіе факты, которые могутъ не согласоваться съ нашими общими положеніями».

Преслѣдуя практическую цѣль объединенія науки и установленія основныхъ ея принциповъ, Мальтусъ не могъ не остановиться на томъ, что всего нагляднѣе раздѣляло экономистовъ,—на опредѣленіяхъ. Имъ посвятилъ онъ особое сочиненіе «Объ опредѣленіяхъ въ политической экономіи»,—сочиненіе, которое и въ настоящее время въ своей критической части сохранило большой интересъ для спеціалистовъ. Мы извлечемъ отсюда тѣ основныя правила, которыми Мальтусъ руководствуется, разбирая чужія опредѣленія и формулируя свои. Вотъ эти, столь же практичныя, сколько и осторожныя правила, слишкомъ элементарныя на первый взглядъ и тѣмъ не менѣе нерѣдко нарушаемыя изслѣдователемъ. *Первое правило*: «Когда употребляются термины, постоянно встрѣчающіеся въ разговорной рѣчи просвѣщенныхъ людей, надо стараться ихъ опредѣлять и употреблять, сохраняя тотъ смыслъ, который имъ чаще всего придается». *Второе*: «Когда термины не имѣютъ санкціи общеупотребительности, лучшимъ авторитетомъ являются наиболѣе видные представители науки, въ особенности если среди нихъ есть одинъ, которого по общему отзыву считаютъ ея основателемъ» (намекъ на А. Смита). Этимъ правиломъ, какъ поясняетъ Мальтусъ, онъ хочетъ предостеречь только противъ чрезмѣрнаго увлеченія созданіемъ новыхъ опредѣленій. Когда же въ новомъ опредѣленіи чувствуется дѣйствительно необходимость, его надо дать, руководствуясь *третьимъ правиломъ*: «Предложенное измѣненіе должно совершенно устранять всѣ неудобства стараго термина, не вызывая съ своей стороны такихъ же или еще большихъ неудобствъ». Нужно еще (*четвертое*), «чтобы новыя опредѣленія согласовались съ тѣми, которыя положены въ основу науки, и чтобы одинаковые термины сохраняли всегда одинъ смыслъ».

Политическая экономія — это, по взгляду Адама Смита, наука о богатствѣ народовъ, о природѣ и причинахъ его. Что же такое самое богатство? спрашиваетъ себя Мальтусъ. Раз-

личные экономисты понимаютъ это выраженіе неодинаково: одни очень узко, другіе чрезвычайно широко. Физіократы напр. обозначали имъ преимущественно только продукты земледѣлія, тогда какъ Сэй вводилъ въ понятіе богатства, кромѣ всякаго рода внѣшнихъ благъ, также и умственную дѣятельность человѣка, разныя личныя услуги, «самыя благородныя добродѣтели и самые рѣдкіе таланты». Оба эти понятія Мальтусъ признавалъ крайностью: согласно первому, богатыя промышленныя страны придется называть бѣдными; что же касается второго, то оно, по его мнѣнію, вноситъ совершенную путаницу во всѣ наши понятія: богатый человѣкъ и добродѣтельный человѣкъ— развѣ это одно и то-же? Возможность накопленія и сбереженія, отсутствующая въ личныхъ услугахъ, кажется ему существеннымъ признакомъ богатства. Согласно такому взгляду, богатой страной мы назовемъ ту, которая, сравнительно съ размѣрами своей территоріи, будетъ обладать большимъ количествомъ полезныхъ для ея населенія матеріальныхъ предметовъ.

Отъ того, какъ понимать богатство, зависитъ, что называть производительнымъ трудомъ. Физіократы вполнѣ логично считаютъ таковымъ только трудъ земледѣльческій, тогда какъ Сэй не отказываетъ въ этомъ названіи ни дѣятельности государственнаго человѣка, ни работѣ домашней прислуги. Мальтусъ, въ полномъ согласіи съ даннымъ имъ опредѣленіемъ богатства, признаетъ только тотъ трудъ производительнымъ, который направленъ на произведеніе матеріальныхъ предметовъ. Трудъ учителя, государственнаго человѣка или прислуги не является поэтому по его взгляду трудомъ производительнымъ, но въ то же время Мальтусъ не хочетъ его назвать и непроизводительнымъ, чтобы не прилагать никакого неодобрительнаго эпитета къ той формѣ дѣятельности которая, не доставляя никакихъ матеріальныхъ предметовъ, тѣмъ не менѣе очень полезна, даже необходима для государства. Онъ изобрѣтаетъ для нея особое названіе и всякій трудъ, не являющійся въ его смыслѣ производительнымъ, окрещиваетъ кличкой «личныхъ услугъ». Трудъ производительный создаетъ капиталъ или ту «часть матеріальнаго богатства страны, которая сберегается и служитъ для производства и для распредѣленія богатства»; трудъ непроизводительный поглощаетъ доходъ съ этого капитала и производитъ пріятныя и полезныя вещи нематеріальнаго свойства. Такъ какъ одинъ трудъ содержится на счетъ другого, то благосостояніе

народа зависитъ отъ правильнаго соотношенія между ними; непроизводительный трудъ не долженъ получать слишкомъ большой доли національнаго богатства, чтобы не помѣшать накопленію капиталовъ. Страна, большая часть населеніе которой состоитъ изъ солдатъ, прислуги и чиновниковъ, богатой быть не можетъ.

Прежде чѣмъ слѣдовать дальше за Мальтусомъ, мнѣ кажется необходимымъ сдѣлать здѣсь нѣсколько замѣчаній по поводу вышеизложеннаго. Вопросъ о томъ или иномъ пониманіи слова «богатство» не можетъ считаться оставленнымъ и въ современной политической экономіи. Если узкій взглядъ физіократовъ не встрѣчаетъ уже болѣе поддержки, за — то широкое опредѣленіе Сэя съ извѣстными ограниченіями принимается нѣкоторыми изъ современныхъ экономистовъ. Въ виду того, что къ ихъ числу принадлежатъ даже такіе авторитетные люди, какъ Адольфъ Вагнеръ, не безполезно будетъ подчеркнуть въ высшей степени трезвый взглядъ Мальтуса на богатство, какъ на сумму однихъ матеріальныхъ предметовъ. Что же касается Мальтусова опредѣленія капитала, то его надо признать вполнѣ устарѣлымъ и слишкомъ неточнымъ даже для своего времени.

Изъ всѣхъ экономическихъ понятій въ дѣйствительной жизни мы всего чаще встрѣчаемся съ *цѣною*. Цѣна есть денежное выраженіе мѣновой цѣнности предмета, а мѣновая цѣнность, говоря словами М., представляетъ собою «отношеніе одного предмета къ другому или къ нѣсколькимъ другимъ, способнымъ быть обмѣненными». Отношеніе это опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Колебаніями въ спросѣ и предложеніи объясняются *всѣ* измѣненія, происходящія въ цѣнахъ товаровъ; другихъ причинъ, вліяющихъ на эти измѣненія, по мнѣнію Мальтуса не существуетъ. Такимъ образомъ издержки производства при опредѣленіи цѣны товаровъ играютъ лишь второстепенную роль.

Мальтусу хочется доказать, что трудъ, употребленный на производство даннаго предмета, не можетъ служить мѣриломъ его цѣнности: по его мнѣнію, мѣриломъ является то количество труда, которое можно купить даннымъ предметомъ. Это какъ разъ обратное тому, что утверждаетъ Рикардо въ своихъ «Началахъ политической экономіи». Первое основное положеніе этой книги гласитъ: «цѣнность предмета или количество всякаго другого предмета, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его произ-

водство, а не отъ большаго или меньшаго вознагражденія, получаемаго за этотъ трудъ».

Если бы вся современная политическая экономія не доказала полной справедливости разсужденій Рикардо, одной полемики его съ съ Мальтусомъ, было бы достаточно, чтобъ усомниться въ правотѣ послѣдняго. Но трудовая теорія цѣнности, развитая и обоснованная Марксомъ, получила теперь всеобщее признаніе, и взгляды Мальтуса въ этой области можно считать окончательно сданными въ архивъ.

Ошибочная отправная точка зрѣнія въ вопросѣ о цѣнности заставила Мальтуса невѣрно подойти и къ изслѣдованію издержекъ производства, но она нисколько не помѣшала ему въ анализѣ отдѣльныхъ составныхъ частей этихъ издержекъ установить нѣсколько правильныхъ, впослѣдствіи вполнѣ подтвердившихся положеній. Къ вопросу объ издержкахъ онъ переходитъ слѣдующимъ, вполнѣ искусственнымъ образомъ: «хотя въ моментъ обмѣна двухъ предметовъ на эту сдѣлку не оказываетъ вліянія никакое другое обстоятельство, кромѣ отношенія спроса къ предложенію, тѣмъ не менѣе, такъ какъ всѣ предметы нашихъ желаній получаются усиліями человѣка, понятно, что снабженіе ими обусловлено во-первыхъ суммой, ловкостью и направленіемъ этихъ усилій, во-вторыхъ — поддержкой, которую можно извлечь изъ продуктовъ предшествующаго труда, и въ третьихъ—изобиліемъ или скудостью сырыхъ матеріаловъ и необходимаго пропитанія для рабочихъ». Таковы, по мнѣнію Мальтуса, три основныя категоріи издержекъ производства, необходимыя для правильнаго удовлетворенія существующаго спроса, по общепринятому взгляду же являющіяся просто главными факторами въ образованіи цѣны товаровъ. На экономическомъ языкѣ категоріи эти именуются *заработной платой*, *прибылью* и *рентой*.

Анализъ ренты, ея особенностей и причинъ составляетъ главную заслугу Мальтуса въ теоріи полит. эконом., а потому мы съ него и начнемъ. Теорія ренты связывается обыкновенно съ именемъ Рикардо, который между тѣмъ въ предисловіи къ своей книгѣ самъ отклоняетъ отъ себя эту честь и заявляетъ прямо: «въ 1815 г. Мальтусъ въ своемъ «Изслѣдованіи о природѣ и возрастаніи ренты» и Уэстъ въ «Опытѣ о приложеніи капитала къ земледѣлію» представили міру почти въ одно и то же время истинное ученіе о рентѣ». Конечно заслуга Рикардо,

разработавшаго это ученіе съ такой простотой и наглядностью, что оно сдѣлалось съ тѣхъ поръ самымъ лучшимъ достояніемъ экономической науки, заслуга не малая, но для историка, интересующагося преемственностью идей, болѣе раннее изслѣдованіе Мальтуса должно представить и большій интересъ. Для пониманія же научныхъ заслугъ и экономическихъ взглядовъ Мальтуса изслѣдованіе это имѣетъ особенную важность.

Въ то время какъ А. Смитъ главной причиной ренты считалъ монопольный характеръ поземельной собственности, Мальтусъ рѣшительно отрицаетъ такую тѣсную связь между рентой и монополіей. Искусственнныя мѣры правительства и монополія землевладѣльцевъ сыграли дѣйствительно свою роль въ исторіи ренты, ускоривъ ея возрастаніе, но самый фактъ существованія ренты имѣетъ болѣе глубокую причину, коренящуюся въ различномъ плодородіи отдѣльныхъ земельныхъ участковъ. Цѣна продуктовъ земледѣлія опредѣляется расходами по ихъ добыванію на наименѣе плодородныхъ участкахъ, которые потому даютъ своимъ собственникамъ минимальную выгоду, не превышающую средняго дохода съ капитала въ данной странѣ и въ данное время. Естественныя выгоды большаго плодородія всѣхъ остальныхъ участковъ и доставляютъ то, что подъ названіемъ ренты землевладѣлецъ кладетъ себѣ въ карманъ. Поэтому, если приложенный къ землѣ низшаго качества капиталъ даетъ 30 на 100, въ другихъ же случаяхъ 40 и 50 на 100, то ренту будутъ составлять именно эти излишки, равные 10 и 20. Дѣло нисколько не измѣнится отъ того, что землей будетъ обладать большее или меньшее количество лицъ; если даже земля станетъ общей собственностью и тогда все-таки рента не изчезнетъ.

Главная основная причина ренты, по Мальтусу, лежитъ въ особенномъ свойствѣ земли доставлять земледѣльцу больше продуктовъ, чѣмъ сколько нужно ему для собственнаго потребленія. Это-то свойство и позволяетъ землевладѣльцу получать ренту съ земли, которую обрабатываетъ арендаторъ. Вторая причина заключается въ томъ, что продукты первой необходимости всегда находятъ сбытъ, даже при особенномъ изобиліи, потому что они сами себѣ создаютъ спросъ, давая толчекъ къ возрастанію населенія. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда, какъ это бываетъ въ новыхъ колоніяхъ, ростъ населенія не поспѣваетъ за массой добываемыхъ продуктовъ и они остаются непотребленными,—не бываетъ и ренты. Послѣдняя причина ренты ле-

житъ въ сравнительной рѣдкости плодородныхъ участковъ; свою роль играетъ здѣсь несомнѣнно и монополія.

Теорія ренты Мальтуса съ нѣкоторыми поправками, внесенными Рикардо, въ ея существенныхъ чертахъ должна считаться правильной и въ настоящее время.

Не меньшей оригинальностью, но за-то меньшею основательностью отличаются взгляды Мальтуса на прибыль и заработную плату. Прибыль онъ опредѣляетъ, какъ «разницу между цѣнностью необходимыхъ для производства предмета затратъ и цѣнностью произведеннаго предмета». Высота прибыли зависитъ отъ тѣхъ причинъ, которыя вліяютъ на величину этой разницы. Въ земледѣліи главной изъ такихъ причинъ является плодородіе почвы или количество получаемыхъ отъ земли продуктовъ. Но съ ростомъ населенія и съ увеличеніемъ конкуренціи капиталовъ люди принуждены обращаться все къ худшимъ и худшимъ земельнымъ участкамъ. Рента безостановочно растетъ, а та часть продуктовъ, которая идетъ на удовлетвореніе капиталистовъ съ рабочими, все падаетъ. При этомъ потребности рабочихъ, а слѣд. и заработная плата имѣютъ свой минимумъ, ниже котораго они не могутъ упасть, но такъ какъ доля рабочихъ и капиталистовъ, не останавливаясь, продолжаетъ уменьшаться,—это отражается уже на прибыли, которая и подвергается усиленному сокращенію. До сихъ поръ Мальтусъ разсуждаетъ въ полномъ согласіи съ Рикардо, забывая только прибавить, какъ это дѣлаетъ послѣдній, что введеніе новыхъ машинъ и улучшеніе техники, сокращая издержки производства, задерживаютъ паденіе прибыли.

Но, продолжаетъ свои разсужденія Мальтусъ, возвышеніе ренты не составляетъ единственной причины, вліяющей на величину прибыли. Послѣдняя зависитъ также отъ цѣнности производимыхъ товаровъ: если подъ вліяніемъ бо́льшаго предложенія цѣна продуктовъ падаетъ, падаетъ и величина прибыли, если же, наоборотъ, вслѣдствіе уменьшившагося предложенія, цѣна растетъ, растетъ и прибыль. Всѣ эти колебанія, по мнѣнію Мальтуса, порождаются въ сущности конкуренціей капиталовъ; большее или меньшее изобиліе ихъ опредѣляетъ ту долю, за которую собственникъ капитала соглашается обращать его въ производство. Вліяніе конкуренціи капиталовъ на размѣръ прибыли такъ велико въ глазахъ Мальтуса, что оно

можетъ даже парализовать дѣйствіе первой причины, возрастанія ренты.

Разсуждая такимъ образомъ, Мальтусъ исходитъ изъ своего основного положенія, что цѣны товаровъ опредѣляются спросомъ и предложеніемъ. Но вотъ именно это-то положеніе, какъ мы видѣли выше, и не можетъ быть признано правильнымъ. Естественной заработной платой Мальтусъ называетъ ту, которая «необходима при данномъ состояніи общества, чтобы всегда было достаточное для удовлетворенія существующаго спроса количество рабочихъ». Ту же мысль Рикардо выразилъ слѣдующимъ образомъ: «естественная цѣна труда есть та, которая необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія». Подъ вліяніемъ спроса и предложенія рыночная цѣна можетъ нѣсколько уклоняться отъ естественной, но она всегда сообразуется съ ней, т. е. держится приблизительно на уровнѣ необходимыхъ потребностей рабочаго. Потребности эти, однако, въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи отнюдь не одинаковы. Рикардо и Мальтусъ согласны въ томъ, что низкій уровень ихъ не желателенъ. «Друзья человѣчества должны желать, говоритъ первый, чтобы рабочіе классы повсюду имѣли потребность въ удобствахъ и въ наслажденіяхъ, и чтобы они были поощряемы къ доставленію ихъ себѣ всѣми законными средствами». Мальтусъ выражается на этотъ счетъ еще рѣшительнѣе: «если-бы страна не имѣла другого средства для обогащенія, кромѣ сокращенія заработной платы, мнѣ бы пришлось воскликнуть: «пусть лучше погибнутъ такія богатства!» Онъ выражаетъ обратное положеніе, чтобы существующая заработная плата, крайне недостаточная по его мнѣнію, повысилась; такое повышеніе, какъ ему кажется, не послужитъ къ ущербу капиталистовъ.

Положеніе, при которомъ только необходимѣйшія потребности получаютъ удовлетвореніе, не можетъ быть названо особенно идеальнымъ. Какъ же можно улучшить судьбу рабочихъ? Единственное средство—это разъяснить имъ ихъ положеніе и благопріятствовать распространенію среди нихъ привычки къ предусмотрительности. «Съ такой привычкой, говоритъ Мальтусъ, этотъ многочисленный классъ могъ бы быть *почти такъ же счастливъ*, какъ два другіе» (капиталистовъ и землевладѣльцевъ). Что же касается вмѣшательства государства въ сферу

экономическихъ отношеній ради улучшенія судьбы рабочихъ, то этого Мальтусъ совершенно не одобряетъ. Вообще практическія пожеланія Мальтуса не отличаются въ этомъ случаѣ прогрессивнымъ характеромъ (исключеніемъ можетъ служить лишь его сочувствіе къ законодательной охранѣ дѣтскаго и женскаго труда), потому что они всегда сталкиваются съ его непоколебимой вѣрой въ незыблемость существующаго порядка. Нельзя того же сказать о политическихъ взглядахъ Мальтуса, какъ это видно изъ слѣдующаго разсужденія. «Изъ всѣхъ причинъ, содѣйствующихъ распространенію среди народныхъ массъ привычекъ предусмотрительности,—читаемъ мы въ его «Политической экономіи»,—самой существенной является, безъ сомнѣнія, гражданская свобода. Невозможно, чтобы народъ составлялъ планы на будущее, если онъ не увѣренъ, что его похвальныя и честныя усилія достигнутъ цѣли, и что пріобрѣтаемая имъ собственность будетъ за нимъ обезпечена справедливыми, внушающими всѣмъ уваженіе и примѣняемыми безъ всякаго пристрастія законами. Но опытъ показалъ, что безъ свободы политической не можетъ быть прочна и свобода гражданская. Поэтому политическая свобода оказывается почти столь же необходимой».

Чтобы закончить обозрѣніе главныхъ пунктовъ экономическаго міровоззрѣнія Мальтуса, намъ остается упомянуть, что его надо считать отцомъ ученія о фондѣ заработной платы, этой столь популярной въ свое время и совершенно отвергнутой нынѣ теоремы. Сущность ея состоитъ въ томъ, что въ каждой странѣ будто бы существуетъ опредѣленный капиталъ, который служитъ для содержанія и вознагражденія рабочихъ и который не можетъ быть произвольно уменьшаемъ или увеличиваемъ. Намеки на эту теорію встрѣчаются уже у А. Смита, не видѣвшаго, однако, въ суммахъ, яко-бы предназначенныхъ для вознагражденія рабочихъ, ничего неизмѣннаго, нерастяжимаго. Мальтусъ же говоритъ прямо, что «фондъ, служащій для содержанія труда, не увеличивается неизбѣжно съ ростомъ богатствъ и очень рѣдко возрастаетъ пропорціонально послѣднимъ».

Если изъ предшествующихъ страницъ читатель узналъ больше о заблужденіяхъ Мальтуса, чѣмъ объ выдвинутыхъ имъ истинахъ, пусть не объясняетъ онъ этого тѣмъ, что такихъ истинъ слишкомъ мало въ «Основаніяхъ пол. экон.», или что мы ихъ не захотѣли увидѣть. Напротивъ, мы подчеркнули трезвый взглядъ автора «Политической экономіи» на сущность

богатства, мы изложили его ученіе о рентѣ, которое считаемъ весьма важнымъ вкладомъ въ экономическую науку. Если затѣмъ мы остановились также на заблужденіяхъ и слабыхъ сторонахъ Мальтуса, то къ этому насъ обязывалъ самый характеръ его заблужденій—такихъ, напримѣръ, какъ ученіе о фондѣ заработной платы, «*желѣзный законъ*» заработной платы [1]) и др.—и ихъ крупная роль въ исторіи политической экономіи. Ошибки великихъ людей имѣютъ особое свойство быть иногда не менѣе поучительными, чѣмъ многія истины.

ГЛАВА III.

Вопросъ о народонаселеніи въ древности: древнѣйшія законодательства. Спарта, Аттика, Римъ, ученія Платона и Аристотеля.—Христіанство.—Народонаселеніе въ XVI—XVIII вв., реформація, меркантилизмъ, взгляды писателей XVII—XVIII вв.,—Переворотъ, произведенный Мальтусомъ.—Основныя теоретическія положенія „Опыта о народонаселеніи“.

Чтобы вполнѣ понять какъ ту научную важность, которую имѣетъ «Опытъ о народонаселеніи», такъ и то непосредственное впечатлѣніе, которое Мальтусъ произвелъ своей книгой на современниковъ, намъ нужно обратиться сначала къ исторіи различныхъ взглядовъ на народонаселеніе, господствовавшихъ въ прежнія времена. Пересмотрѣвъ, хотя бы вкратцѣ, соотвѣтствующія ученія писателей древности, среднихъ вѣковъ и просвѣтительной эпохи, мы ясно представимъ себѣ, что новаго по данному вопросу внесъ «Опытъ о народонаселеніи», а также, почему этому сочиненію посчастливилось привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе и получить такую громкую извѣстность. Мы начнемъ съ самой глубокой древности, насколько намъ это позволяютъ скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя древними авторами.

Въ описаніяхъ путешественниковъ и этнографовъ часто приходится читать о той исключительной плодовитости, которой будто бы отличаются низшія расы. Обширныя семьи дикарей

---

[1]) „Желѣзнымъ закономъ“ заработной платы со времени Лассаля, воспринявшаго въ этомъ случаѣ взгляды Рикардо и Мальтуса, называютъ ученіе, согласно которому заработная плата имѣетъ тенденцію держаться на уровнѣ необходимыхъ потребностей рабочихъ. Въ сочиненіяхъ Мальтуса ученіе это было впервые формулировано и обосновано.

охотно противопоставляются при этомъ современной, цивилизованной семьѣ, не заключающей въ себѣ обыкновенно болѣе 4—5 членовъ. Хотя весьма быстрое размноженіе некультурныхъ народовъ наблюдалось дѣйствительно неоднократно, тѣмъ не менѣе въ той общей формѣ, въ какой высказывается это наблюденіе, оно не можетъ считаться фактомъ, столь прочно установленнымъ, какъ другой фактъ—значительной смертности среди тѣхъ же некультурныхъ племенъ. Близко стоя къ природѣ и находясь отъ нея въ особенно сильной зависимости, дикія племена не мало страдаютъ отъ всякихъ стихійныхъ бѣдствій, непогоды, засухи, неурожая; имъ достается труднѣе нашего побѣда надъ дикими звѣрями, а особенно много крови и силъ тратится ими въ борьбѣ другъ съ другомъ изъ-за обладанія скотомъ или пастбищемъ. Та убыль въ ихъ рядахъ, которая причиняется повальными болѣзнями, особенно губительными среди дикарей, борьбой съ природой и неустанными междоусобными войнами, должна пополняться естественнымъ приростомъ населенія. Что бы намъ ни говорили о быстротѣ этого роста, но, видно, убыль народонаселенія бывала такъ велика, что путемъ естественнаго размноженія она восполнялась черезчуръ медленно, потому что законодательства, религія и обычаи древности находятъ нужнымъ всячески покровительствовать и содѣйствовать возможно большему размноженію народонаселенія.

Такимъ образомъ въ Персіи, какъ передаетъ Геродотъ, цари назначали особыя денежныя награды тѣмъ изъ своихъ подданныхъ, которые имѣли больше дѣтей. Въ Іудеѣ считалось позорнымъ не имѣть потомства, и потому отъ участія въ управленіи отстранялись евнухи и люди бездѣтные. Индійскій законъ не допускалъ къ свидѣтельству на судѣ женатаго, но бездѣтнаго человѣка.

Китайцы съ особеннымъ уваженіемъ относились къ тѣмъ, кто имѣлъ большое потомство, видя въ послѣднемъ благословеніе Божіе. Такого рода взглядъ былъ свойственен не имъ однимъ, но многимъ патріархальнымъ народамъ. Въ Греціи и въ Римѣ мы встрѣчаемся также съ особеннымъ покровительствомъ браку и размноженію. Нѣкоторые изслѣдователи (подобно Фюстель-де-Куланжу) объясняютъ его религіозными причинами и семейнымъ культомъ умершихъ, требующимъ непрерывнаго продолженія рода; большинство же ученыхъ склоняется

къ тому, чтобы видѣть въ этомъ покровительствѣ проявленіе государственной заботливости и верховенства древняго государства надъ личностью и семьей.

Дѣйствительно, знакомясь съ законодательствомъ Спарты, убѣждаешься въ томъ, что интересы семьи представлены имъ очень плохо, за-то суверенитетъ государства, иногда даже въ ущербъ семейной автономіи, выдвинутъ съ поразительной рѣзкостью. Семья разсматривается законами Ликурга не какъ воспитательница молодого поколѣнія и не какъ себѣ самой довлѣющая единица, но какъ оффиціальное учрежденіе въ общемъ интересѣ, имѣющее цѣлью снабжать государство достаточнымъ количествомъ здоровыхъ и сильныхъ гражданъ. Сообразно такому взгляду, законъ предписываетъ каждому спартанцу въ опредѣленномъ возрастѣ вступать въ *опредѣленный* бракъ; правительство могло преслѣдовать гражданъ за нарушеніе этого постановленія и привлекать къ суду какъ за черезчуръ поздній, такъ и за дурной, не соотвѣтствующій видамъ государства бракъ. Такъ какъ при этомъ спартанскія женщины не отличались плодовитостью и семьи въ Спартѣ были обыкновенно немноголюдны, существовалъ, по словамъ Аристотеля, обычай награждать деньгами отцовъ, имѣвшихъ по 3—4 взрослыхъ сына.

Въ Аѳинахъ, гдѣ личность свободныхъ гражданъ менѣе подавлялась государственной опекой, нежели въ Спартѣ, гдѣ и семья повидимому пользовалась большей степенью независимости, законы о бракѣ отличались сравнительной мягкостью. И здѣсь тѣмъ не менѣе государство всегда могло принудить любого гражданина ко вступленію въ супружество и дѣйствительно иногда оказывало такое давленіе преимущественно на дѣвушекъ, когда онѣ являлись единственными продолжательницами рода. Страхъ уменьшенія народонаселенія сказывается во всей Греціи, и вѣроятно не безъ основанія. Недаромъ жалуется Плутархъ: «оракулы замолкли; мѣстности, гдѣ они вѣщали, опустѣли; во всей Греціи едва-ли наберется 3,000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе». Недаромъ говоритъ и Стратонъ: «я не стану описывать Эпира и смежныхъ съ нимъ мѣстностей, потому что они обратились въ пустыню. Обезлюденіе, начавшееся уже съ давнихъ поръ, съ каждымъ днемъ подвигается дальше, такъ что римскіе солдаты располагаются на постой въ пустыхъ домахъ».

Суверенитетъ (верховенство) государство даже въ чисто семейныхъ и личныхъ дѣлахъ былъ въ Римѣ такъ же силенъ, какъ и въ Греціи. Поэтому и здѣсь вопросъ о бракѣ почитается вопросомъ общественнымъ и разрѣшается свыше. Одна изъ обязанностей цензоровъ состояла въ томъ, чтобы содѣйствовать размноженію населенія; съ этой цѣлью они всѣми средствами побуждали молодыхъ людей къ браку, а старыхъ холостяковъ наказывали увеличеніемъ налоговъ. Покровительству размноженія нисколько не противорѣчитъ извѣстный фактъ умерщвленія больныхъ и слабыхъ дѣтей: практиковалось это исключительно въ видахъ улучшенія расы и опять же въ интересахъ государства. Особенно рѣшительныя мѣры понужденія принимаются послѣ 164 г. до Р. Х., когда съ одной стороны обнаруживается убыль населенія, съ другой — среди римлянъ начинаетъ проявляться отвращеніе къ браку. Послѣ нѣсколькихъ соотвѣтственныхъ постановленій римскихъ цензоровъ Цезарь издаетъ законъ, которымъ право на полученіе земли въ Кампаніи предоставляется лишь отцамъ трехъ или болѣе дѣтей. Всего рѣшительнѣе на этотъ путь законодательного побужденія къ браку вступаетъ Августъ, что объясняется особенно сильнымъ нерасположеніемъ его современниковъ и соотечественниковъ къ семейной жизни и проистекающимъ отсюда уменьшеніемъ числа свободныхъ гражданъ. Здѣсь не мѣсто подробно излагать изданные Августомъ законы; достаточно будетъ замѣтить, къ чему они сводились: изъ всѣхъ кандидатовъ на общественныя должности предпочтеніе давалось отнынѣ тѣмъ, которые имѣли больше дѣтей; бездѣтные граждане не получали наслѣдствъ, оставленныхъ по завѣщанію; овдовѣвшіе супруги обязывались вступать въ новый бракъ; обрученные лишались права откладывать свадьбу дольше двухъ лѣтъ и т. п.

Всѣ эти строгія мѣры, принятыя въ видахъ увеличенія народонаселенія, не имѣли, однако, желаемаго дѣйствія: свободное римское населеніе не только не росло, но по временамъ даже уменьшалось, и это происходило по двумъ причинамъ: непрерывныя войны сокращали численность населенія непосредственно, а рабство, столь мало благопріятное развитію народонаселенія во всѣхъ отношеніяхъ, подтачивало и разрушало римское общество косвеннымъ образомъ. Справедливо поэтому замѣчаніе Мальтуса: «если бы изъ страны удалили половину ра-

бовъ и римскій народъ вслѣдствіе этого могъ бы приложить свои силы къ искусствамъ и земледѣлію, число гражданъ быстро возрасло бы и такого рода поощреніе оказалось бы дѣйствительнѣе для роста народонаселенія, чѣмъ всѣ законодательныя мѣры».

Тогдашняя дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, нашла свое отраженіе и въ современныхъ ей ученіяхъ: взгляды Платона и Аристотеля по вопросу о народонаселеніи представляютъ собою не что иное, какъ возведеніе въ принципъ нѣсколько облагороженной народонаселенческой политики греческаго государства. Въ томъ идеальномъ строѣ, о которомъ мечталъ Платонъ, бракъ строго регламентированъ: верховная власть назначаетъ, кто съ кѣмъ долженъ вступать въ супружество, и какое именно число браковъ должно быть заключаемо въ данномъ году. Только здоровымъ дѣтямъ государство позволяетъ продолжать свое существованіе, остальные же покидаются въ пустынныхъ мѣстахъ и обрекаются на смерть. Въ этомъ Платонъ видитъ отличное средство не только для улучшенія расы, но и противъ возможнаго избытка населенія. Хотя Аристотель, въ противность Платону, подчеркиваетъ внутренній смыслъ семейной жизни и пишетъ даже нѣчто вродѣ диѳирамба семьѣ, на которую смотритъ не только съ государственной, но и съ моральной точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе и онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы государство не оставляло безъ своего вмѣшательства брачныя отношенія гражданъ. Онъ предлагаетъ установить законодательнымъ путемъ нормальный возрастъ для вступленія въ бракъ, перейдя который и состоящіе уже въ бракѣ супруги должны расходиться; онъ предлагаетъ даже, чтобы государство играло въ нѣкоторомъ родѣ роль свахи, отыскивая и намѣчая невѣстамъ жениховъ, и обратно. Словомъ, отеческая *опека государства*, вмѣшивающаяся въ общественномъ интересѣ даже въ интимныя дѣла гражданъ, опека, составляющая отличительную черту всей классической древности, находитъ себѣ полное оправданіе и даже дальнѣйшее развитіе въ сочиненіяхъ Аристотеля и Платона.

Со вступленіемъ на арену общественной жизни христіанства во взглядахъ на семью, на бракъ и на роль государства въ вопросѣ о народонаселеніи происходитъ полный переворотъ. Бракъ объявляется отнынѣ дѣломъ личнымъ, не подлежащимъ государственной регламентаціи; вступленіе въ супружескій союзъ

признается вопросомъ совѣсти, причемъ прежнему одобренію семейнаго начала противопоставляется нынѣ идеалъ аскетическаго обузданія плоти; что же касается роста народонаселенія, то, по взглядамъ христіанскихъ теологовъ, оно регулируется не человѣческими, а божескими законами. Государственная точка зрѣнія смѣняется лично-религіозной, искусственное покровительство увеличенія народонаселенія — полнѣйшимъ невмѣшательствомъ въ эту область. Между тѣмъ параллельно съ распространеніемъ христіанства идетъ своимъ чередомъ обезлюденіе Италіи, завѣщанное ей древнимъ міромъ.

Если прежнія средства борьбы съ этимъ зломъ оказались, какъ мы только что видѣли, неудовлетворительными, то распространившійся теперь индифферентизмъ еще менѣе, разумѣется, могъ остановить надвигавшееся бѣдствіе. Недостатокъ населенія чувствовался повсюду: отъ него страдало земледѣліе, отъ него границы государства оказывались беззащитными при натискѣ варваровъ. Государство, видимо, погибало, а граждане шли спасать свою душу въ монастыри (въ Египтѣ, по расчету Руфима, число монаховъ равнялось числу всѣхъ остальныхъ гражданъ).

Эпоха возрожденія и реформаціи—эпоха протеста по преимуществу, а въ вопросѣ, насъ интересующемъ, она знаменуетъ собою реакцію противъ аскетическихъ строгостей первобытнаго христіанста. Въ то время, какъ церковные реформаторы, и во главѣ ихъ Лютеръ, возстаютъ противъ идеала безбрачія, прямо противорѣчащаго, по ихъ мнѣнію, категорической заповѣди Бога: «плодитесь и множьтесь», и вредно отражающагося на нравахъ, въ обществѣ, между тѣмъ, подъ вліяніемъ реставраціи древней языческой литературы и памятниковъ древняго искусства, замѣчается особенно сильное стремленіе освободиться отъ ига монастырской морали, замѣнить умерщвленіе плоти открытой ея реабилитаціей. Такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи подготовилъ собою извѣстное направленіе позднѣйшей государственной политики. Но главной причиной и этого поворота въ общественномъ мнѣніи, и измѣненія государственной политики въ болѣе благопріятную для народонаселенія сторону были, разумѣется, факты дѣйствительной жизни: чрезвычайная смертность и слабый ростъ населенія, характеризующіе собою эпоху среднихъ вѣковъ. Повальныя болѣзни, негигіеничность всего строя жизни и кровопролитныя войны значительно обезлюдили съ теченіемъ времени многія прежде цвѣтущія страны Европы. Изъ

чувства самосохраненія, изъ чувства страха передъ будущимъ и передъ сосѣдями общество и государство на зарѣ новаго времени вдругъ отшатнулись отъ строгой, аскетической морали и проявили склонность впасть въ противоположную крайность, лишь бы избавиться отъ дѣйствительно страшнаго бѣдствія— обезлюденія всей Европы.

Когда промышленная дезорганизація, составляющая отличительную черту первой половины среднихъ вѣковъ, должна была уступить свое мѣсто сначала цеховому устройству, потомъ постепенно болѣе крупной формѣ промышленности, и когда параллельная ей политическая разобщенность, послѣдствіе феодальной системы, смѣнилась централизованнымъ государствомъ, — вопросъ о народонаселеніи успѣлъ уже совершенно освободиться отъ нравственно-религіозной цензуры. Онъ снова, какъ въ классическомъ мірѣ, сталъ разсматриваться съ общественно-государственной точки зрѣнія, и то разрѣшеніе, которое онъ теперь получилъ, свидѣтельствуетъ объ особенной важности, придававшейся ему государственными людьми XVII—XVIII вѣковъ. Для нихъ вопросъ о народонаселеніи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о богатствѣ: богатой они считали такую страну, которая имѣла больше драгоцѣнныхъ металловъ, но драгоцѣнные металлы получались, главнымъ образомъ, благодаря внѣшней торговлѣ, въ обмѣнъ на произведенія туземной промышленности; нужно было, значитъ, стремиться къ возможно большему развитію отечественной промышленности, а это признавалось возможнымъ лишь при условіи увеличенія числа людей, занятыхъ производствомъ, при условіи размноженія населенія вообще. Практическій выводъ отсюда: надо всячески поощрять ростъ населенія,—выводъ, получившій дѣйствительно свое осуществленіе въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ того времени.

Мы видѣли, какъ понимало эту задачу греческое государство: оно просто *приказывало* гражданамъ вступить въ бракъ и строго преслѣдовало за нарушеніе своего приказанія. Римскіе императоры дѣйствовали мягче: они соблазняли людей семейныхъ, и пугали перспективой различныхъ неудобствъ, связанныхъ съ холостымъ состояніемъ. По этому послѣднему пути и пошло государство XVII—XVIII вѣковъ, выработавшее цѣлую сложную систему поощреній и каръ все въ тѣхъ же видахъ—увеличенія народонаселенія. Примѣры такого рода поощреній мы найдемъ въ испанскомъ указѣ отъ 1623 года и въ знаменитомъ эдиктѣ

Людовика XIV, которыми людямъ, женившимся до 25 лѣтъ, а также отцамъ десятерыхъ дѣтей давались значительныя льготы въ платежѣ податей и повинностей. Въ Испаніи кромѣ того правительство стремилось побудить къ браку непосредственными денежными преміями. Сюда же относится указъ Фридриха Великаго (1747 г.), сокращавшій срокъ траура для вдовъ и вдовцевъ. Параллельно съ вступленіемъ въ бракъ поощрялось, какъ это видно на примѣрѣ эдикта Людовика XIV, и дѣторожденіе: еще въ самомъ концѣ XVIII вѣка, въ 1796 году, т. е. за два года до появленія сочиненія Мальтуса, англійскій парламентъ разсматривалъ предложеніе Питта, чтобы государство брало часть издержекъ по воспитанію дѣтей изъ особенно многолюдныхъ семействъ. Что же касается тѣхъ каръ, которыя, налагаясь на холостяковъ, должны были отрицательнымъ образомъ служить той же цѣли, какъ и поощренія, то онѣ, хотя и менѣе разнообразны, чѣмъ послѣднія, но не менѣе часты. Во многихъ странахъ извѣстныя должности поручались только людямъ семейнымъ; затѣмъ безбрачіе служило препятствіемъ для поступленія въ цехи ремесленниковъ,—препятствіемъ, правда, устранимымъ, но сопряженнымъ съ расходами; наконецъ, имущество холостяковъ, послѣ ихъ смерти, поступало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Брауншвейгѣ) государству, если у покойнаго не оказывалось ближайшихъ родственниковъ.

Кромѣ перечисленныхъ прямыхъ поощреній и каръ, государство XVII—XVIII вѣковъ принимало цѣлый рядъ другихъ мѣръ, долженствовавшихъ косвеннымъ образомъ служить также увеличенію народонаселенія. Изъ такихъ мѣръ отмѣтимъ здѣсь лишь поощреніе иммиграціи, затрудненіе выселеній и снисходительное отношеніе къ незаконнымъ рожденіямъ. Послѣднее сказалось особенно ярко въ циркулярахъ Фридриха Великаго, освободившаго отъ церковнаго покаянія женщинъ, забеременѣвшихъ внѣ брака, и запретившаго, подъ страхомъ наказанія, стыдить или упрекать ихъ за это. Для незаконнорожденныхъ около того же времени начинаютъ создаваться воспитательные дома. Такимъ образомъ, въ погонѣ за увеличеніемъ народонаселенія, государство не задумывается даже вступить въ извѣстный антогонизмъ съ церковью и какъ бы санкціонировать съ своей стороны то, что послѣдней всегда строго преслѣдовалось. И это понятно: ни одно положеніе государственной науки и политики не казалось въ XVIII вѣкѣ столь прочно установленнымъ, какъ

слѣдующее: чѣмъ больше людей, тѣмъ больше ремесленниковъ и торговцевъ, тѣмъ, значитъ, государство *богаче*; чѣмъ больше людей, тѣмъ больше солдатъ, а, слѣдовательно, тѣмъ государство *сильнѣе*.

Развитіемъ этихъ двухъ положеній въ XVII и затѣмъ въ XVIII вѣкѣ занималась вся тогдашняя государственная наука въ лицѣ ея лучшихъ представителей. Писатели XVII вѣка выдвинули вопросъ о народонаселеніи и дали первое научное обоснованіе народонаселенческой политикѣ государства. При своемъ возникновеніи ученіе это явилось реакціей противъ безчеловѣчной политики средневѣковыхъ феодаловъ, дорожившихъ больше скотомъ, нежели подданными, и не берегшихъ въ своихъ безчисленныхъ войнахъ человѣческой крови. Имъ надо было показать всю неразсчетливость ихъ политики, весъ вредъ кровопролитныхъ войнъ и всю важность народонаселенія для государства. Это и было сдѣлано писателями XVIII вѣка.

Иное значеніе имѣло то же ученіе въ XVIII вѣкѣ, когда государства уже повсюду вступили на путь искусственнаго поощренія народонаселенія, и когда поэтому слѣпая поддержка науки приводила лишь къ одному результату: она оставляла безъ всякой провѣрки и критики весьма одностороннюю государственную политику, заботившуюся о численности населенія и упускавшую изъ виду его благосостояніе. Главнѣйшими представителями направленія государственной науки въ XVIII вѣкѣ были: Зюссмильхъ, Юсти и Зонненфельсъ. Писателями этими развивался не только тотъ взглядъ, что численность населенія крайне важна для государства, но еще и другой, котораго оптимизмъ нельзя не признать довольно вреднымъ,—взглядъ, что населеніе само создаетъ для себя пропитаніе и потому не нуждается ни въ какихъ заботахъ о себѣ со стороны государства.

«Такъ какъ въ странѣ никогда не можетъ быть слишкомъ много жителей,—пишетъ Юсти,—то нужно заботиться прежде всего о томъ, чтобы по возможности усиливать ростъ населенія».

Зонненфельсъ мотивируетъ такое требованіе слѣдующимъ образомъ: «чѣмъ больше народная масса, тѣмъ сильнѣе можетъ быть то сопротивленіе, на которомъ покоится внѣшняя безопасность,—таково основное положеніе *политики*; чѣмъ больше народная масса, на чье содѣйствіе можно разсчитывать, тѣмъ меньше опасности грозитъ изнутри,—таково основное положеніе *полиціи* (искусства управленія); чѣмъ больше людей, тѣмъ

больше потребностей, тѣмъ многочисленнѣе въ странѣ внутренніе источники пропитанія; чѣмъ больше рабочихъ рукъ, тѣмъ лучше идетъ земледѣліе, тѣмъ больше матеріала для обмѣна,—таково основное положеніе *науки о торговлѣ*; чѣмъ больше гражданъ, тѣмъ больше получаетъ государство на свои расходы, хотя для каждаго облагаемаго меньше,—таково основное положеніе *финансовой науки*». Особенно рѣзко выраженъ былъ взглядъ всей этой школы Теодоромъ Шмальцемъ въ слѣдующихъ словахъ: «часто писателями выражается опасеніе, какъ бы количество населенія въ странѣ не было черезчуръ велико, такъ что послѣдняя не въ состояніи была бы его прокормить. Но такое опасеніе глупо и неосновательно, потому что природа неистощима, потому что именно большое количество населенія оживляетъ обмѣнъ, потому что люди живутъ одни другими. *Чѣмъ населеннѣе страна, тѣмъ она богаче*».

Таковъ былъ господствующій взглядъ. Нельзя сказать, чтобы даже въ XVIII вѣкѣ онъ не находилъ себѣ никакихъ возраженій или поправокъ. Уже физіократы и энциклопедисты, но всего больше въ своемъ «Духѣ законовъ» Монтескьё, указывали на зависимость роста народонаселенія отъ увеличенія средствъ пропитанія. Еще важнѣе для насъ взгляды итальянца Джамаріа Ортеса (1713—1790), высказанные имъ въ сочиненіи, самое заглавіе котораго обращаетъ на себя особенное вниманіе: «Размышленія о народонаселеніи въ его отношеніи къ національной экономіи». По его мнѣнію, численность населенія опредѣляется плодородіемъ почвы. По вопросу о ростѣ населенія онъ высказываетъ, предупреждая Мальтуса, то мнѣніе, что оно совершается по геометрической прогрессіи. Среди животныхъ существуетъ стремленіе къ такому быстрому размноженію, но природа задерживаетъ его «силой», у людей сдерживающимъ началомъ является «разумъ»—ragione. Въ извѣстныхъ случаяхъ поэтому безбрачіе столь же необходимо, какъ и бракъ. Часть Мальтусова ученія тутъ уже ясно формулирована.

На англійской почвѣ изслѣдователи указываютъ и болѣе раннихъ предшественниковъ Мальтуса, чѣмъ Ортесъ. Чтобы не удлинять нашего историческаго очерка, мы отвѣтимъ только на вопросъ; въ какомъ отношеніи находятся эти труды къ «Опыту о народонаселеніи?» Самъ Мальтусъ въ предисловіи ко второму изданію своей книги разсказываетъ—и это вполнѣ подтверждается сличеніемъ обоихъ изданій, — что названныя сочиненія

попались ему въ руки только тогда, когда онъ захотѣлъ лучше обосновать и разработать высказанный имъ въ первомъ изданіи «Опыта» взглядъ на причины и слѣдствія возрастанія народонаселенія. Къ основнымъ положеніямъ своего «Опыта» онъ пришелъ совершенно самостоятельно. Подготовляя къ печати второе изданіе и стараясь подкрѣпить свои мнѣнія авторитетомъ другихъ писателей, Мальтусъ тутъ только убѣждается, что «по этому вопросу сдѣлано было гораздо больше, чѣмъ онъ воображалъ». Сочиненія Монтескьё, Франклина и др. доставляютъ ему матеріалъ, подтверждающій его первыя обобщенія, и Мальтусъ вводитъ его въ свою книгу, увеличивающуюся, благодаря этому, больше, чѣмъ вдвое.

Отсюда можно убѣдиться, какъ неосновательно мнѣніе тѣхъ изъ критиковъ Мальтуса, которые видятъ въ немъ простого компилятора.

Дѣйствительно, въ буквальномъ смыслѣ не Мальтусомъ открытъ былъ, такъ называемый, законъ народонаселенія, не ему принадлежитъ также первая мысль о геометрической прогрессіи. Мы видѣли, что о зависимости роста населенія отъ количества необходимаго пропитанія писали до Мальтуса и въ Англіи, и на континентѣ. Но мы сказали также, что господствующимъ втеченіе всего XVIII вѣка являлось противоположное мнѣніе, по которому—были бы люди, а пропитаніе для нихъ найдется, откуда выводилось практическое требованіе искусственнаго покровительства увеличенію народонаселенія. Появляется книга Мальтуса—и положеніе дѣль рѣзко мѣняется. Тотъ взглядъ, который до сихъ поръ считался почти парадоксальнымъ и высказывался въ сущности очень немногими,-становится отнынѣ господствующимъ; противоположное же мнѣніе, недавно общепринятое, почти совершенно сходитъ со сцены, сохраняясь лишь въ небольшомъ числѣ сочиненій экономистовъ-оптимистовъ. Чѣмъ же объяснить этотъ переворотъ въ умахъ, произведенный Мальтусомъ? Ужели только тѣмъ, что Мальтусъ перенесъ вопросъ на политическую и практическую почву? Этимъ можно было бы объяснить внѣшній успѣхъ его «Опыта», но никоимъ образомъ не его крупную историческую роль, не то значеніе, которое онъ получилъ въ исторіи науки. Нѣтъ, Мальтусу и ему одному обязаны мы тѣмъ ученіемъ, которое и до сихъ поръ въ своихъ существенныхъ чертахъ, какъ это мы увидимъ ниже, не можетъ почитаться опровергнутымъ. Мальтусъ и никто другой форму-

лировалъ ясно причину возрастанія и сокращенія народонаселенія, съ именемъ Мальтуса поэтому вполнѣ справедливо и связывается все это ученіе. Но говорить такъ, не значитъ ли игнорировать упомянутыхъ выше предшественниковъ Мальтуса? Нисколько.

Ошибочно думаютъ тѣ, которые полагаютъ, что научныя открытія дѣлаются случайно, благодаря счастливому сочетанію внѣшнихъ обстоятельствъ или особенной одаренности одного человѣка. Ужели въ самомъ дѣлѣ законъ тяготѣнія остался бы для насъ неизвѣстнымъ, если бы яблоко не упало передъ глазами Ньютона? Подобный взглядъ давно пора оставить, онъ опровергнутъ всей современной наукой. Научныя открытія подготовляются временемъ и вызываются нуждами общества. Законъ тяготѣнія долженъ былъ быть открытымъ, и если бы этого не сдѣлалъ Ньютонъ, другой кто-нибудь заступилъ бы его мѣсто. Извѣстны случаи, когда величайшія открытія дѣлались нѣсколькими учеными одновременно и совершенно независимо другъ отъ друга; напомнимъ только объ Уоллесѣ и Дарвинѣ, напомнимъ о Родбертусѣ и Марксѣ. Не говоритъ ли это ясно въ пользу того, что научныя открытія отнюдь не случайнаго происхожденія, что, какъ и все въ природѣ, они обусловлены, закономѣрны и являются продуктомъ необходимости? Въ такомъ случаѣ неосновательно, быть можетъ, приписывать честь изобрѣтеній отдѣльнымъ людямъ, и сами мы совершенно напрасно сказали выше о заслугѣ Мальтуса? Сдѣлать подобный выводъ все равно, что сказать: необходимость извѣстнаго факта говоритъ противъ его существованія. Происхожденіе видовъ открыто Дарвиномъ, законъ тяготѣнія установленъ Ньютономъ, трудовая теорія цѣнности обоснована Марксомъ, ученіе о народонаселеніи формулировано Мальтусомъ,—все это факты, и мы не имѣемъ права ихъ отвергать; напротивъ, мы скажемъ, что Дарвину, Ньютону, Марксу и Мальтусу обязаны мы этими пріобрѣтеніями науки. Такое признаніе не обязываетъ насъ, однако же, въ нѣкоторомъ родѣ обоготворять названныхъ изслѣдователей и благословлять судьбу за то, что они явились, такъ какъ, молъ, въ противномъ случаѣ мы находились бы во тьмѣ. Человѣчество получаетъ нужныя открытія, какъ кредиторъ свой долгъ по векселю. Вексельное обязательство путемъ бланковыхъ надписей можетъ переходить отъ одного лица къ другому, должникомъ дѣлается то А, то Б, то В; для кредитора

это безразлично—онъ получитъ свое. Такъ же и человѣчество.

Въ какой степени Мальтусъ былъ оригиналенъ, это лучше всего покажетъ изложеніе основныхъ принциповъ его системы. Сличеніе ея съ приведенными выше соображеніями предшественниковъ Мальтуса убѣдитъ каждаго непредубѣжденнаго читателя, что первая относится ко вторымъ, какъ во всѣхъ частяхъ согласованная машина къ кучѣ неприспособленныхъ колесъ и рычаговъ. Ограничиваясь въ настоящей главѣ изложеніемъ только теоретическихъ основъ ученія о народонаселеніи и отлагая до слѣдующихъ главъ приведенныя Мальтусомъ доказательства и сдѣланные имъ практическіе выводы, мы постараемся за-то въ этомъ изложеніи быть, какъ можно болѣе, точными.

«Предметъ настоящаго *Опыта*,—говоритъ Мальтусъ въ первой главѣ своей книги,—составляетъ изслѣдованіе одного явленія, тѣсно связаннаго съ природой человѣка,—явленія, дававшаго себя знать постоянно и могущественно съ самаго возникновенія человѣческаго общества, но едва отмѣченнаго писателями, которые занимались вопросами, имѣвшими ближайшее къ нему отношеніе. Факты, обнаруживавшіе наличность этого явленія, неоднократно признавались и излагались, но совершенно упускались изъ виду ихъ естественныя и необходимыя послѣдствія, хотя, по всей вѣроятности, именно среди этихъ послѣдствій можно помѣстить значительную часть пороковъ и нищеты и то неравное распредѣленіе даровъ природы, исправленіе котораго составляло во всѣ времена постоянную заботу просвѣщенныхъ филантроповъ. Явленіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, заключается въ постоянномъ стремленіи всѣхъ живыхъ существъ размножаться въ большемъ количествѣ, чѣмъ то, для котораго существуютъ запасы пищи».

Такая тенденція обнаруживается во всемъ органическомъ мірѣ: растенія и животныя покоряются ей такъ же, какъ и человѣкъ. Но въ то время, какъ первыя размножаются безсознательно и непроизвольно, задерживаемыя исключительно недостаткомъ мѣста и пищи, человѣкъ руководится разумомъ и останавливается въ своемъ размноженіи заботой о необходимомъ пропитаніи. Когда страсти заглушаютъ голосъ разсудка, а инстинктъ дѣлается сильнѣе предусмотрительности,—соотвѣтствіе между запасами пищи и количествомъ населенія нарушается и послѣднее подвергается бѣдствіямъ голода. Въ той или иной

формѣ препятствія къ размноженію населенія всегда существовали и существуютъ, а потому въ чистомъ видѣ воспроизводительную тенденцію человѣка намъ никогда не приходится наблюдать. Есть страны, однако, гдѣ эти препятствія не такъ сильны: въ Сѣверной Америкѣ, напр., необходимыхъ средствъ пропитанія больше, а нравы населенія чище, чѣмъ въ Европѣ, и здѣсь было замѣчено, что населеніе удваивается менѣе, чѣмъ въ 25 лѣтъ. Слѣдовательно, при полномъ отсутствіи всякихъ препятствій къ размноженію, срокъ удваиванія можетъ быть еще короче.

Но не такъ легко увеличиваются запасы пищи. Земля имѣетъ свои предѣлы. Когда всѣ плодородные участки уже заняты и обрабатываются, увеличенія средствъ пропитанія можно ждать лишь отъ улучшенія способовъ обработки и отъ техническихъ усовершенствованій. Эти улучшенія, однако, не могутъ производиться съ неослабнымъ успѣхомъ; напротивъ, въ то время, какъ народонаселеніе будетъ все увеличиваться и увеличиваться, въ увеличеніи средствъ пропитанія будетъ обнаруживаться нѣкоторая заминка. «Возьмемъ въ примѣръ Англію и Шотландію,— говоритъ Мальтусъ:—въ этихъ странахъ существуютъ еще невоздѣланныя земли и пріемы земледѣльческой техники внимательно изучаются». Если мы предположимъ, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ количество произведеній почвы удвоится въ первыя 25 лѣтъ, мы выйдемъ, вѣроятно за предѣлы возможнаго. Сдѣлать такое же предположеніе для второй четверти вѣка рѣшительно невозможно: оно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о свойствахъ земли. «Каждому, кто хоть немного знакомъ съ агрономіей, хорошо извѣстно, что, по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное возрастаніе средней производительности земли постепенно и правильно уменьшается». Но допустимъ, что количество умножившихся произведеній почвы осталось то же, что, слѣдовательно, послѣ вторыхъ 25 лѣтъ получилось на *столько* же больше пищи, какъ и послѣ первыхъ. Дальше, по мнѣнію Мальтуса, самое горячее воображеніе не можетъ идти. Допустимъ, что такому возрастанію подчиняются произведенія почвы всегда. Что же получится? Если населеніе Великобританіи состоитъ въ данное время, положимъ, изъ 11.000.000 и пищи оказывается въ странѣ ровно столько, сколько нужно для этихъ 11.000.000, черезъ 25 лѣтъ населеніе возрастетъ до 22.000.000, а вмѣстѣ съ нимъ удвоится и количество пищи, которой, слѣдовательно,

опять же будетъ достаточно для наличнаго населенія. Но вотъ населеніе снова удваивается и дѣлается равнымъ 44.000.000, между тѣмъ какъ количество пищи не удваивается, но увеличивается на прежнее количество, и потому его оказывается достаточнымъ лишь на 33.000.000. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится несоотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и количествомъ имѣющейся для него пищи. Тогда наступаетъ голодъ, и среди населенія, не находящаго себѣ пропитанія, обнаруживается усиленная смертность.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи, тогда какъ пища въ лучшемъ случаѣ только—въ ариѳметической. Ростъ перваго можно обозначить такимъ рядомъ цифръ: 1, 2, 4, 8, 16, 32..., а ростъ второго—такимъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6... Отсюда позволительно заключить, что для благоденствія рода человѣческаго, для сохраненія равновѣсія между народонаселеніемъ и необходимыми средствами пропитанія нужно, чтобы естественное размноженіе людей встрѣчало всегда извѣстныя препятствія и задержки. Къ счастью, оно ихъ дѣйствительно встрѣчаетъ. Существующія препятствія Мальтусъ раздѣляетъ на двѣ категоріи: препятствія *предупредительныя* и *разрушительныя*. Первыя вытекаютъ изъ способности людей взвѣшивать свои поступки и управлять своими инстинктами. Забота о пропитаніи удерживаетъ многихъ отъ слишкомъ ранняго вступленія въ бракъ; такого рода воздержаніе Мальтусъ называетъ *нравственнымъ*—moral restraint,—если только оно не приводитъ къ разврату. Подобное предупредительное препятствіе Мальтусъ считаетъ весьма похвальнымъ коррективомъ къ закону народонаселенія, но, къ сожалѣнію, не настолько сильнымъ, чтобы сдѣлать излишнимъ дѣйствіе препятствій разрушительныхъ. «Разрушительныя препятствія,—говоритъ онъ,—весьма разнообразны; сюда относятся всѣ явленія, проистекающія изъ порока или страданій и сокращающія продолжительность человѣческой жизни. Подъ эту рубрику можно подвести всѣ вредныя для здоровья занятія, тяжелый трудъ, вліяніе дурного времени года, крайнюю бѣдность, даваемое дѣтямъ дурное пропитаніе, жизнь въ большихъ городахъ, излишества всякаго рода; затѣмъ идутъ вереницей: повальныя болѣзни и эпидеміи, войны, чума и голодъ».

Хотя всѣ перечисленныя бѣдствія, дѣйствуя болѣе или менѣе постоянно, значительно сокращаютъ населеніе земного шара,

тѣмъ не менѣе, повсюду замѣчается стремленіе людей размножаться быстрѣе, чѣмъ увеличивается количество необходимой для ихъ существованія пищи, и потому ни одна страна не можетъ себя считать вполнѣ гарантированной противъ бѣдствій *перенаселенія*. Однако, можно сказать, что это зло само себя врачуетъ. Когда число работниковъ, предлагающихъ свои руки, превыситъ имѣющійся на нихъ спросъ, заработная плата падетъ; въ то же время недостатокъ пищи увеличитъ стоимость послѣдней. Обѣ эти причины затруднятъ содержаніе большихъ семействъ и станутъ удерживать бѣдныхъ людей отъ вступленія въ бракъ, результатомъ чего явится остановка въ увеличеніи народонаселенія. Въ то же время необходимость больше трудиться для полученія вздорожавшихъ продуктовъ дастъ толчокъ земледѣлію и увеличитъ количество пищи. Тогда прекратится несоотвѣтствіе между количествомъ населенія и количествомъ средствъ существованія, но прекратится ненадолго: получивши возможность развиваться быстрѣе, народонаселеніе рано или поздно превыситъ средства существованія, и тогда снова почувствуется необходимость въ препятствіяхъ предупредительныхъ и разрушительныхъ. Такимъ образомъ, въ естественномъ приростѣ народонаселенія замѣчаются постоянно отливы и приливы, обусловливаемые количествомъ имѣющихся на лицо средствъ пропитанія.

Колебанія эти, по мнѣнію Мальтуса, не замѣчались изслѣдователями, занимавшимися наблюденіями преимущественно надъ высшими классами и оставлявшими безъ вниманія классы низшіе, на которыхъ, между тѣмъ, легче всего можно прослѣдить вліяніе матеріальныхъ условій. Мальтусъ жалуется дальше на несовершенство науки, на неразработанность статистики, не дающей полныхъ отвѣтовъ на вопросы объ отношеніи числа браковъ къ числу способныхъ къ браку людей, о разницѣ въ смертности между богатыми и бѣдными, о колебаніяхъ заработной платы, объ измѣненіяхъ въ благосостояніи народа, о точномъ количествѣ умершихъ, родившихся и вступившихъ въ бракъ. «Правдивая исторія человѣчества, способная отвѣтить и на такіе частные вопросы, выяснила бы, какъ дѣйствуютъ на населеніе постоянныя препятствія, и доказала бы, вѣроятно, существованіе отмѣченныхъ выше ретроградныхъ и прогрессивныхъ движеній».

---

*

Въ качествѣ выводовъ изъ первыхъ двухъ главъ своего «Опыта», Мальтусъ устанавливаетъ три слѣдующихъ основныхъ положенія, которыя мы можемъ считать краеугольными камнями всего его ученія:

1. Народонаселеніе строго ограничено средствами существованія.

2. Народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой нибудь могущественной встрѣчной причиной.

3. Всѣ препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастіямъ.

Вотъ тѣ три главныхъ тезиса, которыми Мальтусъ самъ резюмируетъ свое ученіе. Если мы ихъ сравнимъ съ основными положеніями господствовавшей въ XVIII вѣкѣ доктрины, то сейчасъ же увидимъ всю рѣзкость переворота, произведеннаго Мальтусомъ въ положеніи вопроса о народонаселеніи. Побольше людей, а средства пропитанія найдутся,—говорили до Мальтуса; побольше средствъ пропитанія, а люди явятся,—сказалъ Мальтусъ, и за нимъ то же стали повторять почти всѣ ученые XIX столѣтія. Изъ такихъ столь различныхъ теоретическихъ положеній вытекаетъ и разное отношеніе къ государственной политикѣ: пусть государство поощряетъ народонаселеніе—требовали въ XVIII вѣкѣ; всѣ этого рода поощренія безполезны и даже вредны,—скажетъ намъ Мальтусъ. Такимъ образомъ, вопросъ о народонаселеніи изъемлется Мальтусомъ изъ сферы государственнаго воздѣйствія, изъ сферы политики и дѣлается впервые объектомъ строго научнаго изслѣдованія. Ростъ народонаселенія перестаетъ быть чѣмъ-то болѣе или менѣе случайнымъ, подверженнымъ всѣмъ превратностямъ политической жизни; онъ признается отнынѣ явленіемъ закономѣрнымъ и находящимся въ строгой зависимости отъ природы и матеріальныхъ условій. Изслѣдованіе причинъ заступаетъ мѣсто безплодныхъ экспериментовъ надъ неизбѣжными слѣдствіями. Наука вступаетъ въ свои права, и вѣяніе XIX вѣка чувствуется уже въ книгѣ Мальтуса...

Неудивительно, что въ мірѣ профессіональныхъ ученыхъ и государственныхъ людей новая, смѣлая доктрина произвела сначала впечатлѣніе динамитнаго взрыва, а для всего общества

явилась какъ бы откровеніемъ по такому вопросу, о которомъ простымъ языкомъ и въ совершенно доступной формѣ еще никто не говорилъ съ непосвященными. Но ученіе Мальтуса вышло изъ его головы не въ качествѣ хорошо вооруженной богини; въ первомъ изданіи его «Опытъ» былъ бойкимъ теоретическимъ памфлетомъ, весьма плохо обставленнымъ съ фактической стороны и вполнѣ заслуживавшимъ упрека въ поверхностности. Успѣхъ перваго изданія побудилъ Мальтуса заняться глубже вопросомъ о народонаселеніи, и тогда-то создается та книга, которую мы будемъ имѣть вь виду въ дальнѣйшемъ изложеніи, знакомя читателей съ доказательствами, приведенными Мальтусомъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній, и съ выводами сдѣланными имъ изъ его основныхъ положеній.

ГЛАВА IV.

Что составляетъ сущность Мальтусова ученія?—Доказательства этой «сущности» и бездоказательность прогрессій.—Историческій очеркъ развитія населенія въ различныхъ странахъ. — Прогрессъ заключается въ въ преобладаніи предупредительныхъ препятствій.—Ростъ населенія въ Америкѣ.—Абстрактность геометрической прогрессіи.—Различныя вліянія, испытываемыя ростомъ населенія.

Въ одномъ изъ примѣчаній ко второму изданію своего «Опыта» Мальтусъ говоритъ, что одинъ изъ выставленныхъ имъ законовъ: «необходимыя для людей средства пропитанія растутъ въ ариѳметической прогрессіи»—сталъ для него очевиднымъ, а потому и не требующимъ доказательствъ, лишь только былъ имъ формулированъ; другой же: «родъ человѣческій размножается въ геометрической прогрессіи, выведенъ изъ наблюденія надъ ростомъ населенія въ Америкѣ». При такой постановкѣ дѣла къ чему же сводятся доказательства Мальтуса? Во-первыхъ, къ указанію на писателей, высказывавшихъ однородные съ нимъ взгляды, и, во-вторыхъ, къ анализу данныхъ, добытыхъ путемъ переписей. О предшественникахъ Мальтуса мы говорили выше и здѣсь не будемъ къ нимъ возвращаться, потому что для нашей настоящей цѣли это не дастъ ничего: степень популярности извѣстной мысли ничего не говоритъ ни за, ни противъ ея основательности. То, въ сущности весьма немногое,

что сообщается Мальтусомъ о ростѣ населенія въ Америкѣ, мы, разумѣется, изложимъ въ своемъ мѣстѣ съ подробностью, подобающей этому главному доказательству одного изъ двухъ мальтусовыхъ «законовъ». Но раньше намъ кажется болѣе удобнымъ заняться тѣмъ, что составляетъ въ сущности главное содержаніе «Опыта». Что же это такое?

Самъ Мальтусъ говоритъ, что его книга посвящена изслѣдованію «вліянія на человѣческое общество» двухъ только что названныхъ законовъ. Если бы это было дѣйствительно такъ, если-бы «Опытъ о народонаселеніи» посвященъ былъ только изученію вліянія двухъ произвольно формулированныхъ и совершенно недоказанныхъ законовъ, каковыми являются въ сущности столь дорогія для самого Мальтуса, а нынѣ вполнѣ отвергнутыя наукою прогрессіи, — значеніе его было бы ничтожно, и не только намъ не пришлось бы писать нашей статьи, но излишня была бы и вся громадная литература о Мальтусѣ. Такъ и взглянули на дѣло нѣкоторые изъ старыхъ критиковъ Мальтуса. Но едва ли позволительно въ настоящее время сводить все ученіе Мальтуса къ этимъ пресловутымъ прогрессіямъ. Вѣдь въ сущности этого не дѣлалъ и самъ Мальтусъ. Пусть читатель припомнитъ тѣ три приведенные выше конечные вывода, которыми авторъ «Опыта о народонаселеніи» самъ резюмируетъ свое ученіе. Вотъ они: 1) населеніе ограничивается средствами существованія, 2) народонаселеніе увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, и 3) препятствія, задерживающія размноженіе и такимъ образомъ поддерживающія соотвѣтствіе между средствами пропитанія и населеніемъ, сводятся къ нравственному воздержанію, пороку и несчастью. Ни въ одной изъ трехъ формулъ не говорится о прогрессіяхъ, а между тѣмъ въ нихъ именно, въ этихъ трехъ формулахъ— вся сущность ученія Мальтуса, сущность, которая, какъ это мы постараемся доказать ниже, съ извѣстными поправками и дополненіями должна быть признана истиной и въ настоящее время, когда отъ пргоpессій, можно сказать, не осталось уже почти ничего. Доказательству этой-то истины и посвящена вся книга Мальтуса. Послѣ такихъ разъясненій читатель не удивится, что мы обратимся сначала не къ примѣру Америки, этому единственному и притомъ мнимому доказательству пресловутой геометрической прогрессіи, а къ тому, что должно служить, хотя быть можетъ въ достаточной степени и не служить,

доказательствомъ трехъ только что приведенныхъ основныхъ положеній всего ученія.

Населеніе всегда находится на уровнѣ наличныхъ средствъ существованія; нравственное воздержаніе, порокъ и разнаго рода несчастія удерживаютъ его на этомъ уровнѣ; съ увеличеніемъ средствъ существованія увеличивается и народонаселеніе. Таковы три основныхъ обобщенія, которыя, по мнѣнію Мальтуса, позволяетъ сдѣлать исторія всего человѣчества. Обратимся сначала къ народамъ, находящимся на первой стадіи развитія общественности.

Въ противность тому, что охотно писалось въ XVIII вѣкѣ, «естественное состояніе», въ которомъ находились и нынѣ находятся дикари, оказывается далеко незавиднымъ. Пользуясь сочиненіями лучшихъ историковъ и наиболѣе авторитетныхъ путешественниковъ, Мальтусъ рисуетъ намъ печальную картину этого естественнаго состоянія. Уже одинъ внѣшній видъ дикарей свидѣтельствуетъ часто о томъ, какъ тяжело имъ приходится; такъ, напр., туземцы Ван-Дименовой земли и Андаманскихъ острововъ не превышаютъ ростомъ 5 футовъ, имѣютъ отвислый животъ, высоко поднятыя плечи, огромную голову, конечности тонкія и слабыя. «Внѣшній видъ ихъ свидѣтельствуетъ о степени ихъ развитія и о самой ужасной смѣси звѣрства и несчастія. Многихъ изъ нихъ путешественники находили на берегу въ страшныхъ мукахъ голода и въ послѣдней стадіи самаго жалкаго существованія». Большинство этихъ племенъ размножилось въ такой степени, что они чувствуютъ сильнѣйшій недостатокъ въ пищѣ. Чтобы утолить голодъ, дикари прибѣгаютъ ко всѣмъ родамъ пищи и ко всяческимъ суррогатамъ ея. Такъ, напр., про жителей Флориды одинъ испанскій путешественникъ разсказываетъ, что они питаются корнями нѣкоторыхъ растеній, а иногда вынуждены прибѣгать къ паукамъ, къ муравьинымъ яйцамъ, къ червямъ, ящерицамъ, змѣямъ, порой даже къ особому сорту жирной глины. Они откладываютъ и сохраняютъ кости, толкутъ ихъ и тоже употребляютъ въ пищу. Разсказывающій это путешественникъ прибавляетъ: «Я увѣренъ, что если бы ихъ земля изобиловала камнями, то они глотали бы и ихъ».

Когда запасы пищи и всѣхъ суррогатовъ ея окончательно истощаются, наступаютъ голодъ, болѣзни,—и не находящее себѣ пропитанія населеніе вымираетъ. Ограниченность продовольствія и постоянная близость той крайней границы, за которой

уже обнаруживается избытокъ населенія, приводятъ къ тому, что среди дикарей особенно сильно проявляютъ свои дѣйствія всякаго рода препятствія естественному росту населенія,—препятствія какъ разрушительныя, такъ и предупредительныя. Въ числѣ первыхъ самымъ главнымъ являются войны, имѣющія среди дикарей особенно истребительный характеръ. Послѣдніе сражаются, по словамъ Мальтуса, «не для одержанія побѣды, а для уничтоженія непріятеля». Ирокезцы выражаютъ это словами, составляющими у нихъ обычную форму призыва къ войнѣ: «пойдемъ, съѣдимъ это племя!». Людоѣдство въ буквальномъ смыслѣ составляетъ естественное продолженіе подобныхъ войнъ, хотя быть можетъ, оговаривается Мальтусъ, оно встрѣчается въ дѣйствительности и рѣже, чѣмъ объ этомъ принято думать со словъ миссіонеровъ.

Что войны порождаются не чѣмъ инымъ, какъ чисто экономическими причинами,—это кажется Мальтусу несомнѣннымъ. Живя преимущественно охотою, дикари вынуждены обращаться къ истребленію другъ друга, какъ только количество совмѣстно ими истребляемой дичи замѣтно сокращается. Войны, въ свою очередь, порождаютъ чисто военную нравственность. «Напасть на непріятеля съ равными силами считается дѣломъ безумнымъ. Погибель въ битвѣ признается безславіемъ, позорящимъ репутацію воина, ибо она подвергаетъ его упреку въ торопливости и неосмотрительности. За-то терпѣливо выжидать свою жертву, выбрать минуту, когда она считаетъ себя въ безопасности или не можетъ оказать сопротивленія, броситься на нее подъ защитой темной ночи, поджечь жилище врага, избить его безоружныхъ и беззащитныхъ обитателей,—вотъ славные подвиги, о которыхъ каждое племя сохраняетъ благодарное воспоминаніе».

Послѣ истребленія на войнѣ главнымъ разрушительнымъ препятствіемъ къ размноженію дикарей является естественная смертность, если тутъ только можно говорить о чемъ-нибудь «естественномъ». По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, продолжительность жизни, вообще, гораздо короче у дикарей, чѣмъ у цивилизованныхъ народовъ; повальныя болѣзни, въ особенности чума, всего чаще свирѣпствуютъ среди первыхъ. Усиленная смертность среди дикарей объясняется тяжелой борьбой за добываніе пищи, плохимъ питаніемъ, плохими жилищами, нечистоплотностью дикарей и тѣми излишествами, которыя они себѣ позволяютъ въ рѣдкія минуты благополучія.

Несмотря на столь широкое дѣйствіе препятствій разрушительныхъ, предупредительныя препятствія среди дикарей оказываютъ тоже извѣстное вліяніе на замедленіе въ приростѣ населенія. Несмотря на то, что сила племени зависитъ отъ его численности, и потому прямой разсчетъ заставляетъ, повидимому, всячески содѣйствовать размноженію, тѣмъ не менѣе, весь образъ жизни, всѣ обычаи дикарей имѣютъ прямо противоположное дѣйствіе. Упомянемъ о многоженствѣ, распространенномъ среди нѣкоторыхъ племенъ и обрекающемъ извѣстное количество мужчинъ, за недостаткомъ женщинъ, на неизбѣжное безбрачіе, объ обычаѣ продолжительнаго кормленія грудью, препятствующемъ женщинамъ имѣть дѣтей очень часто, о придавленности женщинъ и дурномъ обращеніи съ ними, сокращающемъ ихъ способность къ произведенію дѣтей, наконецъ, о практикующемся среди многихъ племенъ умерщвленіи младенцевъ, въ особенности женскаго пола. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ пищей и потому допускающихъ большое размноженіе, указанные обычаи замѣняются прямо противоположными. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ на островѣ Формозѣ не позволяется, чтобы женщина была матерью до 35 лѣтняго возраста, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи обычай предписываетъ дѣвушкамъ вступать въ бракъ не позже 19 лѣтъ и т. п. Отсюда видно, что нѣкоторыя нравственныя убѣжденія народа имѣютъ своимъ прямымъ источникомъ его экономическое положеніе.

«Итакъ,—говоря словами Мальтуса,—даже изъ той неполной картины, какая представлена нами, можно сдѣлать то заключеніе, что, несмотря на столько разрушительныхъ (и предупредительныхъ) препятствій, населеніе различныхъ дикихъ племенъ, за весьма немногими исключеніями, находится на уровнѣ тѣхъ средствъ существованія, какія, при данномъ состояніи промышленности, могутъ быть добыты этими племенами». Въ тѣхъ же случаяхъ, когда такое соотвѣтствіе нарушается и обнаруживается избытокъ населенія, на сцену выступаютъ воздержаніе (на этой стадіи развитія всего рѣже), порокъ и несчастія.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться съ такой же подробностью на состояніи народонаселенія въ древней Греціи и въ Римѣ, гдѣ Мальтусъ усматриваетъ дѣйствіе тѣхъ же предупредительныхъ и разрушительныхъ препятствій. Онъ очень подчеркиваетъ, что Платонъ уже имѣлъ нѣкоторое представленіе о возможности перенаселенія, и что всѣ греческіе философы требовали

государственнаго вмѣшательства въ семейныя дѣла; однако, онъ не прибавляетъ при этомъ, что государственное вмѣшательство по ихъ мысли было нужно для покровительства размноженію, а не для борьбы съ нимъ. Затѣмъ Мальтусъ настаиваетъ на распространенности въ Греціи дѣтоубійства, на позднихъ бракахъ и на кровопролитныхъ войнахъ. Характерны его замѣчанія о воспитаніи въ Спартѣ: «нелѣпая система спартанской дисциплины,— говоритъ онъ,—и то противоестественное подавленіе всѣхъ личныхъ чувствъ ради общественныхъ, которое вызывало иногда въ наше время столь неразумный восторгъ, могли практиковаться только у народа, подверженнаго всѣмъ трудностямъ и лишеніямъ непрерывныхъ войнъ, и только въ состояніи постояннаго страха передъ превратностями судьбы. Вмѣсто того, чтобы доказывать патріотизмъ и силу характера спартанцевъ, явленія эти, по моему мнѣнію, служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, что Спарта и вообще вся тогдашняя Греція находились въ самомъ жалкомъ и варварскомъ состояніи. Какъ всякіе товары, такого рода добродѣтели культивируются, когда на нихъ есть большой спросъ. Если равнодушіе къ страданіямъ и самыя крайнія патріотическія жертвы требуются больше всего другого,—это служитъ плохимъ доказательствомъ благосостоянія народа и обезпеченности государства».

Минуя древній Римъ, мы перейдемъ теперь прямо къ эпохѣ паденія Римской имперіи,—паденія, подготовленнаго, по мнѣнію Мальтуса, концентраціей поземельной собственности и рабствомъ. Однако, непосредственной причиной этого паденія было, какъ извѣстно, нашествіе варваровъ, о которомъ мы и находимъ въ «Опытѣ» нѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Переселенія, вообще, въ глазахъ Мальтуса составляютъ не что иное, какъ слѣдствіе болѣе быстраго размноженія человѣка по сравненію съ имѣющимися у него средствами пропитанія. Примѣръ Авраама и Лота можетъ служить къ этому иллюстраціей: когда ихъ стадамъ стало тѣсно на общей землѣ, Авраамъ сказалъ Лоту: «развѣ передъ тобою не открыта вся страна? Если ты пойдешь налѣво, я пойду направо, а если ты пойдешь направо, я пойду налѣво». Такъ, ища пастбищъ, двигались пастушескія племена, населяя дотолѣ необитаемыя страны. Сравнительная легкость, съ которой вначалѣ можно было всегда найти кормъ для скота, порождала у кочевыхъ народовъ большую безпечность въ дѣлѣ размноженія, ничѣмъ не сдерживаемаго и потому особенно бы-

страго. Переселенія стимулировали размноженіе, а размноженіе дѣлало необходимыми переселенія; кромѣ того, переселенія и сопряженныя съ ними кровавыя стычки съ туземцами пробуждаютъ въ кочевыхъ народахъ духъ алчности и склонность къ насилію. Кочующія орды становятся бичемъ для мирнаго земледѣльческаго населенія. Самый образъ жизни и способъ пропитанія у кочевыхъ народовъ доставляютъ поводъ къ безконечнымъ распрямъ. Всякое посягательство на ту обширную территорію, которая служитъ пастбищемъ для скота цѣлаго племени, приводитъ къ кровопролитнымъ столкновеніямъ. Но войны приводятъ за собою разрушеніе жилищъ, вытравленіе пастбищъ и уничтоженіе—изъ мести—вражескаго скота. Такимъ образомъ, «недостатокъ въ средствахъ существованія породилъ склонность къ грабежу, а привычка къ грабежу уменьшила средства существованія». Въ погонѣ за новыми источниками пропитанія кочевники дѣлаютъ нашествія на болѣе культурные народы.

Паденіе Римской имперіи было лишь однимъ изъ эпизодовъ въ исторіи великаго переселенія народовъ. Долгое время кочевые народы сѣверной Европы сдерживались силой римскаго оружія и славой римской доблести. Ослабленіе военной силы Римской имперіи открыло доступъ для варваровъ, и они хлынули въ Италію безчисленными полчищами. Франки, аллеманы, готы, вандалы, гепиды и бургунды, «стѣсненные въ собственныхъ предѣлахъ», одни за другими потянулись на югъ—и Римъ не выдержалъ ихъ напора. Голодъ и чума, составляющіе обыкновенно слѣдствіе кровопролитныхъ войнъ, опустошали всю Европу. Эта трагическая судьба, эти безпредѣльныя и неизобразимыя страданія прекраснѣйшей въ мірѣ страны, всѣ эти катастрофы и великія событія, поражающія наше воображеніе, могутъ быть объяснены, по словамъ Мальтуса, одной только весьма простой причиной—преобладаніемъ населенія надъ средствами существованія и усиленнымъ размноженіемъ сѣверныхъ народовъ. Для доказательства своей мысли онъ описываетъ жизнь и нравы германцевъ. Эти варвары, если вѣрить историкамъ, отличались большими семейными добродѣтелями; они запрещали подкидывать или умерщвлять новорожденныхъ и почитали за счастье имѣть большое количество дѣтей. Что у германцевъ объяснялось чистотой ихъ нравовъ, то у скандинавовъ проистекало изъ ихъ безпечности, порожденной привычкой къ грабежу и къ легкой наживѣ. Результатъ въ обоихъ случаяхъ получался одинъ—уси-

ленное размноженіе. Излишнее населеніе въ странахъ, обитавшихся германцами и скандинавами, принуждено было идти искать счастья на сторонѣ. Такъ, путемъ выселеній, путемъ междоусобныхъ войнъ и всяческихъ несчастій въ борьбѣ съ суровой природой, населеніе сѣверной Европы держалось на уровнѣ имѣющихся въ ней средствъ пропитанія.

О препятствіяхъ, встрѣчавшихся въ средніе вѣка населеніемъ центральной Европы, мы находимъ въ «Опытѣ» Мальтуса лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній. Пробѣлъ этотъ восполненъ однимъ изъ послѣдователей нашего автора, извѣстнымъ историкомъ Дрэперомъ, представившимъ въ своей книгѣ «Исторія отношеній между религіей и наукой» довольно яркую картину тѣхъ условій, при которыхъ въ средніе вѣка жило и развивалось населеніе Европы. Вотъ главныя черты этой картины, дополняющей, какъ нельзя лучше, историческій обзоръ Мальтуса. «Поверхность континента покрыта была тогда большей частью непроходимыми лѣсами; тамъ и сямъ стояли монастыри и города. Въ низменностяхъ и по теченію рѣкъ были болота, простиравшіяся иногда на сотни миль и испускавшія свои ядовитые міазмы, которые распространяли лихорадки. Въ Парижѣ и въ Лондонѣ дома были деревянные, вымазанные глиной, крытые соломой или тростникомъ. Въ нихъ не было оконъ и, до изобрѣтенія лѣсопиленъ, въ немногихъ домахъ существовали деревянные полы... Печныхъ трубъ не было. Въ такихъ жилищахъ едва-ли была какая защита отъ непогоды. О водосточныхъ канавахъ не заботились: гніющіе остатки и мусоръ просто выкидывались за дверь. Опрятность была совершенно неизвѣстна: высокіе сановники, какъ, напримѣръ, архіепископъ Кентерберрійскій, кишѣли насѣкомыми. Пища состояла изъ грубыхъ растительныхъ продуктовъ, какъ горохъ или даже древесная кора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселяне не знали хлѣба. Удивительно ли послѣ этого,—восклицаетъ нашъ историкъ,—что во время голода 1030 года жарилось и продавалось человѣческое мясо, или что въ голодный 1258 годъ въ Лондонѣ умерло съ голоду 15,000 человѣкъ?» Болѣзней тогда не лечили, а прибѣгали къ разнымъ суевѣрнымъ средствамъ. Эпидеміи, подобно стихійнымъ бѣдствіямъ, старались устранить молитвами. Неудивительно, что заразныя болѣзни распространялись съ поразительной быстротой, и, напр., сифилисомъ, завезеннымъ въ Европу спутниками Колумба, переболѣло въ свое время все

населеніе южной Европы, отъ святого отца Льва X до уличнаго нищаго. Неудивительно, что населеніе, вообще, при всѣхъ этихъ условіяхъ росло крайне медленно, а въ исключительные моменты даже прямо сокращалось, и что правительства всѣхъ европейскихъ государствъ почувствовали, наконецъ, себя вынужденными прибѣгнуть къ разнымъ искусственнымъ, поощрительнымъ мѣрамъ.

Здѣсь нѣтъ возможности, да въ сущности нѣтъ и надобности, перебирать, какъ это дѣлаетъ Мальтусъ, всѣ страны Европы, чтобъ показать, какого рода препятствія задерживаютъ въ нихъ ростъ населенія и какъ немыслимо увеличеніе народонаселенія безъ увеличенія средствъ существованія. Намъ пора обратиться къ тому примѣру, которымъ нашъ авторъ иллюстрируетъ свою «геометрическую прогрессію».

Замѣчено, говоритъ Мальтусъ, что новыя колоніи, гдѣ первое время піонеры не чувствуютъ недостатка ни въ мѣстѣ, ни въ продовольствіи, отличаются всегда особенно быстрымъ ростомъ своего населенія. Самыя неблагопріятныя политическія условія оказываются не въ силахъ сломить эту тенденцію. Всѣмъ извѣстно, напр., какъ плохо управлялись испанскія колоніи въ Мексикѣ и Перу. «Тиранія, суевѣрія и всѣ пороки метрополіи прибыли къ нимъ вслѣдъ за колонистами. Онѣ обременялись огромными налогами, торговля ихъ стѣснялась произвольными постановленіями, губернаторы грабили ихъ столько же въ свою собственную пользу, сколько и въ пользу правительства. И тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ стѣсненія, населеніе колоніи быстро росло». Вліяніе выгодныхъ экономическихъ условій пересиливало неблагопріятное дѣйствіе условій политическихъ.

Въ сѣв. провинціяхъ Америки, говоритъ Мальтусъ, населеніе регулярно удваивалось, самое большее—каждыя 25 лѣтъ. Въ Нью-Джерсеѣ періодъ удвоенія не превышалъ 22 лѣтъ, въ Родъ-Исландѣ онъ былъ еще короче. По свѣдѣніямъ д-ра Прайса, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣверной Америки періодъ удвоенія не длиннѣе 15 лѣтъ. Послѣднія извѣстныя Мальтусу переписи народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ вполнѣ подтверждаютъ принятый имъ 25-лѣтній періодъ удвоенія. «Я видѣлъ недавно, говоритъ онъ, мемуаръ, содержащій факты и цифры, относящіеся къ населенію Соединенныхъ Штатовъ; въ немъ опредѣляется періодъ удвоенія народонаселенія всѣхъ Штатовъ, за все время ихъ существованія, всего въ 20 лѣтъ. *Я не могу*

сказать, присовокупляетъ Мальтусъ *въ какой степени мемуаръ этотъ заслуживаетъ довѣрія*; но, насколько онъ опирается на факты и на обнародованныя цифры, мнѣ кажется, что на него можно положиться».

Вотъ въ сущности и весь тотъ небогатый статистическій матеріалъ, на которомъ Мальтусомъ строится его геометрическая прогрессія. Нужно еще отмѣтить его оговорку, въ сущности вполнѣ голословную, что въ этомъ быстромъ увеличеніи сѣвероамериканскаго населенія переселенія изъ Европы не играли никакой существенной роли.

Современный читатель невольно поражается той скудостью статистическихъ данныхъ, которыми располагаетъ Мальтусъ для подтвержденія своего во всякомъ случаѣ весьма широкаго обобщенія. Невольно поражаетъ и то, съ какимъ довѣріемъ Мальтусъ относится къ довольно случайнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ имъ изъ вторыхъ рукъ или почерпнутымъ изъ мемуара, неизвѣстно еще, въ какой степени заслуживающаго довѣрія. Чѣмъ объяснить подобную небрежность и такое легковѣріе въ ученомъ, не останавливающемся въ другихъ случаяхъ передъ самыми тщательными изысканіями и загромождающемъ свою книгу массой разнообразнѣйшихъ фактовъ?

Мы уже говорили, что знаменитой геометрической прогрессіи комментаторами, популяризаторами и критиками Мальтуса придается вообще нѣсколько иное значеніе, чѣмъ то, какое она имѣла для самого автора «Опыта». Послѣдній видѣлъ въ ней отнюдь не главный выводъ изъ всего своего ученія, ибо, формулируя выводы, онъ даже не упоминаетъ о прогрессіяхъ, но какъ-бы побочную истину, настолько къ тому же, по его мнѣнію, очевидную, что онъ даже *не трудится ее доказывать* и ограничивается *примѣрами*. Замѣтимъ, что съ ариѳметической прогрессіей Мальтусъ поступаетъ еще небрежнѣе. Причину этого мы уже знаемъ: правильность ариѳметической прогрессіи стала ему очевидной, лишь только онъ формулировалъ такимъ образомъ естественный приростъ продовольствія. Такимъ образомъ, если Мальтусъ, по нашему мнѣнію, приводитъ слишкомъ мало доказательствъ своей геометрической прогрессіи, то это потому, что онъ ихъ и не ищетъ. Геометрическая прогрессія кажется ему неоспоримой по совершенно абстрактнымъ соображеніямъ. Человѣчество не можетъ размножаться иначе, какъ въ геометрической прогрессіи: если отъ одного брака рождается въ сред-

немъ по 3—4 нисходящихъ и каждый изъ нисходящихъ въ свою очередь обзаведется семьей, естественно, что населеніе будетъ рости подобно цифрамъ 1, 3, 9, 27 и т. д. Это прямой логическій выводъ изъ всѣмъ извѣстнаго факта, не нуждающійся ни въ какихъ доказательствахъ. И въ сущности Мальтусъ тутъ совершенно правъ: если отрѣшиться на время отъ мысли о тѣхъ препятствіяхъ, которыя ростъ населенія встрѣчаетъ на своемъ пути, его нельзя будетъ выразить иначе, какъ именно геометрической прогрессіей. Остается только опредѣлить, въ какой періодъ времени проявится эта прогрессія...

Но въ такомъ случаѣ Мальтусъ быть можетъ заслуживаетъ упрека въ томъ, что черезчуръ поспѣшно и легкомысленно взялъ срокомъ удвоенія 25 лѣтъ, тогда какъ современныя изысканія показываютъ намъ, что періодъ этотъ отличается гораздо большей продолжительностью? И здѣсь однако же для Мальтуса найдутся нѣкоторыя оправданія. Извѣстный математикъ его времени, Эйлеръ, опираясь на цифры смертности и рождаемости, вычислилъ, что удвоеніе народонаселенія можетъ происходить каждыя 13 лѣтъ. Вильямъ Петти, авторъ «Политической ариѳметики», писалъ около того же времени, что, по его мнѣнію, населеніе можетъ удваиваться въ отдѣльныхъ случаяхъ даже въ десятилѣтній срокъ. Что удивительнаго, если, опираясь на такіе авторитеты, Мальтусъ принялъ періодъ удвоенія въ 25 лѣтъ и считалъ, что дѣлаетъ это съ полной осмотрительностью.

Чтобы быть вѣрно понятой, геометрическая прогрессія нуждается еще въ одномъ замѣчаніи. Критики Мальтуса иногда упускаютъ изъ виду, что выраженіемъ этимъ нашъ авторъ обозначалъ не дѣйствительный ростъ населенія, какъ онъ замѣчается во всемъ свѣтѣ, а только извѣстнаго рода тенденцію, полностью почти никогда не осуществляющуюся. Вотъ новое объясненіе недостаточности приводимыхъ Мальтусомъ фактовъ. Соединенные Штаты, какъ мало населенная, но изобилующая природными богатствами, колонія, представляютъ собою въ отношеніи къ росту населенія не обычное правило, а счастливое исключеніе. Роль разрушительныхъ препятствій сведена здѣсь до минимума, въ препятствіяхъ предупредительныхъ потребности не чувствуется, и потому, ничѣмъ не сдерживаемое, населеніе свободно проявляетъ свою тенденцію къ возрастанію въ геометрической прогрессіи. Въ Европѣ, гдѣ тенденція эта существуетъ такъ же, какъ и въ Америкѣ, она не обнаруживается на дѣлѣ,

благодаря вліянію цѣлой массы разрушительныхъ и предупредительныхъ препятствій. Слѣдовательно факты дѣйствительнаго роста населенія нельзя противопоставлять геометрической прогрессіи, выражающей только *возможность, а не дѣйствительность.*

Во всякомъ случаѣ, какъ бы велико ни было стремленіе человѣка къ размноженію, предѣлъ ему полагаетъ количество имѣющихся въ распоряженіи людей запасовъ пищи. Можно поэтому утверждать, говоритъ Мальтусъ, что «различныя страны населены, вообще, соразмѣрно съ количествомъ продовольствія, какое онѣ производятъ или какое можно добыть въ нихъ». Страны, производящія хлѣбъ, заселены гуще, чѣмъ тѣ, въ которыхъ земля служитъ пастбищемъ и населеніе занимается скотоводствомъ, а страны, гдѣ привилась культура риса, превосходятъ своимъ населеніемъ тѣ, въ которыхъ воздѣлывается хлѣбъ. Несмотря на постоянное приблизительное соотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и общимъ количествомъ пищи, въ отдѣльныхъ случаяхъ между этими двумя величинами замѣчается то или другое отношеніе. И вотъ, «благоденствіе государства совсѣмъ не зависитъ ни отъ числа его жителей, ни отъ ихъ богатства или какихъ-либо преимуществъ; оно зависитъ отъ отношенія населенія къ количеству продовольствія». Почему процвѣтаютъ Соединенные Штаты? Потому что, благодаря сравнительной рѣдкости населенія и обусловленной ею хорошей платѣ за трудъ, низшіе классы оказываются обезпеченными и въ годы неурожая. Голодъ здѣсь выражается для народа лишь въ нѣкоторомъ сокращеніи его обычнаго годового потребленія. «Но можно ожидать, говоритъ Мальтусъ, что съ увеличеніемъ населенія рабочіе будутъ вознаграждаться менѣе щедро, ибо средства существованія не будутъ увеличиваться пропорціонально населенію». Тогда и Америка потеряетъ свое настоящее, исключительно выгодное, положеніе.

Но на ростъ населенія вліяетъ не одно абсолютное количество имѣющихся въ странѣ запасовъ пищи. «Еще недостаточно,—замѣчаетъ Мальтусъ въ первой книгѣ своего «Опыта»,—чтобы страна производила большое количество продовольствія; необходимо еще такое общественное устройство, чтобы продовольствіе это правильно распредѣлялось». Понятно, что, если напр., рабочій классъ не пріобщается къ пользованію, хотя и обширными, но скопленными въ немногихъ рукахъ запасами продовольствія, самое исключительное ихъ изобиліе не окажетъ

никакого вліянія на его благосостояніе, а слѣдовательно, и на ростъ его населенія. Обычнымъ проводникомъ богатства изъ высшихъ классовъ населенія въ низшія—является спросъ на рабочія руки: положеніе рабочихъ лучше тамъ, гдѣ существуетъ больше спроса на ихъ трудъ. Примѣръ особенно малаго спроса и проистекающихъ отсюда бѣдствій Мальтусъ видитъ въ Сибири. Система обработки, принятая здѣсь, такъ проста и несложна, что требуетъ весьма ограниченнаго количества рабочихъ. Почва еще такъ мало истощена, что не нуждается ни въ удобреніи, ни въ особенно глубокомъ вспахиваніи. Земледѣліе, такимъ образомъ занимаетъ въ Сибири лишь небольшое число рукъ; фабрикъ въ странѣ почти не существуетъ, ибо промышленность не развита. Въ результатѣ всего этого предложеніе со стороны рабочихъ превышаетъ спросъ. Хлѣбъ продается въ Сибири по дешевой цѣнѣ, но трудъ тамъ цѣнится еще дешевле: существующая заработная плата вполнѣ недостаточна для безбѣднаго существованія работника. Такимъ образомъ задерживается ростъ населенія въ странѣ, изобилующей огромными природными богатствами.

Въ связи со спросомъ на трудъ находится и величина заработной платы. Опредѣляется она не однимъ этимъ спросомъ, но и цѣной предметовъ первой необходимости. Желательно поэтому, чтобы обыкновенная пища народовъ была дорога и чтобы дешевые суррогаты ея служили не болѣе какъ подспорьемъ. Значеніе высокой заработной платы очень велико: «дѣйствительная величина заработной платы регулируетъ и ограничиваетъ ростъ населенія». Размѣръ покупательной силы работника опредѣляетъ и его способность содержать семью; поэтому все, что увеличиваетъ эту покупательную силу (приходскія воспомоществованія, поурочная плата, существованіе заработка для жены и дѣтей), служитъ прямымъ поощреніемъ къ увеличенію народонаселенія. Мальтусъ предупреждаетъ только, что въ разсчетъ надо брать здѣсь не поденную плату, подверженную разнообразнымъ колебаніямъ, а средній годовой заработокъ всей рабочей семьи. Онъ и является тѣмъ основнымъ фондомъ, величиной котораго обусловливается численность этой семьи.

Кромѣ спроса на трудъ и величины заработной платы, значительное вліяніе на благосостояніе народа, а, слѣдовательно, какъ сказали, и на степень быстроты его размноженія, имѣютъ политическія условія. Главная причина слабой населенности Турціи заключается, по словамъ Мальтуса, въ особенностяхъ ея

правительства. «Тиранія, скверные законы, еще болѣе дурная администрація, а потому и необезпеченность собственности— представляютъ здѣсь такія препятствія для земледѣлія, что оно падаетъ съ каждымъ годомъ, а съ нимъ уменьшается и населеніе». Значеніе политическихъ условій Мальтусъ вообще склоненъ былъ очень преуменьшать; тѣмъ любопытнѣе, что въ своемъ историческомъ очеркѣ онъ дѣлаетъ раза два отступленія отъ своего общаго, теоретическаго взгляда.

Привычки и обычаи народа оказываютъ, по взгляду Мальтуса, особенно сильное вліяніе на его положеніе. Все, что увеличиваетъ потребности народа, увеличиваетъ и его благосостояніе, потому что такимъ образомъ, повышается его standard of life (минимальный уровень житейскаго обихода). Фабрики, вызывая стремленіе къ комфорту, оказываютъ въ извѣстномъ смыслѣ благотворное вліяніе. Замѣчено вообще, что рабочіе въ земледѣльческихъ странахъ бѣднѣе, чѣмъ въ мануфактурныхъ; это именно тѣмъ и объясняется, что уровень ихъ потребностей ниже. Вотъ убѣдительный примѣръ: рабочіе южной Англіи такъ привыкли употреблять въ пищу пшеничный хлѣбъ, что ни за что отъ него не откажутся, тогда какъ населеніе Шотландіи довольствуется самой скудной пищей. «Быть можетъ, — замѣчаетъ Мальтусъ,—подъ давленіемъ закона необходимости, и англійскіе рабочіе со временемъ дойдутъ до положенія низшихъ классовъ въ Китаѣ, тогда страна съ тѣмъ же количествомъ пищевыхъ запасовъ будетъ давать пріютъ болѣе многочисленному населенію». Однако «друзья человѣчества» должны надѣяться, что ничего подобнаго не случится. Слѣдовательно, сокращеніе народнаго потребленія, это единственное средство борьбы съ перенаселеніемъ, когда оно уже есть на лицо, Мальтусъ рѣшительно отвергаетъ, какъ несовмѣстимое съ человѣчностью. Остается одно—не допускать самаго перенаселенія, бороться съ нимъ предупредительными мѣрами.

ГЛАВА V.

Возраженія Мальтуса противъ ученій Кондорсэ, Годвина и Оуэна.—Его отношеніе къ переселеніямъ и къ законамъ о бѣдныхъ.—Сравненіе земледѣльческихъ странъ съ промышленными.—Желательный экономическій строй.—Предѣлъ увеличенію народонаселенія.—Практическіе выводы сдѣланные Мальтусомъ изъ своего ученія.—Заключительное признаніе.

Вопросъ о бѣдности занималъ уже многихъ изъ современниковъ Мальтуса. Хотя въ началѣ XIX вѣка онъ не успѣлъ еще принять той рѣзкой формы, какъ въ наши дни, когда классовая борьба является основнымъ фономъ западно-европейской общественной жизни, а соціальный вопросъ — главной заботой правителей, хотя тогда еще не пришло время сознательнаго движенія среди рабочихъ, а въ обществѣ—благихъ порываній и тревожныхъ исканій исхода, тѣмъ не менѣе уже при жизни Мальтуса многіе благомыслящіе философы, «друзья человѣчества», какъ ихъ тогда называли, не мирились съ современнымъ имъ экономическимъ порядкомъ и указывали на тѣ или иныя реформы, необходимыя, по ихъ мнѣнію, для блага «младшихъ братій». Мальтусъ, перенесшій вопросъ о бѣдности на совершенно новую почву и давшій ему совершенно новое, неслыханное до тѣхъ поръ, разрѣшеніе, не могъ, разумѣется, удовольствоваться изложеніемъ своихъ положительныхъ взглядовъ; онъ долженъ былъ подвергнуть критикѣ ходячія соціальныя системы и показать, что онѣ не даютъ желаемаго разрѣшенія вопроса о бѣдности, неразрѣшимому вообще безъ участія нравственнаго воздержанія. Объектомъ для своей критики Мальтусъ выбралъ сочиненія трехъ, особенно популярныхъ въ его время, писателей: Кондорсэ, Годвина и Оуэна.

Въ послѣдней части своего «Историческаго очерка успѣховъ человѣческаго разума» Кондорсэ набрасываетъ заманчивую картину грядущаго благополучія. Картина эта однако же нѣсколько омрачается существованіемъ даже въ далекомъ будущемъ отмѣченнаго имъ особаго класса людей, обреченныхъ на постоянный тяжелый трудъ для блага всего человѣчества. Озабочиваясь улучшеніемъ судьбы этихъ людей, Кондорсэ придумалъ планъ своего рода соціальнаго страхованія. Опираясь на сложныя вычисленія средней продолжительности жизни и обычнаго роста процентовъ, онъ предлагаетъ положить начало такому

общественному капиталу, проценты съ котораго обезпечивали бы существованіе стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ, Въ сущности, это не что иное, какъ нѣсколько смутный абрисъ существующаго нынѣ въ Германіи государственнаго страхованія рабочихъ. Мальтусъ, однако, находитъ планъ Кондорсэ весьма непрактичнымъ: «такія учрежденія и вычисленія, — говоритъ онъ,—очень заманчивы на бумагѣ, но, осуществленныя въ жизни, они оказываются совершенно вздорными». Если люди будутъ увѣрены въ томъ, что существованіе не только ихъ самихъ, но и ихъ семействъ вполнѣ обезпечено, ничто не будетъ удерживать человѣка отъ вступленія въ бракъ и произведенія на свѣтъ обширнаго потомства. Населеніе быстро размножится и, разумѣется, превыситъ всѣ тѣ капиталы, которые приготовлены на его содержаніе. Кромѣ того, какъ чувствуетъ и Кондорсэ, «для доставленія пропитанія обширному населенію требуется такое количество труда, котораго безъ давленія крайней необходимости нельзя ожидать отъ людей». Учрежденія, предложенныя Кондорсэ, притупятъ побужденіе къ труду. Нищета и лишенія оказываются такимъ образомъ необходимыми, ибо безъ нихъ человѣчество не можетъ правильно снабжаться нужнымъ ему запасомъ пищи. Замѣтимъ мимоходомъ, что Мальтусъ здѣсь показываетъ свои карты: если нищета столь необходима, то очевидно, что предложенное имъ средство, нравственное воздержаніе, въ борьбѣ собственно съ нищетою не окажется дѣйствительнѣе страхованія, рекомендуемаго Кондорсэ.

Любопытны замѣчанія Мальтуса по вопросу о способности человѣческой породы къ усовершенствованію и о прогрессѣ: «Способность къ улучшенію, какъ животныхъ, такъ и растеній, — говоритъ онъ — не подлежитъ сомнѣнію. Существуетъ очевидный и рѣшительный прогрессъ; и тѣмъ не менѣе, по моему, въ высшей степени нелѣпо утверждать, будто прогрессъ этотъ не имѣетъ границъ. Хотя человѣческая жизнь, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ, подвержена значительнымъ измѣненіямъ, позволительно однако-же сомнѣваться, чтобы съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, произошло хотя одно органическое улучшеніе въ природѣ человѣка, на которое можно было бы ясно указать». Впрочемъ, прибавляетъ далѣе авторъ «Опыта о народонаселеніи», «заблужденіе состоитъ не въ предположеніи возможности нѣкотораго улучшенія, но въ смѣшеніи улучше-

нія, предѣлы котораго неопредѣленны, съ дѣйствительно безграничнымъ улучшеніемъ».

Всѣ практическія пожеланія Годвина сводились къ политической реформѣ. Вотъ какъ на это отвѣчаетъ Мальтусъ: «Главная ошибка, развиваемая Годвиномъ въ его сочиненіи, заключается въ томъ, что онъ приписываетъ человѣческимъ учрежденіямъ всѣ пороки и всю нищету, которыя обнаруживаются въ обществѣ. Въ политическихъ учрежденіяхъ и въ институтѣ частной собственности заключается, по его мнѣнію, источникъ всяческаго зла, благодарная почва для всѣхъ развращающихъ человѣчество преступленій... Но дѣло въ томъ, что хотя человѣческія учрежденія кажутся и даже часто дѣйствительно бываютъ несомнѣнной причиной большой доли зла, причина эта въ дѣйствительности чисто внѣшняя и поверхностная по сравненію съ тѣми глубокими причинами, которыя коренятся въ законахъ природы и страстяхъ человѣка». Тѣми же приблизительно доводами сражается Мальтусъ и съ ученіемъ Оуэна, которому, однако, за его агитацію въ пользу рабочихъ законовъ Мальтусъ считаетъ нужнымъ выразить свое «глубокое уваженіе».

Такимъ образомъ, никакая политическая реформа, по мнѣнію Мальтуса, не можетъ устранить нищеты, порождаемой избыточнымъ населеніемъ. Но, кромѣ безполезности требуемаго Годвиномъ и Оуэномъ общественнаго переустройства, оно просто неосуществимо. Неравенство неустранимо: оно имѣетъ свои историческія причины, которыхъ уничтожить невозможно. Когда первые представители рода человѣческаго подѣлили между собою всю землю, новымъ пришельцамъ не оставалось уже ничего другого, какъ поступать на службу къ собственникамъ. «Неумолимые законы человѣческой природы (т. е. размноженіе людей) сдѣлали то, что многія человѣческія существа были обречены на нищету. Это несчастные люди, которымъ въ жизненной лотереѣ попался пустой билетъ». Тутъ кстати будетъ привести извѣстную тираду, вызвавшую особенно много нареканій и исключенную самимъ Мальтусомъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ его «Опыта». «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ,— таковы подлинныя слова Мальтуса,—не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать себѣ пропитанія: онъ—лишній на землѣ... На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и сама же приводитъ въ исполненіе свой приговоръ»...

Изъ сличенія двухъ приведенныхъ отрывковъ видно, что хотя Мальтусъ въ угоду друзьямъ и уничтожилъ послѣднюю тираду, но отъ мысли, въ ней выраженной, онъ нисколько не отказался. Нищета, по его мнѣнію, порождается черезчуръ быстрымъ размноженіемъ людей. Политической реформой нельзя уничтожить этого зла; еслибы на землѣ воцарилось самое полное равенство или еслибы за рабочими признано было какое-нибудь право на трудъ, послѣдствіемъ этого было бы только усиленное размноженіе и въ концѣ концовъ еще большая нищета. Иного выхода отсюда, кромѣ непосредственнаго воздѣйствія на воспроизводительную способность человѣка, по мнѣнію Мальтуса, нѣтъ и быть не можетъ.

Но кромѣ широкихъ реформъ, касающихся всего общества и всего экономическаго строя, многими для смягченія нищеты предлагается цѣлый рядъ болѣе частныхъ мѣръ. Мальтусъ разбираетъ и ихъ.

Одной изъ такихъ особенно горячо рекомендуемыхъ мѣръ являются переселенія, способствующія колонизаціи новыхъ земель и разрѣженію населенія въ наиболѣе густо заселенныхъ странахъ. На первый взглядъ — мѣра, заслуживающая одного сочувствія; однако,—замѣчаетъ Мальтусъ,—она имѣетъ и свою оборотную сторону. Исторія колонизацій — это исторія тѣхъ звѣрствъ и насилій, которыя творились такъ называемыми культурными народами надъ некультурными. «Какое бы мнѣніе мы ни имѣли о туземцахъ Мексики и Перу, — говоритъ авторъ «Опыта о народонаселеніи»,—при чтеніи исторіи завоеванія этихъ странъ невольно приходитъ въ голову мысль, что истребленная въ нихъ порода людей стояла выше побѣдителей, какъ по нравственнымъ своимъ свойствамъ, такъ и по своей многочисленности». Но главное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ переселеній, состоитъ въ томъ, что для борьбы съ избыточнымъ населеніемъ они совершенно недостаточны,— это не болѣе, какъ паліативъ. Какъ временную и частную мѣру, однако, Мальтусъ вполнѣ одобряетъ переселенія. Онъ возстаетъ противъ политики тѣхъ правительствъ, которыя поставляютъ препятствія выселяющимся; нѣтъ страха болѣе неосновательнаго, говоритъ онъ, какъ видѣть причину обезлюденія страны въ выселеніяхъ. «Инертность народной массы и привязанность къ дому—качества столь сильныя и общераспространенныя, что, разумѣется, никто не станетъ переселяться,

если политическія неурядицы или крайняя бѣдность не поставятъ человѣка въ такое положеніе, при которомъ его выселеніе можетъ быть лишь крайне выгоднымъ и для государства, и для него самого. Изъ всѣхъ жалобъ, вызываемыхъ выселеніемъ, самая безразсудная и незаслуживающая вниманія состоитъ въ приписываемомъ ему возвышеніи заработной платы». Если, поборовши свою привязанность къ дому, люди идутъ въ далекія страны, значитъ ужъ, объясняетъ намъ Мальтусъ, заработная плата въ ихъ отечествѣ такова, что она не даетъ возможности существовать безъ крайнихъ лишеній. При такихъ условіяхъ «было бы дѣломъ жестокимъ и несправедливымъ» противодѣйствовать переселеніямъ.

Для борьбы съ нищетой въ Англіи существовали и существуютъ до сихъ поръ такъ называемые «законы о бѣдныхъ», согласно которымъ взимается извѣстный налогъ въ пользу бѣднѣйшихъ гражданъ и имъ оказывается вспомоществованіе работой или деньгами. Во время появленія въ свѣтъ «Опыта о народонаселеніи» налогъ этотъ давалъ до 30.000,000 рублей; деньги раздавались бѣднякамъ разными способами, но, какъ замѣчаетъ Мальтусъ, «безъ видимаго улучшенія въ ихъ положеніи». Оно и неудивительно, по мнѣнію нашего автора. Вѣдь количество мяса въ странѣ не увеличится отъ того, что мы станемъ давать по 3 шил. или даже хотя бы по 18 шил. нѣкоторымъ бѣднякамъ. Что же случится? Конкуренція между покупателями повыситъ рыночную цѣну мяса, и оно попрежнему останется недоступнымъ для бѣднѣйшей части населенія. «Никто такъ горячо не желаетъ, какъ я,—говоритъ Мальтусъ—*дѣйствительнаго* повышенія заработной платы»; но воображать, что этого можно достигнуть *нарицательнымъ* повышеніемъ ея—крайне наивно. «Заработная плата, если она держится на своемъ естественномъ уровнѣ, представляетъ собою политическій барометръ, имѣющій огромную важность: она выражаетъ собою отношеніе между спросомъ на средства существованія и предложеніемъ ихъ, между количествомъ потребителей и количествомъ предназначенныхъ къ потребленію продуктовъ... Когда повышеніе цѣнъ съѣстныхъ припасовъ показываетъ перевѣсъ спроса надъ предложеніемъ, то, желая поставить работника въ положеніе, въ которомъ онъ находился прежде, увеличиваютъ цѣну труда, т. е. спросъ, и потомъ удивляются, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ продолжаетъ расти. Это

то же самое, какъ еслибы при паденіи барометра, указывающемъ на *бурю*, мы стали бы, для возвращенія хорошей погоды, поднимать въ немъ ртуть какимъ-нибудь механическимъ давленіемъ и послѣ удивляться, что дурная погода продолжается». Едва ли можно объяснить лучше всю тщету рѣшенія соціальнаго вопроса при помощи филантропическихъ затѣй. «Соціальный недугъ, какъ выразился Родбертусъ, нельзя лечить ромашкой».

Нечего и говорить, что въ отмѣнѣ стѣснительныхъ для промышленности налоговъ, въ рабочихъ союзахъ и стачкахъ, въ организаціи общественныхъ работъ и т. п. Мальтусъ не видитъ сколько нибудь дѣйствительныхъ средствъ борьбы съ бѣдностью. Вреднаго дѣйствія нѣкоторыхъ пошлинъ онъ не оспариваетъ, но, по его мнѣнію, «облегченіе, доставляемое уничтоженіемъ пошлины, нисколько не уравновѣшиваетъ вреда, причиняемаго ея наложеніемъ». Стачки кажутся Мальтусу неспособными поднять заработную плату: если стачечники и добиваются увеличенія получаемаго ими вознагражденія, то это покупается ими цѣной отстраненія отъ производства извѣстнаго количества ихъ конкурентовъ; весь рабочій классъ въ его цѣломъ, такимъ образомъ, ничего не выигрываетъ. Въ качествѣ полезнаго паліатива,—паліатива, нелишеннаго къ тому же и слабыхъ сторонъ,—Мальтусъ вполнѣ одобряетъ устройство общественныхъ работъ, въ особенности такихъ, которыя касаются улучшенія почвы. Пересмотрѣвши всѣ эти предлагавшіяся въ его время мѣры для облегченія судьбы рабочаго класса, Мальтусъ приходитъ къ неутѣшительному выводу, что никакой существенной пользы рабочимъ онѣ не принесутъ.

Развитіе бѣдности находится, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ характеромъ господствующей въ странѣ промышленной дѣятельности. Многіе, однако, совершенно односторонне и неправильно объясняютъ бѣдность исключительно только распространеніемъ фабрикъ и мануфактуръ, земледѣліе же изображаютъ той идеальной формой, при которой страна благоденствуетъ. Мальтусъ, считающій, что отличительной чертой земледѣлія является именно его способность давать больше продуктовъ, чѣмъ сколько нужно для самихъ земледѣльцевъ, вооружается, тѣмъ не менѣе, противъ такого слишкомъ оптимистическаго взгляда. Земледѣльческія страны отнюдь не обезпечены противъ всѣхъ бѣдствій пауперизма; на практикѣ даже

замѣчается такое явленіе: населеніе, занимающееся исключительно земледѣліемъ, бываетъ обыкновенно бѣднѣе населенія промышленныхъ странъ. Гдѣ свободныя земли встрѣчаются въ изобиліи, и гдѣ онѣ легко переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, гдѣ существуетъ хорошій сбытъ для земледѣльческихъ продуктовъ и въ то же время добываніе сырья сопровождается его переработкой—тамъ можно встрѣтить одновременно и высокую прибыль на капиталъ, и высокую заработную плату. Примѣръ подобной земледѣльческой страны являютъ собою Соединенные Штаты. Но обычный типъ странъ, преданныхъ исключительно земледѣлію, совершенно другой. Обыкновенно въ нихъ чувствуется недостатокъ въ капиталахъ, отчего прибыль бываетъ черезчуръ высока, между тѣмъ, изобиліе земли понижаетъ цѣну хлѣба; высокая прибыль и отсутствіе ловкости у рабочихъ приводятъ обыкновенно къ тому, что повышаютъ цѣну всѣхъ обрабатываемыхъ продуктовъ. Изобиліе и дешевизна хлѣба поощряютъ размноженіе, которое и приводитъ заработную плату къ паденію. А въ странѣ, гдѣ заработная плата низка, гдѣ хлѣбъ, по сравненію съ фабрикатами, дешевъ, положеніе рабочихъ должно быть самое плачевное. Къ причинамъ экономическимъ въ земледѣльческихъ странахъ присоединяются обыкновенно и неблагопріятныя политическія условія: порабощеніе жителей, дурное правительство и пр.

Но Мальтусъ далекъ отъ того, чтобы не видѣть неудобствъ и въ чрезмѣрномъ, одностороннемъ развитіи промышленности. Исключительно мануфактурныя страны находятся въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ исключительно земледѣльческія. Онѣ попадаютъ въ зависимость отъ сосѣдей, ввозящихъ къ нимъ хлѣбъ, и чрезвычайно страдаютъ отъ всѣхъ случайностей транспорта. «Торговля и фабрики необходимы для земледѣлія, но земледѣліе еще болѣе необходимо для торговли и фабрикъ». Такимъ образомъ, лучшимъ экономическимъ строемъ, по мнѣнію Мальтуса, былъ бы тотъ, который совмѣстилъ бы въ себѣ въ должной мѣрѣ обѣ системы—земледѣлія и промышленности. Страны, въ которыхъ земледѣліе находится въ такомъ же цвѣтущемъ положеніи, какъ и обрабатывающая промышленность, и гдѣ населеніе, занимающееся промыслами и торговлей, не слишкомъ превосходитъ своей численностью населеніе земледѣльческое, лучше всего предохранены противъ

всякихъ несчастныхъ случайностей и противъ бѣдствій пауперизма. Богатство и населеніе такихъ странъ могутъ расти въ теченіе многихъ столѣтій. Это не значитъ, однако, что они будутъ расти безпредѣльно.

Есть граница, достигнувъ которой, населеніе самой цвѣтущей страны останавливается въ своемъ развитіи. Остановка эта наступаетъ не вдругъ: съ размноженіемъ населенія и съ уменьшеніемъ количества свободной земли прибыль землевладѣльца, а за нею и всякая прибыль, вообще, постепенно, но неукоснительно падаетъ, столь же неукоснительно падаетъ и заработная плата. Такимъ образомъ, все уменьшается даваемое ими поощреніе къ накопленію капиталовъ и къ размноженію людей, покуда, наконецъ, совершенное паденіе прибыли и заработной платы не приведетъ промышленность и населеніе къ полнѣйшему застою. Различныя причины могутъ немного задерживать и нарушать послѣдовательность этого процесса, но самый процессъ неизбѣженъ точно такъ же, какъ неизбѣжна граница, ея же не прейдеши, постоянному размноженію людей. Не слѣдуетъ думать, что граница эта—истощеніе почвы, дѣйствительная неспособность земли доставлять пропитаніе всему наличному населенію. Нѣтъ, благодаря частной собственности (частной собственности, господству которой Мальтусъ не видитъ конца), граница эта значительно ближе: какъ только земля перестанетъ давать прибыль землевладѣльцу, какъ только фермеръ и земледѣльческій рабочій, вслѣдствіе сокращенія ихъ доходовъ, окажутся въ невозможности содержать свои семьи,—родъ человѣческій остановится въ своемъ размноженіи и населеніе будетъ далѣе пребывать въ застоѣ...

То, противъ чего нельзя бороться, слѣдуетъ принять за данное. Такъ какъ никто, очевидно, не можетъ обходиться безъ пищи и такъ какъ въ то же время человѣчество стремится размножиться быстрѣе средствъ существованія,—нужно поэтому имѣть постоянно передъ глазами опасность перенаселенія и постараться въ виду ея принять предупредительныя мѣры. Если самъ человѣкъ сознательной волей не поставитъ предѣловъ своему размноженію, это сдѣлаетъ вмѣсто него природа; но сдѣлаетъ грубо и безжалостно. Смерть скоситъ избыточное потомство. Воображать, что мы можемъ бороться и съ самой смертью, что мы можемъ оспаривать у нея ея жертвы, позволительно лишь близорукимъ людямъ. Если про-

грессъ медицины научитъ насъ справляться съ однѣми болѣзнями,—распространятся другія, столь же губительныя. «При достиженіи своихъ великихъ цѣлей природа устремляется, повидимому, къ самой слабой преградѣ, оказывающей ей сопротивленіе. Если послѣдняя будетъ усилена при содѣйствіи искусства, она направится къ другому выходу, по своей прочности слѣдующему за первымъ и т. д.». Въ древности наибольшую смертность причиняли войны и чума. Появленіе оспы отвратило въ другую сторону «каналъ смертности». Новая перемѣна въ его направленіи произойдетъ благодаря тому, что мы научились прививать оспу, однако, «въ различныхъ каналахъ которыми изливается рѣка смерти, останется попрежнему опредѣленная и неизмѣнная масса воды».

Только предупредительныя препятствія могутъ, дѣйствительно, ослабить или даже сдѣлать совершенно излишнимъ дѣйствіе препятствій разрушительныхъ. «Если народонаселеніе должно неизбѣжно сдерживаться какимъ нибудь препятствіемъ,—говоритъ Мальтусъ,—лучше, чтобы это было дѣломъ благоразумной предусмотрительности въ виду тѣхъ затрудненій, которыя встрѣтитъ потомство, и страха предъ угрожающей нищетой, чѣмъ результатомъ вліянія прямой нищеты и болѣзни. Перенося вопросъ на личную почву, можно сказать, что забота о благѣ потомства должна удерживать человѣка отъ слѣдованія однимъ своимъ физіологическимъ побужденіямъ. Долгъ каждаго—производить на свѣтъ только такое количество дѣтей, которое онъ можетъ воспитать и прокормить. Самообузданіе въ этомъ отношеніи для многихъ очень тяжело, а такого рода обязанности трудно выполнимы, но отсюда слѣдуетъ только то, что нельзя слишкомъ строго судить за нарушеніе этихъ обязанностей, а вовсе не то, что ихъ совсѣмъ не существуетъ, или что онѣ не имѣютъ большого значенія».

Какими же средствами можно побуждать людей къ нравственному воздержанію? Средства эти для разныхъ классовъ общества различны. Въ высшихъ классахъ привычки къ предусмотрительности уже такъ распространены, что здѣсь достаточно было бы, по мнѣнію Мальтуса, предоставить дѣвушкамъ бо̀льшую свободу и тѣ же права, какъ и замужнимъ женщинамъ. Послѣ этого нравственное воздержаніе не замедлитъ тотчасъ же войти въ привычку всѣхъ состоятельныхъ людей. Что же касается простого народа, то онъ нуждается еще въ

широкомъ распространеніи просвѣщенія. Въ Англіи, гдѣ ежегодно громадныя суммы тратятся на содержаніе бѣдныхъ, слишкомъ мало, по словамъ Мальтуса, дѣлается для народнаго образованія. А между тѣмъ, какъ онъ выражается, «правительство, не заботящееся о народномъ образованіи, весьма далеко отъ совершенства». Въ данномъ случаѣ дѣло идетъ спеціально объ обученіи народа начаткамъ политической экономіи, которую Мальтусъ считалъ возможнымъ ввести въ курсъ начальныхъ училищъ.

Но кромѣ просвѣщенія трудящимся классамъ не достаетъ еще въ настоящее время стремленія къ независимости, чувства собственнаго достоинства, привычекъ къ довольству и домовитости. Какъ для распространенія въ народѣ знаній общество должно озаботиться его просвѣщеніемъ, такъ для привитія ему этихъ чувствъ народу должна быть предоставлена бо̀льшая степень гражданской и политической свободы.

Конституціонный режимъ, — говоритъ Мальтусъ,—имѣетъ не только то, обыкновенно признаваемое за нимъ, достоинство, что «народное представительство стремится обезпечить законы хорошіе и равные для всѣхъ», но оно еще пріучаетъ высшіе классы относиться съ бо̀льшимъ уваженіемъ къ низшимъ, оно пробуждаетъ въ послѣднихъ чувство собственнаго достоинства и налагаетъ на каждаго гражданина бо̀льшую личную отвѣтственность; поэтому такая форма правленія оказываетъ «сильнѣйшее содѣйствіе увеличенію богатства и благосостоянія низшихъ классовъ». Съ увеличеніемъ же благосостоянія человѣкъ дѣлается болѣе способнымъ воспринимать здравыя знанія и слѣдовать голосу разсудка.

Однако, противъ нравственнаго воздержанія въ обществѣ высказываются иногда нѣкоторыя возраженія, которыя могутъ явиться препятствіемъ къ широкому распространенію его въ извѣстныхъ слояхъ населенія. Говорятъ, напримѣръ, что нравственное воздержаніе является свего рода отрицаніемъ брака, освященнаго между тѣмъ авторитетомъ церкви. На это Мальтусъ отвѣчаетъ, что съ религіозной же точки зрѣнія, слѣдуя ученію св. Павла, супружество заслуживаетъ одобренія только въ томъ случаѣ, когда оно не противорѣчитъ болѣе высокимъ обязанностямъ, иначе оно достойно порицанія. Обязанности передъ обществомъ должны быть, разумѣется, поставлены выше всякихъ другихъ. Говорятъ далѣе, что если нравственное воздержа-

ніе станетъ практиковаться простымъ народомъ, это повыситъ цѣну на трудъ и причинитъ обществу большія неудобства. Тутъ Мальтусъ напоминаетъ, что нравственное воздержаніе и является именно, по его мысли, средствомъ улучшить положеніе народа, «а желать помочь бѣдному и въ то же время жаловаться на высокую заработную плату значитъ подражать ребенку, который одной рукой отдаетъ конфетку, а другой старается взять ее обратно и плачетъ, если ему не возвращаютъ ея». Указываютъ, наконецъ, на то, что *нравственное* воздержаніе легко можетъ сдѣлаться безнравственымъ, потому что, воздерживаясь отъ брака, люди, быть можетъ, не воздержатся отъ разврата. На это Мальтусъ отвѣчаетъ указаніемъ на существующую уже при современныхъ порядкахъ безнравственность. «Крайняя бѣдность, въ особенности когда она соединяется съ лѣностью, представляетъ менѣе всего благопріятныя условія для чистоты нравовъ... Встрѣчается такая степень нищеты, при которой родившаяся дѣвочка уже заранѣе предназначается для разврата... Уважать себя въ положеніи, въ которомъ никто не уважаетъ тебя, есть дѣло въ высшей степени трудное».

Постоянно подчеркивая, что сокращеніе размноженія необходимо прежде всего въ интересахъ народа, ибо оно одно способно уменьшить его нищету, Мальтусъ при этомъ не забываетъ указывать и на то, какую выгоду получили бы отъ него руководящіе классы. Нравственное воздержаніе — лучшее средство противъ всяческихъ смутъ. «Толпа, учавствующая въ мятежахъ, доставляется избыточнымъ населеніемъ».

Мальтусъ высказываетъ довольно твердую увѣренность, что человѣчество избѣжитъ крайнихъ послѣдствій перенаселенія. Съ одной стороны, естественная осторожность и забота о своемъ собственномъ благосостояніи будетъ сдерживать человѣка отъ обремененія себя черезчуръ многолюдной семьей, съ другой—успѣхи цивилизаціи сопровождаются постоянно нѣкоторыми вредными для населенія послѣдствіями, такъ что разрушительныя препятствія, хотя и отступаютъ на второй планъ, тѣмъ не менѣе продолжаютъ и всегда будутъ продолжать оказывать извѣстное вліяніе на сокращеніе народонаселенія. Приметъ ли общество или нѣтъ тѣ практическія мѣры, которыя Мальтусъ съ своей стороны предлагаетъ,—во всякомъ случаѣ трезвыя знанія съ теченіемъ времени распространятся, и народъ станетъ заботливѣе относиться къ тому, что въ настоящее время

въ его средѣ обыкновенно ничѣмъ не регулируется и является слѣдствіемъ простой невоздержаности.

Настойчивыя предупрежденія Мальтуса относительно бѣдствій перенаселенія и его горячая рекомендація нравственнаго воздержанія, какъ единственнаго дѣйствительнаго средства въ борьбѣ съ нищетой, произвели на нѣкоторыхъ читателей его «Опыта» такое впечатлѣніе, будто авторъ вообще не сочувствуетъ возрастанію населенія и склоненъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ предпочесть жизни смерть. Противъ такого обвиненія Мальтусъ возстаетъ съ величайшей горячностью. «Смотрѣть на меня, какъ на врага населенія,—говоритъ онъ,—значитъ не имѣть понятія о моихъ принципахъ. Враги, съ которыми я борюсь, суть нищета и порокъ». То обстоятельство, что всякая убыль населенія всегда легко восполняется его естественнымъ приростомъ, «съ нравственной точки зрѣнія,—говоритъ Мальтусъ,—не можетъ служить и тѣнью для извиненія безумнаго пожертвованія людьми, уже существующими. Положительное зло, причиняемое ихъ гибелью, страданія, нищета, несчастья, разореніе, вызываемыя такимъ преступнымъ пожертвованіемъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уравновѣшаны соображеніемъ, что численная потеря людей легко и скоро можетъ быть пополнена». Людей, заключаетъ Мальтусъ, надо беречь, и только крайняя необходимость можетъ оправдать отступленіе отъ этого общаго правила.

Еще менѣе справедливое обвиненіе взвели на Мальтуса тѣ изъ его враговъ и друзей, которые рѣшили, что такъ какъ, молъ, сокращеніе размноженія—его главная цѣль, слѣдовательно, для Мальтуса въ сущности безразлично, какими средствами будетъ оно достигаться. Исходя отсюда, такъ называемые мальтузіанцы стали рекомендовать разныя мѣры для предупрежденія зачатія или для вытравленія плода,—мѣры, которыя авторъ «Опыта» никогда не поставилъ бы рядомъ съ рекомендуемымъ имъ нравственнымъ воздержаніемъ. Исходя отсюда же, нѣкоторые противники Мальтуса заключили, что онъ долженъ сочувствовать всему, что будетъ препятствовать людямъ вступить въ супружество, и что поэтому онъ признаетъ цѣлесообразнымъ запретить просто бѣднякамъ обзаводиться семьями. Хотя ничего подобнаго Мальтусъ въ дѣйствительности не говорилъ, тѣмъ не менѣе это нелѣпое обвиненіе фигурируетъ постоянно въ шаблон-

ныхъ критикахъ его ученія. Дюрингомъ, напримѣръ, въ его «Курсѣ національной и соціальной экономіи», оно формулируется такъ: «политическіе идеалы Мальтуса заключались, очевидно, въ томъ состояніи общества, при которомъ для низшихъ классовъ, какъ полусвободныхъ, заключеніе брака зависѣло бы отъ дозволенія какихъ-нибудь господъ». Въ какой степени такого рода «идеалъ» противорѣчитъ дѣйствительнымъ убѣжденіямъ автора «Опыта о народонаселеніи», это видно изъ слѣдующаго его вполнѣ категорическаго заявленія: «меня обвиняли въ томъ,—говоритъ онъ,—что я предлагалъ законъ, запрещающій бѣднымъ жениться. Это несправедливо. Я не только не предлагалъ такого закона, но говорилъ самымъ яснымъ образомъ, что если человѣкъ желаетъ жениться, не имѣя основательныхъ надеждъ на возможность для него содержать семью, свобода его въ этомъ отношеніи не должна быть стѣсняема... Я придерживаюсь самымъ рѣшительнымъ образомъ того мнѣнія, что всякій законъ, ограничивающій брачный возрастъ, и несправедливъ, и безнравственъ».

Полемизируя съ критиками и отстаивая передъ ними свои убѣжденія, Мальтусъ въ концѣ концовъ высказываетъ сожалѣніе, что рѣзкостью своихъ выраженій и суровостью своихъ нападокъ на человѣческія слабости онъ навлекъ на себя осужденіе людей, «одобреніе и сочувствіе которыхъ ему были бы особенно лестны». «По всей вѣроятности,—сознается самъ Мальтусъ,—найдя лукъ слишкомъ согнутымъ въ одну сторону, я, чтобы его выпрямить, вынужденъ былъ слишкомъ перегнуть въ другую». Допуская въ своемъ сочиненіи возможность ошибокъ, какъ плодъ увлеченія, Мальтусъ не допускаетъ, однако, чтобы кѣмъ-нибудь была заподозрѣна чистота его намѣреній. Вотъ подлинныя и въ то же время заключительныя слова его книги: „всякій безпристрастный читатель, полагаю я, долженъ признать, что практическая цѣль, которую всегда преслѣдовалъ авторъ, въ какія бы ошибки онъ ни впадалъ при этомъ, состояла въ улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастья низшихъ классовъ общества».

Теперь, когда читатели подробно ознакомились съ идеями и ученіемъ Мальтуса, постараемся разобраться, въ какія именно ошибки впалъ онъ, какое отношеніе имѣетъ его ученіе къ «увеличенію счастья низшихъ классовъ», и въ чемъ вообще состоятъ заслуги и значеніе автора «Опыта о народонаселеніи».

VI. ЗАКЛЮЧЕНІЕ

Разнообразіе мнѣній, высказываемыхъ о Мальтусѣ.—Необходимость разсматривать всѣ его сочиненія въ цѣломъ.—Основныя черты единства во взглядахъ Мальтуса.—Спеціально экономическія заслуги.—Истинное и ложное въ ученіи Мальтуса о народноселеніи.—Его публицистическіе и научные элементы.

Трудно вообразить себѣ бо́льшую разноголосицу, бо́льшія несогласія, чѣмъ тѣ, которыя раздѣляютъ экономистовъ въ общей оцѣнкѣ значенія Мальтуса. Было бы еще понятно, еслибы разногласія эти существовали между представителями разныхъ школъ и національностей, а то вѣдь люди, вообще солидарные между собой, соотечественники и современники, какъ только дѣло коснется Мальтуса, оказываются вдругъ величайшими антагонистами. Выходитъ такъ, что легче придти къ соглашенію по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ теоретической экономіи, нежели по такому сравнительно частному и второстепенному вопросу, какимъ является признаніе заслугъ автора «Опыта о народноселеніи». Нѣсколько случайно взятыхъ примѣровъ лучше всего намъ покажутъ характеръ существующихъ въ этомъ отношеніи разногласій.

Извѣстный историкъ политической экономіи, Ингрэмъ высказываетъ въ своей книгѣ слѣдующее весьма суровое мнѣніе: «трудно открыть,—говоритъ онъ,—въ чемъ заключается тотъ солидный вкладъ, который Мальтусъ сдѣлалъ въ нашу науку; нелегко также опредѣленно указать, какія именно практическія правила, кромѣ уже извѣстныхъ, выводилъ онъ изъ своихъ теоретическихъ принциповъ». Что кажется столь труднымъ для Ингрэма, то дѣлаетъ съ большой легкостью и въ очень лестныхъ для Мальтуса выраженіяхъ Кауцъ, другой историкъ экономической науки, столь же солидный, какъ и его англійскій собратъ, и притомъ весьма близкій къ нему по своему направленію, Вотъ что мы читаемъ въ его ученомъ трудѣ «Историческое развитіе политической экономіи и экономической литературы»: «своими столь же геніальными, сколько и глубокомысленными изслѣдованіями, которыя имѣли предметомъ отношенія національнаго распредѣленія доходовъ и развитіе національной промышленности, движеніе народонаселенія и положеніе рабочихъ классовъ, и которыя вмѣстѣ съ

тѣмъ открывали новую, въ высшей степени важную область политической экономіи,—Мальтусъ установилъ рядъ истинъ, недостаточно принимавшихся во вниманіе, а между тѣмъ имѣющихъ для практики такую же важность, какъ и для науки... Значеніе этого великаго мыслителя для развитія политико-экономической науки столь же велико, какъ и разнообразно».

Нѣмецкій экономистъ Конъ называетъ мальтусовъ законъ народонаселенія «важнѣйшимъ и непоколебимѣйшимъ закономъ всей политической экономіи», а его соотчественникъ и современникъ Виртъ считаетъ ученіе Мальтуса «печальнымъ заблужденіемъ, которое нынѣ стараются воскресить, какъ трупъ, путемъ гальванизированія».

Знаменитый англійскій экономистъ и философъ Дж. Ст. Милль разсматриваетъ положенія Мальтуса «въ значительной степени какъ аксіомы», а его американскій собратъ Кери въ своихъ «Основахъ соціальной науки» видитъ въ тѣхъ-же самыхъ положеніяхъ полное извращеніе истины и потому самъ съ своей стороны выворачиваетъ ихъ наизнанку.

Нѣмецкій соціалистъ Карлъ Марксъ считаетъ «Опытъ о народонаселеніи» «ученически поверхностнымъ и поповски напыщеннымъ плагіатомъ», а его послѣдователь, австрійскій соціалистъ Каутскій, несмотря на свое строгое отношеніе къ Мальтусу, принимаетъ и его законъ народонаселенія и его предупредительное средство (нравственное воздержаніе).

Послѣ этого уже не приходится удивляться, что, по мнѣнію Дюринга, современная экономическая наука доказала полную ошибочность выводовъ Мальтуса, тогда какъ въ глазахъ Рошера выводы эти сдѣлались, напротивъ, «прочнымъ достояніемъ» той же самой науки.

Читатель согласится, что высказывать объ одномъ предметѣ сужденія болѣе противоположныя, чѣмъ тѣ, которыя нами только что приведены, довольно мудрено. Чѣмъ же объясняется эта разноголосица?

Мы думаемъ, что она можетъ быть объяснена двумя причинами: во-первыхъ, при постановкѣ окончательнаго приговора надъ Мальтусомъ его судьи почти никогда не имѣютъ въ виду *всѣхъ* его сочиненій; ихъ общая оцѣнка производится обыкновенно на основаніи одного «Опыта о народонаселеніи», а во-вторыхъ и самый «Опытъ» разсматриваютъ всегда не съ той объективностью и безпристрастностью, какой

требуетъ этого прежде всего научное сочиненіе, но непремѣнно съ точки зрѣнія какой-нибудь партіи, причемъ на практическіе выводы Мальтуса обращается больше вниманія, чѣмъ на научные основы его ученія о народонаселеніи. Только уже въ сравнительно недавнее время въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторый поворотъ: цѣлый рядъ нѣмецкихъ ученыхъ занялись разборомъ ученія Мальтуса по существу. Что-же получилось? Такіе авторитетные представители науки, какими являются Ланге, Эттингенъ, Ад. Вагнеръ, Рюмелинъ и др., объявили себя сторонниками «сущности» мальтусова ученія.

Судить о Мальтусѣ не по одному «Опыту о народонаселеніи», но постоянно имѣть въ виду и его «Политическую экономію», и его сочиненіе «Объ опредѣленіяхъ» и его трактатъ о рентѣ,—кажется намъ столь же обязательнымъ, какъ обязательно, напримѣръ, при сужденіи о Миллѣ не игнорировать его философскихъ трудовъ. По одному «Опыту» нельзя произвести *полной* оцѣнки значенія Мальтуса, и такимъ образомъ нельзя произвести *вѣрной* его оцѣнки. Экономическіе взгляды Мальтуса выясняются лишь изъ сличенія всѣхъ его трудовъ: «Политическая экономія» служитъ объясненіемъ «Опыта», а сочиненія «Объ опредѣленіяхъ» и о рентѣ даютъ ключъ къ пониманію отдѣльныхъ частей «Политической экономіи». Попробуемъ намѣтить здѣсь нѣкоторыя главнѣйшія черты того объединяющаго экономическаго міросозерцанія, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ трудовъ Мальтуса.

Въ главѣ II-ой мы сдѣлали попытку резюмировать всѣ взгляды Мальтуса по вопросамъ теоретической и прикладной экономіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы имѣли въ виду уже только одно ученіе о народонаселеніи. Употребляя выраженія, принятыя въ наукахъ уголовнаго и гражданскаго права, можно сказать, что мы разбирали сначала *общую*, а затѣмъ *особенную* часть ученія Мальтуса. Главнѣйшія положенія особенной части являются, какъ тому и слѣдуетъ быть, дальнѣйшимъ развитіемъ и частнымъ примѣненіемъ основныхъ положеній общей части ученія. Читатель припомнитъ, что основной посылкой этой послѣдней, посылкой, на которой Мальсомъ строилось, какъ все теоретическое зданіе его системы, такъ и объясненіе многихъ явленій экономической жизни,— служили отношенія спроса и предложенія. Спросъ регулируетъ цѣну товаровъ, спросомъ опредѣляется прибыль капи-

талиста и заработная плата рабочаго. Тѣ же отношенія спроса и предложенія легли и въ основу ученія о народонаселеніи. Увеличеніе предложенія предметовъ первой необходимости имѣетъ такое же рѣшающее вліяніе на ихъ цѣну, какъ и на движеніе народонаселенія, хотя результатъ въ обоихъ случаяхъ получается неодинаковый: въ то время, какъ первая (цѣна) падаетъ, второе (населеніе) растетъ. Несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ имѣетъ тѣ же послѣдствія для промышленности, что и для народонаселенія. Превышеніе предложенія надъ спросомъ производитъ въ первомъ случаѣ перепроизводство и ведетъ къ кризису; превышеніе спроса надъ предложеніемъ знаменуетъ во второмъ случаѣ перенаселеніе и является тоже особаго рода кризисомъ. Устраняются оба кризиса двумя аналогичными средствами: или прямымъ уничтоженіемъ товаровъ при перепроизводствѣ и людей при перенаселеніи, или увеличеніемъ спроса для товаровъ и предложенія для людей, т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ возстановленіемъ нарушеннаго соотвѣтствія между спросомъ и предложеніемъ.

Другой существенной чертой экономическихъ взглядовъ Мальтуса является, какъ мы видѣли, непосредственно дополняющее доктрину спроса и предложенія принципіальное отрицаніе имъ трудовой теоріи цѣнности. Упраздняя творческую роль труда въ созданіи цѣнности, Мальтусъ вполнѣ аналогично и въ ученіи о народонаселеніи умаляетъ до крайности значеніе этого фактора. Природа отпускаетъ человѣчеству періодически извѣстное количество продовольствія; разъ оно, это продовольствіе, съѣдено, новымъ пришельцамъ въ міръ уже ничего другого не остается, какъ подвергаться дѣйствію препятствій разрушительныхъ. Трудъ, такимъ образомъ, только передаточная инстанція. Въ сущности, трудъ человѣка состоитъ лишь въ томъ, чтобы взять даваемое природой; никакой творческой роли трудъ, очевидно, имѣть не можетъ.

Еще болѣе важной основной чертой міровоззрѣнія Мальтуса, чертой, проявляющейся постоянно во всѣхъ его писаніяхъ, является исповѣдуемая имъ доктрина экономическаго матерьялизма. Мы позволяемъ себѣ примѣнить къ взглядамъ Мальтуса это, нынѣ вошедшее въ моду выраженіе, потому что никакое другое не выразитъ такъ отчетливо самой характерной черты его соціологическаго міросозерцанія. «Наиболѣе мо-

гущественная и универсальная изъ всѣхъ потребностей человѣка,—говоритъ Мальтусъ,—это потребность въ пищѣ и въ такихъ вещахъ, какъ одежда, жилище и т. д., непосредственно необходимыхъ, чтобы избавлять насъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и голода. Всѣми признано (увы, еще далеко не всѣми!), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются къ дѣятельности, улучшающей и совершенствующей условія цивилизованной жизни, и что преслѣдованіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ потребностей составляютъ главный источникъ счастья для большей части всего человѣчества и въ то же время совершенно необходимыя условія для самыхъ изысканныхъ наслажденій другой его части.».

Признаніе примитивности и универсальности стремленія человѣка къ пропитанію является краеугольнымъ камнемъ всего философскаго и экономическаго міровоззрѣнія Мальтуса; оно поэтому постоянно и отражается на всѣхъ его построеніяхъ, какъ въ области теоретической экономіи, такъ и въ ученіи о народонаселеніи. Исторія человѣчества—это, по его взгляду, исторія борьбы за пропитаніе. Выше были приведены примѣры того матеріалистическаго толкованія, которое Мальтусъ даетъ отдѣльнымъ историческимъ явленіямъ. Паденіе Рима — только одинъ изъ эпизодовъ въ исторіи переселеній; а основаніемъ переселеній является всегда не что иное, какъ недостатокъ въ пищѣ. Войны и кровавыя столкновенія порождаются всегда чисто экономическими причинами и въ свою очередь вліяютъ на образованіе среди воинственныхъ племенъ особой, чисто военной нравственности. Вообще обычаи и нравственныя представленія народа находятся въ тѣсной зависимости отъ экономическихъ условій. Даже добродѣтели, подобно товарамъ, производятся, когда на нихъ есть спросъ. Нечего и говорить, что вся экономическая жизнь, промышленная дѣятельность, отношенія человѣка къ природѣ и къ себѣ подобнымъ—обусловливаются прежде всего тѣмъ же главнымъ стремленіемъ всѣхъ людей—къ пропитанію.

Послѣ голода самый сильный импульсъ для дѣятельности человѣка даетъ половое влеченіе. Съ этой прибавкой экономическій матеріализмъ Мальтуса можетъ считаться главной посылкой, изъ которой онъ *дедуктивнымъ* путемъ выводитъ всѣ остальныя положенія. Методомъ Мальтуса въ «Опытѣ», какъ и въ «Политической экономіи» является по преимуществу та

же дедукція; здѣсь опять замѣчается полная аналогія между обоими сочиненіями. Правда, для убѣжденія читателей, Мальтусъ въ «Опытѣ» прибѣгаетъ гораздо чаще къ историческимъ или статистическимъ примѣрамъ, но въ сущности примѣры эти являются лишь какъ бы извѣстной формой изложенія: для самого Мальтуса они большого значенія не имѣютъ. Во всякомъ случаѣ не путемъ индуктивнаго анализа фактовъ доходитъ онъ до своихъ выводовъ, а, наоборотъ, дедуктивно полученные выводы иллюстрируетъ и, самое большее, провѣряетъ собранными имъ фактами.

Заслуги Мальтуса собственно въ теоріи политической экономіи на столько велики и очевидны, что еслибы ихъ имѣли въ виду при постановкѣ надъ нимъ общаго приговора, приговоръ этотъ не могъ бы быть односторонне-обвинительнымъ. Вотъ почему мы и настаиваемъ на необходимости судить о значеніи Мальтуса не иначе, какъ беря въ разсчетъ всѣ его сочиненія въ цѣломъ. Напомнимъ вкратцѣ, что уже нами было сказано раньше о спеціально-экономическихъ заслугахъ автора «Основаній политической экономіи».

Своей «Политической экономіей» Мальтусъ старался подвести итоги полученнымъ до него результатамъ, чтобы затѣмъ скорѣе можно было приступить къ практическимъ приложеніямъ теоретическихъ выводовъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ его біографъ Бонаръ: «для Мальтуса открытіе истины было менѣе важно, чѣмъ улучшеніе въ общественномъ устройствѣ». Это его очень отличаетъ отъ Рикардо, дѣлавшаго свои выкладки такъ же безстрастно, какъ математикъ, рѣшающій алгебраическія задачи. Мальтусъ, чтобы ни говорили о немъ, больше думалъ о нищетѣ народа, чѣмъ Рикардо. Правда, нищету эту онъ надѣялся устранить, не тронувъ ничьихъ богатствъ; правда, предложенное имъ средство не можетъ быть признаннымъ очень дѣйствительнымъ, и, тѣмъ не менѣе, его желаніе поднять благосостояніе рабочаго класса, повысить его standard of life—не должно подлежать никакому сомнѣнію.

Повторять уже сказанное о теоретическихъ взглядахъ Мальтуса мы здѣсь не видимъ ни малѣйшей надобности. Достаточно будетъ напомнить объ его трезвомъ взглядѣ на матеріальный характеръ богатствъ, объ его ученіи о рентѣ и пр. Такова положительная часть сдѣланнаго имъ теоретическаго вклада,—часть, надо сознаться, не малая. Но даже въ тѣхъ частяхъ своей «По-

литической экономіи», гдѣ Мальтусъ очевидно заблуждался и былъ опровергаемъ Рикардо, даже тамъ сочиненіе его не теряетъ своей поучительности. Его теоретическая оппозиція трудовой теоріи цѣнности, напримѣръ, сослужила такую службу послѣдней, что на нашъ взглядъ, послѣ Рикардо и Маркса, своимъ конечнымъ торжествомъ она всего больше обязана именно Мальтусу.

Обратимся теперь къ «Опыту о народонаселеніи».

Основныя положенія своего ученія о народонаселеніи самъ Мальтусъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: 1) народонаселеніе ограничивается средствами существованія; 2) народонаселеніе увеличивается, когда увеличиваются средства существованія; 3) препятствія, задерживающія размноженіе, сводятся къ воздержанію, пороку и нищетѣ. Мы сейчасъ постараемся доказать, что всѣ эти три положенія болѣе или менѣе подтверждаются современной наукой.

Нѣкоторые изъ критиковъ Мальтуса старались увѣрить своихъ читателей, что изложенное въ «Опытѣ» ученіе представляетъ собой совершенный трюизмъ, ненужное повтореніе той элементарнѣйшей мысли, что люди не могутъ жить безъ пищи. Въ наши дни еще этотъ упрекъ повторяется Ингрэмомъ: «провозглашенная съ такой претензіей, такъ наз. мальтусова теорія населенія, вмѣсто того, чтобъ быть великимъ открытіемъ, какъ многіе это утверждали, или вредоносной новостью, какъ склонны были смотрѣть другіе, является формальнымъ.. (?) возвѣщеніемъ *очевидныхъ*, хотя на время и оставленныхъ безъ вниманія фактовъ». Съ такой точки зрѣнія доказывать справедливость приведенныхъ трехъ положеній Мальтуса нѣтъ, разумѣется, ни малѣйшей надобности: справедливость ихъ очевидна, ибо они выражаютъ ничто иное, какъ общеизвѣстную истину. Однако, и это весьма характерно, то, что кажется столь очевидно истиннымъ для однихъ изъ критиковъ «Опыта», то столь же очевидно ложно для другихъ. Конечно, человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, но не о томъ и рѣчь; вопросъ ставится такъ: что отъ чего зависитъ, что обусловливается чѣмъ:—пища ли народонаселеніемъ, или народонаселеніе пищей? До Мальтуса почти всѣ и послѣ него его критики утверждали, что количество пищи обусловлено количествомъ людей: съ увеличеніемъ народонаселенія тотчасъ же увеличивается и сумма имѣющагося для него пропитанія. А Мальтусъ, какъ мы видѣли, выставилъ положеніе прямо проти-

вуположное. Слѣдовательно, говорить о трюизмѣ тутъ уже не приходится, и ученіе Мальтуса требуетъ провѣрки и доказательствъ.

Размѣры настоящаго заключенія не позволяютъ намъ входить въ подробности при разсмотрѣніи вопроса, какъ отражается на населеніи количество имѣющихся въ его распоряженіи запасовъ пищи. Статистикой въ наше время уже доставлено множество фактовъ, подтверждающихъ именно тотъ характеръ зависимости, на который указывалъ Мальтусъ. Мы ограничимся здѣсь только тѣмъ, что приведемъ авторитетное свидѣтельство знаменитаго автора «Исторіи матеріализма» и «Рабочаго вопроса», Ланге. «Хотя голодная смерть,—пишетъ онъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи,—въ собственномъ смыслѣ слова встрѣчается далеко не такъ рѣдко, какъ воображаетъ себѣ мягкосердечная и довѣрчивая филантропія нѣкоторыхъ почитателей нашего гуманнаго вѣка, но въ статистическомъ отношеніи значеніе этой спеціальной формы, какъ причины смертности, не играетъ значительной роли. Гораздо опустошительнѣе дѣйствуютъ различнаго рода болѣзни, вызываемыя голодомъ, потому что онѣ заразительны и распространяются на людей зажиточныхъ. Зависимость этихъ смертныхъ случаевъ отъ повышенія и пониженія заработной платы доказано до сихъ поръ пока только косвенно, посредствомъ *сравненія цифры смертности съ цѣнами на хлѣбъ*. Впрочемъ послѣднія представляютъ собою коренную причину колебанія заработной платы, такъ что косвенное доказательство не лишено полной убѣдительности». И далѣе Ланге приводитъ рядъ цифръ, которыя убѣждаютъ насъ въ томъ, что съ пониженіемъ цѣнъ на хлѣбъ (а это бываетъ при его изобиліи) смертность одновременно уменьшается и, наоборотъ, увеличивается число рожденій и браковъ. Кромѣ смертности, дороговизна съѣстныхъ припасовъ благопріятствуетъ всегда и заболѣваемости: болѣзни, особенно въ формѣ эпидемій, почти всегда сопровождаютъ голодъ. Зависимость населенія отъ пищи подтверждается еще и тѣмъ фактомъ, что на сто умершихъ въ глубокой старости приходится поразительно много людей состоятельныхъ и очень мало бѣдняковъ. Напротивъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ бѣдныхъ умираетъ значительно больше, чѣмъ богатыхъ.

Въ общемъ первыя два положенія Мальтуса мы считаемъ совершенно доказанными современными статистическими изы-

сканіями. Что же касается третьяго, то и противъ него особенно серьезныхъ возраженій, на сколько намъ извѣстно, не предъявляется. Препятствія, задерживающія размноженіе людей и приводящія такимъ образомъ населеніе къ уровню имѣющагося въ странѣ продовольствія, сводятся, по Мальтусу, къ пороку, несчастьямъ и нравственному воздержанію. Перечисляя подробнѣе всѣ неблагопріятныя для роста населенія условія, онъ дѣлитъ ихъ на *разрушительныя* и *предупредительныя*. И въ самомъ дѣлѣ, хотя перечень этихъ условій не можетъ считаться у Мальтуса достаточно полнымъ, тѣмъ не менѣе самое раздѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что наблюдается въ жизни, и можетъ быть принято не безъ пользы изслѣдователемъ общественныхъ явленій. Мы далеки конечно, отъ того, чтобы дѣлать отсюда всѣ выводы «Опыта» и рекомендовать читателямъ «воздержаніе», но это только потому, что до такого вывода еще далеко, и мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми промежуточными разсужденіями Мальтуса. Подъ приведенными же тремя положеніями мы безусловно подписываемся.

Но не эти вовсе положенія подвергаются критикѣ со стороны противниковъ «Опыта», не они, а пресловутыя прогрессіи навлекли громы и молніи на голову Мальтуса. Фактъ, по своей курьезности заслуживающій быть отмѣченнымъ. Чтобы опредѣлить, въ чемъ именно заключается сущность мальтусова ученія, достаточно обратиться лишь къ сочиненіямъ современныхъ его приверженцевъ, — конечно, изъ числа настоящихъ ученыхъ. Что же оказывается? Писатели, присоединяющіеся къ основнымъ положеніямъ «Опыта», собственно, о прогрессіяхъ или вовсе не говорятъ, или только упоминаютъ о нихъ, какъ о черезчуръ рѣзкой формѣ, въ которую вылилась у Мальтуса по существу вѣрная мысль, что населеніе имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе продовольствія. Такимъ образомъ, самыя прогрессіи защитниками Мальтуса уступаются его противникамъ безъ бою. Поэтому и мы, лишь въ самыхъ короткихъ словахъ показавши неудовлетворительность знаменитыхъ математическихъ формулъ, обратимся къ разбору той *вѣрной*, по мнѣнію защитниковъ Мальтуса, мысли, которая скрывается за этими рядами произвольныхъ цифръ.

Мы видѣли уже, какъ слабо съ фактической стороны обставлены прогрессіи въ самомъ «Опытѣ». Слѣдовательно, прежде всего ихъ надо признать *недоказанными*. Относительно про-

грессіи ариѳметической въ этомъ нельзя и усумниться, ибо она не только не доказана, но и не доказывается, а просто лишь формулируется. Что же касается геометрической прогрессіи, то при ея универсальности она подтверждается очень плохо, всего однимъ единственнымъ примѣромъ,—примѣромъ, который къ тому же оказывается выбраннымъ далеко неудачно. Еще при жизни Мальтуса ему было указано, что, опредѣляя періодъ удвоенія населенія Соединенныхъ Штатовъ, онъ упустилъ изъ виду столь важный факторъ, какъ переселенія. Ошибка, благодаря этому, получилась не малая, тѣмъ болѣе, что 25-лѣтній періодъ удвоенія не подтвердился ни на одной странѣ. Чтобы опровергнуть Мальтуса въ этомъ пунктѣ, Годвинъ прибѣгъ къ очень любопытному пріему обратныхъ вычисленій. Исходя изъ наличнаго (для его времени) населенія Швеціи и предполагая, что оно удваивалось только каждыя 140 лѣтъ, онъ приходитъ къ курьезному выводу, что въ эпоху паденія Западной Имперіи Швеція обладала лишь тремя стами душъ населенія, а нѣсколько раньше, т. е. именно тогда, когда страна начала посылать на югъ свои воинственныя полчища, въ ней было не больше одного жителя. На вычисленія Годвина Мальтусъ совершенно справедливо отвѣтилъ, что нельзя опровергать его мысли на примѣрѣ страны, находящейся, очевидно, въ застоѣ. Однако, впослѣдствіи разсчетъ Годвина примѣненъ былъ ко всей Европѣ и далъ въ результатѣ почти столь же нелѣпый выводъ.

Мальтусъ, къ сожалѣнію, постоянно смѣшивалъ дѣйствительность съ возможностью и, совершенно правильно говоря *о тенденціи*, допускалъ вмѣстѣ съ тѣмъ невозможное, а именно, что чистая абстракція проявляется въ томъ же самомъ видѣ и въ дѣйствительной жизни. Говоря о тенденціи, онъ былъ правъ: современные изслѣдователи (Ваппеусъ, Вагнеръ и др.) свидѣтельствуютъ, что, отрѣшившись отъ мысли о постоянно воздѣйствующихъ на населеніе препятствіяхъ, мы можемъ, дѣйствительно, допустить (какъ чисто *физіологическую возможность*) такое размноженіе населенія, при которомъ періодъ удвоенія будетъ именно не длиннѣе 25 лѣтъ. На практикѣ, однако же, этого никогда не бываетъ: самый короткій періодъ удвоенія, который только приходилось констатировать статистикамъ въ Европѣ, равняется 50 годамъ; въ среднемъ же, этотъ періодъ простирается отъ 100 до 150 лѣтъ. Такимъ

образомъ, оправдывается и самый фактъ размноженія населенія въ геометрической прогрессіи (ибо, удваиваясь на 100 лѣтъ, оно учетверяется въ 200 лѣтъ и т. д.) и физіологическая возможность очень быстраго размноженія при отсутствіи всякихъ препятствій; не оправдывается лишь принятый Мальтусомъ слишкомъ короткій періодъ удвоенія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, совершенно основательное по существу обобщеніе Мальтусъ выразилъ въ крайней, утрированной формѣ.

Если, такимъ образомъ, геометрическая прогрессія сама по себѣ вѣрна, а невѣренъ лишь взятый Мальтусомъ срокъ удвоенія, то нельзя сказать того же о прогрессіи ариѳметической, долженствующей выражать приростъ продовольствія, но представляющей собою въ сущности совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное утвержденіе. Какъ выраженіе дѣйствительности, ариѳметическая прогрессія ошибочна. потому что на дѣлѣ, благодаря научнымъ открытіямъ и техническимъ усовершенствованіямъ, производительность человѣческаго труда росла до сихъ поръ, какъ и народонаселеніе, въ прогрессіи геометрической, только въ прогрессіи еще быстрѣе возрастающей. Какъ выраженіе возможности, ариѳметическая прогрессія является недостовѣрнымъ закономъ и даже ненаучной гипотезой.

Въ какія чисто математическія ошибки впалъ Мальтусъ при сопоставленіи обѣихъ прогрессій, это было хорошо раскрыто Чернышевскимъ въ его примѣчаніяхъ къ Миллю; на этой сторонѣ дѣла мы здѣсь не станемъ останавливаться. Для нашей цѣли важнѣе то обстоятельство, что, формулируя ариѳметической прогрессіей приростъ продовольствія, Мальтусъ упустилъ изъ виду цѣлый рядъ условій, оказывающихъ на этотъ приростъ самое рѣшительное вліяніе. Соціалистамъ принадлежитъ честь перваго указанія на главное изъ такихъ упущенныхъ Мальтусомъ условій: на роль распредѣленія и соціально-политическихъ условій труда. Хотя нѣкоторые соціалисты на нашъ взглядъ впали въ крайность, утверждая, что каждой общественной формѣ соотвѣтствуетъ свой законъ народонаселенія, и что поэтому никакого общаго для всей исторіи человѣчества закона быть не можетъ, тѣмъ не менѣе, важность распредѣленія подчеркнута была ими совершенно правильно, а отсюда слѣдуетъ выводъ, что возможность реформы въ этомъ

отношеніи вноситъ существенную поправку въ формулу продовольствія. Изъ другихъ упущенныхъ Мальтусомъ условій упомянемъ здѣсь постоянно обнаруживающійся прогрессъ въ утилизаціи продукта,—прогрессъ, заключающійся въ томъ, что люди научаются изъ того же количества пищи извлекать больше пользы для своего организма; упомянемъ дальше о развитіи, благодаря приспособленію, самаго человѣческаго организма, объ улучшеніи пищеварительныхъ и иныхъ его свойствъ, вслѣдствіе чего достигается та же цѣль, что и въ первомъ случаѣ, но только съ другого конца; упомянемъ, наконецъ, о совершенствованіи ассоціаціи и сотрудничества усиливающихъ, тоже въ своемъ родѣ въ геометрической прогрессіи, власть людей надъ природой...

Все это было забыто Мальтусомъ, когда онъ формулировалъ свою ариѳметическую прогрессію, а введи онъ въ расчетъ всѣ перечисленныя нами условія, много ли бы осталось отъ его обобщенія?

Ариѳметическую прогрессію, въ виду всего сказаннаго, приходится совершенно отбросить, геометрическую — исправить удлиненіемъ назначеннаго Мальтусомъ слишкомъ короткаго срока для удвоенія. Измѣняя, такимъ образомъ, обѣ сравниваемыя величины, мы, очевидно, уничтожаемъ возможность того непосредственнаго и простого сопоставленія, которое Мальтусъ дѣлалъ при помощи двухъ неодинаково возрастающихъ рядовъ цифръ. Но, отбрасывая математическія формулы, мы этимъ нисколько не вредимъ основной, заключающейся въ нихъ, мысли, что народонаселеніе имѣетъ постоянную тенденцію возрастать быстрѣе продовольствія. И тутъ, дѣйствительно, современная экономическая наука все больше и больше склоняется къ взгляду Мальтуса.

Чтобы не утомлять вниманія читателей, мы не станемъ здѣсь приводить подлинныхъ словъ Ад. Вагнера, Рюмелина, Роберта Моля и др. изслѣдователей, принимающихъ названную выше тенденцію за доказанную; мы не станемъ также загромождать нашего изложенія статистическими данными, подтверждающими, что при всемъ искусствѣ человѣка земля, повидимому, постепенно истощается въ своемъ плодородіи, а, напримѣръ, домашній скотъ, доставляющій человѣку мясо и молоко, отстаетъ въ своемъ размноженіи отъ размноженія людей. Отмѣтимъ здѣсь только, что возможность и даже неизбѣжность перенаселенія признается

соціалистомъ Каутскимъ и при полномъ измѣненіи существующаго экономическаго строя. Отмѣтимъ еще, что изъ русскихъ изслѣдователей г. Южаковъ, опровергающій (преимущественно доводами Спенсера) прогрессіи Мальтуса, допускаетъ, однако, конечное истощеніе «всѣхъ потенціальныхъ силъ земной поверхности». Но, разумѣется, и противниковъ этого взгляда существуетъ не мало.

Въ общемъ, все-таки надо сказать, что вполнѣ опредѣленнаго и въ то же время совершенно научнаго отвѣта на выдвинутый Мальтусомъ вопросъ при современномъ положеніи нашего знанія дать еще невозможно. Многое, однако же, заставляетъ склоняться на сторону пессимистическихъ предвидѣній Мальтуса и сомнѣваться, чтобы борьба за существованіе, — конечно, не въ ея современной грубой формѣ,—могла когда-нибудь совершенно исчезнуть изъ человѣческаго общества. Но утверждать это вполнѣ рѣшительно кажется намъ столь же рискованнымъ, какъ утверждать противное, что какова бы ни была численность рода человѣческаго, онъ всегда найдетъ себѣ на землѣ достаточное пропитаніе.

Одно только надо твердо помнить: вопросъ ставится здѣсь исключительно объ *отдаленномъ будущемъ*, въ настоящемъ же нѣтъ никакихъ указаній на существованіе дѣйствительнаго, *абсолютнаго* перенаселенія, хотя Мальтусъ и утверждаетъ противное. «Опасность перенаселенія,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—вовсе не такъ удалена, какъ принято думать, она, напротивъ, весьма близка и неизбѣжна». Въ другомъ мѣстѣ, оспаривая Кондорсэ, онъ выражается еще рѣшительнѣе: «картина послѣдствій, которыя вызоветъ размноженіе людей, когда число ихъ превзойдетъ средства существованія, нарисована Кондорсэ вполнѣ правдиво. Единственный пунктъ, на которомъ я тутъ съ нимъ расхожусь, касается времени, когда предположеніе его осуществится. Кондорсэ полагаетъ, что оно *должно* осуществиться въ будущемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаетъ, что будущее это отдѣлено отъ насъ еще огромнымъ разстояніемъ времени... Мы же можемъ сказать, напротивъ, что эта эпоха *давно уже наступила*».

Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ Мальтусъ прописываетъ и свое столь прославившееся лекарство: нравственное воздержаніе. Для насъ, отрицающихъ наличность перенаселенія, нравственное воздержаніе, разумѣется, предста-

вляется совершенно излишнимъ; но кромѣ того, оно имѣетъ и свои специфическіе недостатки, которые мы здѣсь просто перечислимъ: 1) воздержаніе отъ вступленія въ бракъ и даже только позднее вступленіе въ него, по общему отзыву всѣхъ изслѣдователей, неизбѣжно увеличиваетъ развратъ и проституцію; 2) нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы столь трудная нравственнаго характера обязанность стала практиковаться сколько нибудь значительнымъ количествомъ лицъ, и 3) никогда общественныя бѣдствія не врачуются личными добродѣтелями. Размноженіе людей подчиняется столь же строгимъ и столь же мало зависящимъ отъ воли отдѣльнаго человѣка законамъ, какъ и размноженіе продовольствія; поэтому, если всѣ усилія людей оказываются недостаточными, чтобы побудить природу къ большей щедрости, нѣтъ основанія ожидать, что направленныя въ другую сторону, усилія эти окажутся сколько нибудь дѣйствительными. Во всякомъ случаѣ увеличивать количество пищи (воздѣйствовать на природу) не труднѣе, а легче, чѣмъ сокращать размноженіе людей (воздѣйствовать на воспроизводительную способность). Вообще патентованное средство Мальтуса и обоюдоостро, и недѣйствительно, и наивно.

Разъ допустивъ наличность перенаселенія, Мальтусъ сдѣлалъ отсюда всѣ тѣ свои фальшивые публицистическіе выводы, за которые его съ полнымъ основаніемъ упрекаютъ нѣкоторые изъ его критиковъ. Если перенаселеніе существуетъ, то среди кого, среди какого класса населенія? Очевидно, не среди людей состоятельныхъ, имѣющихъ возможность воспитывать своихъ дѣтей и вооружать ихъ для предстоящей имъ борьбы за существованіе самымъ дѣйствительнымъ въ наше время оружіемъ — деньгами. Перенаселеніе, если оно существуетъ, должно обнаруживаться, конечно, среди простого люда, среди рабочихъ, подвергающихъ, такимъ образомъ, свое потомство неограниченному дѣйствію «препятствій разрушительныхъ». Какъ же избѣгнуть имъ послѣдствій перенаселенія, какъ отстранить отъ себя всѣ бѣдствія порока и нищеты? Единственный путь, указываемый Мальтусомъ, это — нравственное воздержаніе. Итакъ: высшіе классы, въ силу ихъ богатства, не нуждаются въ предупредительномъ средствѣ; низшіе же, *въ наказаніе* за свою бѣдность, должны отказаться отъ брака и отъ любви, чтобъ обратиться въ безполую породу тружениковъ, обогащающихъ счастливыхъ пустоплясовъ и не имѣющихъ своихъ собственныхъ радостей...

Вотъ тотъ жестокій выводъ, къ которому въ концѣ концовъ приходитъ Мальтусъ, который, сдѣлавшись удобнымъ оружіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ буржуазныхъ экономистовъ, скомпрометировалъ и все его ученіе.

Но правиленъ ли этотъ выводъ, вытекаетъ ли онъ изъ самыхъ основъ ученія Мальтуса, какъ оно было изложено имъ въ двухъ первыхъ главахъ его «Опыта»? Совершенно неправиленъ и нисколько не вытекаетъ.

Какъ мы уже видѣли, Мальтусъ былъ правъ, говоря о зависимости населенія отъ пищи, но слѣдуетъ ли отсюда, что онъ былъ такъ же правъ, признавая возможнымъ на вопросъ: «отчего люди голодаютъ»? отвѣчать: «оттого, что ихъ слишкомъ много»? Между обоими положеніями лежитъ цѣлая пропасть, черезъ которую нельзя просто перескочить, а надо перебросить сначала мостъ доказательствъ и связную цѣпь строго логичныхъ разсужденій. Мальтусъ вмѣсто этого свой чисто научный анализъ причинъ, содѣйствующихъ и препятствующихъ естественному росту населенія, предложилъ просто безъ всякихъ оговорокъ и, разумѣется, вполнѣ ошибочно, какъ полное рѣшеніе всѣхъ современныхъ ему экономическихъ неурядицъ, въ дѣйствительности обусловленныхъ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ и сложныхъ факторовъ. Правильно указавъ на грозящую въ будущемъ опасность, онъ, такимъ образомъ, совершенно уже неправильно, сдѣлалъ ее отправнымъ пунктомъ въ своемъ анализѣ современности.

Но и этого мало. Простое примѣненіе теоретическихъ основъ ученія о народонаселеніи къ объясненію окружающей дѣйствительности, какъ бы такое примѣненіе само по себѣ ни было неправильно, не можетъ еще привести къ тѣмъ жестокимъ и несправедливымъ практическимъ заключеніямъ, къ которымъ, какъ мы видѣли, приходитъ Мальтусъ. Почему послѣдствія перенаселенія должны нести на себѣ только бѣдные? Изъ *сущности* мальтусова ученія это вовсе не вытекаетъ. Тутъ, очевидно, мы встрѣчаемся уже не въ первый разъ съ результатомъ внесенія того фальшиваго публицистическаго элемента, который проникаетъ собою какъ «Политическую экономію», такъ и «Опытъ о народонаселеніи». Начиная съ этого момента, авторъ перестаетъ вполнѣ логично разсуждать и вполнѣ объективно анализировать. Желая улучшить матеріальное положеніе рабочихъ, онъ ихъ обрекаетъ на такое безпросвѣтное въ нравственномъ

отношеніи существованіе, котораго, конечно, никогда никто не предпочтетъ. Практическіе выводы Мальтуса — продуктъ его практическаго же стремленія подорвать въ корнѣ реформаторскіе проекты Годвина. Наука здѣсь не при чемъ; ученіе о народонаселеніи также. Намъ остается напомнить прекрасныя слова Аксакова:

.....И даже лучшіе жрецы
Во храмѣ—вѣщіе пророки,
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!

Ближайшіе послѣдователи Мальтуса, т. е. люди, обзывавшіе его своимъ учителемъ, тѣмъ именно и почтили его память, что, игнорируя теоретическія основы «Опыта о народонаселеніи», съ полнѣйшимъ восторгомъ привѣтствовали горькій, червивый плодъ публицистическаго увлеченія великаго экономиста. Его наслѣдіе, захватанное грязными руками, стало предметомъ отвращенія для благомыслящихъ людей: оно обратилось въ оружіе противъ всѣхъ прогрессивныхъ стремленій придти на помощь «униженнымъ и оскорбленнымъ», и самъ Мальтусъ, стараніями его учениковъ, изъ *друга* бѣдныхъ превращенъ былъ въ ихъ *врага*. Тогда имя автора «Опыта о народонаселеніи» стало произноситься не съ благодарностью и уваженіемъ, которыхъ заслуживаетъ этотъ глубокій мыслитель, но съ презрѣніемъ и хулой, составляющими справедливое воздаяніе недобросовѣстному и угодливому публицисту. Въ Мальтусѣ эти два разныхъ человѣка чуднымъ образомъ уживались въ мирномъ сосѣдствѣ. Его современникамъ поневолѣ приходилось считаться съ ними обоими, но намъ въ настоящее время нѣтъ дѣла до второго. Публицистъ Мальтусъ умеръ: онъ весь принадлежалъ своему времени и съ нимъ же вмѣстѣ отошелъ въ вѣчность. За-то Мальтусъ-ученый живъ; съ нимъ приходится до сихъ поръ имѣть дѣло: въ его «Опытѣ» черезъ сто лѣтъ послѣ его выхода въ свѣтъ ученые продолжаютъ черпать свою мудрость....

А та загадка сфинкса, которой Мальтусъ въ концѣ XVIII-го вѣка не сумѣлъ рѣшить, остается нерѣшеннымъ, таинственнымъ, тревожнымъ вопросомъ и наканунѣ XX-го столѣтія!

Ученіе Мальтуса о народонаселеніи [1]).

«Смитъ написалъ книгу, которую всѣ хвалятъ, хотя никто не читаетъ, Мальтусъ же написалъ книгу, которую тоже никто не читаетъ, но всѣ бранятъ» [2]). Отношеніе общества къ Мальтусу характеризуется, какъ нельзя лучше, этими мѣткими словами его біографа. Кто въ самомъ дѣлѣ, изъ не-спеціалистовъ, читаетъ въ наше время «Опытъ о народонаселеніи», и кто же между тѣмъ считаетъ себя недостаточно компетентнымъ, чтобы обсуждать и осуждать мальтусово ученіе?.. Горько жалуясь на такую несправедливость, мальтузіанцы объясняютъ ее легкомысліемъ публики; было бы правильнѣе, однако, искать причину въ характерѣ и свойствахъ самого «Опыта».

Что Мальтуса теперь *не читаютъ*,—это вполнѣ понятно. Полемика съ уже отжившими ученіями и критика отмѣненнаго нынѣ законодательства о бѣдныхъ дѣлаютъ «Опытъ народонаселеніи» объемистымъ, тяжеловѣснымъ трудомъ, многія части котораго представляютъ только историческій интересъ. Что же касается его общихъ, теоретическихъ главъ, то онѣ имѣютъ свои спеціальные недостатки: чрезмѣрная догматичность изложенія усугубляется въ нихъ весьма малою доказательностью. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что при совершенной неразработанности всѣхъ общественныхъ знаній и, въ частности, при отсутствіи большого числа вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, предпринятое Мальтусомъ въ 1797 г. изслѣдованіе не могло не отразить на себѣ вліянія такихъ крайне неблагопріятныхъ условій. Въ концѣ XIX в. «Опытъ о народонаселеніи» уже далекъ, конечно, отъ того, чтобы быть на уровнѣ

---

[1]) *Часть* настоящей статьи читана была въ качествѣ реферата въ засѣданіи московскаго юридическаго общества 21-го ноября 1895 г.

[2]) Bonar, Malthus and his Work, 1885, стр. 3.

современнаго знанія, но въ то же время, какъ это мы постараемся доказать всей нашей статьей, онъ все-таки больше соотвѣтствуетъ, чѣмъ противорѣчитъ нашей наукѣ. Уступая такимъ образомъ въ практическомъ значеніи новѣйшимъ статистическимъ трудамъ, сочиненіе Мальтуса не имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и привлекательности очень рѣзкаго контраста съ ними, контраста, который обезпечиваетъ въ публикѣ иногда еще большій успѣхъ, нежели истинныя научныя заслуги.

Что Мальтуса *бранятъ*, это еще менѣе удивительно, чѣмъ то, что его не читаютъ. Знакомясь съ его ученіемъ въ той рѣзко-односторонней формулировкѣ, которой самъ Мальтусъ ему не придавалъ, современный читатель не можетъ отнестись иначе, какъ отрицательно, и къ знаменитымъ прогрессіямъ, и къ «нравственному воздержанію», и къ страхамъ перенаселенія, — къ этимъ, какъ его увѣряютъ, тремъ китамъ мальтусова ученія. Прогрессіи—отвергнуты наукой, перенаселеніе—оно не страшно, покуда возможны реформы въ области распредѣленія, покуда промышленность стонетъ отъ перепроизводства и недостатка потребителей; а «нравственное воздержаніе»?.. да кто же въ наше время, допуская даже полную неизбѣжность перенаселенія, кто же увѣруетъ въ спасительность такого, вполнѣ «индивидуалистическаго» лекарства противъ соціальнаго зла?..

Полное подтвержденіе и дальнѣйшую пищу для своего отрицательнаго отношенія къ Мальтусу читатель находитъ въ популярныхъ сочиненіяхъ по политической экономіи. Вотъ образецъ тѣхъ легкомысленныхъ оцѣнокъ, которыми сопровождается въ подобныхъ сочиненіяхъ стереотипное и одностороннее изложеніе первыхъ главъ «Опыта о народонаселеніи». «Трудно открыть, говоритъ Ингрэмъ [1]), въ чемъ заключается тотъ солидный вкладъ, который Мальтусъ сдѣлалъ въ нашу науку; не легко также опредѣленно указать, какія именно практическія правила (?), кромѣ уже извѣстныхъ, онъ выводилъ изъ своихъ теоретическихъ принциповъ». И нѣсколькими страницами далѣе: «провозглашенная съ такой претензіей, такъ называемая мальтусова теорія населенія, вмѣсто того, чтобы быть великимъ открытіемъ, какъ многіе это утверждали, или вредоносною новостью, какъ склонны были смотрѣть другіе, является... фор-

---

[1]) Исторія политич. экономіи, пер. подъ редакціей проф. Янжула, 1891, стр. 147.

мальнымъ (?) возвѣщеніемъ очевидныхъ, хотя на время и оставленныхъ безъ вниманія, фактовъ».

Но каково было бы удивленіе человѣка, знакомаго съ «Опытомъ» лишь по его изложеніямъ да по суровымъ приговорамъ тѣхъ или иныхъ популяризаторовъ, если бы, обратившись къ капитальнымъ трудамъ по политической экономіи, онъ встрѣтилъ здѣсь благосклонные, а подчасъ и восторженные отзывы о мальтусовомъ ученіи. Прежде всего его поразило бы то обстоятельство, что послѣ выхода въ свѣтъ «Опыта о народонаселеніи» выводы Мальтуса долгое время казались неоспоримыми наиболѣе выдающимся экономистамъ [1]) и были положены ими въ основу тѣхъ обобщеній, которыя принимаются и понынѣ большею частью изслѣдователей (теорія ренты Рикардо). Онъ удивился бы, далѣе, заявленію многихъ нѣмецкихъ ученыхъ (Моля, Рошера, Рюмелина, Ваппеуса и др.), что мальтусово ученіе является «прочнымъ достояніемъ» современной науки, что, какъ выражается Конъ [2]), законъ народонаселенія, установленный Мальтусомъ,—важнѣйшій и непоколебимѣйшій законъ политической экономіи» и что, согласно А. Вагнеру [3]), «сущность ученія Мальтуса вполнѣ подверждается всѣми новѣшими данными». И, наконецъ, онъ сталъ бы, вѣроятно, совершенно втупикъ передъ тѣмъ дифирамбомъ, который поетъ Мальтусу одинъ изъ лучшихъ историковъ экономической науки, Кауцъ, его самого называющій «великимъ мыслителемъ», а его сочиненія «геніальными, глубокомысленными изслѣдованіями» [4])... Конечно, нашъ читатель не остался бы глухъ и къ отзывамъ иного свойства; онъ ознакомился бы съ ругательствами Дюринга, съ рѣзкой соціалистической критикой, съ опроверженіями французскихъ оптимистовъ и отдѣльными неблагопріятными для Мальтуса мнѣніями тѣхъ или иныхъ экономистовъ. Но несомнѣннымъ остался бы для него все тотъ же фактъ, что значительная, даже, можетъ быть большая, часть экономистовъ при-

---

[1]) Милль (Основанія полит. экон., 1860 г., т. I, стр. 306) признаетъ ихъ „аксіомами"; Рикардо (сочиненія, 1882 г., стр. 256) говоритъ, что „нападенія противниковъ на это великое произведеніе („Опытъ") послужили только доказательствомъ его значенія".

[2]) Ueber internationale Fabrikgesetzgebung въ „Jahrbücher für Nat Oek. und St." Конрада, 3 B., 1881, стр. 365.

[3]) Lehr-u. Handbuch der Pol. Oek., Grundlagen, 2-r Halbband, 1893, 448—449, 453 и пр.

[4]) Die geschichtliche Entwickelung der National-Oekonomie und ihrer Literatur, 1860, 2 Abth., 493—495.

нимаетъ ученіе Мальтуса о народонаселеніи, какъ истинное въ его существенныхъ чертахъ и какъ вполнѣ согласное съ современной наукой.

Впрочемъ, помимо болѣе или менѣе благопріятныхъ мнѣній о Мальтусѣ отдѣльныхъ представителей экономической науки, вниманіе безпристрастнаго читателя долженъ привлечь уже самый фактъ оживленныхъ и несмолкающихъ контроверзъ, вобужденныхъ «Опытомъ о народонаселеніи». Литература о Мальтусѣ столь велика, что одинъ ея библіографическій указатель (а въ немъ, кстати сказать, чувствуется серьезная надобность) составилъ бы изрядный томъ, который по своимъ размѣрамъ не уступилъ бы самому «Опыту». И любопытно, что въ наше время интересъ къ Мальтусу не только не ослабѣваетъ, но еще повидимому растетъ. Такъ, за одинъ 1894 годъ можно насчитать три спеціальныхъ сочиненія [1]) (не говоримъ уже о сочиненіяхъ общаго свойства и о журнальныхъ статьяхъ), трактующихъ на трехъ различныхъ языкахъ о Мальтусѣ и выдвинутыхъ имъ проблемахъ. Косвенное отраженіе интересъ этотъ получилъ и у насъ въ Россіи, гдѣ только что появился (въ «библіотекѣ экономистовъ» г. Солдатенкова) новый, къ сожалѣнію, сокращенный и совершенно неудовлетворительный переводъ «Опыта» съ вступительной статьей о Мальтусѣ.

При такомъ особенномъ вниманіи къ ученію Мальтуса современной научной литературы, едва ли будетъ признана излишней настоящая попытка пересмотрѣть это ученіе въ связи съ тѣми данными, которыя принесли съ одной стороны разнородная критика «Опыта о народонаселеніи», съ другой—новѣйшее развитіе біологіи, статистики и политической экономіи... Задача автора этой статьи—возбудить въ читателяхъ нѣкоторый интересъ къ ученію Мальтуса, затемняемому и извращенному, какъ его противниками, такъ и его сторонниками, и хоть немного заполнить существующую пропасть между обыденнымъ презрительнымъ отношеніемъ къ «Опыту» и современною научною разработкой его основныхъ положеній.

---

[1]) La Population, les causes de ses progrès et les obstacles qui en arrêtent l'essor, par Edouard van der *Smissen*. Versuch einer Bevölkerungslehre ausgehend von einer Kritik des Malthus'schen Bevölkerungsprincips von D-r Frank *Fetter*. Francesco *Nitti*, La Popolazione è il sistema sociale (послѣднее сочиненіе появилось тотчасъ же и въ англійскомъ переводѣ).

*

I.

«По мнѣнію Мальтуса народонаселеніе увеличивается въ геометрической прогрессіи, тогда какъ средства продовольствія, самое большее, лишь въ ариѳметической» [1]). Такова ходячая формулировка популяціонистическаго ученія Мальтуса. Формулировка эта, несмотря на свою общепринятость, покоится на двухъ существенныхъ недоразумѣніяхъ: выдвигая впередъ столь пресловутыя прогрессіи, она во-первыхъ оставляетъ въ тѣни то, что составляетъ именно самую сущность ученія, и во-вторыхъ даже этимъ прогрессіямъ даетъ, съ точки зрѣнія Мальтуса, совершенно невѣрное выраженіе. Попробуемъ въ самыхъ краткихъ чертахъ возстановить сущность ученія, развитію и доказательству котораго посвященъ «Опытъ о народонаселеніи».

Многими писателями, говоритъ Мальтусъ, былъ уже констатированъ фактъ поразительно быстрой размножаемости всѣхъ растительныхъ и животныхъ породъ. «Если бы, замѣтилъ еще Франклинъ, земная поверхность была свободна отъ другихъ растеній, одной породы, напр., укропа, было бы достаточно, чтобы постепенно обсѣменить и покрыть ее зеленью; а если бы земля не имѣла другихъ обитателей, одна нація, напр. англичанъ, могла бы совершенно заселить ее въ нѣсколько вѣковъ [2]). Сдерживается такая чрезмѣрная плодовитость единственно только недостаткомъ мѣста и пищи или еще, среди людей, боязнью предъ наступленіемъ этого недостатка. Препятствія, сдерживающія размноженіе людей, настолько сильны и всеобщи, что въ чистомъ видѣ воспроизводительной способности человѣка никогда не приходится наблюдать. Замѣчено только, что тамъ, гдѣ задерживающія припятствія менѣе сильны, народонаселеніе растетъ быстрѣе и можетъ, какъ это видно на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ, удвоиваться каждые 25 лѣтъ. Однако, земля, дающая человѣчеству пропитаніе, имѣетъ свои предѣлы. Когда всѣ плодородные участки заняты и обрабатываются, техническія усовершенствованія, по мнѣнію Мальтуса, не могутъ съ той же быстротой увеличивать плодородіе почвы, съ какой народонасе-

---

[1]) Отто Элерсъ, „Популярная политич. экономія“, 1895, стр. 12.

[2]) An Essay on the principle of Population, 1890 (Reprinted from the last edition revised by the author), стр. 2.

леніе стремится къ дальнѣйшему размноженію. «Каждому, замѣчаетъ Мальтусъ, кто хоть немного знакомъ съ агрономіей, хорошо извѣстно, что по мѣрѣ расширенія обработки, ежегодное возрастаніе производительности земли постепенно и правильно уменьшается» [1]). Но даже оставляя въ сторонѣ это соображеніе и принимая возможный приростъ продовольствія за постоянную и неизмѣнную величину, и то все-таки, по словамъ Мальтуса, развитіе техники не можетъ увеличивать запасовъ продовольствія больше, какъ *на опрвдѣленное количество*, въ то время, какъ населеніе будетъ расти, умножаясь *въ извѣстное число разъ*.

Если всему этому разсужденію придать математическую форму и выразить двумя отдѣльными рядами цифръ физіологически возможный приростъ населенія и потенціальный приростъ земледѣльческихъ продуктовъ, мы будемъ имѣть въ первомъ случаѣ геометрическую прогрессію: 1:2:4:8:16:32:64:128:256; во второмъ - прогрессію ариѳметическую: 1 : 2 : 3 : 4 : 5 : 6 : 7 : 8 : 9...

Сопоставленіе послѣднихъ цифръ двухъ приведенныхъ рядовъ обнаруживаетъ всю рѣзкость того конфликта, къ которому приходитъ человѣчество въ результатѣ неограниченнаго размноженія. Но отсюда же видно, что послѣднее возможно лишь въ отвлеченіи, а не въ жизни. Размноженіе должно остановиться задолго до того, когда $^9/_{10}$ людей окажутся безъ пищи. Дѣйствительный ростъ населенія никогда не соотвѣтствуетъ физіологически возможному, а потому и выражающая послѣдній геометрическая прогрессія имѣетъ лишь совершенно гипотетическое значеніе. Но если такимъ образомъ ростъ населенія встрѣчаетъ и не можетъ не встрѣчать постоянныхъ препятствій, любопытно опредѣлить, въ какихъ именно формахъ недостаточность продовольствія обнаруживаетъ свое задерживающее вліяніе на размноженіе. Мальтусъ перечисляетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для увеличенія народонаселенія факторовъ, классифицируя ихъ на двѣ группы—препятствій *разрушительныхъ* (положительныхъ тожъ) и *предупредительныхъ*. Къ первымъ имъ причисляются «всѣ вредныя для здоровья занятія, тяжелый трудъ, вліяніе дурного времени года, крайняя бѣдность, даваемое дѣтямъ дурное воспитаніе, жизнь въ большихъ городахъ, излишества всякаго

---

[1]) Essay, стр. 6.

рода, повальныя болѣзни, эпидеміи, войны, чума и голодъ» [1]); вторыя сводятся къ добровольному воздержанію отъ дѣторожденія, воздержанію, которое Мальтусъ называетъ *нравственнымъ* (moral restraint), если только оно не сопровождается развратомъ.

При полной невозможности для человѣка долгое время оставаться безъ пищи и при той силѣ, съ которой постоянно проявляютъ свое дѣйствіе только что перечисленныя разрушительныя препятствія, стремленіе человѣчества къ размноженію даетъ себя знать въ *избыточности рожденій*, приводящей естественнымъ образомъ къ *усиленной смертности*. Большая или меньшая заселенность, большее или меньшее богатство данной страны дѣлаютъ болѣе или менѣе рѣзкимъ конфликтъ между спросомъ и предложеніемъ продуктовъ первой необходимости, конфликтъ, который при преобладаніи перваго (спроса) называется *перенаселеніемъ*, а при преобладаніи второго (предложенія)—*перепроизводствомъ* [2]). Особенная сила воспроизводительной способности человѣка дѣлаетъ то, что именно по отношенію къ предметамъ первой необходимости перепроизводство *почти невозможно*; въ лучшемъ случаѣ замѣчается только полное соотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и наличными запасами пищи, но и это соотвѣтствіе даетъ тотчасъ же такой толчекъ размноженію, что равновѣсіе нарушается и замѣняется перенаселеніемъ.

Всѣ эти разсужденія приводятъ Мальтуса къ выводамъ, которые онъ формулируетъ въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ, представляющихъ собою теоретическое резюме первыхъ двухъ главъ его «Опыта».

1. Народонаселеніе строго ограничено средствами существованія.

2. Народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой-нибудь могущественной встрѣчной причиной. (Случаи, когда населеніе не достигаетъ уровня средствъ къ

---

[1]) Op. cit., стр. 9.

[2]) Въ своей „Политич. экономіи“ (Principles of political economy, 1820) Мальтусъ выражаетъ увѣренность, что общее перепроизводство товаровъ возможно и объясняетъ имъ промышленные кризисы. Объ его теоріи кризисовъ см. новѣйшее сочиненіе *Бергмана* (Bergmann) „Geschichte der Nationalökonomischen Krisentheorien“ (Stuttgart, 1895), стр. 138 и слѣд., „Промышленные кризисы въ современной Англіи“ г. Туганъ-Барановскаго, 1894, стр. 387 и сл.

существованію, Мальтусъ признаетъ совершенно исключительными).

3. Всѣ препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастьямъ [1]).

Читатель видитъ, что въ этой формулировкѣ, которую самъ Мальтусъ даетъ своему ученію, о пресловутыхъ прогрессіяхъ даже не упомянуто. Чѣмъ это объясняется? Единственно только тѣмъ, что въ глазахъ самого Мальтуса «прогрессіи» не имѣли никакого *принципіальнаго* значенія. Придавая математическую форму своимъ разсужденіямъ, Мальтусъ воспользовался прогрессіями лишь для большей наглядности. Въ его намѣренія не входило утверждать, что населеніе стремится размножаться именно по приведенной имъ геометрической прогрессіи въ то время, какъ средства пропитанія въ своемъ приростѣ придерживаются, самое большее, прогрессіи ариѳметической. Для Мальтуса важна была лишь общая отмѣченная имъ тенденція населенія размножаться быстрѣе, чѣмъ увеличивается продовольствіе, а доктринерская претензія на математически точное выраженіе этой тенденціи была ему совершенно чужда.

Что утверждая это, мы ничего не прибавляемъ отъ себя и слѣдуемъ лишь указаніямъ самого Мальтуса, въ этомъ не трудно убѣдиться. Тотчасъ же вслѣдъ за приведенными выше тезисами мы читаемъ: «Первое изъ этихъ положеній едва ли нуждается въ комментаріяхъ. Два другія будутъ достаточно подкрѣплены обзоромъ тѣхъ препятствій, которыя народонаселеніе встрѣчало въ древности и встрѣчаетъ при современномъ состояніи общества; этому обзору посвящены слѣдующія главы». Итакъ, второй и третій тезисы обосновываются Мальтусомъ (въ достаточной ли степени, вопросъ другой) на фактахъ дѣйствительной жизни. А какъ обстоитъ дѣло съ прогрессіями? Въ одномъ изъ примѣчаній [2]) ко второму изданію своего «Опыта» Мальтусъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Говорятъ, что я написалъ большой томъ in 4° для доказательства той мысли, что народонаселеніе размножается въ геометрической прогрессіи, а продовольствіе возрастаетъ въ ариѳметической. *Это невѣрно.* Одно изъ этихъ

---

[1]) Op. cit., стр. 14.
[2]) Op. cit. Appendix, стр. 552.

двухъ положеній стало для меня очевиднымъ, какъ только была обнаружена степень возрастанія населенія въ Америкѣ, второе же, какъ только оно было формулировано. Главная цѣль моего сочиненія состояла въ изученіи *слѣдствій* и *вліянія* на человѣческое общество этихъ законовъ, которые я разсматривалъ, какъ доказанные на первыхъ страницахъ». Мы изложили выше первыя страницы «Опыта», и читатель изъ нашего изложенія могъ убѣдиться, что никакихъ доказательствъ тамъ нѣтъ и въ поминѣ. Въ первыхъ главахъ прогрессіи формулируются, но не доказываются, въ дальнѣйшемъ изложеніи о нихъ упоминается нѣсколько разъ, но уже какъ о чемъ-то доказанномъ; это проистекаетъ изъ своеобразнаго къ нимъ отношенія самого Мальтуса. Прогрессія ариѳметическая кажется ему настолько очевидной, что онъ не находитъ нужнымъ подкрѣплять ее какими бы то ни было доказательствами. Прогрессію геометрическую онъ иллюстрируетъ примѣромъ Соединенныхъ Штатовъ, а въ сущности выводитъ изъ слѣдующаго простого соображенія: если отъ одного брака, разсуждаетъ Мальтусъ, рождается въ среднемъ по четыре ребенка и затѣмъ половина ихъ погибаетъ, выжившіе же въ свою очередь обзаводятся семьями, ясно что, населеніе должно расти подобно цифрамъ 1,2,4,8,16 и т. д. Это прямой логическій выводъ изъ всѣмъ извѣстнаго факта; онъ не нуждается въ *доказательствахъ* и потому Мальтусъ ограничивается только однимъ *примѣромъ* — Соединенныхъ Штатовъ. Оказывается, такимъ образомъ, что знаменитыя «прогрессіи», къ которымъ обыкновенно сводятъ все ученіе Мальтуса, въ его собственныхъ глазахъ были своего рода трюизмомъ, не требующимъ доказательствъ и имѣющимъ лишь совершенно побочное значеніе.

Чтобы покончить съ ошибочной, но общепринятой формулировкой ученія Мальтуса, намъ остается замѣтить, что ею извращаются даже тѣ самыя прогрессіи, которымъ приписывается такая преобладающая, исключительная роль. Сказать просто: «населеніе растетъ въ геометрической, а продовольствіе въ ариѳметической прогрессіи»—значитъ въ сущности ничего не сказать. Самъ Мальтусъ выражается гораздо опредѣленнѣе. Вотъ, какъ онъ формулируетъ свою прогрессію размноженія: «можно утверждать,—говоритъ онъ, [1]) что если на-

[1]) Op. cit., стр. 4.

селеніе въ своемъ ростѣ не встрѣчаетъ препятствій, оно удвоивается каждые 25 лѣтъ *или* растетъ въ геометрической прогрессіи»; что же касается прогрессіи ариѳметической, то тутъ, при томъ же 25-ти-лѣтнемъ періодѣ, вмѣсто постояннаго удвоенія предполагается постоянное присовокупленіе количества, равнаго первому члену, т. е. данному количеству продовольствія. Выраженныя въ этихъ терминахъ (даются знаменатель, разность и срокъ) прогрессіи получаютъ математическую точность, допускающую сравненіе, того же нельзя сказать о расплывчатой вульгарной формулировкѣ, отнимающей отъ прогрессій рѣшительно всякую опредѣленность.

Не менѣе важнымъ заблужденіемъ надо считать и то, что геометрическую прогрессію принимаютъ часто за выраженіе *дѣйствительнаго* роста населенія, несмотря на многочисленныя оговорки Мальтуса, желавшаго выразить такимъ образомъ только одну *возможность*, чистую абстракцію. «Населеніе,— говоритъ Мальтусъ,—строго ограничено средствами существованія», слѣдовательно оно никакъ не можетъ расти быстрѣе послѣднихъ, хотя и имѣетъ такую тенденцію. Не вникнувъ въ эту совершенно понятную мысль, критики вродѣ Поля Леруа-Болье думаютъ уничтожить Мальтуса простою ссылкою на одинаковую заселенность земли въ настоящее время и въ древности [1]) (что, впрочемъ, подлежитъ еще очень большому сомнѣнію). А между тѣмъ проведенное Мальтусомъ разграниченіе между дѣйствительнымъ и возможнымъ приростомъ населенія само по себѣ въ высшей степени плодотворно и современная наука охотно пользуется имъ въ различныхъ цѣляхъ (между проч. и для опроверженія геометрической прогрессіи Мальтуса).

Результатъ, достигаемый сведеніемъ всего мальтусова ученія къ однѣмъ прогрессіямъ, заключается въ той особенной легкости, съ которой это ученіе можетъ быть тогда опровергнуто. «Наука» доказала ошибочность прогрессій: населеніе удваи-

---

[1]) Leroy-Beaulieu, Précis d'économie politique, 1891, c. 340. Впервые это замѣчаніе сдѣлано было Годвиномъ, см. Recherches sur la population et sur la faculté d'accroissement de l'espèce humaine, contenant une refutation des doctrines de m-r Malthus sur cette matiére, par W. Godwin, traduit par Constancio, 1821. V. 2, p. 467: „il ne parait pas que la population générale du globe se soit augmentée depuis l'époque la plus reculée". Разъясненіе этого недоразумѣнія см. въ книгѣ Феттера, Versuch einer Bevölkerungslehre ausgehend von einer Kritik des Malthus'schen Bevölkerungsprincip, 1894, стр. 6—12.

вается не такъ быстро, а средства существованія не такъ медленно, какъ это предполагаетъ Мальтусъ, значитъ и вызванный имъ призракъ перенаселенія не долженъ насъ страшить. Такъ просто и легко отдѣлывается большинство критиковъ «Опыта». Но это именно та простота, которая, по русской пословицѣ, хуже воровства. Съ отстраненіемъ мальтусовыхъ прогрессій, дѣйствительно не подтверждаемыхъ современной статистикой, заключающаяся въ нихъ мысль еще не можетъ почитаться опровергнутой. Что народонаселеніе, размножаясь, не только не встрѣчаетъ, но и не можетъ встрѣтить задержки въ недостаткѣ предметовъ первой необходимости,—это еще нужно доказать критикамъ Мальтуса. Что съ развитіемъ земледѣлія доходъ отъ земли неукоснительно падаетъ и каждый новый капиталъ, прилагаемый къ тому же участку, приноситъ относительно меньшую прибыль, чѣмъ принесъ предыдущій,—это еще имъ надо опровергнуть.

Присоединивъ заключенную въ прогрессіяхъ мысль къ тремъ выставленнымъ самимъ Мальтусомъ тезисамъ, мы такимъ образомъ исчерпаемъ все то, что, составляя сущность «Опыта о народонаселеніи», оспаривается или принимается въ настоящее время подъ именемъ мальтусова ученія. О прогрессіяхъ и о построенныхъ только на нихъ возраженіяхъ мы можемъ на время совершенно забыть [1]), такъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, выдѣляющіе и принимающіе сущность ученія Мальтуса, напр. Адольфъ Вагнеръ. Такъ же свободно можемъ мы игнорировать и всѣ тѣ, къ сожалѣнію, весьма многочисленныя, возраженія, которыя дѣлаются не противъ *настоящаго* ученія Мальтуса, какъ оно нами изложено на предыдущихъ страницахъ, а противъ ученія *воображаемаго*, придуманнаго самими критиками и иногда идущаго въ разрѣзъ съ самыми недвусмысленными положеніями «Опыта».

На возраженіяхъ послѣдняго рода стоитъ остановиться лишь для курьеза. Два-три образчика достаточны, чтобъ показать, какъ побѣдоносно сражаются иные критики съ продуктами

---

[1]) Читатель поэтому не долженъ удивляться, не найдя у насъ ничего, касающагося знаменитыхъ возраженій Чернышевскаго. Сдѣлавши больше кого бы то ни было для опроверженія построенныхъ на прогрессіяхъ выводовъ, Чернышевскій въ то же время не только не оспаривалъ, но прямо принималъ слѣд. два основныхъ положенія Мальтуса: зависимость размноженія отъ увеличенія продовольствія и законъ уменьшенія доходности земли. Милль. Осн. пол. эк., 1860 г., т. I, приложенія, стр. 409, 422.

собственнаго воображенія. Вотъ, напр., что мы читаемъ въ книгѣ Дюринга «Курсъ національной и соціальной экономіи со включеніемъ наставленія къ изученію и критикѣ теоріи народнаго хозяйства и соціализма» [1]): «Воззрѣніе Мальтуса... принадлежитъ нынѣ исторіи и не можетъ уже претендовать на значительное мѣсто въ сочиненіи, стоящемъ на уровнѣ современной науки (т. е. въ сочиненіи самого Дюринга!). Очевидно, что населеніе есть величина, которая уже по чисто математическимъ (?) основаніямъ *не можетъ возрастать безгранично*». Такъ Дюрингъ одной фразой уничтожаетъ Мальтуса, того самаго Мальтуса, который, какъ намъ извѣстно, утверждалъ что «народонаселеніе въ своемъ возрастаніи строго *ограничено*» и проч. Такъ же хорошо знаетъ Мальтуса и г. М. N., обсуждающій въ «Русскомъ Богатствѣ» (1895, № 4), «почему уменьшается народонаселеніе во Франціи». «Кого могъ смущать, читаемъ мы здѣсь (стр. 30), ненормально медленный приростъ, если въ то же время населеніе давало яркія доказательства своей жизненности? Къ тому же, теорія Мальтуса не потеряла еще своей силы и ея сторонникамъ сама жизнь, казалось, давала доказательства ихъ правоты: *населеніе почти не возрастало, а между тѣмъ страна богатѣла, ея производительныя силы расли...*» Дѣйствительно, какъ разъ это самое утверждалъ Мальтусъ своимъ вторымъ тезисомъ гласящимъ, что «народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства къ существованію» [2]).

Возраженія, которыя устраняются простою ссылкою на такую то страницу «Опыта», не могутъ насъ занимать дальше. Намъ слѣдуетъ теперь обратиться къ тѣмъ доводамъ pro и contra, которые имѣютъ въ виду дѣйствительное, а не мнимое мальтусово ученіе и притомъ основныя положенія этого ученія, а не его внѣшнюю форму. Путемъ разбора такихъ возраженій мы надѣемся выяснить, насколько ученіе Мальтуса должно быть признано къ нашему времени опровергнутымъ и въ какой степени, напротивъ, съ нимъ еще приходится считаться современной наукѣ.

---

[1]) Русскій переводъ. С.-Петербургъ, 1893, с. 110.

[2]) Кстати сказать, судьба очень зло посмѣялась надъ г. М. N., при своемъ глубокомъ пониманіи ученія Мальтуса, весьма презрительно къ нему относящемся. Собственный выводъ автора, если только его можно назвать *собственнымъ* (богатство, вмѣсто того, чтобъ повышать рождаемость сильно ее понижаетъ) оказывается *съ точки зрѣнія* г. *М. N* (см. приведенную въ текстѣ цитату), *правовѣрно мальтузіанскимъ!..*

II.

Мальтусовъ «Опытъ о народонаселеніи» въ своемъ первоначальномъ видѣ служилъ отвѣтомъ на «Опытъ о скупости и расточительности» Годвина. Послѣдній, въ свою очередь, отвѣтилъ на него обширнымъ сочиненіемъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «On population; an enquiry concerning the power of increase in the numbers of mankind», 1820. Шагъ за шагомъ слѣдя за своимъ противникомъ, Годвинъ старается здѣсь подорвать всѣ выводы Мальтуса, какъ построенные на ложномъ, по его мнѣнію, основаніи и какъ противорѣчащіе нравственности, здравому смыслу и всеблагому Провидѣнію. Написанная въ приподнятомъ тонѣ и крайне витіевато, полная ламентацій, укоровъ, а подчасъ прямо брани, книга Годвина вызвала со стороны Мальтуса лишь слѣдующій краткій, но выразительный отвѣтъ: «съ тѣхъ поръ, какъ появилось послѣднее изданіе этого труда (т. е. «Опыта о народонаселеніи»), гласитъ приписка 1825 года, вышелъ отвѣтъ г. Годвина; однако его характеръ, и въ отношеніи формы, и въ отношеніи содержанія, таковъ, что, какъ я совершенно увѣренъ, всякій серьезный и честный изслѣдователь истины признаетъ его вмѣстѣ со мною незаслуживающимъ никакихъ возраженій. Возвращать назадъ всю оскорбительную декламацію Годвина было бы столь же неубѣдительно для читателей, сколько и непріятно для меня; а спорить серьезно съ человѣкомъ, который отвергаетъ самые очевидные и лучше всего засвидѣтельствованные факты касательно развитія (населенія?) Америки, Ирландіи, Англіи и др. государствъ и выдвигаетъ съ своей стороны Швецію, одну изъ безплоднѣйшихъ странъ Европы, какъ образчикъ того, чѣмъ можетъ быть естественный приростъ населенія при величайшемъ изобиліи пищи, очевидно, совершенно безполезно, какъ для него самого, такъ и для его читателей, которые сумѣютъ разобраться въ истинѣ». И только: одно презрительное пожиманіе плечами въ отвѣтъ на кропотливое и обстоятельное изслѣдованіе. Нельзя сказать, чтобы Мальтусъ былъ правъ, относясь такимъ образомъ къ труду Годвина, при всѣхъ его внѣшнихъ недостаткахъ заключающему въ себѣ немало серьезныхъ, во всякомъ случаѣ заслуживающихъ нѣкотораго вниманія,

замѣчаній. Для насъ эта книга имѣетъ особенно важное значеніе, потому что, сознательно или безсознательно, позднѣйшіе противники Мальтуса черпали изъ нея большую часть своихъ возраженій. Ознакомившись съ полемикой Годвина [1]), мы съ большею легкостью разберемся въ многообразной критикѣ, которой подвергался «Опытъ» со стороны столь многочисленныхъ и столь различныхъ его теоретическихъ противниковъ.

Въ приведенной нами выше замѣткѣ Мальтусъ горячо протестуетъ противъ вычисленій Годвина, который на примѣрѣ Швеціи старался доказать, что населеніе не растетъ съ быстротою, приписываемой ему въ «Опытѣ». Несправедливый къ своему противнику вообще, Мальтусъ неправъ и въ этомъ частномъ случаѣ. Швеція для Годвина отнюдь не служила примѣромъ того, чѣмъ можетъ быть естественный приростъ населенія при изобиліи пищи; сопоставляя данныя шведскихъ переписей, онъ надѣялся вычислить не естественный, а *дѣйствительный* приростъ населенія и полученные имъ этимъ путемъ выводы безспорно имѣли тогда свою цѣну. Приростъ *возможный* Годвинъ опредѣлялъ совсѣмъ иными и въ общемъ, надо признать, совершенно правильными вычисленіями. На основаніи скудныхъ по тому времени данныхъ о половомъ и возрастномъ составѣ населенія, онъ старался опредѣлить, какой процентъ всего населенія составляютъ взрослыя, способныя къ браку женщины, затѣмъ по таблицамъ рожденій онъ устанавливалъ число дѣтей, приходящихся въ среднемъ на одну семью и тому под., чтобы въ концѣ концовъ придти къ тому выводу, что геометрическая прогрессія Мальтуса преувеличиваетъ быстроту возможнаго прироста. Изъ такихъ, опирающихся на факты, возраженій авторъ «Опыта о народонаселеніи», если бы онъ справедливѣе отнесся къ своему оппоненту, могъ бы несомнѣнно извлечь себѣ нѣкоторую пользу [2]). Но намъ,

---

[1]) Въ виду невозможности получить англійскій подлинникъ труда Годвина, составляющій теперь большую библіографическую рѣдкость, мы пользовались его французскимъ переводомъ (полное заглавіе котораго приведено выше).

[2]) Годвиномъ между прочимъ указана была впервые ошибка, которую сдѣлалъ Мальтусъ, оставивъ безъ вниманія вліяніе иммиграціи на ростъ населенія въ Америкѣ. Самъ Годвинъ, впрочемъ, относительно Америки поддерживалъ заразъ нѣсколько взаимно исключающихъ положеній: и то, что, если приростъ населенія тамъ великъ, приростъ продовольствія еще больше (т. I, стр. 357), чего не отрицалъ и Мальтусъ, и то, что быстрота этого роста зависитъ *исключительно* отъ иммиграціи (т. II, стр. 197), и то,

интересующимся преимущественно принципіальными возраженіями противъ самыхъ основъ мальтусова ученія, намъ нечего дѣлать съ поправками, обнаруживающими неточность или даже ошибочность прогрессій. Посмотримъ лучше, какъ оспаривается Годвиномъ выраженная въ прогрессіяхъ мысль о постоянномъ стремленіи населенія превысить средства существованія.

«Общепризнанная истина, говоритъ Годвинъ (т. II, стр. 8), что всякое человѣческое существо одарено отъ природы способностью производить гораздо больше пищи, чѣмъ сколько ему самому нужно для пропитанія». Мысли этой Годвинъ ничѣмъ не доказываетъ, не подтверждаетъ фактами, онъ на нее просто ссылается, какъ на вполнѣ очевидную и общепризнанную истину. Неубѣдительность такого довода настолько очевидна, что остается только удивляться, какъ могъ онъ отъ Годвина перейти и къ позднѣйшимъ писателямъ, воспроизводящимъ его и до сихъ поръ въ той же рѣшительной, но голословной формѣ. Серьезнѣе выглядитъ на первый взглядъ другое возраженіе Годвина. «Поскольку животныя служатъ пищею человѣку, читаемъ мы въ первомъ томѣ (стр. 556) его трактата, ихъ размноженіе должно подчиняться тому же закону, какъ и ростъ человѣческаго населенія. Если гдѣ-либо замѣчается геометрическая прогрессія, то это, разумѣется, въ растительномъ царствѣ по отношенію къ продуктамъ земли». То же самое, но еще рѣшительнѣе, утверждалъ позднѣе и Сисмонди. «Разсуждая абстрактно, говорилъ онъ [1]), мы должны признать, что размноженіе растеній слѣдуетъ гораздо болѣе быстрой геометрической прогрессіи, чѣмъ размноженіе животныхъ, а послѣднее гораздо болѣе быстро, чѣмъ размноженіе людей».

Однако, поскольку здѣсь дѣло идетъ о растеніяхъ, какъ растеніяхъ, и о животныхъ, какъ животныхъ, въ сущности то же самое говорилъ Мальтусъ, нисколько не отрицавшій ихъ быстраго размноженія (ср. первыя страницы его «Опыта»). Вопросъ нѣсколько измѣнится въ томъ случаѣ, если мы начнемъ смотрѣть на растенія и животныхъ, какъ на *пищу* людей. Ихъ размноженіе тогда уже нельзя разсматривать, какъ сколько-

---

наконецъ, что большого прироста населенія въ Америкѣ вовсе не замѣчается (т. II, ii).

[1]) Nouveaux principes d'Economie Politique ou de la Richesse dans ses raports avec la Population, 1827, т. I. стр. 271.

нибудь свободное и безпрепятственное, ибо оно постоянно прерывается потребленіемъ человѣка [1]). Но въ такомъ случаѣ, протестуетъ Годвинъ, а за нимъ и многіе современные критики (напр. Феттеръ), [2]) нельзя сравнивать тенденцію, *возможный* приростъ населенія, съ дѣйствительнымъ приростомъ продуктовъ первой необходимости: вѣдь не *возможность* геометрической прогрессіи опредѣляется данною быстротою увеличенія продуктовъ, ясно, что поэтому между ними и нѣтъ соотвѣтствія. Но Мальтусъ ничего иного не говоритъ. Половое стремленіе, не сдерживаемое предусмотрительностью, приводитъ, по его словамъ, къ количеству рожденій, превышающему наличные запасы пищи; равновѣсія между рожденіями и продовольствіемъ нѣтъ, но есть искусственное равновѣсіе между наличнымъ населеніемъ и даннымъ количествомъ продовольствія. Населенію, размножающемуся по его собственнымъ законамъ, приходится, слѣдовательно, въ дальнѣйшемъ существованіи имѣть дѣло съ дѣйствительнымъ приростомъ продовольствія, оттого это послѣднее и позволительно сравнивать съ возможнымъ размноженіемъ людей для опредѣленія того ихъ количества, которое падаетъ жертвою перенаселенія.

Отвергнувъ сначала, какъ мы сейчасъ видѣли, не только наличность, но и самую возможность перенаселенія, Годвинъ тотчасъ же, съ свойственнымъ ему умѣніемъ отстаивать прямо противуположныя утвержденія, начинаетъ доказывать, что замѣчаемый теперь недостатокъ въ продуктахъ первой необходимости ничего фатальнаго въ себѣ не заключаетъ и въ будущемъ никакими опасностями не грозитъ. Недостатокъ этотъ, наличность котораго сначала имъ отрицалась, а теперь признается, обусловленъ, по мнѣнію Годвина, несовершенствомъ техники и существующимъ характеромъ распредѣленія. Тутъ же [3]), нѣсколько неожиданно, онъ формулируетъ, не заботясь о доказательствахъ, слѣдующій общій *законъ*: «способность людей къ размноженію не превышаетъ способности къ постояннымъ усовершенствованіямъ, которыя человѣческій умъ будетъ постоянно вносить въ дѣло изготовленія предметовъ потребленія».

---

[1]) См. Roscher, Systeme der Volkswirtschaft, I. B. 5 Buch, § 242. Ср. также Kautsky, Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. 1880, стр. 106.

[2]) Versuch einer Bevölkerungslehre etc., стр. 23—24.

[3]) Recherches etc., т. II, стр. 468.

Съ другой стороны, «земля подѣлена между людьми не такъ, какъ бы это слѣдовало... Пока существуетъ современное ея раздѣленіе, недостаточности продуктовъ нельзя приписыват вліянія на ростъ населенія» [1]). Къ сожалѣнію, послѣдняго своего замѣчанія. которому, какъ мы увидимъ ниже, суждено сдѣлаться специфически соціалистическимъ возраженіемъ противъ мальтусова ученія, Годвинъ, одинъ изъ первыхъ соціалистовъ, почти не развиваетъ. Зато онъ предается пространнымъ разсужденіямъ (т. I, стр. 218) о томъ, что было бы, еслибы правительства, «выполняя свято свои обязанности, вошли во взаимное соглашеніе и разселили народы по земной поверхности вполнѣ раціонально, наполнивъ безлюдныя, но плодородныя страны»...

Положительные выводы, которые дѣлаетъ Годвинъ изъ своей полемики съ Мальтусомъ, заключаются въ томъ, что человѣчеству нѣтъ никакого основанія бояться перенаселенія, что воздержаніе отъ брака, ненужное въ указанныхъ Мальтусомъ цѣляхъ, безнравственно и нежелательно (исключеніе онъ дѣлаетъ лишь для «развратниковъ» и «геніальныхъ людей»!), а что желательны *реформы*, какъ въ области распредѣленія, такъ и въ области управленія.

Мы познакомились со всѣми теоретическими возраженіями Годвина противъ Мальтуса и могли убѣдитеся, что въ сущности они ни мало не опровергаютъ ученія послѣдняго. Неудовлетворительность полемики Годвина заключается, съ одной стороны, въ бездоказательности выставленныхъ имъ тезисовъ, съ другой— въ ихъ полнѣйшей несогласованности между собой. Критикуя «Опытъ о народонаселеніи» съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и поддерживая при этомъ разнообразныя, взаимно исключающія положенія, Годвинъ производитъ впечатлѣніе человѣка, не имѣющаго своего собственнаго твердаго мнѣнія о предметѣ и только задавшагося цѣлью, во что бы то ни стало, сокрушить своего противника. Послѣдняго, впрочемъ, онъ не достигъ и авторитетъ Мальтуса, пользовавшагося въ то время въ Англіи огромной популярностью, нисколько не былъ умаленъ этой полемикою. Однако доводы Годвина остались все-же не опровергнутыми ни самимъ Мальтусомъ, ни его ближайшими послѣдователями; неудивительно, что ими, этими доводами, на-

---

[1]) Op. cit. т. II, стр. 237.

чинаютъ пользоваться другіе критики «Опыта». Полемика Годвина теперь, такъ сказать, *разчленяется*: различныя его возраженія воспринимаются различными писателями, стремящимися ихъ обосновать и развить дальше. Такъ возникаетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ троякимъ характеромъ возраженій Годвина три рода критики «Опыта».

A. Критика, отвергающая какъ наличность такъ и возможность перенаселенія.

B. Критика, дающая особое объясненіе фактамъ перенаселенія.

и C. Критика, допускающая наличность перенаселенія, но считающая возможнымъ, такъ или иначе, устранить его въ будущемъ.

Разсмотримъ вкратцѣ всѣ соотвѣтствующія этимъ тремъ установленнымъ нами рубрикамъ возраженія [1]).

A. Мальтусомъ, какъ извѣстно, вопросъ о населеніи былъ впервые поставленъ, или, вѣрнѣе, впервые былъ формулированъ въ опредѣленныхъ выраженіяхъ и обставленъ извѣстнымъ количествомъ доказательствъ (предшественниковъ Мальтуса въ этомъ отношеніи мы здѣсь не находимъ нужнымъ касаться). До него среди экономистовъ (исключеніе составляли физіократы) [2]) и государственныхъ людей господствовало убѣжденіе, что народонаселеніе никогда не можетъ быть слишкомъ велико. «Такъ какъ въ странѣ не можетъ быть черезчуръ много жителей, говорилъ Юсти, то нужно заботиться прежде всего о томъ,

---

[1]) Иныя классификаціи этихъ возраженій см. въ книгѣ Джемса Бонара, стр. 394 и сл., и въ обстоятельной статьѣ Эльстера; Bevölkerungslehre u. Bevölkerungspolitik (Handwörterbuch der Staatswissensch., т. II), стр. 502. (Есть въ рус. переводѣ, сборникъ «Народонаселеніе», изд. М. Водовозовой).

[2]) Насколько близко подходили эти послѣдніе къ основнымъ положеніямъ Мальтуса, видно изъ слѣдующихъ словъ *Кенэ* и *Летрона*: „Partout, où la population jouit d'une vie paisible, elle s'accroît ordinairement au-delà du produit du territoire (Analyse du tableau èconomique, стр. 59, по изд. Гильомэна). „Qu'on soit moins attentif à l'augmentation de la population qu'à l'accroissement des revenus" (Maximes, XXVI). „La population,.. se proportionne toujours aux moyens de subsistance, quoiqu'elle les excéde plutôt qu'elle ne reste au-dessous" (Le-Trône, De l'intérêt social, стр. 897): Но что этотъ теоретическій взглядъ не исключалъ еще у физіократовъ и взгляда прямо противоположнаго, видно изъ слѣд. заявленія того же Кэнэ: „L'augmentation des revenus augmente la population et *la population augmente les revenus*" (Grains, стр. 205). Ср. также Maximes du doct. Quesnay, 391. Это обстоятельство, а также полная бездоказательность популяціонистическихъ положеній физіократовъ и были вѣроятно причинами того, что соотвѣтственная часть ихъ ученія оказала наименьшее вліяніе на современниковъ, если не считать вліянія, испытаннаго Мальтусомъ.

чтобы по возможности усиливать ростъ населенія». И государственные люди того времени дѣйствительно заботились объ этомъ, награждая особыми преміями или освобождая отъ нѣкоторыхъ повинностей отцовъ многочисленныхъ семей, снисходительно относясь къ незаконнымъ рожденіямъ и поощряя иммиграцію. Откуда же проистекала эта вѣра въ полную благодѣтельность многочисленнаго населенія? Человѣка тогда разсматривали съ точки зрѣнія тѣхъ выгодъ, которыя онъ могъ принести государству, и разсуждали такъ: чѣмъ больше людей, тѣмъ больше ремесленниковъ и торговцевъ, тѣмъ, значитъ, государство *богаче*. Чѣмъ больше людей, тѣмъ больше солдатъ и, слѣдовательно, тѣмъ государство *сильнѣе*. Ни одно положеніе государственной науки не казалось въ XVIII в. столь прочно установленнымъ, какъ это. Сомнѣнія въ возможности для населенія добыть себѣ необходимое пропитаніе почти не возбуждались, наоборотъ, господствовало убѣжденіе, что населеніе, «согласно *естественному* порядку вещей, размножается менѣе быстро, чѣмъ увеличивается производство» (Turgot, Septième lettre sur la liberté du commerce des grains [1]).

Великая, неумирающая заслуга Мальтуса, по словамъ Вагнера [2]) заключается въ томъ, что онъ выступилъ противникомъ оптимистическаго взгляда въ вопросѣ населенія и указалъ на зависимость послѣдняго отъ наличнаго количества и возможнаго умноженія предметовъ потребленія. Сочиненіе Мальтуса однимъ ударомъ повергло въ прахъ оптимистическую вѣру XVIII вѣка; благодаря ему, то, что казалось до тѣхъ поръ несомнѣннымъ, сдѣлалось устарѣлымъ предразсудкомъ, а то, что приняли бы раньше за парадоксъ, теперь признавали за аксіому. Однако, не смотря на поразительную рѣзкость происшедшаго въ общественномъ мнѣніи переворота, не всѣхъ, разумѣется, «Опытъ» Мальтуса убѣдилъ въ одинаковой мѣрѣ. Оптимизмъ слишкомъ свойственъ людямъ, чтобъ отъ него такъ легко могли отдѣлаться и въ вопросѣ о населеніи. Такимъ образомъ,

---

[1]) „La plus grande quantité des salaires offerts et l'aisance du peuple augmentent la population: mais cette augmentation est, suivant l'ordre de la nature, bien moins prompte que celle des productions". Oeuvres de Turgot, Guillaumin, 1844, т. I, p. 122. Физіократъ по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ, Тюрго такимъ образомъ, отдавая дань господствовавшему въ въ его время взгляду, отдалялся отъ мнѣній нѣкоторыхъ изъ своихъ единомышленниковъ (ср. приведенныя выше слова Летрона).

[2]) Lehr- und Handbuch, стр. 453.

первое изъ приведенныхъ нами возраженій Годвина и всѣ подобныя возраженія Бастіа, Кэри и другихъ «гармонистовъ» являются, въ сущности, простымъ *переживаніемъ* нѣкогда господствовавшаго убѣжденія. Самой исторіей теперь уже осуждена оптимистическая вѣра въ способность человѣка производить всегда, при всякихъ условіяхъ, больше, чѣмъ онъ потребляетъ, а между тѣмъ и до сихъ поръ встрѣчаются такіе противники Мальтуса, которые ограничиваются повтореніемъ этого положенія, не трудясь даже подыскать для него какихъ либо доказательствъ [1]).

Самъ Мальтусъ, поставивъ вопросъ на вполнѣ опредѣленную почву, какъ бы указалъ своимъ критикамъ, въ какомъ направленіи можно оспаривать его выводъ. Однако, формулированный имъ и развитый Миллемъ законъ уменьшенія доходности земли съ развитіемъ культуры — не встрѣтилъ со стороны «оптимистовъ» никакихъ фактическихъ опроверженій и нынѣ большинствомъ экономистовъ принимается, какъ несомнѣнный. Возраженіемъ противъ него едва ли можно считать ссылку Джорджа (Progress and Poverty) на законъ сохраненія энергіи, не допускающій будто бы нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ.

Человѣкъ въ сущности, говоритъ Джорджъ [2]), ничего не производитъ и ничего не потребляетъ; количество силъ, заключенныхъ во вселенной, не уменьшается и не увеличивается, оно остается всегда равнымъ себѣ. Отсюда Генри Джорджъ находитъ возможнымъ заключить и къ неистощимости необходимаго для человѣка продовольствія [3]). Подобный логическій скачекъ, однако, ничѣмъ не можетъ быть оправданъ: неистощимость силъ природы (какъ ее понимаетъ Джорджъ) еще не дѣлаетъ невозможнымъ неравномѣрное ихъ распредѣленіе между общею массой питательныхъ веществъ и населеніемъ земного шара. Вѣдь если $S=a+b$, то оно будетъ равно и $(a-d)+(b+d)$. Иными словами: неуничтожаемость матеріи и силы ничего не

---

[1]) См. La „population“ par Edourd van der Smissen, стр. 8 и многія другія мѣста этого обширнаго, но мало содержательнаго труда.

[2]) Progrès et pauvreté, traduit par Le Monnier, 1887, p. 126.

[3]) Самъ Джорджъ, впрочемъ, дѣлаетъ уступку мальтусову ученію, признавая, что размноженіе людей можетъ встрѣтить препятствіе въ *ограниченности пространства*. Только эта опасность кажется ему „очень отдаленной“. Въ остальныхъ своихъ возраженіяхъ Джорджъ повторяетъ обычные доводы оптимистовъ.

говоритъ о характерѣ ихъ воплощенія въ тѣ или иныя формы и нисколько не предрѣшаетъ того отношенія, которое установится между этими формами [1]). Образцомъ поразительной смѣлости Джорджа, не останавливавшагося для опроверженія Мальтуса ни предъ какими, самыми рискованными, утвержденіями, можетъ служить его попытка оспорить существованіе прироста населенія вообще. Исходя изъ того соображенія [2]), что каждый человѣкъ, имѣетъ ли онъ дѣтей или нѣтъ, во всякомъ случаѣ имѣетъ двоихъ родителей, изъ коихъ каждый можетъ также назвать отца и мать, Джорджъ видитъ въ этомъ какъ бы обратную геометрическую прогрессію, наибольшій членъ которой скрывается во мракѣ древности... Увы, всякая критика теряетъ свою силу, когда читатель начинаетъ безпокоиться за умственныя способности самого критика...

Болѣе умѣреннымъ, но не болѣе основательнымъ оптимизмомъ отличаются взгляды писателей, признающихъ, что единичными усиліями человѣкъ производитъ не всегда столько, сколько онъ потребляетъ, но полагающихъ, что выгоды сотрудничества обращаютъ это отношеніе въ его пользу. Впервые такой доводъ противъ Мальтуса былъ выставленъ Прудономъ, формулировавшимъ свой «законъ» такимъ образомъ: если населеніе увеличивается, слѣдуя прогрессіи 1 : 2 : 4 : 8 и т. д., то производительная сила людей, благодаря развитію коопераціи, растетъ, какъ квадраты этихъ чиселъ: 1 : 4 : 16 : 64...[3]). Подобный же взглядъ

---

[1]) Подобно Джорджу, но проще его, разсуждалъ Леру (см. Die Stellung der Socialisten zur Malthus'schen Bevölkerungslehre, von H. Soetbeer, стр. 23), полагавшій, что своимъ удобреніемъ человѣкъ въ достаточной мѣрѣ обезпечиваетъ себѣ пропитаніе. Къ сожалѣнію, тутъ упускалось изъ виду то обстоятельство, что не удобреніе предшествуетъ принятію пищи, а какъ разъ наоборотъ, ѣда—удобренію, и что поэтому тѣ, для кого, по картинному выраженію Мальтуса, „за великимъ пиршествомъ природы не оказалось прибора“, не могутъ себѣ обезпечить дальнѣйшаго пропитанія даже и указаннымъ Леру способомъ.

[2]) Progrès et pauvreté, стр. 105—106.

[3]) По справедливости названное „системой противорѣчій“ (Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère), сочиненіе Прудона, кромѣ вышеприведеннаго „опроверженія“ мальтусова закона (стр. 367, изд. 1872 г.), содержитъ въ себѣ полное признаніе, какъ сущности ученія Мальтуса, такъ и его прогрессій. Вотъ характерныя признанія: „La production et la population sont l'une à l'autre effet et cause“ (317). „La misère existe, c'est à dire que la subsistance est insuffisante, et le nombre des bouches à nourrir *trop grand* (!). Cela est incompréhensible, mais enfin cela est. Ce que nous venons d'ajouter *n'en est que le commentaire*“ (323). „Accroissement de la population selon une progression géometrique; augmentation des subsistances, selon une progression arithmétique: ce théorème est *aussi bien* demontré que tous ceux d'algèbre“ (325). При-

развивался и Дюрингомъ. Заявивши сначала, что размноженіе народонаселенія есть увеличеніе производительныхъ силъ, онъ, съ своей стороны, выставляетъ слѣдующій «законъ»: «потребности, если только онѣ не расширяются произвольно (?!), по мѣрѣ увеличенія производства, возрастаютъ лишь пропорціонально числу людей, тогда какъ силы послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ пропорціонально». Вообще, по мнѣнію Дюринга, «человѣкъ гораздо больше зависитъ отъ самого себя и отъ устройства сотрудничества, нежели отъ природы» [1]).

Не трудно замѣтить, какъ шатки всѣ эти возраженія. Не говоря уже о полной произвольности всякихъ «законовъ», претендующихъ втиснуть въ опредѣленныя рамки не поддающійся никакому учету прогрессъ сотрудничества, самая ссылка на него столь же мало говоритъ противъ Мальтуса, какъ и ссылка Годвина на прогрессъ техники. Роли сотрудничества и техники Мальтусъ не отвергаетъ (хотя и умаляетъ ихъ значеніе), тѣмъ не менѣе, при его постановкѣ всего вопроса, когда ограниченіемъ для размноженія людей принимается не ихъ безсиліе, но ограниченность питательныхъ веществъ въ самой природѣ, никакого *рѣшающаго* значенія роль эта имѣть не можетъ. Намъ думается также, что ближе къ истинѣ былъ Мальтусъ, который, вопреки Дюрингу, полагалъ, что «человѣкъ зависитъ меньше отъ себя, чѣмъ отъ природы».

В. Своей теоріей перенаселенія Мальтусъ, выражаясь его словами, надѣялся объяснить «большую часть пороковъ и несчастій и то неравномѣрное распредѣленіе даровъ природы, исправить которое было во всѣ времена заботою просвѣщенныхъ филантроповъ» [2]). Однако, въ приложеніи своей теоріи къ явленіямъ дѣйствительной жизни Мальтусъ былъ менѣе счастливъ, чѣмъ въ чисто научномъ анализѣ различныхъ факторовъ, вліяющихъ на размноженіе людей. Оно и неудивительно: отдѣльное явленіе не всегда легко привести въ непосредственную связь съ дѣйствіемъ общихъ причинъ, затемняемыхъ вліяніемъ многихъ побочныхъ условій. Мальтусъ между тѣмъ охотно игнорировалъ всякаго рода второстепенные факторы, чтобы выдвигать слиш-

---

знавъ такимъ образомъ, наличность и неизбѣжность абсолютнаго перенаселенія, Прудонъ ищетъ далѣе какого-то „равновѣсія между населеніемъ и земнымъ шаромъ“ (347) и находитъ его въ указанномъ выше „законѣ“. Все это сопровождается невыносимой и безсодержательной декламаціей.

[1]) „Курсъ“, русскій переводъ, стр. 94, 95 и 100.

[2]) Essay, стр. 2.

комъ часто на первый планъ неограниченное и непосредственное воздѣйствіе основной и единственной, по его мнѣнію, причины—перенаселенія. Уже Годвинъ, какъ мы видѣли, справедливо указывалъ на невозможность, при объясненіи существующей бѣдности, оставлять безъ вниманія такой могущественный факторъ, какимъ является современное распредѣленіе земельной собственности. Сисмонди это указаніе развилъ съ большою полнотой. «Никогда, говоритъ онъ [1]), населеніе не достигаетъ и никогда, вѣроятно, не достигнетъ предѣловъ возможнаго увеличенія пищи: тѣ, за кѣмъ законъ признаетъ монополію землевладѣнія, не имѣютъ выгоды въ томъ, чтобы извлекать изъ нея все возможное количество продовольствія. Повсюду земельные собственники противились и должны были противиться такой системѣ обработки, которая имѣла бы исключительной цѣлью увеличеніе продуктовъ, а не ихъ барышей. Задолго до тѣхъ поръ, когда ростъ населенія столкнется съ неспособностью земли производить больше пищи, онъ остановится отъ отсутствія средствъ *пріобрѣсти* себѣ продовольствіе или возможность его заработать». До сихъ поръ Сисмонди не говоритъ ничего, чего не было бы извѣстно и Мальтусу [2]). Но Сисмонди идетъ дальше: онъ отвергаетъ всякое вліяніе абсолютнаго перенаселенія на положеніе современнаго рабочаго, онъ его объясняетъ цѣликомъ неудовлетворительностью общественной организаціи, при которой «рабочіе будутъ умирать съ голоду близъ полей, возвращающихся, за отсутствіемъ обработки, къ первобытному состоянію». «Аристократія, возражаетъ Мальтусу Сисмонди (стр. 174), обладаетъ повсюду достаточнымъ продовольствіемъ; она бы должна поэтому размножиться настолько, что ея потомки впали бы въ крайнюю бѣдность. На дѣлѣ происходитъ обратное». Причина та, что «немногія семьи» обращаютъ всегда въ свою пользу достояніе цѣлаго народа. Не сочувствуя искусственнымъ мѣрамъ покровительства размноженію, нашъ авторъ не сочувствуетъ и предложенной Мальтусомъ мѣрѣ—прекратить оффиціальную помощь бѣднякамъ. «Лекарство, говоритъ онъ, надо искать подальше. Надо уничтожить не классъ бѣдняковъ, а

---

[1]) Nouveaux Principes etc., II, стр. 269.

[2]) См. Essay III, ch. X, и въ особенности заключительныя слова: «существуетъ граница, которой капиталъ и населеніе, возрастая, должны достигнуть, но которой они не могутъ преступить; *эта граница, благодаря частной собственности,* еще весьма *удалена отъ крайняго предѣла* производительной силы земли».

классъ поденщиковъ, сдѣлавъ ихъ собственниками [1]). При всемъ этомъ Сисмонди присоединяется къ опасеніямъ Мальтуса относительно возможнаго (но представляющагося ему весьма отдаленнымъ) перенаселенія.

Убѣжденіе Сисмонди, что бѣдствія рабочаго класса обусловливаются современнымъ экономическимъ строемъ и что абсолютное перенаселеніе здѣсь не при чемъ, раздѣляется и современными соціалистами. Но только они идутъ дальше Сисмонди, и притомъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, соціалисты не ограничиваются ссылкой на земельныя отношенія, но анализируютъ также, и даже преимущественно, явленія промышленной жизни и, во-вторыхъ, они (или, вѣрнѣе, многіе изъ нихъ) не раздѣляютъ опасеній Сисмонди относительно черезчуръ быстраго размноженія людей и отрицаютъ совершенно такъ наз. мальтусовъ законъ населенія. «Каждому исторически-особенному способу производства, говоритъ Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» [2]), соотвѣтствуетъ свой собственный законъ возрастанія населенія, имѣющій только историческое значеніе. Абстрактный и неизмѣнный законъ размноженія существуетъ лишь для растеній и животныхъ». А специфически-капиталистическій законъ населенія, по Марксу, состоитъ въ томъ, что, способствуя накопленію капитала и притомъ капитала постояннаго за счетъ оборотнаго, рабочіе, такимъ образомъ, сами вытѣсняютъ себя изъ производства и создаютъ резервную армію безработныхъ или явленіе, именуемое имъ *относительнымъ перенаселеніемъ*. Послѣднее въ глазахъ Маркса не имѣетъ никакой связи съ перенаселеніемъ абсолютнымъ и совершенно не зависитъ отъ того, съ какою быстротою размножается человѣчество. Даже больше: для человѣчества не существуетъ вовсе такого общаго закона размноженія, какъ для растительнаго и животнаго міра, гдѣ происходитъ постоянная борьба за существованіе исключительно только въ силу чрезмѣрной плодовитости породъ.

Нельзя сказать, чтобы это отрицаніе приложимости къ человѣческому обществу закона Мальтуса опиралось у Маркса на какія бы то ни было доказательства; въ сущности оно совершенно голословно и, хотя и находится въ тѣсной связи съ его

---

[1]) Ce n'est pas la classe des pauvres, c'est la classe des journaliers qu'il faut faire disparaître, qu'il faut faire rentrer dans celle des propriétaires". Op. cit, 308 стр.

[2]) Traduction de m-r Roy, т. I, стр. 78—79.

общимъ соціологическимъ міросозерцаніемъ, тѣмъ не менѣе не является вполнѣ обязательнымъ логическимъ выводомъ изъ него. Въ послѣднемъ мы убѣждаемся лучше всего на томъ фактѣ, что нѣкоторые ученики Маркса, напр. Каутскій, принимающій все его экономическое и соціологическое ученіе цѣликомъ, расходятся со своимъ учителемъ въ этомъ спеціальномъ пунктѣ и признаютъ справедливость установленнаго Мальтусомъ закона. Ниже мы займемся разсмотрѣніемъ этого закона по существу; здѣсь же будетъ достаточно замѣтить, что отрицать его—значитъ отрицать приложимость къ человѣческому обществу ученія Дарвина о борьбѣ за существованіе, значитъ отнимать главную опору у эволюціонной доктрины, значитъ отказываться отъ всѣхъ послѣднихъ пріобрѣтеній въ области соціологіи. Всѣмъ этимъ не слѣдовало бы смущаться въ виду серьезныхъ доводовъ, но все это служитъ нѣкоторымъ противовѣсомъ противъ одного голословнаго заявленія автора «Капитала». Взглядъ Ланге и Адольфа Вагнера [1]), разсматривающихъ специфическій законъ населенія въ капиталистически организованномъ обществѣ только какъ частный, своеобразно измѣненный случай общаго закона природы, кажется намъ болѣе основательнымъ и справедливымъ.

Основательность соціалистической критики [2]) ограничивается, такимъ образомъ, въ высшей степени важнымъ указаніемъ на существованіе въ современномъ обществѣ перенаселенія, обусловленнаго не общими законами природы, но спефическими особенностями капиталистической формы. Этого Мальтусъ совершенно не понималъ (ибо его разсужденія о значеніи частной собственности не привели его къ такому ясному выводу), а это служитъ важнымъ коррективомъ къ практической части его ученія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ соціалистической критикѣ мы не находимъ опроверженій (а со стороны нѣкоторыхъ соціалистовъ—Марло, Каутскаго и др.—встрѣчаемъ даже прямое признаніе) того, заключеннаго въ прогрессіяхъ, обобщенія Мальтуса, согласно которому населеніе имѣетъ постоянную тенденцію размноженія быстрѣе средствъ къ существованію.

С. Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о той кри-

---

[1]) «Рабочій вопросъ», русскій пер. г. Блока, 1892, гл. V. Lehr-und-Handbuch стр. 460—461.

[2]) Аналогичные съ Марксомъ взгляды высказывались Энгельсомъ (см. статью Эльстера, въ новѣйшее же время Шиппелемъ: Das moderne Elend u. die moderne Uebervölkerung 1889, и Бебелемъ: Die Frau und der Socialismus, Neunte Auflage, 1895.

тикѣ «Опыта», которая, допуская возможность и даже наличность перенаселенія, вѣритъ въ то же время, что въ будущемъ, при помощи разнообразныхъ мѣръ, человѣчеству удастся избавиться отъ его опасностей. Къ этой категоріи критиковъ относятся прежде всего нѣкоторые изъ соціалистовъ, утверждавшіе, что организованное на соціалистическихъ началахъ общество дастъ импульсъ къ распространенію въ населеніи привычекъ къ самообузданію (т. е. мальтусова moral restraint). Такъ въ общемъ, съ нѣкоторыми различіями въ подробностяхъ, думали Томсонъ, Фурье, Луи Бланъ и Марло [1]).

Тѣ же разсчеты на сокращеніе размноженія въ будущемъ, хотя и по другимъ причинамъ, питали Грэхамъ, Вейландъ и Сеніоръ, представители чистаго оптимизма [2]). Къ этой категоріи критиковъ надо отнести тѣхъ писателей, которые возлагаютъ надежды на установленіе равновѣсія путемъ увеличенія средствъ пропитанія. Здѣсь надо прежде всего назвать Оуэна, по мнѣнію котораго „Мальтусъ правъ, утверждая, что населеніе постоянно приноровляется къ количеству пищи, производимой для его существованія; напрасно только, возражаетъ Оуэнъ, онъ не упоминаетъ, насколько болѣе пропитанія добудетъ разумный и трудолюбивый народъ отъ даннаго количества почвы сравнительно съ невѣжественнымъ и худо управляемымъ народомъ. Это такое же отношеніе, какъ отношеніе единицы къ безконечности“ [3]). Къ аналогичному выводу пришелъ Ф. Листъ, ожидавшій многаго отъ дальнѣйшаго развитія техники и агрономіи. Сюда же, наконецъ, надо отнести и тѣхъ ученыхъ, которые, подобно Талльквисту и Левассеру, усиленное размноженіе ставятъ въ зависимость отъ бѣдности и утверждаютъ, что съ увеличеніемъ богатства населеніе будетъ уве-

---

[1]) Томсонъ и Марло признавали возможнымъ, чтобы государство, организованное по ихъ планамъ, строго регулировало размноженіе; Фурье видѣлъ гарантію противъ перенаселенія въ привлекательности труда, прогрессѣ кулинарнаго искусства, укрѣпленіи женскаго организма и большей свободѣ половыхъ отношеній; все это явится въ результатѣ устройства фаланстеровъ. Луи Бланъ разсчитывалъ на упроченіе положенія рабочаго и на его большую предусмотрительность вслѣдствіе этого. Томсонъ, Марло и Луи Бланъ открыто признавали справедливость мальтусова закона въ примѣненіи къ современному обществу. См. Soetbeer, op. cit., соотвѣтствующіе §§.

[2]) См. цитированную статью Эльстера.

[3]) «Объ образованіи характера. Новый взглядъ на общество». Русскій переводъ, 1893, стр. 109. Зетберъ (op. cit. стр. 21) ошибочно утверждаетъ, что Оуэнъ никогда не касался вопроса о населеніи.

личиваться все медленнѣе; такимъ образомъ будто бы человѣчество и избѣгнетъ всѣхъ бѣдствій перенаселенія. По существу взглядъ этотъ будетъ разсмотрѣнъ нами въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Онъ во всякомъ случаѣ не помѣшаетъ намъ придти къ тому заключенію, что всѣ писатели этой категоріи ничуть не отвергаютъ и не оспариваютъ истинности мальтусова ученія, они только возстаютъ противъ того пессимизма, съ которымъ Мальтусъ смотритъ на будущее, и съ своей стороны указываютъ на существованіе различныхъ коррективовъ, которые, съ теченіемъ времени, могутъ смягчить или парализовать дѣйствіе нынѣ ничѣмъ не сдерживаемаго размноженія. Ясно, что о какомъ-нибудь опроверженіи Мальтуса въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

III.

Мы разсмотрѣли вкратцѣ троякую критику „Опыта", критику, имѣющую своимъ родоначальникомъ Годвина, и выводъ нашъ таковъ: ученіе Мальтуса, въ томъ единственномъ пунктѣ, въ которомъ оно до сихъ поръ только и разсматривалось, т. е. въ отношеніи къ указанной Мальтусомъ тенденціи населенія, опровергнутой почитаться не можетъ, но мы еще пока ни словомъ не упомянули о самой важной критикѣ „Опыта", той, которую именуютъ *научной* и которой приписывается заслуга окончательнаго опроверженія всего ученія Мальтуса. Мы разумѣемъ критику біологическую, первымъ представителемъ которой является Дёбельде (Doubleday), дальнѣйшимъ, самымъ горячимъ и шумнымъ представителемъ—Кэри (Carey) и, наконецъ, самымъ ученымъ и авторитетнымъ—Гербертъ Спенсеръ. Соотвѣтственно тому рѣшающему значенію, которое придается біологической критикѣ, мы ей удѣлимъ въ нашемъ очеркѣ особенно много мѣста и вниманія.

Въ своемъ „Истинномъ законѣ населенія" („True law of population shewn to be connected with the food of the people", 1840 г.) Дёбельдэ утверждаетъ, что всякая животная порода дѣлаетъ тѣмъ большее усиліе къ самоподдержанію путемъ размноженія, чѣмъ большая опасность грозитъ ей въ видѣ недостаточнаго питанія. „Обильное питаніе, говоритъ онъ, задерживаетъ размноженіе, тогда какъ ограниченное или недостаточное усиливаетъ его". На черезчуръ сильно удобренной почвѣ, по-

ясняетъ Дёбельдэ свою мысль примѣрами, растенія часто не приносятъ плодовъ, точно также и откормленныя на убой животныя перестаютъ плодиться. Тѣ же разсужденія прилагаются имъ къ человѣку. Хуже всего питающійся классъ,—рабочихъ, всего сильнѣе и размножается, напротивъ, аристократія, не чувствующая недостатка въ предметахъ первой необходимости, подчасъ даже вымираетъ, благодаря недостаточности своего естественнаго прироста. Отсюда нашъ критикъ почерпаетъ вѣру, противупоставляемую имъ пессимистическимъ предвидѣніямъ Мальтуса, что въ будущемъ, когда питаніе человѣка, и притомъ всѣхъ классовъ людей, значительно улучшится, генезисъ или размноженіе значительно сократится и перенаселеніе не будетъ имѣть мѣста.

Наиболѣе вѣскую критику изложенныхъ нами біологическихъ соображеній находимъ мы у Спенсера. „По мнѣнію Дёбельдэ, такъ передаетъ его ученіе авторъ „Основанія біологіи“ [1]), каковъ бы ни былъ размѣръ естественной способности къ размноженію въ данномъ видѣ, плеторичное состояніе всегда задерживаетъ, а деплеторичное — неизмѣнно развиваетъ его“. Прежде всего, возражаетъ Спенсеръ, надо провести границу между нормальнымъ и ненормальнымъ полносочіемъ, ибо „одно свидѣтельствуетъ о конституціонномъ богатствѣ, другое—о конституціонной бѣдности“. *Нормальное* полносочіе есть то, при которомъ имѣется достаточное количество матеріаловъ, какъ для построенія тканей, такъ и для развитія силы. И это то полносочіе, какъ мы нашли (соотвѣтственныя доказательства Спенсера см. ниже), сопровождается необыкновенною плодовитостью. *Ненормальное* же полносочіе, которое, какъ это справедливо замѣчено, сопровождается безплодіемъ, есть излишество развивающихъ силу матеріаловъ, соединенное либо съ положительною, либо съ относительною недостаточностью тканеобразовательныхъ матеріаловъ“ (ibid. 357). Примѣры Дёбельдэ относятся очевидно къ этому второму роду ненормальнаго полносочія и ничего не говорятъ противъ усиливающаго генезисъ вліянія полносочія здороваго, нормальнаго. Не удовольствовавшись этимъ вѣскимъ указаніемъ на коренное заблужденіе Дёбельдэ, Спенсеръ показываетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 377), къ какому абсурду приводитъ насъ эта доктрина [2]). „По его (Дёбельдэ)

[1]) Русскій переводъ подъ редакціей А. Герда, 1870 г. т. II. стр. 377.
[2]) Лишь незнакомствомъ съ излагаемой полемикой можно объяснить

гипотезѣ, необычайная плодовитость, зависящая отъ деплеторичности, вызываетъ большое увеличеніе населенія. Но если послѣдующее поколѣніе болѣе многочисленно вслѣдствіе того, что количество пищи осталось тѣмъ же или, вѣрнѣе, уменьшилось, такъ какъ конкуренція на нее стала больше, то это послѣдующее поколѣніе будетъ въ еще болѣе деплеторичномъ состояніи и станетъ еще болѣе плодовито. Такимъ образомъ скорость размноженія будетъ все увеличиваться, а количество пищи все уменьшаться, пока видъ не исчезнетъ. Съ другой стороны, предположимъ, что представители вида находятся въ необыкновенно плеторичномъ состояніи. Скорость ихъ размноженія, при обыкновенныхъ условіяхъ достаточная, чтобы сохранить ту же численность, окажется недостаточной для сохраненія той же численности. Такимъ образомъ, въ слѣдующемъ поколѣніи явится меньше потребителей и безъ того уже обильной пищи, а ставши относительно еще болѣе обильною, она усилитъ плеторичное состояніе уменьшившихся въ числѣ представителей вида и сдѣлаетъ ихъ еще менѣе плодовитыми, чѣмъ ихъ родители. Такъ что съ повтореніемъ этихъ дѣйствій и воздѣйствій видъ долженъ вымереть отъ безусловнаго безплодія". Во всѣхъ случаяхъ, слѣдовательно, человѣчество, по ученію Дёбельдэ, оказывается обреченнымъ на неизбѣжное вымираніе. Таковъ нелѣпый и далеко не оптимистическій выводъ изъ выставленныхъ имъ противъ Мальтуса біологическихъ соображеній [1]).

Нѣсколько иную біологическую критику находимъ мы въ сочиненіи Кэри: Principles of Social Science, 1858—1860 (преимущественно въ гл. III, XLVI и слѣд.). Горячій поклонникъ „гармоніи", Кэри видитъ ее повсюду: въ природѣ, въ экономическихъ отношеніяхъ и въ общественной жизни людей. Гармонію же усматриваетъ онъ и въ различныхъ способностяхъ,

---

утвержденіе Нитти, будто Дёбельдэ провидѣлъ (intravvista) ту самую біологическую доктрину, которую ясно формулировалъ Спенсеръ. См. La Popolazione è il sistema sociale, 1894, стр. 175.

[1]) Странно, что Милль, при своемъ мальтузіанствѣ, признавалъ за ними извѣстную силу. „Безспорно, говоритъ онъ (Основанія. пол. эк., рус. пер., I т., стр. 307), что положительный излишекъ питанія и у животныхъ, и у фруктовыхъ деревьевъ, неблагопріятенъ воспроизведенію. И очень можетъ быть (хотя еще вовсе не доказано), что физіологическія условія плодородія имѣютъ высочайшую силу тогда, когда количество пищи нѣсколько недостаточно". Г. Бибикову кажется страннымъ, напротивъ, то, что Милль не до конца соглашается съ теоріей Дёбельдэ, „въ пользу которой, по его мнѣнію (Вступ. статья къ русскому перев. „Опыта", стр. 71), стоитъ такое огромное число *полновѣсныхъ* фактовъ".

которыми надѣлено каждое животное. Замѣчательно, говоритъ Кэри, что чѣмъ ниже животное по характеру своей умственной дѣятельности и развитію нервной ткани, тѣмъ оно плодовитѣе. Существуетъ порода термитовъ, королева которыхъ несетъ въ одинъ день до 80 тыс. яицъ, и ее еще превосходитъ рунная гусеница, ежедневная плодовитость которой опредѣляется 8-ю милліонами яицъ. Но чѣмъ выше мы подымаемся по лѣстницѣ, составленной въ порядкѣ большей сложности и большаго развитія животныхъ породъ, тѣмъ болѣе ограниченный генезисъ приходится намъ наблюдать, и завершается эта лѣстница наименѣе плодовитымъ, а слѣдовательно, по Кэри, и наиболѣе интеллигентнымъ, обладающимъ самой развитой нервной тканью животнымъ—слономъ. Всѣ эти наблюденія приводятъ Кэри къ убѣжденію, что существуетъ общій законъ жизни, который онъ формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «степень плодовитости измѣняется въ обратномъ отношеніи съ развитіемъ нервной системы, такъ что животное, съ болѣе широкимъ умомъ (with larger brain) наименѣе, а животныя, отличающіяся наименьшимъ умомъ,—всегда болѣе плодовиты. Способность самоподдержения и способность размноженія, находясь между собой въ антагонизмѣ, стремятся тѣмъ не менѣе къ установленію равновѣсія» [1]). Это и служитъ основаніемъ для увѣренности, что съ развитіемъ человѣка все слабѣе становится его воспроизводительная способность, все менѣе вѣроятными поэтому тѣ опасности, которыя предрекалъ Мальтусъ.

Такъ какъ доктрина Кэри, при своей меньшей доказательности, отличается однакоже значительнымъ сходствомъ съ ученіемъ Спенсера, то мы и находимъ болѣе удобнымъ обратиться сначала къ доказательствамъ послѣдняго, чтобы тѣмъ съ бо̀льшимъ основаніемъ судить, въ какой мѣрѣ положенія Спенсера-Кэри опровергаютъ популяціонистическое ученіе Мальтуса. Спеціально относительно Кэри замѣтимъ, что, нападая на Мальтуса съ величайшимъ негодованіемъ за его «клевету противъ мудрой природы», онъ вынужденъ былъ ради цѣльности своей доктрины поддерживать сомнительное превосходство умственныхъ способностей слона надъ человѣкомъ. Мы ниже увидимъ, что этотъ несчастный слонъ плохо

---

[1]) Principles, т. II, стр. 302. Цитируемъ по статьѣ Эльстера.

укладывается и въ рамки спенсеровскаго ученія, къ которому мы наконецъ и обратимся.

Подобно Кэри, Спенсеръ выдвигаетъ на первый планъ равновѣсіе или гармонію силъ природы. Разница впрочемъ та, что для перваго гармонія въ природѣ имѣла своимъ непосредственнымъ отраженіемъ гармонію въ интересахъ владѣльцевъ и арендаторовъ, капиталистовъ и рабочихъ, плантаторовъ и рабовъ, тогда какъ для второго гармонія эта не представлялась въ столь публицистической оболочкѣ. «Съ высшей точки зрѣнія, говоритъ Спенсеръ въ «Основныхъ началахъ» (§ 172), всѣ земныя измѣненія суть частные случаи космическаго равновѣсія». То, что имѣетъ мѣсто во всемъ мірѣ, какъ цѣломъ, наблюдается и въ отдѣльныхъ организмахъ, силы которыхъ находятся также въ равновѣсіи, конечно менѣе устойчивомъ, но столь же необходимомъ для продолженія жизни даннаго организма. Индивидуація, поддержаніе индивидуальной жизни (черезъ интеграцію) враждебна генезису (дезинтеграціи). Для соблюденія равновѣсія силъ въ организмѣ большій расходъ въ одномъ отношеніи долженъ сопровождаться меньшимъ расходомъ въ другомъ. «Если изъ того запаса силы, которую родительскій организмъ получаетъ изъ окружающаго, много потребляется на его собственную жизнь, то остается мало на произведеніе другихъ жизней и наоборотъ» [1]). Тотъ же антагонизмъ сохраняется и при дальнѣйшемъ развитіи организма. «Каждый шагъ на пути индивидуальнаго развитія будетъ сопровождаться соотвѣтственнымъ ему ослабленіемъ размножаемости расы». Самъ Спенсеръ это положеніе, напоминающее цитированный нами выше законъ Кэри, называетъ «принципомъ a priori». И дѣйствительно, это только логическій выводъ изъ самыхъ основъ его философіи. Какіе же факты приводитъ онъ для его доказательства?

Глава V того отдѣла его «Біологіи», который посвященъ «законамъ размноженія», трактуетъ объ антагонизмѣ между ростомъ и безполымъ генезисомъ. Приведя примѣры громадной плодовитости одноклѣточныхъ растеній и простѣйшихъ животныхъ (protozoa), Спенсеръ останавливается затѣмъ на значительной плодовитости полиповъ, размножающихся безполымъ способомъ, и наконецъ указываетъ на отсутствіе безполаго

---

[1]) Основаніе біологіи, рус. пер., т. II, стр. 318.

размноженія (агамогенезиса) у позвоночныхъ. «Самые мелкіе организмы, говоритъ онъ (§ 337), размножаются безполымъ способомъ съ громадной быстротой, самые большіе организмы никогда не размножаются подобнымъ образомъ, а у организмовъ, занимающихъ среднее положеніе между этими крайними типами, одновременно съ возрастаніемъ ихъ величины наблюдается упадокъ безполаго воспроизведенія». Въ главѣ VI-й суммированы факты, доказывающіе антагонизмъ между ростомъ и *половымъ* генезисомъ. Самимъ Спенсеромъ однакоже указываются здѣсь явленія, повидимому противорѣчащія его обобщеніямъ. «Иногда одинаковыя по объему рыбы, говоритъ онъ [1]), производятъ весьма несходное число яицъ; напримѣръ треска, мечущая ихъ по милліону за-разъ, и лосось, мечущій гораздо меньше». Объясненіе всѣмъ подобнымъ противорѣчіямъ Спенсеръ надѣется найти въ томъ, что у млекопитающихъ, какъ и у птицъ (а у рыбъ?), значеніе несходствъ *затемняется неравенствомъ тратъ на движеніе.*

Гл. VII, «антагонизмъ между *развитіемъ* и генезисомъ, половымъ и безполымъ», поражаетъ прежде всего своимъ малымъ объемомъ (4 стр., тогда какъ доказательству антагонизма между *ростомъ* и генезисомъ посвящено 15 стр), а затѣмъ въ еще большей степени чрезвычайною бѣдностью приводимыхъ въ подтвержденіе фактовъ. Если устранить факты, въ которыхъ вліяніе развитія затемнено вліяніемъ роста, примѣрами того положенія, что простые организмы размножаются двоякимъ способомъ, половымъ и безполымъ, тогда какъ сложные — только половымъ, служатъ *лишь* папоротники въ растительномъ мірѣ, саркода губки и гидра въ животномъ. Такъ скупо обставлена фактами *прямая* зависимость генезиса отъ развитія! «*Обратную* измѣняемость развитія и полового генезиса, признается самъ Спенсеръ (ibid., стр. 345), прослѣдить *не легко.* Впрочемъ можно указать на *два-три* примѣра, которые свидѣтельствуютъ о ней». Приведя для растительнаго міра только *одинъ* примѣръ дерева, которое цѣлые годы тратитъ свои питательныя вещества на превращеніе первоначальной сочной оси въ плотную субстанцію, тогда какъ годичныя растенія въ это время уже цвѣтутъ и сбрасываютъ сѣмена, Спенсеръ говоритъ слѣдующее: «*еще труднѣе подъискать* доказательства (итакъ, сначала уста-

---

[1]) Op. cit., стр. 337—339.

навливается положеніе, а потомъ уже къ нему подъискиваются доказательства!) антагонизма между сложностью и гамогенезисомъ у животныхъ». Здѣсь мы позволимъ себѣ привести нѣсколько пространную выписку, потому что дѣло идетъ о самомъ важномъ для насъ пунктѣ спенсеровскаго ученія, который мы не желали бы ни ослаблять, ни усиливать изложеніемъ. «Быть можетъ наиболѣе достойный вниманія фактъ, говоритъ Спенсеръ, представляетъ различіе, существующее между человѣкомъ и нѣкоторыми другими, сходными съ нимъ по массѣ, млекопитающими. Если сравнить человѣка съ домашнею овцою, которая, не очень разнясь отъ него величиною, сравнительно плодовитѣе, то могутъ, пожалуй, отвѣтить указаніемъ на сравнительную бездѣятельность овцы и тѣмъ же можно возразить на фактъ, что рогатый скотъ гораздо плодовитѣе человѣка, несмотря на то, что обладаетъ большею величиною. Далѣе, противъ сравненія съ лошадью, которая и больше, и плодовитѣе, чѣмъ человѣкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно дѣятельнѣе, можно было бы возразить, что здѣсь, какъ и всегда, когда дѣло идетъ о травоядныхъ, результатъ извращается незначительностью труда, потребнаго для добыванія пищи, въ связи съ значительнымъ развитіемъ уподобляющихъ органовъ относительно тѣхъ, которые ими строятся и ремонтируются. Но уже совершенно смѣло можно провести параллель между человѣкомъ и большимъ плотояднымъ. У льва, превосходящаго человѣка по величинѣ и, *можетъ быть*, одинаково съ нимъ дѣятельнаго, пищеварительная система, сравнительно, не болѣе значительна, чѣмъ у человѣка, и однако левъ плодится быстрѣе... Конечно, *очень можетъ быть*, что на сторонѣ плотояднаго есть то преимущество, что у него есть излишекъ питательнаго вещества, состоящаго почти исключительно изъ азотистыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, формируются тѣла дѣтенышей, но если и принять въ соображеніе всѣ остальныя различія, все же кажется *не невѣроятнымъ*, что незначительная плодовитость человѣка, сравнительно съ плодовитостью большихъ кошачьихъ, зависитъ отъ большей сложности его организаціи и особенно организаціи его нервной системы».

Нами приведены всѣ факты и выводъ въ формулировкѣ самого Спенсера. Мы видимъ какъ малочисленны и какъ двусмысленны первые, мы видимъ какъ остороженъ и какъ не смѣлъ второй. И еслибы еще по крайней мѣрѣ не было фактовъ, прямо

противорѣчащихъ обобщенію Спенсера! А то, вѣдь, ему самому приходится признать (373 стр.), что слонъ, менѣе плодовитый и въ то же время менѣе развитой, нежели человѣкъ, представляетъ «исключеніе» изъ общаго правила. Какъ будто у *точныхъ* законовъ, какимъ только и можетъ быть обобщеніе Спенсера, бываютъ такія же исключенія, какъ и эмпирическихъ!... [1]).

Но это еще не все: нѣсколько далѣе, въ главѣ XI (§§ 362—364) Спенсеръ вноситъ существенное ограниченіе въ формулированный имъ раньше законъ. Дѣло въ томъ, что извѣстное вліяніе на распредѣленіе въ организмѣ вещества между процессомъ индивидуализаціи и генезисомъ имѣетъ выживаніе приспособленнѣйшихъ. Вмѣстѣ съ прогрессомъ, траты на самосохраненіе уменьшаются, поэтому «приращеніе развитія вызываетъ не въ точности пропорціональное, а нѣсколько менѣе, чѣмъ пропорціональное ослабленіе воспроизводительной способности» (стр. 369). И далѣе, «хотя болѣе развитой организмъ абсолютно наименѣе плодовитъ, однако онъ *наиболѣе плодовитъ относительно*». Развѣ это не важная оговорка?

Замѣтимъ еще слѣдующее. Весьма бѣдно обставивъ свою мысль примѣрами изъ растительнаго и животнаго царства, Спенсеръ даже не задумывается надъ тѣмъ, что размноженіемъ человѣка могутъ управлять, кромѣ біологическихъ, также и психологическіе законы (какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ). Онъ заявляетъ рѣшительно: «сравнительная плодовитость человѣка, какъ вида, и измѣненія въ ней, совершающіяся при измѣненіяхъ условій, *должны* согласоваться съ указанными нами законами». Однако подобный пріемъ нельзя признать правильнымъ. Спенсеръ смотритъ на человѣка черезчуръ *механически*. «Пусть топливо, сжигаемое въ движущей паровой машинѣ, выражаетъ потребляемую человѣкомъ пищу, паръ, идущій на производство давленія, пусть соотвѣтствуетъ той части потребляемой пищи, которая идетъ на выполненіе отправленій» и т. д.—такими примѣрами [2]) думаетъ онъ уяснить законы, управляющіе размноженіемъ людей.

---

[1]) «Первымъ и самымъ существеннымъ признакомъ *закона* въ глазахъ мыслителя, говоритъ Рюмелинъ («Что такое соціальный законъ?» рус. перев., 1894 г., стр. 17), является невозможность исключеній изъ него; если же мыслитель встрѣчаетъ хотя бы единственный случай, въ которомъ его законъ не оправдывается, несмотря на то, что случай этотъ содержится въ его формулѣ, ему остается только заключить, что законъ невѣренъ».

[2]) Op. cit., стр. 381.

Есть однако же главы въ излагаемомъ нами отдѣлѣ спенсеровской «Біологіи», поражающія изобиліемъ фактовъ, доказательностью и точностью. И что же? Эти-то именно главы служатъ не для опроверженія, а для вящаго подтвержденія того, что и составляетъ самую сущность мальтусова ученія. Обратимся же къ нимъ, къ этимъ главамъ, которыхъ почему-то не замѣчаютъ ни противники, ни союзники Мальтуса.

Уже изъ предыдущаго понятно, что, находясь въ антагонизмѣ съ тратами на ростъ и на развитіе, генезисъ очевидно антагонистиченъ и всякимъ тратамъ организма вообще. Понятно также, что уменьшеніе тратъ или притокъ питательныхъ веществъ должны имѣть своимъ слѣдствіемъ усиленіе генезиса. Фактическому обоснованію этихъ двухъ положеній и посвящены главы VIII и IX. Значеніе обильнаго питанія объясняется Спенсеромъ такимъ образомъ [1]): «Сила размноженія возрастаетъ, когда самоподдержаніе становится легко, а именно въ этомъ легкомъ самоподдержаніи и проявляется дѣйствіе обильнаго корма». Вліяніе траты обнаруживается на примѣрахъ курицы, перестающей нестись зимою, и птицъ, вслѣдствіе употребляемыхъ ими усилій на летанье отличающихся вообще меньшею плодовитостью, чѣмъ равныя имъ по вѣсу млекопитающія. Вліяніе питанія наблюдается очень хорошо на домашнихъ животныхъ, отличающихся обыкновенно большею плодовитостью. «Физіологическій урокъ, даваемый намъ пчелами и муравьями, хотя и не совсѣмъ согласно съ нравственнымъ урокомъ, даваемымъ ими по общепринятому мнѣнію, состоитъ въ томъ, что обильно питаемая бездѣятельность благопріятна плодовитости и что чрезмѣрной дѣятельности сопутствуетъ безплодіе».

Вліяніе тѣхъ же условій Спенсеръ прослѣживаетъ и на человѣкѣ. «Женщины рабочаго класса, говоритъ онъ (стр. 378), годомъ позже достигаютъ половой зрѣлости, и хотя несомнѣнно, что это запаздываніе отчасти зависитъ отъ худшаго питанія, ясно однако, что отчасти оно зависитъ и отъ большей мышечной траты». Вліяніе болѣе или менѣе изобильной пищи на размноженіе людей иллюстрируется имъ примѣрами нѣкоторыхъ дикарей (у Мальтуса, впрочемъ, Спенсеръ этихъ примѣровъ могъ бы найти еще больше).

Припомнимъ теперь положеніе Мальтуса, что народонасе-

---

[1]) Ibid. стр. 353.

леніе растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ пищи, и спросимъ читателя, не правильнѣе ли было бы считать Спенсера союзникомъ, а не противникомъ автора «Опыта»? На чемъ же покоится противуположное мнѣніе? Преимущественно на тѣхъ конечныхъ выводахъ, къ которымъ приходитъ Спенсеръ въ заключеніе всего своего отдѣла о законахъ размноженія. Вотъ эти выводы: «цивилизація, говоритъ онъ, которой вездѣ предшествуетъ увеличеніе населенія и слѣдствіемъ которой всюду является уменьшеніе нѣкоторыхъ разрушающихъ расу силъ, дальнѣйшимъ своимъ слѣдствіемъ имѣетъ увеличеніе нѣкоторыхъ другихъ разрушающихъ расу силъ». Расходы по самоподдержанію съ теченіемъ времени должны значительно увеличиваться. «Хотя на первыхъ стадіяхъ цивилизаціи количество пищи можетъ увеличиваться при одномъ и томъ же данномъ количествѣ труда, но должно наступить время, когда каждое новое приращеніе пищи будетъ добываться количествомъ труда большимъ, чѣмъ пропорціональнымъ ему, и эта непропорціональность будетъ возрастать все болѣе и болѣе [1]). Съ увеличеніемъ же расходовъ на индивидуальность, съ неизбѣжнымъ развитіемъ человѣка въ умѣ и ловкости, траты его организма на генезисъ по необходимости сократятся и воспроизводительная дѣятельность ослабнетъ. Сгущеніе населенія тогда прекратится и быстрота размноженія станетъ равною быстротѣ вымиранія».

Вотъ тѣ заключительныя положенія Спенсера, которыя охотно противупоставляются мальтусову ученію, какъ его научное опроверженіе. Посмотримъ, однако, въ самомъ ли дѣлѣ положенія эти такъ «діаметрально противоположны» тому, что утверждалъ авторъ «Опыта», какъ это кажется напр., его русскому переводчику [2]), и въ какой степени могутъ они быть признаны научнымъ опроверженіемъ мальтусова ученія.

Изъ всего изложеннаго прежде всего видно, что Спенсеромъ признается наличность указанной Мальтусомъ тенденціи населенія къ размноженію за предѣлы существующихъ средствъ

---

[1]) Op. cit., стр. 391.

[2]) Мальтусъ, «*Опытъ закона о народонаселеніи*» (*sic!*), перев. И. Вернера, 1895 г. Вступительная статья, стр. XLVI. Впрочемъ, никакой оцѣнки по существу ни возраженій Спенсера, ни даже положеній самого Мальтуса г. Вернеръ здѣсь не производитъ, скромно ссылаясь на свою «некомпетентность». Многочисленныя ошибки, которыя мы находимъ какъ въ этомъ «новѣйшемъ» переводѣ «Опыта», такъ и въ упомянутой, вполнѣ компилятивной статьѣ, не позволяютъ намъ опровергать высказаннаго самимъ авторомъ о себѣ мнѣнія.

*

пропитанія. Но въ то же время современному біологу не хуже, чѣмъ экономисту конца XVIII вѣка, извѣстна та зависимость, въ которой населеніе находится отъ существующихъ запасовъ пищи. Ему знакома поэтому та борьба, которая является продуктомъ перенаселенія и которая влечетъ за собою «несчастія и пороки», выживаніе приспособленнѣйшихъ и гибель неприспособленныхъ. Какъ же относятся къ этой борьбѣ Мальтусъ и Спенсеръ? Совершенно различно, и тутъ только начинается ихъ разногласіе. Согласно съ Мальтусомъ, Спенсеромъ констатируется и неизбѣжное перенаселеніе, и возрастающія трудности при добываніи средствъ пропитанія [1]), но зато обратно съ Мальтусомъ, Спенсеръ привѣтствуетъ это перенаселеніе и вызываемую имъ борьбу, какъ главный факторъ прогресса, факторъ, на которомъ онъ строитъ свои надежды на лучшее будущее. Эта борьба, представлявшаяся Мальтусу только *борьбой* и ничѣмъ больше, въ глазахъ Спенсера есть могучій рычагъ индивидуальнаго и соціальнаго совершенствованія, совершенствованія, которое, съ своей стороны, приведетъ къ ослабленію генезиса, къ ослабленію борьбы. Но ослабленіе борьбы, спроситъ читатель, развѣ не остановитъ оно успѣховъ цивилизаціи, развѣ не придетъ тогда человѣчество въ стаціонарное состояніе? Да, это самое и утверждаетъ Спенсеръ, утѣшающій себя тѣмъ что то будетъ равновѣсіе полной гармоніи и наивысшаго счастья...

Однако... не вдались ли мы здѣсь нѣсколько въ утопію? Вѣдь, если вспомнить, что вся эта заманчивая картина *прогресса въ застоѣ* покоится всего только на «не невѣроятномъ» (см. выше) предположеніи, что «меньшая плодовитость людей сравнительно съ кошачьими» зависитъ отъ большаго развитія ихъ нервной системы, и если припомнить къ тому же неподдающагося объясненіямъ слона, не покажутся ли намъ тогда нѣсколько смѣлыми предсказанія Спенсера и не поступимъ ли мы раціональнѣе, отбросивъ ихъ и сохранивши изъ его ученія только анализъ дѣйствительно существующаго и совершающагося. Но что же тогда останется отъ ученія нашего біолога? останется — *ученіе Мальтуса*, обогащенное новыми фактами и разъясненное согласно новымъ даннымъ біологіи.

---

[1]) Замѣтимъ, что Спенсеръ, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, принимаетъ мальтусовъ законъ уменьшающейся производительности почвы

IV.

Говоря о полемикѣ, возбужденной «Опытомъ о народонаселеніи», его русскій переводчикъ, г. Бибиковъ, еще въ 1868 г. писалъ слѣдующее: «основное положеніе Мальтуса до сихъ поръ всѣми принималось на вѣру и въ сущности *никогда никѣмъ не опровергалось*. Отчего это происходило—рѣшительно *нельзя понять*. Трудно же представить, чтобы никому не приходило въ голову, что поставленное знаменитымъ экономистомъ основное положеніе есть не болѣе, какъ гипотеза, а построенная на ней теорема, въ томъ видѣ, какъ предлагаетъ ее Мальтусъ, есть чистѣйшій софизмъ, затемнявшій всеобщее вниманіе. А между тѣмъ—это оказывается такъ, ибо ни у одного изъ противниковъ Мальтуса я не встрѣчалъ изслѣдованія сущности его основного положенія». 27 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти слова, а между тѣмъ замѣчаніе г. Бибикова остается вѣрнымъ и въ наши дни: сущность ученія Мальтуса не только не опровергнута, но даже рѣдко кѣмъ и опровергается. Остается лишь сговориться, что считать этой сущностью и чѣмъ объяснить отмѣченное г. Бибиковымъ явленіе.

Какъ видно изъ дальнѣйшихъ словъ русскаго переводчика, центръ тяжести критикуемаго имъ ученія лежитъ, по его мнѣнію, въ указанной Мальтусомъ тенденціи населенія размножаться быстрѣе продовольствія. Вотъ этотъ-то пунктъ, полагаетъ г. Бибиковъ, *никѣмъ никогда* не оспаривался и онъ же признается имъ «чистѣйшимъ софизмомъ». Здѣсь будетъ умѣстнѣе однако говорить о «*чистѣйшемъ недоразумѣніи*». Указанная Мальтусомъ тенденція оспаривалась и оспаривается постоянно. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она была имъ впервые формулирована (см. полемику Годвина) и до послѣднихъ дней (напр. въ соч. Ванъ-деръ-Смиссена). Въ какой степени ея критики опираются на факты и доказательства и на сколько она сама заслуживаетъ названія софизма, объ этомъ мы еще поговоримъ ниже, но что она не можетъ считаться той сущностью ученія, которая, по словамъ Бибикова, «никогда никѣмъ не опровергалась», въ этомъ читатель, пробѣжавшій глазами предыдущія главы нашей статьи, едва ли будетъ сколько нибудь сомнѣваться.

Но если сущностью ученія мы признаемъ то, что самъ Мальтусъ формулировалъ въ трехъ основныхъ своихъ тезисахъ, замѣчаніе г. Бибикова придется признать весьма близкимъ къ истинѣ. Что населеніе ограничено средствами существованія, что оно растетъ вмѣстѣ съ ними и сдерживается въ своемъ размноженіи какъ внѣшними неблагопріятными фактами, такъ и волею человѣка, — развѣ положенія эти критикой, о которой мы говорили выше, сколько нибудь опровергнуты и даже больше—развѣ они обыкновенно опровергаются наиболѣе ожесточенными противниками Мальтуса? «Отчего это происходитъ,—рѣшительно нельзя понять». Нѣтъ, понять можно. Сущность ученія Мальтуса оттого не оспаривается, что она почти всѣми, включая и большинство его противниковъ, *признается за истину*.

Да, разумѣется, говорятъ нѣкоторые критики [1]), но это происходитъ отъ того, что положеніе Мальтуса—«очевидныя истины», что въ основѣ его ученія лежитъ простой трюизмъ, не требующій доказательствъ, но и не допускающій опроверженія. Вѣдь, въ сущности онъ утверждаетъ только то, что человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, кто же въ этомъ когда-либо сомнѣвался? Дѣло, однако, стоитъ вовсе не такъ просто, какъ кажется нашимъ критикамъ. Что человѣкъ не можетъ жить безъ пищи, въ этомъ, конечно, никогда никто не сомнѣвался, но очень многіе до Мальтуса не знали, а кое-кто не понимаетъ и теперь, что продовольствіе не есть что-то безграничное, что, напротивъ, оно ограничено и ограничиваетъ собою ростъ населенія. Вопросъ, по нѣсколько наивной, но вѣрной формулировкѣ Мальтуса [2]), заключался въ его время въ томъ, «земледѣліе ли составляетъ причину населенія или населеніе причину земледѣлія». Провозгласивъ и доказавъ своимъ «Опытомъ» первое, когда общественное мнѣніе было всецѣло на сторонѣ второго, Мальтусъ произвелъ настоящую революцію [3]): съ него начинается новая эпоха, какъ въ государственной наукѣ, такъ и въ государственной политикѣ; а если теперь, почти черезъ столѣтіе, его революціонный по тому времени лозунгъ можетъ казаться трюиз-

---

[1]) Напр. Ингрэмъ, op. cit., стр. 150, Смиссенъ, стр. 154.
[2]) Essay, стр. 432—433.
[3]) Мысли о важности продовольствія для населенія, о зависимости второго отъ перваго, говоритъ Джемсъ Бонаръ (Malthus and his Work, стр. 31), „эти общія мѣста были тогда парадоксами“.

момъ,—это свидѣтельствуетъ только о томъ, какой громадный шагъ впередъ мы сдѣлали вмѣстѣ съ Мальтусомъ и какое великое значеніе имѣетъ его «Опытъ о народонаселеніи».

Хитроумная критика постаралась, однако, внести всю возможную путаницу въ простое и ясное положеніе Мальтуса: «народонаселеніе строго ограничено средствами существованія». Выраженіе «средства существованія» возражаетъ, напримѣръ, Феттеръ [1]), не представляетъ никакой опредѣленности: количество и качество потребляемой населеніемъ пищи варьируются въ разныхъ странахъ. Далѣе, по признанію самого Мальтуса, дѣло идетъ лишь о томъ продовольствіи, которое дѣйствительно поступаетъ въ распоряженіе всего народа, то же, которое составляетъ предметъ накопленія отдѣльныхъ лицъ, въ разсчетъ идти не можетъ. Феттеръ ссылается здѣсь на характеръ современнаго распредѣленія, узаконяющій такое частное накопленіе, и утверждаетъ, что оно становится на дорогѣ разсчетамъ Мальтуса. Въ заключеніе, подъ увеличеніемъ «средствъ продовольствія» нашъ критикъ предлагаетъ понимать «возможность производства», доставляющаго новыя питательныя вещества, ничего не отнимая отъ той части населенія, которая ихъ въ настоящее время имѣетъ.

Всѣ подобныя возраженія, даже и вѣрныя по существу, нисколько не опровергаютъ мысли Мальтуса и не могутъ заставить насъ замѣнить выраженіе «средства продовольствія» менѣе яснымъ и менѣе соотвѣтствующимъ дѣлу выраженіемъ «*возможность* производства». Справедливо, что продовольствіе не есть что либо устойчивое, и что поэтому мякина, напримѣръ, въ одной странѣ отбрасывается, какъ ненужный соръ, въ другой—служитъ для пропитанія населенія, но это означаетъ только то, что представляемая продовольствіемъ граница для размноженія людей не всегда одинакова и однородна, а вовсе еще не значитъ, будто такой границы не существуетъ. Сколько нибудь точный подсчетъ здѣсь разумѣется затруднителенъ, но истинность общаго положенія не измѣняется и отъ того, что извѣстная часть продовольствія служитъ предметомъ накопленія. Оговорка Мальтуса категорична: только наличное, доступное населенію, продовольствіе регулируетъ его размноженіе. Отсюда же видно, какъ неправильно толкованіе Феттера, будто подъ сред-

---

[1]) Versuch, стр. 29—32.

ствами продовольствія можно разумѣть *возможность* производства. Слово «возможность» противорѣчитъ самымъ опредѣленнымъ указаніямъ Мальтуса на то, какъ слѣдуетъ понимать его ариѳметическую прогрессію.

Здѣсь нужно прибавить два слова о томъ, какъ первое положеніе Мальтуса опровергалось у насъ въ Россіи г. Бибиковымъ (во вступительной статьѣ къ его переводу «Опыта о народонаселеніи»). Русскій критикъ находитъ, что населеніе ограничивается не средствами продовольствія, а разными иными неблагопріятными условіями и потому никогда не достигаетъ границы, представляемой наличными запасами пищи. Свою мысль г. Бибиковъ иллюстрируетъ слѣдующимъ образомъ: «въ городскихъ амбарахъ сложено огромное количество пищи, пригодной для мышей; мыши чрезвычайно плодовиты—въ 6—7 разъ плодовитѣе кошекъ, охраняющихъ амбары. Будетъ ли вѣрно заключеніе мое, что размноженіе мышей останавливается недостаткомъ хлѣба. Это нелѣпо, ибо въ дѣйствительности размноженіе мышей останавливается не недостаткомъ пищи, а кошками и множествомъ другихъ условій (стр. 25)». Наивность разсужденія г. Бибикова настолько сама по себѣ очевидна, что оно не заслуживало бы даже простого упоминанія, если бы не фигурировало въ статьѣ, приложенной къ самому сочиненію Мальтуса и потому поневолѣ получающей распространеніе въ русской читающей публикѣ. Какъ мы увидимъ ниже, Мальтусъ никогда не утверждалъ, что голодъ — единственная, задерживающая ростъ населенія причина, наоборотъ—онъ приводилъ цѣлый списокъ такихъ возможныхъ препятствій. Недоумѣнія г. Бибикова точно будто прямо имѣлъ въ виду Лесли Стефенъ, когда писалъ слѣдующее: [1]) «волкъ является просто *одной* изъ ограничивающихъ жизнь овцы силъ, и, если бы онъ былъ устраненъ, другія силы явились бы на смѣну устраненной. Предоставленная себѣ самой, овца постоянно имѣла бы передъ глазами практическую иллюстрацію къ ученію Мальтуса». Предоставленный себѣ самому, г. Бибиковъ, не въ силахъ былъ этого сообразить.

Въ тѣснѣйшей связи съ первымъ тезисомъ находится и второй: «народонаселеніе увеличивается, когда увеличиваются

---

[1]) „Этика и борьба за существованіе“ (Ethics and struggle for life). Русскій перев., изд. Юровскаго, Спб., 1895 г., стр. 12.

средства существованія». Сообразно тѣмъ различнымъ значеніямъ, которыя можно придать этому положенію, и тѣмъ выводамъ, которые изъ него можно сдѣлать, выписанныя нами слова служатъ поводомъ для сложныхъ контроверзъ, къ которымъ, въ силу ихъ большой научной важности, мы сейчасъ обратимся. Слѣдуетъ, однако, предварительно замѣтить, что въ своемъ прямомъ, ближайшемъ значеніи, второй тезисъ Мальтуса не противорѣчитъ тому, что нами сказано относительно сущности всего ученія: онъ представляется обыкновенно столь же очевиднымъ, какъ и разсмотрѣнный уже первый тезисъ. «Когда страна богатѣетъ, ея народонаселеніе увеличивается»—вотъ, что хотѣлъ сказать авторъ «Опыта». И что же? Развѣ современные историки говорятъ что либо иное? Развертываемъ наудачу «Промышленную исторію Англіи» Гиббинса и читаемъ въ ней слѣдующее (рус. пер., стр. 30): «обыкновенный урожай зерна въ то время въ Англіи былъ 4 бушеля съ акра и изрѣдка доходилъ до 8 бушелей, *почему* размѣръ населенія не могъ подняться выше 2 милліоновъ». Стр. 76: «Замѣтное улучшеніе въ земледѣліи и соединенное съ нимъ скопленіе богатствъ повело за собою увеличеніе народонаселенія къ концу XVI в.». Стр. 109: «Причину быстраго роста народонаселенія въ періодъ съ 1700 по 1760 г. слѣдуетъ искать въ увеличеніи народнаго богатства» и т. д. Подобныя выписки изъ другихъ историческихъ сочиненій можно привести въ изобиліи и доказать такимъ образомъ, что второй тезисъ Мальтуса въ его ближайшемъ значеніи представляетъ собой въ наше время одну изъ распространеннѣйшихъ истинъ. Это намъ не мѣшаетъ, однако, признать за нимъ силу не болѣе, какъ эмпирическаго обобщенія, отнюдь не обнимающаго собою всѣхъ наличныхъ фактовъ и способнаго порождать недоразумѣнія неопредѣленностью своей формулировки. Необходимо указать, въ какихъ предѣлахъ второй тезисъ Мальтуса можетъ быть принятъ современнымъ изслѣдователемъ.

Прежде всего Мальтусомъ въ точности не указано, хотя очевидно имъ и имѣлось въ виду, что положеніе его должно относиться къ *цѣлому* народу и ко *всѣмъ* его классамъ, иначе, какъ мы увидимъ ниже, оно можетъ оказаться прямо противорѣчащимъ дѣйствительности. Предполагается, что въ пользованіи увеличившимся богатствомъ страны участвуетъ дѣйствительно все населеніе, а не одна его часть, хотя бы и большая, и утверждается, что въ такомъ случаѣ увеличеніе средствъ продоволь-

ствія даетъ толчокъ размноженію. Съ такимъ ограниченіемъ мнѣніе Мальтуса раздѣляется большинствомъ современныхъ ученыхъ. «Народъ, говоритъ Каутскій [1]), примѣняющій несовершенную систему производства и въ то же время страдающій отъ перенаселенія, можетъ избавиться отъ послѣдняго не только путемъ остановки въ размноженіи, но и посредствомъ перехода къ высшей, болѣе совершенной системѣ производства». Въ полномъ согласіи съ ученіемъ Мальтуса, Дюрингъ, напр., этотъ ярый антимальтузіанецъ, утверждаетъ [2]), что «каждый видъ экономическаго строя опредѣляетъ собою извѣстную емкость страны по отношенію къ населенію, и эта емкость не можетъ быть значительна, если самый хозяйственный строй не получитъ иной формы». Нетрудно замѣтить, однако, что эта теорія различной емкости различныхъ экономическихъ стадій, теорія, развитая и воспринятая Левассеромъ, Листомъ, Нитти, Вагнеромъ, Янсономъ и др., является скорѣе уже дальнѣйшей разработкой положенія Мальтуса, нежели простымъ его подтвержденіемъ. Впрочемъ, самая возможность этой дальнѣйшей научной разработки, свидѣтельствуетъ въ пользу основной правильности разбираемаго тезиса.

Есть основаніе думать (судя по отдѣльнымъ фразамъ, разбросаннымъ по всему «Опыту»), что самъ Мальтусъ вѣрилъ и въ болѣе непосредственное, и въ болѣе частичное вліяніе «увеличенія средствъ продовольствія». Повидимому, ему представлялось дѣло такимъ образомъ, что благосостояніе вообще содѣйствуетъ, а бѣдность, напротивъ, не благопріятствуетъ плодовитости. Здѣсь прежде всего надо условиться относительно смысла столь часто, но не всегда однозначуще, употребляемаго Мальтусомъ выраженія «средства продовольствія». Если подъ послѣдними понимать просто пищу (какъ это дѣлаетъ Мальтусъ, сравнивая различную плодовитость дикихъ племенъ), тогда второй тезисъ можетъ быть формулированъ такъ: «улучшенное питаніе способствуетъ плодовитости». Справедливость этого утвержденія подтверждается современною біологіей (припомнимъ доказательства Спенсера). Но иногда, говоря напр. о благопріятномъ вліяніи землевладѣнія на плодовитость семей, Мальтусъ, подъ выраженіемъ «средства продовольствія», разумѣетъ нѣчто большее,

---

[1]) Der Einfluss etc., стр. 133.
[2]) Курсъ, стр. 99, см. также стр. 105.

чѣмъ одну пищу, а именно совокупность всѣхъ служащихъ для удовлетворенія людскихъ потребностей вещей и даже вообще— благосостояніе, достатокъ. Тутъ, какъ оказывается, Мальтусъ совершенно не предвидѣлъ (да и не могъ предвидѣть по тогдашнему состоянію статистическихъ знаній), что вопросъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это ему представлялось. Вліяніе экономическихъ условій на увеличеніе населенія безспорно, и за Мальтусомъ остается заслуга перваго серьезнаго, т. е. обставленнаго фактами, указанія на это вліяніе, но та прямая зависимость плодовитости отъ благосостоянія, въ которой былъ убѣжденъ авторъ „Опыта", оказывается отнюдь не общимъ правиломъ.

Естественный приростъ населенія слагается, какъ извѣстно, изъ трехъ главныхъ факторовъ: брачности, плодовитости брака и смертности [1]). Значеніе перваго фактора, брачности, обнаруживается въ томъ, что плодовитость замужней женщины въ Европѣ представляетъ собою сравнительно постоянную величину (она колеблется между 29 и 23 на 100, разница 26%), тогда какъ общая женская плодовитость въ тѣхъ же странахъ допускаетъ большое разнообразіе (въ предѣлахъ отъ 17 до 10 на 100; разница 70%). «Слѣдовательно, цитируемъ проф. Янсона [2]), если бы число браковъ было одинаково вездѣ и вездѣ была бы одинакова продолжительность ихъ, то большихъ различій въ рождаемости, такихъ, какія теперь существуютъ, не наблюдалось бы, потому что европейская женщина вездѣ одинаково плодовита». Какое же вліяніе оказываютъ экономическія условія на брачность при нормальномъ состояніи общества, не возмущаемомъ никакими исключительными обстоятельствами?

«Если бы весь міръ, говорилъ Торнтонъ [3]), былъ заселенъ одними собственниками, онъ очень скоро опустѣлъ бы отъ недостатка жителей». Преувеличивая истину, замѣчаніе это опирается на справедливое по существу наблюденіе, что среди состоятельныхъ людей замѣчается больше отвращенія отъ брака, чѣмъ среди людей бѣдныхъ, и что такимъ образомъ достатокъ находится какъ бы въ обратномъ отношеніи съ стремленіемъ обзавестись семьей.

---

[1]) Сознавая всю недостаточность приводимыхъ далѣе фактовъ, авторъ проситъ въ нихъ видѣть лишь иллюстрацію нѣкоторыхъ положеній Мальтуса, отнюдь не самостоятельный анализъ данныхъ популяціонистики.

[2]) «Сравнительная статистика населенія», 1893 г., стр. 207.

[3]) Цитируемъ по Нитги, op. cit., стр. 64.

Прусскія данныя о бракахъ указываютъ напр., на характерную зависимость возраста брачущихся отъ ихъ общественнаго положенія и достатка. «Изъ мужчинъ позже всего вступаютъ въ бракъ въ Пруссіи чиновники,—средній брачный возрастъ ихъ—33,4 года; затѣмъ духовенстоо—32,5; далѣе слѣдуютъ: занятые въ трактирной промышленности—32,1; врачи—31,8; ученые, художники и артисты—30,7; занятые въ торговой промышленности—30,5; работники при обработкѣ волокнистыхъ веществъ—30,2; сельскіе рабочіе, фермеры—29,6; всѣ остальные рабочіе—29,5—28,5» [1]). Отсюда видно, что чѣмъ человѣкъ состоятельнѣе, тѣмъ дольше онъ воздерживается отъ брака. Желаніе пріобрѣсти прочныя средства къ жизни раньше, чѣмъ обзавестись семьею, пересиливаетъ физическую потребность въ половомъ общеніи, находящую себѣ исходъ въ незаконныхъ внѣбрачныхъ связяхъ.

Большинство изслѣдователей сходятся въ признаніи психическихъ факторовъ рѣшающими въ этомъ случаѣ. Но каковы же эти психическіе факторы, мѣшающіе, напр., нѣмецкому чиновнику вступать въ бракъ раньше 32 лѣтъ и побуждающіе, наоборотъ, фабричнаго рабочаго жениться 27 лѣтъ? Можно ли думать, что здѣсь обнаруживается вліяніе тѣхъ или иныхъ нравственныхъ представленій или хотя бы вліяніе большаго развитія и образованія представителей разныхъ классовъ? Утверждать это—значило бы пускаться въ область произвольныхъ догадокъ, приводящихъ напр. Нитти (при всемъ его матеріализмѣ) къ тому курьезному утвержденію, что китайцы отличаются большею плодовитостью, благодаря особенному характеру ихъ нравственныхъ представленій [2]). На несравненно болѣе твердой почвѣ стоятъ тѣ ученые (а ихъ теперь, съ легкой руки Мальтуса, большинство), которые, въ полномъ согласіи съ указаніями статистики, видятъ совершенно матеріялистическую подкладку во всѣхъ такихъ психическихъ побужденіяхъ. Рабочій, говорятъ они, при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ не можетъ разсчитывать на серьезное улучшеніе своей участи; поэтому, вступая въ бракъ, онъ ничего не теряетъ и даже скорѣе выигрываетъ: соединеніе

---

[1]) Э. Ю. Янсонъ, «Сравнительная статистика населенія», стр. 188. Аналогичныя данныя для Англіи, Даніи и Италіи имѣются въ книгѣ Феттера, стр. 49—50. Общему правилу не подчиняются Франція и Швейцарія.

[2]) J cinesi sono forse il popolo più fecondo *perchè* hanno una morale che li spinge a una solidarietà estrema»... стр. 135—136.

труда мужчины и женщины можетъ быть въ извѣстныхъ отношеніяхъ выгодно, а трудъ дѣтей, когда таковыя подрастутъ, является уже и чистымъ выигрышемъ, своего рода преміей для родителей. Иное дѣло молодой буржуа или чиновникъ: въ своемъ стремленіи къ болѣе высокому общественному положенію онъ можетъ быть только задержанъ семьей, требующей отъ него расходовъ и не дающей никакихъ выгодъ взамѣнъ. Совершенно справедливо поэтому говоритъ Каутскій [1]) объ отсутствіи у бѣдныхъ классовъ какихъ бы то ни было побужденій къ воздержанности въ дѣлѣ размноженія. «Въ животномъ мірѣ, гдѣ никакихъ предупредительныхъ препятствій нѣтъ, всякое улучшеніе въ жизненныхъ условіяхъ сопровождается повышенной плодовитостью, ибо здѣсь физіологическіе факторы наблюдаются внѣ подавляющаго вліянія противоположныхъ соціальныхъ тенденцій». Въ человѣческомъ обществѣ разсчеты матеріяльнаго характера удерживаютъ представителей болѣе состоятельныхъ классовъ отъ черезчуръ свободнаго слѣдованія своимъ естественнымъ наклонностямъ. Этотъ обуздывающій характеръ собственности, достатка, хотя и былъ *извѣстенъ* Мальтусу [2]), но не былъ имъ въ достаточной степени оцѣненъ.

Можно ли, однако, сказать, что приведенныя данныя *опровергаютъ* положеніе Мальтуса и заставляютъ насъ измѣнить его въ прямо противоположномъ смыслѣ? Нѣтъ, даже по отношенію къ брачности второй тезисъ Мальтуса требуетъ лишь иной формулировки, извѣстныхъ оговорокъ, но не полнаго устраненія, ибо противоположнаго рода тезисъ «брачность увеличивается съ уменьшеніемъ средствъ продовольствія»—гораздо дальше отъ истины. Указанная Мальтусомъ *прямая* зависимость между количествомъ средствъ продовольствія и плодовитостью по отношенію къ *брачности* находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ вліяніи, которое, какъ оказывается, имѣютъ хлѣбныя цѣны на число заключаемыхъ браковъ. Вліяніе это было обнаружено еще въ 1847 г. Кеттлэ и позже было подтверждено изслѣдованіями другихъ писателей. Не такъ давно Гекторъ Дени доказалъ, что въ Бельгіи количество браковъ

---

[1]) Op. cit., стр. 112—113.

[2]) Essay, стр. 494: «въ высшихъ классахъ общества нечего опасаться слишкомъ большого количества браковъ». «Первое условіе для распространенія привычекъ благоразумія—это полная обезпеченность собственности», стр. 479 и др.

увеличивается и уменьшается параллельно съ возрастаніемъ и паденіемъ цѣнъ на уголь [1]). Въ цитированномъ уже нами сочиненіи Янсона (стр. 345—354, особенно же стр. 350), мы находимъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія ту же зависимость брачности отъ хлѣбныхъ цѣнъ. Авторъ, впрочемъ, оговаривается, что коэффиціенты движенія населенія не всегда одинаково чувствительны къ измѣненіямъ хлѣбныхъ цѣнъ, указываетъ на то, какъ трудно выдѣлить этотъ факторъ изъ ряда другихъ, ему сопутствующихъ, и объясняетъ, что высокія цѣны на хлѣбъ не безусловно неблагопріятны для благосостоянія народа: «для населенія, не покупающаго хлѣба, цѣна его безразлична, а для населенія, продающаго хлѣбъ, неблагопріятна будетъ именно цѣна низкая, а не высокая». И тѣмъ не менѣе высокія хлѣбныя цѣны оказываютъ репрессивное вліяніе на увеличеніе населенія, причемъ наибольшей чувствительностью отличается именно коэффиціентъ брачности [2]). Весьма характеренъ и засвидѣтельствованный Янсономъ (стр. 182) фактъ, что «въ большинствѣ государствъ maximum браковъ отъ 25 до 35,5%, заключается осенью, послѣ окончанія жатвы—время наиболѣе изобильнаго питанія».

Итакъ, дѣйствительно *брачность растетъ съ увеличеніемъ средствъ продовольствія*, съ облегченіемъ жизненныхъ условій, но для отдѣльныхъ классовъ общества вліяніе этого фактора *усложняется вліяніемъ роста потребностей*, тѣхъ или иныхъ запросовъ отъ жизни; если послѣдніе (какъ то имѣетъ мѣсто среди людей болѣе состоятельныхъ) съ увеличеніемъ средствъ существованія увеличиваются несоразмѣрно съ ними, *брачность въ этомъ относительномъ недостаткѣ средствъ къ жизни встрѣчаетъ точно такое же препятствіе, какъ и въ недостаткѣ конкретномъ*. Вотъ та поправка, или, вѣрнѣе, то дополненіе, которое, изслѣдуя причины колебаній въ коэффиціентѣ брачности, нужно сдѣлать къ общему положенію Мальтуса.

Намъ остается разобрать вкратцѣ вліянія, испытываемыя *рождаемостью* и *смертностью*. Замѣтимъ прежде всего, что было бы ошибочно высокій брачный возрастъ считать абсо-

---

[1]) Nitti, стр. 106—107.

[2]) Курьезную оговорку къ этому положенію вноситъ г. M. N. въ «Русскомъ Богатствѣ»: «если бретонская пословица «année de pommes—année de mariages» и справедлива, говоритъ онъ (стр. 45), то *только* (!) относительно того класса населенія, который и безъ яблокъ даетъ высокій % рождаемости».

лютно неблагопріятнымъ, а низкій, напротивъ, абсолютно благопріятнымъ для плодовитости брака. Наибольшей плодовитости мужчина, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ [1]), достигаетъ лишь 25—26 лѣтъ, когда его плодовитость опредѣляется цифрою 35 на 100, женщина же годамъ къ 20-ти (40 на 100). Но и при повышеніи этого возраста плодовитость не всегда уменьшается, иногда даже замѣчается обратное явленіе. Во Франціи, напр., пониженіе брачнаго возраста между 1851 и 1881 г. (для мужчинъ съ 30,2 на 29,9, для женщинъ съ 26,3 на 24,7 лѣтъ) сопровождалось пониженіемъ же, а не повышеніемъ рождаемости [2]). Въ той же Германіи, гдѣ, какъ мы видѣли, брачный возрастъ правильно повышается съ увеличеніемъ достатка, профессоръ Янсонъ констатируетъ слѣдующее явленіе: «чѣмъ самостоятельнѣе и обезпеченнѣе соціальное положеніе главы семьи, тѣмъ болѣе на него приходится непроизводительныхъ лицъ, на его счетъ живущихъ, и наоборотъ» [3]). Однако изслѣдованія Кеттлэ для Брюсселя, Фарра для Лондона, Вилларма, Пасси и Шейсона для Парижа показываютъ, что во всѣхъ этихъ городахъ наибольшимъ приростомъ населенія отличаются самые бѣдные кварталы. Не такъ давно (въ Revue Scientifique за 1889 годъ) французскій изслѣдователь Chervin произвелъ разсчетъ, аналогичный сдѣланному раньше Бертильономъ, по которому оказалось, что наименьшая рождаемость совпадаетъ съ наибольшею доходностью департаментовъ. Въ извѣстномъ изслѣдованіи Талльквиста «Recherches statistiques sur la tendence à une moindre fecondité des mariages» (Helsingfors, 1886) приведено немало доказательствъ тому положенію, что рождаемость уменьшается съ увеличеніемъ достатка [4]). Мы имѣемъ здѣсь, очевидно, явленіе совершенно аналогичное тому, которое было констатировано нами относительно брачности и точно также оно ничуть не свидѣтельствуетъ противъ существованія *прямой* зависимости между рожденіями и «средствами продовольствія».

Замѣчено прежде всего, что *неожиданно* увеличивающееся

---

[1]) См. «De la mesure et des lois de la fecondité conjugal», ст. J. Köröii Revue d'Economie Politique 1895, № 1, стр. 6—8.

[2]) Fetter, op. cit. стр. 70.

[3]) Статистика населенія, стр. 121.

[4]) См. также таблицы на стр. 54—63 цитированнаго сочиненія Феттера.

благосостояніе значительной массы населенія, т. е. тогда, когда это благосостояніе не успѣетъ еще породить соотвѣтственныхъ *потребностей*, всегда увеличиваетъ рождаемость [1]). Тѣмъ же различіемъ въ потребностяхъ объясняется противорѣчіе (оставленное Янсономъ необъясненнымъ, [2]), что въ то время, какъ въ Россіи большіе надѣлы крестьянъ и болѣе сильная рождаемость могутъ быть приведены въ соотношеніе другъ съ другомъ, во Франціи число земельныхъ собственниковъ въ департаментѣ обратно-пропорціонально рождаемости.

Вопросъ о соотвѣтствіи прироста населенія среди русскихъ крестьянъ съ ихъ экономическимъ положеніемъ вызвалъ въ нашей литературѣ небольшой обмѣнъ мнѣній, который мы не считаемъ возможнымъ обойти здѣсь молчаніемъ. Весьма убѣдительныя на этотъ счетъ данныя заключаетъ въ себѣ работа г. Щербины: «Крестьянское хозяйство по острогожскому уѣзду» (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по воронежской губ., т. III, вып. II, Воронежъ, 1887 г.). Вотъ двѣ небольшія таблицы, указывающія на различный приростъ населенія по разнымъ группамъ крестьянства и тѣмъ подкрѣпляющія высказанное нами выше положеніе.

РАЗРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ.	Естественный приростъ.	% прибыли или убыли населенія.	Земли на 1 наличный дворъ.	Головъ крупнаго скота на 1 дворъ.
Государственные . .	42,4	+26,7	15,8	5,1
Собственники . . .	31,4	+14,5	8,5	3,8
Дарственные	16,9	—14,3	3.2	4,6

Группы.	Средняя семья.	Десятинъ надѣльной земли на 1 дворъ.	Торгово-промышленныхъ заведеній на 100 двор.	% хозяйствъ съ батраками.	% бездомныхъ.	% хозяйствъ безъ рабочаго скота.	% хозяйствъ, не обработывавшихъ земли.	Головъ скота на 1 дворъ.	% хозяйствъ безъ рабоч. инвентаря.
Безземельная . .	3,8	0	3,1	1,2	16,1	86,5	85,8	0,7	87,9
До 5 дес.	5,5	3,4	6,0	2,8	4,3	37,2	10,0	3,2	36,6
Отъ 5 до 15 дес.	6,3	9,5	8,3	5,1	2,2	24,7	8,0	4,1	25,3
„ 15 „ 30 „	8,4	20,4	15,3	9,2	0,8	7,9	4,4	7,2	8,2
Свыше 30 дес.	12,4	36,7	32,4	15,8	0,3	1,8	1,6	12,7	1,1

[1]) Это признается и Феттеромъ, стр. 72. Примѣромъ можетъ служить тотъ толчокъ размноженію, который былъ данъ замѣною рабства крѣпостнымъ состояніемъ (Нитти, op. cit., стр. 159), а затѣмъ въ ближайшее къ намъ время освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи. См. Струве, Критическія замѣтки, 1894, стр. 199.

[2]) Статистика населенія, стр. 202.

Выводъ, къ которому приводятъ автора всѣ эти данныя, формулированъ имъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 83): «Причинная связь между высокимъ размѣромъ крестьянской семьи и наиболѣе благопріятными экономическими условіями, слѣдовательно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію». Что низкій уровень потребностей у русскаго крестьянина и слабое ихъ увеличеніе съ улучшеніемъ его экономическаго положенія играютъ здѣсь свою роль, въ этомъ легко убѣдиться изъ другихъ мѣстъ книги. Какъ видно изъ таблицы, помѣщенной на стр. 385, годовой расходъ государственныхъ крестьянъ *на пищу* сравнительно съ затратами на тотъ же предметъ бывшихъ помѣщичьихъ хотя выше, но вовсе не пропорціонально ихъ большему достатку (22,4 рубля на душу вмѣсто 21,0). Траты государственныхъ крестьянъ *на одежду* даютъ *по хозяйствамъ* даже обратное отношеніе (44 р. вм. 45) и самое ничтожное увеличеніе *по душамъ*. Избытокъ доходовъ падаетъ, какъ оказывается, преимущественно на удовлетвореніе „хозяйственныхъ нуждъ“ (36,6 р. вмѣсто 29,2 на 1 душу) и на платежи (31 вмѣсто 16,2 на 1 хозяйство). Ростъ личныхъ потребностей не служитъ такимъ образомъ у нашихъ крестьянъ препятствіемъ къ увеличенію ихъ семей, которыя поэтому и находятся въ соотвѣтствіи съ величиной надѣловъ и другими экономическими условіями.

По справедливости придавая большое значеніе сгруппированнымъ имъ такимъ образомъ даннымъ, г. Щербина однако не понялъ ихъ простого смысла и нашелъ нужнымъ для объясненія выдвинуть какой-то особый «законъ среднихъ потребностей». «Законъ среднихъ потребностей, въ формулировкѣ автора (стр. 449), допускаетъ существованіе только опредѣленнаго количества населенія, разъ у этого населенія нѣтъ надлежащихъ средствъ для поддержанія потребностей на извѣстномъ среднемъ уровнѣ, и въ этомъ заключается роковая сторона вліянія закона на жизнь». Эта смѣхотворная претензія на открытіе уже 100 лѣтъ тому назадъ открытаго закона была справедливо оцѣнена г. Струве: «Законъ среднихъ потребностей, говоритъ онъ [1]), повторяетъ то *общеизвѣстное* положеніе политической экономіи, что благосостояніе и размноженіе населенія опредѣляется доступными ему средствами существованія». Г. Тулинъ, прямо-

[1]) Критическія замѣтки etc., стр. 175.

линейный критикъ г. Струве, который не хотѣлъ простить автору «Критич. замѣтокъ» ни малѣйшаго уклоненія отъ завѣтовъ своихъ нѣмецкихъ наставниковъ, особенно строгъ къ его «мальтузіанскимъ» тенденціямъ. Онъ пытается подорвать значеніе данныхъ г. Щербины, свидѣтельствующихъ по его мнѣнію лишь о «неудачномъ пріемѣ группировки». «Очень естественно, говоритъ г. Тулинъ, что при не особенно большихъ различіяхъ въ образѣ жизни отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ мы получаемъ мало колеблющіяся среднія, если разобьемъ крестьянъ по группамъ; особенно если за основаніе при дѣленіи на группы возьмемъ размѣръ надѣла, не опредѣляющій непосредственно благосостоянія семьи и достающійся одинаково и богатому, и бѣдному крестьянину». Но г. Щербина не дѣлаетъ вовсе ошибки, приписываемой ему г. Тулинымъ; что размѣръ надѣла не принимается имъ за единственный признакъ благосостоянія, видно изъ приведенной выше таблицы, а равно изъ спеціальнаго анализа, производимаго на стр. 389 (op. cit.), тѣхъ составныхъ частей, изъ которыхъ слагаются доходы отдѣльныхъ группъ крестьянства. Относительно надѣла самъ авторъ, предупреждая г. Тулина, дѣлаетъ такую оговорку: «Надѣльная земля, какъ экономическій признакъ, не представляетъ собою абсолютнаго начала» (стр. 426). Что же касается наконецъ раздѣленія крестьянъ на группы, то нѣкоторыя неудобства такого пріема вполнѣ очевидны, но его неизбѣжность доказывается тѣмъ, что и западно-европейская статистика (укажемъ на статьи I. Конрада) безъ него не обходится. Въ общемъ г. Тулину не удается ни подорвать, ни умалить значенія данныхъ г. Щербины, подтверждающихъ, хотя и для одного лишь уѣзда Россіи, справедливость второго тезиса Мальтуса.

Намъ остается замѣтить, что хлѣбныя цѣны оказываютъ на рождаемость вліяніе, тождественное съ тѣмъ, которое мы отмѣтили раньше, говоря о брачности. Въ общемъ и выводъ нашъ по отношенію къ рождаемости не можетъ отличаться отъ того, который былъ сдѣланъ двумя страницами выше относительно брачности.

Что же касается наконецъ *смертности*, то тутъ положеніе Мальтуса оправдывается даже безъ тѣхъ оговорокъ, которыя пришлось внести при разсмотрѣніи явленій рождаемости и брачности. Ни одно положеніе статистики населенія не можетъ считаться столь установленнымъ, какъ то, что экономическія

условія оказываютъ рѣшающее вліяніе на смертность. Извѣстно, какъ страшно мало умираетъ людей состоятельныхъ въ раннемъ возрастѣ и какъ ихъ поразительно много среди умершихъ стариковъ. Бертильонъ говоритъ прямо, что профессіи, предполагающія матеріяльную обезпеченность, даютъ вообще весьма слабую смертность. Занятія родителей отражаются и на живучести потомства. Въ Швейцаріи, напр., смертность дѣтей лицъ духовныхъ, врачей и чиновниковъ колебалась между 116 и 144 на 1000 родившихся, тогда какъ для занимающихся обработкой волокнистыхъ веществъ она простиралась до 224 [1]). «Непосильный трудъ, бѣдность, плохія вообще условія жизни, говоритъ Янсонъ (ibid.), ослабляя организмъ матери, дѣлаютъ ребенка еще въ утробѣ матери неспособнымъ къ жизни и не обѣщаютъ ему долговѣчности и послѣ рожденья».

Такимъ образомъ положеніе Мальтуса по отношенію къ смертности можетъ почитаться совершенно оправданнымъ. А надо замѣтить, какое особенное значеніе имѣетъ этотъ факторъ въ дѣлѣ увеличенія населенія. Смертность, какъ показываетъ статистика и какъ на то указывалъ еще Мальтусъ [2]), обусловливаетъ собою рождаемость и обратно: рождаемость опредѣляетъ смертность. Когда увеличивается смертность,—увеличивается рождаемость, когда увеличивается рождаемость,—увеличивается и смертность [3]). Что же отсюда слѣдуетъ? Предположимъ, что *волею родителей* рождаемость увеличивается, но тотчасъ же, какъ мы знаемъ, должна увеличиться и смертность, такъ что желаніе этихъ добрыхъ людей умножить населеніе своего отечества приведетъ къ неожиданному результату (смерти дѣтей) и останется безъ большого вліянія на размѣры наличнаго населенія. Предположимъ обратный случай: увеличивается смертность (напр. подъ вліяніемъ эпидеміи или неурожая), это должно увеличить рождаемость, которая и восполнитъ потери,

---

[1]) Янсонъ, 281 стр. „Бѣдность, писалъ еще Моро де Жоннесъ (Élements de Statistique, 1847, 232—233), есть главная причина, сокращающая жизнь... Въ теченіе 20 лѣтъ, несмотря на улучшенія въ домашней жизни, бѣдность, болѣе могущественная, чѣмъ все сдѣланное добро, учетверила смертность бѣднѣйшихъ кварталовъ Парижа по сравненію съ богатыми“.

[2]) Essay, B. II., ch, XII.

[3]) По Янсону это объясняется большею смертностью дѣтей (стр. 202); однако же, по устраненіи этого фактора (стр. 262), порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ государства по размѣрамъ смертности, остается тѣмъ же. Такимъ образомъ, смертность увеличиваютъ не дѣти, а прямо таки большая рождаемость, что вполнѣ подтверждаетъ доктрину Мальтуса.

*

понесенныя населеніемъ. Такимъ образомъ, вся та особая предусмотрительность или, напротивъ, непредусмотрительность людей при вступленіи въ бракъ и при произведеніи въ свѣтъ потомства, о которой мы говорили выше, играетъ въ сущности подчиненную роль по сравненію съ могущественными (и преимущественно экономическими) факторами, опредѣляющими смертность. Это лишній доводъ въ пользу общей основательности второго тезиса Мальтуса. Статистика вообще вполнѣ его подтверждаетъ, подчеркивая лишь съ своей стороны вліяніе достатка и связанныхъ съ нимъ потребностей на коэффиціентъ рождаемости и брачности.

Мы говорили до сихъ поръ о первыхъ двухъ тезисахъ Мальтуса. Что же касается третьяго—«препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, держать населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся къ нравственному воздержанію, пороку и несчастьямъ»,—то этотъ тезисъ не можетъ разумѣется претендовать на такое же научное значеніе, какъ первые два. Тѣмъ не менѣе характерно, что и онъ не отвергается нѣкоторыми современными учеными. Феттеръ указываетъ только на неполноту классификаціи Мальтуса, упускающаго изъ виду естественное безплодіе женщинъ. Точно также и Вагнеръ, принимая Мальтусову классификацію препятствій на предупредительныя, «т. е. дѣйствующія преимущественно психологически», и разрушительныя, «дѣйствующія преимущественно физіологически», говоритъ лишь объ ея дальнейшемъ развитіи. Ему кажется [1]) именно, что «психологическіе моменты, играющіе здѣсь свою роль, должны быть рѣзче выдвинуты и разобраны». Съ этимъ дѣйствительно нельзя не согласиться въ виду огромнаго вліянія на брачность и рождаемость указанныхъ выше и недостаточно оцѣненныхъ Мальтусомъ психическихъ моментовъ, основанныхъ на обладаніи извѣстнымъ достаткомъ и тѣмъ или инымъ общественнымъ положеніемъ.

V.

Лишь немногими учеными однако разобранныя три положенія Мальтуса признаются за истинную сущность его ученія. Большинствомъ подобное значеніе приписывается если не прямо

---

[1]) Lehr-und Handbuch, стр. 524.

прогрессіямъ, то по крайней мѣрѣ выраженной ими тенденціи человѣчества размножаться быстрѣе, чѣмъ увеличиваются средства продовольствія. Чтобы бы мы ни говорили поэтому о положеніяхъ, которыми самъ Мальтусъ формулировалъ свое ученіе, какъ бы убѣдительно ни доказывали ихъ истинность, мы всегда можемъ услышать въ отвѣтъ: «это ни мало не подтверждаетъ основной мысли Мальтуса, указанной имъ тенденціи размноженія... Докажите намъ эту тенденцію».

Вопросъ о злополучной «тенденціи» служитъ предметомъ величайшихъ разногласій и нескончаемыхъ, но, къ сожалѣнію, мало вразумительныхъ споровъ между экономистами. Мальтусъ правъ, говорятъ одни изъ нихъ, потребности человѣчества увеличиваются быстрѣе, нежели средства къ ихъ удовлетворенію; Мальтусъ не правъ, говорятъ другіе, въ дѣйствительности происходитъ прямо обратное; Мальтусъ не правъ, говорятъ наконецъ третьи, «никакого абстрактнаго закона населенія не существуетъ», каждой эпохѣ соотвѣтствуетъ свой особенный законъ. Таковы три взаимно исключающія положенія по этому вопросу современной экономической литературы, положенія, изъ коихъ первое имѣетъ наибольшее количество приверженцевъ, второе—теряетъ повидимому уже всякій кредитъ, а третье составляетъ удѣлъ одной группы писателей—соціалистовъ, повторяющихъ въ данномъ случаѣ слова Маркса. Но гдѣ же соотвѣтствующія этимъ тремъ положеніямъ доказательства? Самоувѣренный оптимизмъ такихъ писателей, какъ Бастіа, Вандер-Смиссенъ и имъ подобные, въ доказательствахъ вообще не нуждаются. Ссылки на Провидѣніе, на предустановленную гармонію, на здравый смыслъ,—даютъ имъ уже достаточную, по ихъ мнѣнію, силу для механическаго переворачиванія мальтусова положенія наизнанку. Но любопытно, что и другіе два взгляда, заслуживающіе полнаго вниманія съ нашей стороны, при всей ихъ категоричности, опираются такъ же мало на самостоятельный анализъ ихъ сторонниками фактовъ дѣйствительной жизни.

«Каждому исторически особенному способу производства, говоритъ Марксъ, соотвѣтствуетъ свой собственный законъ возрастанія населенія, имѣющій только историческое значеніе». Каковы же, спросимъ мы, эти особенные законы и почему они, по Марксу, стоятъ въ противорѣчіи, а не являются лишь частными случаями общаго мальтусова закона? Вопросовъ этихъ

Марксъ не разрѣшаетъ. Онъ довольствуется анализомъ современнаго относительнаго перенаселенія, не стоящаго якобы ни въ какой связи съ естественнымъ размноженіемъ людей и заявляетъ прямо, заявляетъ безъ тѣни какихъ либо спеціальныхъ доказательствъ, хотя, какъ мы уже говорили, и въ духѣ всего своего соціологическаго ученія, что естественный приростъ населенія вообще не играетъ первичной роли: экономическія условія отдѣльныхъ историческихъ эпохъ по-своему регулируютъ ростъ населенія. Но до тѣхъ поръ, пока эти особые историческіе законы не формулированы и не намѣчены даже въ самыхъ общихъ чертахъ, ссылка на нихъ не отличается убѣдительностью, что же касается спеціально относительнаго перенаселенія, соотвѣтствующаго капиталистическому строю, то и тутъ, несмотря на всю проявленную Марксомъ глубину анализа, полная независимость этого относительнаго перенаселенія отъ размноженія людей доказанной почитаться не можетъ. Относительное перенаселеніе порождается капиталистической формой промышленности, но самый капитализмъ, не требуетъ ли онъ для своего возникновенія нѣкоторой избыточности рабочихъ рукъ, нѣкотораго перепроизводства работниковъ? Вотъ вопросъ, который ставитъ Ланге и разрѣшаетъ [1]) въ смыслѣ признанія за естественнымъ размноженіемъ людей извѣстнаго вліянія на созданіе современной экономической формы.

Однако, когда тотъ же писатель съ своей стороны заявляетъ (ibid, стр. 290): «изъ всего мальтузіанства мы признаемъ лишь ту простую истину, что и человѣкъ—хотя въ меньшей степени, чѣмъ почти всѣ остальные организмы,—имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ допускаютъ производительныя силы данной мѣстности, и что онъ вслѣдствіе этого понынѣ еще остается подъ вліяніемъ борьбы за существованіе»,—нельзя сказать, чтобы эта, по мнѣнію Ланге, «простая» и тѣмъ не менѣе оспариваемая истина получала у него прочное и совершенно убѣдительное обоснованіе; наоборотъ, она является не больше, какъ однимъ изъ членовъ исповѣдуемаго нашимъ философомъ символа вѣры. Чаще всего писатели, принимающіе мальтусову тенденцію, стараются защитить ее ссылкой на авторитеты или на общепризнанность этого явленія. «Большинствомъ экономистовъ въ наши дни, говоритъ проф.

---

[1]) Рабочій вопросъ, гл. V.

Эльстеръ [1]), мальтусово ученіе признается вѣрнымъ въ его существенныхъ чертахъ. Это означаетъ не то, чтобы ими одобрялись отдѣльныя утвержденія, напр. ариѳметическая и геометрическая прогрессіи, но то, что они принимаютъ самое ядро теоріи, т. е. признаютъ, что населеніе имѣетъ тенденцію размножаться быстрѣе, чѣмъ могутъ увеличиваться средства пропитанія». По мнѣнію Каутскаго [2]), означенная тенденція составляетъ не что иное, какъ «физіологическій фактъ» (physiologische Thaatsache), установленіемъ котораго напрасно только ограничились Мальтусъ и его ученики; имъ слѣдовало разобрать причины современной бѣдности.

Таково отношеніе къ разбираемому пункту ученія Мальтуса тѣхъ изъ экономистовъ, которые признаютъ его правильнымъ. Для нихъ это физіологическій фактъ, общераспространенная истина или продуктъ глубокаго убѣжденія. Во всѣхъ такихъ отзывахъ сказывается довольно ясно нежеланіе или неспособность взглянуть глубже въ вопросъ, выходящій, повидимому, изъ сферы компетенціи экономистовъ. Къ кому же намъ обратиться за его разрѣшеніемъ? «Физіологическій фактъ» разсмотрѣнъ съ достаточной полнотою въ двухъ капитальныхъ трудахъ величайшаго изъ біологовъ; мнѣніе его и является особенно авторитетнымъ въ данномъ случаѣ.

Какъ, вѣроятно, уже извѣстно нашимъ читателямъ, ученіе Дарвина сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Опыта о народонаселеніи», чего не скрывалъ и самъ Дарвинъ [3]). Разсужденія Мальтуса казались ему совершенно правильными, а доказательства, на которыхъ построены эти разсужденія, настолько убѣдительными, что онъ писалъ: «извѣстно (sic), что у цивилизованныхъ народовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, какъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, населеніе удваивается въ теченіе 25 лѣтъ; а по вычисленію Эйлера оно можетъ удваиваться даже въ теченіе немного больше,

---

[1]) Bevölkerungslehre etc., стр. 515. (Русскій переводъ въ сборникѣ «Народонаселеніе»).

[2]) Einfluss der Volksvermehrung etc., стр. 28.

[3]) «Перечитывая сочиненіе Мальтуса, говоритъ онъ («Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія», рус. пер. 1868 г., т. I, стр. 10), я тотчасъ же увидѣлъ, что естественный подборъ долженъ быть неизбѣжнымъ результатомъ быстраго размноженія всѣхъ органическихъ существъ; что же касается борьбы за существованіе, то я былъ приготовленъ вполнѣ оцѣнить ее моими долгими наблюденіями надъ нравами и привычками животныхъ».

чѣмъ 12 лѣтъ». Къ этому мѣсту сдѣлано примѣчаніе: «см. незабвенный трудъ Мальтуса» и указаны соотвѣтственныя страницы [1]). А вотъ какую, болѣе широкую и болѣе научную формулировку ученіе англійскаго экономиста получаетъ въ сочиненіи англійскаго біолога. «Борьба за существованіе, читаемъ мы въ книгѣ Дарвина «О происхожденіи видовъ» [2]), необходимо вытекаетъ изъ быстрой прогрессіи, въ которой стремятся размножиться всѣ органическія существа. Всякій организмъ, производящій въ теченіе своей жизни много яицъ или сѣмянъ, долженъ подвергаться истребленію въ извѣстные возрасты или въ извѣстныя времена года, не то, въ силу геометрической прогрессіи, число его потомковъ быстро возрастало бы такъ безмѣрно, что никакая страна въ мірѣ не была бы въ силахъ ихъ пропитать». Все это разсужденіе Дарвинъ цѣликомъ примѣняетъ и къ человѣку. «Древніе прародители человѣка, говоритъ онъ, *подобно всѣмъ другимъ животнымъ*, вѣроятно тоже имѣли наклонность размножаться выше своихъ средствъ къ существованію; поэтому они должны были подвергаться по временамъ борьбѣ за существованіе, а слѣдовательно подлежать суровому закону естественнаго подбора. Такимъ образомъ всевозможныя полезныя видоизмѣненія были временно или постоянно сохраняемы, а неблагопріятныя исключались». Не слѣдуетъ думать, что борьба за существованіе прекратилась съ выработкой современнаго человѣческаго типа. И до сихъ поръ «первое и главное препятствіе къ размноженію человѣка есть затруднительность добыванія насущнаго хлѣба» [3]).

Ученіе Дарвина, какъ извѣстно, является господствующимъ въ современной біологіи; на многія другія науки оно наложило печать своего глубокаго вліянія. Съ нимъ невозможно раздѣлаться нѣсколькими презрительными словами, оспаривать же его, обыкновенно, не рѣшаются противники такъ назыв. мальтусова закона [4]). Имъ остается, поэтому, только одно: стараться

---

[1]) «Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу», перев. подъ ред. Сѣченова, 1871 г., 145 стр.

[2]) Переводъ Рачинскаго, 1865 г., стр. 51.

[3]) «Происхожденіе человѣка», стр 150, 145.

[4]) Любопытно, въ какія противорѣчія впадаетъ Нитти, желающій отстоять Дарвина, не принимая въ то же время выводовъ Мальтуса. Op. cit., стр. 66—67. Характерна также попытка „стараго трансформиста“ (Чернышевскаго) опровергнуть ученіе Дарвина, *какъ оправдывающее антипатичные выводы Мальтуса.*

ограничить примѣнимость дарвинова ученія, утверждая, что размноженіе человѣка не подчиняется тѣмъ законамъ, которые управляютъ размноженіемъ другихъ животныхъ и растеній. Мы видѣли, однако, что самъ Дарвинъ подобнаго разграниченія не признаетъ. Иначе, разумѣется, онъ и не могъ поступить: важнѣйшія пріобрѣтенія современной біологіи основываются именно на примѣненіи ко *всему* животному міру (включая и человѣка) общихъ методовъ изученія, на уничтоженіи мнимой пропасти между «вѣнцомъ творенія» и другими, менѣе привилегированными, продуктами той же творческой силы природы. Лишь какъ звено въ общей цѣпи животныхъ породъ, человѣкъ сталъ объектомъ строго-научнаго изслѣдованія и теперь вдругъ люди науки предлагаютъ намъ разорвать эту цѣпь, чтобы въ одномъ вопросѣ о размноженіи признать полную независимость человѣка. Гдѣ же тѣ вѣскіе доводы, которые бы заставили насъ отказаться отъ примѣнявшихся съ такимъ успѣхомъ методовъ, гдѣ факты, противорѣчащіе добытымъ этимъ путемъ обобщеніямъ? Фактъ относительнаго перенаселенія свойственеиъ, разумѣется, лишь человѣческому обществу, но говоритъ ли онъ что нибудь противъ примѣнимости къ человѣку общаго біологическаго закона?

Явленія общественной жизни людей отличаются, по сравненію съ жизнью животныхъ, значительною сложностью, однако эта большая сложность обязываетъ ученаго только внимательно анализировать тѣ силы, которыя могутъ осложнять въ человѣческомъ обществѣ дѣйствіе простыхъ біологическихъ законовъ, вовсе не требуя того, чтобы законы эти объявлялись имъ совершенно непримѣнимыми къ человѣку. Напротивъ, въ самой высокой степени *общественное* животное, человѣкъ не перестаетъ быть животнымъ; служа объектомъ психологическаго и даже соціологическаго изслѣдованія, онъ продолжаетъ давать матеріалъ и для сравнительной физіологіи. Поэтому, имѣя въ виду значительное сходство въ строеніи и въ отправленіяхъ половыхъ органовъ человѣка съ таковыми же у другихъ высшихъ животныхъ, мы вправѣ ожидать для него въ дѣлѣ генезиса лишь тѣхъ особенностей, которыя можетъ создать болѣе развитая психическая дѣятельность, осложняющая, въ отдѣльныхъ случаяхъ быть можетъ даже парализующая, но не уничтожающая вполнѣ дѣятельность чисто физіологическую. Собственно говоря, по отношенію къ размноженію человѣкъ поставленъ не въ болѣе, а

въ менѣе выгодныя условія, чѣмъ прочія животныя. «Течка животныхъ (а слѣдовательно и соотвѣтствующее ей возбужденіе полового чувства), читаемъ мы въ спеціальномъ сочиненіи д-ра Гегара [1]), выпадаетъ на ту часть года, когда тепла и корма особенно много. И то, и другое еще застаютъ дѣтеныши». У людей, напротивъ, половое чувство возбуждается гораздо чаще и легче, оно не связано съ опредѣленнымъ періодомъ или временемъ года и можетъ проявлять свое дѣйствіе безпрерывно, почему и зачатіе способно наступать у женщины при самыхъ невыгодныхъ для жизни будущаго ребенка условіяхъ. Но не встрѣчающее никакихъ особыхъ *физіологическихъ* препятствій размноженіе людей, какъ мы сказали, можетъ парализоваться сознательной человѣческой *волей*.

Въ какихъ же случаяхъ и въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ допустить дѣйствіе этого фактора?

Въ предыдущей главѣ, опираясь на данныя статистики, мы пришли къ тому выводу, что экономическія условія оказываютъ величайшее вліяніе на увеличеніе населенія. Вліяніе это, какъ мы видѣли, отнюдь не непосредственнаго свойства, оно проявляетъ себя чрезъ посредство по преимуществу психическаго момента — потребностей (не только простѣйшихъ, насущнѣйшихъ, но и болѣе сложныхъ, потребностей въ удобствахъ, роскоши, извѣстныхъ наслажденіяхъ). Свойство этихъ потребностей, когда онѣ являются привычными для человѣка, не оказываетъ большого вліянія на то чувство неудовольствія, которое онъ испытываетъ при наступающемъ вслѣдствіе различныхъ условій неудовлетвореніи ихъ. Поэтому отказъ отъ нѣкоторыхъ удобствъ со стороны представителя привилегированныхъ классовъ можетъ оказать такое же вліяніе на его склонность къ продолженію рода, какъ для рабочаго —отказъ въ удовлетвореніи наисущественнѣйшей потребности въ пищѣ. Но во всякомъ случаѣ ничто иное, какъ именно *неудовлетвореніе* потребностей, слѣдовательно абсолютный или относительный *недостатокъ* удовлетворяющихъ эти потребности предметовъ, оказывается неблагопріятнымъ для размноженія, недостатокъ, а не изобиліе. Точно также и общая недостаточность предметовъ потребленія въ годы неурожая или другихъ стихійныхъ бѣдствій

---

1) Hegar, Der Geschlechtstrieb, eine Social-medizinische Studie, 1894, стр. 2—3.

проявляетъ, какъ мы видѣли, репрессивное дѣйствіе на общій приростъ населенія.

Итакъ, вліяніе психическаго фактора на плодовитость человѣка обнаруживается здѣсь въ одномъ опредѣленномъ рядѣ случаевъ: при абсолютномъ или относительномъ недостаткѣ абсолютно или относительно необходимыхъ для жизни человѣка предметовъ. Иными словами, только замѣчая ограниченность и истощимость служащихъ для удовлетворенія его потребностей вещей, человѣкъ перестаетъ увеличивать дѣлителя опредѣленной, имъ самимъ раздѣляемой съ другими суммы. А до тѣхъ поръ онъ не находитъ нужнымъ полагать предѣла упражненію своихъ физическихъ способностей.

Такъ ограничена, повидимому, область примѣненія психологическихъ мотивовъ въ дѣлѣ человѣческаго генезиса, сокращаемаго обыкновенно уже тогда, когда «тенденція человѣчества къ размноженію за предѣлы имѣющихся средствъ продовольствія» успѣетъ не только осуществиться, но и дать почувствовать людямъ всѣ свои невыгодныя послѣдствія. Способный къ нѣкоторой долѣ предвидѣнія, человѣкъ, разумѣется, можетъ и не дожидаться этихъ «невыгодныхъ послѣдствій», онъ можетъ предупредить ихъ наступленіе, заранѣе обрекши себя на воздержанность въ половыхъ отношеніяхъ [1]). Но очевидно, что и въ этомъ случаѣ существованіе констатированной Мальтусомъ тенденціи невозможно оспаривать; даже при предположеніи полной дѣйствительности «нравственнаго воздержанія» (предположеніе, какъ мы видимъ, не всегда оправдываемое жизнью), примѣненіемъ этого средства означенная тенденція подвергается только извѣстному контролю и регулированію, что говоритъ, очевидно, не противъ, а въ пользу самой ея наличности.

Такимъ образомъ ни въ физіологической, ни въ психической природѣ человѣка мы не находимъ тѣхъ свойствъ, которыя бы сдерживали размноженіе людей, такъ сказать, самопроизвольно, совершенно независимо отъ препятствій, поставляемыхъ населенію недостаточностью наличныхъ средствъ продовольствія. Сказаннымъ, какъ намъ кажется, въ значительной мѣрѣ уже оправдывается мальтусова тенденція, или, что то же, распространеніе непосредственной «борьбы за существованіе» на весь жи-

---

[2]) „Предупредительныя препятствія, поскольку они добровольны, составляютъ особенность человѣка, возникающую изъ превосходства его ума, способнаго взвѣшивать отдаленныя послѣдствія“. Essay, стр. 7.

вотный міръ, не исключая и человѣческаго общества. Но мы пришли теперь къ вопросу: на столько ли дѣйствительно недостаточенъ общій приростъ продовольствія, чтобы вызывать въ людяхъ стремленіе къ сокращенію ихъ размноженія, или недостаточность эта только кажущаяся, порождаемая современной экономической формой. Вокругъ этого-то вопроса, собственно говоря, и вертится большая часть серьезныхъ возраженій, направляемыхъ противъ мальтусова ученія.

Неосновательность пессимистическаго взгляда Мальтуса признается его противниками вполнѣ очевидной; даже его сторонники не могутъ не признать того, что прогрессъ техники и ростъ современной промышленности плохо укладываются въ рамки ариѳметической прогрессіи. Что Мальтусъ не имѣлъ правильнаго представленія о размѣрахъ усовершенствованій, которыя способенъ внести человѣкъ въ обработку и добываніе даровъ природы, противъ этого въ наше время едва ли можно спорить. Для насъ будетъ совершенно достаточно противопоставить его «Опыту» цитированныя выше книжки Каутскаго и Шиппеля, гдѣ хорошо сгруппированы данныя, рисующія всю головокружительную быстроту прогресса современной техники [1]) и нѣкоторыя изъ тѣхъ перспективъ, которыя еще открываются человѣчеству въ будущемъ. Мальтусъ со своими скромными вычисленіями будущихъ урожаевъ не выдержитъ, очевидно, отвѣта предъ минеральнымъ удобреніемъ, земледѣльческими машинами и сложнымъ сѣвооборотомъ нашего времени. Легко замѣтить, что возможность техническихъ усовершенствованій нѣсколько замалчивалась въ «Опытѣ», авторъ котораго данное состояніе земледѣлія и промышленности склоненъ былъ принимать какъ бы за пограничную черту, дальше которой идти уже некуда. Любопытно, что даже въ учетѣ *извѣстныхъ* ему производительныхъ силъ человѣчества Мальтусъ проявлялъ такую же скупость, такъ, напр., онъ совершенно игнорировалъ женскій трудъ, не только трудъ фабричный, что было бы по тому времени вполнѣ понятно и простительно, но вообще всякій трудъ женщинъ, откуда и получалось, что, женясь, человѣкъ будто бы только дѣлитъ свой *прежній* доходъ на большее количество ртовъ.

---

[1]) Идея *прогресса* вообще не созрѣла еще въ умѣ Мальтуса, видѣвшаго во вселенной лишь постоянное *движеніе* средствъ продовольствія и населенія (πανα ρετ).

Не будемъ однако останавливаться дольше на томъ, что, многое смягчая въ мрачности выводовъ Мальтуса, не касается ихъ тѣмъ не менѣе по существу. Обратимся лучше къ поставленному выше вопросу и выяснимъ слѣдующія три вещи: во-первыхъ, существуютъ ли признаки перенаселенія въ настоящее время, во-вторыхъ, въ какомъ смыслѣ надо понимать выраженіе «перенаселеніе», и, въ-третьихъ, усиливается ли съ теченіемъ времени опасность перенаселенія. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ трактовать этихъ въ высшей степени важныхъ вопросовъ со всей необходимой полнотой и потому да проститъ намъ читатель, если мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями, необходимыми для выясненія той доли истины, которую заключаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи мальтусово ученіе.

Какъ законъ ренты Рикардо, такъ и законъ уменьшенія доходности земли Мальтуса, оба эти положенія, тѣсно связанныя между собой, принимаются нынѣ большею частью экономистовъ [1]). Непосредственное наблюденіе говоритъ намъ о томъ, что потребности земледѣлія вынуждаютъ людей прибѣгать постоянно къ новымъ участкамъ земли, отвоевывая себѣ пашню отъ луговъ, лѣсовъ и даже моря. Но то же наблюденіе, показывающее такимъ образомъ, что между наличнымъ населеніемъ и наличными запасами пищи обнаруживается отъ времени до времени извѣстное несоотвѣтствіе (несоотвѣтствіе, которое нисколько не опровергается возможностью аграрныхъ кризисовъ и относительнаго перепроизводства въ сельскомъ хозяйствѣ), указываетъ далѣе, что эти наличные запасы пищи не отличаются желательною эластичностью и не всегда могутъ быть по желанію увеличены. Мы уже говорили выше, что положеніе Мальтуса «большая рождаемость сопровождается большею смертностью» находитъ себѣ полное подтвержденіе, и пояснили тогда, что явленіе это, вопреки мнѣнію проф. Янсона, не находится ни въ какой зависимости отъ смертности дѣтей. Фактъ тотъ, что, когда гдѣ либо увеличивается рождаемость, получаемый такимъ образомъ избытокъ населенія фатальнымъ образомъ становится добычей смерти. Чѣмъ же можно объяснить это явленіе, какъ не трудностью увеличить

---

1) Въ «Основаніяхъ полит. эк.» Милля (т. I, стр. 325—330) читатель найдетъ весьма остроумныя соображенія, которыми англійскій экономистъ объединяетъ и доказываетъ обѣ теоремы.

въ желаемой мѣрѣ существующіе и, надо прибавить, доступные для населенія запасы продовольствія? А это, въ свою очередь, не есть ли лучшее доказательство наличности *перенаселенія*, понимаемаго, какъ доходящая до невозможности трудность для нѣкоторой части населенія найти себѣ въ любое время необходимое пропитаніе.

Но тутъ на выручку побиваемаго жизнью оптимизма противниковъ Мальтуса является въ извѣстныхъ отношеніяхъ удобное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вносящее столько путаницы разграниченіе *абсолютнаго* и *относительнаго* перенаселенія. Отчего, спросятъ многіе, происходитъ эта «доходящая до невозможности трудность»? Ужъ будто бы отъ абсолютной неспособности почвы дать пропитаніе увеличивающемуся населенію?

Отчего бы ни происходила, отвѣтимъ мы, для уясненія вопроса о самомъ существованіи перенаселенія—безразлично: перенаселеніе не перестанетъ быть перенаселеніемъ, если мы прибавимъ къ нему эпитетъ—«относительный». И ошибаются тѣ, которые думаютъ, что они побиваютъ Мальтуса одной этой прибавкой. Положимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ смѣшивалъ причины экономическія съ естественными (откуда и проистекали многія изъ его ошибокъ по вопросамъ прикладной экономіи), но все-таки онъ никогда не утверждалъ, что существующее перенаселеніе («перенаселеніе уже существуетъ») есть именно перенаселеніе абсолютное. Напротивъ, онъ указывалъ на ограничивающую роль частной собственности, чѣмъ и давалъ понять, что нелѣпая мысль о невозможности расширить предѣлы современнаго земледѣлія была ему совершенно чужда. Такимъ образомъ и Мальтусъ, говоря о перенаселеніи, не имѣлъ вовсе въ виду перенаселенія абсолютнаго. Если однако онъ не дѣлалъ отсюда всѣхъ необходимыхъ выводовъ, то вовсе не по отсутствію у него правильнаго взгляда на природу перенаселенія, но по свойственной всѣмъ тогдашнимъ экономистамъ неспособности отвлечься отъ современныхъ имъ экономическихъ условій и, въ частности, отъ существовавшаго тогда и продолжающаго существовать нынѣ характера распредѣленія.

Остается, слѣдовательно, окончательно условиться, что понимать подъ словомъ «перенаселеніе». Изъ сличенія разныхъ мѣстъ «Опыта» нетрудно убѣдиться, что Мальтусъ понималъ

подъ нимъ *всякое* несоотвѣтствіе между наличнымъ населеніемъ и существующими запасами продовольствія. И что же? Имѣя въ виду не возможность, а дѣйствительность, не всю сумму заложеннаго въ землѣ продовольствія, а ту его часть, которая въ данный моментъ находится въ распоряженіи главной массы населенія, не вправѣ ли мы сказать вмѣстѣ съ Мальтусомъ, что населеніе часто оказывается превосходящимъ продовольствіе? Фактъ постояннаго существованія разрушительныхъ, по терминологіи Мальтуса, препятствій находитъ себѣ объясненіе именно въ этомъ признаніи наличности перенаселенія, понимаемаго въ указанномъ выше смыслѣ. Что подобное пониманіе плохо гармонируетъ съ односторонними практическими выводами, которые самъ Мальтусъ сдѣлалъ изъ своего ученія, съ этимъ мы не станемъ спорить; но, служа лишнимъ доводомъ противъ отвергаемой нами прикладной части мальтусова ученія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ новую опору его научнымъ основамъ и *примиряетъ* ихъ съ самыми вѣскими возраженіями критиковъ Мальтуса [1]). Мы не можемъ не подчеркнуть однако и односторонности этихъ послѣднихъ; слѣдуя его же примѣру, они слишкомъ «перегибаютъ палку въ другую сторону» (таково заключительное признаніе Мальтуса) и впадаютъ въ противоположную односторонность. Наличные, доступные массѣ населенія запасы пищи могутъ быть увеличиваемы двоякимъ путемъ: реформою распредѣленія и прогрессомъ сельскаго хозяйства. Мальтусъ упускалъ изъ виду первое, его противники зато охотно забываютъ о необходимости второго [2]). Коренная реформа въ области распредѣленія освободитъ извѣстное количество энергіи, которая и направится на поддержаніе новыхъ жизней; это будетъ для избыточнаго населенія нѣчто вродѣ открытія новаго материка. Но подобно тому, какъ послѣднее открытіе только отсрочитъ, но не уничтожитъ навсегда бѣдствія перенаселенія, также и реформа распредѣленія будетъ лишь временнымъ исходомъ, вліяніе котораго прекра-

---

[1]) Мысль о такомъ примиреніи кажется г. Ник.—ону сущею нелѣпостью. «Теорія населенія Маркса дополняетъ (?), но не опровергаетъ (!) теоріи Мальтуса»,—въ такомъ видѣ приводитъ онъ слова г. Струве («Рус. Б», 1895, № 3, стр. 53). Рекомендуемъ г. Ник.—ону заглянуть въ курсъ проф. Вагнера, чтобъ убѣдиться, что подобный взглядъ не можетъ быть приписанъ одному «невѣжеству» г. Струве.

[2]) Соціалистъ Каутскій, будучи мальтузіанцемъ, этого не забываетъ. «Всякая попытка улучшить распредѣленіе въ пользу угнетенныхъ классовъ, говоритъ онъ (op. cit., стр. 165), должна окончиться неудачей, если она не сопровождается увеличеніемъ производительности земли.

тится, когда населеніе перерастетъ и это новое увеличеніе средствъ пропитанія.

Да не подумаетъ читатель, что мы придаемъ мало значенія требуемой противниками Мальтуса реформѣ распредѣленія. Напротивъ, если грѣшно было бы держать подъ спудомъ вновь открытый материкъ, то еще болѣе грѣшно было бы отсрочивать реформу, способную уменьшить число жертвъ возникающаго перенаселенія. Мы дѣлаемъ лишь ту оговорку, что весь вопросъ о перенаселеніи не устраняется еще, по нашему мнѣнію, этой дѣйствительно необходимой реформой, точно также какъ не рѣшается онъ и другими, указываемыми оптимистами, способами. Вопреки предвидѣніямъ Спенсера, генезисъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе культурныхъ странахъ не обнаруживаетъ тенденціи къ сокращенію [1]). Съ другой стороны, на примѣрахъ Индіи и Китая можно убѣдиться, что крайняя густота населенія сама по себѣ еще не служитъ препятствіемъ для новыхъ и новыхъ рожденій. Болѣе обоснованными представляются намъ разсчеты тѣхъ изъ противниковъ Мальтуса, кто въ улучшеніи матеріальнаго положенія массъ видитъ залогъ противъ опасности перенаселенія. Достатокъ, благосостояніе стоятъ дѣйствительно, какъ мы говорили, въ антагонизмѣ съ большой плодовитостью браковъ, но, какъ мы убѣдились тогда же, все дѣло въ сущности зависитъ отъ уровня потребностей; ростъ послѣднихъ, а онъ неизбѣженъ, можетъ и долженъ въ значительной степени парализовать тѣ выгоды, которыя будутъ достигнуты поднятіемъ жизненныхъ условій для главной массы населенія.

Каковъ же будетъ нашъ окончательный выводъ по вопросу о перенаселеніи? Мы указали выше на признаки избыточности населенія или недостаточности средствъ продовольствія (что все равно) уже въ современномъ намъ обществѣ. Непосредственной причиной этой избыточности или этой недостаточности мы считаемъ господствующую экономическую форму, способствующую концентраціи средствъ продовольствія и образованію искусственнаго перенаселенія [2]). Но эта непосредственная

[1]) Въ Пруссіи, напр., съ 1816—1820 по 1881—1890 гг. рождаемость значительно увеличилась (съ 3,87 до 4,47). Брачная плодовитость средней и восточной Европы съ конца наполеоновыхъ войнъ въ общемъ не измѣнилась. См. ст. Geburtenstatistik, въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, стр. 720. Пониженіе рождаемости въ другихъ странахъ находитъ себѣ объясненіе, далекое отъ спенсеровой гипотезы.

[2]) Попытки оспорить существованіе относительнаго перенаселенія (вродѣ той, которую дѣлаетъ Зётберъ, Die Stellung der Socialisten, 42—43), едва ли могутъ претендовать въ наше время на какое-либо научное значеніе.

причина не мѣшаетъ намъ видѣть причины болѣе основной, которая проявитъ свое непосредственное дѣйствіе, какъ только будетъ устранена настоящая непосредственная причина. «Если пока, справедливо говоритъ Каутскій [1]), естественное перенаселеніе нигдѣ еще не наблюдается, то это происходитъ оттого, что современное общество носитъ въ себѣ столько разрушительныхъ и предупредительныхъ препятствій, что подобное перенаселеніе становится невозможнымъ... Но не нашимъ далекимъ потомкамъ, не нашимъ дѣтямъ, а намъ самимъ грозитъ опасность перенаселенія, лишь только мы осмѣлимся разрѣшить соціальный вопросъ».

Успокаивать себя тѣмъ, что всякое перенаселеніе можетъ быть уничтожено переходомъ къ высшей промышленной формѣ— рѣшительно невозможно [2]): ростъ населенія будетъ идти по пятамъ всѣхъ этихъ «переходовъ». Въ результатѣ такой бѣшеной скачки человѣчество наконецъ достигнетъ пограничной черты, дальше которой идти уже некуда: потенціальныя силы вселенной имѣютъ свои предѣлы. «Образованіе органическаго вещества изъ неорганическаго, читаемъ мы въ статьѣ г. Тимирязева «Историческій методъ въ біологіи», есть процессъ эндотермическій, идущій съ поглощеніемъ тепла, процессъ, связанный съ затратой энергіи. Но всѣ источники энергіи, находящіеся на поверхности нашей планеты въ видѣ запаса, представляютъ, очевидно, величину предѣльную. Единственнымъ обезпеченнымъ, ежегоднымъ приходомъ энергіи является лучистая энергія солнца. Ее-то растеніе и утилизируетъ въ своемъ синтезѣ органическаго вещества... Существованіе органическаго міра будетъ всегда зависѣть отъ количества пищевыхъ веществъ, а это послѣднее—отъ количества заключенной въ нихъ и, прямо или косвенно, затраченной въ процессѣ ихъ образованія солнечной энергіи. А эта величина, въ смыслѣ годичнаго прихода, величина предѣльная, намъ хорошо извѣстная. Слѣдовательно, и количество жизней, которое осуществимо на нашей планетѣ—величина предѣльная. А между тѣмъ стремленіе органическихъ веществъ къ размноженію само въ себѣ безгранично.

---

[1]) Op. cit., стр. 167.

[2]) А между тѣмъ на этомъ убѣжденіи американскій экономистъ проф. Паттенъ строитъ свое ученіе о населеніи, формулируемое имъ въ слѣдующихъ словахъ: «The question is not population *versus* the possible means of subsistence, but population *versus* the power in a given society to obtain subsistence». Political Science Quarterly, 1895, March, стр. 46.

Отсюда ничѣмъ неотразимый выводъ: большая часть возникающихъ живыхъ существъ, рано или поздно, устраняется» [1]).

Зайдя въ область, неподлежащую нашему вѣдѣнію, мы вынуждены были прибѣгнуть къ авторитету спеціалиста (г. Тимирязева), точно такъ же, какъ въ вопросѣ о размноженіи мы сочли необходимымъ обратиться къ сочиненіямъ Дарвина. Въ обоихъ случаяхъ нами руководило желаніе показать, что мрачные, или, какъ принято выражаться, *жестокіе* выводы Мальтуса раздѣляются нѣкоторыми видными представителями современнаго естествознанія и уже по этому одному, слѣдовательно, не такъ нелѣпы, какъ это кажется очень многимъ. Оспаривающіе эти выводы должны, по нашему мнѣнію, считаться съ данными агрономіи, геологіи и біологіи, отказавшись отъ тщетной претензіи опровергать Мальтуса «отъ ума», одними отвлеченными соображеніями. Мы далеки, конечно, отъ того, чтобы признавать доводы г. Тимирязева недопускающими возраженій, мы не хотимъ также злоупотреблять въ пользу Мальтуса и авторитетомъ Дарвина. Единственный выводъ, который мы считаемъ себя вправѣ сдѣлать изъ показаній выслушанныхъ нами экспертовъ, состоитъ въ томъ, что вопросъ о формулированной Мальтусомъ тенденціи—вопросъ при современномъ состояніи науки открытый. Блестящая гипотеза, выдвинутая въ концѣ прошлаго вѣка авторомъ «Опыта о народонаселеніи», несмотря на выпавшую ей на долю громадную историческую роль, несмотря на значительное количество собранныхъ для ея подтвержденія фактовъ,—и къ концу XIX столѣтія не сдѣлалась все же закономъ. Но если такимъ образомъ эта часть ученія Мальтуса наукою къ нашему времени еще не вполнѣ подтверждена, во всякомъ случаѣ она ею и не опровергнута. Что же

---

[1]) «Русск. Мысль», 1894 г., № 7, стр. 98. Подобныя же соображенія находимъ мы и въ курсѣ проф. Людоговскаго: «Основы сельскохозяйственной экономіи и сельскохозяйственнаго счетоводства» (С. П. 1875). «Свѣтъ, читаемъ мы на стр. 81, представляетъ необходимое условіе для жизни культурныхъ растеній, почему на данномъ пространствѣ можетъ расти только извѣстное число ихъ, а слѣдовательно можетъ быть полученъ только извѣстный ограниченный урожай. Этотъ физически возможный наибольшій урожай представляетъ собой границу, по достиженіи которой интензивность хозяйства уже не можетъ возрастать... Такъ какъ *производительность труда и капитала* съ увеличеніемъ затраты ихъ *уменьшается*, такъ какъ, съ другой стороны, производимый урожай, трудъ и капиталъ имѣютъ цѣну, то при возвышеніи затраты двухъ послѣднихъ факторовъ долженъ наступать предѣлъ, за которымъ хотя они и могутъ еще возвышать величину урожая, но это возвышеніе не будетъ окупать затраты, посредствомъ которой оно достигнуто».

касается другой части его ученія, формулированной въ трехъ, подробно разсмотрѣнныхъ выше, тезисахъ, то она, какъ намъ кажется, вполнѣ подтверждается данными современной статистики и въ сущности, прямо или косвенно, принимается большею частью экономистовъ.

Вотъ то, что мы имѣли сказать относительно основныхъ положеній мальтусова ученія. Практическіе выводы, сдѣланные изъ него какъ самимъ Мальтусомъ, такъ и его учениками, насъ здѣсь интересуютъ мало. Насколько прикладная часть «Опыта» противорѣчитъ современнымъ научнымъ представленіямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ прежде всего ея ультраиндивидуалистическій характеръ. «Доктрина Мальтуса, замѣчаетъ Бонаръ, есть горячій призывъ къ личной отвѣтственности». Уже по этому одному намъ нѣтъ до нея дѣла. Съ нашей современной точки зрѣнія расширять производство (а это еще очень долго будетъ вполнѣ возможно для человѣчества) во всякомъ случаѣ легче, нежели регулировать размноженіе. Не говоримъ уже о томъ, что современнымъ представленіямъ о справедливости совершенно не соотвѣтствуетъ возложеніе всей отвѣтственности за участь потомства единственно только на главу семьи. Собственно говоря, изъ сущности ученія Мальтуса еще вовсе не слѣдуетъ, чтобъ бѣдствія перенаселенія должна была нести на своихъ плечахъ лишь экономически слабая часть населенія; если такой выводъ и дѣлался Мальтусомъ, то это было продуктомъ его фальшивыхъ публицистическихъ стремленій, нисколько не компрометирующихъ собственно научную часть «Опыта о народонаселеніи».

Мы говорили до сихъ поръ, въ полномъ соотвѣтствіи съ заглавіемъ настоящаго очерка, лишь о тѣхъ взглядахъ Мальтуса, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ населенія. Но значеніе Мальтуса не исчерпывается постановкой краеугольныхъ камней всей современной популяціонистики. Статистикъ, экономистъ, политикъ и соціологъ должны быть одинаково благодарны автору «Опыта», пустившему въ обращеніе или взявшему подъ свою защиту немало плодотворныхъ истинъ. Требованіе правильныхъ переписей въ связи съ оцѣнкой имѣвшихся данныхъ по вопросу о движеніи населенія, выясненіе различныхъ вліяній, испытываемыхъ имъ, наконецъ вѣра въ существованіе постоянныхъ законовъ соціальнаго міра вмѣстѣ съ попыткой ихъ точнаго формулирова-

нія,—такова принесенная Мальтусомъ дань дѣлу научной разработки *статистики*. Установленіе правильнаго взгляда на природу и колебанія ренты, взгляда, воспринятаго и въ частностяхъ лишь исправленнаго Рикардо,—такова признанная и этимъ послѣднимъ заслуга Мальтуса въ теоретической *экономіи*. Борьба съ одностороннимъ оптимизмомъ манчестерской популяціонистики, борьба съ филантропіей, какъ конечнымъ рѣшеніемъ соціальнаго вопроса (см. его критику «законовъ о бѣдныхъ»),—такова его преимущественно отрицательная лепта *ученію объ управленіи*. Установленіе правильной связи между внутренними и внѣшними фактами человѣческаго размноженія и, какъ результатъ этого, перестройка всего ученія о народонаселеніи на новыхъ и оказавшихся вполнѣ плодотворными началахъ,—таковъ его великій вкладъ въ *соціологію*.

Мальтусъ, какъ соціологъ, вотъ крайне заманчивая тема для изучающаго «Опытъ». Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ здѣсь взяться за нее; мы укажемъ лишь на одну черту соціологическаго міросозерцанія Мальтуса, дѣлающую его особенно интереснымъ для насъ въ настоящее время. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ такъ наз. экономическаго матеріализма [1]). «Наиболѣе могущественная и универсальная изъ всѣхъ потребностей, читаемъ мы въ книгѣ IV «Опыта о народонаселеніи» (стр. 442—443), это—потребность въ пищѣ и въ такихъ вещахъ, какъ одежда, жилище и т. д., непосредственно необходимыхъ, чтобы избавить насъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и голода. *Всѣми признано* (?), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются къ дѣятельности, улучшающей и совершенствующей условія цивилизованной жизни, и что преслѣдованіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ потребностей составляютъ главный источникъ счастья для большей части человѣчества и въ то же время необходимое условіе для самыхъ изысканныхъ наслажденій другой его части». Войны, по мнѣнію Мальтуса, порождаются чисто экономическими причинами [2]) и въ свою очередь вырабатываютъ спеціальную военную нравственность (B. I, ch. IV). Обычаи и

---

[1]) Дѣло идетъ разумѣется о самой грубой, примитивной формулировкѣ этого ученія.

[2]) Для характеристики того, на какой точкѣ зрѣнія въ этомъ случаѣ стояли современники и противники Мальтуса, приведемъ слѣдующія слова *Годвина:* „La guerre chez les peuples civilisés est le fruit de l'orgueil, du caprice et de la manière factice de penser et de vivre“. Op, cit., II, 6.

нравственныя представленія народа находятся въ тѣсной зависимости отъ тѣхъ же экономическихъ условій: въ то время, какъ на о. Формозѣ не допускаютъ, чтобы женщина была матерью до 35-лѣтняго возраста, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи обычай повелѣваетъ дѣвушкамъ выходить замужъ не позже 19 лѣтъ. Причина, по мнѣнію Мальтуса, лежитъ въ относительномъ богатствѣ [1]) обѣихъ странъ, способныхъ прокармливать разное количество населенія. Даже добродѣтели, подобно товарамъ, культивируются, когда на нихъ есть спросъ [2]). Многіе историческіе факты, напр. паденіе Рима, великое переселеніе народовъ и проч. объясняются въ глазахъ Мальтуса экономическими причинами [3]). Въ этомъ отношеніи Мальтусъ заходитъ такъ далеко, что «безпечность и мятежный духъ ирландцевъ» приводитъ почти въ непосредственную связь съ «питаніемъ картофелемъ» [4]).

Возвращаясь къ ученію Мальтуса о народонаселеніи, надо сказать, что, вѣрное по существу, оно едва ли можетъ быть названо вѣрнымъ во всѣхъ подробностяхъ. Напротивъ, принимая его сущность, мы тѣмъ охотнѣе отбрасываемъ опутывающія и затемняющія его детали. Наивная вѣра Мальтуса въ дѣйствительность словесной пропаганды идей такъ наз. нравственнаго воздержанія должна быть нами совершенно оставлена, его стремленіе возложить на одни рабочіе классы расплату за избыточное населеніе должно быть разсматриваемо исключительно, какъ дань публистическимъ увлеченіямъ, его узкій близорукій учетъ возможнаго прогресса техники и агрономіи долженъ быть радикально исправленъ, его преувеличенно смѣлыя вычисленія быстроты человѣческаго размноженія должны быть замѣнены новыми, болѣе скромными и болѣе точными.

Но главное, что въ наше время умаляетъ значеніе ученія Мальтуса, это то, что оно *недостаточно*: его общія положенія вѣрны, но мы нуждаемся въ большемъ. Въ двухъ направленіяхъ доктрина Мальтуса должна быть дополнена и расширена. Авторъ «Опыта» совершенно правильно указалъ на зависимость роста

---

[1]) Essay, стр. 49.

[2]) Ibid. стр. 51.

[3]) Относительно переселенія народовъ ср. совершенно тожественный взглядъ Лампрехта, «Исторія германскаго народа», пер. П. Николаева (Москва, 1894), т. I, стр. 44.

[4]) Ibid. стр. 513. Когда въ эмиграціонномъ комитетѣ, какъ разсказываетъ Бонаръ, ему былъ предложенъ вопросъ: «различія въ характерѣ людей вы объясняете разницей въ пищѣ?»—Мальтусъ отвѣчалъ: «да, въ значительной степени». *Bonar*, op. cit., стр. 197.

населенія отъ условій экономическаго характера; современнымъ ученымъ слѣдуетъ подробно разобрать и установить настоящій характеръ этой зависимости. Онъ указалъ на основную тенденцію населенія, далъ общій, абсолютный законъ размноженія, позднѣйшими біологическими изслѣдованіями существенно подкрѣпленный, хотя и не получившій еще значенія вполнѣ безспорной истины; современнымъ ученымъ слѣдуетъ заняться изысканіемъ тѣхъ спеціальныхъ законовъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, которыя, какъ это было доказано критиками Мальтуса, могутъ существеннымъ образомъ измѣнять и затемнять проявленія основной тенденціи. Такимъ образомъ работа состоитъ въ дальнѣйшемъ наблюденіи за свойственными статическому и динамическому состоянію общества вліяніями, которыя испытываетъ на себѣ человѣческій генезисъ [1]). Законъ Мальтуса долженъ быть дополненъ другими законами, расчленяющими его, такъ сказать, въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи, онъ долженъ предусматривать большее количество частныхъ случаевъ, сдѣлаться *детальнѣе*, и большее количество отдѣльныхъ историческихъ эпохъ, сдѣлаться *историчнѣе*. Такова двоякая задача, заданная Мальтусомъ современной популяціонистикѣ.

Заканчивая свою книжку «La Popolazione è il sistema sociale», Нитти сравниваетъ ученіе Мальтуса съ величественными развалинами прекрасной античной постройки. Нѣтъ, не съ разрушеннымъ, а съ недостроеннымъ зданіемъ слѣдовало бы его сравнить: великолѣпный, прочный фундаментъ, крѣпкія, массивныя стѣны, но окна безъ рамъ и никакая крыша, никакой куполъ не увѣнчиваютъ прекраснаго сооруженія. Однако оно не заброшено: рабочіе всякихъ профессій трудятся надъ нимъ, чинятъ бреши, причиненныя временемъ, замазываютъ щели и неустанно ведутъ къ завершенію столь геніально начатый великій трудъ.

---

[1]) „Изъ полового чувства, справедливо говоритъ Вагнеръ (Lehr-und-Handbuch, 449), такъ же мало можно дѣлать общіе и точные выводы, какъ изъ человѣческаго эгоизма“. Правильность дедукціи нарушается вліяніемъ классовъ, профессій, народовъ и эпохъ.

Рабочее движеніе въ Бельгіи [1]).

I.

Сорокъ-пятьдесятъ лѣтъ назадъ, т.-е. въ то время, когда Англія уже сбывала свои товары рѣшительно во всѣ части свѣта и ея промышленная гегемонія была въ полномъ разгарѣ, когда Франціи приходилось считаться съ цѣлымъ классомъ фабричныхъ рабочихъ, обезземеленныхъ капитализмомъ, когда въ Германіи развитіе промышленности зашло уже такъ далеко, что теоретики пролетаріата начинали строить свою знаменитую соціологическую схему,—про Бельгію тогда еще можно было сказать съ полнымъ правомъ: «вотъ страна мелкой, частью домашней, промышленности и внутренней торговли,—страна, точно не подчиняющаяся всеобщему закону конкурренціи». Теперь, когда вывозъ бельгійскихъ товаровъ исчисляется сотнями милліоновъ, когда самыя усовершенствованныя машины удесятерили производительность труда бельгійскаго рабочаго,

---

[1]) При составленіи настоящей статьи, кромѣ личныхъ наблюденій и бесѣдъ съ представителями бельгійскаго рабочаго движенія, мы пользовались еще слѣдующими сочиненіями: 1) *Les Associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique*, par Emile Vandervelde. Bruxelles, 1891. 2 v. 2) *La Coopération*, par L. Betrand. Bruxelles, 1894; 3) *Les Coopérateurs Belges, revue mensuelle*, Bruxelles, 1893; 4) *Almanach des coopérateurs belges*, 1892 и 1893; 5) *Parti Ouvrier Belge, Déclaration de principes, programme politique, économique et communal, statuts*. Bruxelles, 1891; 6) *Compte—rendu du IX-me congrés annuel tenu à Gand*. Bruxelles, 1893; 7) *Mahaim*: Les syndicats professionnels. Bruxelles, 1894 („Профессіональные рабочіе союзы"; переводъ Н. Водовозова съ предисловіемъ и примѣчаніями переводчика, изд. М. Водовозовой. С. П., 1895); 8) *Léo*: „L'Evolution économique en Belgique". „*Ère nouvelle*" 1894, № 1; 9) *Julin*: „A propos des salaires et budgets ouvriers en Belgique". „*Revue sociale et politique*". Bruxelles, 1893, т. III. 10) Слѣд. статьи изъ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, herausgegeben von Conrad, Lexis etc: *Arbeiterschutzgesetzgebung, Arbeiterversicherung, Arbeitslöhne* и *Arbeitseinstellungen in Belgien, Gewerkvereine, Bauerngut, Socialdemocratie* (Belgien).

а улицы городовъ огласились протестомъ мятежной толпы пролетаріевъ, теперь никто уже не скажетъ, что Бельгія въ экономическомъ отношеніи идетъ своими особыми путями, игнорируя универсальные законы капиталистическаго развитія и не участвуя въ общеевропейскомъ промышленномъ хорѣ.

Собственно говоря, какъ страна развитой промышленности и торговли, Бельгія встрѣчается въ исторіи довольно рано. Еще въ XIII столѣтіи жители Брюгге завязываютъ правильныя торговыя сношенія съ итальянцами, въ XIV в. этотъ городъ стоитъ уже во главѣ всемірной торговли. Послѣ открытія Америки и новыхъ водныхъ путей мѣсто Брюгге заступилъ Антверпенъ, который получилъ даже кличку «сѣверной Венеціи». Затѣмъ выдвигается Гентъ (Gand), въ 1500 году считавшійся самымъ населеннымъ городомъ Европы. Промышленность Гента доставила ему всемірную извѣстность; производство сукна въ XVI ст. получило здѣсь такіе широкіе размѣры, что оно давало заработокъ 50 тысячамъ рабочимъ. Такъ постепенно и преимущественно благодаря развитію ихъ промышленности и торговли выдвигаются всѣ главнѣйшіе города Бельгіи; въ XIV—XVI столѣтіяхъ городская жизнь этой страны течетъ вообще оживленно и шумно, а ея купцы и товары принимаются съ почетомъ во всѣхъ частяхъ тогдашняго цивилизованнаго міра.

Но историческій путь Бельгіи усѣянъ не розами, а жестокими терніями. Послѣдовательно раздираемая и разоряемая Испаніей, Франціей, Австріей и Голландіей, маленькая страна въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ представляла собой скорѣе одно сплошное поле битвы, залитое кровью и покрытое безчисленными трупами, нежели страну энергичной промышленности и мирнаго обмѣна. Тяжелое, мрачное время испанскаго гнета и нидерландскихъ войнъ губительно отозвалось на торговлѣ страны, паденіе Антверпена окончательно ее подорвало. Мирные договоры, заключавшіеся между различными воюющими сторонами, для Бельгіи всегда были лишнимъ ударомъ. По пиренейскому миру 1659 г. графства Артуа, Диденгофенъ и друг. области отошли къ Франціи; на основаніи аахенскаго мира Бельгію лишили Лилля, Шарлеруа, Куртнэ и Турнэ, и хотя по нимвегенскому миру (1679 г.) они были отчасти возвращены ей, за-то отрѣзаны были отъ Бельгіи другія, еще болѣе важныя части ея территоріи. Пришло, наконецъ, время утрехт-

скаго мира, принесшаго странѣ австрійское владычество и жестокое намѣстническое управленіе иностранцевъ.

Ударъ за ударомъ не перестаютъ поражать несчастную страну въ теченіе всего XVIII и начала XIX в.; что удивительнаго, если ко времени провозглашенія ея независимости Бельгія успѣла потерять все то, что давало ей прежде всемірную славу, и отступить на промышленномъ рынкѣ въ ряды второстепенныхъ государствъ. Промышленный переворотъ XVIII—XIX вв. для Бельгіи былъ настоящимъ разореніемъ: ея ручное ткачество и пряденіе пришли въ упадокъ, производство кружевъ испытало самый жестокій кризисъ, а монополія поставки суконъ перешла къ Англіи. Политическія перемѣны не возродили бельгійской промышленности. Новая эра началась для нея только съ торговыми договорами 40-хъ гг. Въ 1842 г. заключенъ былъ въ Парижѣ и въ 1845 г. продолженъ на 4 года договоръ, на основаніи котораго бельгійскіе полотняные товары были освобождены отъ ранѣе установленной усиленной таможенной пошлины. Въ 1844 г. состоялся имѣвшій коренное значеніе для бельгійской промышленности либеральный торговый договоръ съ германскимъ таможеннымъ союзомъ, за нимъ послѣдовали договоры съ Соединенными Штатами и Голландіей; здѣсь, въ этихъ договорахъ, лежитъ исходная точка всего дальнѣйшаго развитія бельгійской промышленности, отсюда же беретъ свое начало и развивается въ Бельгіи промышленный капитализмъ со всѣми его неизбѣжными, благодѣтельными и вредными слѣдствіями.

Исторія великихъ европейскихъ государствъ, нуждавшихся для того же процесса приблизительно въ цѣломъ столѣтіи, повторилась тутъ съ полною точностью, только какъ бы въ укороченномъ видѣ. Вступивъ на путь капиталистическаго развитія уже сравнительно поздно, Бельгія за-то съ особливымъ стараніемъ и поспѣшностью стала тянуться за своими сосѣдями, дабы, разумѣется, прежде всего, не потерять извѣстнаго значенія на международномъ промышленномъ рынкѣ: для промышленности страны съ сравнительно небольшимъ населеніемъ, но съ выгоднымъ приморскимъ положеніемъ внѣшній рынокъ, вполнѣ понятно, является вопросомъ первостепенной важности. Капиталистическій процессъ пошелъ въ Бельгіи страшно ускореннымъ темпомъ, причемъ всѣ сопутствующія ему явленія стали обнаруживаться съ рѣдкою наглядностью. Бельгій-

скій капитализмъ шагалъ сразу черезъ нѣсколько ступеней нормальной промышленной эволюціи, такъ что статистика едва успѣвала зарегистрировать отдѣльныя стадіи этой бѣшеной скачки. Много поучительнаго даетъ изслѣдователю ближайшее ознакомленіе съ экономическими судьбами Бельгіи.

Въ то время, какъ въ другихъ странахъ долгое время сначала развитіе производства идетъ параллельно съ увеличеніемъ абсолютнаго числа фабрикъ, въ Бельгіи, гдѣ весь процессъ совершается кувыркомъ и галопомъ, прогрессъ промышленности уже съ конца 40-хъ или съ начала 50-хъ годовъ сопровождается, наоборотъ, постепеннымъ сокращеніемъ количества самихъ промышленныхъ заведеній. Нѣкоторыя цифры намъ кажутся необходимыми для уясненія этого любопытнаго явленія. Возьмемъ тѣ отрасли обрабатывающей промышленности, въ которыхъ за послѣднія десятилѣтія замѣчается наибольшій прогрессъ.

Чугунно-плавильная промышленность: въ 1845 г. Бельгія насчитывала 91 чугунно-плавильный заводъ съ 2,331 рабочимъ и съ производствомъ въ размѣрѣ 14,570,000 фр. Число дѣйствующихъ въ 1890 г. заводовъ этого рода упало до 19; на нихъ работаетъ 2,785 рабочихъ и производятъ они на сумму 50,073,000 фр. Иными словами, число плавильныхъ заводовъ сократилось до $^1/_5$, тогда какъ общая стоимость всѣхъ продуктовъ увеличилась больше, чѣмъ втрое, количество же рабочихъ осталось почти неизмѣннымъ.

Желѣзодѣлательные фабрики и заводы: въ 1850 г. ихъ 185, въ 1890 г. число это сокращается до 62. Въ самомъ же производствѣ происходитъ, напротивъ, громадное расширеніе; въ 1850 году оно выражается суммой въ 15 милл. 700 т. фр., въ 1890 г. оно равняется 83 милл.,—размѣры производства увеличились, слѣдовательно, въ 5 разъ [1]).

Подобныя же цифры даетъ *льняное производство* и еще нѣкоторыя другія. Приведемъ цифры для перваго: ревизія 1845 т. установила, что число заведеній этого рода, считая и мастерскія ремесленниковъ, достигало въ то время 21,133. Согласно же послѣдней переписи 1880 г. число ихъ упало до 2,249, т.-е. до $^1/_9$, хотя число веретенъ значительно возрасло,

---

[1]) См. статью *Лео:* „L'evolution économique en Belgique“ „*Ère nouvelle*“, 1894, № 1.

достигши круглой цифры въ 300,000, а вывозъ льняной и пеньковой пряжи увеличился до небывалыхъ размѣровъ (въ 1882 г. вывезено 14,3 милліона килогр. на сумму 52,6 милл. фр.). Такимъ образомъ, въ теченіе 34 лѣтъ капитализмъ здѣсь уничтожилъ болѣе 18,000 мастерскихъ и фабрикъ, пустивши по міру 43 т. рабочихъ (въ 1846 г. въ льняномъ производствѣ ихъ было 78 т. въ 1880 г.—35 т.).

Сокращеніе числа фабрикъ, какъ мы уже видѣли, не означаетъ вовсе, что сократилось производство, не всегда означаетъ также, что уменьшилось количество занятыхъ на фабрикахъ рабочихъ. Такъ, наприм., въ горной промышленности, въ прядильномъ и шерстяномъ производствѣ число рабочихъ за послѣднія 10 лѣтъ немного повысилось, за-то въ этихъ самыхъ отрасляхъ производства,—и это весьма характерно,—число капиталистовъ-хозяевъ значительно уменьшилось (такъ, напр., при увеличеніи числа рабочихъ, занятыхъ въ горной промышленности, съ 112,000 на 134,000, число предпринимателей падаетъ съ 1,969 до 1,112). Особенно нагляденъ этотъ процессъ въ щетинномъ производствѣ, гдѣ, при увеличеніи числа рабочихъ на 20%, число хозяевъ уменьшилось на 120%.

Подводя общій итогъ всѣмъ цифровымъ даннымъ по отдѣльнымъ отраслямъ производства, надо сказать, что за послѣднія 35 лѣтъ Бельгія сдѣлала крупный шагъ въ развитіи своей національной промышленности, но что всѣ выгоды этого быстраго развитія достались на долю капитализма или, вѣрнѣе, на долю небольшого и еще все уменьшающагося числа капиталистовъ, тогда какъ рабочій классъ не выигралъ, а проигралъ въ результатѣ всего этого процесса.

При значительномъ сокращеніи [1]) рабочихъ, занятыхъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, общее ихъ число въ промежутокъ 1880—1893 гг. увеличилось на 100 т. или на

---

[1]) Сокращеніе это произошло, конечно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе паденія мелкаго ремесленнаго производства; параллельныя цифры рабочихъ, занятыхъ только крупною промышленностью, представляютъ нѣсколько иное отношеніе. Но и для насъ въ данномъ случаѣ, да и для бельгійскихъ рабочихъ тоже, важенъ только окончательный результатъ, состоящій, какъ мы уже видѣли, въ томъ, что капитализмъ вытѣсняетъ изъ производства самихъ производителей. Но чѣмъ же тогда замѣняются рабочія руки? Силою пара. Вотъ въ pendant къ вышеприведеннымъ обратный рядъ цифръ. Число паровыхъ машинъ простиралось въ 1850 году до 2,250 съ 54,300 лошад. силъ, а въ 1882 г. до 14,940 съ 724,817 лошад. силъ. Понятно, что фабриканты не въ накладѣ.

15%, что, въ сущности, только немного превосходитъ естественный приростъ населенія въ Бельгіи, принимая его вмѣстѣ съ Адольфомъ Вагнеромъ равнымъ 1% въ годъ. Заработная плата за тотъ же промежутокъ времени немного понизилась, а условія жизни и фабричнаго труда для рабочаго сдѣлались значительно хуже. Вотъ о послѣднемъ, о длинѣ рабочаго дня, о заработной платѣ и о внѣшнихъ условіяхъ труда для бельгійскихъ рабочихъ мы и поговоримъ здѣсь подробнѣе. Всѣ изслѣдователи, описывающіе положеніе рабочаго класса въ Бельгіи, съ необыкновеннымъ единодушіемъ рисуютъ его всегда самыми мрачными красками. Приведемъ здѣсь два-три на выдержку взятыхъ свидѣтельства.

«Положеніе бельгійскихъ рабочихъ на фабрикахъ,—пишетъ г-жа Водовозова [1]),—вообще весьма незавидно, но при угольныхъ копяхъ оно болѣе, чѣмъ ужасно. Бельгійскіе монополисты угольныхъ копей принадлежатъ къ числу самыхъ хищныхъ эксплуататоровъ въ мірѣ. Въ умѣньѣ выжимать изъ рабочаго соки, понижать заработную плату, плохо устраивать шахты и штольни, гдѣ работаютъ рабочіе,—во всемъ этомъ они перещеголяли даже такихъ хищниковъ, каковы угольные цари Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что въ Англіи, Америкѣ, Германіи и другихъ странахъ разработка угольныхъ копей ведется въ такихъ же большихъ размѣрахъ, какъ и въ Бельгіи, вы нигдѣ не встрѣтите такого громаднаго числа случаевъ взрывовъ, обваловъ и т. п. несчастій, какъ здѣсь. Цари угольныхъ копей скупятся дѣлать затраты на поправки и сооруженія, необходимыя для сохраненія жизни и здоровья рабочихъ, обогащающихъ ихъ своимъ трудомъ. Поэтому въ бельгійскихъ угольныхъ копяхъ безпрестанно происходятъ страшныя несчастія. Въ ноябрѣ 1876 г. въ Маригэ было убито взрывомъ 48 рабочихъ и затѣмъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же года убито тоже взрывомъ во Фрамери 123 человѣка». Въ настоящее время эти постоянно повторяющіяся и чуть ли еще даже не участившіяся несчастія позволяютъ составить длинный мартирологъ.

Къ сожалѣнію, въ Бельгіи не ведется (какъ это принято въ Германіи и въ Австріи) статистики несчастныхъ случаевъ, которымъ подвергаются рабочіе на службѣ у хозяевъ. По раз-

---

[1]) *Жизнь европейскихъ народовъ*, т. II, изд. 2, стр. 417—418.

счету Гектора Дени на 757,840 рабочихъ фабричныхъ и 217,195—земледѣльческихъ въ Бельгіи приходится 3,850 несчастныхъ случаевъ въ годъ, причемъ 740 изъ нихъ кончаются смертью, а 664—полною неспособностью къ труду въ теченіе полугода. Гарзе къ этому прибавляетъ, что 70% такихъ случаевъ остаются безъ всякаго удовлетворенія пострадавшихъ [1]). Любопытныя сравнительныя цифры для горной промышленности даетъ также оффиціальный органъ французскаго министерства торговли и промышленности (Bulletin de l'office du travail, 1894, № 4): на 1000 горнорабочихъ въ 1892 году во *Франціи* было 11 умершихъ отъ несчастныхъ случаевъ, въ *Германіи*—19,5, въ *Великобританіи*—19, въ *Австріи*—23,1 и въ *Бельгіи*—28,4.

Что касается продолжительности рабочаго дня, то вотъ что объ этомъ говоритъ вѣнскій проф. д-ръ Зингеръ, опираясь исключительно на оффиціальныя данныя [2]). «Согласно обстоятельнымъ отчетамъ «Коммисіи труда» (Commission du travail), назначенной въ 1886 г., рабочій день въ Бельгіи во всѣхъ отрасляхъ промышленности весьма продолжителенъ, что здѣсь сопровождается особенно вредными послѣдствіями, такъ какъ при этомъ никакой особой заботливости по отношенію къ женщинамъ и дѣтямъ не замѣчается [3]). Въ нѣкоторыхъ угольныхъ копяхъ женщины и подростки участвуютъ въ 10—12 часовыхъ смѣнахъ и подвергаются, къ тому же, такому обращенію, что одинъ изъ сотрудниковъ изданнаго вашингтонскимъ правительствомъ сочиненія *Labour in Europe* (II, стр. 1006), писавшій о Бельгіи, заклеймилъ его такими словами: «it is absolutely shocking to american nerves». Въ хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности 78—84 рабочихъ часа въ недѣлю составляютъ правило, а изъ округовъ Вервье и Люттиха пишутъ о 16—18-ти часов. рабочемъ днѣ. На сахарныхъ заводахъ во время кампаніи работаютъ безъ различія пола и возраста 13—14 часовъ... То, часто наблюдаемое явленіе, что продолжи-

---

[1]) Le contrat de travail. Etude de droit social et de législation comparée par *E. Stocquart*, Bruxelles, 1895, стр. 101.

[2]) *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, т. I.

[3]) Въ настоящее время это не вполнѣ справедливо: вообще очень бѣдное рабочее законодательство Бельгіи запрещаетъ, однако, ночную работу для женщинъ, не допускаетъ на фабрики дѣтей моложе 12 лѣтъ и не дозволяетъ употреблять въ подземныхъ работахъ женщинъ моложе 21 года.

тельность рабочаго времени находится въ обратномъ отношеніи съ величиною заработной платы, подтверждается Бельгіей самымъ неоспоримымъ образомъ; оно выступаетъ вполнѣ наглядно при сравненіи заработной платы и рабочаго времени на англійскихъ и на бельгійскихъ угольныхъ копяхъ». Точныя вычисленія, приводимыя Бемертомъ, директоромъ королевскаго статистическаго бюро въ Дрезденѣ, изъ *Annuaire statistique de la Belgique*, т. XVIII, 1887 г., рисуютъ намъ лучше всякихъ описаній дѣйствительное положеніе дѣла. Оказывается, что изъ 384,055 рабочихъ, о которыхъ были получены свѣдѣнія, 8,607, т. е. 2,24%, работаютъ ежедневно менѣе 9 часовъ въ день, 173,264 или 45,11%—9—11 час., 188,148 или 48,99%—11 и 12 час. и, наконецъ, 14,046 или 3,66%—болѣе, чѣмъ 12 час. [1]).

Отмѣченное д-ромъ Зингеромъ обратно-пропорціональное отношеніе между продолжительностью рабочаго дня и высотой заработной платы вполнѣ подтверждается при ближайшемъ ознакомленіи съ установившимися въ Бельгіи цѣнами на трудъ. Среднимъ вознагражденіемъ за обычный физическій трудъ оказывается здѣсь очень скромная сумма въ 3 фр.—3 фр. 50 сант.; трудъ квалифицированный (skilled labour), требующій спеціальной выучки, навыка или ловкости, оплачивается, конечно, дороже, въ предѣлахъ отъ 4 до 5 фр.; напротивъ, грубый физическій трудъ, заключающійся въ какомъ нибудь несложномъ мускульномъ напряженіи, даетъ часто рабочему меньше двухъ франковъ въ день, иногда 1 фр. 50 сент., 1 фр. и даже меньше. Заработокъ горнорабочихъ вообще нѣсколько выше; онъ достигаетъ 900—1,100 фр. въ годъ, тогда какъ земледѣльцы довольствуются обыкновенно 600 фр. Болѣе точныя вычисленія показываютъ, что 0,29% всего числа рабочихъ получаютъ менѣе 1 фр., 6,45% отъ 1 до 2 фр., 33,69% отъ 2 до 3 фр., 49,96% отъ 3 до 4 фр., 7,10% отъ 4 до 5 фр. и, наконецъ, 2,51% свыше 5 фр. [2]).

Таково незавидное положеніе занятыхъ въ производствѣ рабочихъ: много работы и плохое вознагражданіе. Но каково же въ такомъ случаѣ должно быть положеніе тѣхъ, кому не удалось

---

[1]) Приблизительно такія же цифры мы находимъ въ *Socialpolitisches Handbuch*, herausgegeben von dr. Lux., стр. 85.

[2]) См. *Julin:* „A propos des salaires", *Revue Sociale et Politique*, 1883 г., т. III.

пристроиться на фабрикѣ или заводѣ? Точныхъ цифръ о величинѣ такъ называемой «резервной арміи безработныхъ» для Бельгіи не существуетъ. Только косвеннымъ путемъ мы можемъ судить объ ея размѣрахъ, на основаніи подавляющей массы нищихъ въ странѣ. Въ этомъ отношеніи промышленная Бельгія заняла теперь одно изъ первыхъ мѣстъ.

Не желая испытывать терпѣнія читателя многими цифрами, мы не станемъ говорить здѣсь подробно о нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ, сопровождавшихъ развитіе бельгійскаго капитализма, мы умолчимъ о размѣрахъ ввоза и вывоза, объ отношеніи торговли внутренней къ внѣшней, но мы не можемъ пройти молчаніемъ того отзвука, который промышленный капитализмъ имѣлъ въ области сельскаго хозяйства.

Какъ читателямъ, вѣроятно, уже извѣстно, площадь обрабатываемой земли въ Бельгіи постоянно все увеличивалась за послѣдніе годы: общинная земля, неразработанныя ланды, лѣса, песчаныя равнины, — все это подверглось усиленной частной эксплоатаціи, было распахано и удобрено. Мелкая поземельная собственность получила, благодаря этому, значительное развитіе и, тѣмъ не менѣе, что же мы замѣчаемъ? Площадь земли, обрабатываемая непосредственно самими владѣльцами, нѣсколько увеличилась, но совершенно непропорціонально громадному увеличенію количества земли, сдаваемой въ аренду. Вотъ небольшая, но краснорѣчивая таблица, заимствуемая нами изъ статьи Лео «*L'évolution économique en Belgique*»:

1846	собственниковъ-земледѣльцевъ	201,226	Итого : 572,550
	арендаторовъ.	371,324	
1866	собственниковъ-земледѣльцевъ	320,971	Итого : 744,007
	арендаторовъ.	423,036	
1880	собственниковъ-земледѣльцевъ	293,524	Итого : 910,396
	арендаторовъ.	616,872	

Такимъ образомъ, 67,8% всего числа бельгійскихъ земледѣльцевъ являются арендаторами и лишь 32,2% собственниками, но еще 26% этихъ послѣднихъ, чувствуя недостатокъ въ землѣ, вынуждены бываютъ прибѣгать къ арендованію, какъ къ дополнительному средству. Изъ таблицы мы видимъ, что земледѣлецъ вытѣсняется фермеромъ, независимый собственникъ—батракомъ, капитализмъ накладываетъ свою руку на сельское хозяйство. Тогда въ Бельгіи обнаруживается явленіе,

свойственное теперь всему Западу: сельское населеніе начинаетъ эмигрировать въ города. Предложеніе рукъ въ промышленныхъ центрахъ растетъ, заработная плата падаетъ, резервная армія безработныхъ все увеличивается. Тѣ же изъ земледѣльцевъ, которые не бѣгутъ, которые не оставляютъ хозяйства, все болѣе запутываются въ дѣлахъ (ипотечный долгъ исчисляется уже громадными цифрами) или тратятъ свой основной капиталъ вслѣдствіе хищническихъ пріемомъ эксплоатаціи.

Такую картину представляетъ собою Бельгія въ результатѣ сорокалѣтняго безпрепятственнаго развитія капитализма; однако, вмѣстѣ съ его развитіемъ, стали подготовляться условія и для противодѣйствія ему. Оппозицію онъ началъ встрѣчать, разумѣется, прежде всего со стороны рабочаго класса. Вотъ къ этой-то оппозиціи, какъ она сложилась въ настоящее время, слѣдовательно, къ рабочимъ союзамъ, къ коопераціямъ, къ дѣятельности другихъ, такъ или иначе содѣйствующихъ рабочимъ политическихъ партій мы и перейдемъ теперь.

II.

Говоря о рабочемъ движеніи въ Бельгіи, надо имѣть въ виду, прежде всего, то обстоятельство, что отнюдь не весь рабочій классъ этой страны, т. е, не всѣ живущіе исключительно на получаемую ими заработную плату (не всѣ salariés) участвуютъ и въ рабочемъ движеніи. Три группы рабочихъ остаются всегда въ сторонѣ отъ него и потому по справедливости должны быть нами съ самаго начала устранены. Мы разумѣемъ:

Во-первыхъ, *женщинъ*, не входящихъ ни въ какіе союзы и не участвующихъ въ стачкахъ. По отзывамъ людей, близко стоящихъ къ рабочему движенію, бельгійскія работницы, по сравненію съ ихъ мужьями и сыновьями, совершенно невѣжественны, не склонны къ дисциплинѣ и, какъ по всему складу своего ума, такъ и по своей антипатіи ко всякому болѣе или менѣе рискованному предпріятію, настроены вполнѣ консервативно.

Во-вторыхъ, *рабочихъ, находящихся въ услуженіи*, т. е. всякаго рода прислугу. Неоднородность, неодинаковость положенія такихъ рабочихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, личный

характеръ услугъ и всѣ другія условія ихъ труда весьма неблагопріятны для какого бы то ни было объединенія, а потому въ ихъ средѣ и не существуетъ никакихъ союзовъ.

И, въ-третьихъ, наконецъ, *рабочихъ земледѣльческихъ*, распадающихся въ свою очередь на двѣ такія группы: крестьянъ-собственниковъ и безземельныхъ батраковъ. Первые по нѣкоторой патріархальности и косности, свойственнымъ вообще всякому крестьянскому населенію, вторые—отчасти по причинамъ, общимъ для нихъ съ рабочими второй категоріи (прислуга), отчасти по условіямъ отдаленности, въ которой они находятся одни отъ другихъ, отчасти, наконецъ, и потому, что капиталистическій способъ веденія сельскаго хозяйства въ Бельгіи еще только начинаетъ распространяться,—и тѣ, и другіе почти совсѣмъ не затронуты рабочимъ движеніемъ.

Если не принимать во вниманіе трехъ перечисленныхъ группъ, оказывается, что всѣхъ бельгійскихъ рабочихъ въ 1880 году насчитывалось 718,236 чел., изъ нихъ рабочихъ взрослыхъ было 596,984. Распредѣлялись они по отдѣльнымъ отраслямъ производства слѣдующимъ образомъ:

Горная промышленность	82	тыс.
Транспортъ	136	»
Мануфактура въ широкомъ смыслѣ .	352	»

Изъ всего этого числа рабочихъ синдикованныхъ, т.-е. входящихъ въ тѣ или иные профессіональные союзы, насчитываютъ 70,000 чел. или около 12% всего числа рабочихъ. Однако, цифра 70,000 далеко не выражаетъ собой дѣйствительности и вотъ почему: мы заимствовали ее изъ сочиненія Э. Вандервельда, изданнаго въ 1891 г., но писаннаго въ 1889—1890 гг. Съ тѣхъ поръ дѣло объединенія бельгійскаго рабочаго класса значительно подвинулось впередъ. Позднѣйшій изслѣдователь, Магаймъ, склонный скорѣе преуменьшать, нежели преувеличивать размѣры бельгійскаго рабочаго движенія, принимаетъ ту же самую цифру въ 70,000, но уже съ тою существенною оговоркой, что здѣсь имъ не приняты во вниманіе горнорабочіе. Между тѣмъ, федерація рудокоповъ, возникшая въ началѣ 1890 года и насчитывавшая въ іюлѣ этого года всего 8,500 чел. участвующихъ, въ маѣ 1891 г. имѣла, по словамъ Магайма, 70,000 членовъ. Это одно уже даетъ намъ прибавку въ 22,000 чел. (такъ какъ

23 тыс. горнорабочихъ введены были въ разсчетъ въ качествѣ членовъ «ордена рыцарей труда», а 25 тыс., какъ промыкающіе къ «рабочей партіи») или общую сумму приблизительно 92,000 объединенныхъ въ союзы рабочихъ [1]). Кромѣ того, эта сумма обозначаетъ лишь постоянныхъ участниковъ профессіональныхъ синдикатовъ, но надо помнить, что нормальное число членовъ рабочихъ союзовъ, въ моменты возникающей противъ хозяевъ борьбы увеличивается иногда въ нѣсколько разъ, благодаря сильному наплыву такихъ новыхъ членовъ, которые, по минованіи кризиса, перестаютъ снова платить свои членскіе взносы и не выказываютъ никакого интереса къ общественнымъ, синдикальнымъ дѣламъ. Явленіе это наблюдается одинаково какъ въ Бельгіи такъ и во Франціи [2]) преимущественно, кажется, въ средѣ горнорабочихъ, организованныхъ вообще гораздо лучше другихъ своихъ собратій, но въ моментъ борьбы поднимающихся чуть ли не поголовно (лучшимъ примѣромъ можетъ служить послѣдняя *всеобщая стачка* горнорабочихъ въ Бельгіи).

Степень организованности рабочихъ въ различныхъ отрасляхъ промышленности вообще очень различна; всего выше она для первой категоріи (въ горной промышленности), всего ниже для второй (транспортъ). Союзы рабочихъ, участвующихъ такъ или иначе въ передвиженіи и доставкѣ товаровъ, каковы, напр., синдикатъ извозчиковъ въ Брюсселѣ, союзъ нагрузчиковъ въ Антверпенѣ и Гентѣ и нѣкоторые другіе, сравнительно очень велики; за то въ этой сферѣ промышленности гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ, встрѣчаются такъ называемые *смѣшанные* синдикаты (syndicats mixtes) изъ хозяевъ съ рабочими вмѣстѣ. О нихъ намъ придется сказать нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ. Въ области мелкой мануфактуры существуетъ много отдѣльныхъ небольшихъ синдикатовъ, число членовъ которыхъ не превышаетъ подчасъ и 20—30 человѣкъ. Лучше другихъ организованными оказываются шапочники, золотыхъ дѣлъ ма-

---

[1]) *Mahaim*, „Les syndicats professionnels“, стр. 205 (русскій пер., стр. 257.

[2]) Во время послѣдней стачки рудокоповъ въ Па-де-Калэ число членовъ „Сѣвернаго синдиката французскихъ рудокоповъ“ увеличилось больше, чѣмъ вдвое; сейчасъ же по окончаніи стачки, въ которой участвовало болѣе 40 тыс. чел. и которая, какъ извѣстно, окончилась пораженіемъ рабочихъ, наступило противоположное движеніе отлива членовъ отъ синдиката.

стера, рабочіе на папиросныхъ фабрикахъ (750 чел.) и перчаточники (болѣе 700 чел.), въ особенности же типографщики, союзъ которыхъ въ Брюсселѣ возникъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ и сразу получилъ такой успѣхъ, что доставилъ своимъ основателямъ большіе барыши. Это позволило нѣкоторымъ изъ нихъ сдѣлаться своего рода маленькими капиталистами, оставить или сократить собственноручную работу и выступить въ роли предпринимателей. Но союзъ собственно рабочихъ типографщиковъ отъ этого не много потерялъ: онъ постепенно все разростался и крѣпъ, а въ настоящее время подъ именемъ «Association libre des compositeurs typographes de Bruxelles» объединяетъ почти всю массу рабочихъ, служащихъ въ столичныхъ типографіяхъ. Союзъ этотъ, вмѣстѣ съ другими ему подобными, входитъ въ одну общую «федерацію типографщиковъ», существующую съ 1867 г. и имѣющую въ настоящее время цѣлый рядъ мѣстныхъ филіальныхъ отдѣленій.

Общая сумма всѣхъ профессіональныхъ, исключительно рабочихъ синдикатовъ въ Бельгіи не превышаетъ 200 (Магаймъ принимаетъ цифру 180). Изъ этого числа болѣе 60 синдикатовъ насчитывается въ Брюсселѣ, 20—въ Гентѣ, 8—10—въ Вервье и Антверпенѣ, а остальные сосредоточены, главнымъ образомъ, въ каменно-угольныхъ округахъ. Въ восьми различныхъ отрасляхъ промышленности рабочіе синдикаты находятся въ самой тѣсной связи другъ съ другомъ и образуютъ федераціи: федерація рабочихъ на папиросныхъ фабрикахъ (Fédération cigarière) имѣетъ 6 мѣстныхъ филіальныхъ отдѣленій или союзовъ, федерація типографщиковъ—14, федерація каменьщиковъ — 12, федерація рудокоповъ—27 (цифра эта теперь, навѣрное, очень устарѣла—она относится къ 1891 г.) и т. п. Болѣе ста настоящихъ синдикатовъ и масса мелкихъ группъ входятъ въ составъ «рабочей партіи». Совершенно особое мѣсто занимаетъ союзъ стеклодѣловъ (Union verrière), примыкающихъ къ американскому «ордену рыцарей труда» (Knights of Labour) [1]). Онъ между прочимъ, имѣетъ ту особен-

[1]) Г. Нестеровъ ошибается, когда говоритъ въ своей вообще очень интересной статьѣ (*Бельгійская рабочая партія*, „*Сѣверный Вѣстникъ*„ 1886 г., № 11, стр. 158), что послѣ „антверпенскаго конгресса 1885 г. союзъ стеклодѣловъ не замедлилъ присоединиться къ рабочей партіи“. Онъ и до сихъ поръ стоитъ особнякомъ и ведетъ свою самостоятельную политику.

*

ность, что строго опредѣляетъ время выучки для подмастерьевъ, несмотря на измѣненіе техническихъ условій вслѣдствіе проникновенія машинъ въ эту отрасль промышленности, прежде дѣйствительно нуждавшуюся въ опытныхъ и ловкихъ рукахъ. Кромѣ того, союзъ покровительствуетъ эмиграціи безработныхъ и находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ обширными и сильными союзами американскихъ стеклодѣловъ, съ французскими синдикальными камерами и съ англійскими trade-unions'ами. Совокупность всѣхъ этихъ союзовъ образуетъ одну общую «всемірную федерацію стеклодѣловъ» основанную въ 1884 г. и представляющую собой первую *международную* чисто-профессіонную организацію.

Большая часть рабочихъ синдикатовъ, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, сравнительно недавняго происхожденія. Они существуютъ лѣтъ пять-шесть и рѣдко дольше. Древнѣйшими союзами являются: «филантропическій союзъ шапочниковъ-ремесленниковъ» (Union philantropique des chapeliers à la main), основанный въ Брюсселѣ въ 1838 г.; «ассоціація брюссельскихъ наборщиковъ», основанная въ 1842 г.; «ассоціація типографщиковъ въ Вервье», основанная въ 1859 г.; «ассоціація брюссельскихъ ювелировъ», основанная въ 1852 г., и нѣкоторыя другія.

Говоря о современныхъ рабочихъ организаціяхъ, о современномъ рабочемъ движеніи, мы не можемъ здѣсь останавливаться долго на исторіи того и другого, это завело бы насъ слишкомъ далеко, хотя, конечно, было бы интересно прослѣдить съ особенною подробностью, какимъ образомъ средневѣковыя корпораціи, объединявшія въ одномъ союзѣ хозяевъ и рабочихъ и въ свое время вполнѣ соотвѣтствовавшія техническимъ и экономическимъ условіямъ производства, — какимъ образомъ онѣ затѣмъ сошли со сцены, какъ стали возникать у каждаго промышленнаго класса свои собственныя организаціи, какъ постепенно начали обостряться классовыя противорѣчія и какъ выразителями этихъ противорѣчій явились профессіональные синдикаты, принявшіе современную форму рабочихъ союзовъ и вполнѣ приспособленные для класссовой борьбы. Прослѣдить этотъ процессъ было бы чрезвычайно интересно и важно, не только для лучшаго уясненія теперешняго, по преимуществу оппозиціоннаго характера бельгійскихъ рабочихъ

союзовъ, но и для рѣшенія болѣе общаго вопроса о происхожденіи рабочихъ союзовъ вообще.

Любопытное изслѣдованіе Гоуэля (Howell), «*Trade-unionism new and old*», является, послѣ извѣстнаго сочиненія Брентано, самою полною и самою серьезною попыткой установить преемственную связь между старыми корпораціями и современными trade-unions'ами [1]). Вовлеченный въ борьбу между молодою и старою, радикальною и консервативною, фракціями, авторъ, къ сожалѣнію, взглянулъ на свою задачу слишкомъ тенденціозно: онъ обратился къ старинѣ лишь для того, чтобы почерпнуть въ ней оружіе противъ новѣйшихъ теченій, и потому основная мысль его книги, что современные рабочіе союзы являются только приспособленною къ потребностямъ времени новою формой средневѣковыхъ корпорацій, осталась совершенно необоснованной. Исторія бельгійскихъ рабочихъ союзовъ даетъ намъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ. Благодаря обстоятельному, классическому изслѣдованію профессора политической экономіи въ Брюссельскомъ университетѣ Эмиля Вандервельда, мы можемъ прослѣдить въ Бельгіи этотъ постепенный процессъ реформированія и обновленія старыхъ цеховыхъ учрежденій. Не отдѣленные, какъ во всей Западной Европѣ, громаднымъ промежуткомъ въ нѣсколько вѣковъ, бельгійскіе корпораціи и синдикаты выступаютъ передъ нами, какъ двѣ противоположныя точки одного и того же движенія.

Призванныя къ жизни потребностями децентрализованной, технически-несовершенной промышленности, корпораціи въ Бельгіи не такъ-то быстро и легко уступаютъ свое мѣсто союзамъ болѣе современнымъ. Совершенно одинаково съ тѣмъ, что было во Франціи, бельгійскія корпораціи къ концу XVIII вѣка насильственно и неожиданно разрушаются законодательствомъ, но,—въ этомъ обѣ страны уже радикально расходятся,—въ Бельгіи онѣ появляются снова въ началѣ этого столѣтія, тогда какъ возникающія во Франціи въ 10-хъ и 20-хъ годахъ синдикальныя камеры хозяевъ и рабочихъ отмѣчены уже духомъ строго-классовой обособленности и отдѣлены цѣлою без-

---

[1]) По исторіи англійскихъ рабочихъ союзовъ существуетъ прекрасная работа Сиднея и Беатрисы Веббъ: „The History of Trade Unionism". Авторы этой книги стоятъ на совсѣмъ иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Гоуэль. Есть русскій переводъ.

дной отъ средневѣковыхъ цеховъ и гильдій. Основныя черты ихъ внутренней организаціи въ Бельгіи не представляютъ здѣсь никакихъ рѣзкихъ особенностей по сравненію съ корпораціями другихъ западно-европейскихъ государствъ. Это не что иное, какъ смѣшанные союзы хозяевъ съ рабочими, преслѣдующіе чисто-профессіональныя выгоды и профессіональныя цѣли. Духъ исключительности и монополіи царитъ здѣсь надъ всѣмъ; рабочіе, не входящіе въ данную организацію, разсматриваются, какъ враги. А внутри корпорацій существуетъ касса взаимопомощи на случай старости или болѣзней, тщательная регламентація труда, равно какъ и регламентація вознагражденія, товарищескій судъ, религіозныя церемоніи и проч., и проч. «До тѣхъ поръ,—замѣчаетъ проф. Вандервельде [1]),—пока ограниченность потребностей и мѣстный характеръ рынка дѣлаютъ раздѣленіе труда и употребленіе машинъ безполезными или невозможными, профессіональная выучка требуетъ многихъ лѣтъ, ставя этимъ между различными профессіями почти что непреодолимыя преграды. Въ каждой изъ организованныхъ такимъ образомъ группъ общность привычекъ и интересовъ, сила подражанія, вліяніе воспитанія и наслѣдственности содѣйствуютъ созданію профессіональнаго типа, совершенно отличнаго отъ всѣхъ другихъ; среди этихъ отдѣльныхъ разрядовъ рабочихъ оказывается мало близости, не существуетъ никакихъ взаимныхъ отношеній, никакого чувства всеобщей солидарности. Поэтому лишь только иностранцы нарушатъ, хотя отчасти, ихъ безмятежный покой, индифферентизмъ ремесленниковъ переходитъ во враждебность, а эта послѣдняя выливается въ форму разныхъ ограничительныхъ мѣръ. Въ силу своей неразрывной связи съ извѣстною промышленною системой, послѣднія корпораціи бываютъ обречены или исчезнуть, или видоизмѣниться въ одно время съ ней. По мѣрѣ того, какъ производители дѣлятся на два враждебныхъ класса, то, что еще остается отъ корпоративной организаціи, атрофируется все больше и больше».

Тѣмъ не менѣе, даже и въ настоящее время нельзя еще сказать, чтобы корпораціи въ Бельгіи совершенно исчезли. Скорѣе напротивъ: какъ это ни странно, но до сихъ поръ сохранились организаціи, отличающіяся всѣми главнѣйшими особен-

---

[1]) *Les Associations professionnelles d'artisans et d'ouvriers en Belgique*, томъ II, стр. 14—15.

ностями старинныхъ корпорацій. Въ Брюгге, напримѣръ, есть особое учрежденіе поставщиковъ пива [1]), «Gilde Sint Arnoldus», имѣющее монополію доставки пива на всей территоріи города. 23 члена, составляющіе теперь всю гильдію, раздѣляются на 4 секціи, управляются выборнымъ дисциплинарнымъ совѣтомъ и распредѣляютъ между собой барыши возможно болѣе уравнительнымъ способомъ, который они, однако же, держатъ въ секретѣ. Должность bierdrager'a продается за 3.800 фр., а сверхъ того за право поступленія уплачивается около 3.800 фр., выручка равняется 4—5 франкамъ въ день. Поставщики извести (Kalkdragers), угля (Kooldragers) и зернового хлѣба (Graandragers) объединены въ точно такія же корпораціи и точно также пользуются исключительными привилегіями. Во главѣ этихъ союзовъ стоятъ совѣты, предсѣдательствуемые старшинами и облеченные очень широкими дисциплинарными полномочіями. Ихъ власть простирается даже на домашнюю семейную жизнь членовъ корпораціи и имѣетъ нѣсколько религіозный оттѣнокъ. Совѣтъ, самъ дающій строгую присягу, слѣдитъ за нравственностью и благочестіемъ своихъ коллегъ; онъ заботится также о томъ, чтобы выручка однихъ не была выше, а другихъ ниже извѣстной нормы; для этой цѣли производится иногда разверстка барышей. Уставъ запрещаетъ работать дольше опредѣленнаго времени и вмѣстѣ съ посторонними, не принадлежащими къ корпораціи рабочими. Подобнаго же рода корпорацію, но уже безъ монополіи, составляютъ разгрузчики въ Гентѣ (Stukwerkers); въ настоящее время ихъ 63 человѣка, они раздѣляются на секціи и, слѣдуя примѣру другихъ корпорацій, стремятся также уравнять доходы отдѣльныхъ членовъ. Эта корпорація имѣетъ уже полу-капиталистическій характеръ: Stukwerker'ы нанимаютъ себѣ въ подмогу рабочихъ, которымъ платятъ 2 фр. 50 с. или 3 фр. Ихъ собственные барыши достигаютъ 5—6 фр. въ день.

Уже вполнѣ капиталистическій характеръ имѣютъ такъ называемыя «націи», занимающіяся въ Антверпенѣ разнаго рода доставками, нагрузкой и разгрузкой товаровъ. Участіе въ этомъ союзѣ оплачивается иногда 30—40 тыс. фр.; члены, тоже распредѣляющіе между собой поровну всѣ барыши, сами уже не работаютъ, а подряжаютъ другихъ и только распоряжаются ра-

---

[1]) Дальнѣйшія подробности заимствованы нами у Вандервельда, op. cit.. т. I, и Магайма, op. cit., гл. V („Профессіональные союзы въ Бельгіи“).

ботами. Монополія этого союза чисто-фактическаго свойства и потому намъ кажется болѣе правильнымъ отнести его не къ корпораціямъ (какъ это дѣлаетъ Магаймъ), а прямо къ синдикатамъ хозяевъ, т.-е. къ организаціямъ современнаго типа. Сдѣлать это мы считаемъ возможнымъ, не взирая на то, что «націи» имѣютъ за собой довольно длинную исторію. Точно также всякаго рода союзы рабочихъ нельзя считать корпораціями, разъ только они теряютъ монопольный и смѣшанный съ хозяевами характеръ.

Но за-то многими особенностями корпорацій отличается дружескій союзъ булочниковъ въ Брюгге (Gemeenzaamheid van het Bakkersam bacht). Онъ насчитываетъ 80 своихъ членовъ среди 125 булочниковъ, существующихъ въ Брюгге. Допускаются въ союзъ только мастера булочники и ихъ дѣти не моложе 17 лѣтъ; за право участія уплачивается 4 франка и при этомъ вновь поступающіе обязуются строго держаться разъ установленнаго тарифа. Религіозный характеръ отличаетъ этотъ союзъ; подъ угрозою штрафа, члены обязаны присутствовать на опредѣленныхъ богослуженіяхъ, а за упокой души умершихъ членовъ союзъ заказываетъ мессу. Но эта Gemeenzaamheid, какъ справедливо замѣчаетъ Магаймъ, не имѣетъ будущности: конкуренція двухъ рабочихъ кооперацій, одной, основанной по иниціативѣ католиковъ, другой—соціалистическимъ обществомъ Vooruit, грозитъ ей близкимъ разрушеніемъ.

За исключеніемъ этого послѣдняго союза булочниковъ въ Брюгге, всѣ остальныя общества, приближающіяся въ какомъ нибудь отношеніи къ корпораціямъ, сохранились до настоящаго времени только въ сферѣ транспорта и поставки товаровъ. И это совершенно понятно: такого рода дѣло основано въ очень значительной степени на личныхъ отношеніяхъ, на довѣріи, а потому и замкнутыя корпораціи опредѣленныхъ лицъ имѣютъ здѣсь свой raison d'être. Въ другихъ отрасляхъ промышленности техническія и обще-экономическія условія не дали корпораціямъ сохраниться въ ихъ примитивномъ видѣ и привели къ перевороту. Но этотъ переворотъ не всегда имѣлъ въ Бельгіи, подобно другимъ странамъ, характеръ чисто-разрушительный: старыя формы уступали здѣсь свое мѣсто новымъ иногда вполнѣ мирно и постепенно.

Какъ же происходитъ дальнѣйшій процессъ приспособленія старинныхъ корпорацій къ новымъ экономическимъ условіямъ?

Приспособленіе оказывается не всегда возможнымъ; процессъ этотъ идетъ въ Бельгіи троякимъ путемъ: во-первыхъ, исчезаютъ тѣ корпораціи, которыя оказываются рѣшительно неспособными сколько нибудь примѣниться къ современнымъ условіямъ; во-вторыхъ, изъ нѣкоторыхъ корпорацій выходитъ собственно рабочій элементъ и остаются одни хозяева, корпорація обращается тогда въ синдикатъ патроновъ, и, въ-третьихъ, корпораціи утрачиваютъ большую часть своихъ прежнихъ функцій и сохраняютъ только немногія, выдвигая на первый планъ одну—взаимность, и превращаясь въ общества профессіональной взаимопомощи. О союзахъ хозяевъ мы не станемъ здѣсь говорить; что же касается обществъ взаимопомощи, то ихъ то дальнѣйшая эволюція и приводитъ къ современнымъ рабочимъ союзамъ.

Вначалѣ такія общества сохраняютъ много общихъ чертъ со старыми корпораціями, отличаются профессіональною исключительностью, устраиваютъ религіозныя церемоніи и имѣютъ въ числѣ своихъ членовъ не только рабочихъ, но и хозяевъ. Однако, съ теченіемъ времени, хозяева или совершенно уходятъ изъ обществъ взаимопомощи, или остаются въ нихъ только почетными членами; устраивавшіяся ремесленниками религіозныя церемоніи выходятъ изъ моды; только профессіональный характеръ обществъ взаимопомощи держится дольше [1]). Онъ представляетъ ту выгоду, что въ группѣ людей одной профессіи легче взаимное наблюденіе и болѣе точная оцѣнка при страхованіи. Машина, сила пара, устраняя или, по крайней мѣрѣ, умаляя значеніе выучки, облегчаетъ перемѣну профессіи и дѣлаетъ неизбѣжнымъ уничтоженіе черезчуръ исключительнаго профессіональнаго характера подобныхъ обществъ. Общества взаимопомощи утрачиваютъ свой обособленный характеръ и тѣмъ облегчаютъ объединеніе отдѣльныхъ рабочихъ организацій.

Взаимопомощь нормальная, постоянная, какъ, напр., на

---

[1]) Образцомъ обществъ этого рода можетъ служить „филантропическій союзъ шапочниковъ-ремесленниковъ“, оказывающій поддержку своимъ членамъ въ случаяхъ болѣзни, несчастій, безработицы и старости, выдающій субсидіи вдовамъ и сиротамъ, оплачивающій заграничныя путешествія своихъ членовъ и оказывающій гостепріимство шапочникамъ другихъ странъ. Благодаря строгой регламентаціи труда (запрещается воскресная работа, установленъ тарифъ, запрещается брать новую работу уже имѣющему ее, когда есть безработные товарищи, и проч.) шапочникамъ удается поддерживать заработную плату на значительной высотѣ—до 60 фр. въ недѣлю. Касса союза пополняется постоянными взносами равными 5% зараб. платы, и кромѣ того, единовременнымъ взносомъ 100 фр. при поступленіи въ члены. Капиталъ общества равнялся въ 1890 г. 22 тыс. фр.

случай старости, болѣзни и увѣчья, становится цѣлью нѣкоторыхъ спеціальныхъ учрежденій, а собственно рабочіе союзы принимаютъ характеръ обществъ сопротивленія (sociétés de résistance), гдѣ вопросъ о взаимопощи выступаетъ только въ исключительныхъ случаяхъ стачекъ и безработицы. Постояннымъ же является дѣло борьбы съ предпринимателями. Главными цѣлями этихъ современныхъ рабочихъ союзовъ являются: поддержаніе, иногда возвышеніе существующей нормы заработной платы посредствомъ забастовокъ или воздержанія отъ работы, улучшеніе тѣхъ или иныхъ условій промышленнаго труда, затѣмъ болѣе или менѣе широкое воздѣйствіе на государство въ видахъ политическихъ и экономическихъ, ближайшимъ же образомъ внутренняя организація рабочаго класса, взаимная моральная поддержка, удешевленіе жизни, распространеніе образованія и проч., и проч. Подобныя цѣли могутъ достигаться отдѣльными рабочими союзами только отчасти; въ значительной степени онѣ совершенно недостижимы для профессіональныхъ, болѣе или менѣе замкнутыхъ, организацій. Вотъ почему въ дополненіе къ этимъ послѣднимъ среди бельгійскихъ рабочихъ является объединеніе на почвѣ *потребленія* (значитъ, внѣ всякихъ профессій) и еще болѣе широкое объединеніе въ цѣлую рабочую *партію*. Поговоримъ теперь о томъ и о другомъ.

III.

Возникновеніе среди рабочихъ потребительныхъ обществъ можно объяснить очень просто изъ существующихъ экономическихъ условій. Когда рабочіе не въ силахъ измѣнить общій характеръ распредѣленія, т.-е. сколько-нибудь увеличить свою долю въ промышленномъ доходѣ, когда ихъ заработная плата пребываетъ на неизмѣнно-низкомъ уровнѣ, ничего иного рабочимъ не остается, какъ только сокращать свои издержки. Потребительныя товарищества являются въ этомъ случаѣ естественнымъ, а иногда и единственнымъ выходомъ. Мы уже видѣли выше, какими доходами располагаетъ обыкновенно бельгійскій рабочій: 3 фр.—3 фр. 50 с.—вотъ среднее вознагражденіе за его трудъ; оно спускается ниже, подчасъ даже ниже двухъ франковъ для 40% всего числа рабочихъ, оно подымается выше 4 фр. для 9%. Разумѣется, дѣло идетъ здѣсь только о взро-

слыхъ работникахъ: дѣти и женщины, какъ общее правило, получаютъ менѣе 2 фр. въ день. На основаніи этихъ данныхъ не трудно сдѣлать приблизительный разсчетъ, каковъ долженъ быть обыкновенный бюджетъ бельгійской рабочей семьи.

Спрашивается теперь, какъ же рабочіе расходуютъ свою выручку? Въ статьѣ Жюлена [1]) мы находимъ на этотъ счетъ довольно любопытныя свѣдѣнія и, между прочимъ, одну наглядную таблицу, заимствованную имъ изъ оффиціальныхъ изданій и выражающую собою обычный мѣсячный бюджетъ рабочаго при заработной платѣ въ 4 фр. 37 с. Оказывается, что такой рабочій на одну пищу тратитъ до 20 рабоч. дней въ мѣсяцъ; всѣ другія потребности въ одеждѣ, помѣщеніи [2]) и проч. должны удовлетворяться изъ остальныхъ дней, а ихъ остается немного за вычетомъ праздниковъ и воскресеній. Что касается состава пищи у такого рабочаго, то онъ далеко не блестящъ: мясо, напр., фигурируетъ въ довольно скромномъ количествѣ, хлѣбъ, молоко и картофель оказываются главною, преимущественною пищей бельгійскаго рабочаго, имѣющаго *постоянный* заработокъ на 4 фр. 37 с. въ день. А намъ уже извѣстно, что подобныхъ счастливцевъ среди бельгійскихъ рабочихъ немного, всего около 9%, слѣдовательно, разсчетъ Жюлена, въ который введены, хотя и въ скромномъ количествѣ, мясо, молоко и кофе, имѣетъ въ виду не обычное пропитаніе среднихъ рабочихъ, а, такъ сказать, самый изысканный столъ рабочей аристократіи. Чтобы быть ближе къ истинѣ и къ средней нормѣ, слѣдовало бы сократить количество хлѣба и мяса, а прочіе всѣ продукты вычеркнуть, какъ превышающіе бюджетъ обыкновенныхъ рабочихъ. Но даже и то пропитаніе, о которомъ говоритъ Жюленъ, не лучше, а хуже, чѣмъ пища рабочаго класса другихъ странъ цивилизованнаго міра. Въ статьѣ г. Маресса, посвященной пищѣ рабочихъ массъ въ Россіи, мы находимъ слѣдующую параллель [3]): «Bureau of labour собрало въ 1886 г. подробныя свѣдѣнія о пищѣ американскихъ рабочихъ и нашло, что взрослый работникъ съѣдаетъ въ день 5,06 фунта пищи, изъ которыхъ 2,09 приходится на животные продукты (мясо, рыбу,

---

[1]) *Julin*, „A propos des salaires“, *Revue sociale et politique*. Bruxelles, 1893. Томъ III.

[2]) О дурныхъ свойствахъ рабочихъ помѣщеній въ Бельгіи см. спеціальное изслѣдованіе Бертрана: *Les logements de l'ouvrier en Belgique*. Bruxelles, 1889.

[3]) *Русская Мысль* 1893 г., кн. XI, стр. 64.

молочные продукты, яйца). Такое же изслѣдованіе и для той же группы населенія выполнено было у насъ проф. Эрисманомъ. Оно показало, что нашъ фабричный рабочій съѣдаетъ въ день 3,92 фун. всякой пищи и изъ нихъ животной только 0,32 фун.». Произведя необходимыя вычисленія, легко убѣдиться, что если взятый нами бельгійскій рабочій всякой пищи вообще потребляетъ нѣсколько больше, нежели рабочій американскій, то, при ближайшемъ разсмотрѣніи *состава* пищи, отношеніе это измѣняется на обратное. Въ потребленіи животныхъ продуктовъ онъ далеко уступаетъ не только американскимъ, но и всѣмъ европейскимъ рабочимъ [1]), о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ безпристрастные наблюдатели. «Обычная пища рабочаго въ Бельгіи,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—состоитъ изъ хлѣба, сыра, зелени и солонины; говядина появляется за столомъ одинъ или два раза въ недѣлю. То, что они пьютъ подъ названіемъ кофе—цикорій и вода».

Какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, на почвѣ естественной бѣдности, вытекающей, прежде всего, разумѣется изъ условій вознагражденія, развился еще своеобразный врагъ всѣхъ бѣдняковъ,—мы разумѣемъ пьянство. Въ Бельгіи теперь потребляется въ годъ болѣе 70 милл. литровъ можжевельныхъ ягодъ, изъ которыхъ гонится такое громадное количество водки, что, собранная вмѣстѣ, она бы, по словамъ Бертрана, составила добрую бельгійскую рѣку. На ряду съ такимъ широкимъ производствомъ вина и водки идетъ въ столь же широкихъ размѣрахъ и ихъ фальсификація. Бельгійскіе рабочіе не только опьяняются, но и отравляются.

До самаго послѣдняго времени бюджетъ бельгійскаго рабочаго обремененъ былъ еще однимъ очень тяжелымъ поборомъ. Фабриканты выдавали часто заработную плату не деньгами, а товарами, или вынуждали рабочихъ пріобрѣтать харчи въ ихъ лавкахъ. Къ какимъ злоупотребленіямъ приводила эта система

---

[1]) См. *La Coopération* par Bertrand, стр. 130. „Наиболѣе длинные рабочіе дни,—говоритъ проф. Вандервельдъ,—встрѣчаются въ тѣхъ странахъ, гдѣ пропитаніе рабочаго хуже. Для примѣра сравнимъ питаніе рабочихъ въ Бельгіи и въ Массачузетсѣ:

	Бѣлковъ.	Жировъ.	Углеводовъ.
Рабочіе Массачузетса . .	127 гр.	186 гр.	531 гр.
Рабочіе въ Бельгіи . . .	70 „	26 „	461 „

Рабочій день въ Массачузетсѣ въ среднемъ равняется 8—9 час., а въ Бельгіи—11—12 час. См. *Cours sur la réglementation des heures de travail* par Emile Vandervelde. Brux., 1894.

(извѣстная подъ названіемъ truck-system), выяснилось очень наглядно передъ правительственною комиссіей 1886 г. «Въ Зеле,—говорилъ комиссіи бургомистръ,—рабочимъ уплачиваютъ товарами въ такомъ количествѣ, что они принуждены приходить въ городъ и закладывать эти товары въ ссудныхъ кассахъ». Иной разъ сами хозяева скупали ихъ обратно, конечно, уже по значительно болѣе дешевой цѣнѣ. Обнаружилось существованіе такихъ предпріятій, въ которыхъ барышъ отъ продажи рабочимъ товаровъ приносилъ хозяевамъ больше, нежели самое производство. Было вычислено, что сахаръ рабочіе получали на 27—72%, мыло—на 25—87%, петролеумъ—на 25—212% дороже ихъ номинальной цѣны [1]). Злоупотребленія эти предполагалось уничтожить закономъ 16 августа 1887 г., запретившимъ нанимателямъ давать въ уплату своимъ рабочимъ что либо, кромѣ установленной звонкой или бумажной монеты. Однако, изгоняя злоупотребленія въ дверь, законъ ихъ тотчасъ же впускалъ въ окно, дѣлая исключеніе для жилища, одежды, матеріаловъ и инструментовъ [2]). Остальными продуктами запрещено было торговать въ фабричныхъ лавкахъ тоже не безусловно: достаточно запастись разрѣшеніемъ одной спеціальной комиссіи, чтобы системѣ «трёка» открывалось снова широкое и неограниченное поле...

Коопераціи вообще, потребительныя товарищества въ частности—являются при подобныхъ условіяхъ единственнымъ выходомъ; не даромъ онѣ привились и распространились здѣсь съ такою быстротой и силой. Сначала, при своемъ возникновеніи въ 40-хъ гг. [3]), коопераціи имѣли въ Бельгіи форму не потребительныхъ, а производительныхъ обществъ, на манеръ знаменитыхъ парижскихъ національныхъ мастерскихъ; и въ мысляхъ ихъ основателей онѣ должны были имѣть много общаго съ ученіемъ Луи Блана. Всѣ эти общества, однако, за исключеніемъ ассоціаціи типографовъ (о ней мы говорили выше), въ нѣ-

---

[1]) См. ст. *А. П.*: «Положеніе рабочихъ классовъ въ Бельгіи». *Юрид. Вѣстн.* 1889 г., № 10, стр. 300. Статья составлена по Геркнеру: *Die Belgische Arbeiterenquete und ihre socialpolitischen Resultaten.*

[2]) Ср. *Le contrat de travail etc.* par *E. Stocquart* (1895), стр. 181—183.

[3]) Исторія бельгійскихъ коопераціи разсказана нами по книгѣ Бертрана: *La Coopération* (Bruxelles, 1894), а свѣдѣнія о современномъ ихъ положеніи почерпнуты, главнымъ образомъ, изъ личныхъ наблюденій и изъ бесѣдъ съ участниками этого движенія (преимущественно съ Бертраномъ), отчасти также изъ *Альманаха коопераціи* и изъ журнала *Les Coopérateurs Belges.*

сколько лѣтъ исчезли безъ слѣда; оно и понятно, такъ какъ они были продуктомъ не экономической необходимости, а извѣстныхъ теоретическихъ, абстрактныхъ положеній. Въ періодъ 1864—74 гг., подъ вліяніемъ агитаціи членовъ «инернаціонала», коопераціи возникаютъ въ Бельгіи снова; на нихъ возлагаются даже особенныя надежды, отъ нихъ ожидается многими полное разрѣшеніе всей соціальной проблемы. Но и на этотъ разъ устроители коопераціи испытываютъ вскорѣ совершенное разочарованіе. Ихъ теоретическое зданіе рушится, не выдержавъ серьезнаго испытанія нѣсколькихъ лѣтъ; коопераціи оказываются слишкомъ слабыми, чтобы вступать въ борьбу съ капитализмомъ. Отчаяніе смѣняетъ тогда прежнее увлеченіе: всѣ новыя попытки въ этомъ родѣ встрѣчаются уже полнѣйшимъ недовѣріемъ со стороны рабочихъ.

Съ 1885 г. начинается третій и самый плодотворный періодъ въ дѣлѣ развитія бельгійскихъ коопераціи. Всего болѣе благодаря ближайшему содѣйствію только что возникающей «рабочей партіи», отчасти подъ вліяніемъ удачныхъ попытокъ устройства потребительныхъ обществъ среди мелкихъ чиновниковъ, рабочія коопераціи распространяются теперь съ особенною силой, принимая, притомъ, и нѣсколько новый, гораздо болѣе практичный, демократическій и справедливый характеръ. Прежде капиталистическій элементъ давалъ себя чувствовать въ рабочихъ ассоціаціяхъ паями разной величины, причемъ болѣе крупные барыши получали, конечно, обладатели болѣе крупныхъ паевъ, теперь же, напротивъ, основной принципъ распредѣленія барышей отъ коопераціи совершенно лишился своего прежняго характера процента на вложенный въ предпріятіе капиталъ. Въ основу распредѣленія положенъ былъ отнынѣ не размѣръ акцій, которыя стали равными для всѣхъ членовъ, но размѣръ потребленія. Кто, какъ окажется, къ концу года потребитъ больше продуктовъ, произведенныхъ коопераціей, тотъ участвуетъ пропорціонально больше и въ барышахъ. Особенное вниманіе обращено было на доступность коопераціи для самой бѣдной части рабочаго класса. Въ большинствѣ бельгійскихъ коопераціи бываетъ достаточно теперь выразить свое желаніе состоять членомъ, иногда заплатить еще 30 сент. за заборную книжку, чтобы сдѣлаться фактическимъ участникомъ одного изъ такихъ потребительныхъ обществъ. Покупка акцій сдѣлана номинальной, потому что стоимость ихъ (10 фр.) не выплачивается

новымъ членомъ при поступленіи, а составляется постепенно изъ накопляющихся и невыплачиваемыхъ первое время барышей.

Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ крайней доступности и практичности, коопераціи въ Бельгіи получили скоро значительное развитіе. Въ настоящее время всѣхъ членовъ рабочихъ коопераціи насчитывается около 130 тыс. чел. Общая выручка всѣхъ обществъ этого рода въ первый семестръ 1892 г. равнялась 2.700.000 фр., а чистый доходъ—350.000 фр. [1]). Когда мы говоримъ о бельгійскихъ коопераціяхъ, мы разумѣемъ потребительныя товарищества или смѣшанную форму потребительнаго и производительнаго товарищества вмѣстѣ. Независимыхъ производительныхъ коопераціи въ чистомъ видѣ, т. е. такихъ, которыя бы производили не столько для своего потребленія, сколько для сбыта, въ Бельгіи теперь не существуетъ: собственное потребленіе является всегда въ бельгійскихъ коопераціяхъ главною цѣлью, сбытъ на сторону — побочной. Что касается потребительныхъ товариществъ, когда они имѣютъ характеръ только общественныхъ магазиновъ не ими произведенныхъ товаровъ, то, въ большинствѣ случаевъ, такія товарищества не находятъ нужнымъ спеціализироваться: они закупаютъ всякаго рода продукты первой необходимости, при помощи ихъ рабочіе имѣютъ возможность по нѣсколько удешевленнымъ цѣнамъ имѣть все то, что продается и въ лавкахъ. Разсчетъ здѣсь основанъ только на выгодахъ крупной оптовой закупки. Другое дѣло, когда потребительное товарищество находится въ тѣсной связи съ производительнымъ; такимъ характеромъ отличается, наприм., кооперативная булочная въ Гентѣ (Vooruit) и совершенно однородная съ ней булочная при брюссельскомъ «Народномъ домѣ». Кооперація здѣсь сама производитъ весь хлѣбъ, имѣетъ для этого большую мастерскую, нѣсколько дорого стоющихъ и усовершенствованныхъ машинъ, правильно организо-

---

[1]) Въ разсчетъ введены только городскія коопераціи; между тѣмъ, въ самое послѣднее время то же самое движеніе стало распространяться и въ деревняхъ. Бельгійскіе крестьяне съ большою симпатіей относятся къ кооперативнымъ молочнымъ и сыроварнямъ, которыхъ теперь насчитывается, если не ошибаемся, болѣе сотни. «Рабочая партія» поясняетъ крестьянамъ на этомъ примѣрѣ всѣ преимущества болѣе тѣснаго сплоченія производителей и ведетъ дѣятельную пропаганду въ пользу сельскохозяйственныхъ синдикатовъ. См. журн. *Les Coopérateurs Belges,* 1894, 1-er fevrier.

ванный транспортъ. Всѣ члены коопераціи должны быть, конечно, потребителями ея хлѣба, но не всѣ могутъ быть, въ то же время, производителями его. При машинной системѣ изготовленія хлѣба кооперативная булочная, производящая въ недѣлю болѣе 100.000 кило, нуждается лишь въ 150—200 рабочихъ. Они набираются по найму изъ членовъ коопераціи и получаютъ, кромѣ своей обычной части въ общемъ доходѣ, еще и заработную плату въ 4 фр. 50 с.

Въ настоящее время обѣ коопераціи, брюссельская и гентская, процвѣтаютъ въ полномъ смыслѣ этого слова. То же надо сказать о кооперативныхъ мясныхъ, дровяныхъ и угольныхъ складахъ. Гентская булочная, возникшая прежде, отличается образцовымъ устройствомъ и даетъ своимъ членамъ значительные барыши [1]). Она поддерживаетъ опредѣленною крупною субсидіей органъ рабочей партіи въ Гентѣ, соціалистическую газету *Vooruit (Впередъ)*, издаваемую на фламандскомъ нарѣчіи, и оказываетъ всяческую поддержку нуждающимся рабочимъ; такъ, наприм., во время стачки углекоповъ въ 1886 г. булочная отправила стачечникамъ 40.000 хлѣбовъ. Кооперація торгуетъ кожами, обувью, матеріями, готовымъ платьемъ, углемъ, бакалейными и аптекарскими товарами, имѣетъ два собственныхъ дома и еще девять нанимаетъ, при ней находятся ресторанъ, библіотека, аптека, школа и зала для всяческихъ лекцій. Рабочіе съ большою гордостью указываютъ на нее, какъ на примѣръ широкой рабочей организаціи, построенной на исключительно демократическихъ началахъ. Мнѣ лично удалось посѣтить брюссельскую кооперацію, и впечатлѣніе, которое я отсюда вынесъ, было самаго отраднаго свойства.

Прежде всего, наблюдателя поражаютъ размѣры мастерской и машинный способъ приготовленія хлѣба. Кооперативная булочная оказывается большимъ двухъ-этажнымъ зданіемъ съ нѣсколькими флигелями. Въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса помѣщаются склады муки: оттуда черезъ особыя отверстія въ полу, мука сама сыплется въ нижній этажъ въ громадные чаны, куда

---

[1]) «Въ 1893 г.,—говоритъ оффиціальный органъ французскаго министерства промышленности и торговли,—кооперація процвѣтала: 7,000 семействъ были ея кліентами. 4 печи работали въ булочной и въ недѣлю производили до 100 тыс. килограммовъ хлѣба. Цѣна кооперативнаго хлѣба—26 с. за 1 кило; прибыли съ каждаго кило получается 5—6 с. Выручка общества достигла 51 тыс.». *Bulletin de l'office du travail*, 1894, № 3, стр. 141—142.

проведена также теплая вода, куда подсыпаются дрожжи и гдѣ все получаемое тѣсто мѣшается грандіозными механическими мутовками, приводимыми въ движеніе газовыми локомобилями. Ручной трудъ сведенъ тутъ до minimum'а. Рабочіе своими руками придаютъ только тѣсту форму хлѣбовъ, которые они кладутъ на желѣзные противни, вдвигаемые безъ всякихъ усилій въ гигантскія печи. Кромѣ облегченія труда рабочихъ, такимъ образомъ достигается громадная экономія въ расходахъ и особенная чистота продукта. Хлѣбъ, приготовленный коопераціей, благодаря его отличному качеству, имѣетъ въ городѣ хорошій сбытъ, хотя въ настоящее время онъ не дешевле, а иногда бываетъ даже дороже продаваемаго въ лавкахъ хлѣба. Отсюда не слѣдуетъ дѣлать того заключенія, что въ смыслѣ удешевленія продукта кооперація ничего не принесла рабочимъ; дѣло въ томъ, что удешевленіе получилось сразу большое, но всѣ другія булочныя признали тотчасъ же необходимымъ понизить свои цѣны, такъ что пользу отъ коопераціи должны были ощутить не только одни ея члены—рабочіе, но и всѣ вообще брюссельскіе обыватели, всѣ потребители хлѣба.

Такимъ образомъ, ближайшая задача, поставленная рабочими при учрежденіи коопераціи,—удешевленіе и улучшеніе продукта,—была ими въ совершенствѣ достигнута. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно, они достигли и другого результата: концентраціи хлѣбопекарнаго дѣла въ нѣсколькихъ крупныхъ предпріятіяхъ. Въ Брюсселѣ независимыя мелкія булочныя были совершенно убиты соперничествомъ коопераціи. Чтобы выдержать ея конкурренцію, имъ приходилось входить въ союзы, возникли даже акціонерныя общества для капиталистическаго производства хлѣба. Члены рабочей коопераціи не только не испугались такого результата ихъ дѣятельности, но привѣтствовали его съ радостью, полагая, что капитализмъ и безъ того долженъ постепенно все развиваться и убивать мелкое ремесленное производство.

Какъ ни велика, какъ ни наглядна польза кооперативныхъ учрежденій для рабочихъ, было бы непростительнымъ оптимизмомъ воображать, что этимъ путемъ можетъ быть разрѣшенъ весь соціальный вопросъ и уничтожены всѣ экономическія бѣдствія нашего времени. Руководители бельгійскаго рабочаго движенія этого и не думаютъ; ихъ трезвое отношеніе къ дѣлу видно изъ слѣдующихъ словъ Бертрана: «кооперація,—пишетъ онъ

въ одной популярной, предназначенной для народа брошюрѣ,— не утопія и не панацея. Она не утопія, не невозможность, потому что коопераціи существуютъ и процвѣтаютъ. Но она и не панацея, потому что кооперація сама по себѣ не сдѣлаетъ рабочихъ собственниками земли, которую они обрабатываютъ, фабрикъ, на которыхъ они работаютъ, копей, изъ которыхъ они извлекаютъ уголь, машинъ или другихъ орудій труда... Кооперація не цѣль, а средство,—средство объединить рабочихъ, дать имъ экономическія познанія, ознакомить рабочихъ съ коммерческими дѣлами и колебаніями рынка... Наконецъ, кооперативныя общества доставляютъ рабочимъ средства для библіотекъ, для лекцій, для поддержанія журналовъ, которые защищаютъ ихъ требованія». Оказывается, что, всѣми силами пропагандируя коопераціи, руководители бельгійскаго рабочаго движенія нисколько не преувеличиваютъ ихъ значенія. Вотъ почему они и не останавливаются на нихъ, но идутъ дальше, стремясь сдѣлать болѣе справедливой самую систему распредѣленія.

IV.

Мы видимъ, что коопераціи, возникшія лишь для оказанія нѣкоторой поддержки рабочимъ, для облегченія имъ внѣшнихъ условій существованія, при современной формѣ производства и распредѣленія, оказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстное вліяніе на самыя эти формы производства, а косвенно и на размѣръ вознагражденія. Таково, однако же, ихъ отдаленное и болѣе или менѣе случайное послѣдствіе. Настоящая цѣль коопераціи вполнѣ мирнаго свойства и сама по себѣ вовсе не требуетъ ни борьбы, ни реформъ. Бельгійскія коопераціи возникли *для* рабочихъ, но *не противъ* капиталистовъ, хотя, въ силу существующаго классового антагонизма, принося пользу однимъ, онѣ должны служить во вредъ другимъ. Болѣе непосредственнымъ, открыто оппозиціоннымъ характеромъ отличалось другое оружіе рабочихъ въ ихъ борьбѣ за экономическое благосостояніе: мы разумѣемъ стачки, имѣющія за собою въ Бельгіи длинную и поучительную исторію. Не входя въ большія подробности, мы сдѣлаемъ здѣсь краткій очеркъ стачекъ въ прошломъ, насколько это намъ кажется необходимымъ для пониманія современности[1]).

---

[1]) Нижеприводимые факты заимствованы изъ обстоятельной статьи Зётбера въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, т. I.

До 1866 г. въ Бельгіи имѣли силу закона ст. 415 и 416 французскаго уголовнаго кодекса, которыя всякаго рода соглашенія рабочихъ, клонящіяся къ увеличенію заработной платы, къ сокращенію рабочаго времени и къ регулированію ими предложенія труда, разсматривали какъ преступленія, за которыя законъ угрожалъ строгою карой. Въ промежутокъ времени между 1830 и 1860 гг. за нарушеніе этого постановленія было привлечено къ суду 1611 рабочихъ, изъ коихъ 946 приговорены были къ тюремному заключенію, 144 къ денежному штрафу, а остальные оправданы. Страхъ наказанія, однако, не былъ настолько силенъ, чтобы удерживать рабочихъ; стачки продолжали возникать въ различныхъ округахъ страны, особенно же часто въ мѣстахъ добыванія угля. Хозяева, съ своей стороны, не останавливались предъ самыми крутыми мѣрами расправы, за-то и рабочіе умѣли выбрать для своего мщенія такое время, когда въ нихъ наиболѣе нуждались. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, до 1866 года, когда упомянутыя выше постановленія французскаго законодательства отмѣнены были нынѣ дѣйствующимъ закономъ, запрещающимъ не самыя забастовки, а только насилія и принужденія, стачки въ Бельгіи не имѣли большого вліянія на отношеніе хозяевъ къ рабочимъ и, въ большинствѣ случаевъ, кончались полюбовно.

Въ началѣ 1867 г. собраніе горнозаводчиковъ въ Шарлеруа признало необходимымъ сократить число дѣйствовавшихъ до тѣхъ поръ правильныхъ печей и сбавить на 10% заработную плату. Вскорѣ, однако, дѣла пошли лучше и рабочимъ удалось добиться повышенія платы, но тогда они стали требовать бо̀льшаго: уничтоженія нѣкоторыхъ старыхъ обычаевъ и введенія новыхъ правилъ, сокращенія рабочаго времени, замѣны задѣльной платы поденною, устраненія всякихъ посредниковъ между нанимателями и ими. Одни изъ горнозаводчиковъ согласились на нѣкоторыя перемѣны, другіе упорствовали и за это рабочіе рѣшили ихъ бойкотировать. Тогда тѣ на общемъ собраніи постановили нанимать рабочихъ на сторонѣ; это и подало поводъ къ безпорядкамъ. Стачечники не хотѣли позволить, чтобы работы продолжались, и для этого на большинствѣ заводовъ машины были ими остановлены. Послѣ того, какъ къ стачкѣ присоединились рудокопы, всѣ забастовщики вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми

устроили большую процессію, которая кончилась нападеніемъ на мѣстную паровую мельницу. Сначала небольшой отрядъ солдатъ, занимавшій ее, спокойно выдерживалъ осаду и молча принималъ камни и оскорбленія, но вдругъ офицеромъ было отдано приказаніе стрѣлять, только немногіе солдаты повиновались—и четверо рабочихъ пали мертвыми. Толпа раздражилась, сдѣлала натискъ и немного времени прошло, какъ мельница была совершенно разрушена и сравнена съ землей; для подавленія безпорядковъ вызваны были войска, и дѣло кончилось многочисленными арестами и тюрьмой для главныхъ участниковъ. Потери стачечниковъ были велики, но за-то послѣ этихъ событій заработная плата поднялась и для рабочихъ въ рудникахъ были введены новыя, лучшія правила.

Не прошло и года, однако, какъ въ томъ же округѣ Шарлеруа началась новая стачка: хозяева за это время успѣли снова сбавить цѣны, а рабочіе снова не захотѣли имъ уступить. Потребовалось новое вмѣшательство военной силы, и дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Правительство на этотъ разъ назначило коммиссію для изслѣдованія условій жизни рудокоповъ. Это было первымъ оффиціальнымъ изслѣдованіемъ такого рода, не давшимъ, впрочемъ, никакихъ осязательныхъ результатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во время этой послѣдней стачки вниманіе многихъ привлекла къ себѣ дѣятельность международнаго рабочаго союза—«интернаціонала»; союзъ оказывалъ стачечникамъ большую поддержку, и нравственную, и матеріальную, и это создало ему въ Бельгіи значительную популярность. Когда въ апрѣлѣ слѣдующаго года около Монса произошли рабочіе безпорядки, самымъ жестокимъ образомъ подавленные войсками, генеральный совѣтникъ бельгійскихъ секцій интернаціонала призывалъ стачечниковъ къ порядку, доказывая имъ, что въ рабочемъ классѣ нѣтъ еще необходимаго единодушія для успѣшной борьбы.

1870 г. отмѣченъ крупною стачкой механиковъ, распространившейся по всей странѣ. Стачкой руководило «общество сопротивленія», поддержанное денежными средствами другихъ подобныхъ обществъ. Нуждавшіеся рабочіе получали по 15 франк. въ недѣлю, нѣкоторые въ теченіе 6 недѣль кряду. Предпринимателямъ, наконецъ, пришлось уступить и, притомъ, въ довольно чувствительномъ для нихъ пунктѣ: они перестали прибѣгать къ

ночной работѣ за добавочную плату и, вмѣсто того, начали нанимать большее количество рабочихъ на двѣ смѣны, что несомнѣнно послужило лишь къ выгодѣ всего рабочаго класса.

Въ дальнѣйшей исторіи бельгійскаго рабочаго движенія видное мѣсто и по своей продолжительности, и по своимъ результатамъ занимаетъ стачка рабочихъ, большею частью членовъ интернаціонала, на табачныхъ фабрикахъ Антверпена въ 1871 году. Дѣло началось изъ-за дѣтей, которыхъ, въ качествѣ помощниковъ, рабочіе до тѣхъ поръ нанимали отъ себя; это, разумѣется, имъ было очень невыгодно, и они желали теперь избавиться отъ такого побора, желали также сокращенія рабочаго времени, а на отказъ хозяевъ отвѣтили забастовкой, затянувшейся болѣе чѣмъ на 4 мѣсяца. Въ концѣ-концовъ, рабочіе добились своего: на многихъ фабрикахъ дѣти были совершенно удалены, а рабочій день сокращенъ съ 11 до $9^1/_2$ час.; въ нѣкоторыхъ, кромѣ того, заработная плата, немного повысилась.

Успѣхъ нѣсколькихъ стачекъ внушилъ бельгійскимъ секціямъ интернаціонала мысль о возможности всеобщей стачки, и вотъ на рабочемъ конгрессѣ 1873 года рѣшено было, по возможности, воздерживаться отъ мелкихъ забастовокъ, подготовляя въ будущемъ нѣчто дѣйствительно крупное. Хотя число стачекъ въ послѣдующіе годы какъ будто нѣсколько сократилось, тѣмъ не менѣе дѣло не обходилось совсѣмъ безъ столкновеній, и въ разныхъ мѣстахъ борьба продолжала вестись съ перемѣннымъ успѣхомъ. Въ 1884 г. крупная и во многихъ отношеніяхъ замѣчательная стачка возникла на стеклянныхъ заводахъ въ Шарлеруа. Плохое состояніе дѣлъ заставило предпринимателей закрыть извѣстное число печей и сбавить заработную плату, постоянно повышавшуюся въ послѣдніе годы. Союзъ стеклодѣловъ (см. о немъ выше) рѣшилъ противодѣйствовать пониженію платы, и, сверхъ того, постановилъ, чтобы всѣ оставшіеся на заводахъ рабочіе дѣлились со своими разсчитанными товарищами работою и выручкою. Предприниматели, увидѣвшіе въ этомъ нарушеніе своихъ правъ и желаніе противъ ихъ воли поддержать заработную плату на извѣстной высотѣ, рѣшительно воспротивились всему, чего желали рабочіе. Возгорѣлась борьба, длившаяся болѣе мѣсяца и прекратившаяся только тогда, когда заработная плата была немного повышена. Но этимъ дѣло не кончилось: союзъ хозяевъ сталъ привлекать къ суду тѣхъ изъ рабочихъ, которые, участвуя въ стачкѣ, нару-

щили заключенный контрактъ. Рабочіе были приговорены къ уплатѣ 33,350 фр. убытку. Около 19 тыс. предприниматели сами взыскали съ рабочихъ не доплативъ имъ на соотвѣтствующую сумму ихъ жалованья. Остальныя $14^1/_2$ тыс. союзъ стеклодѣловъ взялъ на себя, вернувъ, кромѣ того, всѣмъ рабочимъ тѣ вычеты, которые были сдѣланы хозяевами въ ихъ заработной платѣ.

1885 г. прошелъ неспокойно: онъ начался безпорядками въ Боринажѣ, гдѣ углекопы, выразивъ свое нежеланіе спускаться въ шахты, останавливали вентиляціонныя машины, и кончился неудачною стачкой гентскихъ прядильщиковъ, требовавшихъ возвращенія на фабрику четверыхъ разсчитанныхъ хозяевами товарищей. Но главное было еще впереди. 1886 г. долженъ былъ ознаменоваться событіями, оставившими глубокій слѣдъ не только на дальнѣйшемъ рабочемъ движеніи, но и на всемъ политическомъ строѣ. Рабочія волненія этого года доставили Бельгіи пересмотръ конституціи и избирательную реформу. Но, прежде чѣмъ мы здѣсь станемъ говорить о нихъ, намъ нужно сдѣлать нѣсколько замѣчаній еще о другомъ движеніи, которое также въ этихъ событіяхъ съиграло свою роль и о которомъ не слѣдуетъ забывать, знакомясь съ бельгійскимъ рабочимъ движеніемъ. Мы говоримъ о распространеніи соціализма.

Вліяніе Франціи, оказавшей вообще такое сильное воздѣйствіе на всю бельгійскую литературу, было причиной того, что соціалистическія идеи проникли въ Бельгію въ 40-хъ гг. Мы знаемъ, какія это были идеи: наибольшею популярностью пользовались тогда ученія Фурье и С. Симона, въ которыхъ рабочій классъ почерпалъ нравственное и экономическое оправданіе своимъ стремленіямъ къ лучшему будущему, но которыя, въ то же время, своими фантазіями о « новомъ христіанствѣ», о «фаланстерахъ» указывали ему невѣрный путь къ достиженію этого будущаго. Творенія знаменитыхъ французскихъ соціалистовъ и популярныя брошюры ихъ учениковъ были въ большомъ ходу въ Бельгіи, но они принимались здѣсь, какъ оригинальныя французскія новинки, не порождая въ странѣ никакого самостоятельнаго движенія. Нѣсколько глубже, кажется, было вліяніе Прудона; оно сказалось въ 60-хъ гг., когда въ Бельгіи стали возникать радикально-соціалистическіе клубы. Самый важный изъ нихъ основанъ былъ въ 1866 г. и затѣмъ

обращенъ въ секцію интернаціонала, уже начавшаго тогда въ Европѣ дѣятельную агитацію.

Бельгія со своимъ широкимъ правомъ общенія, установленнымъ въ принципѣ уже конституціей 1830 г., и со своею относительно полной свободой печати была удобною почвой для новаго рабочаго движенія [1]). И дѣйствительно, въ Брюсселѣ въ 1869—1870 гг. проживало много руководителей интернаціонала; здѣсь издавались его главные періодическіе органы на французскомъ языкѣ: *L' International, La Libêrté, Le Peuple Belge,* и здѣсь же въ 1868 г. засѣдалъ 3-й конгрессъ, въ которомъ участвовало 98 делегатовъ всѣхъ главныхъ европейскихъ странъ. Собственно бельгійскія секціи интернаціонала [2]), какъ это обнаружилось на конгрессѣ 1872 г., принадлежали по своимъ анархическимъ тенденціямъ къ бакунинскому меньшинству, стоявшему за полную автономію отдѣльныхъ группъ. По распаденіи международнаго союза, его бельгійскіе участники пробовали организовать самостоятельную партію съ открыто анархическою программой. Попытка эта имъ совершенно не удалась, столь же неудачно окончилось и нѣсколько затѣянныхъ ими стачекъ. Тогда бельгійскіе рабочіе, сначала съ большимъ сочувствіемъ отнесшіеся къ интернаціоналу, совершенно отстранились отъ пережившей его анархической секціи, и она должна была волей-неволей прекратить свое существованіе. Соціализмъ потерялъ свой кредитъ въ глазахъ бельгійскаго рабочаго.

Попытки новаго рабочаго движенія начались въ 1874—75 гг. приблизительно одновременно въ нѣсколькихъ промышленныхъ городахъ Бельгіи. Хотя за это дѣло взялись большею частью все бывшіе члены интернаціонала, Де-Папъ, Бертранъ, Ансель и друг., тѣмъ не менѣе, новое движеніе своимъ практическимъ, отчасти узко-профессіональнымъ характеромъ мало напоминало сначала космополитическіе широкіе замыслы международнаго союза. Наибольшаго успѣха новое движеніе достигло въ Брюсселѣ, гдѣ въ 1875 г. была учреждена «рабочая

[1]) Подробности см. въ соч. *Лавелэ*: «Le socialisme contemporain», гл. IX и X, и въ статьѣ *Нестерова*: «Бельгійская рабочая партія», *Сѣверный Вѣстникъ*, 1886 г., кн. XI.

[2]) Ихъ было 8 и общая сумма ихъ членовъ считалась въ 100—200 тыс. чел. Цифра эта, очевидно, преувеличена, потому что, какъ справедливо замѣчаетъ Лавелэ, «для зачисленія въ члены признавалось достаточнымъ совершенно платоническое присоединеніе, и точная статистика тутъ невозможна».

камера» или «федерація брюссельскихъ рабочихъ обществъ» («Fédération des sociétés ouvrières bruxelloises»), не замедлившая обзавестись и собственнымъ органомъ *La Voix de l'ouvrier* (*Голосъ рабочаго*).

Подобныя же попытки объединенія сдѣланы были и въ другихъ городахъ: Гентѣ, Антверпенѣ, Вервье и проч. Вездѣ среди рабочихъ начали возникать многочисленные союзы и кружки, но связи между этими отдѣльными группами сначала не было. Тѣми же лицами, усиліями которыхъ началось все движеніе, данъ былъ ему и дальнѣйшій толчокъ созваніемъ нѣсколькихъ рабочихъ конгрессовъ.

Все нагляднѣе становилась необходимость соединить разрозненныя группы въ единую сильную партію. Этому оказалось, однако, не мало препятствій. Делегаты валлонскихъ провинцій, соглашаясь на образованіе одной партіи, требовали, чтобы она выставила исключительно экономическую программу и вела борьбу стачками, не вмѣшиваясь въ политику. Иного мнѣнія были фламандцы, настаивавшіе на политическомъ характерѣ общерабочей программы. Кромѣ того, среди первыхъ замѣтно было стремленіе предоставить отдѣльнымъ союзамъ возможно большую независимость, вторые же считали необходимымъ держаться общей, строго установленной программы. Дѣло кончилось тѣмъ, что фламандцы образовали свою отдѣльную «фламандскую соціалистическую рабочію партію» («Parti ouvrier socialiste flamand»), по образцу которой возникла вскорѣ другая, «брабантская соціалистическая партія». Первая приняла нѣмецкую соціалъ-демократическую программу, вторая отличалась болѣе революціоннымъ и анархическимъ характеромъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1879 г. Де-Папу удалось соединить обѣ партіи въ одну и такимъ образомъ возникла «бельгійская соціалистическая партія» (Parti socialiste belge), сдѣлавшаяся тотчасъ же главнымъ русломъ всего дальнѣйшаго соціалистическаго движенія въ Бельгіи.

До 1885 г., когда «бельгійская *соціалистическая* партія» стала и по названію, и въ дѣйствительности« бельгійскою *рабочею* партіей», движенія рабочее и соціалистическое шли въ Бельгіи каждое своею дорогой, часто соприкасаясь между собой, но не смѣшиваясь. Рабочіе собственными силами объединялись въ профессіональные союзы и боролись съ капиталистами при помощи стачекъ, соціалисты же, рабочіе и не-рабо-

чіе, вполнѣ раздѣляя нѣмецкую соціалъ-демократическую программу, вели, главнымъ образомъ, политическую агитацію, что имъ нисколько не мѣшало, впрочемъ, поддерживать и даже устраивать стачки. Въ 1880 г. соціалистамъ удалось устроить въ Брюсселѣ большую манифестацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, составлявшаго главную цѣль ихъ стремленій. Подъ вліяніемъ отчасти соціалистической агитаціи, отчасти настойчивости партіи прогрессистовъ, министерство предложило, наконецъ, законопроектъ, расширявшій избирательное право. Въ томъ видѣ, какъ оно было принято палатой, расширеніе это коснулось только выборовъ въ провинціальные и коммунальные совѣты, а право избранія депутатовъ въ палату предоставлялось, по-прежнему, только зажиточнымъ людямъ, платившимъ казнѣ не менѣе 42 фр. 32 с. ежегоднаго налога. Послѣ этого соціалистическая партія еще дѣятельнѣе взялась за агитацію въ пользу всеобщаго избирательнаго права, сумѣла привлечь на свою сторону главную массу рабочихъ и, такимъ образомъ, достигла того, что черезъ 6 лѣтъ послѣ одной избирательной реформы на очереди стоялъ уже вопросъ о новомъ радикальномъ пересмотрѣ конституціи.

Рабочія стачки 1886 г. начаты были въ мартѣ мѣсяцѣ углекопами въ окрестностяхъ Льежа. Первымъ требованіемъ стачечниковъ было увеличеніе заработной платы, но скоро эта цѣль отошла на второй планъ и безпорядки приняли политическій оттѣнокъ. Революціоннаго характера рѣчи держались среди возбужденной толпы, и красное знамя было нѣсколько разъ пронесено по городу. Жандармеріи не безъ труда удалось подавить эту первую вспышку, за которой вскорѣ послѣдовало болѣе сильное и еще болѣе опредѣленное движеніе въ округѣ Шарлеруа. Забастовали углекопы, рабочіе желѣзодѣлательныхъ заводовъ и стеклодѣлы,—послѣдніе, не смотря на то, что ихъ заработная плата отличалась особенною высотой. Безпорядки сопровождались сценами буйства и разрушенія, многіе фабрики и склады товаровъ были преданы пламени. Призванныя въ большомъ количествѣ войска только вслѣдствіе рѣшительныхъ мѣръ генерала Вандерсмиссена возстановили въ округѣ порядокъ. Событія эти имѣли своимъ слѣдствіемъ крупное судебное дѣло, въ которомъ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировало болѣе тысячи рабочихъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ приговорены были къ пожизненному тюремному заключенію. Многіе, впро-

чемъ, были помилованы королемъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Брюсселѣ происходила подготовленная «рабочей партіей» грандіозная манифестація въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Болѣе 30,000 рабочихъ, собравшихся изъ разныхъ округовъ, стройною арміей дефилировали по городу.

Всѣ подобныя проявленія серьезнаго недовольства рабочихъ заставили бельгійское правительство обратитъ свое особенное вниманіе на ихъ судьбу. Оффиціальная комиссія, назначенная съ этою цѣлью, выяснила тяжелое экономическое положеніе рабочихъ и послужила толчкомъ къ изданію нѣсколькихъ законовъ для охраны здоровья женщинъ и дѣтей и для устраненія крайнихъ злоупотребленій при расплатѣ хозяевъ съ рабочими. Эти скромныя мѣры, не измѣнившія общаго крайне отсталаго характера всего бельгійскаго рабочаго законодательства, встрѣчены были рабочими съ большимъ равнодушіемъ, тѣмъ болѣе понятнымъ, что главная цѣль ихъ стремленій—избирательная реформа—осталась все-таки недостигнутой. Слѣдуя совѣту Лассаля, что «тайна практическаго успѣха заключается въ искусствѣ сосредоточивать всѣ силы на одномъ, на важнѣйшемъ пунктѣ, не разбрасываясь по сторонамъ», бельгійская рабочая партія направила всю свою энергію на достиженіе того, что одно, какъ она полагала, можетъ дать рабочему классу твердую почву въ борьбѣ. Всѣ рабочіе безпорядки 1887—1892 гг. мѣтили въ эту главную точку, имѣя своей задачей завоеваніе политическихъ правъ для народа. Всѣмъ памятны еще огромныя стачки бельгійскихъ углекоповъ и грандіозныя манифестаціи, въ которыхъ участвовало болѣе 100 тысячъ рабочихъ; всѣмъ памятны также тѣ горячія пренія въ бельгійской палатѣ, которыя явились отзвукомъ рабочаго движенія. Наконецъ, 18 апрѣля 1893 года бельгійскій парламентъ послѣ бурныхъ дебатовъ остановился на проектѣ Ниссена и этимъ призналъ политическія права за народомъ.

Реформа 1893 г. не даетъ *полнаго* удовлетворенія требованіямъ рабочихъ; освящая принципъ всеобщаго избирательнаго права, она не дѣлаетъ его равнымъ для всѣхъ классовъ общества. Сущность новаго избирательнаго закона состоитъ въ слѣдующемъ: каждый гражданинъ, достигшій 25-ти-лѣтняго возраста, пользуется однимъ голосомъ, но за-то лишній голосъ имѣютъ: во-первыхъ, лица 35 лѣтъ, женатыя и вдовыя, платящія въ казну 5 фр. податей, если они при этомъ имѣютъ

дѣтей, и, во-вторыхъ, собственники недвижимаго имущества, дающаго, по меньшей мѣрѣ, 48 фр. дохода. Два лишнихъ голоса имѣютъ обладатели университетскаго диплома.

Рабочая партія, написавшая на своемъ знамени: «suffrage universel pur et simple», не почитаетъ себя удовлетворенной закономъ, который носитъ на себѣ печать классовыхъ привилегій. Но, глядя со стороны, нельзя не сказать, что достигнутыхъ результатовъ для политической партіи совершенно достаточно, чтобы признать ея значительную силу.

V.

Внутренняя организація бельгійской рабочей партіи отличается необыкновенною простотою и практичностью. Во главѣ ея стоитъ «генеральный совѣтъ», составленный изъ 8 членовъ и изъ делегатовъ отъ всѣхъ профессіональныхъ федерацій. Совѣту принадлежитъ общее руководство и наблюденіе: онъ находится въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми входящими въ рабочую партію союзами и группами, слѣдитъ за пропагандой, устраиваетъ митинги, конференціи и лекціи и наблюдаетъ за выполненіемъ всѣхъ рѣшеній, принятыхъ на рабочихъ конгрессахъ. Послѣднимъ генеральный совѣтъ даетъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, равно какъ и о матеріальномъ положеніи рабочей партіи. Періодически созываемымъ конгрессамъ принадлежитъ законодательная власть. «Всѣ рѣшенія, принятыя конгрессомъ,—гласитъ ст. 18 устава [1]),—имѣютъ силу закона, всѣ члены и союзы обязаны имъ подчиняться». Конгрессы разсматриваютъ отчеты генеральнаго совѣта, обсуждаютъ стоящіе на очереди вопросы касательно организаціи и тактики всей партіи, опредѣляютъ время и мѣсто слѣдующаго конгресса и выбираютъ членовъ генеральнаго совѣта.

Всѣ участвующіе въ партіи союзы должны быть представлены на конгрессѣ особенными делегатами. Въ случаѣ необходимости, одинъ и тотъ же делегатъ можетъ представлять 2 и даже 3 мѣстныхъ группы, но для этого требуется особое разрѣшеніе федераціи. Вообще, къ участію въ рабочей партіи допускаются всѣ «общества сопротивленія», профессіональные синдикаты, союзы взаимопомощи, коопераціи, кружки самообразованія и всяческія

[1]) См. *Parti ouvrier belge. Programme politique, économique et communal*, и *Compte rendu du IX-me congrès annuel tenu à Gand. Appendice.*

рабочія группы, равно какъ и отдѣльныя лица обоего пола въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ партія не имѣетъ своихъ учрежденій. Профессіональные синдикаты входятъ въ рабочую партію только въ томъ случаѣ, если они принимаютъ участіе въ федераціи ихъ профессіи, черезъ нее они получаютъ представительство и въ генеральномъ совѣтѣ. Каждое общество или союзъ выплачиваютъ ежегодно въ кассу рабочей партіи по 10 сант. изъ взносовъ всѣхъ своихъ членовъ; получаемая такимъ образомъ, сумма идетъ на расходы по администраціи и пропагандѣ. Пропаганда ведется посредствомъ конференцій, брошюръ и періодическихъ изданій. Ораторы-пропагандисты, совершающіе поѣздки въ провинцію, получаютъ даровые билеты по желѣзнымъ дорогамъ и сумму въ 2 фр. 50 с. ежедневно на всѣ необходимые расходы. Членамъ партіи, которые для пропаганды теряютъ свои рабочіе дни, выплачивается ихъ средній заработокъ. Оффиціальными органами партіи признаются газеты: *Peuple, Écho du Peuple* и *Vooruit*. Изданіемъ популярныхъ брошюръ завѣдуетъ спеціальная издательская комиссія.

«Бельгійская рабочая партія,—какъ гласитъ ст. I ея устава,—основана для того, чтобъ объединить всѣхъ рабочихъ, въ видахъ улучшенія общими силами судьбы рабочаго класса». «Чтобы выполнить эту задачу и чтобы достигнуть болѣе высокой цѣли—полной эмансипаціи тружениковъ,—партія организуется на почвѣ экономической и политической» (ст. II). Поэтому ея программа, выработанная послѣдовательно всѣми національными конгрессами, включая послѣдній, 9-й, имѣвшій мѣсто въ Гентѣ 2 и 3 апрѣля 1893 г., раздѣлена въ своемъ изложеніи на такія же части: экономическую и политическую; имъ предпослано краткое перечисленіе тѣхъ общихъ принциповъ, которыми руководствуется бельгійская рабочая партія. «Богатства вообще,—читаемъ мы здѣсь,—въ частности же средства производства—это или силы природы, или продукты физическаго и умственнаго труда какъ предыдущихъ, такъ и настоящаго поколѣній; ихъ слѣдуетъ разсматривать поэтому, какъ общее достояніе человѣчества. Присвоеніе этого достоянія отдѣльными лицами или группами не должно имѣть иной цѣли, какъ обезпеченіе людямъ возможно большаго благосостоянія и свободы. Послѣднее достижимо лишь при иномъ экономическомъ порядкѣ».

Въ ожиданіи этого идеальнаго общественнаго строя, бельгійская рабочая партія выработала цѣлый рядъ мѣръ, которыя

она желаетъ видѣть осуществленными и при теперешнемъ капиталистическомъ строѣ. Перечислимъ сначала главнѣйшіе пункты ея политической программы: 1) Всеобщее избирательное право для всѣхъ достигшихъ 21 года и прожившихъ въ опредѣленной мѣстности 6 мѣсяцевъ. Пропорціональное представительство. Вознагражденіе всѣхъ выборныхъ должностей. 2) Уничтоженіе сената. Созданіе спеціальныхъ совѣтовъ, представляющихъ разные роды человѣческой дѣятельности (промышленность, торговлю, земледѣліе, просвѣщеніе, искусство и проч.). Представительство различныхъ интересовъ. 3) Свобода и автономія общинъ. Созданіе выборныхъ комитетовъ, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ вѣтвямъ управленія (благотворительность, обученіе, пути сообщенія и проч.). 4) Прямое законодательство націи: народная инициатива и referendum въ вопросахъ, касающихся провинціальныхъ и общинныхъ интересовъ. 5) Свѣтское, даровое и обязательное обученіе. Обязанность для всѣхъ дѣтей обучаться какому нибудь ремеслу. Реорганизація высшаго образованія: автономія государственныхъ университетовъ, законодательное признаніе вольныхъ университетовъ, организація «распространенія университетскаго образованія» (extension universitaire). 6) Отдѣленіе церкви отъ государства. 7) Пересмотръ въ уравнительномъ духѣ постановленій гражданскаго кодекса относительно супружеской и родительской власти и гражданскихъ правъ женщинъ и незаконныхъ дѣтей. Дозволеніе искать отцовъ (recherche de la paternité). Свобода разводовъ. 9 и 10) Даровое судопроизводство. Уничтоженіе конскрипціи и замѣстительства въ военной службѣ. Уничтоженіе постояннаго войска. Организація національной арміи по швейцарской системѣ, а до тѣхъ поръ сокращеніе временной службы.

Перечислимъ теперь также кратко экономическія требованія рабочей партіи: 1) Организація рабочей статистики; учрежденіе бюро труда. 2) Законодательное признаніе ассоціацій и въ частности рабочихъ синдикатовъ съ правами юридической личности, владѣющей движимымъ и недвижимымъ имуществомъ [1]). 3) Страхованіе всѣхъ гражданъ противъ неспособности къ труду и противъ безработицы. 4) Уничтоженіе косвенныхъ налоговъ, въ особенности налоговъ на потребленіе,

[1]) См. у *Магайма*, op. cit., стр. 207—210, о соотвѣтственныхъ законопроектахъ (правительства, Гектора Дени, Нинова и Вандервельда), внесенныхъ въ бельгійскую палату депутатовъ.

и таможенныхъ пошлинъ. Уничтоженіе въ пользу государства наслѣдованія въ боковыхъ линіяхъ, а въ прямыхъ—свыше извѣстной суммы. Прогрессивный подоходный налогъ. 5) Организація кредита. 6 и 7) Выкупъ государствомъ желѣзныхъ дорогъ, каменоломенъ и копей. Монополія выдѣлки и продажи питей. Монополія фабрикаціи спичекъ, табаку, сигаръ и другихъ вредныхъ отраслей производства. Установленіе minimum'а заработной платы и нормы рабочаго дня на общественныхъ и государственныхъ работахъ. Что касается спеціально фабричнаго законодательства, то тутъ рабочая партія требуетъ выработки постояннаго контракта, опредѣляющаго взаимныя отношенія рабочихъ съ хозяевами, уничтоженія рабочихъ книжекъ, обязательнаго страхованія рабочихъ на счетъ хозяевъ [1]), уничтоженія всякихъ стѣсненій, поставляемыхъ праву общенія, и, наконецъ: a) запрещеніе дѣтскаго труда до 14 лѣтъ; b) соединеніе работы съ обученіемъ и запрещеніе ночного труда для подростковъ отъ 14 до 18 лѣтъ; c) запрещеніе женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ онъ несовмѣстимъ съ нравственностью или гигіеной, и d) законодательное установленіе 8-ми часового рабочаго дня и одного праздника въ недѣлю для взрослыхъ рабочихъ обоего пола.

Занявшись въ послѣднее время особенно дѣятельно пропагандою въ деревнѣ, рабочая партія выработала рядъ мѣръ, долженствующихъ, по ея мнѣнію, дать полное удовлетвореніе требованіямъ крестьянъ. Съ этою цѣлью она желаетъ нѣкоторыхъ общихъ мѣропріятій, касающихся землевладѣнія (національзаціи лѣсовъ, постепеннаго выкупа земли государствомъ и общинами, немедленной экспропріаціи болотъ и необработываемой земли для сдачи ихъ земледѣльческимъ обществамъ и для устройства опытныхъ полей), реформы податной (установленія прогрессивнаго поземельнаго налога), реформы ипотечной и цѣлаго ряда второстепенныхъ мѣръ, какъ то: предоставленія большихъ правъ земледѣльческимъ союзамъ, опредѣленія третейскими комиссіями величины арендной платы, страхованія противъ эпизоотій, градобитія и наводненій, распространенія земледѣльческихъ знаній и проч. Самимъ земледѣльцамъ рабочая партія рекомендуетъ устраивать коопераціи для

[1]) Жансономъ въ 1890 г. былъ предложенъ проектъ закона о страхованіи, но палата отказалась признать его неотложность и до сихъ поръ уклонялась отъ всякихъ обсужденій этой темы.

покупки сѣмянъ и удобренія, для совмѣстнаго пользованія машинами, для общественной обработки земли и для торговли земледѣльческими продуктами. Особая, такъ называемая «коммунальная» программа трактуетъ о тѣхъ полезныхъ общинамъ мѣрахъ, которыя должны бы принимать общинные совѣты.

Нашъ сухой перечень тѣхъ требованій и реформъ, которыя выставляются отъ имени рабочей партіи и развиваются въ цѣломъ рядѣ популярныхъ брошюръ (большая часть ихъ принадлежитъ перу Бертрана, нѣкоторыя составлены Анселемъ, Вандервельдомъ, Лео и др.), необходимъ былъ, чтобы показать нашимъ читателямъ, какою широтой отличаются взгляды и замыслы бельгійскихъ рабочихъ. Больше всего въ ихъ программѣ поражаетъ та гармонія, въ которой находятся ихъ политическія и экономическія требованія. Не впадая въ односторонность trade-union'истовъ (старыхъ), преувеличивающихъ значеніе исключительно экономической борьбы и отвергающихъ пользу государственнаго вмѣшательства, не раздѣляя, съ другой стороны, оптимизма тѣхъ изъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, для которыхъ «завоеваніе политической власти» представляется полнымъ рѣшеніемъ всей соціальной задачи,— члены бельгійской рабочей партіи стоятъ твердо на томъ, что обѣ части программы, экономическая и политическая, имѣютъ для рабочаго класса одинаковое значеніе и ни одна безъ ущерба прогрессу не можетъ быть приносима въ жертву другой.

Въ спасительность политическихъ мѣръ, если онѣ не сопровождаются улучшеніемъ экономическаго положенія народа, бельгійскіе рабочіе не вѣрятъ; они полагаютъ, что крайняя бѣдность способна заглушать даже гражданскія чувства, потому что, какъ выразился Де-Папъ на гентскомъ конгрессѣ 1877 г., «когда народъ раздавленъ нищетой, онъ покоряется». Политическія реформы необходимы, но одна политика не удовлетворяетъ бельгійскихъ рабочихъ и безъ экономическаго прогресса кажется имъ совершенно безпочвенной. «Въ Бельгіи, — сказалъ на парижскомъ интернаціональномъ конгрессѣ (1879 г.) бельгійскій делегатъ Вольдерсъ, — нельзя разсчитывать на одно политическое группированіе. Такого рода группы, не имѣющія подъ собой другого основанія, разсѣиваются при малѣйшей грозѣ. Прочностью отличаются только такія организаціи, которыя связаны общностью экономическихъ интересовъ, какъ, напримѣръ, профессіональные союзы, имѣющіе цѣлью увеличи-

вать заработную плату, или коопераціи, содѣйствующія объединенію ихъ членовъ. Разрушить ихъ труднѣе, потому что участвующіе въ нихъ рабочіе дѣйствуютъ дружно для удержанія своего общаго достоянія».

Для бельгійскихъ рабочихъ весьма характерно еще то, что, въ противность своимъ французскимъ собратьямъ, они не выказываютъ никакой склонности къ революціоннымъ, равно и анархическимъ, тенденціямъ. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что четверть вѣка назадъ бельгійскія секціи интернаціонала отличались, напротивъ, открыто анархическимъ характеромъ. Можно сказать, что рабочее движеніе въ Бельгіи постепенно какъ бы смело анархизмъ, обративъ его болѣе видныхъ приверженцевъ (какъ, напримѣръ, де-Папа) въ своихъ рьяныхъ поборниковъ. Обстоятельство это справедливо подчеркнуто въ статьѣ г. Нестерова. «Хотя въ недавнихъ волненіяхъ и безпорядкахъ,—писалъ онъ въ 1886 г. [1]),—анархисты несомнѣнно и принимали участіе, но, въ сущности, они представляютъ собою совершенно ничтожную какъ по численности, такъ и по вліянію группу». Если на рабочихъ конгрессахъ происходятъ по временамъ столкновенія между главною массой мирно настроенныхъ рабочихъ делегатовъ и небольшою группой «революціонеровъ», если при этомъ и раздается порою въ собраніяхъ выраженіе «анархисты», употребляемое какъ бранная кличка, то въ такихъ столкновеніяхъ слѣдуетъ видѣть скорѣе нѣкоторый отзвукъ былого антагонизма между фламандскими и валлонскими делегатами, нежели признакъ серьезнаго революціоннаго, въ особенности анархическаго, движенія среди рабочихъ. Не погрѣшая противъ истины, можно сказать, что Бельгія не знаетъ анархизма, и что причина этого лежитъ въ успѣшности рабочаго движенія.

А своими успѣхами рабочіе обязаны только себѣ. Клерикалы и либералы были всегда имъ враждебны, а прогрессисты, враги клерикаловъ, отличаясь извѣстнымъ радикализмомъ своихъ политическихъ взглядовъ, въ экономическихъ вопросахъ до послѣдняго времени шли объ руку съ фритрэдерами—либералами [2]).

---

[1]) *Сѣверный Вѣстникъ*, № 11, стр. 159—160.

[2]) Какъ ко всѣмъ этимъ партіямъ относятся рабочіе, видно изъ слѣд. мѣста одной популярной брошюры, цитируемой г. Нестеровымъ.

Вопросъ. Что такое бельгійскій либералъ?

Отвѣтъ. Это человѣкъ, стремящійся къ устройству своихъ дѣлишекъ на счетъ государственной казны.

Но теперь, когда рабочая партія близка къ тому, чтобы занять подобающее ей мѣсто въ палатѣ, теперь и изъ враждебныхъ лагерей рабочимъ стали протягиваться руки помощи. Въ католическомъ лагерѣ за послѣдніе годы проявилось движеніе, аналогичное съ тѣмъ, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ католическихъ странахъ и которое не совсѣмъ правильно называютъ «христіанскимъ соціализмомъ».

Стремленіе католиковъ приблизиться къ рабочимъ само по себѣ вовсе не ново. Уже много лѣтъ въ Бельгіи существуютъ такъ наз. католическія корпораціи, членами которыхъ являются рабочіе преимущественно мелкой и средней промышленности (столяры, маляры, булочники, типографщики и пр). Католиками при созданіи подобныхъ корпорацій руководятъ, главнымъ образомъ, религіозныя соображенія, желаніе вернуть рабочихъ къ церкви; въ вопросахъ экономическихъ ихъ точка зрѣнія отличалась полною отсталостью: свой идеалъ они заимствовали въ средневѣковыхъ корпораціяхъ, постоянно твердили о патріархальныхъ отношеніяхъ при цеховомъ режимѣ, а въ настоящее время желали покорности хозяевамъ со стороны рабочихъ, благоволенія къ рабочимъ хозяевъ.

Въ общемъ затѣя католиковъ ни въ какомъ смыслѣ не удалась. «Католическія корпораціи,—говоритъ Вандервельде,—несмотря на архаическія фантазіи ихъ основателей, приближаются больше къ ассоціаціямъ современнаго типа, нежели къ настоящимъ корпораціямъ среднихъ вѣковъ». Другое дѣло—движеніе нео-католическое. Исходя изъ знаменитаго изреченія американскаго архіепископа Айрланда: «не проповѣдуйте Евангелія пустому желудку,—онъ васъ не станетъ слушать»,—соціалъ-католики новаго времени въ Бельгіи, какъ и вездѣ, стали поддерживать главныя требованія рабочихъ, не останавливаясь даже передъ разрывомъ со своими старшими братьями. Собственно въ Бельгіи это движеніе, заслуживающее вообще, большого вниманія, проявилось пока еще не въ столь широкихъ размѣрахъ,

---

Вопросъ. А что за существо «независимый» (теперешній прогрессистъ)?

Отвѣтъ. Это человѣкъ, которому нельзя было назваться ни либераломъ, ни католикомъ, такъ какъ эти этикетки были уже разобраны на политическомъ рынкѣ, и который подъ прикрытіемъ новопридуманнаго имъ имени, стремится къ устройству своихъ дѣлишекъ на счетъ государственной казны.

Вопросъ. А если такъ, кто-же они на самомъ дѣлѣ?

Отвѣтъ. Консерваторы.

чтобы позволительно было здѣсь останавливаться на немъ дольше [1]).

Гораздо важнѣе тотъ поворотъ, который обнаружился въ образѣ мыслей прогрессистовъ. Ихъ разрывъ съ либералами проявился въ началѣ 1895 года, когда они отказались участвовать на конгрессѣ, созывавшемся либералами подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы «святость принциповъ частной собственности и свободы труда» не подвергалась сомнѣніямъ. Вождь прогрессистовъ, депутатъ Жансонъ, объяснялъ этотъ отказъ такимъ образомъ: «мы не коллективисты,—сказалъ онъ,—но и не узкіе индивидуалисты. Частная собственность представляется намъ извѣстнымъ фазисомъ историческаго развитія. Признавать ея святость—значитъ признавать неограниченный произволъ частнаго владѣльца, а этого-то мы и не желаемъ. Наоборотъ, гдѣ личные интересы, политическіе или экономическіе, сталкиваются съ общими, мы требуемъ вмѣшательства государства ради пользы большинства». Соотвѣтственно такому новому взгляду, прогрессисты ввели въ свою программу многія изъ тѣхъ требованій, которыя раньше выставлялись рабочими. Вотъ нѣкоторые пункты сдѣлавшіеся общимъ достояніемъ обѣихъ партій: государственная монополія изготовленія спирта и продажи его; прогрессивный налогъ на доходы и на наслѣдства; обязательное страхованіе рабочихъ; уничтоженіе рекрутскаго набора и замѣстительства; низведеніе срока службы до minimum'а и установленіе народной милиціи. Что касается сокращенія рабочаго времени то прогрессисты желаютъ 8-ми-часового дня для рудокоповъ и такого или иного ограниченія его въ другихъ отрасляхъ производства, сообразно характеру каждой.

Какъ видно изъ предыдущаго, представители рабочей партіи въ палатѣ не останутся совершенно безъ всякой поддержки. При ближайшемъ содѣйствіи прогрессистовъ имъ, можетъ быть, удастся провести въ законодательство кое-что изъ своей политической программы. Для выполненія другой ея половины они имѣютъ другого союзника, болѣе сильнаго, нежели прогрессисты. Союзникъ этотъ—капитализмъ, который вмѣстѣ съ своимъ дальнѣй-

---

[1]) Однако на выборахъ 1894 г. было избрано нѣсколько депутатовъ изъ числа его представителей; торжество католической партіи вообще объясняется до извѣстной степени той популярностью, которую успѣли себѣ снискать въ бѣднѣйшихъ классахъ „нео-католики" съ ихъ соціальной программой.

шимъ развитіемъ подготовляетъ условія для соціальной реформы: вытѣсняя рабочихъ изъ производства, онъ увеличиваетъ армію враговъ; сокращая число фабрикантовъ, онъ ослабляетъ самого себя; концентрируясь, онъ концентрируетъ силы рабочихъ и, наконецъ, переполняя рынокъ своими товарами, онъ мчится на всѣхъ парахъ къ кризису. Тревожные симптомы уже обнаруживаются. Общая сумма вывоза всѣхъ бельгійскихъ товаровъ въ 1892 г. едва достигла 369½ милл. франк., что показываетъ сравнительно съ 1891 г. уменьшеніе на 149.600.000 фран.— 1893 годъ былъ еще несчастливѣе для бельгійскихъ промышленниковъ и торговцевъ. Въ лагерѣ угольныхъ царей и биржевыхъ тузовъ замѣчается большое уныніе... Имѣя такимъ образомъ въ лицѣ капитализма самаго надежнаго союзника, рабочіе съ полной вѣрой глядятъ въ глаза будущему.

Посторонняго наблюдателя всего больше поражаетъ зрѣлище тѣхъ успѣховъ, какихъ достигли въ Бельгіи рабочія организаціи, союзы и коопераціи. Любопытно и то, что, начавши борьбу на чисто-экономической почвѣ, за чисто-экономическій идеалъ, бельгійскіе рабочіе пришли къ тому, что такое, казалось бы, лишь для экономической борьбы пригодное оружіе, какъ стачки, они обратили, въ концѣ концовъ, на служеніе политическимъ цѣлямъ. А въ настоящее время ихъ задача двоякая: они желаютъ быть сытыми, желаютъ работать въ лучшихъ условіяхъ, а съ другой стороны желаютъ образованія и своей доли участія въ политической жизни. Къ послѣднему они уже сдѣлали рѣшительный шагъ, добившись избирательнаго права, дальнѣйшіе шаги конечно, не замедлятъ.

---

*

Къ исторіи идей и партій въ Соединенныхъ Штатахъ.

Большой знатокъ и извѣстный изслѣдователь американской общественной жизни, Джемсъ Брайсъ, сдѣлавшій въ своей книгѣ обстоятельный очеркъ государственнаго устройства и учрежденій Соединенныхъ Штатовъ, пришелъ, какъ извѣстно, къ самымъ неутѣшительнымъ выводамъ относительно американскихъ политическихъ партій. Онъ ихъ изображаетъ вполнѣ безпринципными, оживляемыми однимъ стремленіемъ къ захвату власти, не имѣющими другихъ руководителей, кромѣ ловкихъ, бездушныхъ политикановъ, и поселяющими въ народѣ самое легкое, а зачастую и преступно-корыстное отношеніе къ своимъ политическимъ правамъ и обязанностямъ. Крупныя перемѣны въ общественной жизни не оставляютъ въ Америкѣ, если вѣрить англійскому изслѣдователю, никакого слѣда на раздѣленіи партій; важнѣйшіе вопросы народнаго благосостоянія, по его словамъ, даже и не затрагиваются въ избирательныхъ манифестахъ. «Американскія партіи, замѣчаетъ Джемсъ Брайсъ [1]), заслуживаютъ обвиненія въ томъ, что онѣ слишкомъ долго придерживаются отжившихъ убѣжденій и не постарались выработать новыхъ принциповъ, способныхъ разрѣшить тѣ проблемы, которыя теперь волнуютъ страну».

Весьма обстоятельная во всѣхъ вопросахъ чисто-политическаго свойства, книга Брайса, къ сожалѣнію, совсѣмъ не затрогиваетъ экономическихъ устоевъ американской общественной жизни.

[1]) „Американская республика". Русск. пер. Невѣдомскаго, томъ II, стр. 292.

Она не даетъ никакихъ указаній на тѣ отношенія, которыя установились въ Америкѣ между представителями труда и капитала, игнорируя такимъ образомъ столь любопытный для европейца— соціальный вопросъ.

Всего чувствительнѣе становится этотъ важный пробѣлъ, когда авторъ обращается къ разсмотрѣнію американской рабочей партіи. Двухъ страницъ ему кажется достаточнымъ для характеристики партіи, «не настолько сильной, чтобъ обезпечивать выборъ своихъ собственныхъ кандидатовъ», и не выставляющей вовсе своего отдѣльнаго кандидата на должность президента республики. Событія конца 80-хъ и начала 90-хъ гг., которыхъ Брайсъ еще не имѣлъ въ виду въ своей книгѣ и которыя по отношенію къ цѣлой партіи можно назвать ея политическимъ самоубійствомъ, еще уменьшили бы вѣроятно въ его глазахъ и безъ того не особенно большой интересъ, который для него, какъ политика, представляла рабочая партія. Иначе отнесется къ ней экономистъ, изслѣдователь соціальныхъ и классовыхъ отношеній Новаго Свѣта. Для него рабочая партія Соединенныхъ Штатовъ должна представлять собой явленіе столь же любопытное по своему современному устройству, сколько и поучительное по своей полной глубокаго драматизма исторіи. Послѣдняя, т. е. исторія американской рабочей партіи, и составитъ предметъ настоящаго очерка. Но такъ какъ ея исторія находится въ самой тѣсной связи съ исторіей соціальныхъ идей на почвѣ Новаго Свѣта, намъ придется коснуться и этой послѣдней.

Коротенькій, чисто-фактическій очеркъ исторіи соціальныхъ идей въ Америкѣ можетъ быть, какъ намъ кажется, не лишенъ интереса и по другимъ причинамъ. О соціальныхъ идеяхъ, о соціализмѣ, о рабочемъ движеніи и рабочемъ законодательствѣ пишется въ настоящее время на Западѣ такъ много, что для отдѣльнаго человѣка и при большомъ желаніи невозможнымъ становится услѣдить за всею массою трактующихъ эти вопросы, изо дня въ день появляющихся статей, брошюръ и книгъ... Но въ этой обширной и все растущей литературѣ очень немногое, къ сожалѣнію, составляетъ продуктъ серьезнаго изученія фактовъ и самостоятельной научной мысли. Западно-европейскій книжный рынокъ загроможденъ цѣлыми горами недоброкачественнаго товара. «Объ экономическихъ вопросахъ въ наше время, справедливо сѣтуетъ одинъ нѣмецкій публицистъ, бе-

рется писать всякій дуракъ, еле понимающій разницу между цѣнностью и полезностью». Полное отсутствіе безпристрастія, стремленіе дѣйствовать на читателей не силою фактовъ, а силою красивыхъ или жалкихъ словъ—характеризуютъ также многія quasi-научныя сочиненія по соціальному вопросу. Но есть зато въ литературѣ даннаго предмета и такой разрядъ книгъ, которыя, ограничиваясь областью фактовъ, даютъ прекрасный матеріалъ для сужденія о размѣрахъ и силѣ современнаго намъ соціальнаго движенія. Таковы, между прочимъ, историческія сочиненія, разсматривающія распространеніе этого движенія въ различныхъ странахъ и разныхъ классахъ общества.

Классическимъ трудомъ такого рода по богатству заключающагося въ немъ матеріала справедливо почитается книга Рудольфа Мейера: «Der Emancipationskampf des Vierten Standes». Вышедшая, однако, еще въ началѣ 70-хъ годовъ, она значительно устарѣла для нашего времени, въ своихъ обобщеніяхъ довольно бѣдна и одностороння; сверхъ того, отдѣльнымъ странамъ удѣлено въ ней слишкомъ неодинаковое и не всегда достаточное вниманіе. Америка въ сочиненіи Мейера особенно нуждается въ пересмотрѣ и дополненіяхъ. Не такъ давно появившаяся работа Sartorius v. Waltershausen'а прекрасно пополняетъ этотъ пробѣлъ, изображая обстоятельно и безпристрастно постепенное распространеніе новѣйшихъ экономическихъ идей въ Соединенныхъ Штатахъ.

Безпристрастіе составляетъ наиболѣе отличительную черту этого сочиненія. Не будучи сторонникомъ тѣхъ ученій, за распространеніемъ которыхъ онъ слѣдитъ въ Америкѣ, нашъ авторъ держится вообще того мнѣнія, что всякой критикѣ должно предшествовать возможно болѣе обстоятельное и всестороннее изученіе. Направленіе автора важно для насъ потому, что, при своемъ несочувствіи къ соціальнымъ идеямъ, онъ не станетъ уже, конечно, преувеличивать размѣровъ рабочаго движенія, и слѣдовательно картину, имъ нарисованную, нельзя назвать тенденціозно подкрашенной.

Другимъ важнымъ достоинствомъ книги является ея обстоятельстность. Sartorius v. Waltershausen хорошо знакомъ съ литературою предмета, онъ широко воспользовался и общими журналами, и спеціальными изданіями рабочихъ; кромѣ того, изученіе дѣла на мѣстѣ, въ самой Америкѣ, дало ему возможность собрать и такіе факты, которыхъ нельзя почерпнуть изъ однѣхъ

книгъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ его работу основательнымъ историческимъ изслѣдованіемъ, на которое можно безбоязненно опираться въ дальнѣйшихъ выводахъ. Нельзя однако сказать, чтобы настоящее сочиненіе не имѣло и своихъ недостатковъ. Факты — вещь обоюдоострая. Переполненіе ими можетъ быть и вредно для книги. Вотъ почему въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ v. Waltershausen'a не легокъ для чтенія и часто напоминаетъ простую хронику событій, погодную лѣтопись. Въ самомъ авторѣ передъ читателями является нерѣдко не историкъ-философъ, но историкъ-прагматистъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ, излагая книгу v. Waltershausen'a, мы поневолѣ должны были сузить ея фактическій фундаментъ, но зато постарались подчеркнуть и провести дальше тѣ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи свидѣтельствъ современниковъ, статистическихъ данныхъ и другихъ фактовъ, въ такомъ изобиліи приводимыхъ v. Waltershausen'омъ [1]).

I.

Въ 1776 году, вслѣдъ за провозглашеніемъ американской независимости, издана была конституція Соединенныхъ Штатовъ. И въ томъ, и другомъ актѣ торжественно выражается мысль, что люди отъ природы равны, и что всѣ они обладаютъ извѣстными неотъемлемыми правами, къ каковымъ между прочимъ относится право на жизнь, свободу и на стремленіе къ счастью. Декларацiи эти явились прекраснымъ выраженіемъ чувствъ всего американскаго народа. Предпріимчивые, энергичные, ушедшіе отъ стѣсненій Стараго Свѣта, новые поселенцы съ полной вѣрой смотрѣли впередъ и ничего большаго не желали, какъ только независимости, свободы въ распоряженіи своими силами. Приблизительно въ то же самое время въ Европѣ произошло знаменательное событіе: Адамъ Смитъ выпустилъ свое сочиненіе о «Богатствѣ народовъ», гдѣ онъ съ небывалою до тѣхъ поръ убѣдительностью отстаивалъ промышленный индивидуализмъ и возставалъ противъ регламентаціи его и всякихъ стѣсненій производства со стороны государства.

---

[1]) Другими источниками намъ служили: 1) многія статьи изъ Handwörterbuch der Staafswissenschaften, 2) „The labour movement in Amerika" by *Edward* and *Eleonor Marx Aveling*, London, 1888; 3) „Die Arbeiterbewegung in den Vereinigten Staaten" von *F. Sorge*, и проч.

Америка въ это время представляла собой очень удобное поле для распространенія самаго полнаго, самаго нестѣсненнаго индивидуализма, и дѣйствительно—здѣсь онъ достигъ наибольшаго расцвѣта, проявивши и всю свою силу, и всю свою внутреннюю гнилость. Въ противоположность Европѣ, гдѣ въ это время на почвѣ безземелья и полной экономической зависимости крестьянъ, уже начиналъ развиваться классъ пролетаріевъ, и гдѣ противорѣчія между трудомъ и капиталомъ съ каждымъ днемъ становились чувствительнѣе,—Новый Свѣтъ, совершенно напротивъ, давалъ убѣжище населенію, не знавшему еще антагонизма классовъ, и всѣмъ въ равной мѣрѣ предоставлялъ пользоваться своей необъятной, никому не принадлежащей территоріей. Захватъ явился здѣсь первымъ основаніемъ всякой поземельной собственности, а ея размѣры опредѣлялись сначала только энергіей и силами поселенца. Спросъ на рабочія руки при этомъ условіи былъ очень великъ, значительно превосходя предложеніе. Заработная плата держалась высокаго уровня; отношенія съ хозяевами были запечатлѣны духомъ равенства, и рабочимъ не приходилось жаловаться на свое положеніе; помимо хорошаго вознагражденія они всегда имѣли возможность сдѣлаться хозяевами въ свою очередь. Понятно, что невмѣшательство со стороны правительства, свобода промышленности и торговли—представлялись тогда всему населенію самой раціональной экономической политикой. Понятно, что и соціальнымъ идеямъ Стараго Свѣта, возникшимъ подъ вліяніемъ тѣхъ особыхъ экономическихъ отношеній, которыя были созданы колоссальнымъ успѣхомъ фабричной промышленности, нечего было дѣлать въ лѣсахъ и преріяхъ свободной Америки...

Правда, ученія Фурье, Оуэна и Кабэ имѣли здѣсь, какъ и вездѣ, своихъ послѣдователей, и даже за Атлантическамъ океаномъ они особенно охотно примѣнялись на дѣлѣ, но небольшія, хотя и возникшія въ значительномъ количествѣ, соціалистическія или коммунистическія [1]) общины также быстро сошли

---

[1]) Впадая въ довольно распространенное заблужденіе, нѣмецкій авторъ излагаемой нами книги и фурьеристическія общины считаетъ также коммунистическими. Но говорить о коммунизмѣ Фурье, признававшаго частную собственность и моногамическій бракъ (послѣдній впрочемъ на довольно свободныхъ началахъ) и клавшаго въ основу распредѣленія не потребности людей, а степень ихъ участія въ производствѣ,—въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ основаній. Мы позволимъ себѣ здѣсь привести то, что мы писали въ другомъ мѣстѣ, опредѣляя выраженіе «коммунизмъ» и ограничивая его отъ соціализма: «...Коммунистическими называются тѣ рели-

здѣсь со сцены, какъ быстро возникли, не оставивши никакого слѣда въ экономической жизни народа. Столь же безрезультатна была и агитація извѣстнаго нѣмецкаго рабочаго Вейтлинга, съ этою цѣлью пріѣзжавшаго въ Америку въ 40-хъ годахъ. Коммунистическія общины по его плану выглядѣли повтореніемъ уже испробованнаго и неудавшагося опыта, а его мечты о созданіи политической партіи среди рабочихъ казались всѣмъ совершенно несвоевременными.

Первое основаніе для распространенія новѣйшаго экономическаго учевія въ Америкѣ положилъ лишь извѣстный «манифестъ» Маркса и Энгельса, занесенный сюда нѣмецкими изгнанниками, покинувшими свое отечество послѣ 1848 года. Однако, для успѣха дальнѣйшей пропаганды ученія должны были сначала радикально перемѣниться экономическія условія страны, а это произошло лишь черезъ значительный промежутокъ времени путемъ развитія фабричной промышленности и непрерывнаго притока рабочихъ рукъ. Переворотъ въ промышленной области подготовленъ былъ больше всего постоянно увеличивавшимся обыкновеніемъ пользоваться рабскимъ трудомъ. Ту роль, которую въ Европѣ сыграли революціи 1789, 1830 и 1848 годовъ, въ

гіозныя, нравственныя и экономическія ученія, которыя, отвергая пользу и справедливость частной собственности, требуютъ, чтобы субъектомъ всѣхъ имущественныхъ правъ была община, союзъ, народъ или все человѣчество, и чтобы основаніемъ распредѣленія продуктовъ служили индивидуальныя потребности людей... Сущность коммунизма несомнѣнно индивидуалистична, потому что, хотя согласно этому ученію собственность переходитъ отъ индивида къ группѣ, но цѣль такого перехода только въ томъ, чтобы всѣ индивиды были допущены къ пользованію ею. Исторически (Бабефъ) и логически новѣйшій коммунизмъ является лишь выводомъ изъ вполнѣ индивидуалистическаго лозунга французской революціи: свобода, равенство и братство. Напротивъ, сущность соціализма и его историческій raison d'être—анти-индивидуалистичны: индивидуумъ, согласно этому ученію, передаетъ извѣстныя свои права союзу, обществу или государству, занимая по отношенію къ послѣднимъ подчиненное мѣсто. Руководящимъ принципомъ въ первомъ случаѣ являются потребности индивида, во второмъ—потребности общества. Такое внутреннее противорѣчіе этихъ двухъ взятыхъ въ цѣломъ ученій не мѣшаетъ тому, что по мѣрѣ приближенія къ современности идеалъ соціалистовъ получаетъ коммунистическій характеръ, причемъ непосредственное требованіе коммунизма становится для соціализма отдаленною цѣлью. Подобно тому, какъ борьба съ современной эконом. свободой ведется соціализмомъ во имя свободы, подобно тому, какъ обусловленность явленій почитается имъ не препятствіемъ, но условіемъ для «царства разума», точно также и отрицаніе индивидуализма во имя общности уживается въ соціализмѣ съ индивидуалистически-коммунистическимъ идеаломъ. Однако коммунизмъ, какъ соціальная доктрина и какъ проектъ практической реформы, прямо враждебенъ соціализму»... (Изъ ст. «Коммунизмъ» въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона).

Америкѣ выполнила междуусобная освободительная война Сѣвера съ Югомъ. И тамъ и здѣсь, и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, борьба завершилась торжествомъ буржуазіи надъ поземельной аристократіей, свободнаго труда надъ рабскимъ, власти капитала надъ властью сеньора. Побѣдоносная буржуазія стала диктовать законы, и первымъ словомъ ея были охранительныя пошлины для національнаго производства. Послѣдующіе года ознаменовались расцвѣтомъ промышленности, увеличеніемъ числа городовъ и умноженіемъ рабочаго класса.

Статистическія данныя показываютъ, что если въ 1860 г. Соединенные Штаты были еще страною совсѣмъ земледѣльческою, то въ 1890-мъ они уже могутъ гордиться своею первоклассной промышленностью. Въ 1840 г. изъ 4.796.000 человѣкъ всего трудящагося населенія Штатовъ почти 4 милл. занимались земледѣліемъ, а въ 1880 г. на 17 съ лишнимъ милліоновъ человѣкъ—земледѣльцевъ насчитывается только 7 милл., т. е. уже значительно менѣе половины. Желѣзныя дороги за тотъ же промежутокъ времени получили въ пять разъ большее протяженіе, вмѣстѣ съ тѣмъ завершился и процессъ оккупаціи земельной площади, такъ или иначе распредѣлившейся между отдѣльными владѣльцами. Хотя заработная плата за все это время не только не понизилась, но даже замѣтно возрасла (съ 50-хъ годовъ до 80-хъ вознагражденіе рабочихъ почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности увеличилось приблизительно на 20%), тѣмъ не менѣе отношенія между трудомъ и капиталомъ сильно обострились. Увеличеніе заработной платы не могло удовлетворить рабочихъ, которые съ тѣмъ вмѣстѣ все болѣе и болѣе теряли возможность перейти когда-нибудь въ классъ предпринимателей; увеличеніе это къ тому же постоянно обгонялось естественнымъ возрастаніемъ средняго уровня ихъ потребностей, и для рабочихъ дѣлались все нагляднѣе необезпеченность, непостоянство ихъ заработка: промышленные кризисы и употребленіе новыхъ усовершенствованныхъ машинъ давали этому неопровержимыя доказательства.

Вознагражденіе, получаемое американскими рабочими, извѣстно въ Европѣ, какъ особенно высокое. Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика Соединенныхъ Штатовъ не отличается въ этой области ни особенной полнотою, ни точностью вычисленій. Къ изслѣдованію, предпринятому въ 1880 г., привлечены были не всѣ промышленныя заведенія, но лишь болѣе крупныя и со-

лидныя (въ числѣ 773). Затѣмъ, опрошенные фабриканты давали свѣдѣнія не относительно годового заработка своихъ рабочихъ, но относительно выдаваемой имъ поденной или помѣсячной платы и преимущественно въ періоды оживленія производства. Сколько именно дней въ году рабочіе имѣли оплачиваемую такимъ образомъ работу,—это не во всѣхъ случаяхъ было выяснено. Игнорируя всѣ недостатки оффиціальной анкеты, многіе европейскіе изслѣдователи воспользовались безъ всякихъ поправокъ ея результатами, и, вслѣдствіе этого, сильно преувеличили бюджетъ американскаго рабочаго. Конечно, сама по себѣ заработная плата, получаемая фабричными рабочими въ Соединенныхъ Штатахъ, очень высока: трудъ неквалифицированный оплачивается здѣсь въ среднемъ 1 долларомъ 25 центами (6 фр. 55 с.), квалифицированный (skilled labor)—2 д. 25 ц. (11 фр. 70 с.) [1]). Но надо принять во вниманіе, что заработокъ въ Америкѣ еще менѣе проченъ, чѣмъ въ Европѣ. Регулярная *временная* безработица здѣсь самое обычное явленіе. Количество безработныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ вообще настолько велико, что оно уже обратило на себя вниманіе и правительства, и постороннихъ наблюдателей. Причины этого лежатъ гораздо больше въ систематическомъ вытѣсненіи рабочихъ машинами, чѣмъ въ иммиграціи европейцевъ. Насколько широкіе размѣры имѣетъ такое вытѣсненіе, показываютъ факты, извлекаемые Эвелингами изъ отчета К. Райта (Whright). Въ производствѣ земледѣльческихъ орудій, въ теченіе послѣднихъ 15—20 лѣтъ, около 50% мускульнаго труда было замѣнено силою машинъ. Въ изготовленіи сапогъ и башмаковъ экономія равнялась 50, 60 и даже 80%. «За 30 послѣднихъ лѣтъ, заявилъ одинъ филадельфійскій фабрикантъ, машины сократили приблизительно въ 6 разъ примѣненіе ручного труда [2]).

Европейскими изслѣдователями, слишкомъ оптимистически смотрящими на экономическія отношенія Новаго Свѣта, упускается часто изъ виду еще одно обстоятельство: трудъ американскихъ рабочихъ значительно интенсивнѣе, а слѣдов. и тяжелѣе труда европейскихъ. «Мы не знали тяжелой работы, пока не пріѣхали въ Америку», говорятъ многіе изъ переселенцевъ. Тяжелый, истощающій и часто негигіенично обставленный трудъ

---

[1]) См. ст. *Бемерта* «Arbeitslohn» (Amerika) Handwörterbuch, I.
[2]) Labour movement in America, 73—74.

(санитарное законодательство въ большинствѣ Штатовъ неудовлетворительно) приводитъ съ одной стороны къ сильному развитію пьянства, съ другой—къ раннему наступленію дряхлости и неспособности къ труду. Вліяніе этихъ неблагопріятныхъ условій отчасти лишь парализуется лучшимъ питаніемъ американскихъ рабочихъ.

Внѣшняя обстановка жизни рабочаго населенія Соединенныхъ Штатовъ оставляетъ повидимому желать очень многаго. Въ цитированной уже книгѣ Эвелинговъ мы находимъ указанія на страшное переполненіе рабочихъ помѣщеній въ Нью-Іоркѣ и другихъ большихъ городахъ и на происходящіе вслѣдствіе этого смѣшеніе половъ, грязь и спертый воздухъ. Въ то же время жизнь богатыхъ янки отличается, судя по описаніямъ, особенно безумной, почти неизвѣстной въ Европѣ роскошью. «Первое впечатлѣніе иностранца въ Соединенныхъ Штатахъ, говорятъ поэтому Эвелинги [1]), состоитъ въ томъ, что въ этой странѣ всякихъ крайностей, крайности бѣдности и богатства выражены сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ. Промежутокъ положеній и классовъ въ Америкѣ почти не существуетъ... Различія между классомъ капиталистовъ и классомъ рабочихъ здѣсь особенно велики».

Такимъ образомъ къ нашему времени въ Соединенныхъ Штатахъ создалось приблизительно такое же положеніе дѣлъ, какое отличаетъ общественную жизнь Стараго Свѣта: американское общество, какъ и европейское, оказывается раздѣленнымъ сообразно различію господствующихъ экономическихъ интересовъ. Эта общность экономическихъ отношеній и формъ облегчила распространеніе въ Америкѣ европейскихъ экономическихъ ученій.

II.

Если распространенію соціальныхъ идей въ Америкѣ всего больше вообще способствовали нѣмцы, то первый починъ въ этомъ дѣлѣ уже всецѣло и совершенно безспорно принадлежитъ имъ. Нѣмецкія гимнастическія общества, нѣмецкій коммунистическій клубъ въ Нью-Іоркѣ, нѣмецкіе рабочіе союзы лассаліанцевъ и марксистовъ—вотъ первые и, надо сказать, очень скромные очаги этого движенія. Тѣмъ же нѣмцамъ принадлежитъ и

[1]) Op. cit., 12—15.

первая попытка создать особую рабочую партію. Попытка эта увѣнчалась лишь кратковременнымъ и незначительнымъ успѣхомъ, и, тѣмъ не менѣе, ея нельзя не отмѣтить. Въ 1868 году въ Нью-Іоркѣ съ этою спеціальною цѣлью былъ собранъ мнтингъ, на обсужденіе котораго предложена была программа предлагаемой партіи. Ея главнѣйшими пунктами были: подоходный налогъ, восьмичасовой рабочій день, отмѣна нѣкоторыхъ стѣснительныхъ для рабочихъ законовъ и распространеніе права быть избираемымъ въ Законодательное Собраніе на всѣхъ гражданъ союза. Для завѣдыванія дѣлами партіи устроили особый комитетъ и тутъ же между прочимъ рѣшено было обратить особенное вниманіе на возможно болѣе широкое распространеніе потребительныхъ обществъ. Не болѣе года просуществовала эта нѣсколько искусственно созданная партія. Самостоятельное движеніе среди американскихъ рабочихъ заставило нѣмцевъ отказаться отъ всякой надежды расширить свое начинаніе.

Національное рабочее движеніе, о которомъ мы теперь говоримъ, имѣло нѣсколько иной, менѣе идейный и болѣе практическій характеръ. Среди американскихъ ремесленниковъ издавна уже существовали свои клубы и общества. Въ 1866 г., въ видахъ лучшей организаціи взаимопомощи, эти мѣстныя общества получили объединеніе въ «Національномъ рабочемъ союзѣ» («National Labor Union»).

Никакими, кромѣ самыхъ непосредственныхъ матеріальныхъ задачъ, союзъ этотъ не задавался, но постепенно, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ нѣмцевъ, среди его членовъ стали возникать дебаты о разныхъ экономическихъ вопросахъ и о политикѣ страны; это привело вскорѣ къ отдѣленію группы рабочихъ и къ образованію ими въ концѣ 1868 г. особой «реформаторской партіи». Подорвавъ начинанія нѣмцевъ, она въ свою очередь не могла ни укрѣпиться настолько, чтобы оказать давленіе на законодательство, ни даже объединить собою сколько-нибудь значительную часть американскаго рабочаго населенія. Умѣренная въ своихъ требованіяхъ, «реформаторская» рабочая партія была совершенно чужда болѣе крайнимъ соціальнымъ идеямъ, но, не желая вызывать раздоровъ среди своихъ членовъ, она не высказывалась открыто на этотъ счетъ и даже нашла нужнымъ послать своего представителя на Базельскій интернаціональный конгрессъ.

Потерпѣвшіе неудачу въ своей попыткѣ организовать само-

стоятельную партію, нѣмецкіе соціалисты обратились къ ремесленнымъ обществамъ, стараясь здѣсь заручиться извѣстнымъ вліяніемъ. Старанія эти имѣли успѣхъ: многіе ремесленники прониклись ихъ взглядами, иныя общества признали свою солидарность съ новымъ ученіемъ и даже включили въ свою программу нѣсколько пунктовъ совершенно соціалистическаго характера. Однако Центральный Союзъ ремесленниковъ оказался не столь податливымъ и ограничился только холоднымъ выраженіемъ своего сочувствія задачамъ интернаціонала. Пропаганда среди ремесленниковъ, успѣшная по началу, продолжалась бы вѣроятно и дальше, если бы тутъ не подоспѣли великія европейскія событія, очень горячо и очень различно принятыя въ Америкѣ. Мы говоримъ о франко-прусской войнѣ, впечатлѣнія которой во Франціи даже и до сихъ поръ, какъ извѣстно, не успѣли изгладиться. Въ свое же время война породила сильнѣйшій взрывъ необузданнаго патріотизма и самой ярой народной ненависти. Въ Америкѣ извѣстія о торжествѣ нѣмецкаго оружія съ шумнымъ восторгомъ были приняты всѣми нѣмецкими патріотами и послужили поводомъ для нѣсколькихъ націоналистическихъ митинговъ. Положеніе, которое соціалисты заняли по отношенію къ войнѣ, было такого характера, что оно не могло прійтись по вкусу ни одной изъ враждующихъ сторонъ. Милитаризмъ вызывалъ со стороны интернаціонала самое жестокое осужденіе, а вся война объяснялась въ значительной степени невниманіемъ правительствъ къ интересамъ народовъ. «Есть нѣчто высшее, чѣмъ патріотизмъ, провозглашали члены этой организаціи,—это гуманность». Въ Америкѣ нѣмецкія секціи интернаціонала не замедлили отозваться въ такомъ же точно духѣ. Антинаціональныя тенденціи соціалистовъ не мало повредили имъ въ ихъ агитаціи. Многіе изъ нѣмецкихъ рабочихъ, патріотическое чувство которыхъ было еще подогрѣто войной, стали открещиваться отъ космополитическаго ученія, хотя раньше были и не чужды ему. Соціалистическая партія получила замѣтный уронъ. Въ началѣ 1871 года она имѣла 24 секціи и около 5 тысячъ членовъ (по большей части все нѣмцы [1]). Къ 1873 году число членовъ упало до 2000—3000, а въ 1874 г. ихъ насчитывалось всего 1800—2000 человѣкъ.

---

[1]) Любопытенъ тотъ фактъ, что въ американскомъ федеральномъ Совѣтѣ интернаціонала засѣдало три нѣмца, два француза, одинъ шведъ и одинъ итальянецъ, но въ немъ не было *ни одного* урожденнаго *американца*.

Къ тому же времени подоспѣли и нѣкоторыя внутреннія разногласія. Споръ автономистовъ съ централистами, приведшій въ Европѣ къ отдѣленію Карла Маркса и его сподвижниковъ и въ концѣ концовъ къ распаденію всего интернаціонала, съ буквальной точностью повторился и въ Новомъ Свѣтѣ. Ближайшимъ поводомъ для этого послужила здѣсь склонность нѣкоторыхъ секцій принять участіе въ избирательной агитаціи. Центральный Совѣтъ находилъ неудобнымъ играть въ руку какой бы то ни было изъ существующихъ партій, пока рабочіе недостаточно сильны, чтобъ выставлять своихъ собственныхъ кандидатовъ. А потому всѣмъ членамъ своей партіи Совѣтъ настойчиво рекомендовалъ воздерживаться отъ участія въ политическихъ выборахъ. Такое рѣшеніе не понравилось нѣсколькимъ секціямъ, заявившимъ, что онѣ считаютъ себя компетентными рѣшить это дѣло по своему усмотрѣнію; Центральный Совѣтъ отвѣтилъ распущеніемъ означенныхъ секцій, но онѣ снова не подчинились и послѣ, отложившись отъ интернаціонала, образовали «Соціально-демократическую рабочію партію Сѣверной Америки». Во главѣ ея сталъ рабочій Штрассеръ; хорошо знакомый съ американскими условіями, несклонный къ мечтаніямъ о будущемъ, но практичный и ловкій, человѣкъ этотъ былъ какъ нельзя больше пригоденъ къ борьбѣ за дѣло рабочихъ. Внутри своей партіи ему тотчасъ же пришлось столкнуться съ оппозиціей лассаліанцевъ, которые настаивали на своемъ требованіи государственной помощи производительнымъ товариществамъ, не желали знать мелкихъ ремесленныхъ обществъ и отчасти поэтому не встрѣчали сочувствія у американскихъ рабочихъ. Совсѣмъ иначе повелъ дѣло Штрассеръ; онъ поспѣшилъ прежде всего войти въ сношенія съ ремесленными обществами и затѣмъ думалъ, не задаваясь далекими цѣлями, бороться лишь съ «крайностями» существующей промышленной формы. Впрочемъ программа новой партіи составлена была очень широко, въ нее входили требованія финансовыхъ, судебныхъ и избирательныхъ реформъ, восьмичасоваго рабочаго дня и ограниченія женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. Включенъ былъ также и пунктъ о государственной помощи производительнымъ товариществамъ, представлявшій собою уступку лассаліанцамъ.

Между тѣмъ, сохранившіяся секціи интернаціонала испытывали довольно горькую участь. Ихъ попытки соединиться съ новой партіей, имѣвшей повидимому будущность, привели только

къ чисто внѣшнему соглашенію, а въ это же время, послѣ того, какъ генеральный совѣтъ интернаціонала былъ временно перенесенъ въ Америку, обнаружилось полное отпаденіе всѣхъ европейскихъ федерацій. 15 іюля 1876 г. на Филадельфійской конференціи было оффиціально признано, что интернаціоналъ прекратилъ свое существованіе. Въ Европѣ послѣ этого собиралось, правда, еще нѣсколько конгрессовъ, но въ дѣйствительности они уже не имѣли вполнѣ международнаго характера и каждый разъ констатировали постепенное сокращеніе числа своихъ членовъ. Характеризуя то значеніе, которое Интернаціоналъ имѣлъ для Америки, одинъ американскій журналистъ писалъ: «онъ содѣйствовалъ изъ всѣхъ своихъ силъ образованію новыхъ союзовъ ремесленниковъ; когда было нужно, поддерживалъ связи и хорошія отношенія американскихъ рабочихъ съ ихъ европейскими товарищами; въ бѣдѣ являлся онъ со своей твердой поддержкой; не разъ спасалъ рабочихъ отъ рукъ буржуазныхъ политиковъ; онъ основывалъ и поддерживалъ рабочія газеты; заводилъ сношенія съ болѣе видными англійскими рабочими союзами и разными выдающимися лицами; онъ велъ агитацію во всѣхъ частяхъ страны и разсылалъ уполномоченныхъ въ болѣе важные или сомнительные пункты...» Такимъ образомъ, хотя международный и слишкомъ идейный характеръ интернаціонала оказался не по плечу американскимъ рабочимъ, а выставленныя имъ цѣли непосредственно достигнуты не были,—дѣятельность его все же была настолько энергична, что не могла не оставить своихъ слѣдовъ въ умахъ и отчасти организаціяхъ американскихъ рабочихъ.

Какъ разъ въ 1876 г. американская промышленность начинала переживать столь тяжкій кризисъ, такой небывалый застой, что было не трудно, видя исключительное положеніе рабочихъ, предсказать въ близкомъ будущемъ самыя важныя событія. Въ виду такого угрожающаго положенія дѣлъ нѣкоторые руководители рабочихъ признали необходимымъ во что бы то ни стало объединиться; это и было ими достигнуто лѣтомъ того же года путемъ взаимныхъ уступокъ партіи Штрассера и старыхъ секцій интернаціонала. Возникшая отсюда «рабочая партія Соединенныхъ Штатовъ» сохранила главные пункты всѣхъ прежнихъ рабочихъ программъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась отъ всякаго международнаго характера и отъ участія въ политическихъ выборахъ. Такимъ образомъ, грандіозныя стачки 1877 г.

болѣе крайніе по своимъ взглядамъ рабочіе встрѣтили объединенными въ одну партію, довольно многочисленную, хотя быть можетъ и не особенно сильную. Отношеніе къ ней американскихъ рабочихъ было въ то время, благодаря агитаціи Штрассера, довольно уважительное; особенно симпатичными были имъ два пункта въ соціалистической программѣ: требованіе отмѣны нѣкоторыхъ стѣснительныхъ законовъ и установленія законодательнымъ путемъ 8-ми часоваго рабочаго дня. Пресса и общество уже не безъ интереса слѣдили теперь за постановленіями соціалистическихъ съѣздовъ; въ Конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ предлагались иногда законопроекты, носившіе слѣды того же вліянія... Но какъ ни велики были успѣхи болѣе радикальной фракціи американскихъ рабочихъ, тѣмъ не менѣе еще нельзя сказать, чтобы они составляли въ странѣ такую силу, съ которой бы необходимо было считаться. Событія слѣдующаго года внесли много новаго.

III.

Центръ тяжести наступившаго въ 1876 г. промышленнаго кризиса лежалъ въ желѣзныхъ дорогахъ. Дѣло въ томъ, что быстрый расцвѣтъ американской промышленности повлекъ за собою самую спѣшную и форсированную постройку все новыхъ и новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. Желѣзнодорожныя предпріятія казались чрезвычайно выгодными на первыхъ порахъ, и за нихъ ухватился весь промышленный міръ; это сдѣлалось самымъ моднымъ, самымъ популярнымъ дѣломъ, своего рода желѣзнодорожной горячкой на подобіе той, которая охватила переселенцевъ послѣ ихъ первыхъ находокъ золота. Реакція должна была наступить рано или поздно, и она явилась, но не рано, а поздно, когда уже въ этомъ дѣлѣ зарвались слишкомъ многіе... Началось съ того, что желѣзнодорожныя акціи стали падать въ цѣнѣ; то тамъ, то здѣсь вкладчики торопились извлечь свои капиталы, но въ большинствѣ случаевъ это было уже невозможно. Какъ ни понизились ихъ доходы, вслѣдствіе взаимной конкурренціи желѣзныхъ дорогъ, а также вслѣдствіе принудительнаго тарифа, установленнаго центральнымъ правительствомъ,—имъ все же приходилось предпочесть такое пони-

женіе полной потерѣ всѣхъ барышей. И вотъ началось вездѣ постепенное сокращеніе дѣла и экономія въ расходахъ. Прежде всего, эта экономія обрушилась на заработную плату. Статистическія свѣдѣнія показываютъ, что испуганные желѣзнодорожники поспѣшили спустить вознагражденіе своимъ служащимъ на 25—30 и даже 37%. Много рабочихъ было отпущено на всѣ четыре стороны, на многихъ должностяхъ малолѣтнія дѣти замѣнили своихъ родителей. Къ веснѣ 1877 г. въ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось болѣе двухъ милліоновъ рабочихъ безъ дѣла, въ одномъ Нью-Іоркѣ ихъ было до 50 тысячъ.

Такая громадная армія незанятаго, голоднаго люда не могла, конечно, остаться совершенно спокойной. Начались волненія, съ необычайной быстротой распространившіяся по всѣмъ направленіямъ. Рабочіе, оставленные на ихъ мѣстахъ, постановили забастовку, а тѣ, которые уже ничѣмъ не были связаны съ желѣзнодорожными компаніями, очень скоро перешли къ мщенію и насиліямъ. Во всѣхъ главныхъ промышленныхъ центрахъ Соединенныхъ Штатовъ произошли кровопролитныя столкновенія между стачечниками и полиціей. Вооруженныя, разсвирѣпѣвшія толпы ходили по улицамъ, грабили имущества желѣзнодорожныхъ компаній и производили дикую расправу надъ своими недавними хозяевами. Регулярныя войска не сразу справлялись съ рабочими, и были такіе города, которые по нѣскольку дней находились во власти террора.

Когда, наконецъ, возстаніе было подавлено, убытки желѣзныхъ дорогъ оказались неисчислимыми, а все же экономическій результатъ стачки для самихъ рабочихъ получился ничтожный. Только немногія компаніи согласились повысить заработную плату, и только небольшое количество отпущенныхъ раньше рабочихъ было возвращено къ ихъ прежнимъ занятіямъ. Причинами неудачи такого, почти безпримѣрнаго по своимъ размѣрамъ движенія, надо считать, прежде всего, дѣйствительную невозможность для желѣзнодорожныхъ компаній продолжать вести дѣло въ прежнихъ размѣрахъ, а затѣмъ въ немалой степени и отсутствіе прочной организаціи въ средѣ самихъ рабочихъ. Никакого центральнаго руководительства у нихъ не было; дѣло велось вразбродъ, натискомъ, но не выдержкой. Требованія, предъявляемыя стачечниками въ разныхъ мѣстахъ, были несогласованы между собою; кромѣ того, стачка была все-таки не всеобщая, и къ ней не примкнули рабочіе другихъ

профессій, хотя желѣзнодорожный кризисъ жестоко отозвался во всѣхъ сферахъ промышленности.

Всѣми этими обстоятельствами рабочій вопросъ былъ поставленъ на очередь и возбудилъ въ литературѣ внимательное и серьезное обсужденіе. Онъ началъ затрагиваться въ программахъ политическихъ партій, и выборщики съ этихъ поръ стали требовать отъ своихъ кандидатовъ того или иного мнѣнія по этому вопросу. Соціалистическая литература разрослась и усилилась. Изъ прежнихъ періодическихъ изданій этого направленія извѣстнымъ вліяніемъ пользовалась лишь издававшаяся съ 1868 г. нѣмецкая рабочая газета «Arbeiter Union». Редакторомъ ея состоялъ бывшій дерптскій студентъ Дуэ, опытный журналистъ и вѣрный послѣдователь Маркса. Теперь же подобныхъ газетъ и журналовъ появилась цѣлая масса. Однихъ только большихъ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ изданій насчитывалось болѣе 20. Самая вліятельная и популярная газета этого рода издавалась въ Нью-Іоркѣ—«New Yorker Volkszeitung»; число ея подписчиковъ за одинъ лишь 1878 г., благодаря только что описаннымъ внѣшнимъ событіямъ и умѣлому веденію дѣлу, увеличилось въ четыре раза и достигло почтенной цифры 20 тысячъ человѣкъ. Редакторами ея были: упомянутый нами Дуэ, не менѣе извѣстнѣй въ Америкѣ журналистъ Іонасъ и Шевичъ [1]).

Вся эта періодическая литература по большей части была нѣмецкая, на англійскомъ языкѣ издавалось лишь три газеты, имѣвшихъ къ тому же довольно малый успѣхъ; только позднѣе уже возникла получившая дѣйствительно большую популярность среди американскихъ рабочихъ—«The voice of People». И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что говорящихъ по-англійски членовъ соціалистической партіи было тогда не болѣе 10%. Ненормальность и вся невыгода такого положенія дѣлъ на американской почвѣ были понятны всѣмъ участвовавшимъ въ движеніи; вотъ почему на совѣщаніи, имѣвшемъ мѣсто 25 — 31 декабря 1877 г. въ Ньюаркѣ, было принято рѣшеніе завязать болѣе тѣсныя сношенія съ американскими рабочими. Съ этою цѣлью постановили основать въ г. Цинцин-

---

[1]) Свое образованіе Шевичъ завершилъ въ Германіи, тамъ, между прочимъ и женился на Еленѣ фонъ-Раковицъ, урожденной фонъ-Деннигесъ, игравшей, какъ извѣстно, видную роль въ интимной жизни Фердинанда Лассаля.

*

нать новую газету на англійскомъ языкѣ, придать всей программѣ болѣе доступную для американскихъ рабочихъ форму и допускать на конгрессы только такихъ делегатовъ, которые умѣютъ хорошо объясняться по-англійски. На томъ же ньюаркскомъ совѣщаніи названіе партіи изъ просто «рабочей» передѣлано было въ «соціалистическую рабочую партію Сѣверной Америки», а кромѣ того, что очень важно, была принята резолюція не чуждаться болѣе политическихъ выборовъ, въ которыхъ признали теперь одно изъ лучшихъ средствъ для пропаганды даже экономическихъ идей. Такое рѣшеніе подкрѣпили, повидимому, избирательныя побѣды, одержанныя въ штатѣ Кентукки, гдѣ рабочей партіи удалось послать въ законодательное собраніе семь своихъ представителей, и въ штатѣ Огіо, особенно въ городахъ: Цинциннатъ, Кливлэндъ и Толедо, гдѣ соціалистическіе кандидаты получили болѣе 12 тысячъ голосовъ.

Болѣе широкое поле для участія въ избирательной агитаціи представилось въ слѣдующемъ году, когда нужно было выбирать президента республики. Но на этомъ вопросѣ рабочей партіи пришлось раздѣлиться. Одни изъ ея представителей хотѣли подавать свои голоса вмѣстѣ съ партіей политическихъ радикаловъ, надѣясь въ благодарность за свою помощь добиться введенія въ ихъ программу нѣкоторыхъ желательныхъ для себя пунктовъ; другіе находили это соглашеніе компрометтирующимъ ихъ партію и требовали выставленія своего собственнаго кандидата. Разногласіе все усиливалось, и, наконецъ, когда кандидатъ, предложенный демократами, Гарфильдъ, показался многимъ особенно несимпатичнымъ,—изъ партіи вышло нѣкоторое количество ея наиболѣе крайнихъ и непримиримыхъ членовъ.

Такія разногласія, вмѣстѣ съ подъемомъ промышленности и заработной платы въ 1879—80 г., ослабили и численную силу, и нравственный престижъ соціалистовъ. Тѣмъ не менѣе въ общемъ стачки 1877 г. имѣли своимъ результатомъ значительное расширеніе и увеличеніе рабочей партіи. Но тѣ же стачки вызвали къ жизни и совершенно новое направленіе—воинствующій соціализмъ. Представляя собою значительное отклоненіе отъ того *мирнаго* соціализма, который мы до сихъ поръ только и встрѣчали на американской почвѣ, это новое направленіе получило вдругъ, благодаря внѣшнимъ благопріятнымъ условіямъ, значительную, но весьма непрочную популярность.

IV.

Еще немного ранѣе стачекъ 1877 г. нѣсколько бывшихъ членовъ интернаціонала учредило въ Чикаго своеобразное общество «обученія и обороны» (Lehr-und Wehrverein). Своей задачей они поставили вооруженіе рабочаго класса и подготовленіе его къ предстоящей, будто-бы, въ самомъ скоромъ времени соціальной революціи. Примѣру Чикаго послѣдовали и нѣкоторые другіе города. Исполнительный комитетъ соціалистической партіи, видя въ воинственныхъ наклонностяхъ своихъ членовъ нарушеніе основныхъ принциповъ ихъ программы, постановилъ распустить секцію города Чикаго. Но тѣ не пожелали подчиниться постановленію комитета и аппелировали къ общему собранію. На ближайшемъ послѣ того соціалистическомъ съѣздѣ вопросъ былъ поставленъ на баллотировку. Большинство высказалось за то, что на основаніи существующихъ правилъ исполнительный комитетъ имѣлъ право постановить распущеніе. Но на будущее время признано было возможнымъ предоставить самимъ секціямъ разрѣшать вопросъ объ ихъ мирной или вооруженной организаціи. Такое рѣшеніе являлось въ сущности отклоненіемъ отъ истинныхъ основаній нѣмецкаго соціализма: оно объяснялось только нежеланіемъ большинства становиться въ оппозицію видимо развивавшемуся воинственному духу. Этотъ воинственный революціонный духъ нашелъ себѣ особенную поддержку со стороны вновь переселившихся въ Америку нѣмцевъ. Покинувъ родину вслѣдствіе исключительнаго закона 1878 г., они были очень революціонно настроены и, мало знакомые къ тому же съ мѣстными условіями, стали сразу во враждебныя отношенія къ болѣе умѣренной части «рабочей партіи Сѣверной Америки».

Расколъ въ средѣ соціалистовъ скоро сдѣлался неизбѣжнымъ. Къ началу 1880 г. внутри ихъ партіи уже нельзя было не замѣтить двухъ очень ясно обозначившихся, враждебныхъ другъ другу, теченій; соціалъ-демократовъ и соціалъ-революціонеровъ.

Теоретическія основанія обѣихъ партій были до извѣстной степени одинаковы, онѣ различались, главнымъ образомъ, только во взглядахъ на практическое примѣненіе своихъ идей. Въ то время, какъ соціалъ-демократы возлагали всѣ свои надежды на

естественную эволюцію экономическихъ формъ и мирную пропаганду своего ученія, соціалъ-революціонеры считали неизбѣжнымъ насильственный переворотъ, кровавую революцію. Будущій строй представлялся и тѣмъ, и другимъ приблизительно въ одинаковомъ видѣ. Но вотъ постепенно среди самихъ революціонеровъ стало развиваться направленіе, показавшее, что и въ послѣднемъ вопросѣ нѣкоторые изъ нихъ расходились съ соціалъ-демократами,—то были анархисты, выдѣлившіеся скоро въ особую группу. Ихъ ученіе, какъ оно формулировано, напр., въ сочиненіяхъ Макса Штирнера и другихъ, представляетъ собой апологію самаго крайняго индивидуализма [1]). Государство, согласно ихъ взглядамъ, со всѣмъ его «правовымъ гнетомъ» должно быть уничтожено; ни собственности, ни договорнаго права при пользованіи трудомъ и въ отношеніяхъ между полами, ни публичнаго права въ образѣ судей, бюрократіи и налоговъ существовать не должно.

Вначалѣ анархисты, имѣвшіе Нью-Іоркъ своей резиденціей, представляли собой очень мало замѣтную и слабую группу, а соціалъ-революціонеры, во главѣ которыхъ стоялъ талантливый и опытный руководитель—Поль Гротткау, пользовались гораздо большимъ вліяніемъ среди рабочихъ. Но со времени переселенія въ Америку нѣмецкаго агитатора Іоаганна Моста, а еще болѣе со времени основанія газеты «Anarchist»—вѣсы склонились въ другую сторону. Новая газета, въ которой сотрудничали: извѣстный коммунаръ Феликсъ Піа, Іоаганнъ Мостъ, Менотти, Гарибальди и др., стала расходиться въ большомъ количествѣ, возбуждая въ американскомъ обществѣ большой интересъ къ анархизму и его фанатическимъ послѣдователямъ.

Въ видахъ лучшаго объединенія въ одну партію, въ 1883 г. соціалъ-революціонеры и анархисты устроили съѣздъ. Здѣсь они порѣшили присвоить себѣ названіе «Международной рабочей ассоціаціи», а подробности въ организаціи отдѣльныхъ секцій предоставили установлять имъ самимъ. Автономіей секцій достигалось признаніе равноправными и тѣхъ, и другихъ, и анархическихъ, и революціонныхъ группъ. Въ принципѣ конгрессомъ была одобрена также организація тайная. Та общая программа

---

[1]) Французскіе анархисты нѣсколько отклоняются въ этомъ отъ англійскихъ, американскихъ и нѣмецкихъ: они ближе въ теоріи (но не въ средствахъ) къ соціалистамъ и дальше отъ крайностей неограниченнаго индивидуализма.

для обѣихъ партій, которую здѣсь выставили, представляла собою довольно пестрое смѣшеніе соціалистическихъ, анархическихъ и просто радикально-политическихъ требованій. Но центръ тяжести лежалъ, конечно, не въ ней, а въ правилахъ, которыми руководствовалась каждая секція въ отдѣльности. Соціалисты въ питтсбургскомъ революціонно-анархическомъ съѣздѣ не участвовали и въ своихъ періодическихъ изданіяхъ постоянно открещивались отъ всякой солидарности съ революціонерами. «Мы не раздѣляемъ глупости тѣхъ», — писали они: — «которые динамитныя бомбы считаютъ лучшимъ средствомъ къ тому, чтобы ускорить реформу; мы знаемъ очень хорошо, что прочнаго успѣха рабочіе достигнутъ не раньше, чѣмъ произойдетъ полный переворотъ въ умахъ и въ экономической жизни людей».

Важныя событія послѣдующихъ годовъ позволили каждому изъ трехъ направленій прежде единой соціалистической партіи— показать свою силу на дѣлѣ.

1883 — 1886 гг. ознаменовались новымъ промышленнымъ кризисомъ. На этотъ разъ сигналъ былъ поданъ шерстяной и суконной мануфактурой. До этого времени сѣверные штаты, гдѣ фабричная промышленность развита вообще больше, снабжали южные рынки сукномъ и матеріями. Но постепенно на югѣ стала развиваться своя собственная промышленность, произведенія которой могли удачно конкуррировать съ издѣліями сѣвера. Тогда южные штаты перестали покупать себѣ на сѣверѣ сукно и матеріи и въ нихъ оказался избытокъ. Сѣверо-американскіе промышленники не захотѣли сдаться и долго сначала продолжали производить товары, безплодно переполнявшіе рынки. Но, наконецъ, въ сбытѣ матерій произошелъ полный застой, и тогда множество крупныхъ фирмъ или совсѣмъ ликвидировало свои дѣла, или значительно сократило производство. Масса рабочихъ была отпущена, заработная плата упала. Къ началу 1885 г. рабочихъ безъ дѣла насчитывалось около 500 тысячъ, что, если считать ихъ женъ и дѣтей, составитъ $2^1/_2$—3 милліона голоднаго люда. Первое время, однако, рабочіе держались довольно спокойно, за-то усердствовала революціонная и анархическая пресса, подстрекая ихъ къ бунту.

Любопытно, что первые признаки перехода отъ мирнаго настроенія къ возбужденному проявились не у рабочихъ безъ дѣла, но у тѣхъ, которые оставались на фабрикахъ. Стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ въ Миссури и Техасѣ была какъ бы нѣко-

торой прелюдіей къ болѣе общему движенію. Причина, ее породившая, — совсѣмъ идеальнаго свойства: «несправедливое» (по мнѣнію рабочихъ) удаленіе одного желѣзнодорожнаго служащаго. Изъ-за такого-то, повидимому, незначительнаго повода тысячи рабочихъ покинули свои мастерскія. Не смотря на то, что желѣзнодорожная компанія въ концѣ концовъ восторжествовала, она потерпѣла большіе убытки, и были такіе моменты въ этой борьбѣ, когда разгорѣвшіяся страсти рабочихъ грозили обществу самой кровопролитной междоусобной войной. Едва улеглось это первое кратковременное, но ожесточенное возстаніе, какъ признаки сильнаго возбужденія обнаружились въ самомъ Нью-Іоркѣ, и тутъ опять иниціаторами явились рабочіе, сохранившіе свои мѣста на фабрикахъ. На 1-е мая ими была постановлена всеобщая забастовка; причиной ея выставлялось неудовлетворенное капиталистами требованіе восьмичасового рабочаго дня.

Тутъ слѣдуетъ отмѣтить вообще чисто идейный характеръ всего дальнѣйшаго движенія. Рабочіе требовали не возвращенія на фабрики своихъ расчитанныхъ товарищей, не увеличенія заработной платы, но сокращенія рабочаго дня, и они требовали этого, рискуя, быть можетъ, уменьшеніемъ своего заработка. Моментъ для борьбы былъ выбранъ не очень удачно: правда, рабочіе, находясь въ исключительно стѣсненныхъ условіяхъ, особенно охотно примыкали къ движенію, но за-то большинство фабрикантовъ теперь менѣе, чѣмъ когда либо, склонялось къ уступкѣ. Требованіе восьмичасового рабочаго дня заявлено было на всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ 360.000 рабочихъ (не вездѣ, впрочемъ, оно выставлялось въ качествѣ единственнаго требованія). Нѣкоторые промышленники сейчасъ же пошли на уступки. Около 200.000 рабочихъ въ самомъ скоромъ времени получили удовлетвореніе, но не вездѣ ихъ торжество было прочно и продолжительно. Стѣсненные рабочими, и безъ того потерпѣвшіе много убытку, капиталисты порою поневолѣ сдавались, но за-то при первой возможности они подняли головы и постарались вернуть себѣ то, чѣмъ, находясь въ крайности, поступились. Иногда это имъ удавалось, хотя полное возвращеніе къ старому оказалось уже невозможнымъ. Рабочіе, не смотря ни на что, были въ выигрышѣ: въ иныхъ мѣстахъ они получили сокращеніе на 2—3 часа (гдѣ прежде день продолжался часовъ 12), въ другихъ—такъ и укоренился

обычай восьмичасового дня [1]). И любопытно, что сокращеніе рабочаго времени отозвалось на ихъ заработкѣ самымъ благопріятнымъ образомъ: какъ видно изъ отчетовъ нью-іоркскаго статистическаго бюро, заработная плата за небольшой промежутокъ времени между 1885 и 1887 г. въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности возвысилась въ $1^1/_2$ и даже 2 раза. Главной причиной этого было то, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ застоя промышленность, наконецъ, оживилась. 1886 г. былъ временемъ усиленнаго производства и широкаго вывоза. Но рабочіе свой успѣхъ приписывали только своимъ организаціямъ да поддержкѣ, оказанной имъ соціалистической партіей. Разъясняя, въ чемъ состоитъ прибавочная цѣнность, прибыль капиталиста, въ какомъ отношеніи находится заработная плата къ продолжительности рабочаго времени, соціалисты давали теоретическое обоснованіе требованіямъ стачечниковъ и отстаивали ихъ въ печати и на публичныхъ митингахъ.

А что же дѣлали въ это время анархисты и соціалъ-революціонеры? Они тоже — по своему — пришли на помощь рабочимъ. Во всѣхъ кровавыхъ столкновеніяхъ, которыхъ было не мало, анархисты являлись самыми дѣятельными борцами мятежной стороны. Вслѣдъ за возстановленіемъ порядка начался знаменитый процессъ анархистовъ, на который было вызвано около 1000 свидѣтелей и который продолжался болѣе полутора мѣсяца. Изъ восьми человѣкъ подсудимыхъ, обвинявшихся въ бросаніи бомбъ на улицахъ, семь было признано виновными и приговорено къ смертной казни. Приговоръ произвелъ среди рабочихъ сенсацію. Въ честь анархистовъ стали устраиваться тогда митинги, имъ подносились благодарственные адресы. Не долго продолжалось однако это небольшое увлеченіе анархизмомъ. Прошло какихъ-нибудь два года и вождь анархистовъ, Іоганнъ Мость, не привлеченный по первому процессу, но впослѣдствіи все же не избѣгшій тюрьмы, дѣлаетъ самъ такое любопытное признаніе. «Въ Америкѣ мы (анархисты), говоритъ онъ, подобны вопіющимъ въ пустынѣ, голоса которыхъ остаются не-

---

[1]) Въ среднемъ въ Соединенныхъ Штатахъ продолжительность рабочаго дня измѣряется 10-ю часами. Въ отдѣльныхъ штатахъ закономъ введена 10-ти-часовая и даже 8-ми-часовая норма, но только для тѣхъ случаевъ, когда продолжительность работы спеціально не опредѣлена въ договорѣ. Никакого общаго для всѣхъ штатовъ закона, регулирующаго длину рабочаго дня, не существуетъ. Въ южныхъ штатахъ вообще работаютъ дольше. Ср. ст. «Arbeitszeit» и «Arbeiterschutzgesetzgebung» въ *Handwörterbuch*.

услышанными. Соціализмъ здѣсь — нѣмецкій, а анархизмъ — скромная фіалка, цвѣтущая въ неизвѣстности. Къ чему я это говорю? спрашиваетъ себя Іоганнъ Мостъ,—потому что мнѣ надоѣло убаюкивать иллюзіями и себя самого, и другихъ».

Такимъ образомъ анархизмъ, достигшій въ 1885 г. кульминаціоннаго пункта своей популярности, черезъ нѣсколько лѣтъ утратилъ всякое обаяніе для рабочихъ. Это показываетъ, что прочныхъ корней онъ не имѣлъ никогда, и что только подъ вліяніемъ крайняго раздраженія рабочіе ухватились за него, какъ за оружіе въ минуту схватки. Съ завершеніемъ стачекъ анархисты сходятъ со сцены. То же самое, хотя въ меньшей степени, произошло и съ революціонерами. Ряды ихъ съ наступленіемъ мирнаго времени замѣтно порѣдѣли: вѣра въ соціальную революцію путемъ террора смѣнилась въ рабочихъ вѣрою въ возможность мирной эволюціи. Стремленіе увеличить свои силы заставило рабочихъ подумать о болѣе тѣсномъ сближеніи между собой и привело въ теченіе послѣднихъ лѣтъ къ образованію новыхъ союзовъ и къ объединенію ихъ въ нѣсколько сильныхъ организацій.

V.

Вполнѣ естественно, что съ завершеніемъ промышленнаго кризиса, съ минованіемъ столь неспокойныхъ для всего общества годовъ — въ различныхъ политическихъ партіяхъ произошли новыя группировки и важныя перемѣны. Избирательная арена въ 1887 г. замѣтно оживилась, всѣ партіи приготовлялись къ борьбѣ. Въ эпохи, когда радикальныя идеи пріобрѣтаютъ въ обществѣ популярность и болѣе крайнія партіи усиливаются, и либералы въ свою очередь всегда выигрываютъ въ вѣсѣ, немного сообразуясь притомъ съ новыми вѣяніями. Все общество тогда, включая и самые отсталые его элементы, передвигается влѣво. Такъ именно и было въ то время, о которомъ мы говоримъ.

Въ самомъ началѣ статьи мимоходомъ упомянутая нами «реформаторская рабочая партія», очень скоро снесенная потокомъ времени, разбившаяся на мелкія теченія и исчезнувшая среди демократовъ, радикаловъ и соціалистовъ, возродилась теперь подъ новымъ и очень громкимъ названіемъ: «United

Labor Party». Несмотря однако на свое «рабочее» наименованіе, она являлась возобновленіемъ «реформаторской» партіи лишь по тенденціямъ этой послѣдней, но не по составу ея членовъ. Рабочіе принимали очень мало участія въ новой «рабочей партіи», она составилась сплошь изъ ремесленниковъ, фермеровъ и мелкихъ буржуа. Программа ея имѣла вполнѣ либеральный характеръ и заключала въ себѣ всѣ обычныя въ такомъ случаѣ требованія: расширенія избирательнаго права, уничтоженія нѣкоторыхъ пошлинъ и монополій, извѣстныхъ реформъ въ администраціи. Новинкой являлся лишь слѣдующій пунктъ: «каждый человѣкъ, говорилось въ концѣ программы, имѣетъ неотъемлемое право на такое количество земли, сколько ему нужно для поддержанія своего существованія».

Новая либеральная партія представляетъ для насъ двоякій интересъ: во-первыхъ, какъ мы увидимъ ниже, она была одно время въ нѣкоторомъ союзѣ съ соціалистами и, во-вторыхъ, во главѣ ея стоялъ едва ли не самый выдающійся американскій экономистъ—Генри Джорджъ. Выдѣленный нами послѣдній пунктъ либеральной программы былъ именно отзвукомъ его ученія о націонализаціи земли, которому соотвѣтствовали также и всѣ фритрэдерскія пожеланія либераловъ [1]).

Согласно взглядамъ Джорджа всякія пошлины, всѣ акцизные и косвенные налоги должны уступить мѣсто только одному прямому и пропорціональному налогу на землю. Такой реформѣ не могли не сочувствовать и ремесленники, и торговцы, и буржуа. Но за-то фабричнымъ рабочимъ не удѣлено было въ программѣ никакого вниманія. Ихъ нужды вполнѣ игнорировались либералами. И рабочіе въ свою очередь не сочувствовали либеральной программѣ. Тѣ изъ нихъ, которые были знакомы съ ученіемъ Маркса, находили непослѣдовательнымъ облагать налогомъ только одинъ видъ прибавочной цѣнности, поземельную ренту, другіе же находили нежелательнымъ отмѣну охранительныхъ пошлинъ, опасаясь, что при свободѣ торговли нѣкоторыя отрасли американской промышленности не выдержатъ конкурренціи и тогда много фабрикъ должно будетъ ликвидировать

---

[1]) Глубокую, можно сказать исчерпывающую критику экономическаго ученія Генри Джорджа, поскольку оно выразилось въ его главномъ сочиненіи «Progress and Poverty», читатель найдетъ въ статьѣ С. Н. Южакова: „Къ вопросу о бѣдности и ея причинахъ". „Отеч. Зап.", 1882 г. №№ 1 и 2.

свои дѣла. Вотъ почему рабочіе и либералы стояли другъ противъ друга отнюдь не какъ единомышленники.

Тѣмъ не менѣе, когда въ слѣдующемъ году либеральная партія выставила Джорджа кандидатомъ на должность бургомистра въ Нью-Іоркѣ, рабочіе въ союзѣ съ соціалистами поддерживали его своими голосами. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: либеральный кандидатъ былъ все же ближе рабочимъ, чѣмъ всякій другой, а Генри Джорджъ къ тому же въ своемъ profession de foi, которое онъ изложилъ передъ выборами, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу требованіямъ фабричныхъ рабочихъ. Какъ ни мало опредѣленны были его фразы о необходимости устранить антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ, рабочіе удовлетворились и ими, все равно не имѣя возможности провести своего собственнаго представителя. Выступить кандидатомъ Джорджъ соглашался только въ томъ случаѣ, если по крайней мѣрѣ 30,000 человѣкъ выскажутся заранѣе въ его пользу. Но каково же было всеобщее удивленіе, когда предварительный опросъ далъ ему 67,600 голосовъ. Правда, этимъ Генри Джорджъ еще не былъ избранъ въ бургомистры, потому что его противникъ, демократъ, получилъ двадцатью двумя тысячами голосовъ больше, но во всякомъ случаѣ моральный успѣхъ его партіи слѣдуетъ признать довольно значительнымъ. Ему посодѣйствовали, съ одной стороны, рабочіе, съ другой—католическое духовенство, сочувственно относившееся и къ либеральнымъ реформамъ, и къ національзаціи земли, что, впрочемъ, не помѣшало главѣ католической церкви, Льву XIII, въ своей энцикликѣ Rerum Novarum рѣшительно осудить ученіе Г. Джорджа. Но вся эфемерность такого быстраго успѣха обнаружилась очень скоро. Какъ нибудь объединиться, войти во взаимное соглашеніе—эти 67,600 выборщиковъ рѣшительно не могли. На первыхъ же общихъ совѣщаніяхъ между ними обнаружились непримиримыя противорѣчія. Первыми отдѣлились соціалисты, только скрѣпя сердце соединившіеся было съ либералами, за ними послѣдовали рабочіе, убѣдившись, что до нихъ никому нѣтъ дѣла въ партіи Джорджа, ушли, наконецъ, и ремесленники, предоставивъ торговцамъ и буржуа входить въ соглашеніе съ духовенствомъ. Ближайшіе выборы показали полное безсиліе всѣми покинутыхъ либераловъ. Генри Джорджъ получилъ самое ничтожное число голосовъ и больше ужъ не выступалъ на политическомъ поприщѣ. По поводу его блестящей, но кратко-

временной карьеры говорили, шутя, что онъ взлетѣлъ подобно ракетѣ, но палъ, какъ обожженная палка...

Въ образѣ мыслей соціалистовъ произошелъ какъ разъ около этого времени рѣшительный переворотъ, опредѣлившій и все ихъ послѣдующее поведеніе. Избирательныя побѣды въ нѣкоторыхъ городахъ и то вліяніе, которое онѣ имѣли на успѣхъ либераловъ, должны были бы, казалось, убѣдить соціалистовъ въ ихъ силѣ, въ дѣйствительности же произошло какъ разъ обратное. Они поняли, что *прочнаго и сколько нибудь значительнаго воздѣйствія на внутреннее управленіе и внѣшнюю политику страны ихъ партіи никогда не удастся достигнуть.* Соціалистическія газеты расходятся въ громадномъ количествѣ, о соціализмѣ говорятъ и спорятъ повсюду, а все же власть въ государствѣ продолжаетъ оставаться въ прежнихъ рукахъ и все идетъ по-старому. И тутъ ужъ ничего нельзя сдѣлать. Бороться пришлось бы не съ отдѣльными партіями, а со всею системою выборовъ, покоющеюся на равнодушіи гражданъ къ своимъ политическимъ правамъ, на взяточничествѣ и подкупахъ. Такой системѣ въ настоящее время еще и не видно конца: вѣдь до тѣхъ поръ, пока будутъ денежные тузы и политиканы, служащіе золотому тельцу, до тѣхъ поръ къ ихъ услугамъ будетъ и продажная масса выборщиковъ, безпринципная чернь, которая станетъ всегда въ угоду своимъ патронамъ задерживать теченіе государственной жизни въ одномъ и томъ же руслѣ. Въ Америкѣ зло это, продажность на выборахъ, вкоренилось особенно сильно [1]); здѣсь даже перестали возмущаться систематической фальсификаціей народной воли, фальсификаціей, которая можетъ прекратиться только тогда, когда народъ перестанетъ быть одной численной силой и сдѣлается силой экономической и соціальной. При настоящихъ же условіяхъ торжествовать на выборахъ всегда будетъ тѣ, у кого туже карманы. Къ такому заключенію соціалисты пришли путемъ долгаго опыта, путемъ побѣдъ и пораженій, путемъ независимой политики и разнообразныхъ компромиссовъ. А придя къ этому выводу, имъ не оставалось ничего больше, какъ совершенно отказаться отъ всякаго участія въ политическихъ выборахъ. Громаднымъ большинствомъ соціалистовъ такое рѣшеніе и было дѣйствительно принято. Лассаліанцы остались, конечно, при

[1]) См. сочиненіе Брайса: «Американская республика», пер. Невѣдомскаго, изд. Солдатенкова, Москва, 1889—90, т. II.

своемъ старомъ мнѣніи, но они теперь представляли собою только незначительную группу, неспособную оказать сколько нибудь замѣтнаго вліянія на дальнѣйшую судьбу соціализма. Всѣми остальными соціалистами отказъ отъ участія въ выборахъ былъ принятъ единодушно. Съ этихъ поръ (начало 1890 г.) можно считать, не погрѣшая противъ истины, что соціалистическая партія, какъ таковая, перестала быть въ Америкѣ партіей политической. Она, правда, не распалась, но ея вліяніе направилось теперь совсѣмъ въ иную сторону, а ея политика перестала быть политикой выборовъ.

Рабочее движеніе въ Америкѣ никогда не сливалось съ движеніемъ соціалистическимъ, хотя у того и другого было не мало точекъ соприкосновенія. Въ то время, какъ соціалисты занимались теоретической агитаціей и политической борьбой, рабочіе старались усилить свои профессіональныя организаціи. Судьбы соціалистической партіи и только что описанныя событія не измѣнили въ этомъ отношеніи политики американскихъ рабочихъ. Скажемъ-же въ заключеніе нѣсколько словъ объ ихъ союзахъ.

Общее число всѣхъ организованныхъ рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ исчислялось въ 1889 г. въ 1.300,000 человѣкъ, что составляетъ приблизительно пятую часть всѣхъ занятыхъ въ промышленности, ремеслахъ, горнозаводскомъ и транспортномъ дѣлѣ рабочихъ. Такое отношеніе числа организованныхъ рабочихъ къ числу неорганизованныхъ не можетъ быть признано очень значительнымъ въ странѣ, гдѣ свобода ассоціацій никогда не стѣснялась и гдѣ участіе въ разнаго рода обществахъ вполнѣ обычно. Важнымъ препятствіемъ для развитія рабочихъ союзовъ въ Соед. Штатахъ былъ разнородный составъ американскаго рабочаго населенія. Національныя антипатіи и различія въ языкѣ всегда стояли на дорогѣ къ объединенію. Отмѣтимъ, со словъ Вальтерсхаузена, и другое, весьма неблагопріятное условіе: «Ремесленнымъ обществамъ, основаннымъ на общности профессіи, немало повредили быстрые успѣхи промышленной техники, въ особенности же все увеличивающееся раздѣленіе труда и постоянная, благодаря этому, иногда весьма быстрая, замѣна обученныхъ рабочихъ необученными, причемъ ремесленныя общества, несмотря на то, что они объединяли почти всѣхъ рабочихъ данной профессіи, оказывались постоянно лицомъ къ лицу съ новыми, совершенно неожиданными конку-

рентами. Поэтому-то въ послѣдніе 10 лѣтъ замѣчается сильное стремленіе объединить всѣхъ необученныхъ рабочихъ въ одну широкую организацію, что однако же и до сихъ поръ не приведено въ исполненіе».

Нельзя не имѣть въ виду и того обстоятельства, что приведенная выше цифра членовъ всѣхъ рабочихъ союзовъ имѣетъ лишь условное значеніе. Непостоянство численнаго состава союзовъ, замѣчаемое и въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, въ Америкѣ настолько велико, что оно препятствуетъ точному опредѣленію количества организованныхъ рабочихъ. Явленіе это,—постоянный приливъ и отливъ членовъ, не могло не наложить своей печати и на самые союзы. Американскіе рабочіе союзы гораздо рѣже европейскихъ основываютъ сберегательныя кассы или кассы помощи для престарѣлыхъ и увѣчныхъ. За-то ихъ неизбѣжнымъ спутникомъ является касса на случай стачекъ. Въ общемъ рабочіе союзы въ Соед. Штатахъ очень близки къ разсмотрѣннымъ нами выше бельгійскимъ «обществамъ сопротивленія». Хотя въ своихъ уставахъ союзы предписываютъ въ случаѣ возникающихъ недоразумѣній исключительно мирное соглашеніе съ хозяевами, тѣмъ не менѣе отчасти въ силу своей боевой организаціи, отчасти въ силу непопулярности среди американскаго рабочаго населенія третейскихъ судовъ и примирительныхъ камеръ,—ихъ обычная тактика въ такихъ случаяхъ сводится къ стачкамъ и бойкоту [1]).

Одну изъ наиболѣе могущественныхъ рабочихъ организацій въ Соед. Штатахъ представляетъ собою—«American Federation of labor», («Американская федерація труда»), основанная въ 1881 г. и насчитывающая теперь болѣе полумилліона членовъ.

---

[1]) Стачки въ Соед. Штатахъ особенно часты, особенно успѣшны, но въ то же время и особенно *дороги* для обѣихъ сторонъ. Развитіе стачекъ въ 80-хъ гг. можно прослѣдить по слѣд. таблицѣ.

Года.	Число стачекъ.	Число заведеній.	На 1 стачку заведеній.	Число стачечниковъ.
1881	471	2928	6,2	129521
1882	454	2105	4,6	154671
1883	478	2759	5,8	149763
1884	443	2367	5,3	147054
1885	645	2284	3,5	242705
1886	1411	9861	7,0	499489

За тотъ же періодъ времени успѣшныхъ стачекъ, считая по заведеніямъ, было 46,52%, съ частичнымъ успѣхомъ—13,47%, въ остальныхъ случаяхъ (39,95%), стачки окончились неудачею для рабочихъ. Стоили эти стачки всѣмъ участвовавшимъ въ нихъ рабочимъ: 51,814,723 долл. (т. е. по 39, 91 д. каждому), потери предпринимателей исчисляются 30,701,553 доллара. См. ст. „Arbeitseinstellungne“ (Amerika) въ Handworterbuch, I.

Она объединяетъ профессіональные союзы рабочихъ и имѣетъ всѣ шансы на повсемѣстное распространеніе и важную роль въ будущемъ. «Послѣ событій послѣднихъ годовъ, говоритъ о ней С. ф. Вальтерсхаузенъ, она не хочетъ и слышать о занятіяхъ политикой и ожидаетъ дальнѣйшаго прогресса только отъ соціальной взаимопомощи наемныхъ рабочихъ. Поэтому она совершенно чужда соціалъ-демократической тактики, хотя въ то же время находится подъ сильнымъ вліяніемъ (entschieden beeinflusst) основныхъ началъ нѣмецкаго экономическаго ученія. Главная и ближайшая цѣль Федераціи—путемъ постояннаго давленія на капиталистовъ добиться повсемѣстнаго введенія восьмичасового рабочаго дня».

Нѣсколько иной, болѣе широкій характеръ имѣютъ—«Central Labor Unions», «Центральные рабочіе союзы», объединяющіе организованныхъ рабочихъ различныхъ городовъ. Ихъ цѣль—улучшеніе участи рабочихъ во всякихъ направленіяхъ; средства для этого разнообразны, смотря по мѣстностямъ и профессіональнымъ условіямъ; такъ же разнообразенъ и составъ членовъ «союзовъ»; нѣмецкіе ферейны здѣсь подаютъ руку американскимъ трэдсъ-юніонсамъ. Вліяніе соціальныхъ идей на такіе союзы очень значительно, хотя и неравномѣрно: нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ только критическую сторону нѣмецкаго экономическаго ученія, другіе раздѣляютъ его цѣликомъ. Нѣкоторые, кромѣ того, не отказались вполнѣ и отъ политической агитаціи.

Третьимъ видомъ рабочей организаціи является «Орденъ рыцарей труда». Онъ тоже очень обширенъ: по свѣдѣніямъ Эвелинга [1]), его составляетъ теперь уже около милліона членовъ; въ значительной степени это рабочіе, не имѣющіе опредѣленнаго ремесла, но по мѣрѣ надобности переходящіе къ любой профессіи. По требованію устава $^3/_4$ членовъ каждаго изъ «мѣстныхъ союзовъ» должны быть поденщиками (весь «орденъ» дѣлится на «мѣстные» и «окружные» союзы). Отличительное свойство «ордена» — крайній демократизмъ. Рыцари труда —это антиаристократы, санкюлоты, противники всякой политики, въ громадномъ большинствѣ—націоналисты. Соціалъ-демократовъ они до того не долюбливаютъ, что одно время хотѣли имъ воспрепятствовать доступъ въ

[1]) The labour movement 136.

свой «орденъ». Но соціальныя идеи и среди нихъ имѣютъ многихъ приверженцевъ. На ряду съ сознательными сторонниками этихъ идей между ними есть не мало и безсознательныхъ, которымъ идеалъ всемогущаго государства, единственнаго собственника и производителя, не кажется особенно симпатичнымъ, но которые—по словамъ Вальтерсхаузена—охотно подпишутся подъ всѣмъ ученіемъ Маркса о прибавочной стоимости, капиталистическомъ производствѣ, промышленный эволюціи и пр. Программа рыцарей труда обширна и разнообразна, какъ обширенъ и разнообразенъ по своему составу самый ихъ орденъ. Важнѣйшіе ея пункты касаются учрежденія общаго статистическаго бюро труда, изданія ограждающихъ жизнь и здоровье рабочихъ законовъ, возвышенія заработной платы, запрещенія дѣтямъ до 15 лѣтъ всякой работы на фабрикахъ и рудникахъ, сокращенія рабочаго времени, уравненія заработной платы, получаемой женщинами и мужчинами, устраненія съ рынка тюремныхъ произведеній, національзаціи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ, открытія почтовыхъ сберегательныхъ кассъ, введенія подоходнаго налога, сохраненія общественой земли для дѣйствительно ее обработывающихъ и проч., и проч. [1]).

Какъ видно изъ всего предъидущаго, нѣмецкое экономическое ученіе, столь неудачно прививавшееся вначалѣ, теперь является постояннымъ спутникомъ американскихъ рабочихъ союзовъ; сознательно или безсознательно, но оно лежитъ въ основѣ міросозерцанія значительной части американскихъ рабочихъ. Общность экономическихъ условій, въ которыхъ находятся разныя страны, сама собой приводитъ такимъ образомъ и къ общности идей, распространенныхъ въ отдѣльныхъ группахъ населенія.

---

[1]) Особо слѣдуетъ отмѣтить п. 18 гласящій: „To establish cooperative institutions, such as will tend to supersede the wage system, by the introduction of an industrial cooperative system“.

Д. И. Писаревъ, какъ экономистъ.

„Въ наше время было бы странно думать, что духъ не зависитъ отъ матеріи.“ *Молешотъ.*
„Сѣйте хлѣбъ, а васильки будутъ.“ *А. Михайловъ.*

(Цитаты Писарева).

Если бы въ одномъ изъ иностранныхъ журналовъ появилась статья вродѣ нашей на тему «Брюнетьеръ, какъ соціологъ» или «Брандесъ, какъ экономистъ», всѣмъ показалось бы это неумѣстною шуткой—не больше. Читателямъ доподлинно извѣстно, что Брандесъ и Брюнетьеръ не что иное, какъ критики, и никому, вѣроятно, на западѣ и въ голову не придетъ искать въ сочиненіяхъ одного—какого-нибудь экономическаго profession de foi, а у другого—соціологическихъ обобщеній.

Иное дѣло въ Россіи. Отъ критика у насъ требуютъ энциклопедическихъ знаній. Въ его сочиненіяхъ читатели ищутъ отвѣтовъ на всевозможные экономическіе, общественные и нравственные вопросы. Самою критикой такія требованія не признаются вовсе неумѣстными, а напротивъ, по мѣрѣ возможности, удовлетворяются. По крайней мѣрѣ такъ всегда было до самаго послѣдняго времени; Бѣлинскій толковалъ о философіи, Добролюбовъ пишетъ статью объ Оуэнѣ, Чернышевскій и Михайловскій только на-половину критики, первый—гораздо болѣе экономистъ, второй—философъ и соціологъ. Смѣшанный, разнородный характеръ нашей критики нашелъ себѣ продолже-

ніе и въ беллетристикѣ. Типъ беллетриста-публициста и публициста-поэта, къ которому у насъ въ большей или меньшей степени склоняются всѣ самые видные представители такъ наз. изящной литературы (Достоевскій, Толстой, Гл. Успенскій, Салтыковъ, Некрасовъ, Плещеевъ, Жемчужниковъ), составляетъ положительно нашу особенность, не имѣющую ничего параллельнаго на западѣ.

Если бы мы стали искать объясненія этой энциклопедичности нашей литературы, намъ слѣдовало бы обратиться прежде всего къ русской дѣйствительности. Та жизнь, участницей и выразительницей которой является наша литература, отличается сама точно такимъ же отсутствіемъ столь свойственнаго западу крайняго раздѣленія труда и далеко проведенной дифференціаціи общества, а, выражаясь математическимъ языкомъ, чего нѣтъ въ цѣломъ, того не можетъ быть и въ частяхъ. Подобно тому, какъ патріархальная крестьянская семья, не прибѣгая къ услугамъ техниковъ и фабрикантовъ, сама себя и кормитъ, и обуваетъ, и одѣваетъ, такъ точно и наша критика до сего времени не отсылала своихъ читателей къ спеціалистамъ, но сама своими силами управлялась со всѣми вопросами науки, нравственности и политики. И дѣлалось это вовсе не безсознательно, но возводилось въ принципъ и аргументировалось потребностями русскаго общества. «Въ 1859 г., говоритъ Писаревъ о критикѣ того времени [1]), еще надо было доказывать, что русскимъ крестьянамъ необходима земля; надо было отстаивать крестьянскую общину противъ инсинуацій московскихъ англомановъ; надо было воспитывать въ русскихъ читателяхъ уваженіе къ человѣческой личности, надо было обучать русское общество азбукѣ политической и даже семейной нравственности; надо было анализировать самодурство во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ; надо было, наконецъ, объяснить самой литературѣ, что, забавляя и усыпляя общество сладкими звуками, пестрыми картинами и самодовольными взглядами на собственныя прелести, она, литература, самымъ позорнымъ образомъ измѣняетъ своему высокому назначенію. Работы было много, работа не терпѣла отлагательства, а лучшіе люди были на перечетъ, такъ что имъ невозможно было обнять и оцѣнить всѣ тѣ литературныя явленія, которыя стоили серьезной оцѣнки и

1) Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6 томахъ. Изд. Ф. Ф. Павленкова 1894 г. Т. VI, статья „Образованная толпа,“ стр. 239.

*

которыя останавливали на себѣ вниманіе читателей... Писатели выбирали обыкновенно только то, что давало имъ поводъ развить въ печати самыя задушевныя свои убѣжденія, и подѣлиться съ читателями самыми своевременными совѣтами». Такою же, если еще не большею пестротой, такимъ же совмѣщеніемъ вопросовъ самыхъ разнородныхъ и такимъ же общимъ публицистическимъ характеромъ отличалась и критика Д. И. Писарева.

Если изъ всей совокупности тѣхъ идей, которыя Писаревъ проводилъ въ своихъ историческихъ, критическихъ и естественно-научныхъ статьяхъ, мы находимъ возможнымъ извлечь здѣсь исключительно его экономическіе взгляды, то дѣлаемъ мы это не только по причинѣ нашего личнаго влеченія къ экономикѣ, но и по двумъ слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, поступая такимъ образомъ, мы слѣдуемъ только примѣру гг. Каблукова и Исаева, разсматривавшихъ экономич. мотивы въ сочиненіяхъ Салтыкова, Тургенева и Григоровича [1]), и вносимъ свою лепту въ тотъ матерьялъ, которымъ, быть можетъ, воспользуется будущій историкъ русской экономической мысли, а во-вторыхъ, мы считаемъ и надѣемся это сейчасъ доказать, что въ общемъ міровоззрѣніи Писарева его экономическіе взгляды занимали одно изъ первыхъ мѣстъ.

Конечно, нужно тотчасъ оговориться, что полнаго и разработаннаго политико-экономическаго ученія мы не находимъ у Писарева; его экономическіе взгляды разбросаны по многимъ и преимущественно историческаго свойства статьямъ. Но не то же ли самое можно сказать и объ его эстетическомъ міровоззрѣніи, а между тѣмъ едва ли кто станетъ оспаривать вполнѣ опредѣленный характеръ этого послѣдняго? Впрочемъ, нельзя сказать, что Писаревъ не сдѣлалъ никакихъ попытокъ дать болѣе или менѣе цѣльное и стройное изложеніе своихъ экономическихъ идей. Такими попытками можно считать, напр., его «Очерки по исторіи труда» (въ новомъ изданіи они фигурируютъ подъ названіемъ «Зарожденіе культуры»), его аллегорическую притчу о пчелахъ и статью «Французскій крестьянинъ 1789 г.». Но важно не то, въ какой формѣ и гдѣ высказывались Писаревымъ его экономическія идеи; важнѣе опредѣлить

---

[1]) Ст. г. *Каблукова* „Экономическіе и юридическіе мотивы въ сочиненіяхъ Салтыкова,“ „Рус. Бог,“ 1892 г., № 10. Ст. г. *Исаева* „Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли“. Сборникъ „Въ пользу голодающихъ“ (изд. „Русской Мысли“).

то мѣсто, которое онѣ занимали среди другихъ его взглядовъ. Въ любопытной вступительной статьѣ г. Е. Соловьева, предпосланной 6-му тому послѣдняго изданія сочиненій Писарева, указывается, что его эстетическіе и историческіе взгляды находятся въ тѣсной связи съ экономическими. Что касается историческихъ статей, то здѣсь, по мнѣнію г. Соловьева (стр. XXXVI), Писаревъ «выказалъ основательное знакомство съ политической экономіей... Писаревъ разбираетъ теоріи Мальтуса, Рикардо, Милля, опираясь на положеніе, мало популярное въ его время (??), что единственнымъ факторомъ въ образованіи цѣнностей является человѣческій трудъ».

Свидѣтельство самого Писарева для насъ важнѣе мнѣнія его біографа и въ этомъ отношеніи ничего лучшаго не оставляетъ желать вообще весьма замѣчательная статья «Посмотримъ». Вотъ, какъ Писаревъ формулируетъ здѣсь обязанности людей, которые «берутся быть руководителями общественнаго самосознанія» [1]). Если рѣшеніе общественныхъ вопросовъ еще не найдено,—«всѣми силами искать теоретическаго рѣшенія и всѣми силами побуждать другихъ людей къ тому же самому исканію, то-есть изображать яркими красками страданія голоднаго большинства, вдумываться въ причины этихъ страданій, постоянно обращать вниманіе общества на экономическіе и общественные вопросы и систематически отрицать и осмѣивать все, что отвлекаетъ умственныя силы образованныхъ людей отъ главной задачи». Если рѣшеніе уже отыскано,—«постоянно разъяснять обществу съ разныхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ основныя начала разумной экономической и общественной доктрины, знакомить его такимъ образомъ съ найденнымъ теоретическимъ рѣшеніемъ и при этомъ всѣми средствами усиливать притокъ новыхъ людей изъ низшихъ классовъ въ образованное общество; другими словами, надо вербовать агентовъ найденнаго разумнаго ученія и надо увеличивать массу мыслящаго пролетаріата». И нѣсколько далѣе слѣдующая характеристика *истиннаго публициста*, достойнаго этого имени: «для публициста, имѣющаго въ виду интересы большинства, возможенъ въ настоящее время только одинъ вопросъ, поглощающій всѣ остальные: какъ накормить голодныхъ людей, какъ обезпечить всѣхъ вообще»? Критикъ, который самъ такъ формули-

---

[1]) Т. V, стр. 202—204.

руетъ свои задачи, можетъ быть не безъ основанія названъ критикомъ-экономистомъ. Приведенныя слова служатъ самымъ лучшимъ оправданіемъ всей нашей статьи; другихъ оправданій не требуется.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какую цѣль мы ставимъ себѣ въ нашемъ этюдѣ и почему за него взялись именно въ настоящее время. Ближайшая цѣль наша — самая скромная: сгруппировать и систематизировать взгляды Писарева на разные экономическіе вопросы, какъ теоретическаго, такъ и практическаго свойства, ограничиваясь при этомъ съ своей стороны только немногими критическими замѣчаніями; такимъ путемъ разсчитываемъ мы достигнуть и другой, болѣе отдаленной цѣли—дать историческую справку по одному изъ наиболѣе интересующихъ теперь русское общество и русскую журналистику вопросовъ — объ экономическомъ матеріализмѣ въ Россіи. Задались мы этими цѣлями теперь, по случаю появленія новаго, до извѣстной степени полнаго собранія сочиненій Писарева [1]), потому что въ настоящее время, когда читающей публикѣ станутъ доступны его сочиненія, успѣвшія сдѣлаться библіографической рѣдкостью, кажется намъ особенно важнымъ установить болѣе правильный взглядъ на общественное значеніе и литературную физіономію Писарева. По справедливому замѣчанію его біографа (вступительная статья къ VI-му тому, стр. X) «представители генералитета и главный штабъ литературы относятся къ Писареву нѣсколько свысока». Намъ кажется, что это происходитъ отчасти оттого, что въ Писаревѣ видятъ съ одной стороны только литературнаго критика, съ другой — крайняго «личника» въ общественныхъ вопросахъ. Поколебать эти два односторонніе взгляда и выдвинуть на первый планъ общественную сторону литературной дѣятельности Писарева—значило бы по нашему мнѣнію не только выказать справедливость къ покойнику, но и вписать лишнюю страницу въ исторію нашей общественности...

I.

Если мы скажемъ, что Писаревъ былъ убѣжденнымъ матеріалистомъ, мы этимъ, конечно, нисколько не удивимъ читателя и не выразимъ ничего, кромѣ самаго распространеннаго мнѣнія.

---

[1]) Писано осенью 1894 г.

Но мало сказать «матеріалистъ», надо показать характеръ этого матеріализма и указать тѣ предѣлы, въ которыхъ онъ примѣнялся къ толкованію жизни. Поэтому мы скажемъ, что Писаревъ распространялъ свое матеріалистическое пониманіе какъ на политику, такъ и на нравственность, какъ на исторію, такъ и на всѣ другія общественныя науки, и что матеріализмъ его выражался въ преимущественномъ вниманіи къ матеріальнымъ условіямъ жизни людей, въ отрицаніи созидающей роли личности въ исторіи, въ признаніи разумно-понятаго эгоизма самымъ общественнымъ чувствомъ и во взглядѣ на счастье и на прогрессъ, какъ на возможно болѣе полное удовлетвореніе естественной, свойственной всякому человѣку потребности къ *наслажденію*. Разсмотримъ подробнѣе всѣ эти характерныя черты писаревскаго матеріализма.

Значеніе *питанія* въ личной и въ общественной жизни людей выяснено Писаревымъ съ большою полнотой. Ограничимся немногими примѣрами. «Можно высказать смѣлое предположеніе, говоритъ онъ въ статьѣ «Физіологическіе эскизы Молешота» [1]), что разнообразіе пищи, ведущее за собою разнообразіе составныхъ частей крови, служитъ основаніемъ разносторонности ума и гармоническаго равновѣсія между разнородными силами и стремленіями характера». Въ «Пчелахъ» [2]) Писаревъ намъ разсказываетъ, что эти насѣкомыя «понимаютъ всю важность матеріальныхъ условій», поэтому, воспитывая королеву, они даютъ ей отборную пищу и просторное помѣщеніе,— это содѣйствуетъ выработкѣ властолюбивыхъ стремленій и склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ; въ то же время рабочія пчелы довольствуются худшимъ сортомъ пищи. Покуда послѣдней хватаетъ, въ ульѣ сохраняется миръ, но съ наступленіемъ дождливой осени и съ истощеніемъ запасовъ миръ начинаетъ нарушаться возстаніемъ пролетаріевъ и расправами трутней. Значеніе питанія обнаруживается повсюду: «крестьянскій хлѣбъ (въ эпоху революціи) относился къ цивилизованному хлѣбу такъ, какъ крестьянское patois относилось къ языку Вольтера и Руссо [3]); въ этотъ такъ называемый хлѣбъ входили и отруби, и

---

[1]) Т. I, стр. 289.
[2]) Т. II, стр. 325—326.
[3]) Любопытно, что случайная аналогія Писарева между хлѣбомъ и языкомъ подтверждается теперь новѣйшими изслѣдованіями французскаго языка, переживавшаго, какъ оказывается, всѣ свои превращенія въ пол-

мякина, и каштаны, и жолуди, и, въ случаѣ надобности, древесная кора. Кто набиваетъ себѣ желудокъ такимъ хлѣбомъ, у того нѣтъ ни охоты, ни матеріальной возможности думать объ украшеніи ума» [1]). Умственный прогрессъ такимъ образомъ находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ матеріальнаго. «Досугъ и матеріальное довольство порождаютъ цивилизацію, говоритъ Писаревъ въ своей статьѣ «Схоластика XIX вѣка» [2]); упрочьте экономическій бытъ, обезпечьте матеріальную сторону и народъ скорѣе, чѣмъ вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудокъ какъ-то плохо дѣйствуетъ книжное ученіе». Эта мысль была Писареву повидимому очень дорога, потому что онъ ее повторяетъ неоднократно въ различныхъ формахъ.

Какъ умственный уровень, котораго достигаетъ отдѣльный человѣкъ предполагаетъ благопріятныя условія матеріальнаго свойства, такъ точно и его *нравственныя понятія* зависятъ отъ его матеріальнаго положенія. Взгляды О. Конта на нравственность, по мнѣнію Писарева, ошибочны: «основная причина его ошибокъ заключается въ той совершенно несостоятельной мысли, что нравственность можетъ развиваться и совершенствоваться сама собой, совершенно независимо отъ успѣховъ знанія и отъ различныхъ улучшеній въ экономической жизни общества» [3]). «Самой обыкновенной причиной воровства, грабежа и разбоя является бѣдность» [4]). Часто бываетъ, что люди сами по себѣ не порочные, портятся, попадая случайно въ тюрьму. «Острогъ ужасенъ не тѣмъ, что въ немъ живутъ ужасные люди, а тѣмъ, что эти люди, совсѣмъ не ужасные, терпятъ въ немъ значительныя лишенія и стѣсненія, которыя притупляютъ ихъ умъ и портятъ ихъ характеръ» [5]). Ничѣмъ инымъ, какъ тою же неудовлетворительностью матеріальныхъ условій, объясняется и существованіе проституціи. «Чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣляются богатства, читаемъ мы въ статьѣ объ историческихъ идеяхъ Конта [6]), тѣмъ сильнѣе свирѣпствуетъ раз-

---

номъ соотвѣтствіи съ перемѣнами экономич. условій. См. объ этомъ любопытную статью *Лафарга* въ первыхъ №№ „Ere Nouvelle“ за 1894 г.

[1]) Т. III, стр. 126.

[2]) Т. I, стр. 393.

[3]) Т. V, стр. 409.

[4]) Т. VI, стр. 287, см. также т. III, стр. 297.

[5]) Т. V, стр. 312; въ той же статьѣ „Погибшіе и погибающіе“, гдѣ мы находимъ это мѣсто,—см. и соотвѣтственные примѣры.

[6]) Т. V, стр. 405;

вратъ... Меньшинство выдвигаетъ купцовъ, а большинство поставляетъ товаръ».

«Сытый голоднаго не разумѣетъ»; эта пословица,—говоритъ Писаревъ [1]),—объясняетъ намъ многое: большую часть общественныхъ непорядковъ, ангагонизмъ классовъ и многія проявленія индивидуальнаго недовольства. Одинаковыя явленія дѣйствительной жизни производятъ различныя впечатлѣнія на сытаго и на голоднаго; образованіе характеровъ всецѣло обусловлено матеріальною обстановкой. Поднявшись на время отъ собственно матеріальныхъ къ общимъ экономическимъ условіямъ, мы можемъ увидѣть, что ими Писаревъ объяснялъ даже отдѣльные поступки отдѣльныхъ людей.

Со свойственною ему наклонностью иллюстрировать свои мысли примѣрами, взятыми изъ романовъ, онъ взглянулъ съ этой точки зрѣнія на одну, описанную въ романѣ Лео, сцену, гдѣ французскій рабочій оскорбляетъ чиновника и, тѣмъ не менѣе, послѣдній не только не отвѣчаетъ на оскорбленіе оскорбленіемъ, а напротивъ, старается всячески замять непріятный для него инцидентъ. Непосредственность въ проявленіи чувствъ работника и сдержанность чиновника объясняются, по мнѣнію Писарева [2]), различіемъ въ ихъ экономическомъ положеніи. Чѣмъ рискуетъ одинъ? мѣстомъ работника, но оно не блестяще, а главное, всякій другой наниматель дастъ ему ту же цѣну, потому что его трудъ оплачивается сообразно его дѣйствительной стоимости. Другое дѣло французскій чиновникъ—«онъ получаетъ больше своей рыночной цѣны», ему приходится поэтому всѣми правдами и неправдами держаться за свое мѣсто, вознаграждающее его не по заслугамъ.

Вообще надо замѣтить, что человѣкъ въ своей жизни руководствуется во-первыхъ, чувствомъ самосохраненія, а во-вторыхъ — стремленіемъ улучшить данное свое матеріальное положеніе и добыть большую сумму матеріальныхъ благъ. «Чувство самосохраненія составляетъ первую причину всякаго человѣческаго прогресса; это чувство, и только оно одно, заставляетъ дикаря переходить отъ охоты къ скотоводству и земледѣлію, оно кладетъ основаніе всѣмъ техническимъ изобрѣтеніямъ, всякому комфорту, всѣмъ промысламъ, наукамъ и искусствамъ». Любовь къ изящному и умственная пытливость—

[1]) Т. I, стр. 304.
[2]) Т. IV, стр. 356.

это только утонченное проявленіе того же чувства самосохраненія [1]). Дальнѣйшій импульсъ къ человѣческой дѣятельности даетъ стремленіе человѣка къ лучшимъ матеріальнымъ условіямъ. «Этотъ основной принципъ,—говоритъ Писаревъ,—не измѣняется нигдѣ и никогда». И альтруизмъ, и филантропія—вещи сами по себѣ очень почтенныя, но до сихъ поръ ими сдѣлано весьма мало для облегченія участи людей обездоленныхъ. «Къ сожалѣнію, бѣдные классы общества ждутъ безуспѣшно почти двѣ тысячи лѣтъ, чтобы въ ихъ богатыхъ соотечественникахъ пробудилось эксцентрическое желаніе снимать съ себя въ пользу ближняго послѣднюю рубашку. Желаніе это не пробуждается, и люди до сихъ поръ постоянно производятъ сниманіе рубашекъ—не надъ собой, а надъ своими безсильными и неопытными ближними, которые, на юмористическомъ языкѣ филантроповъ, называются младшими братьями». Въ виду такихъ фактовъ нашлись, наконецъ, люди, сообразившіе, что «если бѣднымъ классамъ общества надо будетъ для улучшенія своей участи ожидать терпѣливо, пока старшіе братья украсятся добродѣтелями,—то дѣло этихъ бѣдныхъ классовъ всего лучше будетъ теперь же сдать въ архивъ съ полной увѣренностью, что оно рѣшится послѣ дождика въ четвергъ». Они поняли, «что принципъ выгоды въ настоящее время даетъ неудовлетворительные результаты только потому, что *онъ недостаточно обобщенъ*... Если *каждый* будетъ постоянно стремиться къ своей свобственной выгодѣ и если *каждый* будетъ правильно понимать свою выгоду, то, конечно, никто не будетъ снимать рубашку съ самого себя, но за-то это добродѣтельное сниманіе окажется излишнимъ, потому что каждый будетъ отстаивать твердо и искусно собственную рубашку и вслѣдствіе этого каждая рубашка будетъ согрѣвать именно то тѣло, которое ее выработало» [2]).

Такъ Писаревъ оправдываетъ эгоизмъ, который онъ считаетъ наиболѣе «*общественнымъ*» чувствомъ. Человѣкъ отъ природы, по его мнѣнію, существо очень доброе, поставьте его въ благопріятныя условія, не портите его фальшивымъ воспитаніемъ,—и онъ будетъ «помогать ближнимъ въ бѣдѣ *ради собственнаго удовольствія*, а не изъ сознанія долга, т. е. по

---

[1]) Т. III, стр. 298.
[2]) Т. V, стр. 394 и 409.

доброй волѣ, а не по нравственному принужденію» [1]) Въ этомъ взглядѣ на эгоизмъ, какъ на единственный двигатель въ жизни и при этомъ такой, который всего скорѣе приводитъ къ достиженію общаго блага, не было даже во времена Писарева ничего новаго и оригинальнаго. Англійскіе экономисты и философы школы Бентама придерживались точно такого же взгляда; люди, не соглашавшіеся съ ними возражали, конечно, противъ ихъ теоріи разумно понятаго эгоизма, но едва ли кому изъ англійскихъ утилитаристовъ предъявлялись такія странныя возраженія или, вѣрнѣе, едва ли кого забрасывали такимъ градомъ насмѣшекъ и обвиненій, который посыпался на Писарева за его статью «Реалисты», развивавшую изложенный взглядъ съ особой послѣдовательностью. Еще удивительнѣе, что часть этихъ, совершенно неосновательныхъ, обвиненій пережила тотъ пылъ полемики, который ихъ породилъ, и что они до сихъ поръ могутъ фигурировать среди разнообразныхъ «провинностей» Писарева. Такъ, напр., г. Скабичевскій и теперь полагаетъ, что Писаревъ былъ *сенсуалистомъ*, для котораго «на первомъ планѣ стоитъ стремленіе къ наслажденію, къ тому, чтобъ провести жизнь какъ можно пріятнѣе..., отдавшись своимъ страстямъ и похотямъ». А сенсуализмъ этотъ вообще былъ тогда свойственъ людямъ, «воспитавшимся на почвѣ крѣпостного права, съ молокомъ матери воспринявшимъ наклонность къ легкимъ и свободнымъ нравамъ и привыкшимъ ни въ чемъ себѣ не отказывать» [2]). Такимъ образомъ, философія Писарева оказывается ничѣмъ инымъ, какъ апологіей крѣпостничества! И это не единственный примѣръ того удивительнаго непониманія, съ которымъ говорятъ о Писаревѣ современные критики...

Если въ поступкахъ отдѣльнаго человѣка разсчеты матеріальнаго свойства играютъ въ концѣ концовъ рѣшающую роль, то и во всей исторіи, конечно, нельзя не замѣтить вліянія этого фактора. Мы уже привели слова Писарева, что «чувство самосохраненія составляетъ первую причину всякаго прогресса»; но опять же на ряду съ этимъ чувствомъ и въ дополненіе къ нему въ исторіи, какъ и въ индивидуальной дѣятельности, активнымъ факторомъ является еще стремленіе людей къ улучшенію даннаго ихъ матеріальнаго положенія.

---

[1]) Т. I, стр. 358.
[2]) Исторія новѣйшей русской литературы, стр. 88, 109—110.

Всей исторіи такимъ образомъ Писаревъ даетъ матеріалистическое толкованіе, видя въ ней одну постоянную борьбу человѣка съ природой и съ окружающими людьми, для доставленія себѣ предметовъ первой необходимости, комфорта и наслажденій (см. начало статьи «Зарожденіе культуры»).

Такое общее пониманіе всей исторіи сказывается у Писарева и въ его толкованіяхъ отдѣльныхъ историческихъ явленій. Рабство, напр., на которомъ построена вся экономическая жизнь древнихъ обществъ, по его мнѣнію, обязано своимъ происхожденіемъ разсчету побѣдителей, лишившихъ себя «мимолетнаго гастрономического наслажденія» ради тѣхъ прочныхъ выгодъ, которыя можетъ дать утилизація рабскаго труда. «Можно сказать безъ преувеличенія,—замѣчаетъ по этому поводу Писаревъ[1]),—что рабство спасло нашу породу отъ истребленія и что лѣнь, корыстолюбіе и властолюбіе побѣдителей очень долго были единственнымъ возможнымъ двигателемъ экономическаго и даже нравственнаго совершенства. Клинъ надо выбивать клиномъ; кровожадность людоѣда можно было вытѣснить своекорыстными инстинктами рабовладѣльца». А такъ какъ рабство было выгодно господствовавшему въ государствѣ классу, то противъ него не нашлось возраженій и со стороны нравственныхъ доктринъ, «храненіе и комментированіе которыхъ находилось въ рукахъ того же господствующаго класса». Дальнѣйшая эволюція рабства объясняется опять же экономическими причинами. Съ прекращеніемъ завоевательныхъ войнъ римлянъ, притокъ новыхъ рабовъ долженъ былъ сократиться; между тѣмъ, привычка пользоваться рабскимъ трудомъ уже успѣла настолько вкорениться, что спросъ на него не ослабѣвалъ. Вслѣдствіе этого, цѣна раба повысилась, что тотчасъ же отразилось благопріятно и на его положеніи: рабовъ стали беречь, лучше кормить и рѣже предавать тяжелымъ наказаніямъ. Идя по тому же пути, естественно было придти къ той мысли, что продавать рабовъ вообще невыгодно, а выгоднѣе прикрѣпить ихъ къ землѣ. Крѣпостной получаетъ уже нѣкоторую личную независимость, бракъ его поощряется, онъ пользуется нѣкоторыми правами мужа и отца. Но съ увеличеніемъ его правъ растутъ и его потребности, растетъ «сознаніе своего собственнаго достоинства, заключающее

---

[1]) Т. V, стр. 353–354.

въ себѣ зародыши грознаго и неподкупнаго суда надъ всѣми неправдами порабощенія и эксплоатаціи» [1]).

Рабство, которому древняя цивилизація обязана своимъ блескомъ, въ концѣ концовъ и погубило ее. Весь трудъ, вся промышленность сосредоточились въ рукахъ рабовъ, коренное римское населеніе вырождалось отъ праздности. Неспособность римской имперіи противостоять напору варваровъ становится понятной, если принять во вниманіе, что римскій народъ состоялъ уже въ ту эпоху изъ «обезсмысленныхъ рабовъ» и «развращенныхъ тунеядцевъ» [2]).

Если, оставивши древность и погибающій Римъ, мы обратимся къ среднимъ вѣкамъ, то и здѣсь мы увидимъ опять господство тѣхъ же интересовъ. Неизбѣжное для прогресса промышленности раздѣленіе труда внутри общества привело къ образованію отдѣльнаго класса ремесленниковъ и земледѣльцевъ и класса рыцарей и феодаловъ. Всю жизнь имѣя дѣло съ сохой или рабочимъ инструментомъ, первые совершенно разучились владѣть оружіемъ; развитіе промышленности имѣло своимъ послѣдствіемъ обезоруженіе народной массы. Тѣмъ непобѣдимѣе стали рыцари и тѣмъ больше сдѣлались ихъ претензіи. «Они держали въ рукахъ судьбу всей Европы... Возможно ли имъ было не презирать людей, которые не въ силихъ были имъ сопротивляться»? [3]) Но и они въ свою очередь должны были преклониться передъ могуществомъ католическаго духовенства. Чѣмъ объясняется это господство духовной власти надъ свѣтской въ ту мрачную эпоху кулачнаго права? Не стоитъ ли оно въ противорѣчіи съ матеріалистическимъ пониманіемъ историческаго процесса? Нисколько. Власть духовенства въ средніе вѣка опиралась на его богатство, а это послѣднее было результатомъ той постоянной контрибуціи, которую народъ уплачивалъ духовнымъ лицамъ въ наказаніе за свои предразсудки. Но духовенство не было вполнѣ независимо. «Такъ какъ земли, находившіяся во владѣніи епископовъ и аббатовъ, принадлежали императору, королямъ, герцогамъ и разнымъ другимъ свѣтскимъ владѣтелямъ, то эти же владѣтели присвоили себѣ право производить въ аббаты и въ епископы, кого имъ было угодно» [4]).

---

[1]) Т. V, стр. 418—420.
[2]) Т. VI, стр. 4—8.
[3]) Т. VI, стр. 209—210.
[4]) Т. V. стр. 395—397.

Таковы классовыя противорѣчія среднихъ вѣковъ, противорѣчія, развивавшіяся изъ той предпосылки, что народъ представляетъ собою вѣчнаго данника, содержащаго на свой счетъ и рыцарей, и духовенство. Положеніе дѣлъ измѣнилось, когда народъ настолько обѣднѣлъ, что не могъ уже аккуратно выплачивать своей дани. Французская революція является въ глазахъ Писарева прежде всего финансовымъ кризисомъ и съ этой именно точки зрѣнія разсматривается имъ въ статьѣ «Историческіе эскизы». Авторъ предупреждаетъ своихъ читателей, что совершенно ошибочно считать причинами этого великаго событія козни революціонеровъ и происки якобинскаго клуба. «Дѣйствующая сила лежала и лежитъ вездѣ—*не въ единицахъ*, не въ кружкахъ, не въ литературныхъ произведеніяхъ, *а въ общихъ и преимущественно экономическихъ условіяхъ* существованія народныхъ массъ» [1]). Этими точными, недопускающими двухъ разныхъ толкованій словами, Писаревъ формулируетъ всю свою философію исторіи. Онъ не признаетъ никакой творческой роли за отдѣльною личностью, или, вѣрнѣе, обусловливаетъ ея дѣятельность общими историческими причинами. «Отдѣльная личность, говоритъ онъ, какими бы громадными силами она ни была одарена, можетъ сдѣлать прочное дѣло только тогда, когда она дѣйствуетъ за-одно съ великими общими причинами, т. е. съ характеромъ, образомъ мыслей и насущными потребностями данной націи. Когда она дѣйствуетъ наперекоръ этимъ общимъ причинамъ, ея дѣло погибаетъ вмѣстѣ съ ней (т. VI, ст. «Борьба за жизнь», стр. 322) [2]). Въ исторіи на первомъ планѣ всегда толпа, а не герои; поэтому-то здѣсь *гласъ народа* является дѣйствительно *гласомъ Божіимъ*, т. е. «опредѣляетъ своимъ громко произнесеннымъ приговоромъ теченіе историческихъ событій» [3]).

Изъ всѣхъ этихъ выписокъ видно, какою опредѣленностью отличался взглядъ Писарева на историческій процессъ, какъ на обусловленную экономическими причинами эволюцію, въ которой личному произволу нѣтъ мѣста. Въ теоріи Писаревъ всегда былъ вѣренъ такой концепціи, на практикѣ, при толкованіи отдѣльныхъ историческихъ явленій, онъ отъ него отсту-

---

[1]) Т. III, стр. 171.

[2]) См. также т. IV, стр. 252, гдѣ предусмотрѣнъ и устраненъ упрекъ въ фатализмѣ, съ которымъ истинный детерминизмъ не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго.

[3]) Т. VI, стр. 522, см. также т. III, стр. 156 и 308.

пилъ раза два. Вотъ, напр., что мы читаемъ въ его «Очеркахъ по исторіи европейскихъ *народовъ*» (замѣтимъ, однако, какъ краснорѣчиво говоритъ самое это заглавіе о характерѣ исторической философіи автора): «при всемъ моемъ уваженіи къ общимъ причинамъ, я долженъ сказать рѣшительно, что великая борьба императоровъ съ папами, борьба, повлекшая за собою неисчислимыя послѣдствія, была порождена *личностью* монаха Гильдебранта» [1]). Читателю становится яснымъ, особенно при видѣ тѣхъ натяжекъ, которыми Писаревъ старается обосновать подобный взглядъ, что у нашего историка на этотъ разъ не было просто достаточнаго количества знаній, чтобъ объяснить болѣе научнымъ образомъ реформы и торжество папы Григорія VII. Важнѣе можетъ показаться другое отклоненіе, заключающееся въ слѣдующемъ тезисѣ [2]): «Исторія, читаемъ мы въ статьѣ «Зарожденіе культуры», показываетъ намъ, что пріобрѣтаетъ и удерживаетъ господство тотъ классъ или кругъ людей, который владѣетъ наибольшимъ количествомъ умственной силы». Если вспомнить, однако, что самый умственный прогрессъ Писаревъ ставилъ въ зависимость отъ матеріальнаго, и если приведенныя слова брать въ связи со всей той статьею, откуда они заимствованы, станетъ очевиднымъ тогда, что отклоненіе здѣсь только *кажущееся*. Другихъ противорѣчій мы не встрѣтили, но если бы на огромномъ протяженіи всѣхъ сочиненій Писарева ихъ и нашлось еще два-три, удивляться (при спѣшности журнальной работы) все же пришлось бы не имъ, а, наоборотъ, рѣдкой цѣльности историко-философской концепціи нашего публициста.

Если въ какую сторону Писаревъ дѣйствительно немного погрѣшалъ, такъ это скорѣе въ сторону чрезмѣрнаго увлеченія своимъ историческимъ матеріализмомъ. Надо сознаться, что этотъ матеріализмъ онъ понималъ иногда нѣсколько грубо и примитивно, а кромѣ того и облекалъ его подчасъ въ форму слишкомъ парадоксальную. Такъ, напр., эксцентрическимъ поступкамъ Карла V онъ искалъ объясненія въ устройствѣ его челюстей и въ несвареніи желудка (т. I, стр. 328), а революціонный терроръ 1793 г. объяснялъ тѣмъ (надо полагать въ шутку), что французскіе пролетаріи недостаточно хорошо умывались (т. III, стр. 131). Эти несомнѣнныя крайности, къ которымъ

[1]) Т. VI, стр. 38.
[2]) Т. II, стр. 614—615.

Писаревъ прибѣгалъ, вѣроятно, ради краснаго словца, не придавая имъ никакого серьезнаго значенія, были подхвачены его литературными противниками. Дудышкинъ объявилъ, что авторъ статьи «Физіологическіе эскизы Молешота» нѣмецкую реформацію и англійскую революцію объяснилъ употребленіемъ чая въ Германіи и кофе въ Англіи. Писаревъ энергично протестовалъ, но это не изгладило и по сю пору того впечатлѣнія иныхъ читателей-критиковъ, что къ парадоксамъ въ родѣ разсказа о несвареніи желудка Карла V сводилась въ сущности вся писаревская соціологія...

Изъ того, какъ Писаревъ смотрѣлъ на историческій процессъ, легко вывести требованія, которыя онъ долженъ былъ предъявлять къ историческимъ сочиненіямъ. Онъ въ нихъ искалъ изображенія народной жизни, а не біографій героевъ, анализа фактовъ, а не лирическихъ изліяній. «Когда мы беремся за изученіе историческихъ явленій, читаемъ мы въ его «Историческихъ эскизахъ», всякій лиризмъ долженъ быть исключенъ съ неумолимою строгостью... Всякій приговоръ надъ историческимъ явленіемъ я считаю нелѣпостью... Мыслящій изслѣдователь вглядывается въ памятники прошедшаго для того, чтобы найти въ этомъ прошедшемъ матеріалы для изученія человѣка вообще, а не для того, чтобы погрозить кулакомъ покойнику Сидору или погладить по головкѣ покойника Антона» [1]). Увы, наши публицисты-историки еще и до сихъ поръ не проникнились такимъ убѣжденіемъ; они продолжаютъ неистово грозить кулакомъ и гладить по головкѣ... покойниковъ.

Въ общемъ приходится удивляться, до чего современенъ Писаревъ въ своихъ историческихъ сужденіяхъ. Его общая формулировка всего историческаго процесса и объясненія, даваемыя имъ отдѣльнымъ историческимъ фактамъ (происхожденію рабства, роли духовенства и рыцарства и положенію массъ въ средніе вѣка, условіямъ, вызвавшимъ франц. революцію, и проч.),—все это такъ свѣжо, такъ намъ близко,

---

[1]) Истина требуетъ отмѣтить, что Писаревъ не сразу дошелъ до этого трезваго взгляда и въ одной изъ его раннихъ статей мы встрѣчаемъ еще опредѣленіе исторіи, какъ „осмысленія событій съ личной точки зрѣнія автора“ (т. I, стр. 310). За-то, разъ уже ставши на точку зрѣнія послѣдовательнаго реализма, Писаревъ сталъ предъявлять и критику тѣ же требованія, какъ и историку. См. объ этомъ любопытное мѣсто въ ст. «Мотивы русской драмы“, т. III, стр. 284.

точно вышло изъ-подъ пера одного изъ современныхъ писателей: Роджерса, Летурно, Каутскаго, Нитти, Меринга, Липперта или Лампрехта...

II.

Главная, спеціально экономическая, статья Писарева «Очерки изъ исторіи труда» («Зарожденіе культуры» тожъ) не представляетъ собою вполнѣ самостоятельной работы, а является вольною компиляціей сочиненія Кэри (Carey) «Principles of social science». Благодаря этому, большая часть высказываемыхъ здѣсь взглядовъ оказывается просто заимствованной у американскаго экономиста. Было бы, однако, большою ошибкой заключать отсюда о полной несамостоятельности Писарева, какъ экономиста, а еще болѣе—отказывать его экономическимъ взглядамъ во всякомъ значеніи. Вліяніе Кэри скрещивалось и дополнялось вліяніемъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей (какихъ—мы это увидимъ ниже) и затѣмъ, почерпнутыя изъ этихъ различныхъ источниковъ мысли, прежде чѣмъ перейдти на бумагу, проходили сквозь призму собственныхъ основательныхъ размышленій нашего критика. Неоригинальныя по своему источнику, мысли эти получали у Писарева оригинальную форму и, главное, оригинальное приложеніе къ Россіи. Если его тѣмъ не менѣе нельзя назвать экономистомъ дѣйствительно *оригинальнымъ*, то слѣдуетъ помнить, что то же названіе неприложимо въ строгомъ смыслѣ ни къ одному изъ русскихъ мыслителей. Какъ бы это ни было обидно для нашего національнаго самолюбія, а надо сознаться, что *своего* мы до сихъ поръ внесли немного въ дѣло теоритической разработки политической экономіи и что, въ сущности, русская экономическая мысль всегда влачилась по слѣдамъ западно-европейской. Оставляя поэтому въ сторонѣ вопросъ объ оригинальности, мы думаемъ, что, по своей цѣльности и законченности, экономическіе взгляды Писарева заслуживаютъ вниманія не только нашихъ читателей, но и будущаго историка русской экономической науки. Изложимъ ихъ теперь въ ихъ основныхъ чертахъ.

Источникъ богатства Писаревъ совершенно правильно видѣлъ въ трудѣ. Не прибѣгая нигдѣ къ выраженіямъ «произ-

водительный» и «непроизводительный», Писаревъ хорошо понималъ, однако, эту разницу и только первому виду труда приписывалъ творческую силу. Если цѣнность предмета опредѣляется количествомъ употребленнаго на его производство труда, то это, по мнѣнію нашего автора, еще не значитъ вовсе, что такою же останется его цѣнность и на вѣки вѣковъ. «Каменный уголь,—читаемъ мы, стр. 538 второго тома,—облегчаетъ добываніе желѣза и понижаетъ его цѣнность; увеличившееся количество подешевѣвшихъ желѣзныхъ орудій облегчаетъ добываніе угля и, слѣдовательно, тоже понижаетъ цѣнность послѣдняго. Оказывается, что каменный уголь самъ понизилъ свою цѣнность... Цѣнность предмета опредѣляется, такимъ образомъ, не тѣмъ количествомъ труда, которое было употреблено на его произведеніе, а тѣмъ, которое необходимо употребить для его воспроизведенія». Само по себѣ недостаточное, это ученіе Кэри о цѣнности, выдвигающее расходы *воспроизведенія*, является существеннымъ дополненіемъ къ примитивной трудовой теоріи Адама Смита и Рикардо. Писаревымъ оно правильно понято и оцѣнено.

Говоря о цѣнности, Писаревъ не впадаетъ въ довольно распространенное заблужденіе и не смѣшиваетъ цѣнность съ цѣною. Онъ понимаетъ, что для образованія первой достаточно одного *труда*, для второй же—необходимо *отчужденіе этого труда*. Отчужденіе можетъ быть добровольное и принудительное. Послѣднее Писаревъ считаетъ болѣе обычнымъ явленіемъ въ жизни и болѣе важнымъ факторомъ въ исторіи. Принудительное отчужденіе, по его мнѣнію, можетъ быть опять же двоякаго рода: трудъ можетъ отчуждаться ради непосредственнаго потребленія, ради удовлетворенія потребностей того, кому онъ поступаетъ, или же это отчужденіе можетъ имѣть болѣе далекую цѣль, и тогда отчуждаемый трудъ поступаетъ въ обмѣнъ. Сообразно двумъ этимъ категоріямъ отчужденія, въ человѣческомъ обществѣ вырабатывается и два отдѣльныхъ класса людей, классъ воиновъ или «дружинниковъ» и классъ торговцевъ.

Элементъ принудительнаго отчужденія появляется въ хозяйственной жизни народовъ такъ рано, что мы не въ силахъ прослѣдить его зарожденія и его первыхъ шаговъ. Писаревъ думаетъ, однако, что его колыбелью была семья. «Начинается дѣло съ того, что мужъ бьетъ свою жену и побоями принуждаетъ ее работать, въ то время, какъ самъ онъ лежитъ на спинѣ и грѣется на солнцѣ. Такимъ образомъ нарушается есте-

ственное раздѣленіе труда и свободный обмѣнъ услугъ. Мужчина беретъ себѣ большее количество продуктовъ и меньшее количество труда; для возстановленія равновѣсія онъ отпускаетъ женщинѣ нѣсколько ударовъ кулакомъ по лицу или палкой по спинѣ... Какъ мужъ присвоилъ себѣ значительное количество труда жены, такъ родители присваиваютъ себѣ значительное количество труда дѣтей; братья поступаютъ точно также въ отношеніи къ сестрамъ, и старшій братъ въ отношеніи къ младшимъ[1])»... Привычки и правила, выработанныя у семейнаго очага, распространяются постепенно на общественныя отношенія. Уже испытанное удобство и несомнѣнная пріятность жить на продукты чужого труда побуждаютъ первобытнаго человѣка къ грабежамъ и насиліямъ. Вырабатываются особые пріемы, вырабатываются орудія войны, собираются шайки единоплеменниковъ, жаждущихъ добычи и «называющихъ ее славой». Такъ формируется военное сословіе. Своимъ оружіемъ оно пользуется, главнымъ образомъ, противъ иноплеменниковъ, но въ случаѣ надобности оружіе это обращается и противъ соотечественниковъ. Постепенно воины порабощаютъ людей, которые пашутъ землю и пасутъ стада, и облагаютъ ихъ данью.

Съ другой стороны, находятся хитрые люди, которые, не обладая физическими преимуществами и храбростью воиновъ, изыскиваютъ другой путь для собиранія дани съ земледѣльцевъ и пастуховъ. Производители всегда нуждаются въ обмѣнѣ своихъ продуктовъ; если земледѣлецъ и ткачъ живутъ по сосѣдству, обмѣнъ ихъ произведеній совершается легко и безпрепятственно. Но если они отдѣлены морями, горами и большими пространствами земли, непосредственный обмѣнъ становится уже невозможнымъ. Тогда-то выступаютъ на сцену посредники, удерживающіе въ уплату за свои услуги извѣстную часть обмѣниваемыхъ товаровъ. «Ткачъ получаетъ очень мало хлѣба, а земледѣлецъ очень мало ткани, ткачъ за малое количество хлѣба отдаетъ всѣ свои ткани, а земледѣлецъ за малое количество тканей, отдаетъ весь хлѣбъ, который онъ можетъ сберечь отъ своего личнаго потребленія»[2]) (стр. 570). «Интересы торговцевъ и интересы воиновъ идутъ въ разрѣзъ съ интересами производителей, не-

---

[1]) Т. II, стр. 558—559.

[2]) Надо замѣтить, что этотъ процессъ изображенъ Писаревымъ черезчуръ схематично и грубо; здѣсь, очевидно, сказалось вліяніе искусственныхъ построеній Кэри.

*

смотря на то, что торговля вообще возникла ради удовлетворенія нуждъ производителей, а воины взяли на себя обязанность, эксплуатируя отечественное производство, въ то же время и охранять его отъ внѣшнихъ враговъ. Воины и торговцы увидѣли себя вынужденными соединиться для лучшей поддержки общими силами ихъ общей привилегіи». Морская торговля и морской разбой постоянно помогали другъ другу... «Доброе согласіе между воинами и купцами всею своею тяжестью лежало на плечахъ трудящагося большинства; чѣмъ туже набивался кошелекъ торговца и чѣмъ чаще появлялись затѣйливыя кушанья на столѣ воина, или пестрыя ткани въ его одеждѣ, тѣмъ сильнѣе голодалъ земледѣлецъ, тѣмъ грубѣе становились его орудія и тѣмъ полнѣе дѣлалось его порабощеніе[1])».

Образованіе промышленнаго капитала Писаревъ выводитъ прямо изъ естественнаго неравенства людей, не объясняя при этомъ, къ какой именно эпохѣ онъ относитъ первое появленіе капитала. «Накопленіе капитала,— читаемъ мы въ статьѣ «Реалисты»[2]),—всегда основано на физическомъ или умственномъ превосходствѣ того лица, которое накопляетъ. Кто сильнѣе или умнѣе другихъ, тотъ богаче. Впослѣдствіи, разумѣется, капиталъ самъ получаетъ притягательную силу: «деньга деньгу родитъ», какъ говоритъ русская поговорка. Но первое начало этой «деньги» заключается въ физическомъ или умственномъ неравенствѣ между людьми, а это неравенство, какъ явленіе живой природы, не подлежитъ, конечно, реформирующему вліянію человѣка». Приведенное мѣсто требуетъ объясненій. Понимая его буквально, можно подумать, что вмѣстѣ съ неравенствомъ Писаревъ считалъ и власть капитала неподлежащей также «реформирующему вліянію человѣка». Въ дѣйствительности, однако, онъ думалъ иначе: неравенство, породившее на свѣтъ капиталъ, не является, по его мнѣнію, неодолимымъ препятствіемъ для реформирующаго вліянія человѣка въ области экономическихъ отношеній; нужно только сломить ту «притягательную» (или, выражаясь экономическимъ языкомъ, капитализаціонную) силу, благодаря которой «деньга деньгу родитъ»[3]).

---

[1]) Т. II. стр. 171 и 173.

[2]) Т. IV, стр. 131.

[3]) Въ другомъ мѣстѣ (т. VI, стр. 12), Писаревъ объясняетъ, что неравенство, т. е. умственное или физическое превосходство лица накопляющаго, имѣло большое значеніе лишь въ примитивномъ обществѣ, съ возникновеніемъ же государства накопленіе капиталовъ облегчалось тѣмъ

Съ появленіемъ капитала и съ возникновеніемъ промышленности элементъ присвоенія отнюдь не исчезаетъ. Отнынѣ всѣ техническія изобрѣтенія и всѣ научныя открытія, служившія прежде въ пользу всей массы производителей, становятся достояніемъ немногихъ. Капиталисты заводятъ машины, а бывшіе прежде самостоятельными производители становятся рабочими на ихъ фабрикахъ. Власть капитала надъ трудомъ дѣлается отнынѣ самымъ прочнымъ и постояннымъ факторомъ въ исторіи. «Переворотовъ въ исторіи было много: падали и политическія, и религіозныя формы, но господство капитала надъ трудомъ вышло изъ всѣхъ переворотовъ въ полнѣйшей неприкосновенности» [1]). Вліяніе первоначальнаго элемента присвоенія не останавливается и здѣсь, въ сферѣ промышленныхъ отношеній, оно идетъ дальше и создаетъ современное государство,

Государственныя формы и національныя чувства составляютъ, по мнѣнію Писарева, «прямое слѣдствіе элемента присвоенія, т. е. всѣ эти вещи или произошли *отъ* присвоенія, или возникли *какъ отпоръ* присвоенію». Большинство государствъ создавалось либо потому, что населенію извѣстной страны нужно было объединиться для защиты отъ враговъ, либо для того, чтобы дать этому населенію верховный трибуналъ, который бы разбиралъ всѣ неурядицы и предотвращалъ междоусобія. «При такихъ условіяхъ основаніе государства было благодѣяніемъ, но люди нуждались въ этомъ благодѣяніи только потому, что заѣзжали въ чужую личность и захватывали чужой трудъ» [2]). Здѣсь кстати будетъ отмѣтить довольно неблагосклонное отношеніе Писарева къ широкому государственному вмѣшательству. Дурное правительство (примѣръ Людовиковъ во Франціи) можетъ, по его мнѣнію, принести много зла, но отсюда не слѣдуетъ, что противоположнаго рода правительство способно все обновить и все исправить, напр., бѣдный

обстоятельствомъ, что „господину, какъ бы онъ ни былъ обиженъ природой, постоянно помогала вся общественная организація“. Всѣ эти разсужденія Писарева ср. со слѣдующ. словами *Смита*: „Большой капиталъ возрастаетъ обыкновенно скорѣе отъ маленькой прибыли, нежели маленькій капиталъ отъ большой: „деньга деньгу родитъ“, говоритъ пословица. Кто пріобрѣлъ хотя немного, тому уже нетрудно пріобрѣсть больше. Главная трудность состоитъ въ первомъ пріобрѣтеніи“. „Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ“, пер. Бибикова, 1886 т. I, стр. 240—241.

[1]) Т. IV, стр. 132.

[2]) Т. II, стр. 564.

народъ сдѣлать богатымъ. Роль государства—чисто отрицательная; оно должно устранять все то, что мѣшаетъ народу быть сытымъ, здоровымъ и свободнымъ. Если же государство не ограничивается этими заботами, въ особенности если оно претендуетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ и старается навязывать гражданамъ разныя похвальныя чувства — тогда оно выходитъ за предѣлы своей компетенціи и посягаетъ на индивидуальную свободу [1]).

Каковы же экономическія и нравственныя послѣдствія того усиленнаго развитія капитализма, которымъ ознаменовался промышленный прогрессъ нашего времени? Въ области экономической политики послѣдствіями его были: провозглашеніе принципа свободной конкуренціи и усиленіе военнаго бюджета (современный милитаризмъ Писаревъ считаетъ новѣйшей формой отмѣченнаго выше древняго союза воиновъ съ торговцами, см. т. II, стр. 612); въ сферѣ чисто экономической жестокая борьба противоположныхъ интересовъ работниковъ и работодателей; въ сферѣ нравственной—огрубленіе и одичаніе обѣихъ борющихся сторонъ [2]). Но не слѣдуетъ видѣть въ развитіи капитализма однѣ только мрачныя стороны. *Въ извѣстныхъ отношеніяхъ капитализмъ оказался благопріятнымъ прогрессу*: «рабочая плата ростетъ», «трудъ постоянно стремится выбиться изъ-подъ господства капитала» и въ нѣкоторыхъ, наиболѣе промышленныхъ странахъ, какъ напр. въ Соединенныхъ Штатахъ, народныя массы именно благодаря особенному развитію здѣсь капиталистической формы, начинаютъ уже принимать самое дѣятельное участіе въ политической жизни [3]). Капитализмъ самъ подготовилъ условія для реформы, и теперь это только вопросъ времени, когда его господство испытаетъ ту участь, которая постигла раньше феодализмъ и абсолютизмъ.

Въ какомъ именно смыслѣ произойдетъ обновленіе, объ этомъ Писаревъ говоритъ довольно опредѣленно. Свой экономическій идеалъ онъ формулируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «надо, чтобы трудъ былъ пріятенъ, чтобъ результаты его были обильны, чтобъ они доставались самому труженику, и чтобъ физическій трудъ уживался всегда съ обширнымъ умственнымъ развитіемъ».

---

[1]) См. т. V, стр. 521—522, т. II, стр. 275.

[2]) О вліяніи на человѣка занятія и профессіи см. т. V, стр. 242—243 въ замѣчательной и характерной для Писарева статьѣ „Подрастающая гуманность".

[3]) Т. II, 539, т. VI, 521.

Какъ этого достигнуть?--спросятъ читатели. «Не знаю,—отвѣчаетъ Писаревъ. «Рецептовъ предлагалось много, но до сихъ поръ ни одно универсальное лекарство *не приложено* къ болѣзнямъ дѣйствительной жизни». Самъ Писаревъ указываетъ два—и притомъ различныхъ—исхода. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «для рѣшенія задачи о голодныхъ людяхъ необходимо соблюденіе такихъ условій: во-первыхъ, задачу эту должны рѣшить непремѣнно тѣ люди, которые въ ея разумномъ рѣшеніи находятъ свои личныя выгоды, т. е. ее должны рѣшить сами работники. Во-вторыхъ, рѣшеніе задачи заключается не въ воздѣлываніи личныхъ добродѣтелей, а въ перестройкѣ общественныхъ учрежденій [1])». Другой исходъ заключается въ томъ, что, благодаря «полному, прочному, чисто-человѣческому образованію», сами капиталисты сдѣлаются мыслящими, разсчетливыми руководителями народнаго труда и даже превосходными общественными дѣятелями [2]). Надо замѣтить, что первый, болѣе трезвый, болѣе жизненный взглядъ является и позднѣйшимъ, что же касается второго, вѣры въ возможность «обращенія» промышленниковъ-торговцевъ (что же станется тогда съ «дружинниками»?), то въ ней надо видѣть дань «критически мыслящаго реалиста» популярнымъ въ его время «утопіямъ» С. Симона и Фурье, согласно которымъ враждующіе нынѣ «братья» могутъ помириться въ фаланстерѣ при свѣтѣ «новаго христіанства». Справедливость требуетъ, однакоже, замѣтить, что не этимъ однимъ выразилось вліяніе французскихъ мыслителей на Писарева, оно имѣло и свою положительную сторону. Въ его историческихъ статьяхъ мы встрѣчаемъ удачное примѣненіе теоріи С. Симона объ «органическихъ» и «критическихъ» эпохахъ въ исторіи [3]), а въ чисто экономическихъ взглядахъ Писарева мы замѣчаемъ больше слѣдовъ вліянія Фурье. Изъ этого источника, повидимому, заимствовано требованіе, чтобы трудъ былъ пріятенъ; тѣмъ же вліяніемъ отчасти можно объяснить и нѣкоторыя положенія экономической критики Писарева (напр., его рѣзкую критику торговли въ статьѣ «Очерки по исторіи труда»). О своемъ знакомствѣ съ идеями Фурье Писаревъ свидѣтельствуетъ дважды (т. IV, стр. 4, т. V, стр. 207), во второй разъ въ слѣдующей полемической тирадѣ, обращенной къ его литературному противнику, г. Антоновичу:

---

[1]) Т. V, 409.
[2]) Т. IV, 132.
[3]) См. т. IV, стр. 391.

«Если вы имѣете хоть слабое понятіе объ идеяхъ Фурье, говоритъ Писаревъ, вы должны знать, что человѣка утомляетъ не работа сама по себѣ, а только продолжительность и однообразіе работы»...

Иное было отношеніе Писарева къ англійскимъ экономистамъ, представителямъ классической школы. Если онъ заговариваетъ о нихъ, то только для того, чтобы совершенно не согласиться съ ихъ взглядами. Главною мишенью для его нападокъ служили ученія Рикардо о рентѣ и Мальтуса о народонаселеніи. Первому онъ противупоставляетъ извѣстныя возраженія Кэри, раздѣляя убѣжденіе послѣдняго, что въ обработкѣ земли люди переходили не отъ лучшихъ участковъ къ худшимъ, какъ это утверждается ученіемъ Рикардо, а совершенно наоборотъ. Указаніямъ Мальтуса на перенаселеніе онъ противупоставлялъ оптимистическую вѣру въ то, что увеличеніе населенія увеличиваетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и общую сумму богатствъ, которымъ обладаетъ все человѣчество. Милль былъ въ глазахъ Писарева только типичнымъ мальтузіанцемъ, врагомъ рабочихъ и буржуа до мозга костей. Обѣ теоріи, Рикардо и Мальтуса, Писаревъ считаетъ совершенно искусственными и произвольными, несоотвѣтствующими даннымъ дѣйствительной жизни. «Гаданія Мальтуса о размноженіи людей, говоритъ онъ [1]), вытекаютъ изъ того же мутнаго источника (какъ и ученіе Рикардо) и, подобно разсужденіямъ Рикардо, не имѣютъ *ни малѣйшаго научнаго основанія*». Въ послѣднемъ Писаревъ, конечно, жестоко ошибался. Въ этомъ насъ убѣждаетъ современная экономическая наука, воспринявшая съ извѣстными оговорками и ученіе Рикардо, и основныя положенія теоріи Мальтуса. Но то же надо сказать и о главнѣйшихъ изъ защищаемыхъ Писаревымъ экономическихъ идей: мысли его о *двоякой* роли капитализма, о происхожденіи государства и о значеніи матеріальныхъ условій находятъ себѣ полную поддержку въ новѣйшихъ, особенно нѣмецкихъ, изслѣдованіяхъ, а его ясно и кратко формулированный экономическій идеалъ встрѣчаетъ въ настоящее время особенно много приверженцевъ.

---

[1]) Т. II, стр. 528.

III.

«Россія—страна земледѣльческая»... Кѣмъ только и въ какихъ только смыслахъ не произносились эти слова! Для однихъ они означаютъ, что Россія въ своемъ земледѣліи имѣетъ уже достаточный залогъ будущаго, что она, житница Европы, можетъ поэтому съ презрѣніемъ смотрѣть на промышленные кризисы гнилого запада; въ глазахъ другихъ, ея исключительно земледѣльческій характеръ объясняетъ ея отсталость и бѣдность русскаго народа, нуждающагося всего больше въ западно-европейскихъ наставникахъ. По мнѣнію однихъ, Россію слѣдуетъ оберегать отъ опаснаго увлеченія мнимыми преимуществами капиталистической формы, по мнѣнію другихъ, напротивъ, русскій крестьянинъ долженъ «вывариться въ фабричномъ котлѣ». Но къ какому изъ этихъ двухъ прямо противоположныхъ взглядовъ склоняется больше Писаревъ? По счастью, на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить вполнѣ опредѣленно.

Россія—страна земледѣльческая... Земледѣлію Писаревъ приписывалъ огромное значеніе: отъ того, въ какомъ положеніи оно находится, зависитъ все благосостояніе народа. «Гдѣ земледѣліе идетъ лучше, тамъ и масса меньше голодаетъ и меньше поражаетъ наблюдателя своимъ невѣжествомъ; гдѣ земледѣліе идетъ хуже, тамъ оказывается все безобразіе нищеты и вся грязь невѣжества и вынужденной порочности». Вполнѣ удовлетворительно земледѣліе, въ сущности, нигдѣ не поставлено, а потому нигдѣ также народъ не можетъ освободиться отъ своего вѣчнаго спутника—бѣдности. «Мы даже привыкли въ этомъ отношеніи удовлетворяться малымъ и обнаруживать такимъ образомъ въ дѣлѣ младшей братіи—похвальную умѣренность требованій» [1]). Но если земледѣліе находится вездѣ въ неудовлетворительномъ состояніи, то на западѣ, тѣмъ не менѣе, имѣются къ этому злу извѣстные коррективы, каковыми Писаревъ считаетъ *разнообразіе промысловъ* и *развитіе мануфактуры*.

Конечно, страны, въ которыхъ промышленность особенно развита, не могутъ похвастаться полнымъ благополучіемъ,—онѣ

---

[1]) Т. II, стр. 599.

несутъ «свою долю страданій, произведенныхъ элементомъ присвоенія», и все-таки положеніе такихъ странъ можетъ быть названо «счастливымъ» по сравненію съ участью тѣхъ, въ которыхъ «*свирѣпствуетъ* исключительное земледѣліе» (стр 588). Причина лежитъ въ томъ, что занятіе однимъ земледѣліемъ неблагопріятно для ассоціаціи человѣческихъ силъ, и населеніе, разбросанное на огромныхъ пространствахъ исключительно земледѣльческихъ странъ, всегда оказывалось обреченнымъ на бѣдность, рабство и невѣжество (примѣръ южныхъ штатовъ Америки). Это понятно: разрозненности земледѣльцевъ неизбѣжно сопутствуетъ неразвитость или даже полное отсутствіе общественной жизни. «Гдѣ всѣ жители принуждены добывать себѣ хлѣбъ первобытными пріемами грубаго земледѣлія, гдѣ нѣтъ разнообразія занятій, тамъ не можетъ быть обмѣна продуктовъ..., тамъ не можетъ быть и путей сообщенія..., тамъ не можетъ быть и живого обмѣна идей, потому что *идеи такого общества такъ же однообразны, какъ его матеріальные продукты*» (стр. 597 и слѣд.).

Невыгоды исключительнаго земледѣлія сразу бросаются въ глаза. Въ странахъ, гдѣ единственнымъ промысломъ является земледѣліе, естественнымъ наклонностямъ жителей не дается простору. Каковы бы ни были способности и дарованія ребенка, онъ долженъ пойти за сохою, онъ долженъ заглушить свои наклонности, не находящія исхода. Другое дѣло при разнообразіи промысловъ: индивидуальныя силы утилизируются, а это возвышаетъ нравственное состояніе работниковъ, содѣйствуетъ увеличенію количества и улучшенію качества товаровъ и такимъ образомъ обогащаетъ страну. То же разнообразіе промысловъ уменьшаетъ зависимость работниковъ отъ хозяина. Въ земледѣльческихъ странахъ работникъ—простая животная сила, онъ мало чѣмъ отличается отъ вола или лошади, и хозяинъ нисколько не дорожитъ умомъ и ловкостью своего батрака. Въ странахъ промышленныхъ личность работника, его способность и умъ получаютъ признаніе, и онъ постепенно эмансипируется отъ тиранническаго ига хозяина. Въ чисто экономическомъ отношеніи земледѣльческимъ странамъ приходится считаться съ серьезными неудобствами: не перерабатывая своихъ продуктовъ на мѣстѣ, страны эти тратятъ массу труда на перевозку и попадаютъ въ зависимость отъ своихъ болѣе промышленныхъ сосѣдей; не поощряя обороты капиталовъ, онѣ тѣмъ выше дѣлаютъ размѣръ про-

цента; не давая достаточно приложенія индивидуальнымъ силамъ работника, онѣ только обезцѣниваютъ трудъ [1]). Наконецъ, само земледѣліе страдаетъ отъ такой исключительности. Странѣ приходится прибѣгать къ широкому экспорту, а «вывозить сырой продуктъ—все равно, что срѣзывать верхніе слои (земли)и отправлять ихъ за море; отрѣзавши нѣсколько слоевъ, человѣкъ находитъ, что больше нечего рѣзать, потому что онъ дошелъ до того грунта, который не даетъ ему пищи». Дальше мы позволимъ себѣ привести немного пространную, но очень характерную цитату.

«Чтобы сохранить и увеличивать свою производительную силу, читаемъ мы на стр. 582-й II-го тома, земля должна получать обратно въ видѣ удобренія весь сырой продуктъ, снятый съ нея при уборкѣ хлѣба. Если мы будемъ давать ей только часть этого продукта, то она будетъ становиться бѣднѣе... Цвѣтущее земледѣліе существуетъ только въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ весь сырой продуктъ перерабатывается и съѣдается на мѣстѣ, а это возможно только въ тѣхъ частяхъ земли, въ которыхъ разнообразіе занятій и развитіе промышленности позволяютъ людямъ сдвигаться въ тѣсныя группы и устраивать множество мелкихъ центровъ. Земледѣліе идетъ хорошо въ Англіи, еще лучше въ Бельгіи и въ сѣверной Германіи, т. е. именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ всего сильнѣе развита мануфактурная дѣятельность. Земледѣліе идетъ плохо въ Россіи, въ Турціи, въ южныхъ штатахъ Америки, т. е. именно въ тѣхъ странахъ, которыя обречены учеными людьми на исключительно земледѣльческую роль. Изъ этого слѣдуетъ заключеніе, что *чисто земледѣльческая страна, съ успѣхомъ занимающаяся земледѣліемъ,—есть чистѣйшій миѳъ*... Въ дѣйствительности, есть земли, производящія въ изобиліи хлѣбъ и ткани, сырые продукты и фабричныя издѣлія, и есть другія страны, которыя ничего не производятъ, кромѣ сырья, но за-то и сырья производятъ мало. На этихъ послѣднихъ земляхъ вовсе не лежитъ какая-нибудь печать отверженія, онѣ могутъ также завести у себя мануфактуру, оживить свое населеніе разнообразіемъ занятій и устроить множество мелкихъ центровъ производства и потребленія. Когда онѣ сдѣлаютъ это, тогда и сырье будетъ рождаться у нихъ въ большомъ количествѣ, а пока онѣ будутъ слушать мудрыхъ экономистовъ и

---

[1]) Т. II, стр. 586, 540, 554 и 555.

гнаться только за усиленіемъ вывоза, до тѣхъ поръ имъ придется дивиться только тому, какъ это чисто земледѣльческая страна не можетъ завести у себя порядочнаго земледѣлія; чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе будетъ упорство въ этомъ направленіи, тѣмъ полнѣе будетъ истощеніе земли и тѣмъ ужаснѣе будутъ нищета, невѣжество и порабощеніе жителей».

Что же нужно крестьянину? Говорятъ, что ему не хватаетъ раціональнаго земледѣлія. Великая сила—раціональное земледѣліе, но не во всѣхъ условіяхъ оно возможно; мало еще знать, что дѣлать, надо имѣть возможность выполнять то, что признаешь разумнымъ. «Агрономическія свѣдѣнія нашихъ крестьянъ чрезвычайно скудны, но и эти скудныя свѣдѣнія большею частью составляютъ мертвый капиталъ, потому что они далеко превышаютъ мѣру практическаго могущества земледѣльцевъ». Для раціональнаго земледѣлія, по мнѣнію Писарева, необходимо, чтобы распространеніе въ народѣ агрономическихъ знаній шло объ руку съ образованіемъ «мѣстныхъ центровъ производства и потребленія». Безъ этого условія «никакія благодѣтельныя попечительства мудрыхъ правительствъ о земледѣльческихъ и реальныхъ школахъ, никакія заохочиванія, поощренія и приневоливанія къ ученію не улучшатъ пріемовъ земледѣльческой рутины и не расширятъ умственнаго горизонта трудящихся милліоновъ» (600—605).

Можно думать, что при такомъ взглядѣ на ближайшія нужды Россіи, Писаревъ относился фаталистически къ экономическому процессу, и умалялъ значеніе и роль интеллигенціи[1]). Въ дѣйствительности этого не было. Въ интеллигенціи, какъ разъ наоборотъ, Писаревъ видѣлъ великую силу; онъ склоненъ былъ

---

[1]) Мы говоримъ «можно думать», потому что такой именно взглядъ приписывается «идеологами промышленнаго застоя» тѣмъ, кто не раздѣляетъ ихъ односторонне пессимистическаго отношенія къ капиталистической формѣ. Съ своей стороны мы полагаемъ, что *такъ думать нельзя*, и въ особенности нельзя послѣ исчерпывающихъ объясненій г. Бельтова («Къ развитію монистическаго взгляда на исторію», 1895, стр. 247, 259—262), съ полной наглядностью доказавшаго, что принципы экономическаго детерминизма не обрекаютъ принявшихъ ихъ ни на бездѣйствіе, ни на роль чисто отрицательную, какъ это неправильно утверждалъ г. Михайловскій. Любопытно отмѣтить, какъ поразительно схожъ весь этотъ споръ съ тѣмъ, который нѣкогда велся на почвѣ психологической, по поводу ученія о несвободѣ воли. Защитникамъ детерминизма тогда, какъ и теперь, приходилось доказывать, что признаніе его не отнимаетъ еще всякой почвы у этики и всякой активности у человѣка (см., напр., статью *Сѣченова*, «Ученіе о несвободѣ воли», «Вѣстникъ Европы», 1881, январь). La raison finira par avoir raison—и въ экономикѣ.

даже преувеличивать эту силу, когда говорилъ, что судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ [1]). Но онъ, во-первыхъ, полагалъ, что «при теперешнемъ уровнѣ своего образованія наше общество неспособно произвести въ понятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія» [2]); а во-вторыхъ, ставилъ русской интеллигенціи совсѣмъ своеобразныя задачи, весьма отличныя отъ той «просвѣтительной» роли, которую онъ считалъ совершенно безплодной. «Не думайте, пожалуйста, предупреждаетъ Писаревъ въ своей статьѣ «Мотивы русской драмы», что народъ найдетъ свое спасеніе въ тѣхъ знаніяхъ, которыя разсыпаютъ щедрой рукою книжки, продающіяся теперь для блага младшихъ братьевъ по пятаку и по гривеннику. Если вмѣсто такого просвѣщенія мужикъ купитъ себѣ калачъ, то онъ докажетъ этимъ поступкомъ, что онъ гораздо умнѣе составителя книжки, и самъ могъ бы многому научить послѣдняго». Совсѣмъ другого рода работу указываетъ Писаревъ русской интеллигенціи. Ему хочется вѣрить, что время для этой работы придетъ. «Тогда молодой землевладѣлецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы и устроитъ ихъ такъ, какъ того требуютъ общіе интересы хозяина и работниковъ. И этого довольно; хорошая ферма и хорошая фабрика, при раціональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственную возможную школу для народа... Книга придетъ въ свое время; устроить школы при фабрикахъ и при фермахъ будетъ такъ легко, что это сдѣлается само собою» [3]). Организація народнаго труда должна быть, по мнѣнію Писарева, на первомъ планѣ («вопросъ о народномъ трудѣ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные вопросы, и самъ не заключается ни въ одномъ изъ нихъ»), народное просвѣщеніе—на второмъ. Не даромъ, прибавляетъ онъ, Вѣра Павловна устраиваетъ мастерскую, а не школу, и не даромъ романъ, героиней котораго она является, носитъ заглавіе «Что дѣлать?» Въ этомъ, по мнѣнію Писарева, въ *организаціи народнаго труда по западно-европейскому образцу*, въ этомъ и состоитъ великая задача всѣхъ русскихъ прогрессистовъ. А Глуповъ пора бросить! Пора понять, что «русская жизнь, въ

---

[1]) Т. IV, стр. 132.
[2]) Т. III, стр. 304.
[3]) Т. III, стр. 305—306.

самыхъ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, не заключаетъ рѣшительно никакихъ задатковъ *самостоятельнаго* обновленія» (ibid).

Но при такой «практической» постановкѣ дѣла, какова можетъ быть роль литературы? Должна ли она совершенно замолкнуть въ виду безплодности ея просвѣтительной миссіи, или она должна явиться проводникомъ однихъ агрономическихъ и имъ подобныхъ практическихъ знаній? Ни то, ни другое. Оставаясь приблизительно такою же, какова она и теперь, но не льстя себя больше надеждой быть услышанною народомъ, и не обманывая себя мечтой воздѣйствовать на руководящіе классы, она обратится къ той публикѣ, которая въ ней особенно нуждается. На благо русскаго народа она займется просвѣщеніемъ людей, стоящихъ къ нему всего ближе и способныхъ передать ему свои знанія въ доступной для него формѣ. «Нужно, чтобы наше провинціальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тѣмъ, что оно теперь, читаемъ мы въ статьѣ «Схоластика XIX в.» (томъ I, стр. 337). Гуманизировать это сословіе—дѣло литературы и преимущественно журналистики... Это—цѣль достижимая и можетъ быть единственная задача, которую можетъ выполнить литература и которую при томъ одна литература и въ состояніи выполнить. Это среднее сословіе, гуманизированное общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями русской мысли и нашими младшими братьями—мужиками...»

Легко замѣтить, что эти чрезмѣрныя надежды Писарева на «молодыхъ землевладѣльцевъ» и «молодыхъ капиталистовъ», на «провинціальное дворянство» и «мелкое чиновничество», находятся въ полной гармоніи, или, вѣрнѣе, являются непосредственнымъ сколкомъ съ извѣстныхъ уже намъ, совершенно такихъ же фантастическихъ и утопическихъ разсчетовъ его на «обращеніе» западно-европейскаго средняго сословія. Но какъ въ томъ случаѣ, такъ и въ этомъ, Писаревъ самъ исправляетъ свою ошибку и послѣ приведенныхъ выше разсужденій, относящихся къ 1861 г., въ 1863 пишетъ уже совершенно иное. Онъ ждетъ теперь, что въ глубинѣ низшихъ классовъ пробудится стремленіе къ прогрессу и что такимъ образомъ сдѣлано будетъ больше для вступленія людей въ истинную цивилизацію, чѣмъ «громкими и гуманными кликами старшихъ братьевъ, подвизающихся на пользу младшихъ въ литературѣ и на различныхъ каѳедрахъ». И далѣе Писаревъ объясняетъ, что это происходитъ

обыкновенно тогда, когда народъ освобождаютъ отъ лишней опеки или указки и предоставляютъ собственнымъ силамъ. Работая своимъ «дряннымъ умишкомъ», онъ лучше начинаетъ устраивать свою жизнь и подвигается быстрѣе по пути знанія и прогресса. Какъ видитъ читатель, въ этой схемѣ уже нѣтъ мѣста для образцовыхъ фермъ и благодѣтельныхъ фабрикъ; масса, толпа заслоняютъ собою не только героевъ, но и всѣ отдѣльныя личности; что такой взглядъ на дальнѣйшій прогрессъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ историко-философскимъ воззрѣніемъ Писарева,—это намъ кажется несомнѣннымъ, и потому мы пользуемся здѣсь лишнимъ случаемъ подчеркнуть удивительную гармонію высказанныхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ и по разнымъ поводамъ идей. Такое признаніе не помѣшаетъ намъ, конечно, отмѣтить значительную неясность въ изображеніи желательнаго по его мнѣнію поворота общественной и экономической жизни, неясность, которая оставляетъ мѣсто для многихъ важныхъ вопросовъ...

Заканчивая настоящую главу, мы чувствуемъ необходимость избавить заранѣе нашего критика-экономиста отъ одного упрека, который ему легко можетъ быть сдѣланъ на основаніи всего приведеннаго выше. Отводя самое широкое мѣсто дѣйствію экономическихъ факторовъ въ исторіи, Писаревъ объяснялъ ими многое, но это не значитъ, что онъ забывалъ о вліяніи всѣхъ другихъ факторовъ, хотя бы по его мнѣнію и не первичныхъ, а производныхъ. Уходя въ экономику, онъ не впадалъ въ одностороннее и столь опасное пренебреженіе политикой. Напротивъ, политическимъ условіямъ онъ отводилъ весьма значительную роль. Объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ его статьи «Меттернихъ», «Генрихъ Гейне» и «Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ». Но кромѣ общаго признанія значенія и важности политическихъ формъ, мы находимъ въ сочиненіяхъ Писарева одно спеціальное мѣсто, посвященное вопросу о томъ, какое вліяніе могутъ имѣть политическія условія на ходъ экономической жизни.

Ассоціація, по мнѣнію Писарева [1]), составляетъ въ настоящее время одно изъ лучшихъ средствъ борьбы противъ бѣдности. Но гдѣ же, спрашивается, ассоціація возможнѣе и гдѣ она будетъ плодотворнѣе: въ той ли странѣ, «гдѣ предпріимчивость и

---

[1]) Т. V, стр. 439—440.

смѣтливость народа воспитана и укрѣплена всѣмъ ходомъ исторіи, и гдѣ всѣ жители могутъ свободно собираться и разсуждать о частныхъ и общественныхъ дѣлахъ», или же въ той, «гдѣ народъ въ продолженіе многихъ столѣтій былъ систематически отучаемъ отъ всякой иниціативы, и гдѣ за народомъ, какъ за шаловливымъ ребенкомъ, смотрятъ сотни благодѣтелей, наставниковъ и гувернеровъ». Отвѣтъ не требуетъ, кажется, продолжительныхъ размышленій. И затѣмъ, на примѣрѣ Англіи и Франціи Писаревъ разъясняетъ всю важность политическихъ условій даже для чисто экономическаго движенія. Франція, родина столькихъ великихъ идей, оказывается теперь по рабочему вопросу ученицею Англіи, на почвѣ которой развелись и дали свои плоды многочисленныя, столь полезныя для рабочихъ учрежденія, каковы общества взаимнаго страхованія, общества взаимопомощи, коопераціи, рабочіе союзы. До чего Франція отстала въ этомъ отношеніи отъ Англіи, видно ужъ изъ того, что только въ 1864 г., т. е. на сорокъ лѣтъ позже своей сосѣдки, она собралась отмѣнить уголовный законъ, преслѣдующій стачки рабочихъ. А отчего это происходитъ? Оттого, что французскій народъ, много разъ мѣняя правителей, тѣмъ не менѣе всегда отказывался въ ихъ пользу отъ «такихъ правъ, которыя каждый человѣкъ непремѣнно долженъ удерживать при самомъ себѣ, если онъ не желаетъ превратиться въ самое жалкое, ничтожное и зависимое существо». Англичане, напротивъ, привыкшіе къ обладанію своими правами, наученные самодѣятельности и предпріимчивости и нестѣсненные чрезмѣрной опекой законовъ, оказываются и въ экономической жизни болѣе дѣятельными и стойкими...

Приведенное разсужденіе, по нашему мнѣнію, достаточно опредѣленно и характерно, чтобы избавить Писарева отъ упрека въ политическомъ индифферентизмѣ.

IV.

Заключеніе.

Не смотря на то, что, по нашему мнѣнію (а оно опирается на собственное свидѣтельство Писарева), экономическіе взгляды занимали въ его общемъ міросозерцаніи довольно

важное мѣсто, тѣмъ не менѣе мы не считали бы правильной характеристику его писательской дѣятельности, основанную на этой одной сторонѣ. Но въ то же время, если для правильной и всесторонней оцѣнки нельзя имѣть въ виду только Писарева-экономиста, игнорируя Писарева-критика, такъ же точно неправиленъ и тотъ пріемъ, по которому Писарева судятъ только какъ критика, забывая, что онъ былъ въ значительной степени экономистомъ. Если, такимъ образомъ, внимательное разсмотрѣніе экономическихъ идей Писарева не даетъ еще намъ права на самостоятельные *общіе* выводы, за-то оно позволяетъ критически отнестись къ установившимся уже въ литературѣ мнѣніямъ, опирающимся именно на такой односторонній взглядъ на Писарева, какъ на художественнаго критика, и внести въ эти мнѣнія свои поправки, почерпнутыя изъ изученія его экономическихъ идей.

Самымъ обычнымъ, общепринятымъ и ходячимъ взглядомъ надо считать тотъ, по которому Писаревъ признается крайнимъ индивидуалистомъ и личникомъ въ общественныхъ вопросахъ. Принято думать, что вопросы личной нравственности и самоусовершенствованія закрывали въ его глазахъ сознаніе того, что́ у насъ принято называть *долгомъ* народу, а «критически мыслящій интеллигентъ» интересовалъ его больше, нежели погрязшій во мракѣ невѣжества и предразсудковъ крестьянинъ. Мнѣніе это находитъ очень авторитетныхъ защитниковъ. «Необыкновенно даровитый человѣкъ, съ блестящими способностями литературнаго изложенія и усвоенія разнообразнаго умственнаго матеріала, Писаревъ, пишетъ г. Михайловскій, отъ природы ли, или вслѣдствіе печальныхъ обстоятельствъ своей личной судьбы, былъ очень далекъ отъ пульса общественной жизни. Подобно графу Толстому, онъ даже теоретизировалъ эту отдаленность, возводилъ ее въ принципъ, работая въ сущности для образованія секты реалистовъ или мыслящихъ пролетаріевъ, какъ онъ выражался... Его идеалъ былъ чисто личный и сектантскій, какъ будто общенароднаго, государственнаго дѣла послѣ освобожденія крестьянъ такъ ужъ и не осталось на Руси». Того же взгляда придерживается и г. Скабичевскій, съ своей стороны присовокупляющій еще одно обвиненіе противъ Писарева. «Съ самыхъ первыхъ статей своихъ и до смерти, читаемъ мы въ «Исторіи новѣйшей русской литературы», онъ, Писаревъ, оставался чистопробнымъ

индивидуалистомъ, выставляя на первый планъ прогрессъ личности, самоусовершенствованіе... Въ послѣдовательности этой онъ доходитъ до такой смѣлости, что не останавливается передъ отрицаніемъ даже какихъ бы то ни было нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ того самаго народа, передъ которымъ въ то время преклонялись всѣ безъ исключенія». Не говоря уже о послѣднихъ словахъ, представляющихъ собою вопіющій поклепъ на покойника, весь этотъ взглядъ, поддерживаемый гг. Михайловскимъ и Скабичевскимъ, мы считаемъ въ корнѣ ошибочнымъ. Мы съ своей стороны склонны придерживаться прямо противуположнаго мнѣнія, что личность, особь, индивидуумъ имѣли въ глазахъ Писарева второстепенное и производное значеніе, толпа же, народная масса, стояла у него на первомъ планѣ; поэтому, не интересы первой, а интересы послѣдней имѣли рѣшающее значеніе и при оцѣнкѣ имъ всѣхъ проявленій человѣческаго духа, всѣхъ политическихъ дѣйствій и историческихъ личностей.

Напомнимъ сначала читателямъ, какія задачи Писаревъ ставилъ людямъ, которые «берутся быть руководителями общественнаго самосознанія»: «изображать яркими красками страданія голоднаго большинства, вдумываться въ причины этихъ страданій, постоянно обращать вниманіе общества на экономическіе и общественные вопросы и систематически отрицать и осмѣивать все, что отвлекаетъ умственныя силы образованныхъ людей отъ этой главной задачи». Напомнимъ, что по его взгляду для истиннаго публициста возможенъ только одинъ вопросъ: какъ накормить голодныхъ людей? и спросимъ теперь: это ли значитъ «теоретизировать отдаленность» отъ общества и отвергать существованіе «общенароднаго государственнаго дѣла?»... Что приведенное profession de foi не было со стороны Писарева одною фразой, пустой «прокламаціей», въ этомъ легко убѣдиться, перечитавши слѣдующія статьи: «Пчелы», «Посмотримъ», «Подрастающая гуманность», «Французскій крестьянинъ 1789 года». Въ притчѣ о пчелахъ, весьма напоминающей знаменитую «параболу» С. Симона, интересы трудящейся массы пчелинаго рода противупоставлены наслажденіямъ трутней, какъ мы полагаемъ, отнюдь не для вящаго торжества индивидуализма, не для того, чтобы рекомендовать пустоплясамъ подвиги самоотреченія или посовѣтовать имъ сдѣлаться «акробатами благотворительности»...

Статья «Посмотримъ», изъ которой заимствованы приведенныя выше слова, формулируетъ точно общественно-демократи-

ческій идеалъ Писарева и въ полномъ соотвѣтствіи съ нимъ выставляетъ критерій для оцѣнки художественныхъ произведеній. Поэзія, литература и философія должны играть въ жизни подчиненную роль, экономическая и здравая наука—главную,—такова руководящая мысль статьи «Посмотримъ». Литература поэтому, чтобы честно выполнять свою задачу, должна идти на помощь къ экономической наукѣ. «Роль поэзіи должна состоять, съ одной стороны, въ яркомъ изображеніи невыносимыхъ неудобствъ существующаго экономическаго хаоса, а съ другой—въ такомъ же яркомъ рисованіи того блестящаго будущаго, которое приведетъ за собою найденная разумная организація. Остальныя отрасли искусства, продолжающія развлекать общество пустыми забавами, подлежатъ... строгому осужденію» (т. V, стр. 203). Та же общественная и даже узко-общественная мѣрка прилагается и къ философіи, которую Писаревъ какъ будто смѣшиваетъ съ метафизикой и отвергаетъ, какъ безцѣльную роскошь, непонятную для «толпы, нуждающейся въ насущномъ хлѣбѣ» (т. II, стр. 220). Какъ видитъ читатель, во всемъ этомъ утилитарномъ, ультра-демократическомъ взглядѣ на роль искусства и литературы для умственныхъ наслажденій «критически-мыслящаго реалиста» не оставлено мѣста, они принесены въ жертву нуждамъ и интересамъ большинства, точно такъ же, какъ личность вообще въ историко-философской концепціи Писарева отдана на подчиненіе массамъ и общимъ, внѣ личности стоящимъ условіямъ [1]).

Когда говорятъ объ индивидуализмѣ Писарева, всегда имѣютъ въ виду его статьи: «Стоячая вода», «Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова» и нѣкоторыя другія, гдѣ онъ отстаивалъ свободу личности противъ деспотизма патріархальной семьи и патріархальной общественной жизни. Эмансипація личности—таковъ дѣйствительно лозунгъ многихъ критическихъ статей Писарева. Но... личность въ исторіи играетъ подчиненную роль и въ своихъ дѣйствіяхъ опредѣляется всецѣло общими, преимущественно экономическими условіями,—таково основное положеніе его историко-философской доктрины. Какъ помирить эти двѣ мысли, или, вѣрнѣе,—есть ли въ нихъ что-

---

[1]) Мы умолчимъ о статьяхъ „Подрастающая гуманность“ и „Французскій крестьянинъ“, хотя ими хорошо подтверждается нашъ взглядъ и скажемъ только, что онѣ наводятъ на многія весьма полезныя размышленія.

нибудь противорѣчивое, что надо примирять? Мы полагаемъ, что не только ничего противорѣчащаго въ нихъ нѣтъ, но что онѣ прекрасно дополняютъ одна другую, обнаруживая приэтомъ въ Писаревѣ рѣдкую сдержанность мыслителя, умѣющаго полагать предѣлы своимъ задушевнѣйшимъ мыслямъ. Да, личность должна быть освобождена, этого требуютъ и жизнь, и разумъ, но...—съ рѣдкою прозорливостью прибавляетъ нашъ авторъ,—но не воображайте пожалуйста, что этимъ вы сдѣлаете все, что свободныя личности—гарантія общаго блага, что въ нихъ вѣнецъ созданья и творческая сила всего человѣчества. Освобожденіе личности дѣло—необходимое и насущное, но это только начало; вопросъ о «голодномъ человѣкѣ» стоитъ рядомъ съ вопросомъ о «несвободномъ человѣкѣ». Только гармоническое рѣшеніе обоихъ вопросовъ дастъ обществу спокойствіе и счастье. Что можно возразить противъ этого? Итакъ, къ одному требованію эмансипаціи личности не сводилась еще вся писаревская программа и г. Евгеній Соловьевъ, конечно, правъ, когда говоритъ въ своей вступительной статьѣ (стр. XLI), что «Писаревъ полностью понималъ непримиримое противорѣчіе между свободною личностью и закабаленнымъ работникомъ». Онъ оттого и презиралъ либерализмъ, что тотъ, по его мнѣнію, «требуетъ эмансипаціи личности, но не работника» [1]).

Чрезмѣрное увлеченіе естественными науками составляетъ, по мнѣнію его критиковъ, второй, послѣ индивидуализма, самый важный грѣхъ Писарева. Спорить противъ того, что онъ отводилъ естествознанію очень почетное мѣсто и самъ немало послужилъ дѣлу популяризаціи естественныхъ наукъ,—мы, разумѣется, не станемъ. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ, что тѣ обвиненія, которыя обыкновенно строятся на этомъ безспорномъ фактѣ, нѣсколько преувеличиваютъ истину. Во-первыхъ, надо замѣтить, что въ сочиненіяхъ самого Писарева естественнымъ наукамъ отведено далеко не такъ много мѣста, какъ это можно заключить изъ словъ его критиковъ. Исторіи, напримѣръ, онъ удѣляетъ гораздо больше вниманія, что видно хотя бы ужъ

[1]) Къ сожалѣнію, г. Евгеній Соловьевъ постоянствомъ своихъ мнѣній не отличается: въ отдѣльной книжкѣ о Писаревѣ (Біографическая библіотека г. Павленкова), онъ говоритъ нѣчто иное, чѣмъ въ статьѣ. Здѣсь главной заслугой Писарева онъ считаетъ „великую и плодотворную идею объ исторической силѣ эмансипированной критической личности“ (стр. 160). Какъ помирить это положеніе съ нѣкоторыми мѣстами изъ статьи г. Соловьева, а главное со всей исторической философіей Писарева, этого мы не знаемъ, не знаетъ вѣроятно и нашъ критикъ.

изъ одного того факта, что на десять статей историческаго характера мы находимъ въ сочиненіяхъ Писарева только четыре или пять естественно-научныхъ статей. Во-вторыхъ, это увлеченіе естественными науками, довольно сильное при вступленіи Писарева на литературное поприще, весьма ослабѣло впослѣдствіи, а подъ конецъ совсѣмъ уступило свое мѣсто широкимъ экономическимъ взглядамъ. Это легко прослѣдить и по внутреннему содержанію его писаній и по тому внѣшнему факту, что въ то время какъ въ двухлѣтіе 1861—62 г. Писаревъ посвящаетъ естественнымъ наукамъ цѣлыхъ три обширныхъ статьи, въ двухлѣтіе 1865—66 г. онъ не пишетъ такихъ статей ни одной. Въ-третьихъ, наконецъ, въ его послѣднихъ статьяхъ мы находимъ, если не прямой принципіальный отказъ отъ своего былого увлеченія, то во всякомъ случаѣ большія поправки къ нему. Припомнимъ его слова: «агрономическія свѣдѣнія нашихъ крестьянъ чрезвычайно скудны, но эти скудныя свѣдѣнія большею частью составляютъ мертвый капиталъ, потому что они далеко превосходятъ мѣру практическаго могущества земледѣльца». Ясно, что естественныя науки не могутъ увеличить этого практическаго могущества, и публицисту, «имѣющему въ виду интересы большинства», приходится направить свое вниманіе въ иную сторону... Такой именно выводъ сдѣлалъ самъ Писаревъ, занявшись исторіей и экономикой; другого вывода онъ сдѣлать въ то время не могъ, потому что не былъ знакомъ съ позднѣйшимъ открытіемъ г. Владиміра Соловьева, сдѣланнымъ имъ въ годину народнаго бѣдствія, будто «практическое могущество» крестьянъ «не имѣетъ рѣшающаго значенія», ибо разъ ужъ одна десятина не даетъ ему ничего, ничего не дадутъ, значитъ, и 80 десятинъ [1]).

Комментировать и разъяснять изложенные выше взгляды Писарева намъ кажется совершенно излишнимъ. Другое дѣло— ихъ оцѣнка. Здѣсь, очевидно, можетъ быть много различныхъ мнѣній, какъ благосклонныхъ, такъ и неблагосклонныхъ для Писарева. Но, не желая подражать тѣмъ изъ осмѣянныхъ имъ историковъ, которые «грозятъ кулакомъ покойнику Сидору и гладятъ по головкѣ покойника Антона», мы отклонимъ отъ себя эту неблагодарную задачу—постановлять окончательный

---

[1]) См. «Вѣст. Европы», 1891 г. № 10, стр. 784.

приговоръ. За-то будетъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь одно чисто фактическое замѣчаніе.

Въ извѣстной полемикѣ послѣдняго времени представителями народнической точки зрѣнія утверждалось не разъ, что соціологическій монизмъ, — случайно занесенное къ намъ ученіе, не имѣющее корней въ Россіи. Мнѣніе это, къ сожалѣнію, совсѣмъ не опровергалось и представителями инкриминируемаго ученія. Они сами были склонны видѣть въ немъ лишь необходимую принадлежность новѣйшихъ (и при томъ нѣмецкихъ) экономическихъ доктринъ. Однако, какъ опредѣленные экономическіе взгляды (вопреки мнѣнію г. Бельтова) не предполагаютъ неизбѣжно матеріалистическаго пониманія исторіи, такъ и это послѣднее не требуетъ вовсе, въ качествѣ необходимаго своего завершенія, признанія, напримѣръ, экономическихъ теоремъ «Капитала». Въ доказательство послѣдняго сошлемся на болѣе раннія соціологическія ученія, не чуждыя уже (хотя и грубо понимаемой) экономической точки зрѣнія на исторію. Мы разумѣемъ соціологическія идеи Гаррингтона, Монтескье, Мальтуса, Оуэна, отчасти Джемса Милля [1]). Сошлемся также и на нѣкоторыхъ современныхъ представителей историческаго матеріализма, не раздѣляющихъ нѣмецкаго экономическаго ученія. Достаточно вспомнить Роджерса, Лоріа, Нитти, Летурно, Лампрехта, Лакомба...

Провозвѣстникомъ того же соціологическаго монизма въ Россіи—былъ Писаревъ [2]). Передъ нами писатель, уже въ 60-хъ гг. высказывавшій многія изъ тѣхъ идей, которыя разсматриваются теперь, какъ продуктъ самаго послѣдняго времени и даже какъ profession de foi такъ наз. «восьмидесятниковъ» (мнѣніе г. В. В.). Быть можетъ, это и есть самый важный «грѣхъ» Писарева, грѣхъ, превышающій собой всѣ другіе, но почему-то просмотрѣнный его суровыми критиками? А вѣдь Писаревъ, между тѣмъ, не только развивалъ свои еретическія мысли, но еще предавалъ осмѣянію всякаго рода Донъ-Кихотовъ (см. статью «Русскій Донъ-Кихотъ»), и зло подшу-

---

[1]) Для нѣкоторыхъ изъ нихъ см. «Philosophy and political economy in some of their hisiorical relations» by James Bonar, 1893, стр. 88—90 231-232, 350 и „Исторію соціальныхъ системъ“ г. Щеглова, т. I, стр. 206—208.

[2]) Впрочемъ не онъ одинъ. Но мы здѣсь не имѣемъ возможности касаться *исторіи* соціологическаго монизма въ Россіи.

чивалъ надъ поклоненіемъ «народной правдѣ» («Несоразмѣрныя претензіи» и «Процессъ жизни»). Это, конечно, только усугубляетъ его вину въ глазахъ очень многихъ. Но въ такомъ случаѣ нашимъ очеркомъ не оказываемъ ли мы ему плохой услуги, не навлекаемъ ли новыхъ проклятій на голову и безъ того уже преданнаго анаѳемѣ—критика? Это насъ не пугаетъ нисколько: намъ ли бояться за него?... Что же касается насъ самихъ, то мы сочтемъ себя совершенно оправданными предъ его памятью, если намъ будетъ приписана честь перваго указанія на новые великіе «грѣхи» нашего критика-экономиста.

Культъ Разума и Верховнаго Существа [1]).

Много шуму надѣлала въ свое время извѣстная попытка нѣсколькихъ французскихъ революціонеровъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ разрушить христіанскую религію со всею ея іерархіей и обрядами, чтобы затѣмъ на обломкахъ христіанства создать особую религію Разума. По всей Франціи, согласно ихъ желанію, христіанскіе храмы стали или разрушаться, или служить для новыхъ обрядовъ; обычный календарь былъ ими совершенно измѣненъ; сами священники отказывались отъ прежней вѣры и даже громили ее съ церковныхъ амвоновъ. Вся Европа съ изумленіемъ, съ ужасомъ или съ негодованіемъ взирала на то, что творилось во Франціи. Но это продолжалось не долго. Культъ Разума смѣнился культомъ Верховнаго Существа, затѣмъ въ сферѣ религіи, какъ и въ политикѣ, наступила реакція, вернувшая христіанству всю прежнюю, если еще не бо̀льшую, силу. Культъ Разума такимъ образомъ отошелъ въ область преданія и отошелъ притомъ въ качествѣ дерзкаго курьеза, не заслуживающаго сколько-нибудь серьезнаго изученія; къ нему стали относиться, какъ къ легкомысленной фантазіи нѣсколькихъ увлекающихся умовъ, какъ къ совершенно безпочвенной попыткѣ перенести въ жизнь чисто абстрактныя понятія.

Историки почти не останавливаются надъ этимъ во всякомъ случаѣ весьма характернымъ эпизодомъ французской исторіи, а если и останавливаются, то не для безпристрастнаго изученія его, а лишь для той или иной оцѣнки революціоннаго культа.

---

[1]) Aulard. Le culte de la Raison et de l'Être Suprême (1793—1794). Essai historique. P. 1892.

Заговаривая о немъ, они почти всегда берутъ на себя исключительно роль судей и, даже не удостоивая дѣла тщательнымъ изученіемъ всѣхъ причинъ и послѣдствій, спѣшатъ ему вынести самый строгій обвинительный приговоръ. Писатели религіозные отнеслись къ культу Разума съ нѣсколько бо́льшимъ вниманіемъ, но они дѣлали это лишь въ томъ разсчетѣ, чтобы въ воспоминаніяхъ Террора почерпнуть оружіе противъ философовъ, а потому и не заботились вовсе о правильной исторической критикѣ. Нашлись однако историки, которые съ своей стороны даже одобрили попытку революціонно-религіозной реформы. Но и у такихъ писателей мы видимъ опять же одну оцѣнку событій и не находимъ даже достаточно полнаго изложенія ихъ. Послѣднюю именно задачу поставилъ себѣ профессоръ Оларъ (Aulard), выпустившій очень основательное и любопытное изслѣдованіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Le culte de la Raison et de l'Être Suprême». Здѣсь онъ задумалъ нарисовать ту сторону французской революціи, которая коснулась ближайшимъ образомъ религіозныхъ убѣжденій народа и дать характеристику, какъ сущности новаго культа, такъ и первыхъ его основателей. Результатомъ кропотливаго изученія провинціальныхъ и столичныхъ архивовъ явился настоящій трудъ, согласно заявленію его автора, «чисто описательнаго характера». Дорожа фактами и преслѣдуя лишь полноту, проф. Оларъ, къ сожалѣнію, мало заботился объ удобочитаемости своей книги; она и оказалась скорѣе систематизированными матеріалами, нежели строго отдѣланной исторической монографіей. Задача настоящей статьи выдѣлить изъ сочиненія Олара всѣ общія положенія и нарисовать въ самыхъ главныхъ чертахъ, минуя иногда весьма характерныя подробности, судьбу и содержаніе революціоннаго культа.

Вопросы религіи и вѣры очень охотно обсуждались французской литературой XVIII-го вѣка. Скептическая и обличительная по преимуществу, она не утрачивала этихъ основныхъ своихъ свойствъ и въ области религіозной. Насмѣшки надъ монахами и духовенствомъ, изобличенія церковныхъ злоупотребленій, чисто раціоналистическій взглядъ на предметы поклоненія людей вѣрующихъ—составляли въ сочиненіяхъ того времени самыя обычныя явленія. Однако источникъ этого антирелигіознаго направленія у разныхъ писателей былъ не всегда одинаковъ: у однихъ оно вытекало изъ общаго ихъ матеріалистическаго или атеистическаго міровоззрѣнія, у другихъ—не шло дальше

осужденія только нѣкоторыхъ сторонъ современнаго культа,— осужденія, имѣвшаго въ своей основѣ абстрактно-религіозное чувство. Писатели болѣе крайняго взгляда,—среди нихъ можно отмѣтить Гельвеція и Гольбаха,—въ настоящее время насъ не касаются. Хотя въ позднѣйшихъ нападкахъ на христіанскую вѣру и слышится иногда отголосокъ ихъ ультра-матеріалистическаго ученія, тѣмъ не менѣе въ вопросѣ, теперь насъ интересующемъ, въ созданіи культа Разума, эти поборники разума, но противники всякаго культа, не принимали сами по себѣ никакого участія. Другое дѣло—обличители установленной религіи, не чуждые сами религіозныхъ основъ. Наиболѣе вліятельнымъ и яркимъ ихъ представителемъ надо считать Вольтера. Извѣстно, что онъ обличалъ религію во имя самой религіи, онъ требовалъ отнюдь не разрушенія ея, но только лишь реформированія, очищенія отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. А какимъ образомъ ее очистить? Посредствомъ оттѣсненія на задній планъ догмы, обрядности и приданія большей силы самой сущности религіи, т.-е. добродѣтели. «Догма», говоритъ Вольтеръ, «заставила умереть въ мученіяхъ десять милліоновъ христіанъ; добродѣтель же не вызвала даже царапины. Догма и до сихъ поръ влечетъ за собою разобщеніе, злобу и жестокость въ государствахъ, въ городахъ и въ семействахъ. О! добродѣтель, дай намъ успокоеніе!» Говоря дальше о взаимномъ отношеніи государства и церкви, Вольтеръ полагаетъ теоретическія основанія позднѣйшимъ постановленіямъ конституанты въ этой области и прежде всего гражданской присягѣ священниковъ. «Хотите вы, пишетъ онъ, «чтобъ ваша нація была сильна и могущественна? Пусть государство приказываетъ религіи. Какова наименѣе дурная изъ всѣхъ религій? Та, въ которой меньше догматовъ и больше добродѣтели. А какова самая лучшая изъ нихъ? Та, которая всѣхъ проще...»

Власть государства въ религіозной сферѣ была еще сильнѣе подчеркнута и болѣе горячо защищаема другимъ писателемъ XVIII-го вѣка, нынѣ совсѣмъ позабытымъ, а въ свое время весьма популярнымъ,—аббатомъ Рейналемъ. Въ своей «Философской исторіи» онъ говоритъ: «нѣтъ никакого иного собора, кромѣ совѣщанія министровъ государя. Гдѣ собрались правители страны, тутъ собралась и церковь. Когда государство произнесло свое слово, церкви не остается ничего прибавить... Нѣтъ другихъ апостоловъ, какъ законодатель и его

исполнители. Нѣтъ другихъ священныхъ книгъ, кромѣ тѣхъ, которыя признаны за таковыя. Нѣтъ иного божественнаго права, какъ благо республики...»

Нельзя отрицать далѣе извѣстнаго воздѣйствія на вождей революціи и на ихъ религіозныя убѣжденія натуралистической философіи Дидеро, но оно, безъ сомнѣнія, было и менѣе замѣтно, и болѣе анонимно, чѣмъ, напр., вліяніе сочиненій Руссо, Мабли и отчасти Тюрго; именно въ этихъ писателяхъ будущіе поборники культа Верховнаго Существа найдутъ себѣ самыхъ авторитетныхъ союзниковъ. У Руссо можно указать для примѣра цѣлый рядъ самыхъ краснорѣчивыхъ страницъ объ естественной религіи (réligion naturelle), а его «Савоярскаго священника» слѣдуетъ считать прямо евангеліемъ всего позднѣйшаго культа Верховнаго Существа. Подкрѣпленіемъ нѣсколько отвлеченнаго ученія Руссо явились сочиненія Мабли, въ которыхъ пропагандировалась необходимость внѣшняго и публичнаго поклоненія Верховному Существу, производимаго въ храмахъ со священнослужителями и церемоніями. Внутренній культъ казался Мабли недостаточнымъ, и самая мысль о немъ—преступной и химеричной.

Если такимъ образомъ философы XVIII-го вѣка уже подготовляли умы къ скептицизму въ отношеніи къ установленной религіи, и если въ ихъ сочиненіяхъ мы находимъ извѣстное теоретическое обоснованіе всѣхъ послѣдующихъ событій, то отсюда еще не слѣдуетъ, что имъ однимъ и никому другому религіозная реформа обязана своимъ происхожденіемъ. Совсѣмъ напротивъ: настроеніе отчасти самого общества и ближайшія политическія событія, а никоимъ образомъ не вольномысліе французской литературы—были причиной всѣхъ революціонныхъ попытокъ низвергнуть католицизмъ и учредить религію Разума. Само духовенство было всего болѣе виновато въ томъ, что французское общество наканунѣ революціи отличалось крайнимъ невѣріемъ. Представители католической церкви нерѣдко сами только подавали примѣръ свободнаго отношенія къ вопросамъ религіи. Аристократія, буржуазія и часть высшаго духовенства, нисколько не стѣсняясь, издѣвались надъ всякой обрядностью. Отъ священниковъ общество требовало не выполненія таинствъ, не толкованія догматовъ, а только лишь проповѣди морали. Что же касается крестьянъ, то они, не думая и не интересуясь, слѣдовали установленному ритуалу, а къ своимъ деревенскимъ

кюрэ, крестьянамъ, какъ и они сами, привыкли относиться за панибрата.

Учредительное собраніе на первыхъ порахъ отнеслось къ католической религіи чрезвычайно почтительно, нападать на основы вѣры, на догму совсѣмъ и не входило въ его намѣренія. Однако вопросъ о гражданской присягѣ священниковъ очень скоро проявилъ весь антагонизмъ, существующій между церковью и государствомъ. Неприсягнувшіе служители алтаря вызвали неудовольствіе, а потомъ и гоненіе со стороны революціоннаго правительства. Но все негодованіе обрушилось сначала лишь на отдѣльныхъ лицъ, а не на ихъ ученіе, и непокорнымъ, враждебнымъ священникамъ противупоставили тогда въ идеалѣ только—послушныхъ и благонамѣренныхъ. Но само духовенство не пожелало союза съ республикой; своими антинаціональными поступками оно подготовило себѣ реакцію въ умахъ законодателей. Церковь вошла въ соглашеніе съ врагами республики, внутренними и внѣшними. Священникъ, какъ показали многочисленныя свидѣтельства, имѣлъ связь съ Кобленцомъ, онъ зажигалъ гражданскую войну въ Вандеѣ. Вездѣ, гдѣ замѣчалась только оппозиція національной оборонѣ, усматривали слѣды враждебной агитаціи духовенства. Тогда-то положеніе дѣлъ радикально перемѣнилось. Нападки посыпались со всѣхъ сторонъ и притомъ на все духовное сословіе, какъ присягнувшее, такъ и уклонившееся отъ присяги: храмы подверглись оскорбленіямъ, алтари стали опрокидываться, революція занесла свою руку и на само христіанство. «Если религія,—разсуждали тогдашніе правители Франціи,—служитъ препятствіемъ благу отчизны, разрушимъ религію»...

Такимъ-то образомъ началось антирелигіозное движеніе, надѣлавшее столько шуму; отсюда впослѣдствіи возникъ и разсматриваемый Оларомъ культъ Разума. Первымъ толчкомъ для того и другого послужили угрожающія политическія событія, враждебная республикѣ тактика духовенства и, наконецъ, чувство самозащиты со стороны республиканскаго правительства.

Первые признаки антирелигіознаго движенія проявились въ провинціи и были такого рода, что въ нихъ нельзя не увидѣть прямого результата чисто патріотическихъ соображеній. Вотъ съ чего дѣло началось. Изъ нѣкоторыхъ департаментовъ въ Конвентъ поступили запросы, нельзя ли переливать въ пушки церковные колокола въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ чрезмѣрно

много. Отвѣтъ центральнаго правительства былъ таковъ, что въ каждомъ приходѣ слѣдуетъ сохранить лишь по одному колоколу, а всѣ остальные въ теченіе одного мѣсяца предоставить въ распоряженіе Исполнительнаго Комитета для немедленнаго же обращенія ихъ въ артиллерійскія орудія. Отвѣтъ Конвента, конечно, только усилилъ патріотическій жаръ нѣкоторыхъ провинціальныхъ властей. Снятіемъ съ церквей колоколовъ дѣло уже не ограничилось, за нимъ тотчасъ же послѣдовало и присвоеніе церковныхъ драгоцѣнностей: во многихъ мѣстностяхъ изъ храмовъ повынесли все украшавшее ихъ золото, сняли съ алтарей и всѣ дорогіе покровы. Въ оффиціальныхъ донесеніяхъ изъ провинціи мы встрѣчаемъ стремленіе оправдать такіе поступки и при этомъ совершенно антирелигіозную точку зрѣнія, согласно которой благо страны поставляется выше всѣхъ требованій культа. Этимъ путемъ, уничтоженіемъ матеріальныхъ символовъ культа, открывалась широкая дорога для свободнаго отношенія и къ самымъ основамъ религіи.

Всѣ наши свѣдѣнія о первыхъ стадіяхъ антирелигіознаго движенія въ департаментахъ мы почерпаемъ изъ донесеній правительственныхъ коммисаровъ. Среди извѣстій иного рода тутъ попадаются указанія то на публичное отреченіе отъ христіанства нѣсколькихъ священниковъ одного города, то на установленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно новыхъ и притомъ нецерковныхъ празднествъ. Одинъ изъ уполномоченныхъ Конвента, Фушэ, взялъ на себя даже починъ въ этомъ дѣлѣ, присвоивъ себѣ въ дѣйствительности никѣмъ не данное ему полномочіе «насаждать культъ республики и естественной морали на мѣстѣ прежней религіи ханжества и предразсудковъ». Фушэ издалъ для ввѣреннаго ему округа указъ объ радикальномъ измѣненіи процесса похоронъ. Весь ихъ религіозный характеръ, согласно его указу, уничтожался и похороны принимали отнынѣ какой-то поэтически-философскій оттѣнокъ. Тѣмъ же Фушэ устроенъ былъ въ Неверѣ совершенно языческій праздникъ, на которомъ возжигался «священный огонь богини Весты и былъ воздвигнутъ храмъ Амуру для совершенія въ немъ брачныхъ обрядовъ».

Вскорѣ затѣмъ въ самомъ Парижѣ имѣлъ мѣсто такого же характера народный праздникъ. Это было 10 августа 1793 г., въ годовщину паденія старой монархіи. На площади Бастиліи воздвигли статую Природы въ видѣ женщины, у которой изъ

грудей долженъ былъ изливаться неизсякаемый источникъ чистой воды, символъ неистощимаго изобилія. Надпись подъ статуей гласила: «мы всѣ ея дѣти». Обращаясь къ этому воплощенію Природы, членъ комитета общественной безопасности и президентъ Конвента, Геро-де-Сешелль, открылъ празднество такими словами:

«Природа», воскликнулъ онъ, «повелительница дикарей и цивилизованныхъ націй! Этотъ безчисленный народъ, собравшійся съ первыми лучами солнца передъ твоимъ изображеніемъ, достоинъ тебя: онъ свободенъ. Въ твоихъ нѣдрахъ, въ твоихъ святыхъ источникахъ онъ снова обрѣлъ свое право—и возродился. Послѣ столѣтій рабства и заблужденій онъ долженъ былъ вернуться къ твоимъ простымъ путямъ, чтобы возвратить себѣ свободы и равенство. О, природа! прими выраженіе вѣчной привязанности французовъ къ твоимъ законамъ, и да освятятъ чистыя воды, текущія изъ твоихъ нѣдръ, этотъ великій союзъ братства и равенства всѣхъ присягающихъ тебѣ въ этотъ день, самый прекрасный союзъ изъ всѣхъ, которые освѣщало когда-либо солнце съ тѣхъ поръ, какъ оно зажглось въ безконечномъ пространствѣ!»... Здѣсь оффиціальный протоколъ праздника присоединяетъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: «Вслѣдъ за такимъ гимномъ, единственной молитвой съ самыхъ первыхъ вѣковъ существованія человѣчества, обращенной къ природѣ дѣйствительными представителями націи, нашъ предсѣдатель наполнилъ свой кубокъ водой и давалъ изъ него пить уполномоченнымъ всего французскаго народа, удостоившимся чести нести знамена ихъ избиравшихъ округовъ».

Это торжественное и публичное обоготвореніе природы на улицахъ Парижа долгое время сначала оставалось единственной попыткой такого рода. Философски сдержанное, аристократически изящное оно произвело мало впечатлѣнія на народъ, который былъ, разумѣется, совершенно чуждъ пантеистическимъ умозрѣніямъ президента Конвента. За-то громадное и всеобщее значеніе имѣли нѣкоторыя законодательныя мѣры, принятыя этимъ послѣднимъ.

Уничтожить католическіе праздники, замѣнить имена святыхъ названіями предметовъ, «составляющихъ», какъ говорилось въ оффиціальныхъ разъясненіяхъ, «истинное богатство страны»,—значило отнять у католицизма весь его внѣшній престижъ. Вслѣдъ за введеніемъ республиканскаго календаря

Комитетъ народнаго просвѣщенія издалъ указъ, по которому всѣмъ священникамъ и монахамъ запрещалось преподавать въ общественныхъ заведеніяхъ; кромѣ того, въ войска, въ школы и въ муниципалитеты разосланы были особыя книжечки съ жизнеописаніями героевъ республики для замѣщенія ими всякихъ «житій святыхъ». Въ послѣднихъ мѣрахъ нельзя не видѣть уже вполнѣ обдуманной и вполнѣ откровенной компаніи противъ католицизма.

Мѣстами народъ самъ шелъ на встрѣчу намѣреніямъ правительства. Одинъ изъ наиболѣе глухихъ городковъ Иль-де-Франса подалъ первый примѣръ совершенной «дехристіанизаціи» (dèchristianisation). Его обитатели считали прежде своимъ патрономъ св. Власія; въ одинъ прекрасный день это имъ перестало нравиться, и они его замѣнили античнымъ героемъ Брутомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они постановили закрыть свой католическій храмъ и отпустить священника на всѣ четыре стороны. Примѣръ одного городка подѣйствовалъ заразительно на окружающихъ, и скоро весь дистриктъ объявилъ себя передъ Конвентомъ отрѣшившимся отъ христіанства. Это подало поводъ законодателю признать «право всѣхъ гражданъ установлять тотъ культъ, который они захотятъ, и прекращать церемоніи, переставшія нравиться». Многіе члены якобинскаго клуба были еще однако недовольны такою полумѣрой Конвента, они желали полнаго отдѣленія церкви отъ государства. «Если мы хотимъ» говорилъ одинъ изъ такихъ ораторовъ, «обезпечить свободу всѣхъ исповѣданій, мы не должны ни одного культа поддерживать на государственный счетъ, ни одной религіи не отдавать преимущества передъ другими». Правительство, какъ видно изъ оффиціальныхъ изданій того времени, и само не было враждебно идеѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства, тѣмъ не менѣе мысль эта тогда еще не настолько созрѣла, чтобы она могла принять законодательную форму. Къ тому же Конвентъ былъ занятъ въ то время болѣе повседневными, болѣе мелкими и близкими нуждами, и все отсрочивалъ рѣшеніе этого капитальнаго, но, какъ казалось, не очень насущнаго вопроса. Однако же мѣры, направленныя къ умаленію значенія духовенства, не переставали имъ издаваться.

17 брюмера II-го года республики, иначе говоря 7-го ноября 1793 года, состоялось знаменитое засѣданіе Конвента, надѣлавшее много шуму въ Европѣ и несомнѣнно заслуживающее

быть особо выдѣленнымъ въ исторіи. Въ этотъ день предъ лицомъ законодательнаго собранія, предсталъ парижскій епископъ Гобель во главѣ всего епископальнаго совѣта. Онъ пожелалъ сложить съ себя свой высокій духовный санъ и въ краткой, тутъ же произнесенной рѣчи объяснилъ присутствующимъ причины, побудившія его къ этому шагу. Онъ сказалъ, что родился плебеемъ и всегда уважалъ народный суверенитетъ. Призванный народомъ на мѣсто епископа, онъ принялъ предложенный ему санъ и съ тѣхъ поръ все свое вліяніе употреблялъ на то, чтобы увеличивать «привязанность своей паствы къ вѣчнымъ принципамъ свободы, равенства и добродѣтели, этимъ необходимымъ основамъ всякой дѣйствительно республиканской конституціи». Теперь, когда тотъ же народъ освобождаетъ его отъ прежнихъ обязанностей, онъ подчиняется снова и заявляетъ, что, вмѣстѣ со всѣмъ совѣтомъ, приходитъ сложить съ себя передъ Конвентомъ свое званіе и свои отличія. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобъ отреченіе Гобеля было совсѣмъ ужъ добровольное: собственная его фраза о томъ, что народъ освобождаетъ его отъ прежнихъ обязанностей, указываетъ на извѣстное внѣшнее давленіе. Въ дѣйствительности, наканунѣ того дня, къ парижскому епископу явились два представителя власти, Клотцъ и Перейра, и передали ему волю правительства. Гобелю ничего другого не оставалось, какъ отступить самому, не дожидаясь, чтобы его смѣстили. Вслѣдъ за изложенной рѣчью онъ снялъ съ себя знаки епископскаго достоинства и, среди громкихъ и дружныхъ апплодисментовъ всего собранія, надѣлъ на голову красную якобинскую шапку. Примѣру своего главы послѣдовалъ весь епископскій совѣтъ, а за нимъ потянулся цѣлый рядъ отреченій различныхъ духовныхъ особъ. Нѣсколько дней Конвентъ почти только то и дѣлалъ, что выслушивалъ заявленія покидающихъ свои посты епископовъ, викаріевъ и кюрэ. На послѣднемъ изъ такихъ собраній, по предложенію одного члена, Конвентъ постановилъ перевести на итальянскій языкъ всѣ тѣ изъ своихъ указовъ, которые были направлены противъ духовенства и носили вообще антирелигіозный характеръ, а затѣмъ отправить ихъ римскому папѣ, чтобъ «вылѣчить его отъ старыхъ заблужденій».

Впрочемъ, уже черезъ нѣсколько недѣль этотъ юмористическій тонъ представителей власти сразу и рѣзко перемѣнился, когда въ обществѣ заговорили о томъ, что полиція обнаружила въ Парижѣ какой-то заговоръ духовенства. Не долго думая, ге-

неральный совѣтъ Парижа постановляетъ такое радикальное рѣшеніе:

«Въ виду того—говорилось въ указѣ отъ 3-го фримера,—что самъ народъ заявилъ о своемъ нежеланіи признавать иной культъ, кромѣ культа Истины и Разума, Генеральной Совѣтъ постановляетъ: 1) чтобы всѣ существующіе въ Парижѣ храмы и церкви всѣхъ возможныхъ религій были немедленно заперты; 2) что священники и руководители культовъ будутъ считаться отвѣтственными за безпорядки, которые явятся слѣдствіемъ религіозныхъ убѣжденій; 3) что тотъ, кто пробуетъ открыть храмъ или церковь, будетъ арестованъ, какъ лицо неблагонадежное; 4) что революціоннымъ комитетамъ будетъ предложено какъ можно внимательнѣе слѣдить за священниками и наконецъ 5) въ Конвентъ будетъ отправлена петиція объ изданіи такого декрета, коимъ священники лишались бы права нести какія бы то ни было общественныя обязанности, равно какъ и участвовать въ изготовленіи оружія».

Дальше уже на пути репрессалій идти было некуда: этотъ указъ слѣдуетъ считать кульминаціоннымъ пунктомъ антирелигіознаго движенія.

Если Генеральный Совѣтъ Парижа въ подкрѣпленіе своего постановленія ссылался на мнѣніе самого народа, не желающаго будто бы иного культа, кромѣ культа Истины и Разума, то въ этой ссылкѣ надо видѣть указаніе на только что передъ тѣмъ происходившія народныя манифестаціи. Парижское населеніе, дѣйствительно, съ воодушевленіемъ примкнуло къ празднику, устроенному для прославленія Разума въ ноябрѣ 1793-го года по иниціативѣ правительства. На этотъ разъ новый культъ встрѣченъ былъ сочувственно, и праздникъ принялъ характеръ народнаго торжества. Утромъ назначеннаго дня представители городской власти, въ сопровожденіи громадной толпы народа, направились къ Собору Парижской Богоматери. Здѣсь уже все было устроено къ ихъ приходу. Внутренность церкви была всячески разукрашена, а по самой серединѣ возвышалась довольно высокая гора, вся убранная дорогими матеріями. На ея вершинѣ устроенъ былъ маленькій храмъ въ греческомъ стилѣ съ надписью: «философіи»; вокругъ него помѣщались бюсты: Вольтера, Руссо, Франклина и, кажется, Монтескье. Церемоніи начались какимъ-то музыкальнымъ отрывкомъ, во время исполненія котораго изъ глубины храма вышли группы молодыхъ

дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья съ трехцвѣтными кушаками и съ факелами въ рукахъ. Онѣ переходили черезъ всю гору, останавливаясь и кланяясь передъ храмомъ; за ними вслѣдъ появилась особенно богато одѣтая женщина, по выраженію очевидцевъ—«истинное воплощеніе красоты»; на головѣ ея красовалась якобинская шапочка, въ рукахъ была длинная пика—она изображала собою Свободу. Присутствующіе встрѣтили ее восторженными кликами и съ воодушевленіемъ пропѣли особый гимнъ, спеціально для этого случая сочиненный довольно извѣстнымъ революціоннымъ поэтомъ—Жозефомъ Шенье. При послѣднихъ словахъ гимна актриса парижской оперы, изображавшая Свободу, бросивъ прощальный благосклонный взглядъ на весь собравшійся народъ, снова скрывалась въ глубинѣ храма; радостныя пѣсни оглашали церковь, присутствующіе давали клятвы быть вѣрными новой богинѣ и поздравляли другъ друга. Изъ церкви затѣмъ устроена была торжественная процессія, во главѣ которой шли музыканты, а въ серединѣ на высокихъ носилкахъ медленно подвигалась впередъ богиня Свободы, встрѣчаемая повсюду восторгомъ и пѣніемъ.

Такія манефестаціи вошли скоро въ обыкновеніе, а Соборъ Парижской Богоматери былъ признанъ оффиціальнымъ храмомъ для поклоненія Разуму. Другія столичныя церкви увидѣли въ своихъ стѣнахъ почти такія же сцены. Повсюду новый культъ совершался по одному образцу: произносились рѣчи, пѣлись гимны въ честь свободы или въ честь Разума, иногда ихъ сопровождала еще марсельеза, иногда тутъ обсуждались политическіе вопросы, и дѣти школьнаго возраста декламировали революціонныя стихотворенія. Въ провинціи такія празднества получили еще болѣе популярности и были учреждены по собственной иниціативѣ нѣкоторыхъ городскихъ властей, не дождавшихся приказаній или примѣра столицы. Не было департамента, не было сколько-нибудь значительнаго города во Франціи, какъ это видно изъ многочисленныхъ фактовъ, собранныхъ проф. Оларомъ, гдѣ культъ Разума не получилъ хотя бы недолго примѣненія. И любопытно, что особенное воодушевленіе въ новомъ культѣ проявляло населеніе тѣхъ мѣстностей, которыя прежде считались всегда самыми твердыми столпами католицизма. Здѣсь антирелигіозное движеніе переходило въ какую-то разнузданную оргію и принимало крайне разруши-

тельный характеръ. Еще недавніе посѣтители католическихъ храмовъ, теперь съ какой-то горячей поспѣшностью, съ восторженнымъ озлобленіемъ обращаютъ храмы въ конюшни, жгутъ на кострахъ священныя книги, уничтожаютъ всѣ принадлежности христіанскаго культа. Рѣчи, которыя произносились при этомъ, были полны насмѣшекъ надъ прежней религіей и восхваляли Разумъ какъ единственное достойное почитанія божество. Но каковы бы ни были крайности этого движенія, по существу своему оно не было атеистично. Настоящіе, послѣдовательные атеисты того времени, вродѣ журналиста Саллавиля, отнеслись къ революціонному культу съ нескрываемымъ осужденіемъ. Въ ихъ глазахъ поклоненіе Разуму—не что иное, какъ новая религія. «Недостаточно—писалъ Саллавиль,—сжечь молитвенники, кресты, иконы и другія свидѣтельства нашего суевѣрія, нужно еще въ нашемъ умѣ сдѣлать полное аутодафе всѣхъ религіозныхъ убѣжденій. Ибо, покуда они существуютъ, они всегда станутъ препятствовать правильному образованію нашего міровоззрѣнія». Возражая на упрекъ Робеспьера, назвавшаго атеизмъ аристократичнымъ, Саллавиль, недовольный правительствомъ, восклицаетъ: «Если атеизмъ аристократиченъ, то лишь случайно, благодаря тому, что тираны и аристократія, соединившись, задумали сдѣлать изъ него орудіе контръ-революціи». Не заботясь о неудовольствіи, возбуждаемомъ имъ въ Конвентѣ, Саллавиль продолжаетъ: «По-истинѣ это немного странно, что хотятъ быть республиканцами во времени и роялистами въ вѣчности. Быть можетъ, чтобы облегчить переходъ отъ заблужденія къ истинѣ, слѣдуетъ на первое время замѣнить эфемернымъ поклоненіемъ нравственности прежній культъ патроновъ и святыхъ. Но если мы хотимъ привести народъ къ чистому почитанію Разума, не потворствуя его слабости реализировать абстракціи, воплощать нравственныя понятія,—слѣдуетъ вылѣчить его отъ этой маніи, которая составляетъ главный источникъ всѣхъ человѣческихъ заблужденій. Надо пропагандировать метафизическіе принципы Локка и Кондильяка, надо, чтобы народъ привыкъ видѣть въ статуѣ только камень, въ картинѣ—краски и полотно; а безъ того я не удивлюсь, если у насъ установится настоящій политеизмъ: скоро воздвигнутъ храмы всѣмъ добродѣтелямъ; онѣ будутъ имѣть свои церемоніи, свои праздники, а прославляя добродѣтели, покланяясь имъ, люди, пожалуй, признаютъ излишнимъ примѣненіе ихъ въ дѣйстви-

тельной жизни...» Въ такомъ же духѣ высказывались и другіе люди того же направленія.

Но какъ отнесся къ новому культу народъ? А народъ принималъ его больше съ внѣшней или отрицательной стороны. Видя въ священникахъ измѣнниковъ и предателей, онъ, такъ сказать, въ пику имъ разрушалъ символы католичества и оскорблялъ храмы, а въ то же время блестящія церемоніи культа Разума, его веселыя пѣснопѣнія и его патріотическій характеръ приходились по вкусу особенно парижскому населенію. Что же касается самого религіознаго чувства, то оно, разумѣется, не было уничтожено ни антихристіанскими мѣрами правительства, ни учрежденіемъ новаго, разсудочнаго культа. Религіозное чувство народа только временно отошло на второй планъ въ виду другихъ, болѣе сильныхъ тогда чувствъ, но при первомъ же удобномъ случаѣ оно нашло себѣ выходъ и проявилось съ особенной силой.

Резюмируя все, что было раньше сказано объ антирелигіозномъ движеніи въ Парижѣ и въ провиціи, проф. Оларъ заканчиваетъ первую часть своей книги такими словами: «Изъ всѣхъ разобранныхъ нами фактовъ, я думаю, вытекаетъ, что попытки уничтожить христіанство и установить религію Разума не явились во Франціи результатомъ предвзятой философской идеи, обдуманной и, какъ увѣряютъ, фанатической системы. Учредительное Собраніе и Конвентъ не имѣли намѣренія разрушать католичество. Напротивъ: до 1792-го года правительство выражало свое почтеніе національной религіи и, даже послѣ паденія трона, алтарь остался оффиціально почитаемымъ. Революція хотѣла только, чтобы духовенство не подкапывалось подъ тотъ соціальный порядокъ, который теперь возникалъ. Обязательность гражданской присяги была причиной или предлогомъ для коалиціи духовенства съ врагами республики. Надо было отнять отъ него его оружіе и побѣдить церковь, возставшую противъ государства. Сначала Конвентъ пытался сохранить свое уваженіе къ догматамъ вѣры, но скоро патріотическая ревность народа перестала дѣлать различіе между религіей и церковью. Вандея, этотъ союзъ священниковъ съ врагами и съ эмигрантами, это возмущеніе противъ закона, очагомъ котораго былъ католическій алтарь,—она-то и привела къ буйному вторженію въ храмы, къ ихъ профанаціи, а затѣмъ въ пылу гражданской битвы и къ нападенію не на одни лишь католическіе алтари, но

и на самыя основы религіи. Дехристіанизація, культъ Разума въ народномъ представленіи, если и не въ мысляхъ Шометта и Клотца, были только оружіями въ войнѣ.

«Провинція приняла ихъ серьезнѣе. Тамъ были дѣйствительно важныя и искреннія попытки отказаться отъ старой религіи и учредить новую. Богинь Разума изображали тамъ не театральныя актрисы, какъ въ Парижѣ, но почти вездѣ прекрасныя и добродѣтельныя дѣвушки, принадлежавшія къ избраннымъ классамъ общества... Различія, которыя замѣчались подчасъ въ характерѣ культа по разнымъ департаментамъ, происходили отнюдь не отъ разницы въ климатѣ или въ расѣ. Если не одинаково проходятъ философскіе праздники, не одинаково разрушается католичество въ Шартрѣ и въ Страсбургѣ, то это потому, что Шартръ отстоитъ далеко отъ непріятелей, а съ колокольни Страсбургскаго собора видны уже австрійскіе аванпосты. Если въ Верхней Віеннѣ торжество новаго культа происходитъ мирнымъ путемъ, тогда какъ въ Герѣ дѣло не обходится безъ насилія, то это зависитъ отъ того, что въ Лиможѣ революція чувствовала себя вообще побѣдительницей, а въ Ошѣ ей угрожали происки духовенства... Отсюда надо заключить и не бояться это повторить лишній разъ, что культъ Разума былъ не столько религіознымъ переворотомъ, сколько средствомъ національной обороны. Вотъ почему и католики не слишкомъ обезпокоились этимъ антирелигіознымъ порывомъ. Вотъ почему онъ появился и исчезъ такъ быстро, не оставивъ глубокихъ слѣдовъ въ душѣ у народа. Вотъ почему наконецъ съ того дня, когда Робеспьеру вздумалось указать на культъ Верховнаго Существа, какъ на болѣе удобное средство въ борьбѣ съ иноземцами, богини Разума сами собой почти повсемѣстно тотчасъ же впали въ немилость и стали подвергаться насмѣшкамъ...».

Уже въ самый разгаръ культа Разума въ Конвентѣ прорывались такія рѣчи, гдѣ слово «разумъ» подмѣнялось выраженіемъ «Верховное Существо», и гдѣ особенно настойчиво подчеркивалась необходимость прочной государственной религіи. Въ то же время въ самомъ Парижѣ тайкомъ, а въ провинціи и совершенно публично многіе католическіе храмы продолжали оставаться открытыми: въ нихъ собирались толпами молящіеся и производились всѣ обычные религіозные обряды. Католическое духовенство, повидимому, только притаилось въ ожиданіи лучшаго времени, но не оставило своихъ надеждъ на возстано-

вленіе утраченнаго значенія церкви, а потому подъ рукою въ этомъ смыслѣ и агитировало. Въ литературѣ и въ уличныхъ манифестаціяхъ все чаще и чаще стало выражаться неудовольствіе на новый культъ, во многихъ мѣстностяхъ проявилось броженіе, исходившее изъ чисто религіозныхъ побужденій. Само правительство было очень довольно всей этой затѣей: оно старалось занять нейтральное, индифферентное положеніе, конечно, только еще увеличивающее смуту. Вотъ этою-то неудовлетворенностью однихъ и недовольствомъ другихъ и воспользовался Робеспьеръ, когда онъ началъ свою атаку противъ новаго культа въ защиту христіански-религіознаго чувства.

Зная, что религіозными доводами не много подѣйствуешь на своихъ сотоварищей по Конвенту, онъ началъ съ другого конца. Выступивъ въ первый разъ противъ поклоненія Разума, Робеспьеръ выдвинулъ исключительно политическія соображенія. Онъ говорилъ, что считаетъ опаснымъ возбуждать противъ Франціи всю Европу открытымъ разрывомъ съ религіей. Называя культъ Разума атеистичнымъ, что, по словамъ Олара, было совершенно невѣрно, онъ требовалъ, чтобы существованіе Бога было признано въ принципѣ—именно въ видахъ политическихъ. Атеизмъ, по его мнѣнію, аристократиченъ. Идея же Вѣрховнаго Существа, наказывающаго порокъ и награждающаго добродѣтель, очень популярна среди простого народа. «Пускай философъ, воскликнулъ Робеспьеръ, выводитъ нравственность изъ другого источника, но берегитесь оскорбить священный инстинктъ, всеобщее чувство народовъ. Если бы Бога даже и не было, его бы слѣдовало изобрѣсти!..» Теперь, зная всѣ послѣдующія событія, мы можемъ считать слова Робеспьера не чѣмъ инымъ, какъ только своего рода прелюдіей къ будущему культу Верховнаго Существа: совсѣмъ не такое впечатлѣніе произвела эта рѣчь на присутствовавшихъ въ Конвентѣ. Въ ней увидали мудрый политическій совѣтъ и протестующее чувство свободнаго мыслителя, не желающаго. чтобы кому бы то ни было извнѣ навязывались религіозныя убѣжденія; никто еще тогда не прозрѣвалъ въ будущемъ новой религіи,—жреца-диктатора и человѣческихъ жертвъ на алтарѣ Верховнаго Существа...

Однако, рѣчь Робеспьера не осталась совсѣмъ безъ возраженій. Конвентъ былъ слишкомъ зараженъ свободомысліемъ въ вопросахъ религіи, чтобы согласиться сразу на провозглашеніе Верховнаго Существа, въ особенности тотчасъ послѣ того, какъ

онъ самъ устраивалъ поклоненіе Разуму; къ тому же среди его членовъ было еще не мало и рѣшительныхъ атеистовъ. Возгорѣлась борьба, всѣ члены Конвента раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступать. Къ партіи Робеспьера присоединился, между прочимъ, Дантонъ, и онъ-то собственно своимъ авторитетомъ рѣшилъ побѣду. Индифферентный въ вопросахъ религіи, Дантонъ выступилъ въ защиту Верховнаго Существа только въ надеждѣ, что такимъ образомъ уничтоженъ будетъ культъ Разума и дѣло ограничится принципіальнымъ признаніемъ бытія Божія. Никакихъ постоянныхъ богослуженій Дантонъ не хотѣлъ, ибо боялся возстановленія старины, но, какъ политикъ, вполнѣ одобрялъ совѣтъ Робеспьера и признавалъ за лучшее не подавать лишнихъ поводовъ къ международной распрѣ. Побѣда Робеспьера выразилась въ изданіи Конвентомъ «отвѣта на манифесты королей, соединившихся противъ республики». Здѣсь еще говорилось только, что «французскій народъ и его представители уважаютъ свободу всѣхъ исповѣданій и не преслѣдуютъ ни одного». О Верховномъ Существѣ въ «отвѣтѣ» не сказано ни слова, но уже все было подготовлено къ произнесенію и этого слова, а пока съ особенной силой подчеркивалась полная терпимость правительства ко всякимъ религіознымъ убѣжденіямъ, разъ только они не шли въ разрѣзъ съ существующимъ государственнымъ порядкомъ.

Поворотъ въ религіозной политикѣ правительства произошелъ, однако, не сразу и не безъ сильной оппозиціи. Восхваленіе Верховнаго Существа сплошь и рядомъ встрѣчало въ Конвентѣ отвѣтное восхваленіе Разума, ораторы говорившіе о важности религіи для государства, смѣнялись такими, которые охотно вторили ѣдкимъ статьямъ Саллавиля. Такая же точно двойственность замѣчалась и за стѣнами Конвента. Процессіи и праздники для прославленія Разума стали рѣже, но не прекратились совсѣмъ. Нѣкоторыя общины продолжали закрывать свои храмы и объявлять себя отрѣшившимися отъ христіанства. Робеспьеръ видѣлъ необходимость прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и прежде всего раздѣлаться съ нѣкоторыми своими особенно опасными врагами.

Робеспьеръ безъ всякаго сомнѣнія былъ самымъ ярымъ противникомъ культа Разума и самымъ ревностнымъ борцемъ за религіозное чувство; на немъ поэтому мы должны остано-

виться немного подольше и выяснить побужденія, руководившія имъ въ этой борьбѣ. Благодаря своимъ семейнымъ условіямъ, Робеспьеръ получилъ строго-католическое воспитаніе и хотя впослѣдствіи говаривалъ о себѣ, что всегда былъ очень плохимъ католикомъ, тѣмъ не менѣе его біографы придаютъ большое значеніе обстановкѣ его дѣтства и юности. По самому складу своего ума склонный къ мечтательности и мистицизму, Робеспьеръ уже очень рано сталъ предпочитать при выборѣ книгъ тѣхъ писателей, которые дѣйствовали преимущественно на чувство, а вскорѣ поддался рѣшительному вліянію Руссо. Писатели матеріалистическаго направленія отталкивали его своей сухостью, своимъ пренебреженіемъ къ духовной сторонѣ человѣка; скептическихъ философовъ XVIII в. онъ просто ненавидѣлъ, а у Руссо онъ находилъ себѣ отвѣты на многіе мучившіе его вопросы религіознаго свойства. Тамъ же онъ могъ прочесть и ту мысль, которая являлась теоретическимъ оправданіемъ для всей его позднѣйшей политики, а именно, что государство имѣетъ право требовать отъ своихъ гражданъ извѣстнаго profession de foi. Нѣкоторыя религіозныя основы признавались Руссо необходимымъ условіемъ общежитія, безъ нихъ ни одинъ подданный не могъ быть терпимъ въ государствѣ. Существованіе всемогущаго и всеблагого Божества, признаніе загробной жизни, неизбѣжнаго на томъ свѣтѣ возмездія злымъ и вознагражденія добрыхъ, наконецъ, здѣсь на землѣ признаніе святости общественнаго договора,—вотъ принципы, составлявшіе краеугольные камни этого обязательнаго символа вѣры. Вы свободны не признавать ихъ, свободны не вѣрить ни во что, но въ такомъ случаѣ государство будетъ считать васъ вреднымъ для общества и выгонитъ за предѣлы страны. Такіе принципы усвоилъ себѣ и Робеспьеръ, прежде чѣмъ выступилъ на политическое поприще. Свое нерасположеніе къ матеріалистамъ онъ не счелъ нужнымъ скрывать. Въ клубѣ якобинцевъ онъ настоялъ на томъ, чтобы бюстъ Гельвеція, стоявшій тамъ на самомъ видномъ мѣстѣ, былъ уничтоженъ, а въ то же время въ своихъ публичныхъ рѣчахъ не уставалъ громить столь ненавистный ему атеизмъ.

Секретъ того вліянія, какое имѣлъ Робеспьеръ на всѣхъ окружающихъ, заключался больше всего въ его громадномъ ораторскомъ талантѣ. Онъ удивительно искусно умѣлъ затрогивать въ сердцахъ своихъ слушателей подходящія струны и ловко пользовался людскими слабостями; въ дѣлѣ пробужденія въ народѣ

религіознаго чувства онъ очень надѣялся на помощь женщинъ и постоянно обращался къ нимъ въ своихъ рѣчахъ, взывая къ ихъ чуткому сердцу и непосредственному чувству. Мистическое направленіе Робеспьера было настолько рѣшительно и опредѣленно, что многіе крайніе республиканцы, вѣрные завѣтамъ XVIII вѣка, обезпокоились. Въ обществѣ стали поговаривать о томъ, что «этотъ сумрачный религіозной доктринеръ» опасенъ всему свободному духу французской революціи, что онъ грозится уничтожить наслѣдіе энциклопедической философіи. Появились даже каррикатуры, изображавшія Робеспьера въ священнической рясѣ и въ самой молитвенной позѣ, причемъ подпись внизу гласила: «врагъ философіи». Однако въ Конвентѣ положеніе Робеспьера было настолько прочно, что онъ не только пренебрегалъ уличными листками и толками, но еще задумалъ, при помощи того же Конвента, раздѣлаться съ нѣкоторыми особенно опасными своими врагами.

Опираясь на нѣмецкое происхожденіе Анахарсиса Клотца да на какія-то неопредѣленныя свѣдѣнія объ его связахъ съ Германіей, Робеспьеръ добился его изгнанія изъ якобинскаго клуба. Не желая раздѣлить ту же участь, Геберъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ культа Разума, отступился отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и перешелъ въ ряды защитниковъ Верховнаго Существа. Своему временному союзнику, Дантону, Робеспьеръ имѣлъ много основаній не довѣрять: совершенно справедливо видѣлъ онъ въ немъ такого же свободнаго мыслителя, какими были и Клотцъ, и Геберъ, и упомянутый нами выше Геро де-Сешелль. Выступивъ противъ Дантона, Робеспьеръ, однако, оставилъ въ сторонѣ вопросы религіозные; онъ обвинялъ своего недавняго союзника въ измѣнѣ отечеству и скоро добился того, что Дантонъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Со смертью Дантона, всегда немного сдерживавшаго кровожадныя наклонности своего товарища, владычеству Робеспьера положительно не стало предѣловъ, и реакція приняла самый ожесточенный характеръ. Геберъ и Шометтъ были казнены одинъ вслѣдъ за другимъ. Послѣднему поставили въ вину то обстоятельство, что онъ однажды воспрепятствовалъ кому-то отслужить ночью католическую мессу. Его постоянная оппозиція Робеспьеру была его дѣйствительнымъ преступленіемъ, истинной причиною казни. Въ своихъ рѣчахъ Робеспьеръ усиленно громилъ атеистовъ и въ результатѣ добился отъ Конвента принятія декрета, коимъ,

наконецъ, Верховное Существо торжественно провозглашалось. Здѣсь мы читаемъ: § 1. Французскій народъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа, равно какъ и безсмертіе души. § 2. Онъ признаетъ, что культъ, дѣйствительно достойный Верховнаго Существа, состоитъ въ исполненіи обязанностей человѣка. Тѣмъ не менѣе тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ говорится: § 4. Устроены будутъ особые праздники, чтобы напоминать людямъ о Божествѣ. § 5. Свои названія они получатъ отъ главныхъ событій французской революціи, отъ наиболѣе цѣнныхъ и полезныхъ добродѣтелей человѣка, отъ великихъ благодѣяній природы. Далѣе слѣдуетъ утомительно-длинное перечисленіе предполагаемыхъ названій всѣхъ такихъ праздниковъ на цѣлый годъ и тутъ безъ всякаго порядка слѣдуютъ другъ за другомъ французскій народъ, человѣчество, равенство, братство, супружеская любовь, любовь къ отечеству, храбрость, материнская нѣжность, стоицизмъ, промышленность, потомство, юность и прочія совершенно несоизмѣримыя между собой понятія.

Конвентъ вотировалъ этотъ декретъ, втайнѣ надѣясь, что онъ не будетъ имѣть никакихъ конкретныхъ послѣдствій. Но Робеспьеръ думалъ иначе и прежде всего озаботился устройствомъ торжественнаго чествованія Верховнаго Существа. Празднику предшествовали длинныя приготовленія, онъ долженъ былъ выйти возможно болѣе блестящимъ, а для этого слѣдовало подготовить умы и заручиться сочувствіемъ общественнаго мнѣнія. Тутъ очень кстати для всего задуманнаго дѣла произошло покушеніе на жизнь Робеспьера. Молодая дѣвушка, сдѣлавшая попытку его убить, была въ сущности совершенно не подготовлена къ исполненію такого намѣренія; игрушечный кинжалъ, съ которымъ она бросилась на Робеспьера, у нея тотчасъ же отняли, да она имъ, вѣроятно, ничего бы и не сдѣлала, такъ какъ не обладала необходимой для убійства физической силой; арестованная, она объявила себя роялисткой. Какъ ни ничтожна, казалось, была эта попытка, Робеспьеръ искусно ею воспользовался: онъ нарочно раздулъ весь инцидентъ, и, говоря о покушеніи въ Конвентѣ, придалъ дѣлу слегка религіозный характеръ. «Возрадуемся и возблагодаримъ небо,—сказалъ онъ,—мы значитъ достаточно хорошо служили отечеству, чтобы оказаться достойными кинжаловъ тиранніи». Въ то же время онъ получилъ нѣсколько поздравительныхъ писемъ по поводу его «чудеснаго спасенія». Такимъ образомъ, само Верховное Существо, каза-

лось, оберегало отъ смерти своего ревностнаго защитника. Программа праздника составлена была музыкантомъ Давидомъ и отличалась большимъ великолѣпіемъ. Священнослужители новой религіи старались не упустить изъ виду ничего, что бы могло подѣйствовать на народное воображеніе. Въ ходъ были пущены и блестящіе костюмы, и дорогія матеріи, и войско, и музыка, и цѣлыя горы цвѣтовъ. Члены Конвента появились на праздникѣ въ самыхъ торжественныхъ облаченіяхъ; впереди нихъ находился самъ Робеспьеръ, одѣтый въ яркій мундиръ и держа въ рукахъ пучекъ ржи. Собравшемуся во множествѣ народу онъ произнесъ слѣдующую, немного напыщенную, но очень понравившуюся слушателямъ рѣчь:

«Онъ насталъ, наконецъ, этотъ на вѣки благословенный день, который французскій народъ посвятилъ Верховному Существу. Никогда еще сотворенный Имъ міръ не представлялъ зрѣлища, болѣе достойнаго Его взглядовъ. Божество видѣло, какъ на землѣ царствовали тираннія, преступленіе и обманъ: Оно видитъ въ этотъ моментъ цѣлую націю, остановившую теченіе своихъ геройскихъ подвиговъ, чтобы вознестись мыслью къ Верховному Существу, которое возложило на нее миссію этихъ подвиговъ и дало силы для ихъ выполненія. Не Его ли безсмертная рука, начертавшая въ сердцѣ человѣка правила равенства и справедливости, подписала и смертный приговоръ тиранамъ?.. Оно поселило въ душѣ торжествующаго притѣснителя боязнь и угрызенія совѣсти, а въ сердцѣ невинно притѣсняемаго— спокойствіе и гордость; это Оно увѣнчало цѣломудріемъ чело красоты, чтобы сдѣлать его еще прекраснѣе; это Оно исполнило материнское чувство нѣжностью; это Оно увлажаетъ прекрасными слезами глаза сыновей, прижимающихся къ груди своей матери; это Оно заставляетъ замолкнуть самыя нѣжныя и самыя сильныя страсти предъ чувствомъ возвышенной любви къ родинѣ; это Оно надѣлило природу величіемъ, всѣми прелестями и богатствомъ... Все, что хорошо,—это Его дѣло или Оно само. Зло принадлежитъ испорченному человѣку, притѣсняемому или притѣсняющему себѣ подобныхъ» (почти дословное повтореніе знаменитой фразы Руссо).

Когда рѣчь была кончена, артисты парижской оперы исполнили величественный гимнъ «Отецъ вселенной», музыка котораго всѣмъ очень понравилась. Затѣмъ Робеспьеръ подошелъ къ статуѣ Атеизма, подъ которой была сдѣлана надпись:

«послѣдняя надежда враговъ», взялъ поданный ему горящій факелъ и съ разныхъ концовъ поджегъ ее. Все было такъ заранѣе устроено, что на мѣстѣ почти мгновенно сгорѣвшей статуи Атеизма изъ пламени появилось изображеніе Мудрости; по оффиціальнымъ отчетамъ, новая статуя «предстала предъ глазами народа во всемъ своемъ блескѣ», но очевидцы находили ее, напротивъ, сильно закоптѣвшей отъ дыма. Затѣмъ по улицамъ Парижа потянулась блестящая процессія; всеобщее вниманіе привлекала въ осебенности торжественная колесница, запряженная восемью быками, рога которыхъ были вызолочены. Колесница была въ античномъ вкусѣ, вся разукрашена дорогими покровами и заключала въ себѣ инструменты всѣхъ французскихъ искусствъ и ремеслъ. Тутъ были орудія земледѣлія вмѣстѣ съ колосьями хлѣба—эмблема народнаго благосостоянія, были и типографскія принадлежности—эмблема народнаго просвѣщенія. Въ центрѣ виднѣлось изображеніе Свободы, долженствовавшее указывать, что только подъ покровительствомъ свободы искусства могутъ процвѣтать. Вокругъ этой колесницы толпились члены Конвента, представители высшей власти въ странѣ. Во все время пути раздавались возгласы: «да здравствуетъ республика!» въ перемежку съ криками: «да здравствуетъ Робеспьеръ!». Слишкомъ бросавшаяся въ глаза одежда послѣдняго, разсчитанная на эффектъ, его стремленіе стать впереди всѣхъ, выдвинуться изъ ряда товарищей,—были настолько замѣтны, что вмѣстѣ съ привѣтственными народными криками Робеспьеру пришлось услыхать на свой счетъ и нѣсколько оскорбительныхъ замѣчаній со стороны и иныхъ членовъ конвента. Наконецъ, на одной изъ главныхъ площадей города процессія остановилась. Пропѣли марсельезу и гимнъ въ честь Верховнаго Существа. Дѣвушки бросали вверхъ цвѣты, юноши обнажали шпаги и давали на нихъ клятвы всегда одерживать побѣды. Старики ихъ благословляли. Артиллерійскій залпъ возвѣстилъ объ окончаніи праздника.

Казалось, что Робеспьеръ достигъ своего: праздникъ въ честь Верховнаго Существа былъ устроенъ и вышелъ блестящимъ. Однако, нельзя было не видѣть, что успѣхъ являлся чисто внѣшнимъ: именно того, чего такъ желалъ Робеспьеръ, не получилось. Никто не принялъ новаго культа въ серьезъ, никто не видѣлъ въ праздникѣ чего-нибудь иного, кромѣ вели-

колѣпнаго театральнаго зрѣлища: на робеспьеровскую затѣю взглянули съ одной лишь артистической точки зрѣнія. Въ провинціи съ новымъ культомъ дѣло пошло еще хуже. Исходя изъ своихъ, въ сущности, деистическихъ вѣрованій, Робеспьеръ думалъ создать религію, въ основу которой будетъ положено только два принципа: бытіе Божіе и безсмертіе души. Но въ большинствѣ рѣчей на провинціальныхъ праздникахъ Верховнаго Существа къ этимъ двумъ принципамъ примѣшивались совершенно чуждые деизму элементы: то нѣкоторые догматы католицизма, то свободно-философская точка зрѣнія поклонниковъ Разума. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ праздники Верховнаго Существа по своему внѣшнему облику напомнили народу литургическія формы католическаго богослуженія, но въ громадномъ большинствѣ мѣстъ они ничѣмъ почти не отличались отъ праздниковъ, устраивавшихся раньше тѣми же лицами для прославленія Разума. Ихъ прямо смѣшивали, оба эти культа, и въ новомъ видѣли только усовершенствованіе, улучшеніе стараго. Согласно указу конвента, прежняя надпись «храмъ Разума» должна была теперь на всѣхъ церквахъ быть замѣнена такою: «Верховному Существу»; но это распоряженіе почему-то не вездѣ было выполнено, и даже тамъ, гдѣ его дѣйствительно привели въ исполненіе, внутренній смыслъ перемѣны остался для народа неяснымъ. Оно, впрочемъ, и не мудрено, когда, напр., даже оффиціальная газета жерскаго департамента находила возможнымъ давать отъ себя такія разъясненія: «Согласно указу на лицевой сторонѣ храмовъ надо написать: «Верховному Существу» вмѣсто прежняго: «храмъ Разума». Это все равно, что обозначить причину слѣдствіемъ; самый храмъ останется по прежнему храмомъ Разума, потому что одинъ разумъ способенъ воздать Верховному Существу должныя ему почести, почести достойныя и того, кто ихъ воздаетъ, и того, кому онѣ воздаются». Въ Гаврѣ одно должностное лицо на засѣданіи генеральнаго совѣта доказывало, что «Разумъ и Верховное Существо—принципъ одинъ и тотъ же, изъ котораго для народа вытекаетъ единая вѣра; воздавать почести одному, значитъ чествовать и другое»... Простой народъ не могъ, конечно, разобрать самъ значенія новой религіи, когда даже въ умахъ его ближайшихъ властей царствовала подобная путаница.

Значительная часть Франціи повидимому даже и не подозрѣвала о религіозной реформѣ Робеспьера; этому способство-

вали всего больше многочисленныя черты сходства новаго культа съ прежнимъ. Статую Мудрости въ Тюльерійскомъ саду многіе находили удивительно похожей на статую Разума; нѣкоторыя подробности въ празднованіи Верховнаго Существа были прямо заимствованы изъ культа Разума; тотъ же поэтъ, который воспѣвалъ прежде Разумъ, Марія-Жозефъ Шенье, слагалъ свои гимны и въ честь Верховнаго Существа; отставныя богини стараго культа выполняли теперь роли Мудрости и Свободы,— словомъ на поверхностный взглядъ провинціала, несвѣдущаго въ томъ, что творится у кормила правленія, никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ оффиціальной религіи какъ будто и не происходило. Желанія Робеспьера были такъ плохо поняты или такъ мало приняты во вниманіе, что антирелигіозное движеніе во многихъ департаментахъ не переставало идти своимъ чередомъ, и католическія церкви продолжали закрываться. Кое-гдѣ культъ Верховнаго Существа выродился прямо въ культъ родины и принялъ исключительно патріотическую окраску; этому были причиной отчасти вѣсти о только что описанномъ нами народномъ праздникѣ въ Парижѣ, гдѣ пѣлась марсельеза и произносились воинственныя клятвы, отчасти также и рѣчи самого Робеспьера, не покидавшаго все время и патріотической точки зрѣнія. За-то католическое духовенство съ своей стороны сейчасъ же прозрѣло мистическій характеръ происходившей перемѣны и поспѣшило утилизировать ее на свою пользу. Католическая агитація въ странѣ усилилась, теперешней терпимостью правительства духовенство воспользовалось для того, чтобы возобновить отправленіе христіанскаго богослуженія. Почва для полнаго возстановленія католицизма такимъ образомъ постепенно подготовлялась.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что идея новой религіи была вездѣ или не понята, или намѣренно извращена. Увидѣвъ столь жалкій результатъ всѣхъ своихъ долгихъ стараній, Робеспьеръ пришелъ въ ярость, сталъ жаловаться на интриги враговъ, схватился было за репрессаліи и началъ наполнять тюрьмы ослушниками. Но все было напрасно, и самъ первосвященникъ Верховнаго Существа оказывался безсильнымъ: ничто не могло оживотворить его мертворожденное дитя; новый культъ по всѣмъ видимостямъ рѣшительно не могъ привиться. Преслѣдованія во имя Верховнаго Существа послужили на гибель только самому Робеспьеру: 9-го Термидора Конвентъ принялъ рѣшеніе

арестовать своего недавняго повелителя съ явнымъ намѣреніемъ избавиться отъ него навсегда. Нѣтъ сомнѣнія, что деспотическія и кровожадныя наклонности Робеспьера были главной причиной этого рѣшенія; покуда былъ живъ Робеспьеръ, ни одинъ членъ Конвента не могъ быть покоенъ за свою голову; пока былъ живъ Робеспьеръ, никто не могъ поручиться, что республика въ одинъ прекрасный день не преклонитъ свою голову передъ диктаторомъ. Однако, въ протоколахъ собранія 9-го Термидора, среди мотивовъ политическаго характера, мы находимъ слѣдующія соображенія: «Онъ былъ въ отчаяніи, что не могъ возвратить народъ къ фанатизму и католическому жречеству, которое было и его собственнымъ, замѣнить его новымъ культомъ и новымъ жречествомъ, принудивъ такимъ образомъ великое политическое собраніе, правительство свободное и республиканское, отдалиться отъ Разума и отъ тѣхъ принциповъ, кои запрещаютъ хорошему правителю вмѣшиваться въ религіозныя дѣла съ иною цѣлью, какъ только для того, чтобъ прекратить злоупотребленія, безпорядки и преступленія, могущіе возникнуть въ этой области». Въ ночь съ 9 на 10 Термидора, когда Робеспьеръ, раненый въ голову выстрѣломъ изъ пистолета, лежалъ на полу, исходя кровью, къ нему подошелъ какой-то санкюлотъ и, издѣваясь, замѣтилъ: «Вотъ оно, Верховное Существо». Подобныя насмѣшки Робеспьеру пришлось вынести и въ тюрьмѣ, гдѣ на его просьбу дать перо и бумагу тюремщикъ спросилъ его, не думаетъ ли ужъ онъ писать своему Верховному Существу... Въ Конвентѣ на слѣдующій день одинъ изъ второстепенныхъ ораторовъ выражалъ свое удовольствіе по поводу сверженія этого «католическаго короля». Недавніе льстецы изощрялись въ насмѣшкахъ надъ павшимъ властелиномъ.

Послѣ низверженія Робеспьера созданный имъ религіозный культъ исчезъ не сразу. Кое-гдѣ продолжались праздники, подобные вышеописанному, кое-гдѣ еще воздвигалось нѣсколько храмовъ въ честь Верховнаго Существа. Но это было лишь безполезное переживаніе воспоминаній, жалкая агонія обреченной на смерть религіи. Обряды и праздники новаго культа въ теченіе очень недолгаго времени вышли изъ моды; не прошло и цѣлаго года съ момента низверженія Робеспьера, какъ о Верховномъ Существѣ во Франціи всѣ перестали и думать. Робеспьеровскій культъ былъ постепенно просто забытъ; правительству поэтому не пришлось и уничтожать его какимъ нибудь особен-

нымъ декретомъ. Но если исчезъ самый культъ, то все же нельзя сказать, чтобъ имъ посѣянныя сѣмена такъ и пропали безслѣдно; совсѣмъ напротивъ: найдя уже готовую для себя почву, они дали такіе ростки, о какихъ вѣроятно самъ сѣятель никогда и не думалъ. Культъ Верховнаго Существа, благодаря своему мистически-религіозному характеру, благодаря положенному въ его основаніе вѣрованію въ бытіе Божіе и въ безсмертіе души, а въ то же время благодаря еще очень сильно сказывающемуся въ немъ патріотическому чувству,—явился переходной стадіей между поклоненіемъ Разуму, этимъ послѣдовательнымъ и полнымъ отрицаніемъ христіанства, и наступившей затѣмъ особенно ожесточенной католической реакціей. Въ этомъ и заключалась историческая роль созданной Робеспьеромъ религіи.

Съ чего начинать изученіе политической экономіи.

(По поводу книги Ш. Жйда: „Основы политической экономіи“).

I.

Съ чего надо начинать изученіе политической экономіи? На этотъ важный вопросъ весьма авторитетными людьми было дано два различныхъ отвѣта. Одни изъ такихъ авторитетныхъ людей совѣтуютъ для начала обращаться къ элементарнымъ руководствамъ, не претендующимъ на научность, но за-то имѣющимъ въ виду самую крайнюю степень популяризаціи; напротивъ, другіе рекомендуютъ начинать прямо съ университетскихъ курсовъ, задача которыхъ—познакомить своихъ слушателей или читателей не съ нѣкоторыми обобщеніями экономической науки, а съ нею самой. Перваго взгляда придерживаются составители петербургскихъ программъ для домашняго чтенія, второго—составители московскихъ. Обращаясь къ самымъ программамъ, мы въ нихъ находимъ слѣдующія указанія для желающихъ ознакомиться съ экономической наукой. Въ петербургскомъ «Сборникѣ для самообразованія» (1895) на стр. 21 читаемъ: «Занятія по политической экономіи рекомендуется начать съ чтенія краткаго учебника, *схематически*[1]) излагающаго систематику предмета и содержаніе каждаго отдѣла. Для такого подготовительнаго чтенія пригодны *курсъ* г. Карелина и книжка г. Карышева. Въ первомъ изъ нихъ обращаютъ на себя *преимущественное* вниманіе

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

прикладныя части, знакомящія попутно съ многими интересными фактами хозяйственной жизни Россіи; во второмъ имѣется *вопросникъ*, могущій служить *важнымъ подспорьемъ* начинающему для усвоенія предмета... *Послѣ этого* вступительнаго знакомства съ предметомъ является возможность приступить къ болѣе подробному изученію по курсу г. Чупрова». Иначе смотрятъ на дѣло составители московскихъ программъ. «Въ основу занятій предлагается положить обстоятельное ознакомленіе съ главными отдѣлами сочиненія Рикардо. Достоинство этого писателя заключается въ замѣчательной глубинѣ и точности мысли и въ рѣдкомъ умѣньѣ выяснить сущность и взаимную связь основныхъ экономическихъ явленій. Но такъ какъ Рикардо принадлежитъ къ числу писателей трудныхъ»,—рекомендуется предварительно ознакомиться съ однимъ изъ трехъ курсовъ: профессоровъ Чупрова, Исаева или Иванюкова. Но тутъ же дается совѣтъ читать изъ этихъ руководствъ «только чисто-теоретическіе отдѣлы, оставляя отдѣлы описательнаго и прикладного характера до той поры, когда читатель хорошо освоится съ теоріей» («Программа домашняго чтенія», Москва, 1895, стр. 98—99).

Сравнивая выраженные такимъ образомъ взгляды петербургскихъ и московскихъ спеціалистовъ, мы замѣчаемъ, что они расходятся въ двухъ существенныхъ пунктахъ. Въ Петербургѣ, во-первыхъ, не считаютъ возможнымъ дать въ руки начинающему университетскія лекціи, тогда какъ въ Москвѣ на университетскіе курсы смотрятъ уже, какъ на уступку тѣмъ, кому слишкомъ труденъ Рикардо; и, во-вторыхъ, допускаютъ съ самаго начала параллельное ознакомленіе съ теоретической и прикладной частями политической экономіи, противъ чего вооружаются московскіе ученые, признающіе хорошее усвоеніе теоріи необходимымъ условіемъ для перехода къ прикладнымъ и описательнымъ отдѣламъ. Этотъ второй пунктъ разногласія мы здѣсь не станемъ обсуждать, настолько мнѣніе петербургскихъ спеціалистовъ, составлявшихъ экономическую программу, кажется намъ страннымъ и неосновательнымъ: какъ можно знакомиться съ спеціальною частью, не изучивъ общей, съ приложеніями теоріи, не ознакомившись съ нею самой? Поднимать споръ на эту тему значитъ пускаться въ область трюизмовъ. Совсѣмъ иное—вопросъ о степени популярности, съ какой должны излагаться основанія политической экономіи для начинающихъ; онъ подлежитъ еще дѣйствительно спору и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія.

И на Западѣ, и у насъ политическая экономія, какъ извѣстно, служитъ предметомъ *университетскаго* преподаванія. Исключеніемъ изъ этого общаго правила являются лишь нѣкоторыя спеціальныя среднеучебныя заведенія, коммерческія и иныя, имѣющія въ виду, впрочемъ, уже *завершить* образованіе своихъ воспитанниковъ и сообщающія имъ экономическія свѣдѣнія, какъ необходимыя въ извѣстной профессіи. Обыкновенно предполагается такимъ образомъ, что для усвоенія экономической науки необходимъ тотъ запасъ знаній и тотъ навыкъ къ умственному труду, которые, худо ли, хорошо ли, даются школой, гимназіей. И люди, посвящающіе себя преподаванію политической экономіи, не только признаютъ такое положеніе дѣлъ вполнѣ правильнымъ, но еще неустанно разъясняютъ своимъ слушателямъ, насколько сложны и спорны затрагиваемые ими вопросы, съ какимъ большимъ запасомъ знаній слѣдуетъ подходить къ рѣшенію практическихъ проблемъ и какъ хорошо надо разобраться въ методологическихъ трудностяхъ для сознательнаго, критическаго отношенія къ такъ называемымъ «экономическимъ вопросамъ». Совершенно одиноко стоитъ въ этомъ отношеніи Мальтусъ, знаменитый авторъ «Опыта о народонаселеніи», полагавшій, что преподаваніе политической экономіи можетъ быть доведено до той степени популярности, при которой оно распространится и на народныя школы. Однако, этому не суждено было осуществиться, и едва ли кто въ настоящее время станетъ поддерживать мнѣніе Мальтуса. Мы склонны, напротивъ, приписывать политической экономіи еще большія трудности, чѣмъ тѣ, которыя заставили включить ее въ кругъ университетскаго преподаванія; приходится, напр., жалѣть, что, по нашему университетскому уставу, политическую экономію слушаютъ студенты I курса. Было бы, можетъ быть, цѣлесообразнѣе, если бы изученіемъ этой науки (и притомъ непремѣнно въ связи съ экономической исторіей и соціологіей, насколько онѣ могутъ быть сдѣланы предметомъ преподаванія при существующихъ знаніяхъ) не открывалось, но завершалось образованіе нашихъ юристовъ...

Иначе смотрятъ на дѣло составители различныхъ «краткихъ изложеній политической экономіи», иначе думаютъ и петербургскіе профессора, рекомендующіе намъ популяризаціи гг. Карышева и Карелина. Разногласіе требуетъ, очевидно, ближайшаго разсмотрѣнія этихъ популяризацій; если дѣйствительно работы названныхъ авторовъ хорошо знакомятъ съ политической эконо-

міей, какъ наукой, составители петербургской программы правильно рекомендуютъ начинать съ «краткаго учебника, схематически излагающаго систематику предмета»; но если окажется, что ни книжки гг. Карышева и Карелина, ни другія имъ подобныя, своей цѣли не достигаютъ,—тогда намъ придется одобрить образъ дѣйствія московскихъ профессоровъ, совершенно игнорировавшихъ произведенія популяризаторовъ.

Вотъ, что мы узнаемъ прежде всего о предметѣ политической экономіи изъ книги г. Карышева: «Наука, излагающая законы экономической дѣятельности людей, очень велика и крайне интересна. Она *изучаетъ* всю *ту работу*[1]), которая удовлетворяетъ необходимѣйшимъ стремленіямъ всѣхъ людей и которой почти всѣ люди заняты почти всегда. Кто *интересуется* насущнымъ *хлѣбомъ*, долженъ *интересоваться знакомствомъ* (sic!) съ тѣми правилами, законами, на основаніи которыхъ онъ добывается» (стр. 6). Всего яснѣе и правильнѣе въ приведенной цитатѣ предметъ политической экономіи опредѣленъ словами «излагающая законы экономической дѣятельности людей», но такъ какъ въ книжкѣ до тѣхъ поръ не говорилось ни о характерѣ этихъ законовъ, ни даже о существованіи ихъ, естественно, что г. Карышеву необходимо было дать нѣкоторыя поясненія своимъ молодымъ читателямъ. Онъ это и дѣлаетъ: «политическая экономія изучаетъ работу... почти всѣхъ людей». Не знаемъ, какъ поймутъ это мѣсто читатели г. Карышева; возможно, что политическая экономія представится имъ въ образѣ строгаго фабриканта. Желая быть конкретнѣе, г. Карышевъ говоритъ намъ о «правилахъ, на основаніи которыхъ добывается хлѣбъ». Это уже предметъ, не относящійся къ политической экономіи. Мы, скорѣе, отнесли бы такія «правила» къ области агрономіи...[2])

Стремясь, главнымъ образомъ, «схематически изложить систематику и содержаніе каждаго отдѣла», г. Карышевъ плохо справляется и съ тѣмъ, и съ другимъ. Онъ, напр., не только не можетъ разграничить обмѣна и распредѣленія, но въ своихъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Если бы къ данному мѣсту примѣнить оговорку г. Карышева, сдѣланную имъ по другому случаю, что подъ словомъ «хлѣбъ» онъ разумѣетъ не только пищу, «но и одежду, и топливо, словомъ, все, безъ чего человѣкъ обойтись не можетъ», то и тогда его опредѣленіе предмета политической экономіи не стало бы лучше. «Правила», по которымъ производятся *топливо* и *одежда*, относятся къ области техники, но не политической экономіи.

путанныхъ объясненіяхъ на этотъ счетъ прямо ихъ смѣшиваетъ (см. стр. 9—10). Изъ «отдѣловъ» всего слабѣе разработано у него производство. Ужъ мы не говоримъ о многочисленныхъ опущеніяхъ (ни слова о значеніи машинъ, о перепроизводствѣ и пр.), но вотъ каковы даваемыя здѣсь объясненія. «Нужны два условія,—читаемъ мы на стр. 31 (§ 38 «образованіе капитала»),—для того, чтобы появился капиталъ: 1) нужно, чтобы производительность труда возрасла настолько, чтобы въ день можно было выработать больше, чѣмъ нужно для дневного прокормленія рабочаго и его семьи; 2) нужно, чтобы свободное время, которое остается послѣ выработки дневного пропитанія, употреблялось на увеличеніе количества или на улучшеніе орудій производства». Да развѣ это вѣрно исторически, развѣ такія, а не совершенно иныя условія способствовали «образованію капитала»? И развѣ рабочіе, увеличивъ производительность своего труда и обративъ свое свободное время на увеличеніе количества орудій производства, сдѣлаются отъ того капиталистами, какъ это слѣдуетъ по формулѣ г. Карышева?.. Для образованія капитала нужны еще многія условія, упущенныя нашимъ авторомъ.

Основные недостатки «бесѣдъ» г. Карышева—ихъ *ненаучность* и *антиисторичность*. Авторъ анализируетъ экономическія отношенія, какъ что-то застывшее и неизмѣнное; неопытный читатель и не заподозритъ, какимъ сложнымъ историческимъ процессомъ создались анализируемыя явленія, какъ они неустойчивы и преходящи, онъ даже можетъ придти къ тому убѣжденію, что, вѣроятно, всегда такъ *было* и всегда такъ *будетъ*. Современному экономисту и даже простому компилятору нельзя пренебрегать исторіей, нельзя обойтись безъ исторической точки зрѣнія. Мы не станемъ отрицать, конечно, того, что изъ книжки г. Карышева совсѣмъ несвѣдущій читатель можетъ узнать коечто о факторахъ производства, о способѣ распредѣленія, о формахъ обмѣна, о деньгахъ и кредитѣ. Но мы утверждаемъ, что политическая экономія, какъ наука, останется для него чуждой и по прочтеніи «Экономическихъ бесѣдъ». Г. Карышевъ не сообщаетъ ему ничего ни объ ея методахъ, ни объ ея значеніи и цѣли, ни объ ея отношеніи къ другимъ наукамъ. Все это свидѣтельствуетъ о неуспѣхѣ предпринятой популяризаціи. Составители петербургской программы хвалятъ въ «Экономическихъ бесѣдахъ» *вопросникъ*, «могущій служить важнымъ подспорьемъ

начинающему для усвоенія предмета». Не станемъ спорить, *вопросникъ* можетъ быть очень хорошъ, но «для усвоенія предмета» его одного, думается намъ, недостаточно.

То обстоятельство, что книга г. Карелина посвящена «преимущественно» прикладнымъ отдѣламъ политической экономіи уже дѣлаетъ ее въ нашихъ глазахъ непригодной для педагогическихъ цѣлей. Хорошъ «курсъ» политической экономіи, авторъ котораго свое *главное* вниманіе направляетъ не на теорію, а на практику! Нѣсколько словъ, однако, не мѣшаетъ сказать и о популяризаторскихъ пріемахъ г. Карелина. Вотъ, напр., опредѣленіе *производства:* «Дѣятельность труда (точно трудъ еще не есть дѣятельность!), вспомоществуемая средствами производства, имѣющая своимъ основаніемъ источники (!) сырыхъ матеріаловъ, называется производствомъ» («Краткое изложеніе политической экономіи, 1894, стр. 25). Что средства производства «вспомоществуетъ» труду, т. е. производству, это еще ничего, но вотъ что основаніемъ производства являются «источники сырыхъ матеріаловъ»,—это ужъ плохо. Источникъ шерсти—овца, слѣдуетъ ли ее поэтому назвать «основаніемъ» всѣхъ шерстяныхъ производствъ? Посвятивъ цѣлую главу *капиталу,* г. Карелинъ приходитъ къ заключенію, что капиталъ представляетъ или «сумму предметовъ, обращенную на производство», или «своеобразное экономическое явленіе». Вотъ это очень хорошо: своеобразное явленіе и все тутъ! Не дурно и такое разграниченіе: «трудъ конкретный производитъ строго опредѣленные предметы», а «трудъ абстрактный производитъ *просто предметы* (!), не разсматриваемые нами со стороны ихъ индивидуальныхъ особенностей».

Требованія популяризаціи: доступность изложенія, простота и ясность употребляемыхъ терминовъ, наконецъ, отсутствіе прямыхъ ошибокъ,—нарушаются г. Карелинымъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что, совершенно непригодная для ознакомленія съ теоретической экономіей, книжка г. Карелина можетъ быть съ пользою прочтена приступающимъ къ изученію русской экономической дѣйствительности.

Но, быть можетъ, составители петербургской экономической программы сдѣлали просто неудачный выборъ учебниковъ и вмѣсто книжекъ гг. Карышева и Карелина можно указать болѣе удовлетворительныя популяризаціи? Напротивъ, мы имѣемъ дѣло еще съ лучшими образцами этого рода литературы. Все остальное, какъ-то: «Основы политической экономіи» В. Мануилова

(не слѣдуетъ смѣшивать съ А. Мануиловымъ, авторомъ изслѣдованія объ ирландской арендѣ), «Популярная политическая экономія» Отто Элерса, «Начальныя основанія политической экономіи» м-съ Фаусеттъ,—эти ужъ совсѣмъ плохи. И любопытно, какъ это видно изъ сдѣланнаго перечня, что на поприщѣ популяризаціи экономическихъ знаній иностранные авторы не оказались счастливѣе русскихъ. Это лучше всего доказываетъ, что причина неуспѣха лежитъ не столько въ неумѣньѣ авторовъ взяться за дѣло, сколько въ безплодности самаго предпріятія. Мы допускаемъ возможность появленія такого «краткаго изложенія» (пока его не существуетъ), которое будетъ свободно отъ грубыхъ ошибокъ, неправильныхъ опредѣленій и неудачныхъ объясненій. Что же дастъ такая идеальная популяризація? Она дастъ, во-первыхъ, крайне условную *систему* современной политической экономіи, во-вторыхъ, по отдѣламъ, дастъ обобщенія и опредѣленія *какой-нибудь изъ существующихъ экономическихъ школъ* и, въ-третьихъ, дастъ нѣкоторое количество *фактовъ* изъ области экономическихъ отношеній. Но всякая система должна проводиться, а не предлагаться, и начинающему вообще съ ней нечего дѣлать; готовыя обобщенія безъ того матеріала, на которомъ они построены, безъ параллельнаго ознакомленія съ обобщеніями противоположнаго свойства, — заслуживаютъ, съ педагогической точки зрѣнія, одного только осужденія: они заставляютъ брать на вѣру то, что должно быть продумано, и такимъ образомъ только отдаляютъ отъ пониманія науки; факты, наконецъ, полезны только въ системѣ, но популярный очеркъ не можетъ дать началъ соціологіи и экономической исторіи.

Основная цѣль изученія политической экономіи—возможность самостоятельно разобраться въ фактахъ экономической жизни и экономической политики. Мы называемъ экономически образованнымъ человѣкомъ того, кто можетъ оцѣнить народнохозяйственное значеніе вновь установленнаго налога, тѣхъ или иныхъ цѣнъ на трудъ, пониженія курса денегъ, увеличенія въ странѣ вывоза при уменьшеніи ввоза и проч. Могутъ встрѣтиться, конечно, такіе сложные вопросы, въ которыхъ даже спеціалисты оказываются неспособными придти къ опредѣленному, единогласному рѣшенію (таковъ вопросъ о девальваціи, послужившій въ Вольноэкономическомъ Обществѣ предметомъ величайшихъ разногласій). Но въ болѣе простыхъ, несложныхъ вопросахъ всякій экономически образованный человѣкъ долженъ имѣть свое

мнѣніе. Вотъ къ этой-то главной цѣли «популяризаціи» не подвигаютъ ни на шагъ. И иначе быть не можетъ: какъ могутъ онѣ научить анализу фактовъ, когда онѣ игнорируютъ всякій анализъ, преподнося готовые выводы? какъ могутъ онѣ научить методическому умозаключенію, когда сами слѣдуютъ только одному методу—эклектическому собиранію разныхъ «положеній»; какъ могутъ онѣ, наконецъ, дать понятіе объ основномъ свойствѣ экономическихъ явленій, свойствѣ, которое долженъ всегда держать въ умѣ всякій обсуждающій эти явленія,— ихъ историчности, измѣняемости, неустойчивости,—когда гг. популизаторамъ приходится, для простоты, разсматривать экономическую жизнь только въ статическомъ ея состояніи?

II.

Изъ сдѣланныхъ выше критическихъ замѣчаній сами собой вытекаютъ тѣ положительныя требованія, которыя мы должны предъявлять ко всякому руководству по политической экономіи. На одномъ изъ руководствъ, недавно появившемся на русскомъ языкѣ, мы остановимся нѣсколько подробнѣе. Мы имѣемъ виду «Основы политической экономіи» Шарля Жида, книга котораго отвѣчаетъ *формально* всѣмъ выставленнымъ условіямъ. Французскій авторъ тщательно избѣгаетъ всякаго догматизма въ передачѣ теоріи, по каждому спорному пункту приводитъ мнѣнія разныхъ школъ, стараясь отнестись къ нимъ объективно, въ вопросахъ экономической политики сообщаетъ большое количество фактовъ, способствующихъ образованію у читателя собственнаго мнѣнія, наконецъ, очень рѣшительно оттѣняетъ историческій характеръ экономическихъ явленій. Чтобы исчерпать все, что можно сказать въ пользу разбираемой книги, слѣдуетъ прибавить, что она написана живымъ и легкимъ языкомъ, не служащимъ, притомъ, во вредъ научности изложенія. Но мы нарочно сказали, что сочиненіе Жида удовлетворяетъ выставленнымъ нами условіямъ *формально*, а характеризуя объективность автора, прибавили «старается». Дѣло въ томъ, что проф. Жидъ стоитъ на правильной дорогѣ, онъ хорошо понимаетъ, какъ слѣдуетъ писать руководство по политической экономіи и въ большинствѣ случаевъ отлично справляется съ этой задачей. Но книга его написана очень неровно, достоинство ея отдѣльныхъ частей не-

одинаково. По нѣкоторымъ (увы, капитальнымъ!) вопросамъ г. Жидъ не удерживается на объективной точкѣ зрѣнія, онъ выступаетъ *на защиту* извѣстныхъ положеній, стараясь ихъ *внушить* своимъ читателямъ и умаляя, притомъ, значеніе и доказательность положеній противоположнаго рода. Кромѣ иногда проявляющейся тенденціозности, «Основы» Жида грѣшатъ еще нѣкоторыми спеціальными недостатками, такъ что прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ, могутъ ли онѣ служить руководствомъ для начинающаго, а если нѣтъ, не могутъ-ли быть все-таки полезны при изученіи политической экономіи, намъ необходимо присмотрѣться нѣсколько ближе къ относительнымъ достоинствамъ и недостаткамъ этого, во всякомъ случаѣ, незауряднаго сочиненія.

Мы съ нѣкоторой подробностью остановимся на первомъ и основномъ вопросѣ политической экономіи,—вопросѣ о цѣнности. Какъ разрѣшается онъ г. Жидомъ?—«Цѣнность, читаемъ на стр. 27,—это *желаемость* (désiderabilité)... Разъ цѣнность рождается изъ желанія, она исходитъ скорѣе отъ насъ, чѣмъ отъ вещей. Она, какъ говорятъ теперь, гораздо болѣе субъективна, чѣмъ объективна... Идея цѣнности не предполагаетъ ничего больше, какъ предпочтеніе, оказываемое одной вещи передъ другой,—сравненіе, взвѣшиваніе, борьбу между двумя желаніями». Далѣе слѣдуетъ примѣръ Робинзона, который, спасая, что можно, съ погибшаго корабля, выбиралъ болѣе цѣнныя для себя вещи. «Порядокъ,—прибавляетъ авторъ (стр. 28),—въ которомъ онъ послѣдовательно перетащилъ ихъ на сушу, превосходно указываетъ іерархію его предпочтеній, а, слѣдовательно, и относительныя цѣнности, которыя онъ приписывалъ этимъ богатствамъ». Примѣръ этотъ, къ сожалѣнію, рѣшительно ничего не доказываетъ; въ случаѣ съ Робинзономъ отсутствуютъ нормальныя мѣновыя отношенія, товары представляются въ видѣ даровъ природы, и цѣнности, въ научномъ смыслѣ этого слова, спасенныя Робинзономъ вещи вовсе не имѣютъ. Недоказанное (потому что неудачная ссылка на Робинзона играетъ роль единственнаго доказательства) утвержденіе Жида, что «цѣнность есть желаемость, рождается изъ желанія», вообще совершенно неосновательно. Если наши читатели попробуютъ нѣсколько разобраться въ этомъ опредѣленіи, они и сами навѣрно замѣтятъ его полнѣйшую неудовлетворительность. Вѣдь *опредѣленную* цѣнность имѣютъ часто вещи, которыхъ никто еще не «пожелалъ» (товары въ лавкѣ). Цѣнность эта не успѣла реализироваться въ опредѣлен-

ной суммѣ денегъ, но она существуетъ, и создало ее, очевидно, не желаніе покупателя, а что-то другое. Кромѣ того, самое страстное желаніе, само по себѣ, не способно придать цѣнности вещи, которая ея не имѣетъ. Такъ, напримѣръ, больной страстно желаетъ попасть въ теплый климатъ, въ его глазахъ это придаетъ большую цѣнность Ривьерѣ, но воздухъ Ривьеры, благодаря его желанію, не пріобрѣтетъ мѣновой цѣнности. Наконецъ, если мы признаемъ, что цѣнность товара опредѣляется только желаніемъ покупщика, намъ придется отказать во всякомъ вліяніи на нее продавца-производителя. Простое наблюденіе противорѣчитъ этому. Но авторъ и самъ не останавливается на выставленномъ имъ афоризмѣ. Нѣсколькими страницами ниже (см. стр. 35), онъ поясняетъ, что мы желаемъ извѣстныхъ вещей болѣе или менѣе сильно, смотря по тому, въ какомъ количествѣ онѣ находятся, причемъ, послѣднее зависитъ отъ нашего умѣнья умножить ихъ. Хотя разсужденіе это и не совсѣмъ правильно, потому что интензивность нашего желанія зависитъ не отъ одного количества удовлетворяющихъ его предметовъ, — во всякомъ случаѣ отсюда, казалось бы, необходимо сдѣлать тотъ выводъ, что, кромѣ «желанія», въ образованіи цѣнности играютъ роль факторы, связанные съ *производствомъ*. Однако, этого вывода г. Жидъ не дѣлаетъ и на только-что приведенномъ разсужденіи обрывается его анализъ цѣнности.

Теорія цѣнности, развиваемая г. Жидомъ вслѣдъ за австрійской школой, имѣетъ среди экономистовъ лишь немногихъ послѣдователей. Господствующей является другая теорія, объясняющая цѣнность изъ труда. Анализъ цѣнности начинается здѣсь съ другого конца: трудовая теорія прослѣживаетъ судьбу извѣстнаго товара съ самаго начала, съ его появленія на свѣтъ и до конца, до обращенія его въ деньги, она констатируетъ, что при современныхъ общественныхъ отношеніяхъ производство имѣетъ ту особенность, что оно служитъ для удовлетворенія потребностей не самихъ производителей, а третьихъ лицъ. Товары, такимъ образомъ, производятся для сбыта и тотчасъ же поступаютъ въ обмѣнъ. Благодаря обмѣну, производитель сбываетъ ненужныя ему произведенія и получаетъ нужныя. Какъ происходитъ обмѣнъ? Обмѣниваемые предметы (предполагая простыя мѣновыя отношенія) не имѣютъ часто ничего общаго между собой и кажутся несоизмѣримыми, таковы: книги, мясо, одежда, сахаръ... Однако, во всѣхъ этихъ товарахъ есть

все-таки одно общее свойство, которое позволяетъ сдѣлать сравненіе: всѣ они произведены трудомъ. Продукты равнаго количества труда могутъ быть приравнены между собой и обмѣнены. Но могутъ возразить, что трудъ самъ по себѣ не есть что нибудь неизмѣнное, постоянное: онъ индивидуаленъ и качественно различенъ, бываетъ трудъ усидчивый и неусидчивый, трудъ легкій и тяжелый, бываетъ трудъ инженера и рудокопа, министра и сапожника. Однако, какъ ни различенъ, какъ ни индивидуаленъ трудъ, онъ все-таки всегда есть трата мускульной и нервной энергіи. И трата эта можетъ быть (хотя и нѣсколько грубо) измѣрена продолжительностью ея, рабочимъ временемъ. На рынкѣ, такимъ образомъ, совершенно забываютъ объ индивидуальныхъ особенностяхъ того или иного труда. «Какъ мѣновая цѣнность, товары представляютъ меньшія или большія количества простого, однороднаго, абстрактно-всеобщаго труда, который *составляетъ сущность мѣновой* цѣнности» [1]).

Мы не имѣемъ здѣсь мѣста, чтобы говорить о нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, которыя вносятся въ приведенныя положенія самими приверженцами трудовой теоріи цѣнности, или чтобы слѣдить дальше за тѣми метаморфозами, которыя переживаютъ товары въ процессѣ обращенія. Нашей сжатой, схематической передачей трудовой теоріи мы хотѣли лишь показать ея главныя преимущества передъ утвержденіями Жида: она ясна, объективна, она разсматриваетъ дѣло съ начала, а не съ конца, изъ постояннаго начала она легко объясняетъ постоянство рыночныхъ отношеній, чего нельзя сдѣлать, исходя изъ столь непостояннаго источника, каковы людскія желанія. Если не эти достоинства трудовой теоріи цѣнности, то, по крайней мѣрѣ, ея господствующее положеніе въ современной наукѣ должны бы были заставить Жида показать преимущество своего толкованія цѣнности. Это ему совершенно не удалось. Четыре бѣглыхъ замѣчанія, долженствующихъ играть роль критики трудовой теоріи и основанныхъ исключительно на недоразумѣніи, нисколько не убѣждаютъ читателя. Убѣдительнымъ является лишь дальнѣйшее изложеніе, гдѣ Жиду приходится прилагать свою теорію къ объясненію фактовъ, но убѣжденіе, получаемое

---

[1]) См. Курсъ политической экономіи проф. *Чупрова*, стр. 45—51; „Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“ *Карла Маркса*, переводъ подъ ред. А. Мануилова, М. 1896, стр. 4.

такимъ образомъ, всецѣло противъ автора. Чтобы не вдаваться въ подробности, мы ограничимся однимъ примѣромъ тѣхъ утвержденій, которыя оказываются возможными съ точки зрѣнія Жида. Такъ какъ главными покупателями драгоцѣнныхъ металловъ, говоритъ онъ (стр. 117), является небольшое число правительствъ съ ихъ монетными дворами, то эти послѣднія могутъ простымъ соглашеніемъ измѣнять цѣнность металловъ. «Если они заявятъ, что всѣ они будутъ покупать килограммъ золота по 3.100 (вмѣсто 3.444), а килограммъ серебра по 200, то весьма вѣроятно, что ихъ рѣшеніе будетъ для рынка закономъ». Это было бы возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если-бы цѣнность золота и серебра не опредѣлялась, подобно другимъ товарамъ, затраченнымъ на ихъ производство, трудомъ. Что никакого исключенія драгоцѣнные металлы не представляютъ, это приходится признать и самому автору всего нѣсколькими страницами ниже. «Съ благородными металлами,—читаемъ мы на стр. 122,—дѣло обстоитъ такъ же, какъ *и со всѣми другими* товарами; ихъ цѣнность—тамъ, гдѣ нѣтъ монополіи—приноравливается къ количеству *затраченнаго* на нихъ *труда*». Этою фразою Жидъ совершенно себя побиваетъ.

Русскій переводчикъ «Основъ», г. Шейнисъ, говоритъ въ своемъ предисловіи объ объективизмѣ ихъ автора, объясняя этотъ объективизмъ «той простой причиной», что г. Жидъ «не принадлежитъ ни къ одной изъ признанныхъ и вполнѣ утвердившихся школъ въ политической экономіи». Къ сожалѣнію, какъ мы только что видѣли, объективизмъ французскаго экономиста не свободенъ отъ исключеній; что же касается непринадлежности его ни къ одной изъ существующихъ школъ, то это не совсѣмъ вѣрно. Самъ Жидъ дѣйствительно такъ думаетъ, создавая для себя въ своемъ воображеніи новую «кооперативную школу». Но, ознакомившись съ ея основными теоретическими положеніями, нетрудно замѣтить, что школа эта вовсе не нова, и именуется она среди экономистовъ *этической* или *историко-этической* школой. Мѣнять обще-принятое названіе только потому, что къ опредѣленнымъ теоретическимъ положеніямъ прицѣплено практическое требованіе коопераціи для рабочихъ, нѣтъ рѣшительно никакой надобности. Чѣмъ же характеризуется этическая школа? Двумя особенностями: запутанностью и противорѣчивостью своихъ методологическихъ

пріемовъ и очень гуманными, но совершенно безплодными порывами въ области экономической политики. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь справедливую оцѣнку этой школы, сдѣланную г. Анненскимъ:[1]) «Для оцѣнки значенія экономистовъ этическаго направленія нужно разсмотрѣть, *какъ именно* проводятъ они этическій принципъ въ своихъ сочиненіяхъ. Стремленіе держаться, по возможности, ближе къ существующему строю, стараніе «примирить непримиримое» и найти средство для возстановленія гармоніи тамъ, гдѣ возможна только борьба и побѣда того или иного изъ борющихся принциповъ,—всѣ эти недостатки присущи большей части теоретическихъ (?) построеній (мы бы сказали: «практическихъ предположеній») этической школы» [2]).

Было бы утомительно показывать на примѣрахъ, какъ названные недостатки воспроизводятся и въ «Основахъ». Но за-то слѣдуетъ оттѣнить одинъ пунктъ, весьма существенный для рѣшенія поставленнаго нами вопроса о пригодности этой книги служить руководствомъ для начинающихъ. Этическая школа по духу своему эклектична; въ ея намѣренія не входитъ разрушать сдѣланныя до нея теоретическія обобщенія, она ихъ только исправляетъ и пополняетъ. Подчеркивая значеніе «нравовъ» и говоря объ «этическомъ» процессѣ развитія «хозяйственныхъ формъ», она старается только сдѣлать свои пристройки къ существующимъ построеніямъ. Получается то, что всякая стройность теоретическаго зданія нарушается и методологическое единство исчезаетъ. Но эклектики единствомъ не дорожатъ, не дорожитъ имъ и г. Жидъ, типичный эклектикъ: въ его книгѣ вы встрѣтите въ полномъ смѣшеніи и общіе абстрактные законы классической школы, и осторожныя положенія въ духѣ экономистовъ-«историковъ», и нѣкоторыя уступки соціализму, и буржуазныя претензіи ревностныхъ защитниковъ существующаго экономическаго режима. Никакихъ устойчивыхъ методологическихъ принциповъ г. Жидъ не придерживается (хотя о методахъ разсуждаетъ очень недурно), почему его книга поражаетъ отсутствіемъ какой либо стройности, какого либо единства. Это не что иное, какъ богатое собраніе матеріаловъ, сопоставленіе

[1]) „Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ". „Дѣло", 1882, № 8, стр. 164.

[2]) Впрочемъ, представители этической школы не разграничиваютъ точно теоретической экономіи отъ экономической политики. И въ этомъ Жидъ—ихъ вѣрный послѣдователь.

разныхъ теоретическихъ положеній, разбираться въ которыхъ приходится обыкновенно самому читателю. Ясно, какъ это неудобно въ томъ случаѣ, когда читатель—новичекъ въ политической экономіи.

Мы бы не желали, однако, чтобъ у нашихъ читателей, вслѣдствіе указанныхъ слабыхъ сторонъ книги Жида, составилось о ней одностороннее, неблагопріятное мнѣніе. Дѣло въ томъ, что если мы такъ долго останавливались на недостаткахъ книги и отнеслись къ нимъ довольно строго, то лишь потому, что разсматривали ее, какъ руководство для начинающихъ. Тѣ же недостатки въ сочиненіи, не имѣющемъ этого спеціальнаго назначенія, далеко не такъ важны. Далѣе слѣдуетъ имѣть въ виду, что «Основы политической экономіи», какъ упомянуто въ самомъ началѣ, написаны крайне неровно: рядомъ съ слабыми главами мы въ нихъ встрѣчаемъ и очень удачныя. Какъ наименѣе удовлетворительные отдѣлы могутъ быть названы: очеркъ экономическихъ школъ (во введеніи), весь первый отдѣлъ о цѣнности и первая часть четвертаго отдѣла—соціальный вопросъ и право собственности. За-то выдаются своей полнотой и содержательностью главы, посвященныя металлическимъ и бумажнымъ деньгамъ, вопросу о монометаллизмѣ и биметаллизмѣ, кредиту, банкамъ. Здѣсь есть чему поучиться. Особенно отмѣчаемъ главу: «недостаточность производства», показывающую, что Жидъ совершенно свободенъ отъ того легкомысленнаго оптимизма, съ которымъ трактуются обыкновенно проблемы, поднятыя Мальтусомъ, и не закрываетъ глазъ на печальныя, но необходимыя слѣдствія «закона уменьшающейся доходности земли».

Намъ остается, въ заключеніе, отмѣтить, что авторъ «Основъ» очень удачно и остроумно опровергаетъ нѣкоторые предразсудки вульгарной экономіи. Мы приведемъ два-три примѣра наиболѣе распространенныхъ заблужденій. Чтобы объяснить и оправдать происхожденіе капитала, вульгарная экономія приписываетъ его бережливости, воздержанію капиталиста. Жидъ возражаетъ на это такимъ сравненіемъ. «Если-бы ребенку, спрашивающему, откуда берутся цыплята, отвѣтить, что для производства цыплятъ нужно воздержаться отъ употребленія яицъ въ пищу, онъ вправѣ былъ бы найти такой отвѣтъ очень благоразумнымъ въ смыслѣ совѣта и совершенно нелѣпымъ, какъ объясненіе. Но разсужденіе, по которому сбереженіе является причиной образованія капиталовъ, не кажется намъ болѣе удовлетворительнымъ.

Вѣдь, въ сущности, оно сводится къ тому, что *неуничтоженіе* должно быть отнесено къ причинамъ *производства*, а это довольно странная логика» (стр. 75). Стремленіе приписать капиталу самостоятельную творческую силу встрѣчаетъ также въ нашемъ авторѣ рѣшительный отпоръ. Неоднократно возвращается онъ къ тому положенію, что капиталъ самъ по себѣ безплоденъ, будучи только *орудіемъ*; производителенъ же только трудъ. А вотъ справедливая и для насъ, русскихъ, особенно интересная отповѣдь на чрезмѣрныя увлеченія внѣшней торговлей. «Не только ввозъ,—читаемъ мы на стр. 136,—но и вызовъ можетъ имѣть невыгодныя послѣдствія. Напримѣръ, страны, какъ Россія, постоянно вывозящія свой хлѣбъ и кормовыя травы, подвергаютъ истощенію свои земли, которыя лишаются всѣхъ плодотворныхъ элементовъ; это то же, какъ если бы эти страны вывозили мало-по-малу самую землю!».

Многое можно было бы еще сказать о книгѣ, обнимающей весь предметъ политической экономіи и изобилующей фактами и обобщеніями. Но для нашей цѣли сказаннаго намъ кажется достаточно, и мы считаемъ возможнымъ закончить нашъ разборъ окончательнымъ выводомъ. Вотъ онъ: не удовлетворяя своему назначенію служить *руководствомъ*, «Основы политической экономіи» Жида могутъ быть на нашъ взглядъ полезнымъ *пособіемъ*.

III.

Сопоставляя мнѣнія петербургскихъ и московскихъ спеціалистовъ о томъ, съ чего начинать изученіе политической экономіи, мы, если помнитъ читатель, присоединились къ мнѣнію вторыхъ. Полная неудовлетворительность какъ указанныхъ въ петербургскихъ программахъ, такъ и всякихъ вообще популяризацій заставляетъ предпочесть имъ болѣе трудные, но за-то и болѣе научные университетскіе курсы. Насъ могутъ, однако, спросить, развѣ лекціи профессора не суть также популяризація, развѣ есть принципіальная разница между «популяризаціей» и «университетскимъ курсомъ», позволяющая противопоставлять ихъ другъ другу, и развѣ, наконецъ, слово «курсъ» — гарантія всяческой доброкачественности? Послѣдняго, конечно, мы отнюдь не утверждаемъ и потому рекомендуемъ лишь курсы гг. Чупрова и Исаева, какъ наиболѣе пригод-

ные для начинающихъ. Что же касается разницы между популяризаціей и университетскимъ курсомъ, то, отрицая въ подобныхъ вещахъ существованіе абсолютныхъ перегородокъ, мы можемъ, однако же, указать достаточно рѣзкія особенности этихъ двухъ формъ изложенія. Правильно или нѣтъ, но профессоръ всегда предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ способность понять всѣ трудности излагаемой имъ науки; если онъ и передаетъ *проще* то, что самъ черпаетъ изъ сочиненій Рикардо, Маркса и др., это «проще» относится лишь къ формѣ, но не къ содержанію. Въ угоду понятности, онъ ничѣмъ не жертвуетъ изъ науки: наука въ его изложеніи не спускается до пониманія аудиторіи, а поднимаетъ послѣднюю до себя. Таковъ университетскій курсъ въ идеѣ, таковъ онъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ дѣйствительности. Выше мы убѣдились, что сущность популяризаціи совсѣмъ иная. Мы считаемъ себя, поэтому, вправѣ удержать сдѣланное противоположеніе, не придавая ему, конечно, никакого *абсолютнаго* значенія [1]).

Какъ бы, однако, талантливо, объективно, научно ни излагалась политическая экономія тѣмъ или инымъ профессоромъ, не слѣдуетъ думать, что, прочитавъ или прослушавъ его курсъ, уже овладѣешь наукой. Приступающій къ изученію теоретической экономіи не въ силахъ, разумѣется, критически относиться къ тому, что ему предлагаютъ: одно онъ, не продумавъ, принимаетъ на вѣру, другое понимаетъ превратно, третьяго вовсе не понимаетъ. Необходима провѣрка, расширеніе знаній. Профессора всегда очень охотно даютъ всякія библіографическія указанія, но на скамьяхъ университета, по нашимъ наблюденіямъ, указаніямъ этимъ слѣдуютъ не очень ревностно. Интересъ къ политической экономіи пробуждается обыкновенно позже—за стѣнами университета, при столкновеніи съ жизнью, съ русской экономической дѣйствительностью. И тутъ является серьезная потребность въ указаніяхъ и совѣтахъ. Потребности этой могутъ удовлетворить отчасти уже неоднократно упоминавшіяся программы, къ которымъ намъ и нужно обратиться снова, на этотъ разъ ненадолго.

---

[1]) Само собой разумѣется, что не фактъ чтенія съ каѳедры придаетъ университетскому курсу его достоинства, такъ что можетъ существовать учебникъ политической экономіи, не уступающій ни въ чемъ университетскому курсу, и также возможенъ такой университетскій курсъ, который ничѣмъ не возвышается надъ простой популяризаціей.

Въ программѣ московской послѣ курсовъ теоретической экономіи названы четыре руководства по исторіи экономической науки (на выборъ), затѣмъ сочиненія Рикардо и Милля и, наконецъ, обширнѣйшій и ученѣйшій трудъ Ад. Вагнера, «Lehrbuch der politischen Oekonomie», доступный, къ сожалѣнію, только для спеціалистовъ. Такая краткость въ указаніяхъ на экономическую литературу объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что, согласно разсчетамъ московской комиссіи, полный курсъ политической экономіи потребуетъ для своего прохожденія четырехъ лѣтъ. Мы имѣемъ передъ собой только программу 1-го года. За-то въ петербургскомъ «Сборникѣ для самообразованія», кромѣ *общей* программы политической экономіи, мы находимъ еще *спеціальную*, представляющую очень обширный библіографическій указатель какъ по теоріи, такъ и по прикладнымъ экономическимъ вопросамъ; не ясно нѣсколько, въ какомъ отношеніи должны находиться между собой обѣ эти программы. Естественнѣе всего было бы предположить, что вторая служитъ продолженіемъ первой, но этому противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ ней воспроизведены указанія на университетскіе курсы и др. книги, рекомендуемыя уже въ общей программѣ. Изъ предварительныхъ объясненій мы не узнаемъ на этотъ счетъ ничего. «Спеціальная программа по политической экономіи, — говорится на стр. 40, — имѣетъ цѣлью дать читателю возможность, съ одной стороны, изучить теорію науки, съ другой — прослѣдить историческое развитіе и современное положеніе главнѣйшихъ основъ хозяйственнаго быта народовъ». Но та же задача преслѣдуется, надо думать, и общей программой. Остается предположить, что первая программа составлена для людей, желающихъ удѣлить политической экономіи меньше времени, вторая — для людей, обладающихъ большимъ досугомъ. Но въ такомъ случаѣ общая программа очень неудовлетворительна. Прочесть сочиненіе Зибера о Марксѣ и Рикардо, «Исторію» Чупрова, книжку Карелина объ общинѣ, «Рабочій вопросъ» Ланге и «Очерки» Николая — она, — значитъ получить совершенно случайныя, отрывочныя и недостаточныя свѣдѣнія. Иной упрекъ надо сдѣлать спеціальной программѣ. Она слишкомъ обширна: кто же въ самомъ дѣлѣ по одному предмету въ цѣляхъ простого самообразованія осилитъ 90 названій (здѣсь сосчитаны, правда, и статьи)? Ясно, что изъ этихъ 90 названій надо еще сдѣлать выборъ, нелегкій для человѣка несвѣдущаго, а

между тѣмъ необходимый, въ виду случайностей и непонятности нѣкоторыхъ указаній. Въ самомъ дѣлѣ: наряду съ очень хорошими, классическими произведеніями, изученіе которыхъ вполнѣ обязательно, въ спеціальной программѣ указаны и книги просто плохія и очень устарѣлыя (Гильдебрандъ, «Политическая экономія настоящаго и будущаго», 1860, Исаевъ, «Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи», 1879, «Владѣніе и пользованіе землей въ разныхъ странахъ», 1871, Lexis, «Gewerkvereine», 1880), и совершенно недоступныя простому читателю по своей сухости или тяжеловѣсности (Kautz, «Geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomie», 3 Theilen, 1860, Яроцкій, «Страхованіе рабочихъ», 2 тома, и т. п.).

Библіографическіе указатели для желающихъ пополнить свое университетское образованіе или соотвѣтственное ему штудированіе одного изъ существующихъ курсовъ должны быть, по нашему мнѣнію, прежде всего кратки. Разсчеты московской комиссіи на 4-лѣтнее прохожденіе политической экономіи подъ ея руководствомъ, и вѣра составителей петербургской программы, что можно одолѣть всѣ ея 90 названій, кажутся намъ одинаково неосновательными. Да, кромѣ того, пространные указатели и совершенно безполезны: лишь первые шаги изучающаго политическую экономію должны быть направлены. Далѣе онъ уже самъ разберетъ, что ему нужно (нужно ли ему, напр., сосредоточиться на апологіяхъ общины, какъ того требуетъ петербургская программа [1]), или на чемъ нибудь другомъ и проч.), а что касается литературы, то въ каждомъ изслѣдованіи онъ найдетъ ссылки на другія книги, и такія ссылки въ связи съ текстомъ даютъ гораздо больше голаго перечня библіографическаго указателя. Затѣмъ, библіографическій указатель слѣдуетъ составлять изъ книгъ для всѣхъ (съ извѣстной подготовкой) вполнѣ доступныхъ. Мы уже приводили нѣсколько примѣровъ того, какъ нарушается это условіе обѣими программами. Добавимъ, что въ петербургской программѣ есть указанія на книги, вышедшія изъ продажи, очень дорогія и рѣдкія въ Россіи, такія, которыя не имѣются у насъ въ обращеніи, и прочее. Даже просто иностранныя книги наталкиваются слишкомъ часто на не-

[1]) Книгъ и статей объ общинѣ здѣсь указано около десяти, но среди нихъ вы не встрѣтите ни одного изслѣдованія, авторъ котораго стоялъ бы не на народнической точкѣ зрѣнія. Едва ли желательна такая тенденціозность въ программахъ, долженствующихъ служить дѣлу общаго образованія.

знакомство читателей съ языками. Это обстоятельство также упускается изъ вида. Желательно, наконецъ, чтобы библіографическіе указатели были не голыми перечнями, а тѣмъ, что называется catalogue raisonné. Такъ именно понимали свою задачу и составители обѣихъ программъ. Въ объясненіяхъ къ самымъ указателямъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ указанныхъ книгахъ, причемъ въ московскихъ программахъ указанія эти болѣе, а въ петербургскихъ менѣе подробны и опредѣленны.

Руководствуясь вышесказанными соображеніями, мы постараемся на нижеслѣдующихъ страницахъ дать тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые этимъ интересуются, краткій перечень лучшихъ и доступнѣйшихъ сочиненій (на русскомъ языкѣ), знакомящихъ съ экономической наукой въ ея теоріи, исторіи и приложеніяхъ къ жизни. Надѣемся, что насъ не упрекнутъ въ желаніи конкуррировать съ московскими и петербургскими спеціалистами. Говорить о конкурренціи въ такомъ дѣлѣ вообще не приходится: программы имѣли огромный, вполнѣ понятный успѣхъ, но едва ли существующая потребность въ подобныхъ указаніяхъ совершенно ими удовлетворена, и среди читателей, вѣроятно, найдутся такіе, которымъ нашъ указатель не покажется лишнимъ [1]). Предпосылаемъ ему необходимыя разъясненія.

Первое, на что мы обращаемъ вниманіе того, кто отъ университетскаго курса перейдетъ къ дальнѣйшимъ самостоятельнымъ занятіямъ,—это вопросы метода. Не ознакомившись и не освоившись хорошо съ тѣми пріемами, при помощи которыхъ политическая экономія получаетъ свои выводы, нельзя двигаться дальше въ изученіи отдѣльныхъ экономическихъ теоремъ. Желательно при этомъ, чтобы вопросъ о методахъ поставленъ былъ возможно шире и политическая экономія въ означенномъ отношеніи приведена была въ связь съ другими общественными науками. Цѣль эта достигается отчасти чтеніемъ книги *Майра* [1]), знакомящей съ характеромъ общественныхъ явленій вообще и съ пріемами ихъ изученія. Абстрактно-дедуктивный методъ во всей его строгости лучше всего проведенъ въ сочиненіи *Рикардо*, на которомъ онъ и долженъ быть

[1]) Мы не претендуемъ также ни на какую особую оригинальность нашего указателя: хотя читатели въ немъ найдутъ такія книги, которыхъ нѣтъ въ другихъ программахъ, тѣмъ не менѣе, при бѣдности нашей экономической литературы избѣжать частыхъ совпаденій нельзя.

[1]) «Законообразности въ обществ. жизни», 1894.

*

изученъ. Изученіе это потребуетъ значительнаго труда; онъ, однако, вполнѣ окупается нѣкоторымъ навыкомъ къ отвлеченному мышленію, который человѣкъ выноситъ изъ этой строгой логической школы. Въ сочиненіяхъ *Маркса*, напротивъ, мы находимъ вполнѣ научное сочетаніе методовъ индуктивнаго и дедуктивнаго. Здѣсь же читатель найдетъ основные теоретические вопросы въ ихъ современной постановкѣ. «Критика», какъ намъ кажется, написана съ внѣшней стороны доступнѣе, и потому начинать лучше съ нея. Книга *Менгера* очень полезна для бо̀льшаго углубленія въ методологическіе вопросы.

Для изученія исторіи экономической науки на русскомъ языкѣ существуетъ только одинъ удовлетворительный источникъ: лекціи проф. *Чупрова* [1]). Авторъ поставилъ себѣ прекрасную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудную задачу разсматривать экономическія ученія въ связи съ современною имъ экономической жизнью. Такое параллельное изученіе доведено, къ сожалѣнію, лишь до конца XVIII вѣка, дальше идетъ уже только исторія «идей», причемъ приходится еще пожалѣть о нѣкоторой краткости въ характеристикѣ новѣйшихъ школъ Хорошимъ пополненіемъ въ этомъ случаѣ служатъ статьи *Н. Ф. Анненскаго* [2]). Авторъ начинаетъ съ характеристики классической школы, прослѣживаетъ дальнѣйшую эволюцію ученій и съ большою подробностью останавливается на современныхъ нѣмецкихъ школахъ. Нѣкоторая устарѣлость его работы не мѣшаетъ ей быть единственной въ своемъ родѣ [3]). Для ознакомленія съ эволюціей новѣйшихъ экономическихъ ученій можно указать на сочиненія *Лавелэ и Шэфле* о соціализмѣ; въ первомъ описываются всѣ современныя движенія, соединяемыя подъ этимъ именемъ (католическій, евангелическій, государственный соціализмъ и пр.), во второмъ — соціализмъ приводится въ связь съ капиталистическимъ строемъ, противопоставляется другимъ экономическимъ доктринамъ и критикуется съ точки зрѣнія взглядовъ австрійскаго ученаго.

Обращаясь къ экономической исторіи, мы рекомендуемъ для древнѣйшей эпохи книгу *Зибера*, удѣляющаго много вниманія первобытнымъ формамъ коопераціи, а для болѣе продолжитель-

---

[1]) Книжка *Ингрэма* („Исторія пол. экономіи") слишкомъ тенденціозна, полна пробѣловъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ характеръ только справочнаго изданія.

[2]) «Очерки новыхъ направленій въ экономич. наукѣ». «Дѣло», 1882, №№ 4, 6, 8. Можно имѣть въ университ. и публичныхъ библіотекахъ.

[3]) Аналогичная работа Морица *Майера* неудовлетворительна.

наго періода соч. *Липперта* [1]), описывающаго исторію матеріальной культуры въ ея различныхъ проявленіяхъ. Экономію классической древности освѣщаютъ намъ, къ сожалѣнію, дурно переведенныя на русскій языкъ «Изслѣдованія» *Родбертуса*, средніе же вѣка въ ихъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ—статьи *Каутскаго*, въ отношеніи организаціи труда—приложенія къ *Зеворту* [2]), въ отношеніи къ религіозно-коммунистическимъ движеніямъ—книга *Михайлова* [3]). Экономическая исторія отдѣльныхъ странъ можетъ быть изучена по слѣдующимъ книгамъ (къ сожалѣнію, слишкомъ неоднороднымъ): Германіи—по неоконченному еще труду *Лампрехта* [4]), гдѣ удѣлено много мѣста экономическимъ явленіямъ, Англіи—по небольшой, но содержательной книжкѣ *Гиббинса* [5]), для Франціи можно назвать только уже нѣсколько спеціальное сочиненіе *Карѣева* о крестьянахъ, дополненіемъ къ которому послужитъ статья *Каутскаго* «Классовыя противорѣчія 1789» изъ его «Очерковъ и этюдовъ». До самаго послѣдняго времени нельзя было указать ни одного общаго сочиненія по экономической исторіи Россіи; теперь этотъ пробѣлъ восполнили извѣстные нашимъ читателямъ «Очерки» проф. *Милюкова*. Въ дополненіе къ нимъ слѣдуетъ указать на «Промышленность древней Руси» *Аристова* и популярный очеркъ по исторіи крестьянства *г. Семевскаго*. Не удовольствовавшійся этимъ очеркомъ пусть обратится къ его капитальнымъ трудамъ.

Переходя къ экономической дѣйствительности, должно прежде всего ознакомиться съ современнымъ состояніемъ промышленности и земледѣлія. Въ I томѣ сочиненія *Ходскаго* обрисовано положеніе земледѣльцевъ въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы, а въ сборникѣ «Землевладѣніе и сельское хозяйство» отдѣльныя статьи посвящены распредѣленію поземельной собственности въ Европѣ и Америкѣ, арендѣ, сельскохозяйственнымъ рабочимъ, сельскохозяйственнымъ союзамъ, производству и торговлѣ хлѣбомъ и пр. Аналогичный сборникъ «Промышленность» разсматриваетъ разныя формы европейской промышленности, картели, кризисы и пр. Всѣ эти статьи отличаются нѣкоторою сухостью, но за-то изобилуютъ фактами и

[1]) *Липпертъ*, «Исторія культуры», 1894.
[2]) *Зевортъ*, «Исторія новаго времени», 1883.
[3]) *Михайловъ*, «Революціон. анабаптизмъ», 1889.
[4]) *Лампрехтъ*, «Исторія германскаго народа», 1895.
[5]) *Гиббинсъ*, «Промышленная исторія Англіи», 1895.

цифрами, благодаря чему читатель получаетъ о предметѣ самое точное представленіе. По книгамъ *Ланге*[1]), *Бутса*[2]) (первая описательная часть) и *Сиднея Вебба*[3]) можно составить себѣ нѣкоторое, впрочемъ неполное, представленіе о томъ, что называется рабочимъ вопросомъ.

Для изученія нашей русской экономической дѣйствительности существуетъ довольно много источниковъ, но рѣдкіе изъ нихъ отличаются необходимымъ объективизмомъ. На первое мѣсто мы ставимъ талантливо и доступно написанные очерки г-жи *Ефименко*, занимающейся вопросомъ о происхожденіи общины на сѣверѣ, о трудовомъ началѣ въ крестьянской жизни и пр. Объ общинѣ у насъ писалось много и, тѣмъ не менѣе, нельзя указать ни одного сочиненія, которое бы полно и обстоятельно излагало ея исторію и современное положеніе. Вниманія заслуживаетъ книжка *г. Карелина*, къ которой можно присоединить нѣсколько устарѣвшее сочиненіе *Посникова*, представляющее столько же защиту, сколько и изслѣдованіе общины. То же надо сказать и объ «Очеркахъ кустарной промышленности» *В. В.* Названнымъ сочиненіямъ въ интересахъ безпристрастія слѣдуетъ противопоставить двѣ главы II отдѣла книги *Волгина* «Община» и «Кустарная промышленность». Здѣсь приведено въ оригинальномъ освѣщеніи много фактовъ, заимствованныхъ изъ новѣйшихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Изъ сочиненій *Николая—она* и *Исаева* читатель почерпнетъ свѣдѣнія о развитіи русскаго капитализма; къ обобщеніямъ и выводамъ перваго, равно какъ и къ критикѣ марксизма второго автора слѣдуетъ относиться осторожно. Особое вниманіе въ книгѣ Исаева обращаемъ на гл. VII: «Характеръ государственныхъ мѣропріятій для развитія русскаго общественнаго хозяйства». Русской фабричной промышленности и положенію рабочихъ посвящены соч. *Дементьева*, *Святловскаго* и *Янжула*. Общими статистическими работами *Фортунатова* и *Янсона* мы заканчиваемъ наши указанія, чтобъ предоставить тѣмъ изъ читателей, которые имъ воспользуются, самимъ направить далѣе свои занятія въ интересующую ихъ сторону[4]).

---

[1]) *Ланге*, «Рабочій вопросъ», 2-ое изд. 1895.
[2]) *Бутсъ*, «Въ трущобахъ Англіи», 1891.
[3]) *Сидней Веббъ и Коксъ*, «8-ми часовой рабочій день», 1892.
[4]) Статья эта, являющаяся посмертнымъ трудомъ автора, была написана въ 1896 г., поэтому и указатель литературы естественно страдаетъ неполнотой по сравненію съ настоящимъ положеніемъ книжнаго рынка.
Прим. издат.

Кооперативная булочная.

(Письмо изъ Брюсселя).

Въ каждомъ большомъ европейскомъ городѣ есть свои достопримѣчательности, обязательно осматриваемыя всѣми пріѣзжими иностранцами. Когда вы пріѣзжаете въ Парижъ, вы непремѣнно идете гулять на «бульвары», поднимаетесь на Эйфелеву башню, отправляетесь осматривать картины и статуи Лувра и посѣщаете безконечное число всякихъ музеевъ. Въ Берлинѣ васъ неукоснительно повезутъ въ Thiergarten и вы не покинете города, не побывавъ въ Акваріумѣ, въ королевскомъ музеѣ и въ арсеналѣ. Въ Кёльнѣ вамъ ни за что не миновать собора, который вы будете видѣть постоянно и изъ окна вашей гостинницы, и съ каждаго конца города при дневномъ и ночномъ освѣщеніи, а уѣзжая, вы непремѣнно захватите съ собою бутылочку одеколона и сядете на пароходъ, который васъ повезетъ живописными рейнскими берегами. Такъ каждый городъ своими знаменитыми достопримѣчательностями привлекаетъ къ себѣ иностранцевъ, отбывающихъ опредѣленную повинность такого или иного «осмотра». Но вотъ, вы пріѣхали въ Брюссель. Въ чемъ будетъ состоять «осмотръ» этого города? Въ Брюсселѣ есть, разумѣется, и музей, и картинная галлерея, но бывшему въ Луврѣ и въ Эрмитажѣ здѣсь нечего смотрѣть; улицы Брюсселя не интересны и далеко уступаютъ по красотѣ и оживленности, напр., парижскимъ бульварамъ; существуютъ тутъ, разумѣется, и соборы (ихъ даже много), и статуи, и королевская библіотека, но все это какъ бы въ миніатюрѣ то самое, что вы уже видѣли много разъ въ настоящей величинѣ. Посѣтитель не знаетъ, куда идти, что съ собой дѣлать. Читатель, если вамъ при-

дется когда-нибудь быть въ такомъ положеніи въ Брюсселѣ, идите непремѣнно посмотрѣть главную и дѣйствительно любопытную достопримѣчательность этого города, заключающуюся въ кооперативныхъ рабочихъ учрежденіяхъ; тогда, уѣзжая, изъ Брюсселя, вы не скажете о немъ, какъ говорятъ многіе: «вотъ городъ, въ которомъ нечего смотрѣть», но воскликнете наоборотъ: «тутъ я видѣлъ нѣчто такое, подобнаго чему мнѣ еще не приходилось видѣть».

Попасть въ одну изъ такихъ коопераціи довольно легко. Когда я пріѣхалъ въ Брюссель, у меня не было здѣсь никакихъ знакомыхъ, и я не имѣлъ при себѣ ни одного рекомендательнаго письма. Тѣмъ не менѣе, нисколько не унывая, я тотчасъ же рѣшилъ, что рабочія коопераціи, о которыхъ я слышалъ и читалъ уже раньше, мнѣ непремѣнно нужно посмотрѣть. Поэтому я разыскалъ въ Брюсселѣ прежде всего знаменитый «Народный Домъ (Maison du Peuple), представляющій собою какъ бы центральное рабочее бюро. Здѣсь собираются рабочіе по вечерамъ на лекціи и концерты, здѣсь происходятъ всѣ болѣе или менѣе оффиціальныя собранія разныхъ рабочихъ группъ, здѣсь есть и справочная контора, и библіотека, и ресторанъ. Снаружи «Народный домъ» обращаетъ на себя вниманіе довольно оригинальной, немного театральной архитектурой и крупной надписью надъ дверями: «Travail, Solidarité, Collectivisme». Внутри—очень скромная обстановка, скамейки, голыя стѣны и шумная толпа рабочихъ. Когда вы входите, на васъ никто не обращаетъ вниманія, всякій занятъ своимъ дѣломъ: одни закусываютъ, другіе читаютъ газету, третьи обращаются за справками въ контору. Вы слѣдуете примѣру послѣднихъ, поднимаетесь во второй этажъ и объясняете сидящимъ въ конторѣ рабочимъ, что вы желали-бы осмотрѣть одну изъ ихъ коопераціи. «Ничего не можетъ быть проще,—говорятъ вамъ,—приходите завтра въ такомъ-то часу, по такому-то адресу. Тамъ мы васъ встрѣтимъ, и вы увидите нашу кооперативную булочную. А пока не угодно-ли вамъ будетъ посмотрѣть наши отчеты?» Вы берете небольшую брошюрку, и первое, что васъ въ ней поражаетъ, — это громадныя цифры. Доходы, расходы кооперативной булочной, точно также какъ кооперативной мясной и угольнаго склада исчисляются здѣсь десятками, иногда сотнями тысячъ. Капиталъ рабочихъ представляетъ собою громадныя цифры, обороты рабочихъ коопераціи не меньше оборотовъ самыхъ крупныхъ промышленныхъ заве-

деній. Все это вамъ внушаетъ мысль, что рабочія заведенія въ Брюсселѣ—дѣло не малое, и вы съ еще бо́льшимъ интересомъ отправляетесь въ назначенное время по данному адресу, чтобы самолично убѣдиться, какихъ результатовъ достигли рабочіе своими ассоціаціями.

Вотъ вамъ, читатель, подробный отчетъ о томъ, что я видѣлъ своими глазами, что прочелъ въ отчетахъ кооперацій и что узналъ изъ разговоровъ съ завѣдывающими кооперативной булочной во время моего осмотра мастерской и складовъ.

Зданіе булочной—двухэтажное: внизу помѣщается пекарня, гдѣ происходятъ всѣ главныя работы, наверху—складъ, заваленный нѣсколькими десятками тысячъ кулей муки. Къ этому основному корпусу прилегаетъ дворъ и нѣсколько пристроекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ еще закончены. Назначеніе пристроекъ весьма различно: тутъ есть и мастерская плотниковъ, и квартира завѣдывающаго, и лавка, гдѣ продается хлѣбъ, и складъ для одежды рабочихъ, и спеціальная комната для умыванія рукъ, и разные сараи и, наконецъ, небольшой дворикъ для собакъ, употребляемыхъ при перевозкѣ хлѣба. Первое, что поражаетъ во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ—чистота и порядокъ. Собачьимъ дворикомъ, напр., я просто залюбовался: асфальтовый полъ чисто вымытъ, собаки на цѣпяхъ имѣютъ видъ хорошо откормленныхъ и выхоленныхъ животныхъ; ихъ клѣтки, устланныя свѣжей соломой, блещутъ чистотой. При нашемъ появленіи раздался страшный лай: всѣ 35 собакъ привѣтствовали такимъ концертомъ новаго посѣтителя.

Въ мастерской между тѣмъ шла оживленная работа. Въ одномъ углу мѣсили тѣсто, въ другомъ—ему придавали форму хлѣбовъ, въ третьемъ—растапливали печи гигантской величины. Въ какое бы время дня и ночи вы ни пришли сюда, вы всегда увидите ту же сцену. Работа продолжается круглыя сутки за исключеніемъ субботы, когда она кончается особенно рано, но не исключая ни праздниковъ, ни воскресеній. Понятно, что работа производится смѣнами: одни и тѣ же рабочіе бываютъ въ мастерской только по 8 часовъ, причемъ въ это время входятъ и отдыхи, не регулированные правилами, а вытекающіе изъ самой работы; такъ напр., рабочій отдыхаетъ, когда только-что поставитъ хлѣбъ въ печи или когда еще не испеченное, но скатанное въ форму небольшихъ булокъ тѣсто подсыхаетъ на полкахъ. Заразъ рабочихъ бываетъ въ мастерской человѣкъ около 100,

ночью нѣсколько больше—иногда до 200. Сами рабочіе сговариваются между собою объ очереди. Ночная работа производится обыкновенно данной артелью въ теченіе недѣли, а такъ какъ такихъ артелей три, то въ среднемъ каждый рабочій работаетъ одну ночь изъ трехъ сутокъ. Каждыя три недѣли дается для отдыха два полныхъ дня подъ рядъ. Всѣ рабочіе въ хлѣбопекарнѣ являются въ то же время и ея акціонерами, но за-то нельзя сказать наоборотъ: не всѣ акціонеры участвуютъ въ работахъ. Оно и понятно: акціонеровъ 9 тысячъ и чтобы дать каждому ихъ нихъ работу, хлѣбопекарню пришлось бы увеличить до невѣроятныхъ размѣровъ. Во избѣжаніе неравенства, возникающаго такимъ образомъ между акціонерами и рабочими, для послѣднихъ установлена заработная плата въ 4 фр. 50 с. Надо замѣтить, что въ Брюсселѣ эта плата считается очень высокою: она дается только за квалифицированный или особенно тяжелый трудъ. Если вспомнить при этомъ, что въ качествѣ акціонеровъ рабочіе получаютъ еще свои $2^1/_2$% съ барышей всѣхъ кооперацій (потому что доходы отдѣльныхъ предпріятій идутъ всегда въ общую кассу), нельзя будетъ не признать, что рабочіе въ хлѣбопекарнѣ оказываются прекрасно вознагражденными.

Всѣ остальныя условія какъ нельзя болѣе благопріятны для рабочихъ; прекрасными машинами ихъ трудъ облегченъ до чрезвычайной степени; имъ не приходится заботиться объ одеждѣ, потому что кооперація даетъ имъ по три смѣны въ годъ, а кромѣ того надъ ними нѣтъ того постояннаго мелочнаго надзора, который такъ угнетаетъ и раздражаетъ рабочихъ въ большинствѣ частныхъ фабрикъ. О машинахъ булочной стоитъ поговорить особенно подробно, потому что ни мнѣ до тѣхъ поръ, ни, вѣроятно, моему читателю никогда еще не удавалось видѣть такого оригинальнаго способа приготовленія булокъ. Представьте себѣ, что рабочіе въ этой хлѣбопекарнѣ своими руками дѣлаютъ только одно: придаютъ тѣсту надлежащую форму,—всѣ остальныя работы производятся механически: изъ верхняго этажа, черезъ особое отверстіе, мука сама сыплется въ большіе чаны, куда проведена теплая вода, куда изъ другихъ рукавовъ подсыпаются дрожжи, и гдѣ все это мѣшается огромной механической мутовкой съ широкими лопастями. Подобныхъ чановъ съ мутовками четыре и всѣ они соединены приводами съ газовыми локомобилями. Устройство необыкновенно простое и въ то же время прочное, почти не требующее ремонта. За локомобилями, ко-

торыхъ два, особаго надзора не полагается; они дѣйствуютъ автоматически и приводятся въ движеніе простымъ открытіемъ крана и зажиганіемъ газа, выходящаго изъ подвала черезъ особую трубку. Стоимость локомобилей—по 5 тыс. фр., причемъ сила каждаго равняется силѣ четырехъ лошадей. Каждая механическая мутовка выполняетъ работу нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ рукъ, устраняя и грязь, и утомленіе трудящихся. Рабочему, какъ мы сказали, остается только вынуть приготовленное такимъ образомъ тѣсто и придать ему форму хлѣбовъ въ 1 кило каждый (всякій разъ производится взвѣшиваніе). Затѣмъ на полчаса хлѣбы раскладываются на полки и покрываются чистыми полотенцами, а когда они немного подсохнутъ—ихъ перекладываютъ въ печь. Послѣдняя операція дѣлалась прежде при помощи лопатъ и, въ виду громаднаго количества хлѣбовъ, требовала довольно много времени; теперь это дѣло упростили: изъ печей выдвигается громадный желѣзный листъ въ нѣсколько саженъ, на который хлѣбы накладываются заразъ вмѣстѣ съ полками и который затѣмъ легко, потому что онъ на колесахъ, вдвигается въ печь двумя рабочими. Печей 4, всѣ онѣ нѣмецкой конструкціи и выписаны самой коопераціей непосредственно изъ Германіи (стоимость каждой печи 4 тысячи фр.) И самое существованіе машинъ, и ихъ дороговизна показываютъ, что дѣло ведется въ широкихъ размѣрахъ. И дѣйствительно: при своемъ основаніи, лѣтъ 15 тому назадъ, кооперація производила всего какихъ-нибудь 150 хлѣбовъ въ день, причемъ и ея основной капиталъ не превышалъ 3 или 4 сотъ франковъ; теперь число хлѣбовъ возросло до 100 тыс. въ недѣлю, а основной капиталъ, вложенный въ недвижимую собственность, въ землю, въ машины, въ библіотеку, исчисляется нѣсколькими сотнями тысячъ франковъ. Такое увеличеніе произошло, разумѣется, не сразу. Первоначально коопераціонная булочная владѣла $^1/_3$-ю теперешней своей земельной собственности, а сама мастерская была на половину меньше, чѣмъ въ настоящее время. Затѣмъ земля постепенно все прикупается (и иногда за довольно большія суммы, такъ напр., владѣлецъ теперешняго собачьяго дворика взялъ за него съ коопераціи около 5 тыс. фр.), на новыхъ участкахъ воздвигаются все новыя и новыя постройки, незакончившіяся вполнѣ даже и до сихъ поръ; расширенія требуютъ преимущественно склады для печенаго хлѣба и для муки.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о величинѣ оборотовъ коопераціи, достаточно будетъ сообщить тотъ фактъ, что муку кооперація выписываетъ изъ самыхъ далекихъ странъ (напр. изъ Америки). Громадные обороты позволяютъ дѣлать такія закупки, что особенно выгодно. Самые лучшіе сорта пшеницы достаются коопераціи не болѣе, какъ за 18 фр. куль. Замѣчено, что изъ 100 кило муки выходитъ 135 кило хлѣба. Хлѣбъ продается коопераціей по 25 сант. за кило. Принимая во вниманіе и стоимость машинъ, и заработную плату, и % на затраченный капиталъ, барыши коопераціи оказываются все же довольно значительными. 25 сант. за кило хлѣба—это для Брюсселя цѣна не дешевая; тѣмъ не менѣе, приготовленный коопераціей хлѣбъ находитъ себѣ отличный сбытъ въ городѣ далеко не у однихъ ея членовъ. Первоначально только однимъ этимъ членамъ и продавался кооперативный хлѣбъ; тогда кооперація не оказывала еще большого вліянія на хлѣбный рынокъ; въ настоящее время торговля хлѣбомъ очень расширилась, и брюссельскимъ хлѣбнымъ торговцамъ приходится выдерживать жестокую конкуренцію.

Чтобы закончить описаніе внутреннихъ распорядковъ, практикуемыхъ въ кооперативной булочной, скажемъ еще, что приготовляемый ею хлѣбъ продается въ нѣсколькихъ складахъ (между прочимъ, при редакціи газеты «Peuple» и при Народномъ домѣ), раздается даромъ рабочимъ стачечникамъ и развозится покупателямъ на собакахъ въ особыхъ телѣжкахъ. Расплата за купленный хлѣбъ производится не деньгами, а жетонами, на одной сторонѣ которыхъ стоитъ цифра, а на другой изображенъ фригійскій колпакъ. Жетоны эти введены для упрощенія счетовъ, а также для облегченія контроля надъ развозящими хлѣбъ служащими; къ этимъ жетонамъ рабочіе такъ привыкли, что они получили обращеніе настоящихъ денегъ и употребляются при разсчетахъ даже съ посторонними лицами. О побочныхъ учрежденіяхъ, существующихъ при коопераціи, мы не станемъ здѣсь говорить; замѣтимъ только, что всѣ члены ея пользуются даровой аптекой, а въ случаѣ крайности получаютъ и денежныя субсидіи. Внѣшній успѣхъ коопераціи сопровождается и внутреннимъ спокойствіемъ. Никакихъ споровъ при полученіи своихъ процентовъ, никакихъ неудовольствій противъ выборной администраціи не бываетъ уже по тому одному, что все дѣло ведется открыто и гласно, и каждый членъ можетъ провѣ-

рить балансы коопераціи по счетнымъ книгамъ, куда записывается каждая копѣйка. Въ самой хлѣбопекарнѣ господствуетъ такое же согласіе. Мы уже сказали, что постояннаго надзора надъ рабочими не существуетъ; тѣмъ не менѣе хлѣбопекарней завѣдуетъ постоянно надзиратель, имѣющій право дѣлать замѣчанія рабочимъ, не прибѣгая, однако, ни къ штрафамъ, ни къ наказаніямъ. Единственное существующее наказаніе—удаленіе изъ мастерской—требуетъ согласія всѣхъ членовъ коопераціи, но къ этой расправѣ за все время существованія коопераціи прибѣгали лишь нѣсколько разъ. Въ обыкновенное время между надзирателемъ и рабочими существуютъ отношенія полнаго равенства. Если надзиратель дѣлаетъ замѣчаніе, рабочіе ему отвѣчаютъ, оправдываясь или объясняя въ чемъ дѣло. Никакихъ личныхъ столкновеній, по словамъ надзирателя, въ мастерской никогда не бываетъ.

Непосредственная задача, которую поставили себѣ члены коопераціи при самомъ учрежденіи кооперативной булочной, состояла въ удешевленіи и въ улучшеніи продукта. Цѣли этой они достигли вполнѣ, достигли даже гораздо большаго, нежели предполагали сначала. Кооперація теперь приноситъ крупные барыши своимъ членамъ, а членомъ можетъ сдѣлаться всякій, потому что акціи стоятъ лишь 10 франковъ, уплата которыхъ производится по мѣрѣ полученія барышей, т. е. не вынимая изъ кармана ни однаго су. Обязательство новаго члена состоитъ только въ томъ, что онъ долженъ потреблять хлѣбъ, приготовляемый коопераціей. Кромѣ финансовой стороны дѣла, интересъ имѣетъ и другая—чисто-техническая. Кооперативная булочная произвела цѣлый переворотъ въ хлѣбопекарномъ дѣлѣ.

Ей первой принадлежитъ честь введенія дорогихъ машинъ, составляющихъ совершенную новинку въ хлѣбопекарняхъ другихъ странъ. Послѣдствіемъ машинной работы будетъ, разумѣется, прежде всего удешевленіе продукта, затѣмъ облегченіе труда рабочихъ и наконецъ—созданіе болѣе гигіеничныхъ условій при хлѣбопекарномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ значеніе и польза кооперативной булочной ясны сами по себѣ, ясна также и польза распространенія подобныхъ коопераціи въ другихъ отрасляхъ ручнаго производства. При всей пользѣ этихъ коопераціи было бы рискованно, однако, сказать, что устройство и самое широкое ихъ распространеніе достаточны, чтобы рѣшить соціальный вопросъ и привести къ благополучному концу

современный антагонизмъ классовъ. Было время, когда на коопераціи возлагались дѣйствительно эти чрезмѣрныя надежды, но въ настоящее время руководители бельгійскаго рабочаго движенія неповинны въ такой идеализаціи кооперацій; они думаютъ иначе и смотрятъ на дѣло совершенно трезво. Покровительствуя и содѣйствуя коопераціямъ, они не забываютъ болѣе широкихъ задачъ и не игнорируютъ другихъ средствъ борьбы.

Экономическія идеи французскихъ католиковъ.

Говорить о важности экономическихъ вопросовъ въ концѣ XIX ст. почти такъ же излишне, какъ и объ универсальномъ значеніи католической церкви. Мы думаемъ, что будущій историкъ, если онъ захочетъ въ немногихъ словахъ охарактеризовать основную идею, главнѣйшую особенность нашего вѣка, укажетъ непремѣнно на рабочій вопросъ въ области экономической и, параллельно ему, на разныя экономическія ученія въ сферѣ интеллектуальной. Съ другой стороны, еслибъ насъ кто спросилъ, какая изъ современныхъ организацій въ Западной Европѣ имѣетъ за собой болѣе долгій періодъ непрерывнаго и прочнаго существованія, а нынѣ болѣе широкое поле дѣйствія и болѣе глубокое вліяніе на міровоззрѣніе народныхъ массъ,— назвали бы мы какой-нибудь другой институтъ, кромѣ католической церкви?

По своему духу чуждая всякихъ земныхъ заботъ, религія на западѣ не переставала играть самую видную общественную роль. Въ наше время значительнаго обостренія экономической борьбы служители католической церкви, ободренные примѣромъ ея главы, Льва XIII, нашли возможнымъ вмѣшаться въ эту борьбу и высказать свой взглядъ какъ на значеніе экономическихъ явленій вообще, такъ и на особенный характеръ нѣкоторыхъ вопросовъ прикладной экономіи въ частности. Взгляды католиковъ въ этой сферѣ получили въ различныхъ странахъ болѣе или менѣе тщательную обработку и вылились въ форму спеціальнаго экономическаго ученія. Въ виду того, что на западѣ экономическое ученіе католиковъ съ одной стороны завое-

вало значительное количество адептовъ, съ другой — вызвало обширную критическую литературу и такимъ образомъ привлекло къ себѣ общественное мнѣніе, намъ показалось не безполезнымъ познакомить съ нимъ русскую читающую публику, имѣющую по этому предмету лишь самыя неполныя, отрывочныя свѣдѣнія.

Ограничивши рамки настоящей статьи ученіемъ *французскихъ* католиковъ, сдѣлавшихъ всего болѣе для разработки экономическихъ вопросовъ, мы сочли нужнымъ предпослать изложенію ихъ ученія тщательный анализъ папской энциклики, служащей для католиковъ фундаментомъ всѣхъ ихъ теоретическихъ построеній экономическаго характера. Что касается тѣхъ источниковъ, которыми мы пользовались, то главнымъ изъ нихъ является ежемѣсячный журналъ «L'Association Catholique», оффиціальный органъ французской католической школы. Журналъ этотъ составляется настолько тщательно, такъ отзывчиво относится ко всѣмъ явленіямъ политической и экономической жизни Европы и въ то же время, благодаря своимъ талантливымъ сотрудникамъ, даетъ столько интересныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія,—что его можно назвать истиннымъ кладомъ для изслѣдователя. Столь же полезны были намъ, во-первыхъ: коллективный теоретическій трудъ французскихъ католиковъ: «Oeuvre des cercles catholiques. Questions sociales et ouvrières», 1883, и во-вторыхъ: небольшое догматическое руководство «Instruction sur l'oeuvre», 1887. Прекрасную литературную обработку католическое ученіе получило въ рѣчахъ извѣстнаго парламентскаго дѣятеля гр. де-Мёна, словами котораго поэтому мы пользовались неоднократно на нижеслѣдующихъ страницахъ. Большое подсобное значеніе имѣли для насъ работы Анатолія Леруа-Болье (La papauté, le socialisme et la démocratie, 1895) и Леона Грегуара (Le pape, les catholiques et la question sociale, 1893), изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ, глубокихъ, хотя подчасъ и одностороннихъ, соображеній, вторая же даетъ библіографическія указанія и очень хорошій сводъ мнѣній по интересующему насъ вопросу. Не перечисляя здѣсь второстепенныхъ источниковъ, указанныхъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ статьи, добавимъ только, что, кромѣ книгъ, мы многимъ обязаны и тѣмъ лицамъ, которыя, стоя близко къ описываемому движенію, не отказали намъ въ своихъ указаніяхъ и совѣтахъ.

I.

Энциклика Льва XIII по рабочему вопросу.

За энцикликой Rerum Novarum (отъ 15 мая 1891 г.) слѣдуетъ признать вообще большое значеніе. Не то, чтобы мысли, высказанныя здѣсь Львомъ XIII, представлялись особенно глубокими и новыми, не то, чтобы соціальный вопросъ получалъ въ этой энцикликѣ серьезное разрѣшеніе, но, привыкнувъ встрѣчать во всѣхъ папскихъ посланіяхъ одни осужденія всякимъ новымъ идеямъ, всякимъ стремленіямъ улучшить или измѣнить существующій строй, нельзя не назвать энциклику Rerum Novarum дѣйствительно «новымъ дѣломъ» для верховнаго руководителя католической церкви. Теперь, когда изъ Рима повѣяло новымъ духомъ, услужливые апологисты святѣйшаго престола усердно занялись изученіемъ старины, чтобъ доказать, что папская политика отличалась во всѣ времена демократическимъ характеромъ, ибо съ особеннымъ благоволеніемъ относилась всегда къ низшимъ слоямъ населенія. Образцомъ подобнаго рода работъ можетъ служить сочиненіе Габріеля Ардана: «Papes et paysans», Paris, 1891, удостоившееся получить въ Римѣ высочайшее одобреніе самого папы. Сопоставляя и цитируя различные папскіе эдикты въ древнее время и въ средніе вѣка, авторъ старается доказать, что папы были враждебны римскому праву, освящавшему неограниченное право частной собственности (jus abutendi), что они разсматривали собственность, какъ фьефъ, ввѣренный Богомъ, въ управленіи которымъ собственникъ отвѣтственъ передъ моральнымъ закономъ, и что единственное основаніе для собственности они видѣли въ личномъ трудѣ (quis non vult operari nec manducet). На практикѣ этотъ теоретическій взглядъ выражался въ поддержкѣ папами земледѣльцевъ противъ притязаній землевладѣльцевъ и въ даровомъ предоставленіи своихъ земель тѣмъ, кто желалъ обрабатывать ихъ, причемъ въ свою пользу папы выговаривали лишь небольшую часть будущихъ урожаевъ. Въ книгѣ мы находимъ дѣйствительно нѣсколько любопытныхъ эдиктовъ Климента VII, Пія VI и Пія VII, показывающихъ, что въ борьбѣ съ самовластными и сильными феодалами папы были не прочь иногда опереться и на народную

массу, предложивъ ей какія нибудь несущественныя льготы или съ сочувствіемъ обративши вниманіе на угнетенное положеніе земледѣльцевъ. Но незначительное количество документовъ, которые г. Арданъ могъ привести послѣ тщательныхъ поисковъ въ защиту своего широкаго вывода о томъ вполнѣ демократическомъ характерѣ, которымъ будто бы всегда отличалась политика папъ, свидѣтельствуетъ лучше всего что выводъ этотъ занималъ автора больше, чѣмъ его доказательства. Тотъ же характеръ, какъ книга Ардана, имѣетъ и сочиненіе аббата Секретэна (Secrétin): «L'église et la jeunesse ouvrière», 1889. Отсюда читатель можетъ узнать, что папы заботились не объ однихъ земледѣльцахъ, но еще неустанно входили въ тяжелое положеніе рабочаго класса.

Подобныя старанія изобразить дѣятельность руководителей католической церкви въ извѣстномъ духѣ, очень мало соотвѣтствующемъ дѣйствительности, невольно напомнили намъ любопытный разсказъ Токвиля о томъ, какъ послѣ февральской революціи и богатые классы начали заискивать у рабочихъ. Аристократія и крупные собственники стали напоминать, что они всегда были враждебны буржуазіи и благосконны къ народу; сами буржуа не безъ гордости вспоминали отцовъ, которые были простыми рабочими, и самымъ старательнымъ образомъ разыскивали въ своей генеалогіи какого нибудь предка, нажившаго состояніе трудомъ своихъ рукъ. Теперь простого рабочаго такъ же старались сыскать въ числѣ своихъ прародителей, какъ прежде его постарались бы скрыть изъ боязни всеобщаго осужденія [1]). Не то же ли самое въ наше время происходитъ и съ папской политикой, которая никогда не находитъ недостатка въ диѳирамбахъ, хотя бы даже съ теченіемъ времени ея прежній характеръ перемѣнился на діаметрально противоположный?..

Исторія аббата Ламеннэ довольно ярко рисуетъ поведеніе папъ всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Всѣ старанія Ламеннэ, въ то время еще правовѣрнаго католика, вполнѣ преданнаго римскому престолу, убѣдить папство взглянуть благосклонно на защиту имъ и его друзьями народныхъ интересовъ,— не привели ни къ чему; всѣ такія и имъ подобныя попытки, всѣ непосредственныя обращенія къ папамъ разбивались неукосни-

---

[1]) Souvenirs d'Alexis de Tocqueville, стр. 115.

тельно о твердую рѣшимость этихъ послѣднихъ не подавать руки помощи никакимъ демократическимъ начинаніямъ и ни на шагъ не отступать съ пути, протореннаго въ теченіе многихъ предшествующихъ столѣтій. До соціальнаго вопроса, до народныхъ интересовъ папамъ не было никакого дѣла; ихъ взгляды были устремлены въ другомъ направленіи; они проклинали мятежные народы, проклинали безпокойныхъ людей, занимавшихся соціальными вопросами, а сами посылали искусныхъ и ловкихъ нунціевъ ко дворамъ болѣе вліятельныхъ государей.

Оригинальность энциклики Rerum Novarum, новизна самой темы ея для папскаго посланія и необычность взглядовъ, высказанныхъ въ ней на эту тему, — были отмѣчены рѣшительно всѣми, кто только писалъ объ энцикликѣ въ какомъ бы то ни было направленіи. Даже изслѣдователи, въ родѣ Габріеля Ардана, изучающіе соціальную политику папъ въ минувшіе вѣка, стараются только путемъ, указаннымъ выше, установить традицію, но для послѣдняго времени даже и они не отрицаютъ почина Льва XIII въ обсужденіи соціальнаго вопроса. Конечно, иные критики энциклики склонны признать предложенія папы черезчуръ радикальными; другіе, напротивъ, находятъ, что она все оставляетъ по старому, предлагая лишь жалкіе палліативы противъ серьезнаго бѣдствія. Но пока намъ нѣтъ дѣла до взглядовъ тѣхъ или иныхъ комментаторовъ папской энциклики; важно лишь то, что по всеобщему признанію Левъ XIII впервые вложилъ свои персты въ ту рану, отъ которой его предшественники настойчиво отворачивались. Посмотримъ теперь, sine ira et studio, какой діагнозъ ставитъ «намѣстникъ Петра» соціальной болѣзни и какое лекарство предлагаетъ онъ для ея уврачеванія.

Энциклика открывается слѣдующими знаменательными словами: «Жажда нововведеній, которая уже съ давнихъ поръ волнуетъ государства, должна была рано или поздно изъ сферъ политическихъ перейти въ сосѣднюю имъ область соціальной экономіи. И дѣйствительно, эти безпрерывные успѣхи промышленности, эти новые пути, открывшіеся для искусствъ, перемѣны въ отношеніяхъ рабочихъ и ихъ патроновъ, притокъ богатствъ въ руки небольшого числа людей наряду съ бѣдностью массъ, наконецъ, болѣе высокое мнѣніе, которое составили о себѣ рабочіе и ихъ болѣе тѣсное объединеніе,—все это, не говоря уже о порчѣ нравовъ, имѣло конечнымъ результатомъ страшное

столкновеніе. Повсюду умы находятся въ нерѣшительности и въ боязливомъ ожиданіи, что уже одно само по себѣ достаточно, чтобы показать, насколько важные интересы затронуты. Такое положеніе дѣлъ занимаетъ и изощряетъ таланты ученыхъ, совѣщанія публичныхъ собраній, прозорливость законодателей и совѣты правителей; нѣтъ дѣла, которое бы съ большей силой захватывало въ настоящій моментъ умъ человѣческій»... Не видимъ ли мы въ приведенномъ отрывкѣ вполнѣ серьезной постановки соціальнаго вопроса, полнаго признанія и его важности, и всей законности того особеннаго вниманія, которое удѣляется ему «учеными, публичными собраніями, законодателями и правителями»?.. Ко всѣмъ этимъ категоріямъ надо причислить теперь и католическую церковь, устами своего верховнаго руководителя слѣдующимъ образомъ характеризующую настоящее положеніе дѣла. XVIII-й вѣкъ разрушилъ корпораціи, являвшіяся оплотомъ для рабочихъ противъ всяческой эксплоатаціи, и взамѣнъ ихъ не далъ никакихъ новыхъ гарантій. Разъединенные, безъ всякой поддержки, рабочіе оказались отданными на «произволъ безжалостныхъ хозяевъ», и имъ пришлось вынести на себѣ печальные результаты неограниченной конкурренціи. Естественнымъ плодомъ ихъ неравной борьбы съ окружающими условіями явилась «громадная пропасть», раздѣлившая общество на два класса: «съ одной стороны всемогущество богатства, съ другой—безсиліе бѣдности». Когда уже зло проявилось съ достаточной силой, нашлись отдѣльные люди, которые захотѣли помочь бѣдѣ; это были *соціалисты*. Но что они предложили? «Чтобъ уничтожить зло, соціалисты возбуждаютъ бѣдныхъ къ ненависти противъ имущихъ и увѣряютъ, что всякая частная собственность должна быть уничтожена, всякое имущество должно сдѣлаться общею собственностью всѣхъ, управленіе которой перейдетъ къ муниципалитету или къ государству». Такое ученіе, по мнѣнію автора энциклики, съ одной стороны, нисколько не рѣшаетъ вопроса, съ другой—крайне несправедливо, такъ какъ нарушаетъ права собственниковъ и извращаетъ истинныя функціи государства. Свои опроверженія Левъ XIII начинаетъ съ обоснованія справедливости и законности существующаго права частной собственности [1]).

---

[1]) Оно, какъ извѣстно, оспаривалось даже нѣкоторыми представителями католической церкви. Вотъ, напр., что говоритъ извѣстный борецъ за католическое дѣло Louis Veuillot: „Cherchez tant qu'il vous plaira,

Внутренній смыслъ всякой работы заключается въ томъ, чтобы выполняющій ее человѣкъ получалъ въ результатѣ извѣстное вознагражденіе, которое поступало бы въ его полную собственность и которымъ поэтому онъ могъ бы распоряжаться по своему усмотрѣнію. Когда человѣкъ отдаетъ свои силы въ распоряженіе другого, онъ поступаетъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ мотивовъ, и справедливость не позволяетъ отказать ему въ правѣ распоряжаться такъ или иначе добытой имъ заработной платой; онъ можетъ употребить ее на покупку себѣ земли. Кто же станетъ оспаривать его права на то поле, въ которое онъ превратитъ свои сбереженія? Таково, однако, основаніе рѣшительно всякой движимой и недвижимой собственности. Разсужденія эти заканчиваются слѣдующимъ выводомъ. «Значитъ обращеніе частной собственности въ коллективную, столь прославляемое соціализмомъ, привело бы ни къ чему иному, какъ только къ тому, что оно сдѣлало бы положеніе рабочихъ менѣе обезпеченнымъ, отнявши у нихъ свободное распоряженіе ихъ заработной платой и лишивъ ихъ тѣмъ самымъ всякой надежды и всякой возможности расширить отцовское достояніе и такимъ образомъ улучшить положеніе».

Къ выше приведеннымъ соображеніямъ надо присоединить еще и то, что частная собственность вытекаетъ для человѣка изъ его естественнаго права,—животное, удовлетворяющее только свои непосредственныя потребности, собственности не имѣетъ; но человѣкъ, надѣленный разумомъ, заботящійся о завтрашнемъ днѣ, о дѣтяхъ, о будущемъ, долженъ имѣть постоянный источникъ для удовлетворенія своихъ нуждъ; такимъ источникомъ и является полная собственность, которую можно противупоставить временному владѣнію. Поэтому-то человѣкъ имѣетъ, напримѣръ, право собственности не только на всѣ произведенія земли, но и на самую землю, получающую отъ него свое плодородіе и служащую ему обезпеченіемъ его будущаго. «Пусть не противупоставляютъ законности частной собственности тотъ фактъ, что Богъ далъ землю въ пользованіе всему человѣчеству, потому что Богъ также не далъ ее людямъ, чтобы они владѣли ею всѣ сообща... Богъ не назначилъ каждому его части, но онъ поже-

---

vous ne trouverez pas au droit de propriété d'autre fondement solide que l'article de la loi divine par lequel il est defendu de prendre le bien d'autrui. Pour croire à la propriété quand on ne croit pas en Dieu, il faut être propriétaire". Joly, „Le socialisme chrétien", 225—226.

лалъ предоставить распредѣленіе собственности промышленности людей и учрежденіямъ народовъ». Тѣмъ не менѣе, и раздѣленная на части, земля служитъ всему роду человѣческому, потому что въ дѣйствительности нѣтъ человѣка, который бы не питался ея плодами.

Такія соображенія кажутся папѣ настолько вразумительными, что онъ удивляется даже (mirabile vibeatur), какъ можно думать иначе. Земля, которую человѣкъ оросить своимъ потомъ, которую онъ обработаетъ и сдѣлаетъ плодородною, заключаетъ уже въ себѣ частичку его самого; она съ этихъ поръ неотдѣлима отъ него, она принадлежитъ ему на правахъ полной собственности. «Справедливость потерпитъ ли, чтобы иностранецъ пришелъ и овладѣлъ землею, орошенною потомъ того, кто ее обработалъ? Подобно тому, какъ слѣдствіе вытекаетъ изъ причины, такъ же справедливо, чтобы *работнику принадлежалъ продуктъ его работы*. Не даромъ сказано въ божественномъ законѣ: «Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего» и проч.

Подобно собственности, неправильно отрицаютъ и бракъ. Христосъ всегда оставался безбрачнымъ, и тѣмъ не менѣе человѣку предоставлено право жениться, если онъ того пожелаетъ. Crescite et multiplicamini! Семья—это основа государства, она предшествуетъ всякому общественному союзу. Глава семьи имѣетъ по отношенію къ ней извѣстныя обязанности: онъ долженъ кормить и воспитывать своихъ дѣтей, давать имъ средства проходить дальнѣйшій жизненный путь. Кто же можетъ сказать что отецъ не долженъ оставлять своимъ дѣтямъ имущества? Кто же можетъ оспаривать его право распоряжаться своимъ наслѣдствомъ? И такъ какъ семья—основа государства, не слѣдуетъ, чтобы это послѣднее произвольно вмѣшивалось въ семейныя отношенія. Государство должно только приходить на помощь семьѣ, которая очутится въ безвыходно-трудномъ положеніи, или возстановлять права тамъ, гдѣ они явнымъ образомъ попираются. «Отцовская власть не должна быть ни уничтожена, ни поглощена государствомъ». Отрицающіе бракъ соціалисты идутъ противъ естественной справедливости. Въ общемъ ученіе ихъ слѣдуетъ отвергнуть, какъ предосудительное, противное естественному праву человѣка, извращающее обязанности государства и нарушающее общественное спокойствіе.

Переходя къ «дѣйствительному» рѣшенію соціальнаго воп-

роса, папа находитъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку, устраняющую, по нашему мнѣнію, всѣ споры о томъ, говорилъ ли онъ въ данномъ случаѣ ex cathedra и примѣнима ли къ его послѣдующимъ словамъ формула Roma locuta est: «мы приступаемъ къ этому предмету съ увѣренностью и со всей полнотой нашего *права*, ибо вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такого рода, что не прибѣгнувъ къ религіи и къ церкви, нельзя найти истиннаго рѣшенія». Только церковь можетъ рѣшить вопросъ, церковь, черпающая изъ Евангелія ученіе, которое способно положить конецъ соціальной войнѣ [1]), стремящаяся къ объединенію интересовъ всѣхъ классовъ общества, церковь, полагающая, что «законы и общественная власть должны, разумѣется, въ извѣстныхъ границахъ и съ мудростью оказать также свое содѣйствіе такому рѣшенію».

Прежде всего человѣкъ обязанъ терпѣливо относиться къ тѣмъ условіямъ, въ которыя его поставила судьба помня, что плоды первороднаго грѣха не могутъ быть сладки и что страданія—удѣлъ человѣчества. Жаловаться на соціальныя неравенства неразумно, ибо неравными по уму и талантамъ являемся уже мы на свѣтъ, а итти противъ самой природы безполезно. Величайшее заблужденіе также—думать, что различные классы общества враждебны другъ другу. Въ дѣйствительности какъ разъ напротивъ: всѣ классы нуждаются другъ въ другѣ, и имъ преднамѣчена та же гармонія, какая существуетъ въ человѣческомъ организмѣ между различными органами его. Капитала не можетъ быть безъ труда и труда безъ капитала. Поэтому обязанность рабочихъ состоитъ въ томъ, чтобы добросовѣстно «выполнять работу, за которую они взялись по контракту свободному и согласному съ справедливостью», а кромѣ того, не оскорблять своихъ патроновъ, не слушать соблазнительныхъ обѣщаній людей, которые возбуждаютъ въ нихъ преувеличенныя ожиданія, и самыя свои просьбы предъявлять хозяевамъ въ скромной формѣ и безъ угрозъ. Съ другой стороны на обязанности богатыхъ лежитъ—не относиться къ своимъ рабочимъ, какъ къ рабамъ, уважать ихъ человѣческое достоинство, бдить объ удовлетвореніи ими ихъ духовныхъ потребностей и о томъ, чтобы рабочіе не подвергались соблазну и развращающимъ требованіямъ. Кромѣ того, хозяева не должны обременять рабочихъ трудомъ, несоотвѣтствующимъ ихъ полу и

[1]) Мысль, повторявшаяся и Ламеннэ, и Ис. Перейрой, и аббатомъ Констаномъ, и Шантомомъ, и другими католиками 40-хъ годовъ.

возрасту и потому непосильнымъ, а затѣмъ вообще не эксплоатировать ихъ и, пользуясь ихъ бѣдностью, не давать непомѣрно низкой заработной платы.

Выполненіе всѣхъ этихъ предписаній не уничтожило ли бы уже само собой антагонизма классовъ?—спрашиваетъ себя Левъ XIII. Но церковь идетъ еще дальше: она напоминаетъ, что для будущаго загробнаго счастья безразлично, были ли вы на землѣ обременены богатствами или совершенно лишены ихъ, за-то не безразлично, какъ вы распорядились вашими богатствами, если они были у васъ. Религія насъ учитъ, что каждый, снабженный въ изобиліи природными ли дарами или матеріальными средствами, долженъ дѣлиться ими со своими ближними. «Никто не обязанъ при этомъ ни лишать себя или свою семью необходимаго, ни даже отказываться отъ чего либо, что предписывается людямъ приличіемъ или благопристойностью». Nullus enim inconvenienter vivere debet. (S. Thom.). Но за удовлетвореніемъ необходимости и декорума излишекъ долженъ быть отдаваемъ въ пользу бѣдныхъ, и, какъ сказано, «счастливѣе тотъ, кто даетъ, нежели тотъ, кто получаетъ». Богатые пусть не забываютъ еще, что въ бѣдности нѣтъ позора, что I. Христосъ явился въ міръ подъ видомъ сына простого рабочаго, и Самъ значительную часть жизни провелъ въ ручномъ трудѣ. Бѣдныхъ Спаситель называетъ счастливыми, онъ обѣщаетъ утѣшеніе всѣмъ, кто страдаетъ и плачетъ, онъ съ милосердіемъ цѣлуетъ малыхъ и униженныхъ, «Къ обездоленнымъ классамъ, повидимому, склоняется болѣе сердце Господне» (Immo vero in calamitosorum genus propensior Dei ipsius videtur voluntas). Это ученіе должно принизить гордую душу богатаго и сдѣлать его болѣе снисходительнымъ; оно должно возбудить бодрость и тѣхъ, кто страдаетъ и внушить имъ смиреніе». Тогда не будетъ никакого препятствія для единенія между обоими классами.

Церковь съ своей стороны тѣмъ способствуетъ разрѣшенію соціальной проблемы, что сама «своими руками примѣняетъ это средство противъ зла»: она воспитываетъ людей въ принципахъ христіанства и распространяетъ повсюду «животворную воду этого ученія». И пусть не думаютъ, что поглощенная заботами о спасеніи душъ, она пренебрегаетъ всѣмъ смертнымъ и земнымъ. Что касается рабочаго класса, то она дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы вывести его изъ нужды, и словомъ, и дѣломъ

приводя людей къ добродѣтели. Кромѣ этого воздѣйствія на богатыхъ, кромѣ ея постоянныхъ преслѣдованій излишней страсти къ наживѣ и роскоши, она еще помогаетъ рабочимъ и непосредственно, при помощи основанныхъ или поддержанныхъ ею благотворительныхъ учрежденій.

Но чего же мы въ правѣ ожидать отъ государства, разумѣя подъ нимъ «правительство, которое соотвѣтствуетъ предписаніямъ естественнаго разума и божественнаго ученія»? Покровительства рабочимъ классамъ. Государство наблюдаетъ, чтобы всюду царствовала справедливость, и чтобы одинъ классъ не притѣснялъ другого. Оно вмѣшивается, когда видитъ, что чьи либо права нарушены, оно, значитъ, охраняетъ отъ всякихъ нарушеній законы такъ называемой распредѣлительной справедливости. Но, такъ какъ богатые классы въ самыхъ богатствахъ своихъ имѣютъ уже извѣстную силу, бѣдные же, напротивъ, безсильны и легко могутъ быть эксплуатируемы, то, слѣдовательно, о послѣднихъ государство должно заботиться больше. «Пусть же государство сдѣлается провидѣніемъ тружениковъ [1]), которые принадлежатъ вообще къ бѣдному классу». Пусть оно обращаетъ вниманіе на нихъ не только въ моменты стачекъ и острыхъ кризисовъ, но пусть «устранитъ съ мудростью и самыя причины, которыя имѣютъ свойство возбуждать столкновенія между рабочими и хозяевами». Но предлагать все это сдѣлать государству, не значитъ ли, замѣтимъ мимоходомъ, требовать отъ него полнаго разрѣшенія всего соціальнаго вопроса?

Далѣе въ энцикликѣ перечисляются случаи, когда вмѣшательство государство можетъ оказаться необходимымъ. Такихъ случаевъ три: 1) когда хозяева требуютъ отъ рабочихъ чрезмѣрнаго количества труда; 2) когда работа, возлагаемая ими на рабочихъ, непосильно тяжела для послѣднихъ, и 3) когда заработная плата настолько низка, что не даетъ рабочему возможности просуществовать. «Число часовъ рабочаго дня не должно превышать силъ рабочаго», трудъ особенно тяжелый (напр., работа въ рудникахъ) долженъ быть менѣе продолжителенъ; кромѣ того, нужно сообразоваться и съ организмомъ рабо-

---

[1]) Впрочемъ Леруа-Болье не безъ основанія замѣчаетъ, что французскій оффиціальный переводъ нѣсколько усиливаетъ смыслъ латинскаго подлинника, переводя словомъ „providence“ стоящее тамъ выраженіе— „cura providentiaque“. „La papauté, le socialisme et la démocratie“. 121.

чихъ: нечего и говорить, что отъ женщинъ и дѣтей нельзя требовать такого же труда, какъ отъ взрослыхъ мужчинъ. Что касается заработной платы, то она должна быть настолько высока, насколько это необходимо для поддержанія существованія рабочаго. «Въ потѣ лица ты будешь ѣсть хлѣбъ твой». «Ѣсть хлѣбъ»—это цѣль всякой работы, и потому хозяинъ долженъ выплачивать такого размѣра вознагражденіе, которое позволило бы рабочему покупать себѣ достаточное количество этого хлѣба. Такова обязанность предпринимателя, отъ которой онъ не можетъ уклоняться, даже если бы сами рабочіе согласились удовлетвориться жалкой, недостаточной для жизни платой... Во избѣжаніе того, чтобы въ этомъ случаѣ и другихъ аналогичныхъ, какъ-то: продолжительность рабочаго дня, забота о здоровьѣ рабочихъ и проч., общественная власть не стала вмѣшиваться несвоевременно,—предпочтительнѣе предоставить въ принципѣ рѣшенія такихъ вопросовъ синдикатамъ и корпораціямъ».

Вообще сами рабочіе могутъ значительно помочь скорѣйшему разрѣшенію соціальнаго вопроса. Желательно, чтобы ихъ общества самопомощи или корпораціи людей одной профессіи, составленныя изъ однихъ рабочихъ, или общества смѣшанныя, изъ рабочихъ съ хозяевами, получили возможно болѣе широкое распространеніе. При этомъ только рабочіе должны быть осмотрительными и не присоединяться ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, изъ которыхъ обыкновенно религія бываетъ изгнана, сверхъ того и самый актъ присоединенія слѣдуетъ охранять всегда отъ всякаго принужденія и насилія: присоединеніе къ обществамъ не можетъ быть инымъ, какъ совершенно добровольнымъ и свободнымъ. Желательно еще, чтобы для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, возникающихъ между рабочими и ихъ хозяевами, существовали посредники, третейскіе судьи, одинаково авторитетные для обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ могли бы быть устранены многія столкновенія, и дѣло рѣже стало бы доходить до стачекъ и иныхъ нарушеній общественнаго спокойствія.

Судьба рабочаго класса, читаемъ мы въ заключеніи всей энциклики,—таковъ вопросъ, который горячо обсуждается въ наше время; онъ будетъ разрѣшенъ разумно или неразумно, и для народа не безразлично, какимъ именно образомъ онъ разрѣшится... Какова бы ни была въ людяхъ сила предразсудковъ и

страстей [1]), рано или поздно общественное благоволеніе повернется въ сторону рабочихъ, которыхъ увидятъ дѣятельными и скромными, ставящими справедливость впереди барыша и предпочитающими всему религію долга». Папа призываетъ все духовенство не медля, чтобы болѣзнь не успѣла сдѣлаться неизлечимой, приложить всѣ старанія къ скорѣйшему разрѣшенію соціальнаго вопроса. «Пускай же священнослужители проявятъ всю силу ихъ души и все искусство ихъ ревности, пусть трудятся они на благо народовъ изо всѣхъ силъ и пусть въ особенности стараются питать въ себѣ и возбуждать въ другихъ, отъ высшихъ до низшихъ, милосердіе, могущественнѣйшую изъ всѣхъ добродѣтелей».

Таково содержаніе энциклики Rerum Novarum: мы ее изложили во всѣхъ ея существенныхъ частяхъ, приводя иногда подлинныя слова Льва XIII. Послѣднее намъ казалось необходимымъ въ виду того, что по инымъ пунктамъ энциклика комментировалась въ самыхъ противоположныхъ смыслахъ; подлинный текстъ позволитъ намъ лучше всего разобраться въ противорѣчивыхъ идеяхъ, навязываемыхъ папѣ различными комментаторами. Мы думаемъ, что тенденціозность этихъ послѣднихъ больше, чѣмъ неопредѣленность иныхъ выраженій въ энцикликѣ, породила столько недоразумѣній и пререканій, и что въ сущности не такъ уже трудно разобраться въ томъ, чего папа желаетъ и чего не желаетъ. Ниже намъ придется еще вернуться къ основнымъ идеямъ энциклики, а здѣсь замѣтимъ, что эти идеи являются въ настоящее время минимумомъ желаній соціальныхъ католиковъ, которые на канвѣ, данной имъ папой, разводятъ много самыхъ сложныхъ узоровъ.

Не трудно, конечно, замѣтить, что взгляды папы не отличаются новизной. Всѣ его доводы въ защиту собственности и противъ соціализма,—сколько разъ уже повторялись они защитниками оффиціальной экономической науки! Кто только въ укоръ «эгалитарнымъ утопіямъ» не ссылался на естественное неравенство всѣхъ людей, кто только (кончая памфлетами Евгенія Рихтера и Ива Гюйо) не декламировалъ противъ тиранніи соціалистическаго государства и извращенія соціалистами дѣйствительныхъ функцій общественной власти, и наконецъ, сколько разъ послѣ того, какъ Мененій Агриппа разсказалъ римлянамъ

[1]) Позволимъ себѣ замѣтить, что до послѣдняго времени католическая церковь являлась лучшимъ оплотомъ этихъ „предразсудковъ и страстей“.

въ первый разъ свою побасенку о членахъ человѣческаго тѣла, сколько разъ съ того времени докучали міру этой побасенкой многочисленные плагіаторы находчиваго, но далеко не геніальнаго римскаго оратора, которому, если вѣрить преданію, посчастливилось въ свое время удачной выдумкой успокоить возмутившихся пролетаріевъ!.. Нельзя не замѣтить, что, кромѣ устарѣлости извѣстныхъ доводовъ, нѣкоторые изъ нихъ отличаются также и обоюдоострымъ характеромъ.

За-то справедливость требуетъ отмѣтить, что въ той же энцикликѣ мы находимъ нѣсколько ясно выраженныхъ, плодотворныхъ и вполнѣ прогрессивныхъ идей, особенно знаменательныхъ въ устахъ главы католической церкви. Это, во-первыхъ, открытое признаніе ненормальности существующаго соціальнаго порядка; во-вторыхъ, сочувствіе, выраженное Львомъ XIII рабочимъ союзамъ, и въ третьихъ, ободряющій призывъ къ государствамъ вмѣшаться въ экономическія отношенія и стать на защиту рабочихъ интересовъ. Подобныя мысли, которыя мы находимъ въ энцикликѣ выраженными не смутно и не двусмысленно, заставляютъ насъ совершенно разойтись во мнѣніи съ тѣми изъ наиболѣе требовательныхъ ея критиковъ, которые, подобно нѣмецкимъ соціалъ-демократамъ [1]), не захотѣли увидѣть въ энцикликѣ ничего новаго, никакого знаменія времени, никакого прогресса во взглядахъ католической церкви на соціальный вопросъ. Мы еще увидимъ далѣе, что энциклика сама по себѣ является завершеніемъ не всего этого прогресса, а только лишь его начальныхъ шаговъ, первымъ этапомъ, за которымъ послѣдуетъ не остановка движенія, а болѣе бодрое и скорое развитіе извѣстныхъ соціальныхъ идей, освященныхъ теперь высокимъ авторитетомъ папы.

II.

Возникновеніе новѣйшихъ теченій въ католицизмѣ. Графъ де-Менъ и его друзья. Ихъ отношеніе къ революціи и къ рабочему классу. Школа Le Play и дальнѣйшая эволюція.

Разсматривая энциклику Rerum Novarum именно только какъ завершеніе одной фазы въ развитіи современнаго соціально-католическаго движенія, но отнюдь не какъ его послѣднее слово, мы обязаны разумѣется сейчасъ же разъяснить,

---

[1]) См. „Die christliche Kirche und der Socialismus. Eine socialdemocratische Antwort auf die Encyklika Leo XIII“, von Kurt Falk, выводъ на

какого рода развитіе, какія фазы усматриваемъ мы въ описываемомъ движеніи. Это приводитъ васъ къ необходимости, не входя еще во всѣ подробности ученія, разсмотрѣть пока нѣкоторыя изъ основныхъ его положеній, а главное—разставить вѣхи, которыя бы указали путь, пройденный католицизмомъ на поприщѣ соціальныхъ идей. Дѣло въ томъ, что, несмотря на сравнительную кратковременность послѣдняго движенія, продолжающагося на французской почвѣ всего какихъ-нибудь двадцать съ небольшимъ лѣтъ, въ характерѣ его произошли такія перемѣны, что конечный пунктъ движенія оказался весьма мало похожимъ на его исходную точку въ началѣ 70-хъ годовъ. Замѣтимъ кстати, что здѣсь, только въ маломъ масштабѣ, повторилась вся исторія папской политики, отвращающейся нынѣ отъ своихъ исконныхъ союзниковъ, чтобы склониться на ту сторону, которая доселѣ служила всегда объектомъ репрессіи для свѣтской власти, поддерживаемой и ободряемой властью духовной. Но логика событій и видимое безсиліе предлагаемыхъ мѣръ заставили скоро этихъ ревнителей католичества и существующаго порядка перемѣнить свои взгляды на многія явленія окружающей жизни, и вотъ мы видимъ ихъ, уже въ 80-хъ гг., вовлеченными въ борьбу, законность которой они сначала не соглашались признать, и даже больше—поддерживающими въ этой борьбѣ тѣ элементы, которые, согласно прежнему ихъ profession de foi, являлись обреченными на пассивное подчиненіе.

Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ болѣе раннее соціально-католическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, завершившееся энцикликой 1849 г., въ которой папа Пій IX предавалъ анаѳемѣ всякія попытки сближать католицизмъ съ новѣйшими соціальными идеями.

До возникновенія подобнаго движенія въ *новое* время протекло болѣе 20 лѣтъ. Въ промежутокъ времени между 1849 и 1871 годомъ, за исключеніемъ книги Гюэ «La régne

---

стр. 40. Книга не лишена однако нѣкоторыхъ справедливыхъ замѣчаній и вѣрныхъ соображеній и вообще заслуживаетъ прочтенія для ознакомленія со взглядомъ враждебной церкви стороны. Противоположнаго характера комментаріемъ является книга Паскаля: „L'église et la question sociale". Здѣсь авторъ придаетъ словамъ энциклики черезчуръ далекій и растяжимый смыслъ. Третью крайность представляетъ сочиненіе Maumus („L'église et la démocratie"), автора, безусловно преданнаго папѣ, но не пожелавшаго отвлечься отъ буквы энциклики и отъ отдѣльныхъ ея выраженій.

social du christianisme, 1853 г». являющейся легкимъ отзвукомъ движенія 40-хъ годовъ, мы не встрѣчаемъ во Франціи ни одного сочиненія, ни одного писателя, которые бы проводили идеи въ духѣ аббата Ламеннэ или Констана. За-то нѣтъ недостатка въ сочиненіяхъ противоположнаго характера, имѣющихъ цѣлью обнаружить весь антагонизмъ, всю несовмѣстимость католицизма и соціальныхъ идей. Укажемъ для примѣра на книгу де Люстрака: «Christianisme et Socialisme, 1863», посвященную доказательству той мысли, что «нѣтъ болѣе антипатичныхъ другъ другу идей, какъ тѣ, которыя выражаютъ два слова, выставленныя въ заглавіи». Не иначе сначала думали на этотъ счетъ и люди, являющіеся основателями новѣйшаго соціально-католическаго движенія. Оно и понятно: въ то время, какъ католицизмъ представлялся имъ вполнѣ законченнымъ и яснымъ ученіемъ, ихъ соціальныя идеи, напротивъ, по ихъ же собственному признанію, отличались въ то время крайнею неопредѣленностью и совершенно тонули въ католицизмѣ. Не будемъ однако спѣшить оцѣнкой и сообщимъ раньше самые факты, какъ они изложены въ рѣчахъ наиболѣе виднаго представителя интересующаго насъ направленія—графа де-Мена.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Парижѣ существовало нѣсколько католическихъ кружковъ, членами которыхъ были простые рабочіе. Открытые съ цѣлью пропаганды католицизма среди рабочаго класса, кружки эти не имѣли сначала ни большого вліянія, ни особеннаго успѣха. Время было тогда самое неблагопріятное для религіозной пропаганды. Политическое возбужденіе въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III-го и разгоравшійся въ открытую войну антагонизмъ классовъ пролагали уже дорогу для двухъ великихъ событій, являющихся поворотными пунктами въ новѣйшей исторіи Франціи. Наполеоновская монархія еле держалась тогда противъ всеобщаго недовольства умовъ, а въ то же время коммуна, на нѣсколько мѣсяцевъ смѣнившая монархію и воцарившаяся въ мятежномъ Парижѣ, готовила уже въ темныхъ углахъ рабочихъ кварталовъ свое красное, революціонное и соціалистическое знамя. Маленькіе католическіе кружки остались въ сторонѣ отъ этого всеобщаго возбужденія, до нихъ никому не было дѣла и только потому, что ихъ никто не замѣчалъ, никто и не потрудился имъ предсказать неизбѣжную гибель. Но случилось иное. Въ 1871 г. нашлись люди, которые обратили вниманіе на едва

влачившіе свое существаовніе католическіе кружки; эти люди пришли къ нимъ на помощь и сумѣли на нѣкоторое время создать католическимъ рабочимъ кружкамъ поистинѣ блестящую карьеру. То были графъ де-Менъ и графъ де-ля-Туръ-дю-Пэнъ-Шамбли, оба офицеры французской арміи, пробывшіе нѣсколько мѣсяцевъ въ нѣмецкомъ плѣну и затѣмъ вернувшись на родину, поразившіеся зрѣлищемъ агонизирующей коммуны. Когда-то оба они отличались либеральнымъ образомъ мыслей и полнымъ равнодушіемъ къ католической церкви, но во время своего плѣна имъ пришлось ознакомиться съ книгой Келлера: «Энциклика 1864 г. и принципы 1789», книгой, которая произвела на обоихъ очень сильное впечатлѣніе и во многомъ измѣнила ихъ взгляды на религіозные вопросы. Кровавыя событія окружающей жизни, безпорядокъ, царившій въ странѣ послѣ иноплеменнаго нашествія, и еще неизгладившіеся слѣды временнаго торжества коммуны,—все это только усилило впечатлѣніе религіозной проповѣди Келлера и укрѣпило ихъ ненависть къ революціоннымъ идеямъ и вѣру въ католицизмъ, какъ единственное спасительное средство для погибающаго отечества. Оба графа съ одушевленіемъ взялись за пропаганду католицизма и тогда только совершенно случайно наткнулись на рабочіе кружки. Мысль обратиться съ такой пропагандой къ рабочимъ показалась имъ совершенно правильной, форма кружковъ—самой удобной, и вотъ они настойчиво принимаются организовывать и распространять подобные кружки сначала въ Парижѣ, а затѣмъ и во всей Франціи.

Вотъ какъ въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей разсказываетъ де-Менъ объ этихъ фактахъ и о тогдашнемъ міровоззрѣніи своемъ и своихъ друзей: [1]) «Это было на слѣдующій день послѣ войны. Коммуна кончалась, вокругъ насъ было одно разрушеніе и руины, но въ нашихъ сердцахъ—потребность спасенія, возрожденія, соціальнаго обновленія. Среди всеобщаго безпорядка одно знаменіе казалось намъ тогда достаточно сильнымъ, достаточно могущественнымъ, чтобы соединить наши силы въ одну попытку,—это было знаменіе креста. Все «дѣло» заключалось въ этомъ. Кромѣ одной этой мысли, мы не имѣли еще тогда другихъ, вполнѣ опредѣленныхъ идей»... Торжество католицизма было единственной мечтой обоихъ офи-

[1]) Discours du comte Albert de Mun. V. I. Questions sociales, 1888, стр. 959.

церовъ, а необходимой ступенью для этого торжества казалось имъ, по ихъ собственному признанію, низверженіе царившихъ тогда въ умахъ революціоныхъ идей или—*контръ-революція*.

Средствомъ пропаганды, какъ уже сказано, были избраны рабочіе кружки. «Кружки, говоритъ спеціальное разъяснительное руководство, изданное впослѣдствіи иниціаторами «дѣла» [1]), суть центры объединенія, гдѣ члены рабочей ассоціаціи должны найти: a) убѣжище для сохраненія ихъ вѣры, нравовъ и патріотизма, b) организованное выполненіе религіозныхъ обрядовъ и христіанскаго милосердія, c) учрежденія экономическія, d) средства къ образованію, e) благопристойное отдохновеніе». «Кружокъ,—разъясняетъ то же самое, но нѣсколько подробнѣе де-Менъ [2]), представляетъ для рабочаго мѣсто собранія, гдѣ онъ находитъ всѣ дозволительныя развлеченія и отдыхаетъ отъ работы достойнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы искать въ удовольствіяхъ лишняго утомленія. Это не случайное убѣжище, гдѣ ему оказываютъ минутное гостепріимство, это его собственный домъ, которымъ онъ распоряжается вполнѣ свободно. Игры, книги, садъ—отвѣчаютъ всѣмъ его потребностямъ; столъ ресторана даетъ ему по дешевой цѣнѣ пищу лучшую, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; нѣсколько меблированныхъ помѣщеній предлагаются за умѣренную плату всякому рабочему, не имѣющему крова, и всякій, кто пріѣзжаетъ изъ провинціи, находитъ себѣ здѣсь пріютъ отъ бродяжничества»... Но такова только внѣшняя, лицевая сторона кружковъ. Ихъ внутренній смыслъ выясняется словами той же рѣчи де-Мена, нѣсколькими строками дальше: «Поступая въ кружокъ, рабочій совершаетъ актъ вѣры, потому что здѣсь есть часовня, гдѣ каждое воскресенье прославляется служба Господня, священникъ, назначеніе котораго наставлять души,—главный руководитель, его обязанность—подавать примѣры христіанскихъ добродѣтелей. Тѣ, которые вступаютъ въ кружокъ, не обязаны быть ревностными въ одинаковой мѣрѣ, но они по крайней мѣрѣ должны отдавать дань внѣшнему выраженію вѣры и преклонять колѣни предъ алтаремъ»! Въ цитированномъ нами уже «руководствѣ» мы находимъ, въ дополненіе къ приведеннымъ словамъ де-Мена, еще другія религіозныя наставленія всѣмъ членамъ кружковъ.

---

[1]) Instruction sur l'oeuvre: Bases de l'oeuvre, 1887, art. VI.
[2]) Discours du comte de Mun, loco cit., 24—26.

Такъ, между прочимъ, каждому изъ нихъ рекомендуется говорить ежедневно другъ другу «souvenez vous», напоминая тѣмъ, безъ сомнѣнія, религіозную миссію всѣхъ членовъ кружка, а утренняя молитва каждаго должна заключать въ себѣ воззваніе къ Христу, Маріи Дѣвѣ, Св. Іосифу, Св. Винценту Павлу и всѣмъ святымъ патронамъ труда [1]). Религіозная цѣль кружковъ достаточно видна изъ приведенныхъ указаній, для характеристики же тогдашнихъ соціальныхъ взглядовъ ихъ основателей, а равно и ихъ отношеній къ рабочимъ,—не лишнее будетъ привести еще одну небольшую цитату: «мы не желаемъ, говоритъ графъ де-Менъ [2]), предложить рабочимъ условную и свѣтскую нравственность, но мы хотимъ сдѣлать изъ нихъ христіанъ и, скажемъ все до конца,—спасти ихъ души. Другого же средства сдѣлать это, кромѣ выполненія религіозныхъ обрядовъ, мы не знаемъ... Только помолившись съ этимъ человѣкомъ и раздѣливъ съ нимъ хлѣбъ причастья, мы можемъ встать, увѣренные въ томъ, что мы на истинномъ пути; тогда только мы будемъ имѣть возможность говорить ему о мужествѣ и самопожертвованіи, и онъ пойметъ, что люди *могутъ находиться въ неравныхъ условіяхъ*, не переставая быть равными передъ Создателемъ».

Къ сожалѣнію, ни основатели католическихъ кружковъ, ни сочувствовавшіе имъ люди не дали никакого описанія внутренней жизни этихъ кружковъ. «Руководство», на которое мы ссылались, даетъ матеріалъ очень недостаточный: уставъ и внѣшнее описаніе оргзнизаціи. Очеркъ внутреннихъ отношеній въ кружкахъ, какъ они сложились въ жизни, а не въ головахъ основателей, даетъ намъ только сочиненіе Арвэдъ-Баринъ (псевдонимъ), писательницы, враждебной католической пропагандѣ (см. ея книгу: «L'oeuvre de Jésus-ouvrier. Les cercles catholiques», 1879). Если вѣрить автору,—а мы думаемъ, что въ главныхъ чертахъ этотъ очеркъ заслуживаетъ довѣрія,—рабочіе, поступавшіе въ общежитія, подвергались самому строгому монастырскому режиму: все свободное время ихъ было заполнено молитвами; вставали и ложились они въ опредѣленное время, своимъ руководителямъ должны были подчиняться безпрекословно. Всякія мірскія развлеченія были изгнаны изъ католическихъ кружковъ, книги попадали въ руки ихъ членовъ только

[1]) Instruction sur l'oeuvre, стр. 17.
[2]) Discours, стр. 122.

послѣ строгой цензуры священника и при томъ книги свѣтскаго характера допускались съ большой неохотой. Неудивительно, что подобный режимъ не пришелся по вкусу многимъ рабочимъ, даже вполнѣ сочувствовавшимъ католической пропагандѣ; гораздо удивительнѣе, напротивъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кружки все же могли навербовать себѣ значительное число адептовъ и получить распространеніе по всей Франціи. Апогеемъ ихъ развитія являются 1875—77 гг., когда число кружковъ достигло 400, а сумма ихъ членовъ выражалась почтенною цифрою въ 18 тыс. человѣкъ, изъ которыхъ рабочихъ, по словамъ одного изъ участниковъ этого дѣла (Жоффруа де-Грандмэзона), было тысячъ около 15-ти. Въ началѣ 80-хъ годовъ кружки стали видимо падать, да и ихъ иниціаторами начали овладѣвать нѣсколько отличныя отъ прежнихъ мысли. Слегка реформированные, значительно сократившіеся числомъ, а главное потерявшіе свое прежнее вліяніе, кружки тѣмъ не менѣе дожили и до настоящаго времени. На нихъ не возлагается уже больше былыхъ надеждъ [1]). Прежній оффиціальный органъ кружковъ, «Association Catholique», журналъ, дававшій нѣкогда подробные отчеты объ ихъ распространеніи, объ ихъ дѣятельности и вліяніи на рабочихъ, теперь совершенно отстранился отъ этого дѣла и продолжаетъ существовать независимо, выражая мнѣніе группы соціальныхъ католиковъ, не имѣющихъ больше ничего общаго съ рабочими кружками.

Мы думаемъ поэтому, что не ошибемся, назвавши все дѣло католической пропаганды путемъ устройства рабочихъ кружковъ предпріятіемъ неудавшимся. Въ сущности, то же самое признаютъ и сами иниціаторы дѣла, хотя, разумѣется, они не говорятъ о своей неудачѣ вполнѣ откровенно и подыскиваютъ для ея объясненія разныя побочныя обстоятельства. Вотъ, однако какъ выражается на этотъ счетъ Леонъ Грегуаръ въ своей книгѣ, написанной въ духѣ и въ направленіи школы де-Мена; «Нельзя сказать про «дѣло кружковъ», читаемъ мы здѣсь (стр. 14—15), что оно удалось, нельзя сказать также, что оно потерпѣло не-

---

[1]) Грегуаръ („Le pape, les catholiques et la question sociale", 1893, стр. 134) называетъ ихъ учрежденіями „благотворительными и благочестивыми", но неспособными „ни предупредить нищету, ни уничтожить ея". Упадокъ кружковъ можно видѣть лучше всего изъ отчета объ ихъ дѣятельности за 1891 годъ, напечатаннаго въ „Association Catholique", 1892, апрѣль и іюнь. Особенно нагляднымъ становится этотъ упадокъ, если сравнить данный отчетъ съ отчетами 70-хъ годовъ, печатавшимися періодически въ томъ же журналѣ.

удачу... Кружки должны были группировать рабочихъ, это была какъ бы опека надъ взрослыми людьми. Ихъ руководители не были политическими дѣятелями, тѣмъ не мѣнѣе дѣло производило впечатлѣніе избирательнаго бюро на службѣ у монархіи. Нѣкоторые члены вѣрили, что законная власть Бога имѣетъ логическимъ слѣдствіемъ законную власть короля, и надѣялись, что послѣдняя повела бы за собой торжество первой. Тогда подумали, что кружки предназначены для осуществленія подобныхъ надеждъ: *жертва такого реномэ, дѣло кружковъ не сдѣлалось дѣломъ евангельскаго завоеванія*, о которомъ мечтали его руководители». Нечего и говорить, что неуспѣхъ предпріятія объясняется болѣе глубокими причинами, нежели просто «несчастнымъ реномэ», но нельзя не признать, что и это реномэ, составившееся отнюдь не по одному недоразумѣнію, какъ старается увѣрить Грегуаръ, сыграло также свою неблагопріятную для дѣла роль. Политическія убѣжденія иниціаторовъ рабочихъ кружковъ, и среди нихъ прежде всего де-Мена, были дѣйствительно по тому времени ультра-реакціонными. Отличительной и самой доминирующей чертой этихъ убѣжденій являлась глубокая ненависть къ революціи. Воспоминанія 1789 г. вызываютъ въ новѣйшихъ соціальныхъ католикахъ точно такое же негодованіе, какое вызывали они въ Ламеннэ въ первую половину его дѣятельности. И точно такія же обвиненія формулируются теперь противъ великой революціи: низверженіе авторитетовъ, распространеніе невѣрія, матеріализма и индивидуализма, — вотъ продукты переворота XVIII-го вѣка. Соціальное зло — это его дѣтище. Борьбу съ нимъ надо начать, вырвавъ съ корнемъ изъ умовъ людей революціонные принципы. «Какъ наши отцы дѣлали революцію, замѣчаетъ де-Менъ [1]), такъ мы должны сдѣлать контръ-революцію и начать съ того, чтобъ отказаться отъ нашихъ заблужденій и всякихъ уступокъ тѣмъ принципамъ, которые мы хотимъ побѣдить. Такимъ только образомъ сдѣлаемъ мы дѣло прочное и приуготовимъ возрожденіе христіанскаго общества». Или вотъ еще болѣе откровенное признаніе: «Если вы хотите опредѣлить главную особенность (католическихъ рабочихъ кружковъ),— говоритъ де-Менъ, заканчивая своей рѣчью третье общее собраніе этихъ кружковъ,—вернитесь вмѣстѣ со мною къ торже-

[1]) Discours, стр. 107.

*

ственному моменту ихъ основанія. Перечтите сочиненія тѣхъ, кто составлялъ первую группу служителей только что возникавшаго дѣла, въ особенности прочтите «Призывъ къ людямъ доброй воли», который былъ ихъ манифестомъ, пробѣгите глазами протоколы ихъ засѣданій, прислушайтесь къ ихъ рѣчамъ,— и вы найдете повсюду и прежде всего военный кличъ противъ революціи» (ibid. 90—91).

Мы думаемъ, что этой ожесточенной ненависти ко всѣмъ революціоннымъ традиціямъ достаточно было бы для общества, едва освободившагося отъ тяжелаго ига Наполеона III-го, чтобы обвинить де-Мена и его друзей въ симпатіяхъ къ старому режиму. Но этого мало: новые поборники католицизма не замедлили дать прямыя свидѣтельства истиннаго характера своихъ убѣжденій. Ихъ политическое profession de foi того времени довольно недвусмысленно было выражено въ рѣчи де-Мена въ Ваннѣ на тему: «Богъ и Король». Но и помимо этой рѣчи, произнесенной уже нѣсколькими годами позже учрежденія рабочихъ кружковъ, въ указаніяхъ на характеръ убѣжденій ихъ основателей недостатка никогда не было, такъ что ни ихъ враги, ни ихъ друзья нисколько не сомнѣвались на этотъ счетъ. Доказательствомъ можетъ служить исполненное похвалъ письмо графа Шамбора, обязательно сообщаемое издателемъ рѣчей де-Мена (см. стр. 84 — 86). Такимъ образомъ теперешнія старанія нѣкоторыхъ соціальныхъ католиковъ изобразить кружки 70-хъ годовъ жертвою злыхъ клеветъ со стороны враговъ и, пользуясь этимъ, замести слѣды своихъ истинныхъ политическихъ убѣжденій лѣтъ 20 тому назадъ, можно признать лишь политической уловкой да еще признакомъ того, что у послѣдователей де-Мена за означенный промежутокъ времени не только взгляды на соціальные вопросы, какъ это мы увидимъ дальше, подверглись значительной эволюціи, но что параллельно тому и политическія убѣжденія не избѣгли такой же участи.

Мы сейчасъ упомянули объ эволюціи; замѣтимъ тутъ же, что самъ де-Менъ совершенно отрицаетъ всякую эволюцію въ своихъ взглядахъ и даже не безъ раздраженія отстраняетъ отъ себя подобное обвиненіе (въ нашихъ глазахъ являющееся, напротивъ, похвалою). «Дѣло кружковъ не измѣнилось и не измѣнится»,— восклицаетъ онъ въ 1881 г., когда еще надежды на этого рода пропаганду не были вполнѣ оставлены. Впрочемъ, усиленныя восхваленія кружковъ именно въ то время, когда успѣхъ ихъ

шелъ diminuendo, позволяетъ намъ заподозрить, что сомнѣнія успѣли проникнуть въ иные умы. «Это дѣло не подвергнется перемѣнамъ и не потерпитъ ущербу; оно останется цѣликомъ такимъ, какимъ мы его основали въ 1871 г., когда подписывали «призывъ къ людямъ доброй воли», который подписали бы и теперь, не перемѣнивши въ немъ ни строчки. Дѣло останется согласнымъ съ этими заявленіями и неизмѣннымъ по своей формѣ» [1]). Но что бы ни говорилъ намъ графъ де-Менъ—и притомъ къ счастью для него самого и для его друзей,—tempora mutantur et nos mutamur in illis. Что еще можно было скрыть въ 1881 г., то ужъ само за себя говоритъ въ 1891 и въ 1893. Перемѣна во взглядахъ французскихъ соціальныхъ католиковъ на многія вещи дѣйствительно произошла, перемѣна существенная и радикальная. Посмотримъ, какимъ постепеннымъ переходомъ она подготовлялась.

Все, что мы выше сказали о взглядахъ и дѣятельности де-Мена и его друзей, касается лишь ближайшихъ годовъ, слѣдовавшихъ за основаніемъ или, вѣрнѣе, пересозданіемъ ими рабочихъ кружковъ; для дальнѣйшаго времени характеристика наша одностороння и недостаточна, а для настоящаго ее слѣдовало бы признать почти прямо невѣрной. Но для того перваго періода дѣятельность католиковъ можно резюмировать одной такой формулой: пропаганда католицизма въ народѣ при помощи рабочихъ кружковъ и оппозиція республиканскому режиму во имя стараго порядка. Какъ всякій видитъ, для соціальнаго вопроса нѣтъ мѣста въ этой формулѣ, и онъ не укладывается въ нашу характеристику. Въ такомъ случаѣ, на какомъ основаніи придается тогдашнимъ поборникамъ католическаго дѣла названіе соціальныхъ католиковъ? спросятъ насъ, можетъ быть, иные читатели. Основаніе у насъ для этого немаловажное: каковы бы ни были взгляды де-Мена и его послѣдователей, во всякомъ случаѣ это была во Франціи первая группа людей, которые, послѣ перерыва въ 20 съ лишкомъ лѣтъ, обратились съ проповѣдью католицизма прямо къ народу и сдѣлали рабочихъ главнымъ объектомъ своей пропаганды. Вотъ та черта, которая выдѣляетъ ихъ изъ ряда всѣхъ другихъ ревнителей католической церкви, и вотъ тотъ новый путь, который они открыли и который сдѣлалъ возможнымъ всю дальнѣйшую эволюцію.

---

[1]) Ibid., стр. 353.

«Безъ сомнѣнія, всегда будутъ бѣдные, и мы не претендуемъ ихъ уничтожать, но *проповѣдывать имъ терпѣніе и покорность—недостаточно*, и мы должны сказать, что въ хорошо организованномъ общественномъ порядкѣ трудъ долженъ гарантировать человѣка отъ бѣдности, а правительственная власть—обезпечивать будущность семьи. Этого не бываетъ, когда положеніе рабочаго остается въ зависимости отъ полнаго произвола хозяина». Вотъ поистинѣ знаменательныя слова, недопускающія двухъ толкованій! И отъ кого мы ихъ слышимъ? Отъ недавнихъ поборниковъ стараго режима, отъ вчерашнихъ проповѣдниковъ «терпѣнія и покорности». Приведенныя только что фразы заимствованы нами изъ весьма поучительнаго и любопытнаго сборника мнѣній по соціальнымъ вопросамъ, составленнаго основателями рабочихъ кружковъ. Книга эта, носящая заглавіе: «Questions sociales et ouvrières—Régime du travail», появилась въ 1883 г. и представляетъ собою какъ бы оффиціальное выраженіе убѣжденій всей школы де-Мена; намъ еще придется въ дальнѣйшемъ изложеніи прибѣгать къ ней не разъ. Но въ настоящую минуту даже выписанныя выше слова идутъ уже нѣсколько дальше, чѣмъ это нужно для характеристики міровоззрѣнія соціальныхъ католиковъ въ серединѣ 70-хъ г. Поэтому мы обращаемъ вниманіе читателя лишь на первую половину отрывка, а именно, на характерное признаніе, что «проповѣдывать терпѣніе и покорность—недостаточно», что такимъ образомъ соціальный вопросъ не получитъ своего разрѣшенія. Вотъ выводъ, къ которому привела жизнь основателей католическихъ кружковъ всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ первыхъ шаговъ на поприщѣ общественной дѣятельности. Проповѣдывать рабочимъ терпѣніе—недостаточно, но что же еще? А надо распространять религіозныя идеи и среди капиталистовъ-хозяевъ, надо и ихъ учить ихъ обязанностямъ, внушать чувства любви и уваженія къ рабочимъ, убѣждать въ солидарности интересовъ обоихъ классовъ. Самое неравенство, существующее между людьми въ экономическомъ и въ другихъ отношеніяхъ, не только не можетъ быть названо несправедливостью, но оно служитъ какъ разъ именно къ вящему торжеству религіозныхъ и нравственныхъ идей. Неравенство обязываетъ высшихъ пользоваться своими преимуществами на пользу низшихъ; нечего поэтому оплакивать неравенство, надо пояснять людямъ его истин-

ный смыслъ и научать ихъ употреблять во благо то, что измѣнить не въ нашей власти [1]).

Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ торжества революціи и революціонныхъ идей все общество погрязло въ матеріализмѣ. Погоня за наживой, за деньгами, за наслажденіями, безъ вниманія къ средствамъ, которыми они получаются,—стало жизненной цѣлью большей части людей въ современномъ намъ обществѣ. «Обогащаться и пользоваться своими богатствами — таково, кажется, послѣднее слово жизни и высшая цѣль, къ которой она предназначена. Отсюда вытекаетъ это чрезвычайное развитіе земныхъ стремленій, эта жажда возвыситься и эта горячка, овладѣвшая всѣми сердцами; отсюда этотъ индифферентизмъ отдѣльныхъ личностей къ общему благу и этотъ всеобщій эгоизмъ, который частнымъ интересамъ приноситъ въ жертву интересъ общественный; отсюда, наконецъ, это усердіе въ осуществленіи своихъ правъ и пренебреженіе или незнаніе своихъ самыхъ простыхъ обязанностей» (см. Discours, p. 101 и слѣд., а также 45—46). А между тѣмъ, ни одинъ членъ общества, на какой бы ступени онъ ни стоялъ, не избавленъ отъ тѣхъ или иныхъ обязанностей. Рабочій долженъ добросовѣстно и самоотверженно выполнять трудъ, взятый имъ на себя по контракту; хозяинъ долженъ прежде всего относиться къ рабочему съ уваженіемъ, затѣмъ, не эксплоатировать его и помнить евангельское предписаніе о любви къ ближнему; общественная власть и законодатель обязаны слѣдить за исполненіемъ закона и возстановлять нарушенныя права обѣихъ сторонъ (припомнимъ энциклику). Итакъ, обязанности рабочихъ остаются прежними и выражаются однимъ словомъ—покорность; объ ихъ правахъ нигдѣ ни одного слова. За-то права хозяевъ наполняются обязанностями, изъ коихъ первая—уваженіе къ подчиненнымъ. Казалось бы, требованіе довольно скромное, а между тѣмъ, сколько негодованія вызвало оно въ нѣкоторыхъ сферахъ.

Когда одинъ, никому неизвѣстный дотолѣ священникъ, аббатъ Фешъ, произнесъ однажды въ какомъ-то соборѣ проповѣдь на тему объ уваженіи, которымъ высшіе обязаны къ низшимъ, сколько упрековъ и обвиненій посыпалось на его голову! Мысли аббата встрѣтили въ извѣстной части печати жестокій отпоръ; одинъ изъ охранительныхъ журналовъ писалъ буквально слѣ-

---

[1]) Ibid., стр. 102 и слѣд., а также стр. 369.

дующее: «Сказать рабочему, что онъ достоинъ уваженія и что передъ нимъ должны снимать шапку, это значитъ учить его не уважать хозяина, который даетъ ему работу и пропитаніе, не уважать также людей таланта и генія, предначертанія которыхъ онъ выполняетъ; это значитъ возбуждать въ немъ ненависть къ тому, кто превосходитъ его по уму или общественному положенію». Въ заключеніе журналъ обзываетъ аббата Феша соціалистомъ. Обиженный священникъ отвѣтилъ своему обидчику памфлетомъ: «De l'ouvrier et du respect». Здѣсь, въ защиту своей проповѣди, онъ ссылается на разныхъ авторитетныхъ лицъ и между прочимъ на монсиньора Фреппеля, у котораго онъ находитъ тѣ же мысли объ уваженіи, затѣмъ напоминаетъ, что сама церковь, въ которую мы приходимъ молиться, обязана своимъ происхожденіемъ рукамъ рабочихъ, и называетъ Іисуса Христа «чудеснымъ работникомъ». Авторъ указываетъ на притчу о бѣдномъ Лазарѣ и утверждаетъ, что богатые больше нуждаются въ бѣдныхъ, нежели послѣдніе въ богатыхъ: вѣдь бѣдный, Лазарь одинъ могъ достигнуть лона Авраамова, тогда какъ богатый для своего спасенія долженъ былъ прибѣгать къ помощи бывшаго нищаго. Всѣ эти разсужденія заканчиваются слѣдующимъ, весьма умѣреннымъ, пожеланіемъ: хозяинъ, выплачивая рабочему его жалованье, не исчерпываетъ этимъ своихъ обязанностей и потому, уважая рабочаго, пусть онъ ему говоритъ въ концѣ каждаго дня—«merci» [1]). Уваженіе—необходимый ферментъ во всякомъ обществѣ, «du manque de respect sont nées les révolutions sociales» (!).

Но если аббатъ Фешъ находитъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы хозяинъ говорилъ рабочему «merci» и при встрѣчѣ съ нимъ снималъ свою шапку, то другіе соціальные католики оказались уже нѣсколько болѣе требовательными и, кромѣ уваженія, заявили свое желаніе видѣть со стороны хозяина милосердіе—charité. «Милосердіе,—восклицаетъ де-Менъ (см. его рѣчь отъ 22 мая 1875 г.):—это значитъ преданность (по-французски сильнѣе—devouement) имущихъ по отношенію къ неимущимъ, преданность богатаго къ бѣдному, ученаго къ человѣку невѣжественному, хозяина къ рабочему, преданность класса правительствующаго къ народу. Вотъ, господа, необходимое *дополненіе* нашего profession de foi». Но какимъ именно путемъ станутъ проявлять

---

[1]) См. книгу аббата Феша, стр. 61, 24 и всю главу VI, стр. 110—138.

хозяева свое милосердіе и свою преданность рабочимъ? Соціальные католики придумали для этой цѣли смѣшанные кружки или ассоціаціи рабочихъ съ хозяевами вмѣстѣ[1]). Отличіе этихъ новыхъ кружковъ отъ прежнихъ заключается въ томъ, что во-первыхъ, членами ихъ будутъ теперь не одни рабочіе, и во-вторыхъ, ихъ цѣль не исключительно религіозная, не одно торжество католицизма, но и экономическая—разрѣшеніе соціальнаго вопроса путемъ объединенія и умиротворенія враждующихъ сторонъ. Предполагалось, что въ такихъ смѣшанныхъ обществахъ обѣ стороны узнаютъ другъ друга и научатся взаимному уваженію: это одно уже смягчитъ жестокость борьбы; кромѣ того, кружки явятся мѣстомъ обсужденія всякихъ вопросовъ и соглашенія всѣхъ столкновеній между различными интересами. Но если религіозная цѣль перестаетъ быть единственной въ этихъ кружкахъ, то она все же и здѣсь не утрачиваетъ своего доминирующаго характера. Члены кружковъ должны проникнуться предписаніями и чувствами, внушаемыми католической церковью, они должны отрѣшиться отъ ходячихъ либеральныхъ идей и сдѣлаться послушными сынами папы: только тогда, не раньше—соціальный вопросъ получитъ свое разрѣшеніе.

Французское протестантское духовенство,—мы разумѣемъ ту его часть, которая занимается соціальнымъ вопросомъ,—пришло въ сущности, какъ и католическое, къ тому же рѣшенію устраивать смѣшанныя ассоціаціи, только въ протестантскихъ ассоціаціяхъ этотъ нетерпимо религіозный и даже узко-исповѣдный характеръ вполнѣ исчезаетъ. Предлагаемыя протестантами коопераціи хозяевъ съ рабочими должны преслѣдовать одну экономическую цѣль; такія коопераціи должны пропагандироваться пасторами въ церковныхъ проповѣдяхъ и учреждаться въ дѣйствительности, но всегда непремѣнно съ *исключеніемъ* всякаго религіознаго и политическаго элемента[2]). Преимущество проте-

---

[1]) См. коллективный трудъ: „Régime du travail", 1883, стр. 68—70. Discours, стр. 301, 343. Grégoire, op. cit., стр. 144—145.

[2]) См. Travaux de la deuxième assemblée générale de l'association protestante pour l'étude pratique des questions sociales. Lyon. 11, 12, 13. Nov., 1889, въ особенности Rapport de M. de Boyve sur la Coopération au point de vue chrétien. Трудъ этотъ вмѣстѣ съ трудами 3-го такого же конгресса 14, 15 и 16 іюля 1890 г., заслуживаетъ вообще большого вниманія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ поучительныхъ мыслей, которыя мы находимъ въ такомъ изобиліи въ этихъ двухъ любопытныхъ отчетахъ. „Tout chrétien doit étudier la question sociale, parce qu'elle n'est, au fond, qu'un aspect de la question du péché" (163). „Nous, chrétiens, nous, pasteurs, nous avons le droit et le devoir de poursuivre la réalisation du rêve

стантовъ въ этомъ отношеніи выкупается, однако, большей отсталостью ихъ во всемъ дальнѣйшемъ. Въ то время, какъ религіозныя сообщества рабочихъ съ хозяевами были лишь одною ступенью въ развитіи идей соціальныхъ католиковъ, ступенью, за которой послѣдовали шаги все болѣе и болѣе глубокаго и обдуманнаго свойства,—протестанты, выставивъ сразу въ своихъ коопераціяхъ экономическую задачу на первый планъ и устранивъ религіозную, дальше этихъ коопераціи и не пошли, продолжая до послѣдняго времени настаивать на своемъ первомъ предложеніи (см. Travaux de la troisième assemblée générale de l'association protestante pour l'étude pratique des questions sociales. Montbélard. 14, 15, 16 Juillet, 1890).

Надо, впрочемъ, сказать, что и изъ католиковъ не всѣ пошли далѣе смѣшанныхъ коопераціи или организованнаго патронажа. Нѣкоторые, напримѣръ, Шарль Перэнъ, Клодіо Жаннэ и др., называющіе себя учениками французскаго экономиста 50-хъ годовъ Ле-Пле (Le Play), не захотѣли слѣдовать за графомъ де-Меномъ въ дальнѣйшей эволюціи его идей. И съ этихъ поръ въ средѣ соціальныхъ католиковъ образуются двѣ группы: школа Ле-Пле и школа де-Мена, значительно разнящіяся во взглядахъ на иные вопросы, въ особенности же расходящіяся въ своемъ отношеніи къ государственному вмѣшательству, какъ къ одному изъ средствъ рѣшенія рабочаго вопроса. Подобное раздѣленіе ослабило, быть можетъ, силы всей партіи прогрессивныхъ католиковъ, но за-то оно послужило къ лучшему выясненію теоретическихъ взглядовъ обѣихъ группъ и дало намъ для каждой изъ нихъ по особому своего рода катехизису. Прекраснымъ научнымъ выраженіемъ взглядовъ школы Le Play можетъ служить сочиненіе Клодіо Жаннэ—«Le socialisme d'Etat et la réforme sociale», 1890; менѣе научнымъ, но за-то болѣе симпатичнымъ и точнымъ образомъ формулируетъ взгляды школы де-Мена упомянутая уже нами коллективная работа подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Oeuvre des cercles catholiques d'ouvriers. Ques-

---

des socialistes, ou ce qui revient singulièrement au même, la réalisation du royaume des cieux. L'idée de ce royaume que le Christ est venu fonder implique la solution sociale" (166). „L'individualisme chrétien doit à cette heure se doubler, se fortifier de tout ce qu'il y a de bon dans le socialisme progressif" (174). Въ протоколахъ третьяго съѣзда весьма интересны слѣдующіе доклады: Шарля Робера объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ и о производительныхъ ассоціаціяхъ, Жюля Зигфрида о рабочихъ помѣщеніяхъ и рѣчь вице-президента собранія, извѣстнаго экономиста Жида на ту же тему (стр. 124—146, 162—171, 155—161).

tions sociales et ouvrières. I. Régime du travail», Paris, 1883. Мы въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ слѣдить лишь за постепеннымъ развитіемъ взглядовъ второй изъ двухъ названныхъ школъ, школы графа де-Мена.

Какъ ни заманчива казалась мысль соединить въ однѣ ассоціаціи капиталистовъ и рабочихъ и такимъ образомъ объединить самые, повидимому, противоположные интересы,—мысль, занимавшая сначала французскихъ соціалистовъ, начиная съ Фурье, тѣмъ не менѣе болѣе проницательные люди въ католическомъ лагерѣ не могли не предвидѣть, что подобныя ассоціаціи ждетъ та же участь, которую испытали уже и постоянно испытывали въ то время рабочіе католическіе кружки. Неудача кружковъ предсказывала неудачу ассоціацій; время подтвердило опасенія проницательныхъ людей. Несмотря на призывы послѣдователей де-Мена и на ихъ завѣренія, что интересы рабочихъ и хозяевъ тождественны, послѣдніе не слишкомъ спѣшили откликнуться,—и смѣшанныя ассоціаціи открывались лишь въ ограниченномъ количествѣ съ великимъ трудомъ и послѣ усиленной пропаганды. Тогда идея кружковъ пережила третье видоизмѣненіе и явился третій оттѣнокъ одной и той же мысли: заговорили о профессіональномъ группированіи рабочихъ (grouppement professionnel), припомнили старые цехи и стали ихъ усиленно восхвалять, наконецъ—это было уже совершенной новинкой—сотрудники «Association Catholique» начали требовать учрежденія *обязательныхъ* профессіональныхъ корпорацій. Въ книгѣ Жоли («Le socialisme chrétien», 1893) мы находимъ хорошо сгруппированныя цитаты, показывающія, какъ идея объ обязательныхъ корпораціяхъ проникла лишь понемногу и постепенно, какъ она, высказанная сначала несмѣло, сдѣлалась впослѣдствіи однимъ изъ существеннѣйшихъ догматовъ въ міровоззрѣніи правовѣрныхъ послѣдователей де-Мена. Мы не станемъ воспроизводить здѣсь этихъ цитатъ, тѣмъ болѣе, что ниже намъ еще придется вернуться къ вопросу объ обязательныхъ корпораціяхъ, чтобъ показать мѣсто, занимаемое ими во всей системѣ соціальныхъ католиковъ этого направленія; въ настоящее же время намъ нужно сказать, что и обязательныя профессіональныя корпораціи, возникшія изъ смѣшанныхъ ассоціацій, не удовлетворили пытливыхъ умовъ, искавшихъ разрѣшенія соціальной проблемы.

Отъ взора людей вдумчивыхъ, пристально наблюдающихъ

окружающую жизнь (а такими, безъ сомнѣнія, являются де-Менъ и его друзья), не можетъ укрыться то обстоятельство, что никакія корпораціи не дадутъ никогда рабочимъ силы достаточной, чтобы стать на равную ногу съ капиталистами въ борьбѣ за существованіе и за лучшее будущее. Недолгаго опыта было достаточно, чтобы убѣдиться, что корпораціи являются весьма сомнительной панацеей, лекарствомъ, вполнѣ безсильнымъ противъ глубокаго соціальнаго недуга. Не отказываясь еще вполнѣ отъ мысли о корпораціяхъ, хотя видимо сильно извѣрившись въ ней, школа де-Мена выставляетъ тогда новую мысль и съ жаромъ, ей свойственнымъ, начинаетъ ее пропагандировать и развивать. Мысль эта—поддержка рабочихъ со стороны государственной власти, вмѣшательство государства въ соціальную борьбу и самое широкое рабочее законодательство. Самая побѣда католичества, увѣряютъ насъ, невозможна, пока все общество будетъ раздѣлено на два враждующихъ лагеря, а необходимость жестокой борьбы за существованіе будетъ постоянно поддерживать стремленіе къ исключительно матеріальнымъ цѣлямъ. Единственнымъ достаточно сильнымъ и менѣе всего заинтересованнымъ элементомъ современнаго общества является государство, которое и должно употребить всю свою власть на прекращеніе братоубійственной войны. Таковъ послѣдній, заключительный этапъ, послѣдняя стадія развитія, до которой дошли соціальные католики болѣе прогрессивнаго оттѣнка. Ихъ нынѣшнимъ взглядамъ, ихъ ученію во всей его полнотѣ, т. е. въ положительной и отрицательной части мы и посвятимъ слѣдующую главу нашего изслѣдованія. А пока формулируемъ кратко описанный нами процессъ постепеннаго образованія теперешнихъ взглядовъ у соціальныхъ католиковъ, вышедшихъ въ 70-хъ годахъ изъ совершенно иного рода посылокъ.

I. Основывая или реформируя въ 1871 г. рабочіе кружки, де-Менъ и его послѣдователи надѣялись такимъ путемъ бороться съ революціонными идеями и содѣйствовать торжеству католичества. *Побѣда католицизма* была ихъ цѣлью, *рабочіе кружки* и вообще народъ—средствомъ, экономическое и соціальное *statu quo*—неизмѣннымъ условіемъ.

II. Неуспѣхъ рабочихъ кружковъ и явная недостаточность пропаганды среди однихъ рабочихъ приводитъ къ мысли воздѣйствовать и на хозяевъ-фабрикантовъ. Исходный пунктъ въ

этомъ случаѣ—мысль *о тождественности интересовъ* капиталистовъ и рабочихъ, цѣль пропаганды—*торжество католицизма+умиротвореніе соціальной борьбы*, форма—свободныя *ассоціаціи*.

III. Невозможность привлечь къ дѣлу многихъ капиталистовъ, а главное, явная несостоятельность ассоціацій и зрѣлище все разгорающейся соціальной борьбы наводитъ, наконецъ, католиковъ на мысль обратиться за помощью къ государству. Ихъ цѣль въ настоящее время—*торжество католицизма въ будущемъ* и возможно болѣе скорая и реальная *поддержка трудящихся классовъ*; форма дѣятельности—рабочее *законодательство+обязательныя корпораціи*, а исходная точка (см. объ этомъ ниже)—мысль, что церковь, въ виду ея традицій и прямыхъ соображеній выгоды, должна вмѣшаться въ соціальную борьбу нашего времени, взявъ сторону бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Сведя до такой простой и ясной схемы всю эволюцію, совершившуюся во взглядахъ школы де-Мена, мы думаемъ не встрѣтить возраженій нашему выводу, что въ міровоззрѣніи соціальныхъ католиковъ этого направленія произошелъ полный переворотъ всѣхъ ихъ симпатій и взглядовъ, во время котораго уцѣлѣлъ только одинъ членъ всѣхъ формулъ—торжество католицизма, да и тотъ отодвинулся дальше въ область будущаго, заслоненный необходимостью раздѣлаться раньше и поскорѣе съ соціальной неурядицей. Такимъ образомъ про графа де-Мена, съ этой одной оговоркой относительно католицизма, можно сказать, что онъ «сжегъ все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигалъ». Но мы говоримъ это смѣло и безнаказанно только въ виду того, что, какъ мы совершенно увѣрены, никто изъ друзей графа де-Мена не прочтетъ настоящей статьи; въ этомъ нельзя сомнѣваться: русскій языкъ служитъ для насъ достаточной защитой. Но Боже избави сказать то, что мы сказали, кому-нибудь изъ послѣдователей графа: претензія на полную неизмѣнность во взглядахъ—это ихъ главная претензія. Перемѣнились не они, нѣтъ! они всегда, какъ и вообще вся католическая церковь, думали одно и то же,—перемѣнились взгляды окружающихъ, которые прежде ни за что не хотѣли согласиться съ ними, а теперь въ значительной степени пришли къ тому же: Послушаемъ, какъ на этотъ счетъ говоритъ Леонъ Грегуаръ [1]).

---

[1]) См. его книгу, стр. 52—56.

«При папахъ Григоріи XVI и Піи IX католическая церковь вступила въ открытую борьбу съ революціонными принципами съ той приводящей въ замѣшательство смѣлостью, которая даетъ увѣренность въ безсмертіи... И эта мать-церковь съ своей вызывающей политикой имѣла сыновъ, поведеніе которыхъ отличалось еще болѣе вызывающимъ характеромъ. Они отправлялись преслѣдовать «либерализмъ» на всякой почвѣ, даже на экономической... Тогда во враждебныхъ лагеряхъ многіе привѣтствовали съ шумной ироніей эти новыя попытки; поспѣшили заключить, что католики отступаютъ отъ Syllabus'а и что церковь папы Пія IX предана всяческой реакціи, не исключая промышленной и коммерческой. Де-Менъ выносилъ эти неблагоразумные сарказмы, которые, впрочемъ, *онъ и самъ вызывалъ* необдуманностью своихъ выраженій. А эти блудные дѣти клерикализма на своемъ пути, который называли ретроградным, *встрѣтились* (?) на одномъ изъ поворотовъ съ народомъ... Требованіямъ массъ либеральные оптимисты, эти сыновья революціи и люди XIX вѣка, противупоставляли барьеръ колебаній и предразсудковъ; напротивъ, католики, послѣдователи Syllabus'а, именно вслѣдствіе своихъ противуреволюціонныхъ чувствъ, которыми они гордились, вполнѣ естественно должны были понять желанія и жалобы толпы[1])». И нѣсколько дальше мы читаемъ еще: «долго они имѣли только одну хартію, Syllabus, хартію отрицательную, повелѣвающую разрушеніе; въ настоящее время они имѣютъ другую хартію, энциклику Rerum Novarum, хартію положительную, побуждающую къ созиданію. Когда появилась эта энциклика, журналы заявляли, что Левъ XIII приблизился къ современному обществу, отъ котораго отдалился Пій IX. Подобный взглядъ совершенно невѣренъ. Онъ предполагаетъ, что Syllabus осуждаетъ демократію и что энциклика Rerum Novarum превозноситъ либерализмъ. И то, и другое утвержденіе ложно. Энциклика папы Льва XIII о соціальномъ вопросѣ представляетъ изъ себя прогрессъ, вышедшій изъ реакціи: необходимо было, чтобы Syllabus произвелъ реакцію,

---

[1]) Однако, если мы даже согласимся съ авторомъ, что именно оппозиція революціи и либерализму привела католиковъ къ соединенію съ народомъ, то и тогда нельзя не видѣть изъ приведеннаго отрывка, что сначала-то у нихъ было только одно (оппозиція либерализму) и только позднѣе присоединилось другое, чего раньше не было (союзъ съ народомъ). Замѣтимъ хорошенько это драгоцѣнное признаніе, нѣсколько противорѣчащее завѣреніямъ другихъ католиковъ.

чтобы послѣ этого совершился прогрессъ. Пію IX выпала на долю неблагодарная, а Льву XIII—прекрасная задача».

Всему этому разсужденію Грегуара нельзя, конечно, отказать въ извѣстной долѣ остроумія, но—и только; убѣдить того, кто знакомъ съ дѣломъ, оно не можетъ, ибо никакое остроуміе въ мірѣ въ соединеніи съ самымъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ не въ состояніи скрыть того факта, что папская политика вообще и политика французскихъ соціальныхъ католиковъ въ частности пережили эволюцію, крайніе члены которой въ сущности вполнѣ исключаютъ другъ друга. Вся софистичность разсужденія Грегуара и другихъ подобныхъ разсужденій его собратій бросается сразу въ глаза, едва мы вглядимся въ нихъ повнимательнѣе. Насъ хотятъ убѣдить, что папа, а за нимъ и его вѣрные рыцари среди французскихъ католиковъ всегда питали однѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи, всегда руководились въ своей дѣятельности одними и тѣми же принципами, а для этого насъ приглашаютъ обратить вниманіе на вѣчную ихъ оппозицію либерализму. Но вѣдь бываетъ оппозиція и оппозиція, весь вопросъ въ томъ, во имя чего дѣлается эта оппозиція,—и вотъ тутъ-то мы замѣчаемъ всю важность перемѣны! Оставаясь въ оппозиціи перейти справа налѣво—значитъ ли быть неизмѣннымъ въ своихъ принципахъ? если да, то, конечно, папская политика отличается великимъ постоянствомъ; но намъ думается, что эти двѣ оппозиціи находятся между собой въ отношеніи двухъ полюсовъ, дѣйствительно равно удаленныхъ отъ экватора, но за-то и не близкихъ другъ къ другу. Путь, пройденный школой де-Мена, равняется, слѣдовательно, меридіану; мы видѣли выше, каковъ былъ полюсъ, служившій ей исходнымъ пунктомъ; займемся теперь подробнѣе другимъ полюсомъ, блестяще завершающимъ весь пройденный этой школою путь.

III.

Критика современнаго строя съ нравственной и съ экономической точки зрѣнія. Католицизмъ и соціальная борьба. Либеральная школа въ политической экономіи и соціализмъ. Основныя идеи. Государство и самопомощь. Роль церкви и обязанности католиковъ.

Всѣ соціальные реформаторы, каковы бы ни были предлагаемые ими планы общественнаго переустройства, частичные или общіе, начинаютъ всегда, разумѣется, съ критики существу-

ющаго порядка. Смотря по личнымъ особенностямъ того или другого писателя, критика эта получаетъ то болѣе суровый, то болѣе мягкій характеръ; это уже одно даетъ намъ возможность предугадать въ извѣстной степени и свойства тѣхъ реформъ, которыя будутъ дальше предложены. Въ одной изъ нашихъ предшествующихъ работъ намъ приходилось излагать взгляды, на французской почвѣ, быть можетъ, самаго рѣшительнаго и ѣдкаго противника существующаго экономическаго строя. Мы говоримъ о Фурье, котораго Энгельсъ («Die Entwickelung des Socialismus» etc., 1891) называетъ однимъ изъ величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ. Полный ненависти къ соціальнымъ неправдамъ. обвиняя всю современную цивилизацію въ сплошной испорченности и называя ее не иначе, какъ «заколдованнымъ кругомъ всяческихъ золъ», Фурье, разумѣется, не могъ уже удовольствоваться частичными перемѣнами, онъ требуетъ полнаго преобразованія экономическихъ отношеній и въ своемъ планѣ «Новаго міра», не желаетъ оставить камня на камнѣ отъ міра насъ окружающаго. Совсѣмъ иное зрѣлище доставитъ намъ изложеніе соціальной доктрины де-Мена и его школы. Ихъ критика существующаго—ибо и они не могли не отдать критикѣ извѣстной дани,—не отличается ни особенной рѣшительностью, ни новизной. То впадая въ неопредѣленныя общности, то не рѣшаясь идти дальше мелочныхъ фактовъ, католики этого направленія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ затрагиваютъ теоретическіе вопросы и тогда въ сущности только возобновляютъ на новый ладъ тѣ замѣчанія, которыя до нихъ много разъ уже дѣлались тѣми или иными писателями. И тѣмъ не менѣе, мы не пройдемъ мимо ихъ критики, но еще, напротивъ, обратимъ на нее особенное вниманіе. Пусть не новы идеи—ново то обстоятельство, что онѣ высказываются правовѣрными католиками, врагами всѣхъ новшествъ. Про французскихъ католиковъ такимъ образомъ, нельзя сказать, какъ про французскихъ эмигрантовъ, что «они ничему не научились и ничего не позабыли». Напротивъ, они очень многому научились (и не трудно понять—у кого), а кое-что, кромѣ того, нѣкоторые свои предразсудки и предвзятыя мнѣнія, къ нашему времени уже предали или постепенно предаютъ забвенію... Обратимся теперь къ ихъ критикѣ.

Наличность соціальнаго зла признается католиками безъ всякихъ колебаній. «Существуетъ зло, господа, говоритъ де-Менъ, котораго никто не смѣетъ отрицать». Зло это проявляется по-

всюду, даже тамъ, гдѣ никто не ожидаетъ встрѣтить его слѣдовъ. Нельзя раскрыть газеты или журнала безъ того, чтобы не узнать о какихъ нибудь новыхъ послѣдствіяхъ современнаго экономическаго неустройства. Сегодня вы читаете о грандіозной стачкѣ въ одномъ департаментѣ, завтра о вооруженномъ возстаніи въ другомъ, на слѣдующій день вы слышите о промышленномъ кризисѣ въ одномъ изъ главныхъ государствъ Европы, а вслѣдъ затѣмъ непомѣрное вздорожаніе на рынкѣ какого нибудь продукта даетъ вамъ знать о международной коалиціи фабрикантовъ. Рабочіе соединяются для борьбы съ капиталистами, а эти послѣдніе входятъ въ союзы для противодѣйствія рабочимъ. «Что это такое, какъ не война, война непрерывная, безисходная, непримиримая, война, которая не можетъ остановиться ни на минуту безъ того, чтобы за нею не оставались нарушенные интересы, накопившіяся неудовольствія и неудовлетворенныя страсти, готовыя снова зажечься при первомъ крикѣ возстанія». Опытъ показалъ, что силой нельзя подавить соціальной борьбы. Развѣ малымъ количествомъ войска обладаетъ современное государство, а между тѣмъ все его могущество подвинуло ли дѣло хоть на шагъ къ умиротворенію? «Война гремитъ и даетъ знать о себѣ, какъ вулканъ, изъ котораго показывается пламя наканунѣ полнаго изверженія; война у нашихъ дверей, она угрожаетъ нашей легкомысленной жизни, нашимъ наслажденіямъ, нашему щегольству и нашимъ удовольствіямъ; не сегодня-завтра она разразится». Если еще находятся люди, которые не замѣчаютъ опасности и продолжаютъ утверждать, что все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно, то это, кромѣ сознательнаго нежеланія видѣть правду, можетъ происходить только изъ того, что общественныя язвы не остаются открытыми, на нихъ набрасываютъ темные покровы и нищета не такъ бьетъ въ глаза, потому что ее нарочно упрятываютъ въ самые отдаленные кварталы [1]).

Припомнимъ, какъ папа въ своей энцикликѣ говоритъ о раздѣленіи общества на два класса, результатомъ чего является «съ одной стороны всемогущество богатства, съ другой—безсиліе бѣдности». Въ этихъ словахъ заключается сущность всей критики, представленной соціальными католиками, да и не ими одними пожалуй, а вообще всякой критики современнаго экономическаго порядка. Между буржуазіей и народомъ образовалась

---

[1]) Discours, стр. 264—265, 374—375, 415—416.

непроходимая пропасть, замѣчаютъ католики, обсуждающіе соціальный вопросъ: «счастливые, могущественные, сильные съ одной стороны; все служитъ ихъ разсчетамъ, дѣламъ и удовольствіямъ, и они бросаютъ милостыню на другую сторону пропасти, но не иначе, какъ отворачивая свои глаза и затыкая уши; а на той другой сторонѣ толпятся у самаго края обездоленные, малые, слабые, полные любопытства и жадности. Эгоизмъ развивается съ одной стороны, ненависть накопляется съ другой» [1]). Нравственныя послѣдствія соціальной борьбы такъ же ужасны, какъ и экономическія. Погоня за барышомъ убиваетъ сознаніе своихъ обязанностей во владѣющихъ классахъ, она заставляетъ ихъ видѣть въ рабочихъ не людей, не братьевъ, а простыя машины, изъ которыхъ надо стараться извлечь какъ можно больше пользы. А рабочіе, въ свою очередь, при современныхъ условіяхъ получаютъ ненависть къ труду, ненависть ко всему общественному порядку и полное равнодушіе ко всему, что не даетъ удовлетворенія ихъ насущнымъ потребностямъ. Оно и понятно со стороны того, «кто не знаетъ, что онъ будетъ ѣсть завтра», ему некогда думать о своихъ духовныхъ потребностяхъ. Положеніе дѣлъ въ сущности столь угрожающее, что «если не вмѣшается какая нибудь общественная организація и не установитъ равновѣсія, рабочій будетъ обреченъ на погибель, и дѣйствительно мы видимъ, какъ въ современномъ обществѣ постепенно образуются темныя и безнадежныя массы пролетаріевъ. Пролетаріатъ—хоть этимъ словомъ злоупотребляли многіе какъ доблестной (?) кличкой,—составляетъ великую язву нашего вѣка. Пролетарій—это не тотъ, кто поддерживаетъ жизнь трудомъ своихъ рукъ, но тотъ, кто даже трудясь, не можетъ считать завтрашній день обезпеченнымъ» [2]).

Со дня на день зло увеличивается; конкуренція, «не та, которая возбуждаетъ къ дѣятельности, но та, которая умерщвляетъ», все болѣе и болѣе ухудшаетъ судьбу рабочаго и доводитъ его до положенія угля, беззаботно подбрасываемаго въ машину. Было время, когда де-Менъ, не обинуясь, утверждалъ, что «положеніе рабочихъ къ нашему времени измѣнилось: заработная плата возросла, пища и помѣщеніе улучшились» и все, что теперь нужно рабочему—это болѣе благо-

---

[1]) Ibid., 521.
[2]) „Association Catholique“, 1892, № 2, стр. 149—150.

пріятныя нравственныя условія. Но приведенныя слова произносились въ 1872 г., а въ 1889 г. тотъ же де-Менъ высказываетъ уже прямо противоположное мнѣніе: «я слышалъ, говоритъ онъ, какъ иногда утверждаютъ, будто положеніе рабочихъ въ наше время лучше, чѣмъ было прежде. Я думаю иначе: зло принадлежитъ *нашему* времени, оно ведетъ происхожденіе отъ революціи и вытекаетъ изъ забвенія божественнаго закона и изъ неистовства неограниченной свободы. Это не бѣдность, а пауперизмъ, т. е. необезпеченное положеніе массы рабочихъ, которымъ вслѣдствіе неожиданныхъ перемѣнъ на промышленномъ рынкѣ со дня на день угрожаетъ нищета. Это значитъ—въ деревнѣ разрушеніе домашняго очага, непрочность семьи, уничтоженіе цѣлыхъ центровъ населенія и образованіе деревенскаго пролетаріата, аналогичнаго съ фабричнымъ» [1]). Мы бы зашли далеко, еслибъ захотѣли приводить здѣсь всѣ факты, которыми де-Менъ и его друзья иллюстрируютъ свою мрачную характеристику положенія французскаго рабочаго. Достаточно будетъ сказать, что они цитируютъ примѣры, когда рабочій день на извѣстныхъ фабрикахъ продолжается 16, 18 и даже 24 часа подрядъ (въ противность закону 1848 г., ограничившему трудовой день 12-ю часами), когда дѣвушки-модистки или корсетницы оставались за работой до 28 часовъ, не уходя изъ мастерской даже для обѣда, когда помѣщенія рабочихъ являлись верхомъ негигіеничности, когда беременныя женщины занимались самымъ тяжелымъ трудомъ до послѣдняго дня передъ родами, и потомъ чуть не на слѣдующій день послѣ нихъ, возвращались снова на фабрику. Они указывали на эти и подобные факты въ объясненіе малаго прироста населенія во Франціи, приводили цифру 80,000, выражающую собою число людей, ежегодно умирающихъ въ странѣ отъ голода и всяческихъ лишеній и требовали законодательнаго вмѣшательства для устраненія произвола злоупотребленій и ограниченія произвола предпринимателей [2]). О практической дѣятельности соціальныхъ католиковъ и объ ихъ положительныхъ требованіяхъ намъ еще придется говорить ниже. Посмотримъ теперь, что говорятъ они

[1]) Ср. Discours, стр. 36 со стр. 298 и съ „Ass. Cath.", 1889, іюль стр. 10.

[2]) Discours, стр. 251—253. „Ass. Cath.", 1892; сент., 278—279, 1891, февраль, 131—153, мартъ и іюнь, статья: „La dépopulation de la France. Les causes sociales".

*

о причинахъ экономическаго неустройства и къ какимъ общимъ условіямъ сводятъ всѣ отмѣченныя ими злоупотребленія.

Главная причина всѣхъ золъ въ ихъ глазахъ—это неограниченная конкурренція, понижающая цѣну труда и увеличивающая продолжительность рабочаго дня. «Я говорю, восклицаетъ де-Менъ, что человѣкъ, отданный на произволъ закона спроса и предложенія, перестаетъ быть человѣкомъ и дѣлается вьючнымъ животнымъ». Но въ силу чего конкурренція получила такую власть въ промышленномъ мірѣ, чѣмъ обусловливается ея разрушительное дѣйствіе? Тутъ мы подходимъ къ самому слабому пункту всей критики. Вина за конкурренцію и, слѣдовательно, за все зло современнаго строя всецѣло падаетъ, какъ оказывается, на великую французскую революцію. Читатель можетъ быть удивится и спроситъ: а какъ же объясняютъ соціальные католики существованіе подобныхъ явленій въ тѣхъ странахъ, гдѣ революціи, подобной 1789 года, не было? На этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта ни въ рѣчахъ графа де-Мена, ни въ Association Catholique, ни въ изданіяхъ общества католическихъ рабочихъ кружковъ. Говоря о Франціи, послѣдователи де-Мена спѣшатъ всегда прибавить нѣсколько словъ о гибельныхъ результатахъ великой революціи, а отмѣчая тѣ же факты экономическаго неустройства въ другихъ странахъ, они ограничиваются осужденіемъ существующей свободы экономическихъ отношеній. «Полная свобода труда, говоритъ графъ де-Менъ, это въ области экономической—революціонная формула, осуществленіе на дѣлѣ декларацiи правъ человѣка; опираясь на независимость разума и врожденную доброту человѣка, она сдѣлала единственнымъ двигателемъ его дѣйствій личный разсчетъ и, лишивъ правительство обязанности покровительствовать, уничтоживъ однимъ ударомъ всякое вмѣшательство и опеку, она отдала безъ всякой защиты слабыхъ на произволъ сильныхъ... Вотъ свобода, которую революція дала рабочимъ [1])». Въ 1889 г., когда вся Франція готовилась праздновать столѣтіе революціи, сотрудники Association Catholique выступили съ цѣлымъ рядомъ статей, съ цѣлой серіей историческихъ работъ, чтобы доказать, что во всѣхъ областяхъ экономической и политической жизни революція принесла Франціи одни бѣдствія. Въ одномъ № журнала доказывалось (ст. Га-

[1]) Discours, 298 и слѣд., 44—45, 102, 266, а также „Ass. Cath.“, 1892, февр., 152.

бріэля Ардана: Centenaire de 1889: Agricultlure «A. C.», 1889, февраль), что положеніе земледѣльцевъ ухудшилось съ 1789 года, потому что налоги, платимые ими, возрасли, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился абсентеизмъ крупныхъ собственниковъ и дробность земель у мелкихъ владѣльцевъ; въ другомъ (ст. Louis Milcent: Le commerce, 1889, № 1),—что торговля за послѣдніе сто лѣтъ пережила печальныя превращенія; большіе торговцы задавили мелкихъ, спекуляція развилась до страшныхъ размѣровъ, а вмѣстѣ съ ней возникли всяческія монополіи. Промышленность, процвѣтавшая при покровительствѣ стараго режима, подвержена теперь періодическимъ кризисамъ, что отразилось и на положеніи рабочихъ, значительно ухудшившемся съ прошлаго вѣка (ст. Urbain Guérin: De l'état actuel de la Grande industrie et des réformes à opérer, 1889, № 2) [1]).

Возложивъ на революцію отвѣтственность за всѣ несовершенства окружающей насъ жизни и приписавъ ей послѣдствія, какихъ она не могла имѣть, сотрудники Association Catholique въ укоръ 1789 году составили свои «cahiers», въ которыхъ выражали желанія, какъ они думали, прямо противоположныя революціоннымъ. Изъ слѣдующихъ словъ графа де-ля-Туръ-дю-Пэнъ-Шамбли, формулирующаго одной фразой желанія всей группы соціальныхъ католиковъ, мы увидимъ, какъ увлекались они своей оппозиціей революціи и какъ въ этомъ увлеченіи свои собственные недавніе идеалы готовы были навязать дѣятелямъ 1789 г. «Возстановить въ нравственномъ мірѣ христіанскій законъ на мѣсто оффиціальнаго атеизма, въ области политической—общественную свободу на мѣсто цезаризма (?), въ области экономической—солидарность на мѣсто эгоизма,—это будетъ нашимъ способомъ праздновать столѣтнюю годовщину 1789 г. и другую еще годовщину—1589 г., въ память царствованія Генриха IV-го, который такимъ образомъ формулировалъ свою великую мысль: я бы хотѣлъ, чтобъ каждый крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ супѣ. Это будетъ получше всѣхъ принциповъ 1789 г.» [2]).

Изобразивъ промышленную конкурренцію продуктомъ революціи, соціальные католики вполнѣ логично заключили, что тѣ

---

[1]) См. еще „Ass. Cath.", 1886, I, статья „La liberté du taux de l'intérrêt", стр. 20 и слѣд.; 1889, томъ XXVIII, № 1: „Compte rendu sommaire et texte des voeux de l'assémblée générale", № 2: „Coup d'oeil d'ensemble sur l'assemblée générale".

[2]) „Ass. Cath.", 1889, мартъ, стр. 278—279.

изъ современныхъ экономистовъ, которые видятъ въ неограниченной конкурренціи ненарушимый законъ экономическихъ отношеній, являются продолжателями и апологистами идей 1789 г. Такимъ образомъ Леонъ Сей, Молинари, Морисъ Блокъ, Поль Леруа-Болье и др. представители такъ называемой либеральной школы довольно неожиданно для себя оказались записанными въ число опаснѣйшихъ революціонеровъ. Путаница получилась ужасная! Достаточно будетъ сказать, что, осуждая конкурренцію, наши авторы нѣсколько разъ ссылаются на Луи Блана: вотъ, молъ, что говорятъ о свободѣ труда сами революціонеры. Въ результатѣ получилось смѣшеніе двухъ противоположныхъ школъ политической экономіи: соціалистической и либеральной. Однако, ошибочно приписавъ одной революціи всѣ послѣдствія цѣлаго ряда соціальныхъ и политическихъ факторовъ (ошибка, къ которой побуждали католиковъ ихъ антиреволюціонныя традиціи), они затѣмъ уже довольно правильно сумѣли оцѣнить ученіе либеральной школы экономистовъ. Главный пунктъ либеральной программы—неограниченная свобода труда—нашелъ въ ихъ сочиненіяхъ справедливое и жестокое осужденіе, хотя, разумѣется, ихъ исходный пунктъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, отличается своеобразнымъ религіознымъ характеромъ. «Свобода человѣка, читаемъ мы въ коллективномъ сочиненіи «О соціальныхъ рабочихъ вопросахъ» [1]), не можетъ быть неограниченной въ примѣненіи ко всѣмъ способностямъ, полученнымъ имъ отъ Бога, и способность къ труду, какъ и всѣ прочія, ограничивается божественнымъ правомъ. Священное писаніе, постановленія св. соборовъ и первосвященниковъ съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ освящали божественное право на трудъ, на его регламентацію и на покровительство духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ людей труда. Оно предписываетъ земнымъ властямъ обязанность вмѣшиваться въ область труда и промышленности, дабы обезпечить здѣсь соблюденіе божественнаго и церковнаго закона, т. е. допускать добро, не допуская зла» («laisser faire le bien, sans laisser faire le mal»). Послѣдняя фраза мѣтитъ прямо противъ извѣстной формулы, выражающей порицаніе государственному вмѣшательству, формулы, вызывающей самое жестокое порицаніе со стороны соціальныхъ католиковъ. «Laissez faire, laissez passer», восклицаютъ они, вотъ требованіе либе-

[1]) „Régime du travail". стр. 21.

раловъ, требованіе оставить всѣ злоупотребленія безъ перемѣны, всѣ преступленія безъ возмездія, требованіе, освящающее всякое безправіе и насиліе. Столь прославляемая экономистами конкурренція среди рабочихъ дѣйствительно полезна, но для кого? для капиталистовъ, потому что она увеличиваетъ производительность труда и понижаетъ заработную плату. «Свобода труда, на которую опирается современный экономическій режимъ, есть въ сущности свобода для капиталистовъ безпрепятственно эксплоатировать рабочихъ и, слѣдовательно, обогащаться трудомъ чужихъ рукъ». Тѣ, кто заботится не объ интересахъ немногихъ привилегированныхъ, но объ интересахъ массъ, а значитъ всѣ истинные католики, должны оставить теорію свободы труда и требовать государственнаго вмѣшательства. «La morale doit gouverner l'économie politique, comme une chose qui lui est soumise» [1]).

Смѣшавъ и спутавъ революціей фритрэдеровъ съ соціалистами, де-Менъ и его ученики осуждаютъ послѣднихъ за то же самое, за что они раньше осудили и первыхъ. «Соціализмъ, восклицаетъ де-Менъ,—это отрицаніе власти Бога, а мы хотимъ ея утвержденія, это утвержденіе независимости человѣка, а мы хотимъ ея отрицанія, это стремленіе къ овладѣнію, къ собственности (sic: passion de la possession), а наше стремленіе есть стремленіе къ справедливости. Соціализмъ—это логическая революція, а мы представляемъ собой непримиримую контръ-революцію». Впослѣдствіи соціальнымъ католикамъ приходилось не разъ выслушивать отъ фритрэдеровъ обвиненія въ соціализмѣ и даже ироническія (а иногда и искреннія) одобренія изъ лагеря самихъ соціалистовъ; тогда они съ жаромъ стали отстранять отъ

---

[1]) Ibid., 26, 50 и слѣд. Для дальнѣйшаго см. Discours, стр. 299—300. „Ass. Cath.", 1886, янв., стр. 13. Въ томъ же номерѣ нѣсколько дальше и уже въ другой статьѣ (Сегюръ-Ламуаньона) ученіе либеральныхъ экономистовъ названо „антихристіанской и антисоціальной ересью", а сами они людьми, которые имѣютъ „l'intuition du faux, l'instinct de tout ce qui est mauvais". Любопытно, что Левъ XIII, будучи еще кардиналомъ, самъ осудилъ фритрэдеровъ въ своемъ пасторскомъ посланіи 1877 г., говоря о современныхъ школахъ въ политической экономіи, которыя „разсматриваютъ трудъ какъ послѣдній конецъ человѣка (la fin suprême de l'homme) и не видятъ въ немъ ничего иного, какъ болѣе или менѣе дорогую машину". Молинари, вообще очень довольный этимъ посланіемъ, въ своемъ комментаріи къ нему пропускаетъ приведенную фразу мимо ушей, какъ-будто она и не касается его и его собратій. См. „Le pape Léon XIII—économiste" par Molinari, „Journal des économistes", 1878, № 3, стр. 428 и слѣд. Объ экономическихъ и соціальныхъ идеяхъ Льва XIII см. еще „L'église et la question sociale" Паскаля, стр. 51, и редакціонную статью въ „Ass. Cath.", 1890, мартъ, „Les réformes sociales et Léon XIII".

себя и эти злобныя обвиненія, и компрометтирующія похвалы (см., напр., брошюру де-Мена: Quelques mots d'explication). Однако, въ критикѣ соціализма, къ которой ихъ настойчиво вынуждали ихъ противники, они не только не проявили особенной силы, но съ страннымъ упорствомъ продолжали игнорировать основные пункты соціалистическаго ученія (критика современнаго строя, изслѣдованіе сущности производства и прибавочной стоимости, историческая концепція капитализма и проч., и проч.), чтобъ нападать на матеріалистическій и революціонный характеръ ученія и декламировать на избитую тему о тираніи государства въ соціалистическомъ строѣ,—послѣднее еще въ то время, когда сами они обращаются къ тому же государству за помощью. Но какова бы ни была ихъ критика соціализма, фактъ тотъ, что они открещиваются отъ этого ученія и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ чертахъ существеннымъ образомъ съ нимъ расходятся. Замѣтимъ только еще, что самое существованіе соціализма и даже кромѣ него—анархизма ученики де-Мена считаютъ вполнѣ законнымъ, объясняя его экономическимъ неустройствомъ и естественной неудовлетворенностью иныхъ умовъ [1]). За распространеніемъ соціализма они слѣдятъ съ живѣйшимъ интересомъ и ихъ журналъ «Association Catholique» даетъ всегда самые подробные отчеты о всѣхъ соціалистическихъ съѣздахъ.

Осуждая ничѣмъ не стѣсненную конкурренцію, соціальные католики совершенно вѣрно замѣтили, что ограниченная сначала сферой рабочихъ, она была только выгодна для предпринимателей, но что въ настоящее время поле приложенія ея расширилось и конкурренція обратилась противъ самихъ капиталистовъ. Крупные предприниматели стали давить мелкихъ, мелкіе, чтобы лучше выдержать борьбу, соединились въ товарищества, въ компаніи. Тогда борьба между капиталистами становится безличной и превращается въ борьбу между капиталами. «Нѣкоторая сумма денегъ борется противъ ей подобной. Индивидуальность исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто коллективизму финансовой ассоціаціи. Капиталъ самъ по себѣ производитъ, онъ собираетъ рабочихъ и ихъ вознаграждаетъ, капиталъ царитъ; мы разумѣемъ здѣсь вездѣ капиталъ денежный. Денежный капиталъ имѣетъ свойства, принадлежащія ему одному. Самое

---

[1]) Ср. „Ass. Cath.", 1888, I, с. 173. О соціализмѣ см. Discours, 370—371, и „Ass. Cath.", 1886, I, 244; о коммунизмѣ „Ass. Cath.", 1886, іюль и августъ, статью Рокфейля.

главное это то, что онъ можетъ давать доходъ, увеличиваться, воспроизводиться *безъ труда* со стороны того, кто имъ владѣетъ... Съ одной стороны, въ борьбѣ между капиталами меньшіе изъ нихъ необходимо поглощаются большими и послѣдніе тѣмъ больше обезличиваются, чѣмъ они крупнѣе; съ другой— рабочій, изолированный, благодаря индивидуализму «свободнаго труда», вынужденъ вслѣдствіе все увеличивающагося его раздѣленія къ участію въ коллективномъ трудѣ, въ которомъ его личность исчезаетъ все болѣе и болѣе. Онъ дѣлается, такимъ образомъ, пассивнымъ *орудіемъ* производства или, какъ говорятъ, трудомъ-товаромъ на службѣ у капитала безличнаго и, слѣдовательно, безъ души, безъ совѣсти, безъ внутренностей, покупающаго человѣческій товаръ, какъ и всякій другой, сообразуясь исключительно съ рыночными цѣнами. Ни личныя добродѣтели значительнаго числа благочестивыхъ промышленниковъ, ни благодѣянія, которыя они оказываютъ окружающимъ—недостаточны, чтобы остановить «роковое развитіе» экономической системы, основанной на полной свободѣ конкурренціи и труда, подобно тому, какъ ихъ таланты и дѣятельность не могли бы измѣнить законъ накопленія капиталовъ [1])». Мы сдѣлали эту нѣсколько пространную выписку потому, что приведенныя сейчасъ слова вводятъ насъ въ самый центръ экономическихъ взглядовъ всей школы. Анализируя ихъ, мы замѣчаемъ тутъ три основныхъ положенія: 1) что роковой процессъ конкурренціи содѣйствуетъ торжеству крупнаго капитала и обезличиваетъ противниковъ; 2) что трудъ въ нынѣшнемъ строѣ сдѣлался обыкновеннымъ продажнымъ товаромъ на рынкѣ и 3) что капиталъ даетъ его собственникамъ доходъ безъ труда, что, съ точки зрѣнія католиковъ, какъ мы увидимъ ниже, заслуживаетъ порицанія. Всѣ эти три мысли мы встрѣчаемъ во многихъ статьяхъ Association Catholique; надо оговориться, однако, что послѣдняя изъ нихъ, выраженная однажды особенно рѣзко, вызвала протестъ со стороны де-Мена, представляющаго собой теперь въ своей школѣ самый умѣренный и даже по извѣстной степени консервативный элементъ. Тѣмъ не менѣе, къ этой мысли не разъ возвращались впослѣдствіи сотрудники «Association Catholique», и мы не можемъ не признать ее однимъ изъ основныхъ положеній программы этого

---

[1]) „Régime du travail", докладъ графа де-Брэда, 62 и слѣд.

журнала, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть оффиціальнымъ органомъ кружковъ и, слѣдовательно, получилъ возможность свободнѣе развивать свои взгляды.

И не съ одной экономической или нравственной стороны приходятъ католики къ осужденію прибыли на капиталъ, но даже съ религіозной или скорѣе съ богословской точки зрѣнія. Они ссылаются на авторитетъ церкви, какъ извѣстно, всегда осуждавшей отдачу денегъ въ ростъ, и приводятъ комментаріи къ этому запрещенію многихъ извѣстныхъ теологовъ. Дунсъ Скотъ за одно съ св. Ѳомой утверждаетъ: Recipere fructum de sua pecunia provenientem per industriam alterius, est facere usuram. «Что дѣлаютъ тѣ, говоритъ св. Василій которые одолжаютъ деньги ва проценты, какъ не обогащаются чужою бѣдностью? Отдавать въ ростъ, значитъ, пожинать тамъ, гдѣ не сѣялъ». Іоаннъ Златоустъ восклицаетъ: «что можетъ быть неразумнѣе, какъ сѣять безъ земли, безъ дождя и безъ сохи? Поэтому тѣ, кто занимается такимъ земледѣліемъ, собираютъ лишь плевелы, которые будутъ брошены въ огнь вѣчный». Считая деньги непроизводительными по самой ихъ природѣ, церковь выставляетъ трудъ, какъ единственный реальный факторъ производства; запрещая ростъ (usura), она имѣетъ цѣлью помѣшать «богатымъ жить на счетъ бѣдныхъ, или тѣмъ, которые не трудятся, эксплоатировать тружениковъ. Становясь на эту точку зрѣнія и умѣя дѣлать всѣ необходимыя приложенія, можно отвѣтить на всякія затрудненія, даже на тѣ, которыя вытекаютъ изъ современной организаціи промышленности и торговли» — такими знаменательными словами одинъ изъ сотрудниковъ «Association Catholique», де-Паскаль, заканчиваетъ свою статью о ростовщичествѣ [1]).

Полноты ради, надо сказать, что недостаточно искусившіеся въ экономическихъ спекуляціяхъ сотрудники «Association Catholique» не всегда остаются на почвѣ правильной и ясной тру-

---

[1]) „Ass. Cath.", 1892. февр.; см. того же года № 3, стр. 283—284, 288—290. Для послѣдующаго ср. такія два утвержденія: „Le prix se base en partie seulement sur les qualités intrensèques de la chose, desquelles dépend souvent son utilité; il se base en plus grande partie sur des circonstances extérieures, il dépend surtout de l'estimation générale, de l'offre et de la demande, de la rareté des choses, du frais et du mode de vente" (Коста-Розетти, „Ass. Cath.", 1892, іюль, стр. 31). Съ другой стороны, слѣдующее опредѣленіе: L'utilité est la condition de la valeur, elle n'en est pas la mesure. La chose utile ne tire pas sa valeur du degré d'utilité; elle la reçoit du travail, entendu dans le sens le plus large" (де-Паскаль, 1892, сент., стр. 291).

довой теоріи цѣнности и иногда забираются въ дебри туманныхъ разсужденій о спросѣ и полезности. Зная къ тому же ихъ слабость къ авторитетамъ старыхъ богослововъ, мы не удивимся, встрѣтивъ въ томъ же журналѣ статью Коста Розетти, посвященную ученію схоластиковъ о справедливой цѣнѣ и цѣнности, статью, многія положенія которой идутъ въ разрѣзъ съ приведенными выше взглядами Паскаля, и гдѣ авторъ ея не безъ наивности сознается, что онъ страшится обоснованія цѣнности однимъ трудомъ, такъ какъ изъ этого положенія соціалисты съ полной логичностью выводятъ необходимость ниспровергнуть весь существующій строй. Но, несмотря на эти отъ времени до времени прорывающіеся страхи и оговорки, трудовая теорія цѣнности со всѣми ея выводами находитъ себѣ полное признаніе среди послѣдователей графа де-Мена, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ и весь современный процесъ производства, основанный на отдѣленіи рабочихъ рукъ отъ капитала и на не пропорціональномъ труду вознагражденіи производителей,—получаетъ въ ихъ сочиненіяхъ полное осужденіе.

Переходя отъ отрицательной къ положительной части ученія, отъ критики къ общимъ идеямъ, мы сразу покидаемъ экономическую почву, чтобъ вступить въ область нравственныхъ требованій. Разъяснивъ сущность современнаго экономическаго строя и осудивъ его за несправедливость по отношенію къ народнымъ массамъ, соціальные католики выставляютъ далѣе свои положительныя идеи, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, долженъ покоиться всякій справедливый экономическій порядокъ. Справедливость—вотъ чего не хватаетъ существующему соціальному строю, возстановленія ея мы должны добиваться всѣми легальными средствами. Левъ XIII провозгласилъ въ своей энцикликѣ великую идею: право рабочихъ на жизнь, на жизнь не такую, какъ они ведутъ въ наше время, нищенскую и полную лишеній, но на жизнь достойную человѣка цивилизованнаго и при томъ христіанина [1]). Заработная плата рабочаго должна быть поэтому настолько велика, чтобы вполнѣ обезпечивать собою такую жизнь для самого рабочаго и для его семьи. «Каждый имѣетъ право на хлѣбъ или на трудъ», сказалъ кардиналъ Маннингъ, а такъ какъ человѣкъ самъ по себѣ важнѣе богатства, то, слѣдовательно, если онъ находится въ безвыходномъ положеніи, т. е. не имѣетъ

---

[1]) Паскаль, „L'eglise et la question sociale", стр. 51.

ни работы, ни хлѣба, онъ можетъ позаимствоваться собственностью другого. Эта мысль о дозволительности кражи въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ, высказанная впервые кардиналомъ Маннингомъ, встрѣчена была сочувственно и другими служителями католической церкви. «Association Catholique» (1888, II, стр. 66) приводитъ въ ея подтвержденіе слова св. Альфонса, который въ своей «Нравственной теологіи» говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее. «Такъ какъ всѣ вещи, въ случаѣ крайней необходимости, дѣлаются общей собственностью, то богатый, сообразно строгой справедливости, обязанъ помогать бѣдному, равно какъ бѣдный имѣетъ право взять себѣ все необходимое даже противъ воли собственника». И въ другомъ мѣстѣ еще: «Хотя бѣдный имѣетъ право на имущество своего ближняго въ случаѣ крайней нужды, но онъ долженъ брать ровно столько, сколько бываетъ обыкновенно достаточно для поддержанія жизни». И, наконецъ: «Такъ какъ бѣдный имѣетъ право брать, что ему необходимо, никто не смѣетъ ему мѣшать въ этомъ». Въ томъ же духѣ высказывается и св. Ѳома, предостерегающій, чтобы не называли ни грабежомъ, ни кражей присвоеніе чужого имущества, явное или тайное, разъ оно вызывается крайнею необходимостью. Подобный взглядъ вытекаетъ прямо изъ требованій справедливости. Рабочій въ настоящее время трудится, но не получаетъ вознагражденія достаточно, чтобы прилично поддерживать существованіе свое и своей семьи,—это несправедливо; несправедливо, что необрабатывающіе землю удерживаютъ ее за собой, тогда какъ земледѣлецъ страдаетъ отъ ея недостатка; несправедливо, что одинъ человѣкъ утопаетъ въ роскоши, между тѣмъ какъ его сосѣдъ въ это время можетъ умирать съ голоду; все это несправедливо, конечно, а несправедливость взываетъ не къ милосердію, не къ добротѣ эксплоатирующаго, но къ возстановленію справедливости, къ чувству собственнаго достоинства эксплоатируемыхъ.

Такъ разсуждаютъ теперь соціальные католики. «Выводы Льва XIII, пишетъ кардиналъ Маннингъ, осуждаютъ по справедливости характеръ многихъ производствъ, жертвы которыхъ до настоящаго времени должны были страдать молча. Теперь онѣ приглашаются заявить о своихъ требованіяхъ, основанныхъ на страданіяхъ». «Этотъ комментарій, присовокупляетъ Леонъ Грегуаръ (см. его книгу стр. 128), полонъ величайшей смѣлости; нельзя, однако, сказать, чтобы онъ преувеличивалъ значеніе эн-

циклики. Церковь не приглашаетъ болѣе притѣснителя обратить вниманіе на нищенское положеніе притѣсненнаго, она приглашаетъ этого послѣдняго протестовать». Разсчитывавшіе нѣкогда на благоволеніе состоятельныхъ классовъ, ожидавшіе благихъ результатовъ отъ смѣшанныхъ ассоціацій или организованнаго patronage, соціальные католики въ настоящее время оставили всѣ надежды обратить въ свою вѣру предпринимателей и хозяевъ. Они поняли, что все, что они могутъ получить съ этой стороны— недостаточно, что нужна не милостыня и даже не жертва со стороны капиталистовъ, но полная реформа экономическихъ отношеній. Благотворители думаютъ, что, подавая милостыню, они избавляютъ себя отъ обязанности быть справедливыми, но это величайшее заблужденіе. Противники законодательнаго вмѣшательства въ экономическую область (въ данномъ случаѣ Кл. Жаннэ) ссылаются на примѣры въ родѣ того, что нѣсколько угольныхъ компаній въ Вестфаліи, послѣ изданія закона о вознагражденіи за увѣчья, перестали отпускать даромъ своимъ рабочимъ необходимый для нихъ уголь. Эти компаніи, возражаютъ послѣдователи де-Мена, прибѣгали къ милосердію, но лишь для того, чтобы отрѣшиться отъ справедливости. «Рѣшеніе соціальнаго вопроса не есть дѣло благотворительности или милосердія; рабочій не хочетъ жить милостыней; онъ хочетъ имѣть возможность жить своимъ трудомъ». Такъ резюмируетъ дѣло іезуитъ Кольбъ [1]).

Борьба рабочихъ съ капиталистами началась не со вчерашняго дня и въ этой борьбѣ были переиспробованы уже самыя разнообразныя оружія, начиная отъ разрушенія машинъ и кончая поголовными стачками. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказались постоянныя организаціи, рабочіе союзы. Какъ же отнеслись къ нимъ католики, признавшіе неизбѣжность соціальной борьбы при современныхъ экономическихъ условіяхъ? Рабочіе союзы они вполнѣ одобрили и даже, подхвативъ ихъ основную мысль, стали сами усердно пропагандировать и доказывать необходимость «профессіональнаго группированія». Вопросъ о рабочихъ союзахъ былъ въ первый разъ поднятъ и рѣзко поставленъ въ 1886 г., когда епископы Соединенныхъ Штатовъ собрались на особое совѣщаніе, чтобы рѣшить, какой политики имъ слѣдуетъ держаться по отношенію къ американ-

---

[1]) Grégoire, op. cit., 122—125, 168—170, 178.

ской рабочей ассоціаціи—Knights of Labour. Надо замѣтить, что этотъ оригинальный «орденъ рыцарей труда», насчитывающій теперь около милліона членовъ, объединяетъ собой самую бѣдную часть рабочаго населенія, ту, которая не имѣетъ постоянной профессіи и нанимается въ качествѣ поденщиковъ-чернорабочихъ; организованный съ цѣлью лучшей совмѣстной борьбы противъ всемогущества капитала, этотъ орденъ отличается, разумѣется, ультра-демократическимъ характеромъ и знать ничего не хочетъ о церкви. Но между его членами много вѣрныхъ католиковъ. Отталкивать ли ихъ осужденіемъ «ордена» или, напротивъ, постараться привлечь къ церкви и самыхъ равнодушныхъ изъ его членовъ, открыто заявивъ свое сочувствіе стремленіямъ рабочихъ?—вотъ вопросъ, который поставили на своемъ совѣщаніи американскіе архіепископы. Изъ двѣнадцати собравшихся служителей католической церкви только двое высказались *противъ* союза съ рыцарями труда, остальные постановили держаться примирительной политики. Въ слѣдующемъ году, согласно этому постановленію, кардиналъ Гиббонсъ, прослышавъ о грозившемъ будто бы «ордену» осужденіи со стороны Льва XIII, поспѣшилъ написать въ Римъ горячее письмо, гдѣ онъ въ довольно рѣзкихъ для кардинала выраженіяхъ говоритъ объ опасности подобнаго рѣшительнаго шага. Онъ утверждаетъ, что осужденіе «ордена» было бы признано рабочими несправедливымъ и смѣшнымъ, и къ тому же оказалось бы вполнѣ безсильнымъ остановить успѣхъ рабочей организаціи. Единственнымъ результатомъ такого осужденія явилось бы полное отчужденіе «рыцарей труда» отъ церкви и матеріальный ущербъ для послѣдней, вслѣдствіе утраты значительной части ея паствы. Поддержанный архіепископомъ вестминстерскимъ Маннингомъ, кардиналъ Гиббонсъ добился своего: никакого осужденія не было выражено папой американскимъ рабочимъ. Вотъ этотъ эпизодъ, подробности котораго вмѣстѣ съ подлинными письмами Гиббонса и Маннинга мы находимъ въ «Association Catholique» за 1887 г., является отправнымъ пунктомъ въ дальнѣйшей политикѣ церкви по отношенію къ рабочимъ организаціямъ. Самъ Левъ XIII въ энцикликѣ рекомендуетъ рабочимъ крѣпко держаться своихъ союзовъ, на которые онъ возлагаетъ вообще большія надежды, въ особенности въ дѣлѣ разрѣшенія всяческихъ столкновеній между интересами труда и капитала.

Защиту рабочихъ организацій взяли на себя всѣ соціаль-

ные католики безъ исключенія. «Свободу профессіональныхъ ассоціацій»,—заявляютъ они,—мы разсматриваемъ, какъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и неотчуждаемыхъ правъ рабочаго». Правительство должно не только разрѣшать и охранять подобныя ассоціаціи, но еще обезпечивать за ними возможно широкую автономію и даже нѣкоторыя преимущества и привилегіи. Католики знаютъ, что цѣль рабочихъ союзовъ— организованная война, но, признавая ея неизбѣжность при современныхъ условіяхъ, они предпочитаютъ видѣть рабочихъ хорошо вооруженными и организованными, нежели разрозненными и безоружными. На категорично поставленный вопросъ о томъ, имѣютъ ли рабочіе право участвовать въ стачкахъ, они отвѣчали утвердительно, оговариваясь только, что стачки, чтобъ быть справедливыми, должны отвѣчать слѣдующимъ двумъ условіямъ: 1) «преслѣдуемая ими цѣль должна быть законной,—это значитъ, напримѣръ, что требуемое увеличеніе заработной платы не должно превышать *справедливаго* вознагражденія и 2) должны быть употреблены всѣ старанія, чтобы избѣжать насилія, угрозъ и обмана для увеличенія числа стачечниковъ». Точно также и рабочіе союзы не всѣ безъ исключенія заслуживаютъ сочувствія. Такъ, напр., заявляютъ авторы коллективной работы о «трудовомъ режимѣ» (стр. 423), «свойства интернаціонала дѣлаютъ участіе въ немъ преступнымъ» (coupable).

Желая скорѣйшаго умиротворенія соціальной борьбы, послѣдователи де-Мена хотятъ, во-1-хъ, чтобы участіе въ рабочихъ союзахъ сдѣлалось обязательнымъ и, во-2-хъ, чтобы по своей организаціи они ближе подходили къ средневѣковымъ корпораціямъ. Къ этому присоединяется иногда желаніе, чтобы возрожденныя такимъ образомъ корпораціи объединяли собой не однихъ лишь рабочихъ, но и хозяевъ вмѣстѣ. Корпоративный режимъ, по мнѣнію соціальныхъ католиковъ, гарантируетъ для рабочихъ постоянство работы, справедливое распредѣленіе ея сообразно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго, вполнѣ достаточный для жизни minimum заработной платы, а также maximum продолжительности рабочаго дня, товарищескую помощь на время болѣзни и при всякихъ несчастныхъ случайностяхъ широкій кредитъ, профессіональное образованіе и хорошую выборную администрацію; кромѣ того, ближайшимъ послѣдствіемъ *возстановленія* корпоративнаго режима (выра-

женіе, которое часто встрѣчается въ рѣчахъ де-Мена и въ коллективномъ трудѣ его послѣдователей) будетъ прекращеніе конкурренціи, улучшеніе продуктовъ и уничтоженіе классового антагонизма [1]). Нельзя не замѣтить однако, что, несмотря на всю свою привлекательность, эта картина необыкновеннаго соціальнаго благополучія послѣ возвращенія къ корпоративнымъ порядкамъ, носитъ на себѣ всѣ слѣды чистѣйшей утопіи. Намъ даже странно, какъ она могла создаться въ умахъ людей, наблюдающихъ современную промышленную жизнь. Начать съ того, что исторія никогда не обращается вспять и желать этого такъ же неразумно, какъ того, чтобы рѣка потекла отъ устья къ истокамъ. Тщетно увѣряетъ насъ Howell въ своемъ послѣднемъ трудѣ (Tradesunionism new and old), что нынѣшніе рабочіе союзы не что иное, какъ средневѣковыя корпораціи, изъ которыхъ они возникли. Разница между тѣми и другими именно такова, что она не допускаетъ и мысли о какомъ-нибудь возвращеніи къ старому, пережитому, оставленному режиму. Подобная мысль возникала не разъ и была даже облечена въ форму закона, но дѣйствительность показала съ достаточной убѣдительностью ея совершенную непрактичность. Мы разумѣемъ здѣсь установленіе въ Австро-Венгріи, законами 15 марта 1883 г. и 21 мая 1884 г., обязательныхъ для мелкой промышленности корпорацій. Примѣнить подобныя постановленія оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ издать: въ виду категорическаго non possumus всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, администраціи не оставалось ничего больше, какъ сознаться въ своемъ полномъ безсиліи. Говорить о возможности или правильнѣе о невозможности организовать *смѣшанныя* корпораціи изъ хозяевъ съ рабочими, мы не находимъ нужнымъ, въ виду того, что сами апологисты средневѣковыхъ корпорацій говорятъ о современномъ антагонизмѣ классовъ. Что же касается ихъ желанія видѣть *рабочія корпораціи обязательными* (въ Австро-Венгріи законъ предписываетъ корпораціи смѣшанныя), то для подобной мѣры со стороны

[1]) Паскаль, op. cit., 68—70; „Regime du travail", 68—70, 420—421 423—444. „Ass. Cath.", 1892, II, стр. 20; Grégoire, op. cit. 136—140; Discours, 512—513, 172—173, 372—373. На почвѣ профессіональнаго группированія католики разсчитываютъ произвести реформу и современнаго избирательнаго права, которое тогда сдѣлаетъ возможнымъ представительство дѣйствительно различныхъ интересовъ, а не различныхъ людей въ случайныхъ сочетаніяхъ. См. на этотъ счетъ весьма замѣчательную статью Анри Лорэна: „Ass. Cath.", 1892, іюль.

государства нужно предположить, что послѣднее въ борьбѣ между классами станетъ открыто поддерживать рабочихъ въ ихъ притязаніяхъ противъ капиталистовъ. А мы думаемъ, что когда это случится, общество найдетъ лучшій путь для завершенія соціальной борьбы, нежели корпораціи, сданныя уже въ архивъ исторіи вмѣстѣ съ доспѣхами рыцарей и другими атрибутами среднихъ вѣковъ. Словомъ, реформы, предложенныя школой де-Мена, кажутся намъ совершенно несостоятельными, и мы думаемъ, что лучшее, что католики могутъ сдѣлать по отношенію къ существующимъ рабочимъ организаціямъ, это предоставить имъ свободно развиваться по тѣмъ путямъ, которые чертитъ для нихъ дальнѣйшее развитіе современной промышленной жизни. Слѣдуетъ отмѣтить, что къ этому выводу начинаютъ склоняться повидимому и сами католики: такъ, напр., одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ бельгійской католической партіи, аббатъ Потье высказался рѣшительно противъ смѣшанныхъ корпорацій, и самъ все свое время посвятилъ устройству обыкновенныхъ рабочихъ союзовъ, а Леонъ Грегуаръ въ своей, нѣсколько разъ уже нами цитированной, книгѣ говоритъ прямо, что въ послѣднее время среди католиковъ замѣчается охлажденіе къ корпораціямъ, явленіе, которое онъ со своей стороны объясняетъ невозможностью соединить широкую профессіональную организацію съ преслѣдованіемъ какихъ-нибудь религіозныхъ цѣлей, отъ чего однако католики и до послѣдняго времени вполнѣ никогда не отказываются (см. стр. 143—145).

Если бы этой затѣей возстановить средневѣковыя корпораціи и ограничивалась вся положительная программа школы де-Мена, мы бы должны были признать ее чистѣйшимъ пустоцвѣтомъ. Къ счастію, однако, наряду съ такими реакціонными и неосуществимыми мечтаніями, соціальные католики поставили себѣ другія, вполнѣ прогрессивныя и достижимыя задачи. Мы разумѣемъ прежде всего ихъ неутомимую агитацію въ пользу возможно болѣе широкаго рабочаго законодательства. Осудивъ ученіе либеральныхъ экономистовъ, желающихъ полной свободы экономическихъ отношеній, католики школы де-Мена выставили противоположное требованіе самаго широкаго законодательнаго вмѣшательства. Мысль о немъ впервые явилась у нихъ въ началѣ 80-хъ годовъ, еще не вполнѣ смѣло формулирована была въ коллективномъ трудѣ 1883 г., а затѣмъ, благо-

даря усиленной дѣятельности де-Мена во французской палатѣ въ пользу законодательнаго ограниченія рабочаго дня, обезпеченія рабочихъ на случай увѣчій и запрещенія ночной работы для женщинъ и дѣтей—идея эта стала самой важной особенностью положительной программы всей школы, рѣзко отдѣляя послѣдователей де-Мена отъ той части католиковъ, которые считаютъ теперь своими вождями Кл. Жаннэ и Перэна. Въ то время какъ въ 1887 г. католическій конгрессъ въ Льежѣ едва лишь касается вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ, боясь высказываться на этотъ счетъ вполнѣ откровенно, конгрессъ 1890 года уже доставляетъ намъ зрѣлище полнаго торжества идеи о государственномъ вмѣшательствѣ надъ требованіями другой группы католиковъ заняться исключительно корпоративной реформой. Послѣдователи Жаннэ и Перэна остались въ меньшинствѣ и даже довольно слабомъ.

Изъ рамокъ настоящей статьи выходитъ обсужденіе самыхъ проектовъ, предложенныхъ де-Меномъ французской палатѣ [1]), а также той парламентской тактики, которой держались и держатся примыкающіе къ нему соціальные католики. Для насъ въ данномъ случаѣ важна не практическая, но теоретическая идейная сторона дѣла. Вмѣшательство государства представляется послѣдователямъ де-Мена желательнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: мало обезпечить рабочимъ вознагражденіе на случай какихъ-нибудь увѣчій, мало ограничить рабочій день 9—10 часами, мало запретить женщинамъ принимать участіе въ ночныхъ и опасныхъ работахъ, надо еще законодательнымъ путемъ установить minimum заработной платы, обязательный при всякихъ контрактахъ. Minimum этотъ долженъ, во 1-хъ, обезпечивать необходимый для существованія рабочаго доходъ; во 2-хъ, предлагать рабочему эквивалентъ опасности, которой онъ подвергается на службѣ у хозяина, опасности быть изувѣченнымъ и совершенно лишиться всякаго заработка и, въ 3-хъ, гарантировать эквивалентъ нормальной и постоянной траты его мускульныхъ силъ. Капиталисты сами не желаютъ быть справедливыми, какъ бы говорятъ себѣ нынѣ послѣдователи де-Мена, такъ мы же заставимъ ихъ быть справедливыми противъ ихъ воли при помощи государственной власти!.. Въ тѣхъ случаяхъ, когда широкое рабочее законодательство будетъ грозить странѣ его при-

[1]) См. его рѣчи по этому поводу въ „Ass. Cath.“, 1889, I, стр. 212, 1890, II, стр. 98—138.

нявшей опасностью уступить въ конкурренціи другимъ странамъ, нужно употребить всѣ старанія, чтобы достигнуть международнаго соглашенія; послѣдняго же энергично и не безъ извѣстнаго успѣха добивается наиболѣе видный представитель католической партіи въ Швейцаріи — Гаспаръ Декуртэнъ [1]).

Усиленная агитація въ палатѣ и въ обществѣ въ пользу широкаго рабочаго законодательства не помѣшала послѣдователямъ де-Мена заниматься одновременно дѣлами благотворительности. Только благотворительность эта, предлагавшаяся прежде рабочимъ въ видѣ кружковъ, гдѣ тѣ изъ благодарности должны были подчиняться всѣмъ строгостямъ почти монастырскаго режима, въ настоящее время приняла болѣе экономическій, чѣмъ религіозный характеръ. Благотворительная дѣятельность католиковъ выражается теперь въ пріисканіи занятій неимѣющимъ работы рабочимъ, въ посредничествѣ между капиталистами и ими въ случаѣ какихъ-нибудь столкновеній, въ устройствѣ, наконецъ, въ Парижѣ и въ другихъ городахъ особыхъ справочныхъ конторъ (Sécretariat du peuple), гдѣ всѣ приходящіе туда могутъ получить даровые совѣты юридическаго, медицинскаго и всякаго иного свойства [2]). На ряду съ этою пропагандой дѣломъ, идетъ и пропаганда словомъ. Но не религіозныя темы составляютъ теперь содержаніе рѣчей нашихъ католиковъ и не о торжествѣ католицизма хлопочутъ они прежде всего. Соціальный вопросъ, поддержка рабочихъ—вотъ что составляетъ ихъ главную заботу въ настоящее время. Переворачивая наизнанку пословицу «сытое брюхо къ ученью глухо», монсиньоръ Айрландъ, американскій архіепископъ, выразилъ такъ теперешній взглядъ соціальныхъ католиковъ: «не проповѣдуйте евангелія, сказалъ онъ, пустому желудку, онъ васъ

---

[1]) Паскаль, op. cit., 48. Grégoire, op. cit., 76—81, 198, Discours, 423, 418—419. Согласно своему обыкновенію опираться во всѣхъ случаяхъ на признанные религіозные авторитеты послѣдователи де-Мена и для обоснованія своихъ требованій государственнаго вмѣшательства обратились къ сочиненіямъ древнихъ богослововъ. См. „Ass. Cath.“, 1891, декабрь, и 1892, февраль, статью Гамона: „Excursion à travers St. Tomas, Suarez etc.“. Объ интернаціональномъ рабочемъ соглашеніи см. „Ass. Cath.“, 1889, I, 216, II, 228.

[2]) Впервые такое бюро учреждено было въ Швейцаріи, но только его роль тамъ гораздо шире: сдѣлавшись учрежденіемъ оффиціальнымъ, швейцарское бюро слѣдитъ за примѣненіемъ на практикѣ фабричнаго законодательства, доводитъ до свѣдѣнія правительства о нуждахъ рабочаго населенія и беретъ на себя иниціативу въ представленіи проектовъ новыхъ рабочихъ законовъ.

не станетъ слушать». Католики, менѣе прогрессивные, группирующіеся вокругъ Жаннэ, продолжаютъ еще, правда, говорить его устами, что первое, что нужно, это — «обращеніе къ евангелію внутреннихъ варваровъ», но ихъ дальше ушедшіе собратья, оборачиваясь назадъ, уже не безъ ироніи бросаютъ упрекъ, что «они посылаютъ бѣднаго къ Богу такъ, какъ бы они послали его къ чорту, разница только въ адресѣ [1]). Нѣтъ, соціальныя реформы, улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ—вотъ что нужно прежде всего и какъ можно скорѣе. Удовлетворите матеріальныя нужды рабочаго, сдѣлайте его положеніе хоть немного сноснѣе, и тогда онъ уже самъ станетъ думать о своихъ духовныхъ потребностяхъ и самъ придетъ къ религіи, къ католической церкви. «Наступающій вѣкъ, пишетъ кардиналъ Маннингъ де-Мену («Assoc. Cath.» 1891. № 2), будетъ принадлежать не капиталистамъ, не буржуазіи, а народу. Послѣдній позволяетъ себя привести къ разсудительности и даже къ религіи. Если мы пріобрѣтемъ его довѣріе, мы будемъ имѣть возможность быть его совѣтникомъ; если мы будемъ слѣпо ему противиться, онъ будетъ въ состояніи уничтожить все хорошее». А слѣдовательно, «пойдемте въ народъ, господа, восклицаетъ де-Менъ [2]), вотъ дѣло будущаго вѣка. Пойдемте въ народъ, оставимъ избитые пути, которыми пользуются всѣ политическія условности и свѣтскіе предразсудки... Отнынѣ всѣ великіе вопросы нашего времени будутъ рѣшаться въ нѣдрахъ народныхъ. Пойдемъ къ рабочему, чтобы его узнать и полюбить, пойдемъ къ нему, чтобы узнать, чѣмъ онъ страдаетъ и чего хочетъ; мы не знаемъ этого достаточно, мы видимъ его только въ заблужденіяхъ, между тѣмъ, эксплоатируемый тѣми, кто ему льститъ, притѣсняемый ложной свободой, которая его давитъ, принижаемый нечестіемъ, вотъ онъ въ своемъ одиночествѣ, безъ иной силы, кромѣ насилія, безъ иной вѣры, кромѣ вѣры въ возстаніе, жертва своихъ собственныхъ порывовъ и ищущій напрасно друзей, которые бы ему помогли, вмѣсто того, чтобы пользоваться имъ для своей цѣли!»

Вся сущность соціальнаго католицизма въ этихъ словахъ, соціальнаго католицизма съ его благородными порывами, съ его моральной подкладкой и нѣкоторой неопытностью въ экономиче-

---

[1]) Grégoire, op. cit., 117.
[2]) Discours, 465.

скихъ вопросахъ, съ его вѣрою въ великое, почти рѣшающее значеніе индивидуальной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ съ его смѣлостью, не останавливающеюся ни передъ какими разрывами, ни передъ какими выводами. Много еще въ этомъ движеніи неуравновѣшеннаго, неустановившагося, незаконченнаго; тѣмъ не менѣе за нимъ уже есть своя традиція и своя исторія, а впереди его еще широкая, открытая дорога. Посмотримъ въ заключеніе, какое значеніе имѣетъ для нашего времени вступленіе католицизма на новый для него путь борьбы за народное дѣло и куда можетъ привести его этотъ путь въ ближайшемъ или, можетъ быть, еще и болѣе отдаленномъ будущемъ.

IV.

Заключеніе.

Пересматривая разныя критическія сочиненія о соціальныхъ тенденціяхъ католичества, мы замѣтили, что авторы, пишущіе объ этомъ движеніи, сами не принадлежа къ нему, съ особенной охотой останавливаются всегда на вопросѣ о томъ, насколько искренни католики въ своихъ симпатіяхъ къ народу. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ отвѣтъ дается отрицательный: католики не искренни, ихъ соціальныя стремленія—одна уловка, въ душѣ они прежніе ультрамонтаны и клерикалы, мечтающіе о торжествѣ церкви надъ государствомъ и вполнѣ индифферентные къ народнымъ бѣдствіямъ. Вопросъ объ искренности мы не считаемъ особенно важнымъ для опредѣленія общественной роли соціальныхъ католиковъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ подымается и даже очень часто, то мы не видимъ надобности скрывать нашего мнѣнія по этому поводу, хотя оно и расходится радикально съ общепринятымъ взглядомъ антиклерикальныхъ писателей. Мы думаемъ, напротивъ, что графъ де-Менъ и его друзья вполнѣ искренни, изображая тяжелое положеніе французскаго рабочаго и требуя законодательнаго вмѣшательства для устраненія указываемыхъ ими злоупотребленій; мы думаемъ, что руководитъ ими дѣйствительно симпатія къ страдающимъ «меньшимъ братьямъ», а не искусно скрытый расчетъ дать церкви преобладаніе надъ свѣтской властью, завоевать симпатіи большинства населенія. Перемѣна во взглядахъ соці-

альныхъ католиковъ, совершившаяся съ теченіемъ времени и дѣлающая ихъ исходный пунктъ въ 70-хъ гг. весьма отличнымъ отъ ихъ нынѣшнихъ убѣжденій, перемѣна эта, которую враждебные католикамъ авторы приводятъ въ доказательство ихъ неискренности и ловкой приспособляемости къ различнымъ обстоятельствамъ, для насъ лично является однимъ изъ доказательствъ противуположнаго — ихъ искренности и ихъ способности перемѣнить взгляды, ложность которыхъ обнаружена жизнью. Эволюцію во взглядахъ де-Мена и его послѣдователей мы ставимъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ постепеннаго ознакомленія ихъ съ окружающей экономической дѣйствительностью. Выступивъ на арену общественной дѣятельности съ тѣми убѣжденіями, которыя были почерпнуты большею частью изъ книгъ, и, слѣдовательно, будучи теоретиками гораздо больше, чѣмъ практиками, не имѣя по собственному признанію никакихъ взглядовъ на очень многіе общественные вопросы, наши католики должны были въ своей дальнѣйшей дѣятельности столкнуться съ дѣйствительностью, мало отвѣчавшею ихъ ожиданіямъ, и познакомиться съ бѣдствіями, о которыхъ раньше они не имѣли никакого понятія. Какъ люди честные и добросовѣстные, они не долго говорили съ чужого голоса, но, серьезно принявшись за изученіе соціальныхъ вопросовъ, они составили себѣ скоро свои собственныя мнѣнія, которыя не побоялись затѣмъ высказывать къ ужасу тѣхъ, кто не захотѣлъ вмѣстѣ съ ними покинуть традиціонную и предвзятую точку зрѣнія. Въ рѣчахъ, которыя де-Менъ произносилъ изъ году въ годъ въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ, особенно наглядно проглядываетъ истинная причина совершившейся въ немъ перемѣны. Начавши съ категорическаго отрицанія рабочаго вопроса, какъ вопроса о матеріальныхъ условіяхъ жизни, и видя въ немъ только одну изъ формъ религіознаго и нравственнаго кризиса, въ которомъ находилось французское общество послѣ коммуны, де-Менъ въ послѣдніе годы постепенно смягчаетъ свое первое, вполнѣ апріорное положеніе и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще вводитъ въ свои всегда прочувствованныя и убѣжденныя рѣчи примѣры угнетеннаго матеріальнаго положенія фабричныхъ рабочихъ, покуда, наконецъ, обогатившись серьезнымъ знакомствомъ съ темными сторонами промышленной жизни, онъ не выступаетъ во французской палатѣ горячимъ защитникомъ жертвъ современнаго капиталистическаго режима. Для насъ совершенно ясна эта

эволюція, и мы не видимъ никакой надобности усматривать непремѣнно дурную сторону въ томъ, что заслуживаетъ только одной симпатіи и легко можетъ быть объяснено естественнымъ вліяніемъ постепеннаго ознакомленія съ дѣйствительной жизнью.

То, что мы сказали о графѣ де-Менѣ, можетъ быть распространено и на другихъ представителей одного съ нимъ направленія. Разница темпераментовъ, различная научная подготовка, несходство нѣкоторыхъ условій въ отдѣльныхъ странахъ объясняютъ всѣ различія и оттѣнки въ міровоззрѣніяхъ соціальныхъ католиковъ: и просвѣтительно-экономическій характеръ этого движенія въ Германіи, имѣющаго своимъ родоначальникомъ Кеттелера (а косвенно Лассаля), и феодально-аристократическій оттѣнокъ, который придали австрійскому движенію руководящіе имъ баронъ Фогельзангъ, графъ Куэфштейнъ и князь Лихтенштейнъ, и практически-демократическая дѣятельность швейцарскихъ католиковъ съ Гаспаромъ Декуртэномъ во главѣ, и, наконецъ, симпатіи и поддержка рабочихъ союзовъ со стороны американскихъ и англійскихъ архіепископовъ. Развѣ не ясно отмѣтилъ Гиббонсъ въ своемъ письмѣ въ защиту «рыцарей труда» этотъ жизненный и ультра-реальный характеръ всего движенія? Въ подобныхъ заявленіяхъ мы видимъ уже не одну симпатію къ рабочимъ, но и дальновидный разсчетъ. Это объясняется тѣмъ, что они обращены были къ папѣ; въ собственной своей дѣятельности служители католической церкви руководятся больше всего своими симпатіями, своими въ послѣднее время выработавшимися убѣжденіями, но стоитъ имъ начать объясняться передъ своимъ верховнымъ руководителемъ, какъ измѣняется языкъ, мѣняются выраженія и рѣчи принимаютъ своеобразный характеръ: соображенія альтруистическаго свойства уступаютъ тотчасъ же мѣсто соображеніямъ разсчета. Это явленіе имѣетъ свое объясненіе въ прошломъ: традиціи католической церкви побуждаютъ ее думать прежде всего о своей пользѣ и въ каждомъ шагѣ своемъ стараться достигнуть какой нибудь для себя выгоды. Такимъ образомъ, политику церкви, взятой какъ нѣчто единое и цѣлое съ ея верховнымъ руководителемъ—папой, мы считаемъ возможнымъ противопоставить дѣятельности отдѣльныхъ ея представителей, приводя для объясненія той и другой совершенно различныя, чуть не противуположныя по-

бужденія. Объясненія наши будутъ, отчасти, если угодно, психологическаго, отчасти историческаго характера.

«Въ теченіе всего долгаго промежутка времени, когда папой былъ Пій IX, чтобы не сказать—въ теченіе всего XIX-го столѣтія, поведеніе папы и политика церкви отмѣчены были всегда одною заботой, которая издали можетъ показаться довольно жалкой,—заботой о поддержаніи свѣтскаго могущества папы». Это не наши слова, мы цитируемъ Анатоля Леруа-Болье, наблюдателя столь же тонкаго, сколько и преданнаго католической церкви. Съ утратою свѣтской власти папы не перестали мечтать о могуществѣ, о вліяніи, о власти, хотя теперь эти самыя выраженія получили болѣе духовное, болѣе нравственное содержаніе. «Ограбленное королемъ при содѣйствіи парламентовъ и въ соучастіи съ канцлерами, папство было вынуждено искать народовъ, минуя троны и правительства», замѣчаетъ тотъ же писатель [1]). Но для чего стали искать народовъ папы, какъ не для того, чтобы опереть на нихъ свою духовную власть? Пій IX по свойствамъ своего характера былъ непригоденъ для этой миссіи: въ теченіе всей своей жизни мирволя монархамъ и проклиная непослушные народы, онъ не могъ выказать на старости лѣтъ столько гибкости, чтобы круто перемѣнить свою обычную политику. За-то его преемникъ, въ бытность свою кардиналомъ прославившійся дипломатической ловкостью въ качествѣ папскаго нунція въ Брюсселѣ, какъ нельзя болѣе подходилъ по своимъ способностямъ къ той миссіи, которую возложилъ на него конклавъ кардиналовъ, собравшихся въ Ватиканѣ 20 февраля 1878 г. Взгляните на портретъ Льва XIII: вы увидите передъ собой тщедушнаго, слабаго старика, блѣднаго и низкаго ростомъ; только его проницательные глаза обнаруживаютъ всю силу духа, которую заключаетъ въ себѣ это маленькое тѣло; глаза эти, нѣсколько безпокойные, поражаютъ васъ какою-то странною зоркостью, слѣды которой сохранились и на портретѣ. Они васъ пронизываютъ насквозь и заставляютъ какъ-то безпокойно съежиться и отвернуться въ другую сторону. Вамъ дѣлается непріятно, глядя на это проницательное, холодное и таинственное выраженіе лица, непріятность котораго дополняется крупнымъ и хищнымъ носомъ; но въ то же время вы

[1]) Леруа-Болье op. cit., 15—17; см. также „L'évolution politique et sociale de l'église" par Spuller, XVIII—XIX, XXX, 138.

не можете не подумать, что обладатель такой выразительной наружности долженъ отличаться недюжинной силой и не вполнѣ обыкновеннымъ умомъ. Впечатлѣніе отъ наружности Льва XIII вполнѣ согласуется съ впечатлѣніемъ, которое производитъ вся его дѣятельность: можно отрицать въ ней все, что угодно, кромѣ ума и разсчетливости. Въ противность Пію IX, человѣку сильныхъ страстей, немало повредившему тѣмъ самымъ отношеніямъ, которыя онъ такъ настойчиво поддерживалъ, нынѣшній папа не позволитъ себѣ ни одного необдуманнаго, поспѣшнаго шага, въ которомъ бы ему потомъ пришлось каяться; всѣ его поступки уравновѣшены, напередъ подготовлены и обдуманы. Но эта разница въ тактикѣ и въ характерахъ не измѣняетъ, разумѣется, конечной цѣли. Средства различны, но цѣль одна: торжество католической церкви и ея владычество надъ народами. Да и какая другая задача можетъ явиться на мѣсто этой, когда именно въ ней, въ завоеваніи міра католицизмомъ и въ покореніи народовъ подъ нози святѣйшаго намѣстника Петра, въ ней-то и заключается вся жизненная миссія папства; для нея, для этой цѣли употреблялись прежде всѣ силы дипломатическаго искусства, и для нея же нынче приносится въ жертву требованіямъ времени эта самая многовѣковая, консервативная и антинародная политика.

Завоеваніе міра католицизмомъ—вотъ цѣль; имѣя ее постоянно въ виду, папы и поступаютъ сообразно тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаетъ на нихъ ихъ роль завоевателей. Равнодушіе къ судьбѣ отдѣльныхъ личностей и даже цѣлыхъ массъ въ виду особеннаго вниманія къ поставленной цѣли характеризуетъ всѣхъ великихъ военачальниковъ. Полководецъ во время сраженія не станетъ думать объ интересахъ своихъ солдатъ, когда онъ увѣренъ, что преслѣдуетъ болѣе высокіе интересы; онъ двигаетъ полками, какъ пѣшками на шахматной доскѣ, обрекая отдѣльные отряды на истребленіе и не вникая въ жалкую участь увѣчныхъ и раненыхъ. Другое дѣло офицеры, стоящіе ближе къ солдатамъ и, можетъ быть, менѣе заинтересованные великими замыслами полководца. Добросовѣстное исполненіе всѣхъ начальственныхъ распоряженій не исключаетъ въ нихъ заботы о раненыхъ, сочувствія къ своимъ подчиненнымъ, любви и состраданія къ солдатамъ. Индивидуальныя различія въ характерахъ и симпатіяхъ различныхъ офицеровъ не мѣшаютъ имъ служить одному дѣлу и облекаться

въ одинаковую форму. Въ великомъ воинствѣ католической церкви фактъ этотъ имѣетъ мѣсто, какъ и во всякомъ другомъ, но только здѣсь онъ особенно бросается въ глаза. Не углубляясь въ исторію, которая, думается намъ, можетъ дать много примѣровъ прекраснаго соединенія въ отдѣльныхъ служителяхъ католической церкви—ревностной дѣятельности въ интересахъ католицизма съ преданностью и сочувствіемъ къ своей паствѣ, мы укажемъ только на нѣкоторыхъ изъ французскихъ соціальныхъ католиковъ, затѣмъ на кардинала Маннинга и Гиббонса и наконецъ на Декуртэна: для нихъ народъ съ его нуждами не является просто удобнымъ орудіемъ, которымъ нужно воспользоваться въ эгоистическихъ интересахъ католической церкви, но совокупностью личностей, тщетно борющихся съ неблагопріятными внѣшними условіями и заслуживающими всякаго участія и симпатіи своей жалкой участью пролетаріевъ. Мы не видимъ поэтому особеннаго противорѣчія между обязанностями и миссіей соціальныхъ католиковъ, съ одной стороны, и ихъ демократическими симпатіями, съ другой; не видимъ мы противорѣчія, а скорѣе, напротивъ, внутреннее согласіе и въ томъ фактѣ, что одни и тѣ же поступки и дѣйствія у главы католической церкви и у ея служителей вызываются часто совершенно различными побужденіями.

Если аналогія между католической церковью и войскомъ, папой и полководцемъ, покажется однимъ неумѣстной по свойству сравниваемыхъ предметовъ, другимъ—несвоевременной въ виду новѣйшаго мирнаго характера католической пропаганды, мы принуждены будемъ отклонить отъ себя честь изобрѣтенія этой аналогіи и сошлемся тогда на самого де-Мена, который, вѣроятно, вслѣдствіе своего военнаго прошлаго охотно прибѣгаетъ во многихъ случаяхъ именно къ такому уподобленію. Оружіе бряцаетъ, противники сражаются, кровь въ изобиліи течетъ въ его рѣчахъ; «смѣлая фаланга католиковъ» безжалостно рубитъ и сокрушаетъ враговъ католической церкви, покуда, наконецъ, на грудѣ ихъ тѣлъ не водрузится знамя этихъ новѣйшихъ крестоносцевъ и не раздастся ихъ радостный побѣдный крикъ: «за папу и за церковь»!.. Мы должны признать, однако, что есть въ этомъ сравненіи дѣйствительно одинъ существенный недостатокъ. Правильно выражая различное отношеніе со стороны полководца и офицеровъ къ ихъ орудію въ битвѣ—къ солдатской массѣ, сравненіе это даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ невѣрное

представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ полководца-начальника и подчиненныхъ ему офицеровъ. Здѣсь, въ этомъ отношеніи, аналогія между церковью и войскомъ прекращается, чтобы уступить мѣсто полной противуположности. Въ то время, какъ въ арміи полководецъ лишь въ крайнихъ случаяхъ совѣщается со своими соратниками, въ обыкновенное же время дѣйствуетъ исключительно на свой страхъ и отнюдь не подъ вліяніемъ тѣхъ, въ комъ онъ привыкъ видѣть простыхъ исполнителей,— въ католическомъ станѣ имѣетъ мѣсто явленіе какъ разъ обратное. Политика папы въ значительной степени объясняется и мотивируется дѣятельностью его воинства и въ немъ—болѣе видныхъ личностей; инициатива здѣсь почти никогда не исходитъ свыше, за-то, исходя снизу, она часто впослѣдствіи получаетъ полное одобреніе папы. Явленіе это замѣчено многими наблюдателями, да оно и само бросается въ глаза. «Не можетъ быть ничего ошибочнѣе,—говоритъ Леруа-Болье [1]),—какъ представлять себѣ римскую церковь машиной, всѣ части которой управляются центромъ, единственнымъ двигателемъ... Церковь, самая централизированная изъ всѣхъ, она, быть можетъ, въ то же время больше всѣхъ другихъ оставляетъ широкое поле дѣятельности для частной инициативы... Римъ не есть двигатель, изъ котораго все исходитъ, это не центръ, къ которому все стекается и который координируетъ всѣ движенія. Римъ, вѣрный старинному римскому духу, не дѣлаетъ часто ничего иного, какъ только кодифицируетъ, обращаетъ въ законы и вводитъ въ ученіе, что придумали, что проповѣдовали, о чемъ мечтали его дѣти, что было испробовано или выработано ими во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта». Въ этихъ словахъ, какъ нельзя лучше попадающихъ въ цѣль, кромѣ выраженія вообще очень знаменательной для католической церкви истины, мы видимъ, еще косвенное оправданіе всей нашей работы, нашего особеннаго вниманія къ ученію французскихъ соціальныхъ католиковъ,—къ ученію, которое, сегодня будучи удѣломъ одной группы или одного журнала, завтра можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ самого папы и войти, какъ одинъ изъ символовъ вѣры, въ непререкаемую католическую догму.

Однако сравненіе, вѣрное въ одномъ отношеніи, но невѣрное въ другомъ, оказывается вѣрнымъ въ третьемъ отношеніи.

---

[1]) Леруа-Болье, op. cit., 42—45.

Католическая церковь—это дѣйствительно воинствующая армія: у нея есть цѣль, во имя которой она сражается, у нея есть противники, съ которыми ей приходится бороться. Противниками католической церкви являются не только отдѣльные люди, не только отдѣльныя партіи, но еще извѣстныя убѣжденія, взгляды и идеалы людей, извѣстные ихъ предразсудки, а подчасъ и самое отсутствіе предразсудковъ. Извѣстно, что въ борьбѣ характеръ оружія обусловливается въ значительной степени силой противника. Вотъ откуда, мы думаемъ, можно объяснить различное отношеніе къ соціальнымъ вопросамъ со стороны католической и со стороны протестантской церкви: враги той и другой обладаютъ различною силой и протестантскому духовенству не приходится еще выдвигать тѣхъ тяжеловѣсныхъ и не вполнѣ безопасныхъ артиллерійскихъ орудій, которыя сдѣлались уже неизбѣжными для его католическихъ собратій. Мы упоминали выше о трудахъ «протестантскаго общества для занятія соціальнымъ вопросомъ», вице-президентомъ котораго и его душою является довольно извѣстный экономистъ Жидъ, а членами—почти исключительно протестантскіе пасторы. Чтобы характеризовать отношенія протестантовъ къ рабочему вопросу, надо прибавить, что въ нѣсколькихъ швейцарскихъ университетахъ (въ лозанскомъ, напримѣръ) ежегодно пишется на теологическомъ факультетѣ нѣсколько диссертацій на тему объ отношеніяхъ христіанства къ соціализму, что въ отдѣльныхъ случаяхъ (напр., въ Англіи) протестантское духовенство выражаетъ на дѣлѣ свою солидарность съ рабочимъ людомъ, что въ Германіи существуетъ цѣлая партія соціальныхъ протестантовъ, руководимая Штеккеромъ и, кстати сказать, насквозь проникнутая идеями антисемитизма,—но вотъ и все; тщетно было бы искать въ протестантскомъ мірѣ того широкаго соціальнаго движенія, которое охватило собою въ послѣднее время католическое духовенство стараго и новаго свѣта и проявилось, какъ на періодическихъ съѣздахъ католиковъ, гдѣ ставятся и разрѣшаются вопросы соціальнаго характера, такъ и въ обширной литературѣ, дань которой отдали многіе архіепископы и, наконецъ, самъ Папа своею энцикликою. Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы среди протестантскаго духовенства, хотя въ протестантскихъ странахъ, какъ всѣмъ извѣстно, соціальный вопросъ поставленъ жизнью не менѣе рѣзко.

Чѣмъ объяснить это явленіе? Итальянскій изслѣдователь

Нитти думаетъ объяснить его одними экономическими причинами. Католическое духовенство,—говоритъ онъ, живетъ подаяніями своихъ прихожанъ, ему нужно поэтому изъ чисто матерьяльныхъ соображеній быть въ союзѣ съ народомъ, своимъ главнымъ данникомъ; вотъ почему католики и занялись такъ энергично соціальнымъ вопросомъ нашего времени. Протестантское же духовенство, напротивъ, поддерживаемое и оплачиваемое государствомъ, имѣетъ постоянную тенденцію брать сторону правительства и руководящихъ круговъ противъ народа; ему нѣтъ дѣла до соціальнаго бѣдствія, лишь бы правительство было прочно благосклонно къ нему [1]). Не отрицая всего остроумія подобнаго соображенія, мы думаемъ однако, что оно одно далеко не достаточно для объясненія дѣла. Въ сущности, дѣло не столько въ положеніи самого духовенства, сколько въ той роли, какую религія вообще, играетъ въ государствѣ, и въ тѣхъ чувствахъ, которыя она вызываетъ къ себѣ со стороны большинства населенія. Реформированная церковь, созданная сама религіозной революціей, въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи была гораздо счастливѣе католической. Ей не пришлось переживать моментовъ полнаго освобожденія умовъ отъ всякаго духовнаго авторитета, ей не пришлось встрѣчать противъ себя въ литературѣ систематической организованной войны, ей—это самое важное—посчастливилось не навлекать шутокъ и смѣха, опаснѣйшаго оружія скептицизма, которое, даже не побѣдивъ, такъ компрометтируетъ дѣло, что сами его партизаны открещиваются отъ всякой солидарности съ нимъ, а большинство, средніе люди, толпа погружаются въ удобнѣйшее состояніе индифферентизма. Все это однако въ извѣстное время было удѣломъ католической церкви. Ей пришлось пережить или перетерпѣть деизмъ, скептицизмъ и атеизмъ XVIII вѣка, причемъ, конечно, насмѣшки такого деиста, какъ Вольтеръ, были для нея опаснѣе всѣхъ атеистическихъ системъ Гольбаха и Гельвеція, всѣхъ «словарей» Сильвана Марешаля; ей пришлось видѣть дальше, какъ въ ея храмахъ богинямъ разума воздавались величайшія почести осво-

---

[1]) „Il clero cattolico, vivente sulle contribuzioni volontarie dei fideli, ha un interesso diretto a mantenersi devote le classi lavoratrici specialmento da quando, dopo la revoluzione, le classi borghesi tendono sempre più a staccarci dalla chiesa. I pastori evangelici, che vivono a carico della stato, devono avere, per colpa appunto della loro posizione ufficiale, una simpatia per le classi dirigenti". Nitti, Il socialismo cattolico, 2-e ed., 1891, 83—84, 94.

бодившимся народомъ, а революціонные ораторы предавали анаѳемѣ ея святыхъ [1]); ей пришлось, наконецъ, послѣ непродолжительнаго періода торжества, когда ее чествовали лишь par dépit къ революціи, перейти въ третью стадію—равнодушія, пренебреженія и многихъ законодательныхъ стѣсненій.

У католицизма во Франціи отняли школы, этотъ великій рычагъ всяческой пропаганды; аристократія, поскольку она еще сохранилась, будируетъ теперь противъ религіи и даже повторяетъ старыя шутки Вольтера; буржуазія придерживается ея точно лишь для приличія, а больше всего для примѣра народу, который долженъ же знать, что есть на свѣтѣ узда посильнѣе правительства, составляющагося всеобщимъ голосованіемъ; а народъ, наконецъ, народъ... вотъ что говорятъ о немъ сами поборники католическаго дѣла. «Церковь,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—не имѣетъ больше власти надъ массами; народъ не знаетъ евангелія, точно оно никогда и не переводилось съ греческаго языка на французскій». При такихъ условіяхъ какъ же не подумать католической церкви объ усиленной пропагандѣ, какъ не воспользоваться всякимъ новымъ оружіемъ, способнымъ отвоевать ей въ будущемъ болѣе почетное мѣсто? Пропаганда религіи въ народѣ, союзъ съ рабочими въ ихъ борьбѣ съ представителями капитала—является такимъ новымъ, еще неиспробованнымъ, оружіемъ, взяться за которое уже давно побуждаютъ церковь ея искренніе ревнители (аб. Ламеннэ и др.). И вотъ, наконецъ католическая церковь вступаетъ на этотъ путь, но какъ? не смѣло, съ оглядками, непрерывно толкуя о традиціяхъ, открещиваясь отъ всякой солидарности съ болѣе крайними и притомъ нерѣдко преслѣдуемыми защитниками народныхъ интересовъ. Мы—съ народомъ, заявляютъ ея руководители, но мы не хотимъ знать его друзей... Какъ бы ни былъ несмѣлъ первый шагъ католическаго духовенства на этомъ новомъ пути, онъ громаденъ, плоды его уже теперь начинаютъ отчасти сказываться, а какъ они еще могутъ сказаться въ будущемъ!...

«Кажется,—говоритъ Леруа-Болье, — будто мы присутствуемъ при возвращеніи на арену дѣятельности одного изъ великихъ актеровъ исторіи» (дѣло идетъ о папствѣ). «Въ наши дни,—говоритъ Лавелэ,—католицизмъ болѣе живучъ, болѣе дѣятеленъ, болѣе могуществен, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ».

---

[1]) См. выше: „Культъ Разума и Верховнаго Существа".

Спюллеръ, отмѣчая политическую и соціальную эволюцію католической церкви въ послѣдніе годы, выражаетъ ту мысль, что никогда еще «теократія не имѣла болѣе шансовъ на успѣхъ, какъ въ наше переходное время». Мельхіоръ де-Вогюэ, обозрѣвая пятнадцатилѣтній періодъ руководительства Львомъ XIII католической церкви, отмѣчаетъ тотъ поразительный прогрессъ его вліянія и силы, который создалъ папѣ уваженіе всѣхъ правительствъ и совершенно исключительное мѣсто среди руководителей народовъ[1]). Но что для насъ значатъ всѣ эти свидѣтельства въ виду того, которое даетъ массовое паломничество нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ въ Римъ,—паломничество, прекратившееся лишь послѣ безтактной выходки одного изъ паломниковъ противъ итальянскаго короля и послѣ вызваннаго этимъ поступкомъ формальнаго запрета со стороны французскаго правительства. Каковы бы ни были внѣшнія условія этого паломничества, каково бы ни было тутъ давленіе французскаго духовенства (въ особенности усилія, употреблявшіяся епископомъ Ланженье), фактъ остается фактомъ и неожиданное пробужденіе религіознаго чувства среди извѣстной части французскихъ рабочихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что пріемъ, оказанный рабочимъ въ Римѣ, могъ развѣ только усилить ихъ католическую ревность; «рабочіе были приняты папою въ Ватиканѣ,—пишетъ одинъ итальянскій клерикальный журналъ,—какъ нѣкогда принимались здѣсь только монархи[2])». А парламентская дѣятельность де Мена и его друзей, устная пропаганда среди рабочихъ и развитіе въ литературѣ соціально-католическаго ученія могли лишь распространить то же чувство католической ревности и преданности римскому престолу и въ другихъ группахъ рабочаго населенія. Послѣдніе политическіе успѣхи католиковъ въ Швейцаріи и Бельгіи свидѣтельствуютъ, что католическая пропаганда въ народѣ ведется въ разныхъ странахъ все съ возрастающимъ успѣхомъ.

Мы полагаемъ поэтому, что католики не обманываются и не обманываютъ другихъ, говоря о своихъ побѣдахъ и о постепен-

---

[1]) Леруа-Больё, op. cit., стр. 3; „Revue internationale“, 1890, I, 31; Spuller, op. cit., IX, 318—319, его же—„Lammenais“, XVII; Vogüé, „Spectacles contemporains“, стр. 3 и слѣд.

[2]) Кард. Ланженье выражается даже еще рѣшительнѣе: „Jamais en effet princes ni seigneurs, nobles ni puissants n'ont été comblés d'honneurs plus grands et surtout d'affections plus tendres que ces ouvriers, ces délégues de la vraie democratie française“. Цитируемъ по книгѣ Спюллера, стр. 168.

номъ торжествѣ своего дѣла. Не обманываются ли только они, торжествуя заранѣе свою полную побѣду въ будущемъ? Въ заключеніе своей книги Леонъ Грегуаръ чертитъ схему трехъ стадій развитія, которыя по его мнѣнію, должна неизбѣжно пройти католическая церковь. Вотъ что оказывается: первая стадія—разрывъ съ денежной буржуазіей; вторая—присоединеніе къ церкви рабочаго населенія и затѣмъ вообще всего народа; третья и послѣдняя стадія—полное торжество католицизма послѣ низверженія буржуазнаго строя. Первая стадія дѣйствительно почти пройдена,—мы можемъ о ней узнать кое-что изъ сочиненій либеральныхъ экономистовъ, такихъ, какъ Поль Леруа-Болье; вторая стадія едва начинается,—мы видимъ тому нѣкоторые признаки, увидимъ можетъ быть еще и другіе; но наступитъ ли третья? Въ этомъ позволительно усумниться.

По поводу статей г. В. В. о народничествѣ.

Замѣтка [1]).

Audiatur et altera pars.

Направленіе, именуемое народническимъ, занимало и занимаетъ въ нашей литературѣ такое видное мѣсто, въ разное время оно привлекало къ себѣ столько выдающихся русскихъ умовъ и до сихъ поръ имѣетъ такъ много талантливыхъ и энергичныхъ адептовъ, что всякая попытка охарактеризовать это направленіе, схватить его въ цѣломъ и формулировать основныя посылки— заслуживаетъ самаго глубокаго, самаго пристальнаго вниманія. Неурожай прошлаго года выдвинулъ нужды деревни, какъ первый и наиболѣе насущный вопросъ нашей государственной жизни; общество и литература съ необыкновеннымъ единодушіемъ обратили свои взоры на мужицкія нивы. Экономическое положеніе крестьянъ и условія мелкаго землевладѣнія сдѣлались за послѣднее время постоянною темой, главнымъ нервомъ нашей періодической печати: поѣздки въ деревню съ филантропической цѣлью стали популярными даже въ высшихъ кругахъ русскаго общества. Благодаря всѣмъ этимъ нѣсколько исключительнымъ условіямъ переживаемаго нами момента появленіе статей г. В. В., имѣющихъ цѣлью пересмотрѣть принципіальныя основанія и теоріи народничества, оказывается какъ нельзя болѣе,

---

[1]) Статья эта относится къ 1893 г. Авторъ въ свое время не имѣлъ возможности ее напечатать. *Прим. издат—цы.*

своевременнымъ, ибо не однимъ лишь народникамъ, но и всѣмъ другимъ фракціямъ передовой части нашей интеллигенціи не мѣшаетъ подвергнуть свои программы новому пересмотру въ виду тѣхъ важныхъ послѣдствій, какія можетъ имѣть для всего государства неурожай прошлаго и настоящаго года. Тотъ фактъ, что за формулированіе народничества взялся именно г. В. В., самый видный изъ современныхъ его теоретиковъ, десятки лѣтъ работающій на литературномъ поприщѣ въ означенномъ направленіи и потому снискавшій себѣ немалую извѣстность, придаетъ его статьямъ особую важность, дозволяя разсматривать ихъ, какъ нѣкотораго рода c r e d o всей партіи. Такъ онѣ и были приняты всѣми въ печати, а потому неудивительно, что еще до завершенія всего ряда своихъ статей г-ну В. В. пришлось встрѣтить въ журналахъ возраженія и полемику. Въ библіографической замѣткѣ г-жи Щепотьевой [1]), помѣщенной въ № 5 «Русской Мысли», мы находимъ восторженный отзывъ о первой статьѣ г. В. В., въ слѣдующей книжкѣ того же журнала помѣщено письмо въ редакцію Влад. Соловьева, написанное по тому же самому поводу. «Вѣстникъ Европы» откликнулся обширной полемической статьей г. А. В., и наконецъ въ книгѣ 11-ой «Русской Мысли» ея новый журнальный обозрѣватель высказывается о «попыткахъ обоснованія народничества» въ прямо противоположномъ г-жѣ Щепотьевой духѣ. Такимъ образомъ г. В. В. никакъ не можетъ пожаловаться на невниманіе къ нему со стороны печати: его статьи подверглись самому горячему обсужденію. Однако важность темы и широкая постановка вопроса г-номъ В. В. даютъ матерьялъ еще для очень многихъ дебатовъ, и мы надѣемся, что настоящая замѣтка, служа дополненіемъ къ появившимся уже возраженіямъ, ни въ одномъ пунктѣ не явится ихъ повтореніемъ.

Г-жа Щепотьева дѣлаетъ въ сущности только одинъ упрекъ г-ну В. В., упрекъ, довольно впрочемъ голословный, въ несоотвѣтствіи его нынѣшнихъ взглядовъ съ тѣми, которые были имъ высказаны раньше въ извѣстномъ сочиненіи: «Судьбы капитализма въ Россіи», а затѣмъ послѣ такой оговорки съ полнымъ сочувствіемъ принимаетъ всѣ положенія излагаемой ею статьи. Въ своемъ письмѣ въ редакцію, озаглавленномъ: «Кто прозрѣлъ?»,

---

[1]) Замѣтка эта, какъ и всѣ предъидущіе обзоры, появилась безъ подписи, но авторство г-жи Щепотьевой обнаруживается заявленіемъ редакціи, которое мы находимъ въ концѣ библіогр. отдѣла въ № 10, стр. 481.

г. Вл. Соловьевъ переноситъ вопросъ на чисто личную почву и старается доказать (безъ всякаго однако успѣха) свое первенство въ провозглашеніи нѣкоторыхъ идей, высказанныхъ нынѣ г-номъ В. В. Черезчуръ узкая и личная постановка дѣла въ соединеніи съ заносчивымъ, пренебрежительнымъ къ противнику тономъ—дѣлаютъ «письмо» г. Соловьева образцомъ полемическихъ выходокъ, интересныхъ только для самихъ авторовъ и ничего не дающихъ читателю. Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ статья г. А. В-на: «Теоріи народничества». Авторъ [1]) разбираетъ самыя основныя положенія г. В. В., сравниваетъ ихъ съ программами другихъ партій, обращается къ исторіи нашихъ общественныхъ движеній и наконецъ приходитъ къ довольно рѣшительному осужденію народническихъ принциповъ. Онъ полагаетъ, что то, что есть въ народничествѣ вѣрнаго,—обще всей прогрессивной части русской интеллигенціи, все же его оригинальное, народничеству исключительно принадлежащее—невѣрно. Насколько правъ г. А. В-нъ, мы разбирать здѣсь не станемъ, потому что не станемъ вовсе касаться основныхъ положеній народничества. Задача наша болѣе скромная: мы хотимъ защитить одно изъ современныхъ теченій русской интеллигентной мысли отъ рѣзкихъ и на нашъ взглядъ несправедливыхъ нападокъ г. В. В. Мы говорили уже, что его «Попытки обоснованія народничества» даютъ обширный матерьялъ для многихъ споровъ и это потому, что авторъ обосновываетъ народничество не только положительно, но и отрицательно или даже вѣрнѣе—по преимуществу отрицательно, чрезъ опроверженіе всѣхъ другихъ, соперничающихъ съ народническимъ направленій. Эта критическая сторона трактата г. В. В. оставлена безъ вниманія и г-номъ Соловьевымъ, и г-номъ А. В-нымъ, а между тѣмъ она является существенно важной для окончательныхъ выводовъ. Только опровергнувъ всѣ другія общественно-экономическія міровоззрѣнія, можно сказать, какъ это дѣлаетъ нашъ авторъ, что народничество является «единственнымъ здравымъ направленіемъ, которое правильно понимаетъ нравственныя

[1]) Статьи г. В-на, уже не въ первый разъ выступающаго въ подкрѣпленіе и на защиту г. Пыпина, отличаются и языкомъ, и всѣми особенностями этого послѣдняго. Почему г. Пыпинъ по нѣкоторымъ вопросамъ находитъ удобнымъ передавать слово своему alter ego—рѣшительно непонятно. Впрочемъ г. А. В-нъ имѣетъ и свои особенности. Онъ рѣшительнѣе г. Пыпина высказывается по экономическимъ вопросамъ, выходящимъ повидимому изъ сферы его компетенціи...

*

и экономическія особенности русскаго народа, и въ своемъ будущемъ развитіи, если руководящее общество съумѣетъ оцѣнить его взгляды, можетъ впервые установить единственно вѣрную внутреннюю политику, обезпечивающую истинное народное благо». Кто говоритъ о своихъ взглядахъ такимъ языкомъ, тотъ долженъ вѣскими доводами опровергнуть сначала всѣ нынѣ существующія отклоненія отъ этого единственно вѣрнаго пути. Такую задачу и ставитъ себѣ нашъ теоретикъ народничества: насколько удачно онъ съ нею справляется въ отдѣльныхъ случаяхъ—это мы еще увидимъ ниже, при внимательномъ разсмотрѣніи его критическихъ пріемовъ.

Выступая на защиту одного изъ опровергаемыхъ г-номъ В. В. направленій, пишушій эту замѣтку считаетъ достаточнымъ перебрать по порядку и по достоинству оцѣнить всѣ возраженія, выставленныя г-номъ В. В., не предлагая съ своей стороны никакихъ «обоснованій» защищаемаго ученія. Наше дѣло, какъ мы его понимаемъ, состоитъ только въ томъ, чтобы оспорить предъявленныя обвиненія: если они окажутся неправильными, защищаемое міровоззрѣніе не потерпитъ никакого урона и мы можемъ не выступать изъ рамокъ самозащиты: весь onus probandi лежитъ пока на сторонѣ обвиняющаго. Да кромѣ того мы не считаемъ себя достаточно подготовленными для полнаго обоснованія этого столь несимпатичнаго для г. В. В. и раздѣляемаго нами міровоззрѣнія; подобная задача потребовала бы гораздо болѣе широкихъ рамокъ и по внѣшнимъ условіямъ не вполнѣ удобна для выполненія. Даже и съ настоящимъ опроверженіемъ мы не рѣшились бы выступить противъ такого сильнаго противника, какимъ является г. В. В., еслибы не оказались тщетными наши надежды, что необходимыя возраженія сдѣлаетъ кто-нибудь изъ людей, обладающихъ большими познаніями и большимъ авторитетомъ, чѣмъ вы.

I.

Въ чемъ же состоитъ самое ученіе и какія возраженія выставляетъ противъ него г. В. В.? Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ собственными словами нашего автора, хотя считаемъ нужнымъ заранѣе оговориться, что не можемъ признать его формулировку опровергаемой системы—достаточно безпристрастной и полной.

Читатель не посѣтуетъ на насъ за нѣсколько обширныхъ цитатъ,— онѣ намъ кажутся необходимыми для предотвращенія всякихъ обвиненій въ тенденціозности или неточности изложенія.

«Мы видѣли» говоритъ г. В. В. («Русское Богатство», 3, стран. 69) что сущность содержанія народничества можно формулировать такимъ образомъ: народные интересы, какъ цѣль, *формы отношеній, вырабатываемыя народомъ или свободно имъ усваиваемыя*[1]), какъ средство, самодѣятельность населенія,— какъ рычагъ общественной эволюціи... Въ послѣднее время обнаруживается существованіе теченія, которое мы считаемъ возможнымъ причислить къ народничеству, хотя само оно рѣзко себя отъ него отдѣляетъ, народничество, которое можно назвать западническимъ или подражательнымъ. Это теченіе признаетъ только два члена формулы народничества, но исключенію у него подлежитъ средній членъ, гласящій, что удовлетвореніе потребностей народа должно совершаться *въ формахъ, свободно вырабатываемыхъ коллективной его мыслью, его жизнью.* Этотъ членъ исключается имъ, потому что все содержаніе разсматриваемаго направленія заимствовано цѣликомъ у теоретиковъ западно-европейскаго пролетаріата... Какъ извѣстно, въ основу эволюціи общества разсматриваемая теорія кладетъ экономическія отношенія, а матерьяломъ для ея построеній служили по преимуществу явленія въ сферѣ обрабатывающей промышленности, сначала носившей мелкій, ремесленный характеръ, а впослѣдствіи обратившейся въ капиталистическую организацію фабрикъ и заводовъ. Въ техническомъ отношеніи эта сфера подчинена законамъ наиболѣе разработанныхъ наукъ, физики и химіи, а для ея соціально-экономическаго подчиненія крупной капиталистической организаціи требуется наличность извѣстнаго числа безземельныхъ рабочихъ, свобода дѣловыхъ отношеній личностей, широкое развитіе международныхъ сношеній, каковыя условія для нѣкоторыхъ странъ Западной Европы были осуществлены уже въ прошломъ столѣтіи, а для остальныхъ постепенно реализировались въ теченіе настоящаго вѣка».

Далѣе г. В. В. указываетъ, что, несвязанная съ національными особенностями, въ техническомъ отношеніи опирающаяся на чистую науку, фабричная промышленность повсюду вылилась

---

[1]) Курсивъ здѣсь и ниже принадлежитъ всегда намъ; мы просимъ читателей обращать вездѣ особенное вниманіе на подчеркиваемыя нами отдѣльныя слова и фразы.

въ одинакія соціально-техническія формы. «Сходство между капитализирующимися странами замѣчается и въ другихъ отношеніяхъ. Вездѣ промышленность концентрируется въ крупныхъ центрахъ, пролетаріи сближаются механически, получаютъ общія интеллектуально нравственныя черты, быстрѣе сельскаго населенія пріобрѣтаютъ политическое развитіе, организуются— и въ результатѣ къ числу прежнихъ активно-дѣйствующихъ соціальныхъ элементовъ присоединяется новая сила, которая въ недалекомъ будущемъ сдѣлается преобладающей и возьметъ въ свои руки направленіе дальнѣйшаго развитія общественно-политическихъ формъ.

«Такимъ образомъ и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніяхъ капиталистическія вліянія вообще и возрастаніе значенія пролетаріата въ частности составляютъ наиболѣе характерную черту XIX-го в. и естественнымъ образомъ привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей и публицистовъ. Естественно, если эти вліянія отразились и на философско-историческихъ построеніяхъ созданіемъ схемы эволюціи обществъ. Въ интеллектуальномъ отношеніи разсматриваемая схема, какъ цѣльная философско-историческая теорія, удовлетворяетъ интересамъ городского пролетаріата, т. е. она имѣетъ цѣлью столько же дать объясненіе прошедшему, въ интересахъ чистой науки, сколько удовлетворить потребности пролетарія въ цѣльномъ представленіи объ обществѣ и о его роли въ эволюціи пролетарія...

«При такихъ условіяхъ, когда рабочій какъ бы нашелъ себѣ въ порядкахъ буржуазнаго строя точку опоры, пользуясь которой онъ надѣется повернуть эти порядки въ свою пользу,— *отрицательное отношеніе къ капиталистическому строю*, характерное для соціалистовъ прежняго времени, *смѣнилось органическимъ воззрѣніемъ на него нынѣшнихъ теоретиковъ фабричнаго пролетаріата*, какъ на необходимый и, по окончательнымъ результатамъ, благодѣтельный, моментъ въ эволюціи экономическихъ отношеній, а весь ходъ развитія западно-европейскихъ обществъ уложился въ стройную, хоть и одностороннюю теорію, по которой слѣдующимъ моментомъ эволюціи должно быть достиженіе всеобщаго благополучія [1]).»

Пусть такъ все это и останется. Примемъ оспариваемое

---

[1]) № 3 стр. 69—71.

ученіе только въ приведенной формулировкѣ. Всѣ недосказанности и недомолвки, все упрощеніе по преимуществу жизненной теоріи до степени абстрактно-логическихъ построеній или бездоказательныхъ вѣрованій,—мы возлагаемъ на отвѣтственность г. В. В. Но что же противупоставляетъ онъ этой доктринѣ, занесенной съ Запада къ намъ? Не оспаривая научнаго значенія теоріи для объясненія капиталистическаго строя и соціальной эволюціи въ странахъ съ сильно развитой фабричной промышленностью, г. В. В. полагаетъ, что она совершенно непримѣнима къ сельско-хозяйственной области, къ странамъ главнымъ образомъ земледѣльческимъ. Такое свое мнѣніе онъ обставляетъ очень многочисленными доказательствами, которыя мы сгруппируемъ здѣсь въ слѣдующіе четыре пункта:

1). Большая площадь земли цивилизованнаго міра состоитъ въ мелкомъ, а не въ крупномъ владѣніи, заявляетъ г. В. В. очень кстати предпосылая этому утвержденію слово «вѣроятно» Сверхъ того большая часть площади, находящейся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, обрабатывается по типу мелкаго земледѣлія, какъ то имѣетъ мѣсто хотя бы въ Ирландіи. Такимъ образомъ, говорить о капитализмѣ въ области землевладѣнія повидимому еще преждевременно, а въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ онъ существуетъ, капитализмъ «преслѣдуетъ здѣсь не организаціонныя, а наиглавнѣйшимъ образомъ эксплуатаціонныя цѣли».

2. Въ противность промышленности обрабатывающей, освободившейся отъ вліянія мѣстныхъ условій и опирающейся на болѣе точныя и разработанныя науки,—земледѣліе съ своей стороны «въ огромной степени подчинено условіямъ почвы, климата страны и не допускаетъ такого широкаго раздѣленія труда и приложенія механическихъ двигателей, которое *требовало бы* непремѣннаго *примѣненія крупной организаціи* производства, а насколько такое приложеніе существуетъ, оно относится къ отдѣльнымъ, кратковременнымъ операціямъ и на почвѣ найма или коопераціи доступно и для мелкихъ хозяевъ».

3. «Вслѣдствіе того, что продуктами земледѣльческаго производства являются предметы удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка, почему значительная ихъ часть не нуждается въ рынкѣ и можетъ быть потреблена семьей самого хозяина,—эта отрасль промышленности даетъ мелкому производителю гораздо больше устойчивости и независимости, нежели промышленность обрабатывающая, что, въ связи съ привлекательностью

обстановки занятія (!), *побуждаетъ мелкаго хозяина и открываетъ ему возможность до послѣдней крайности держаться за свой клочекъ земли*, напрягать всѣ свои способности къ тому, чтобы получить отъ земли больше продуктовъ... Принимая во вниманіе, что *количество удобной для культивированія земли въ каждой странѣ ограничено*, почему капиталъ стѣсненъ въ своемъ примѣненіи къ сельско-хозяйственной дѣятельности, что *свободное обращеніе земли стѣснено дѣйствующими законами и обычаями*,—нужно признать, что сельское хозяйство, въ отличіе отъ заводско-фабричной промышленности, находится въ тѣсномъ подчиненіи не только естественнымъ особенностямъ даннаго мѣста, но и обычаямъ страны и характеру ея населенія, и что правительство можетъ оказать огромное вліяніе на распространеніе мелкой или крупной формы». А такъ какъ, думаетъ г. В. В., «голосъ народной массы получаетъ въ глазахъ правительства все большее и большее значеніе, то естественно ожидать, что вмѣстѣ съ этимъ будутъ развиваться и заботы государства о покровительствѣ мелкому землевладѣнію и земледѣлію»...

4. Преимуществъ же централизаціи рабочихъ, объединенія ихъ въ одну организованную группу, какъ это необходимо бываетъ при крупной промышленности, г. В. В. для земледѣлія не видитъ, потому что земледѣльческій пролетарій «мало въ чемъ отличается отъ мелкаго собственника». А уже самая обстановка его работы не допускаетъ широкаго вмѣшательства государства и законодательства для охраненья здоровья или для сокращенія рабочаго дня, «длина котораго опредѣляется въ значительной степени естественными условіями временъ года и чередованія дня и ночи». Здѣсь г. В. В. снова приводитъ въ примѣръ Ирландію, гдѣ сосредоточеніе земли въ рукахъ крупныхъ собственниковъ не мѣшаетъ обработкѣ ея по частямъ, мелкими фермерами, и разсуждаетъ далѣе такимъ образомъ: «Если же въ условіяхъ страны, гдѣ капитализмъ достигъ наибольшаго развитія, нѣтъ такихъ соціальныхъ и техническихъ условій, которыя мѣшали бы возстановленію мелкой собственности и упроченію мелкаго хозяйства, то тѣмъ болѣе, заключаетъ авторъ свое разсужденіе такимъ страннымъ логическимъ salto mortale: «не существуетъ причинъ, зависящихъ отъ общаго хода прогрессивнаго развитія, которыя требовали бы обезземеленія населенія и уничтоженія мелкаго хозяйства въ странахъ, гдѣ

крестьянская собственность и крестьянское хозяйство составляютъ основу соціально-экономической организаціи».

«Такимъ образомъ» формулируетъ г. В. В. свой обвинительный приговоръ: «самый поверхностный анализъ теоріи эволюціи общественно-экономическихъ формъ съ точки зрѣнія западнаго городского пролетаріата приводитъ къ заключенію, что эта теорія можетъ имѣть приложеніе лишь къ обрабатывающей промышленности и потому не должна быть полагаема въ основу объясненія и предсказанія явленій жизни земледѣльческихъ странъ» (тамъ же, стр. 72—75).

II.

Какъ видитъ читатель, г. В. В. обладаетъ цѣлымъ арсеналомъ оружія: если одно какое нибудь окажется непригоднымъ, можно всегда прибѣгнуть къ другому. Мы постараемся однако доказать, что ни одно изъ нихъ въ дѣйствительности непригодно, что все это либо заржавленные, притупленные мечи, ломающіеся при первомъ ударѣ, либо оружіе столь обоюдоострое, что г-ну В. В. было бы лучше за него и не браться. Логическая послѣдовательность требуетъ разставить возраженія автора въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ онъ ихъ приводитъ въ своей статьѣ, что разумѣется не помѣшаетъ намъ разсмотрѣть ихъ всѣ безъ исключенія, не упуская изъ виду ни одного.

Опровергаемое ученіе самъ г. В. В. называетъ народническимъ только съ той оговоркой, что оно признаетъ лишь два крайніе члена народнической формулы; тотъ средній членъ, который оно отвергаетъ, гласитъ по г-ну В. В. такимъ образомъ: «удовлетвореніе потребностей народа должно совершаться въ формахъ, свободно вырабатываемыхъ коллективной *его мыслью*, *его жизнью*». Вотъ значитъ чего не хотятъ понять эти отщепенцы народничества, возбуждающіе въ почтенномъ авторѣ, какъ это мы еще увидимъ ниже, самое неограниченное негодованіе! Но справедливъ ли такой упрекъ, нѣтъ ли тутъ маленькаго недоразумѣнія и не навязываетъ ли г. В. В. своимъ противникамъ совсѣмъ не принадлежащихъ имъ взглядовъ? Развѣ изъ его собственной формулировки ученія не видно, что оно опирается единственно на необходимую эволюцію, нигдѣ и никогда не требуя, чтобы народу были навязаны извнѣ какія то ему не принадлежащія формы? Развѣ вся эта схема постепенныхъ

измѣненій въ процессѣ производства и основанныхъ на немъ соціальныхъ отношеній не построена на реальныхъ, всѣми признанныхъ фактахъ? О томъ, какое направленіе историческій процессъ приметъ дальше и къ какимъ результатамъ онъ приведетъ, можно разумѣется спорить, но нельзя же отнимать у ученія самую главную отличительную его черту,—строго историческій взглядъ, не допускающій увлеченія никакими неожиданными, насильственными переворотами. И г. В. В. самъ это хорошо знаетъ, когда говоритъ объ «органическомъ воззрѣніи на капитализмъ современныхъ теоретиковъ пролетаріата»... Значитъ выставленное обвиненіе противорѣчитъ его же собственной первоначальной формулировкѣ; если оно фигурируетъ тѣмъ не менѣе во главѣ цѣлаго ряда возраженій, то это дѣлается или по какому то странному недосмотру, или въ силу однихъ полемическихъ соображеній...

Разъяснивши недоразумѣніе, мы приходимъ однако къ очень неожиданному выводу, будто между правовѣрными народниками и ихъ «блудными братьями» нѣтъ никакихъ разнорѣчій потому что и средній членъ народнической формулы не противорѣчитъ, какъ оказывается, взглядамъ этихъ послѣднихъ. Но не слѣдуетъ увлекаться этимъ мнимымъ согласіемъ; разнорѣчіе существуетъ, разнорѣчіе очень важное, только г. В. В. не съумѣлъ или не захотѣлъ его точно формулировать. Его средній членъ редижированъ очень туманно: «формы, свободно вырабатываемыя коллективной мыслью народа, его жизнью». Неправовѣрные народники, какъ мы сказали, не желаютъ вовсе навязывать народу ими придуманныхъ новыхъ формъ, вмѣстѣ съ правовѣрными они думаютъ, что всякаго благополучія народъ достигнетъ только въ тѣхъ соціальныхъ условіяхъ, которыя естественнымъ путемъ выростутъ и окрѣпнутъ. А все же мы не поручимся, что у многихъ ихъ нихъ не дрогнетъ рука, подписывая приведенную формулу. Сопоставленіе «мысли» и «жизни» лишаетъ ее полной опредѣленности и вводитъ въ сомнѣнія. Сомнѣнія эти становятся еще сильнѣе при ознакомленіи съ послѣдующими статьями г. В. В. и наконецъ разростаются въ цѣлое разногласіе. Оказывается, что «мысль» затесалась сюда не случайно, что это произошло въ силу историческихъ преданій народничества, что въ этомъ словечкѣ незримо соединяются многія особенности всего направленія; къ нему то пожалуй сводятся всѣ наши разногласія и въ немъ наконецъ мы склонны видѣть ахиллесову

пяту того архаическаго народничества, еще не освободившагося отъ чаръ своего славянофильскаго воспитанія, представителемъ котораго является г. В. В. и съ которымъ мы, нео-народники, мы, «заблудшія овцы» народническаго стада,—не желаемъ связывать себя никакими уступками сентиментальности, никакимъ игнорированіемъ дѣйствительной жизни...

Не будемъ однако забѣгать впередъ и ограничимся пока констатированіемъ того факта, что попытка г. В. В. навязать опровергаемому ученію совершенно антиисторическій взглядъ, выражающійся въ пренебреженіи къ реальнымъ условіямъ и въ желаніи втиснуть народъ въ какія то теоретически придуманныя, заранѣе установленныя формы,—попытка эта, противорѣча формулировкѣ ученія, сдѣланной раньше самимъ же авторомъ, разсѣивается, какъ туманъ, который заволакиваетъ предметы только на разстояніи, но при ближайшемъ разсмотрѣніи не мѣшаетъ намъ видѣть дѣйствительность.

На самомъ же дѣлѣ о томъ именно и идетъ споръ, приводитъ ли или не приводитъ сама жизнь къ осуществленію тѣхъ условій, наличность которыхъ признается необходимой для немедленнаго перехода промышленности въ новую стадію. Объ искусственномъ созданіи подобныхъ условій никто никогда не мечталъ и г. В. В. поэтому въ своей дальнѣйшей критикѣ на такомъ предположеніи даже не останавливается. Однимъ изъ первыхъ условій для созданія капиталистическаго порядка является—по теоріи—существованіе въ странѣ достаточнаго количества безземельныхъ рабочихъ. Поэтому въ тѣхъ странахъ, гдѣ крестьяне надѣлены извѣстнымъ земельнымъ участкомъ, обезземеленье ихъ является первымъ шагомъ прогресса (въ смыслѣ приближенія къ болѣе совершенному конечному порядку черезъ посредство капиталистической стадіи). Г. В. В. говоритъ намъ, что теорія эта достаточно полно и правильно объясняетъ явленія промышленной жизни и только не примѣнима къ сельско-хозяйственной сферѣ, но вѣдь обезземеленье крестьянъ, о которомъ теперь идетъ рѣчь, одинаково необходимо, какъ для развитія заводско-фабричной промышленности, такъ и для капиталистической обработки земли. Слѣдовательно всѣ его возраженія, сгруппированныя въ пунктѣ 3-емъ и сводящіяся въ сущности къ одному утвержденію, что мелкіе хозяева добровольно не разстанутся съ своей землей, относятся одинаково къ обоимъ родамъ промышленности, добывающей и обработывающей. Однако что же мы видимъ въ

дѣйствительности? Фабрика никогда не чувствуетъ недостатка въ безземельныхъ рабочихъ, ради нихъ процессъ обезземеленья совершается, отчего же ему не совершаться и ради крупнаго землевладѣнія? Или г. В. В. думаетъ, что современные пролетаріи покрываютъ собою количественно только прежнихъ ремесленниковъ, отнюдь не вербуя въ свою армію земледѣльцевъ? Но такое предположеніе вполнѣ опровергается многими историко-экономическими изслѣдованіями (Роджерса и друг.), и мы должны сказать напротивъ, что обезземелившіеся крестьяне составляютъ главную массу современныхъ рабочихъ-пролетаріевъ. Значитъ привязанность къ своему хозяйству, пресловутая «власть земли» не такъ ужъ сильна, чтобъ ея не могло преодолѣть никакое внѣшнее давленіе. Вопросъ теперь въ томъ, вездѣ ли есть такое давленіе, есть ли оно у насъ, въ Россіи? Г. В. В. думаетъ, что его нѣтъ. «Не существуетъ причинъ, *зависящихъ отъ общаго хода прогрессивнаго развитія*, которыя требовали бы обезземеленья населенія, уничтоженія мелкаго хозяйства въ странахъ, гдѣ крестьянская собственность и крестьянское хозяйство составляютъ основу соціально-экономической организаціи». Подчеркнутая нами фраза порождаетъ недоумѣніе: вѣдь, очевидно, мы не столкуемся съ г-номъ В. В. на счетъ того, что надо признавать явленіемъ прогрессивнымъ или просто необходимымъ для дальнѣйшей эволюціи. Оговорку эту поневолѣ приходится оставить; не наша вина, если авторъ вводитъ въ свои доказательства понятія, о которыхъ именно и идетъ споръ, и тѣмъ только затемняетъ свои собственныя возраженія. Впрочемъ его мысль—на этотъ разъ безъ всякихъ оговорокъ—яснѣе выражена имъ въ томъ возраженіи, которое мы привели подъ пунктомъ 3-мъ. Данное мѣсто въ статьѣ настолько характерно, что мы рѣшаемся процитировать его во второй разъ. «Вслѣдствіе того» говоритъ здѣсь нашъ авторъ, «что продуктами землевладѣльческаго производства являются предметы удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка, почему значительная ихъ часть не нуждается въ рынкѣ и можетъ быть потреблена семьею самого хозяина,—эта отрасль промышленности даетъ мелкому производителю гораздо больше устойчивости и независимости, нежели промышленность обработывающая, что въ связи съ привлекательностью обстановки занятія побуждаетъ мелкаго хозяина и открываетъ ему возможность до послѣдней крайности держаться за свой клочекъ земли». Мы мо-

жемъ отвѣтить г-ну В. В. указаніемъ на окружающую дѣйствительность. Какими бы «привлекательными» ни казались ему условія земледѣльческаго труда, сами земледѣльцы думаютъ на этотъ счетъ нѣсколько иначе. Десятки тысячъ переселенцевъ, ежегодно покидающихъ свое хозяйство и массовая долгосрочная сдача крестьянами своей земли въ аренду—показываютъ, что не такъ ужъ рѣдка и та крайность, когда человѣкъ добровольно отступается отъ своего «клочка». Здѣсь не мѣсто распространяться о всѣхъ причинахъ, побуждающихъ его къ этому; мы согласны, что не техническія условія производства содѣйствуютъ у насъ сосредоточенію земли въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, согласны, что въ земледѣліи преимущества капиталистической обработки не столь велики, какъ въ обработывающей промышленности, но это не мѣшаетъ намъ видѣть, что нѣсколько иныя причины приводятъ все же къ одному и тому же результату. Серьезно разбирать возраженіе, что препятствіемъ къ переходу въ новую стадію могутъ явиться привычки народа, его обычаи (тотъ же § 3)—мы не находимъ нужнымъ. Подъ вліяніемъ даннаго порядка вещей всегда слагаются освященные имъ и освящающіе его обычаи; въ дѣлѣ прогресса эти народные обычаи всегда являются нѣкоторымъ тормазомъ, вызывая треніе въ машинѣ эволюціи, и тѣмъ не менѣе никогда еще не представляли онѣ собою непреоборимаго препятствія для дальнѣйшихъ шаговъ цивилизаціи («обычай не клѣтка» говоритъ самъ народъ). Развѣ ремесленная, цеховая организація промышленности не вошла въ свое время въ плоть и кровь населенія, и развѣ не уступила она давленію капитала, какъ только возникновеніе крупной промышленности заставило его вступить въ состязаніе съ менѣе совершенной, кустарной формой? Тотъ же поверхностный характеръ имѣетъ и замѣчаніе объ ограниченности земли, удобной для культивированія, отчего будто бы капиталъ стѣсненъ въ своемъ примѣненіи. Ограниченность культивируемой земли можетъ быть очень ощутительна для всей страны, если она выражается въ недостаточности получаемыхъ отъ земли продуктовъ, но она столь же стѣснительна для капитала, какъ и для земледѣлія вообще, въ какой бы формѣ ни существовало это послѣднее. Недостатокъ земли можетъ подорвать общинное владѣніе, онъ неудобенъ и для капиталистической организаціи. Мы не видимъ тутъ никакого возраженія противъ разсматриваемой системы.

Здѣсь слѣдуетъ кстати разсѣять допущенное г-номъ В. В. недоразумѣніе, по которому земледѣльцы тѣмъ будто бы разнятся отъ фабричныхъ рабочихъ, что въ противность послѣднимъ являются потребителями своихъ продуктовъ. Такому экономисту, какъ г. В. В., намъ какъ-то стыдно указывать на безъ сомнѣнія ему хорошо извѣстный фактъ, что земледѣлецъ нашъ отнюдь не употребляетъ хлѣба, имъ самимъ произведеннаго, онъ «дѣлаетъ хлѣбъ» для сбыта, по большей части для внутреннихъ рынковъ, продаетъ его почти весь безъ отстатка и послѣ самъ покупаетъ для своего потребленія [1]). Такимъ образомъ наше мелкое земледѣліе имѣетъ всѣ особенности производства для немедленнаго обмѣна и потому въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличается отъ обрабатывающей промышленности, гдѣ рабочіе въ извѣстной степени являются все же и потребителями.

Не останавливаясь на причинахъ обезземеленья мелкихъ землевладѣльцевъ, мы только подивимся, что г. В. В. въ устояхъ народной жизни разсчитываетъ «найти оплотъ противъ волны западнаго индивидуализма, грозящаго намъ пролетаріатомъ и безчисленными народными волненіями» (VI, стр. 147). Вотъ любопытное признаніе! Ужели правда, что дѣло все только въ достигающей насъ «волнѣ западнаго индивидуализма»? Но если такъ, тогда борьба съ народнымъ бѣдствіемъ не слишкомъ затруднительна и головоломна. Стоитъ только рѣшительными мѣрами затормозить эту проклятую «волну» на западной границѣ, обезпечить Россію отечески отъ всякаго вліянія «гніющаго Запада»—и дѣло въ шляпѣ: наши самобытныя народныя условія создадутъ всему крестьянскому населенію полнѣйшее благополучіе. Возможно ли это однако? Самъ г. В. В. повѣритъ ли въ такое разрѣшеніе вопроса? Надѣемся, что нѣтъ; мы и не навязываемъ ему такой наивной вѣры и хотимъ только показать, какіе выводы возможно сдѣлать изъ приведеннаго соображенія. Мы обвиняемъ автора въ одномъ,— въ томъ, что онъ «украдкою киваетъ на Петра», когда было

---

[1]) Полное научное обоснованіе этого положенія и разъясненіе его точными статист. данными читатель найдетъ въ ст. Голубева: «О причинахъ экон. упадка сельскаго населенія». Вотъ ея заключительный выводъ: «При недостаточномъ даже для продовольствія сборѣ хлѣбовъ съ крестьянскихъ земель, при безотлагательномъ взысканіи окладныхъ платежей и при неимѣніи осенью сторонникъ заработковъ — крестьянское хозяйство вынуждено осенью продавать массу того самаго хлѣба, который весной или зимой оно будетъ снова покупать, но уже по повышенной цѣнѣ». См. «Юридическій Вѣстникъ», 1892 г., октябрь, стр. 245—246.

бы лучше повнимательнѣе заглянуть въ нашъ собственный огородъ и слишкомъ ужъ просто всю вину сваливаетъ съ больной головы да на здоровую.

Если такимъ образомъ не вполнѣ ясно, хочетъ ли г. В. В. вмѣнить государству въ обязанность оберегать нашу промышленность отъ пагубнаго вліянія Запада, то за-то совершенно опредѣленно надѣется онъ на положительную поддержку народныхъ устоевъ со стороны государственной власти. (Видно сами эти устои не представляютъ еще достаточнаго оплота противъ всякихъ враждебныхъ теченій)! На чемъ же основана эта авторская надежда? На томъ, что «голосъ народной массы получаетъ въ глазахъ правительства все большее и большее значеніе». Предоставляя на этотъ счетъ думать каждому, какъ онъ находитъ болѣе правильнымъ, мы съ своей стороны только замѣтимъ, что г. В. В. прибѣгаетъ здѣсь къ точно такому же пріему, за который онъ въ своей первой статьѣ не безъ суровости обрушивается на г. Пругавина. Какъ у послѣдняго—интеллигенція, такъ у его критика—государство выступаютъ на сцену подобно deus ex machina, устраняющему вдругъ всѣ необходимыя затрудненія почтенныхъ авторовъ. Говоримъ «необходимыя затрудненія», потому что г. Пругавинъ вполнѣ откровенно признается въ постепенномъ паденіи народныхъ устоевъ, да и г. В. В. не можетъ не видѣть всѣхъ признаковъ быстро приближающагося полнаго разрушенія общины; ничего другого имъ обоимъ не остается, какъ возложить свои упованія на какую нибудь внѣшнюю, внѣ народа или надъ нимъ стоящую силу, которая должна взяться поддерживать имъ симпатичный порядокъ. Предпріятіе это, надо сказать, довольно рискованное: все дѣло въ томъ, какими средствами примется государство поддерживать или водворять общину. Если оно пойдетъ по только-что начертанному пути огражденія Россіи отъ Запада—результаты могутъ получиться очень печальные и для нашего политическаго, и для нашего умственнаго развитія; если оно начнетъ съ декретированія общины, какъ обязательной и единственной формы землевладѣнія въ Россіи, то не будетъ ли это съ его стороны чрезмѣрнымъ вторженіемъ въ область имущественной правоспособности населенія? Или можетъ быть оно должно ограничиться устраненіемъ антиобщинныхъ теченій въ средѣ самого крестьянства? Но какъ этого достигнуть? Г. В. В., столь щедрый на самыя мелочныя возраженія, че-

резчуръ скупъ на разъясненія своего собственнаго profession de foi. Этимъ онъ насъ лишаетъ возможности сразиться по одному изъ главнѣйшихъ пунктовъ нашего разногласія, а именно выяснить, возможно ли искусственными мѣрами задержать совершающееся нынѣ распаденіе поземельной общины. Вопросъ остается открытымъ, потому что, сами не видя такой возможности, мы не знаемъ также, какія мѣры предлагаетъ нашъ авторъ. Мы думаемъ, однако, что если-бы даже что-либо подобное и было возможно, если бы община паче чаянія и остановилась теперь въ своемъ разложеніи, это было бы только остановкой въ развитіи. Ни примѣръ другихъ странъ, ни эволюціонная точка зрѣнія современной соціологіи не даютъ намъ повѣрить, чтобы цѣлью всего прогресса было лишь сохраненіе формъ, выработанныхъ на раннихъ стадіяхъ человѣческой жизни. Въ этомъ отношеніи мы совершенно сходимся съ буржуазнымъ философомъ Спенсеромъ, провозгласившимъ слѣдующій, истинно научный, а потому и истинно жизненный, истинно практическій принципъ [1]):

«Хотя для возможности сотрудничества и слѣдовательно для облегченія роста общества и необходима организація, однако, разъ установившаяся организація препятствуетъ дальнѣйшему росту, ибо дальнѣйшій ростъ предполагаетъ реорганизацію, которой существующая организація противодѣйствуетъ: сверхъ того существующая организація поглощаетъ часть матеріала, пригоднаго для усиленія роста»...

III.

Мы думаемъ, что безъ всякихъ замалчиваній добросовѣстно подняли перчатку, брошенную г. В. В. одной изъ фракцій народничества. По мѣрѣ возможности мы разобрали и отвѣтили на всѣ предъявленныя имъ обвиненія, исключая впрочемъ его разоблаченій «мнимыхъ» выгодъ капиталистическаго режима, разоблаченій, о которыхъ мы еще поговоримъ ниже. Собственно говоря этотъ пунктъ имѣетъ значеніе лишь для дальнѣйшихъ горизонтовъ, для того соціальнаго порядка, который можетъ имѣть мѣсто въ далекомъ будущемъ; при разрѣшеніи вопроса

---

[1]) Цитируемъ по книгѣ Коллинса: «Философія Герб. Спенсера» русскій пер. Мокіевскаго. стр. 363.

о ближайшихъ судьбахъ землевладѣнія—онъ не играетъ роли: выгоденъ или невыгоденъ капиталистическій строй, но онъ наступитъ, если будутъ на лицо необходимыя условія. И этотъ пунктъ однако мы не имѣемъ права замалчивать, такъ какъ отъ того или иного его пониманія зависитъ большая или меньшая степень увѣренности въ осуществимости извѣстныхъ идеаловъ, а слѣд. въ концѣ концовъ и степень нашего сочувствія ко всей доктринѣ. Характеръ самыхъ идеаловъ не допускаетъ сомнѣній: «достиженіе всеобщаго благополучія»—такъ даже г. В. В. характеризуетъ послѣднюю ступень опровергаемой имъ схемы. Тутъ, значитъ, не можетъ быть разногласій между правовѣрными и неправовѣрными народниками: и тѣ, и другіе одинаково борятся за народное благо, за счастье «всѣхъ», а между тѣмъ посмотрите, какъ щелкаетъ г. В. В. своихъ полуединомышленниковъ, какими эпитетами честитъ онъ своихъ сотоварищей на одномъ полѣ служенія народу, сколько негодованія дышетъ въ его словахъ, обращенныхъ къ людямъ, которые, казалось бы, заслуживали совсѣмъ другого отношенія!

Сочувствіе опровергаемой доктринѣ считается г-номъ В. В. «признакомъ крайняго отсутствія самостоятельной мысли, объяснимымъ развѣ только общимъ интеллектуальнымъ упадкомъ русскаго общества за послѣднее время». И это сочувствіе тѣмъ болѣе печально, что «сами основатели этой теоріи не признаютъ за ней универсальнаго значенія, допускаютъ, что капитал. строй развивается при извѣстной комбинаціи условій и что соотвѣтствующій моментъ въ эволюціи общества... можетъ быть обойденъ. Извѣстно напр., что Марксъ,—одинъ изъ первыхъ, ясно формулировавшій разсматриваемую теорію и формулировавшій ее въ такихъ выраженіяхъ, что его несамостоятельные послѣдователи вывели заключеніе о неизбѣжности разрушенія въ Россіи общиннаго ея поземельнаго строя,—узнавъ о такомъ толкованіи своихъ взглядовъ, счелъ нужнымъ высказаться противъ него въ открытомъ письмѣ къ русскому публицисту»... И далѣе: «Готовность примѣнить разсматриваемую теорію къ Россіи поражаетъ не только скрывающеюся за этимъ явленіемъ лѣностью мысли, но и мелкостью идеальныхъ представленій». Примѣнить ее къ нашей родинѣ — значитъ «примириться съ тѣмъ, что зачатки высокаго экон. строя, еще сохранившагося въ странѣ, погибнутъ безслѣдно», что вмѣстѣ съ тѣмъ «исчезнутъ и тѣ задатки высокаго альтруистическаго настроенія, которые

естественно развиваются подъ вліяніемъ условій» общинной жизни, «погибнетъ слѣдов. психологически подготовленная почва для проявленія болѣе широкой солидарности»; это значитъ примириться съ тѣмъ, что разовьется строй «сухо-эгоистическій, а, имѣя въ виду некультурность страны, и грубый буржуазный строй съ его безпринципностью и безграничнымъ индивидуализмомъ—примириться и призывать эти перемѣны не съ болью въ сердцѣ, а съ торжествомъ и съ игнорированіемъ приэтомъ всѣхъ указаній (г-на В. В.?) на соціологическую нераціональность ожиданій о преобладаніи этого строя въ Россіи, примириться только изъ-за логической стройности системы и недостаточно обоснованныхъ ожиданій какихъ-то благъ внѣ экономической области (?),—значитъ показать, что идеальныя представленія утратили свою власть надъ нашей мыслью, что мы дѣйствительно готовы реабилитировать жизнь, какова бы она ни была, что мы не даромъ отличаемъ себя, какъ восьмидесятниковъ, что наша интеллигенція заражается той же безъидейностью и безъидеальностью, какая такъ характерна для западной буржуазной интеллигенціи послѣдняго двадцатипятилѣтія»...

Итакъ, послѣдователи этой теоріи, неправовѣрные народники, являются въ изображеніи г. В. В. какимъ-то исчадіемъ реакціи, безпринципными восьмидесятками, педантами извѣстной доктрины, людьми безъ идеаловъ!.. Признаться, всѣ эти громы намъ кажутся почти комичными, они напоминаютъ намъ обвиненія другого народника, г. Пругавина, который въ своемъ трудѣ: «Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей» заявляетъ рѣшительно, что эти «такъ наз. историческіе законы экономическаго развитія народовъ» находятъ себѣ «отголосокъ, поддержку и симпатію во всѣхъ многочисленныхъ классахъ (?) русскихъ и иностранныхъ экономистовъ буржуазной школы». Вотъ-то бы удивились на западѣ экономисты, если-бы услыхали когда нибудь о той невообразимой путаницѣ понятій, по которой здѣшніе враги буржуазіи даются ей въ друзья и сподвижники! Совершенно такое же впечатлѣніе производитъ и вся вышеприведенная негодующая тирада г. В. В. Зная, однако, что у иныхъ несвѣдущихъ въ дѣлѣ читателей всякая шумиха словъ можетъ имѣть успѣхъ, мы чувствуемъ себя вынужденными къ печальному занятію опровергать даже и такія, наглядно-неосновательныя инсинуаціи. Прежде всего устранимъ могущее возникнуть хронологическое недоразумѣніе.

Опровергаемая система имѣла своихъ послѣдователей уже въ 70-хъ годахъ и тогда можетъ быть она дебатировалась съ большимъ жаромъ, чѣмъ въ наше время, такъ что эпитетъ «восьмидесятники», приложенный къ ея послѣдователямъ, не выражаетъ ничего иного, какъ только желанія автора кольнуть чѣмъ нибудь своихъ противниковъ, обозвать ихъ однимъ лишнимъ ругательнымъ словомъ. Столь же не къ мѣсту является обвиненіе въ отсутствіи или мелкости идеаловъ, а также въ реабилитаціи дѣйствительности. Что касается идеаловъ, то тутъ по признанію самого г. В. В. никакого умаленія обще-народническихъ идеаловъ не существуетъ, то же надо сказать и касательно реабилитаціи дѣйствительности. Реабилитировать дѣйствительность—не значитъ признавать ея временную, хоть и печальную необходимость («печальную», ибо кто лучше самихъ послѣдователей этого ученія обнаруживалъ язвы капитализма), это значитъ совершенно оправдывать ее, мириться съ нею и не желать ничего лучшаго. Когда же и гдѣ послѣдователи опровергаемой доктрины повинны были въ подобной реабилитаціи? Пусть обратится г. В. В. къ тому самому Западу, откуда къ намъ и занесена доктрина. Въ Германіи напр., сидятъ ли ея послѣдователи сложа руки, или можетъ быть за первую голову борятся во имя лучшаго будущаго? Ихъ русскимъ сотоварищамъ нѣтъ никакой спеціальной причины предаваться бездѣйствію.

Слѣдующій упрекъ состоитъ въ томъ, что примѣненіемъ общей схемы хотятъ разрушить въ русскомъ крестьянинѣ его «альтруистическое настроеніе», погубить почву «для проявленія болѣе широкой солидарности» и такимъ образомъ взрастить «сухо-эгоистическій» строй. Мы думаемъ, однако, что солидарности даже при капиталистическомъ порядкѣ будетъ не меньше, а напротивъ больше, можетъ быть отчасти именно потому, что будетъ больше эгоизма. Эгоизмъ, эгоизмъ!.. мы не относимся къ этому слову съ такимъ презрѣніемъ, какъ г. В. В. Въ общественномъ смыслѣ онъ на нашъ взглядъ и лучше, и полезнѣе, чѣмъ та форма жалкаго альтруизма, которая заставляетъ всячески затирать и замазывать существующія нынѣ прорѣхи. Кто знаетъ, если-бы нашъ крестьянинъ былъ немного болѣе эгоистиченъ, если-бы онъ не довольствовался самымъ скуднымъ удовлетвореніемъ своихъ потребностей и не старался бы разодрать одну рубаху такъ, чтобы ее хватило на нѣсколькихъ, — быть можетъ тогда ему не пришлось бы переносить

всѣхъ крайнихъ послѣдствій малоземелья и неурожайныхъ годовъ, быть можетъ онъ былъ бы отъ этого счастливѣе, богаче и образованнѣе!.. Но г. В. В. увѣряетъ насъ, что при капитал. строѣ въ нашемъ крестьянствѣ исчезнетъ чувство солидарности, что вообще ничего, кромѣ зла, этотъ строй принести намъ не можетъ. Не споримъ: у капитализма есть много темныхъ сторонъ, онъ имѣетъ своихъ побѣдителей и своихъ побѣжденныхъ, своихъ палачей и своихъ жертвъ, но развѣ это—особенность одной лишь крупно-промышленной формы и никакой другой? Мы не согласны съ авторомъ и по болѣе частному вопросу, будто при землевладѣльческомъ капитализмѣ немыслимо вмѣшательство законодательства для регулированія рабочаго дня. Если при обработкѣ земли длина его обусловливается «естественными условіями чередованія дня и ночи», то вѣдь и фабриканты ссылались не разъ на «естественное условіе» непрерывнаго движенія машинъ, а все же государство принудило ихъ установить перерывы и смѣны. То же самое возможно и въ сельскомъ хозяйствѣ. Слишкомъ смѣлымъ кажется намъ далѣе утвержденіе, что въ земледѣліи капитализмъ преслѣдуетъ однѣ лишь «эксплуатаціонныя цѣли», отнюдь не «организаціонныя». Организація, объединеніе — получаются здѣсь сами собой. И теперь ужъ на большихъ экономіяхъ рабочіе представляютъ собою плотную группу, значительно различающуюся отъ разнообразной, пестрой толпы обитателей одной деревни. Одинаковость, вѣрнѣе, тождество условій, гораздо болѣе, нежели работа вмѣстѣ на одного предпринимателя будутъ содѣйствовать такому объединенію. При этомъ порядкѣ мы видимъ много причинъ для проявленія классовой солидарности, для возникновенія чувствъ общности и единенія...

До сихъ поръ мы разсуждали нѣсколько абстрактно о томъ, что ничто не мѣшаетъ возникновенію въ Россіи капит. строя, что возраженія г. В. В. не убѣждаютъ ни въ невозможности этого возникновенія, ни въ нежелательности его; сейчасъ мы приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ того, что наши отвлеченныя умозрѣнія находятъ себѣ откликъ въ дѣйствительной жизни. А до тѣхъ поръ сдѣлаемъ маленькую оговорку по поводу замѣчанія г. В. В., будто только лѣность мысли и несамостоятельность русскихъ послѣдователей нѣмецкой доктрины заставляютъ ихъ примѣнять къ Россіи ту самую схему, которая была выведена для объясненія явленій промышленной жизни Запада.

Намъ говорятъ, что даже Марксъ, «одинъ изъ первыхъ ясно формулировавшихъ теорію», протестовалъ противъ такого ея примѣненія. Приведемъ подлинныя слова Маркса, на которыхъ основано утвержденіе г. В. В. Вотъ это мѣсто изъ его письма къ Н. Михайловскому (см. «Юрид. Вѣстникъ», 1888, октябрь, стр. 271): «Чтобы имѣть возможность судить съ знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по-русски и затѣмъ, втеченіе долгихъ лѣтъ, изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ предмету. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 года, то она лишится прекраснаго случая, который когда-либо представлялъ народу исторія, чтобъ избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя». Оказывается, что Маркса г. В. В. потревожилъ напрасно: онъ не свидѣтельствуетъ въ его пользу. Въ полномъ согласіи со всѣмъ своимъ ученіемъ Марксъ говоритъ только то, что для возникновенія капитализма нужны извѣстныя условія. Не будетъ ихъ,—капитализмъ не разовьется, но въ современной Россіи, по замѣчанію нѣмецкаго ученаго, условія эти постепенно осуществляются и потому ей значитъ не избѣгнуть судьбы всѣхъ прочихъ странъ Европы. А съ того времени, какъ Марксъ писалъ это письмо (конецъ 70-хъ годовъ), справедливость его словъ о постепенномъ осуществленіи у насъ всѣхъ необходимыхъ для капитализма условій подтвердилась, какъ нельзя лучше, дальнѣйшимъ ходомъ нашей экономической исторіи.

Приведемъ здѣсь два на удачу взятыхъ свидѣтельства о томъ, что въ условіяхъ нашего мелкаго землевладѣнія совершается именно та эволюція, которую теорія признаетъ необходимой для возникновенія крупной формы въ организаціи промышленности. Въ Вологодскомъ сборникѣ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая мы находимъ замѣтку г. В. В. Водовозова подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Наступившія и ожидаемыя послѣдствія неурожая въ Самарской губерніи». На основаніи не опубликованнаго еще статистическаго матеріала, собраннаго для «Сельско-хозяйственнаго обзора Самарской губ. за 1891 г.» авторъ приходитъ къ заключеніямъ, которыя, по сходству мѣстныхъ условій съ явленіями жизни въ другихъ губерніяхъ, онъ распространяетъ и на всю неурожайную полосу. Вотъ два первыхъ его положенія, долженствующихъ формулировать вкратцѣ всѣ главныя послѣдствія неурожая.

1. Общее пониженіе благосостоянія Россіи. Оно должно отразиться на финансахъ, на торговлѣ, на промышленности. Пониженіе покупательной силы населенія должно парализировать, по крайней мѣрѣ отчасти, тотъ толчекъ къ развитію обрабатывающей промышленности, который дастъ ей образованіе пролетаріата [1])...

2. Переходъ значительной части земли и скота въ неурожайномъ районѣ въ руки богачей и появленіе тамъ же громаднаго класса безземельныхъ крестьянъ, къ тому же находящихся въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ первымъ. Какую роль съиграютъ въ исторіи новые крупные землевладѣльцы и новый пролетаріатъ—покажутъ событія, во всякомъ случаѣ экономическій строй страны долженъ измѣниться: донынѣ фундаментомъ его служили крестьяне земледѣльцы, теперь, въ доброй трети Россіи, имъ будетъ «чумазый ландлордъ».

Но г. В. В. не приметъ, пожалуй, этого свидѣтельства: онъ не захочетъ знать выводовъ, основанныхъ на «ненормальныхъ явленіяхъ неурожайнаго года». Какъ ни неправильна была бы такая претензія (потому что и одинъ годъ можетъ имѣть рѣшающія послѣдствія), мы все же примемъ ее во вниманіе и потому, для большей убѣдительности, воспользуемся изслѣдованіемъ, основаномъ на многолѣтнихъ трудахъ различныхъ статистиковъ и представляющемъ собою сводъ самыхъ точныхъ цифровыхъ данныхъ. Такова именно статья П. Скворцова: «Итоги крестьянскаго хозяйства по земско-статистическимъ изслѣдованіямъ», помѣщенная въ 9-й и 11-й книжкахъ «Юридическ. Вѣстн.» за настоящій годъ. Въ основаніе ея легла подворная опись 120 уѣздовъ, т. е. около $^1/_8$ всего числа крестьянскихъ хозяйствъ въ Россіи. Задача статьи и взглядъ автора характеризуются такими словами: «Такъ какъ русское общество»—говоритъ г. Скворцовъ:—«еще только, такъ сказать, на-дняхъ вышло изъ крѣпостныхъ пеленокъ, притомъ вышло съ остатками общиннаго владѣнія землей, то естественно возникаетъ вопросъ: существующая общинная форма не можетъ ли служить основаніемъ новой, высшей формы производительныхъ отношеній, минуя капитал. фазу?.. Отвѣтъ находимъ въ

---

[1]) По счастью г. В. В. въ своихъ статьяхъ не повторяетъ довольно нелѣпаго, хоть и распространеннаго, упрека въ томъ, будто послѣдователи опровергаемаго имъ ученія хотятъ весь міръ покрыть однѣми фабриками, принося земледѣліе въ жертву обрабатывающей промышленности.

письмѣ К. Маркса, въ которомъ значится слѣдующее: «какое же приложеніе къ Россіи можетъ извлечь мой критикъ? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда, она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ. А послѣ того, приведенная разъ на лоно капит. строя, она подпадаетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная нація». Моя задача—прибавляетъ г. Скворцовъ—сводится къ тому, чтобы на основаніи земско-статистическихъ изслѣдованій показать, насколько совершается преобразованіе русскихъ крестьянъ въ пролетаріевъ».

Приведемъ теперь тѣ главные выводы, къ которымъ привели автора его изысканія, предоставляя интересующимся читателямъ и г-ну В. В. самимъ ознакомиться съ ихъ цифровымъ, фактическимъ обоснованіемъ. Мы можемъ свести эти выводы къ такимъ тремъ положеніямъ:

1. Въ тѣхъ изъ губерній, гдѣ развиты промыслы, размѣръ крестьянской семьи измѣняется въ направленіи, обратномъ къ количеству жизненныхъ средствъ, приносимыхъ землею.

2. Изъ сопоставленій количества скота съ размѣромъ семьи вытекаетъ, что большая семья владѣетъ наибольшимъ количествомъ скота и наоборотъ; сверхъ того количество скота растетъ параллельно и еще въ скорѣйшей пропорціи съ возрастаніемъ величины земельнаго надѣла; значитъ наиболѣе богатыя землею хозяйства располагаютъ наибольшимъ количествомъ скота.

3. Приблизительно четвертая часть нашего крестьянскаго населенія уже теперь совсѣмъ не имѣетъ рабочаго скота «и потому не въ состояніи самостоятельно заниматься земледѣліемъ и слѣд. ни съ какой стороны не можетъ считаться экономически независимой» (№ 11, стр. 441).

Такъ вотъ что говоритъ намъ «жизнь»! Понятно, что она является плохой союзницей для такихъ народниковъ, какъ г. В. В., понятно, что имъ приходится искать другого, болѣе надежнаго обоснованія для своихъ вѣрованій. Какъ нельзя болѣе естественными и даже необходимыми являются поэтому слова г. В. В., заявившаго въ своей первой статьѣ, что именно «въ сознаніи народной массы, въ ея чувствахъ и міросозерцаніи и нужно искать основаній для устраненія условій, препят-

ствующихъ свободному развитію исконныхъ формъ его быта». Вооружившись такимъ разсужденіемъ, можно уже сознательно игнорировать всю дѣйствительность и объявлять все совершающееся вокругъ однимъ лишь крупнымъ недоразумѣніемъ. Чувства народа, его мысль и міросозерцаніе — вещи настолько условныя, растяжимыя и такъ различно понимаемыя, что въ нихъ разумѣется гораздо легче найти опору для какихъ угодно мечтаній, чѣмъ въ области строгой и нелицепріятной дѣйствительности. Что же получается отъ такого образа дѣйствія? То, разумѣется, что и должно получиться: жизнь проходитъ мимо людей, для которыхъ предвзятыя мнѣнія оказались дороже истины, а эти люди пропускаютъ ее мимо себя, не воздѣйствуя на нее въ ожиданіи, что она еще вернется назадъ. Не всѣ, однако, такъ поступили: нашлись иные, которые преклонились предъ совершившимся фактомъ и стали искать, исходя изъ него, новаго вѣрнаго выхода,—ихъ обвинили въ безпринципности, въ измѣнѣ идеаламъ. Г. В. В. жалуется на «разобщеніе», онъ думаетъ, повидимому, своими доводами вернуть раскольниковъ на лоно правовѣрнаго народничества. Не трудно предсказать ему полную неудачу: не такими доводами разубѣждаютъ людей, сознательно пришедшихъ къ извѣстному міровоззрѣнію, и не съ такими инсинуаціями обращаются къ нимъ, когда думаютъ привлечь на свою сторону. Въ такомъ видѣ, какъ они написаны, статьи г. В. В. могутъ только увеличить существующее «разобщеніе», поселяя вражду среди людей, идущихъ къ одной и той же цѣли. А между тѣмъ согласіе тутъ тѣмъ болѣе важно, что разнорѣчіе по нѣкоторымъ теоретическимъ вопросамъ не мѣшаетъ представителямъ обѣихъ партій идти до извѣстныхъ границъ рука объ руку, внося свѣтъ знанія въ деревню и поучая общество его обязанностямъ. Мы, съ своей стороны, при полномъ несогласіи съ нѣкоторыми частями народнической схемы, при совершенно противуположномъ взглядѣ на предстоящую намъ эволюцію общественно-экономическихъ отношеній,—мы не можемъ относиться къ народничеству и къ его лучшимъ представителямъ иначе, какъ съ величайшей симпатіей и уваженіемъ. Уже одно прошлое, одна исторія послѣднихъ десятилѣтій требуютъ отъ насъ такого отношенія. Мы не можемъ забыть, что именно этому направленію при его возникновеніи мы обязаны лучшими сторонами крестьянской реформы, мы не можемъ забыть, что до самаго послѣдняго вре-

мени его многочисленные адепты вѣрно и неуклонно стояли на стражѣ народныхъ интересовъ. Мы первые готовы напомнить, что своей талантливой беллетристикой оно привлекло вниманіе всего общества къ его трудящемуся классу, что своими научными изслѣдованіями оно разъяснило съ большою полнотой характеръ и условія народной жизни, что своей публицистикой неустанно карало всяческое буржуазное прекраснодушіе и самодовольство... Чтобы яснѣй воскресить въ своей памяти все значеніе народничества еще въ недавнемъ прошломъ, достаточно припомнить, что лучшій, наиболѣе вліятельный, наиболѣе прогрессивный русскій журналъ, выходившій до начала 80-хъ годовъ, принадлежалъ именно этому направленію. Но не все теперь такъ, какъ нѣкогда было. Со времени крестьянской реформы прошло уже четверть столѣтія и много сладкихъ иллюзій разсѣяли эти года: кое-что народилось, чего не было прежде, кое-что обнажилось, что раньше было прикрыто, кое-что двигалось и развивалось своимъ путемъ, согласно своимъ законамъ. А наши народники? Если судить по г. В. В., то они, подобно французскимъ эмигрантамъ въ эпоху революціи, не видѣли и не хотѣли видѣть, что дѣлается въ ихъ собственной странѣ, а потому, какъ и тѣ, за все это время они ничему не научились и ничего не позабыли...

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Стр.		Напечатано.	Слѣд. читать.
51	12	сн.	всему	своему
55	2 (прим.)	»	большой	большей
134	7	»	пргоресcій	прогрессій
135	19	св.	превышають	превышають
211	20	»	необхоъ-	необхо-
247	4 (прим.)	сн.	hcrausgegeben	herausgegeben
275	15	»	правильныхъ	плавильныхъ
307	22	св.	извѣстнѣй	извѣстный
319	1 (прим.)	сн.	Arbeitseinstellungne	Arbeitseinstellungen
320	2	св.	н	и
321	20	»	общественой	общественной
328	13	сн.	неудовлетворитель-ностъю	неудовлетворитель-ностью
354	4	св.	нравствевныхъ	нравственныхъ
375	9	»	ограничится	ограничится
425	7	сн.	рабочаго»	рабочаго
457	5	»	по	до
464	16	сн.	говоритъ	говорить
467	порядокъ примѣчаній обратный			
494	5 (прим.)	сн.	ири	при
501	12	св.	представлялъ	представляла

66 С 7 /55

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

изданія

М. И. ВОДОВОЗОВОЙ:

Э. Магаймъ. Профессіональные рабочіе союзы. Ц. 1 р. 25 к.
Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Ц. 1 р. 25 к.
С. Булгаковъ. О рынкахъ. Ц. 1 р. 25 к.
Эшли. Экономическая исторія Англіи. Ц. 2 р. 75 к.
М. Шиппель. Денежное обращеніе. Ц. 50 к.
К. Бюхеръ. Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства. Ц. 50 к.
Его-же. Происхожденіе народнаго хозяйства. Ц. 50 к.
Эд. Мейеръ. Рабство въ древности. Ц. 40 к.
Д. Шлоссъ. Формы заработной платы. Ц. 1 р. 50 к.
С. Франкъ. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Ц. 1 р. 50 к.

Землевладѣніе и сельское хозяйство. 2-е изданіе.
Промышленность. 2-е изданіе.
Освобожденіе крестьянъ на Западѣ.
Народонаселеніе.
Исторія труда.
Очерки изъ экономической и соціальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ.
Законодательная охрана труда.

} Сборники статей изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften по 1 р. 50 к.

Складъ изданій: въ книжномъ магазинѣ т-ва **„Общественная Польза“** (СПБ., Б. Подъяческая, 39).